

Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов

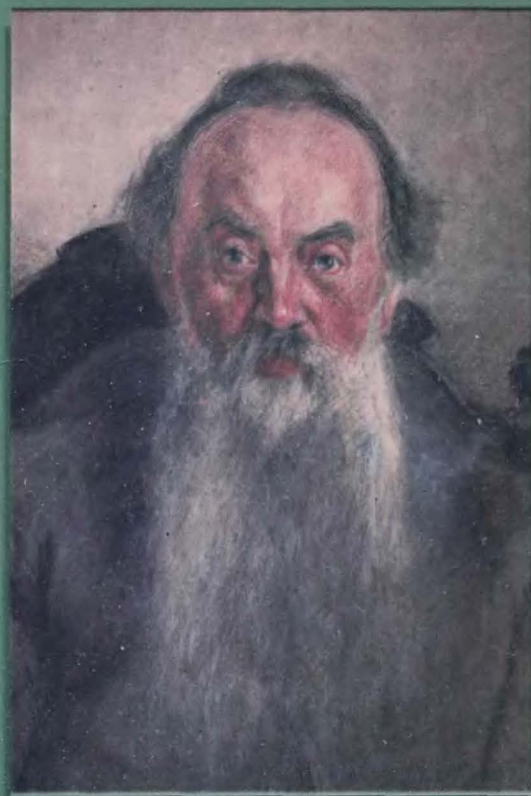
Полное собрание переписки

Том II

Leo Tolstoy & Nikolaj Strakhov

Complete correspondence

Volume II

А. А. Донсков, редактор
A. A. Donskov, Editor

Составители:

Л. Д. Громова, Т. Г. Никифорова

Compiled by L. D. Gromova & T. G. Nikiforova

СДРГ
ГМЛНТ

Tolstoy Series

• 7 •

На переплете:

Н. Н. Страхов (1890-е годы)

Худож. Татьяна Львовна Толстая

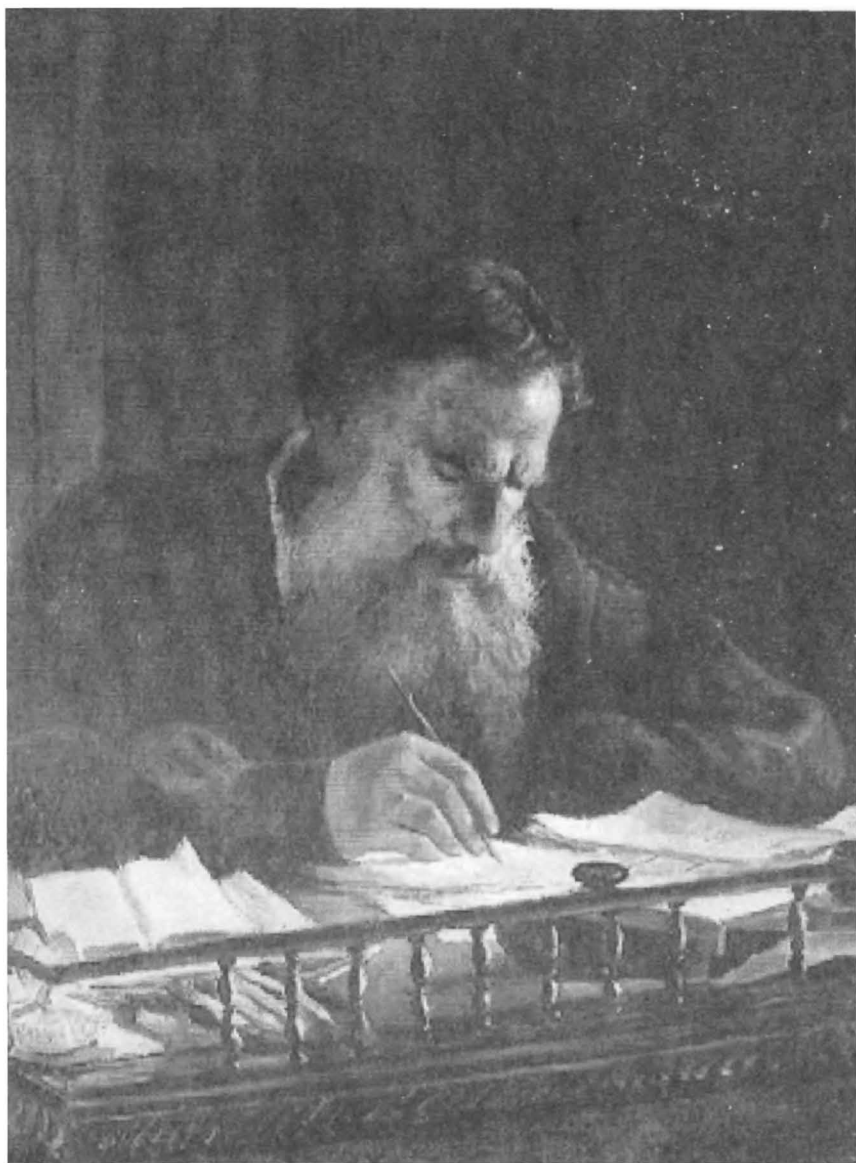
Cover illustration:

N. N. Strakhov (1890s)

portrait by Tat'jana L'vovna Tolstaja

Переплет Пьера Бертрана

Cover design: Pierre Bertrand

Лев Николаевич Толстой (1884)
Художник: Н. Н. Ге

Lev Nikolaevich Tolstoy (1884)
portrait by N. N. Ge

Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов:
Полное собрание переписки
Том II

L. N. Tolstoy & N. N. Strakhov:
Complete correspondence
Volume II

Редактор

А. А. Донсков

A. A. Donskov

Editor

Составители

Л. Д. Громова

Т. Г. Никифорова

Compiled by

L. D. Gromova & T.G. Nikiforova

SRG

Slavic Research Group

at the University of Ottawa

Группа славянских исследований

при Оттавском университете

и / and

Государственный музей Л. Н. Толстого

State L.N. Tolstoy Museum, Moscow

2003

© 2003 Slavic Research Group at the University of Ottawa
State L.N. Tolstoy Museum, Moscow

No part of this book may be reproduced in any form, by
print, photoprint, microfilm, microfiche, or any other means,
without written permission from the publisher.

National Library of Canada
Cataloguing-in-Publication Data

Tolstoy, Leo, 1828–1910

L. N. Tolstoi i N. N. Strakhov : Polnoe sobranie perepiski / redaktor,
A. A. Donskov ; sostaviteli, L. D. Gromova, T. G. Nikiforova = L. N.
Tolstoy & N. N. Strakhov : complete correspondence / A. A. Donskov,
editor ; compiled by L. D. Gromova & T. G. Nikiforova.

(Tolstoy series ; 6–7)

Correspondence in Russian with English introduction. Co-published
by the State L. N. Tolstoy Museum, Moscow. Includes bibliographical
references.

ISBN 0-88927-310-3 (set)

ISBN 0-88927-312-x (V. I) — ISBN 0-88927-314-6 (V. 2)

1. Tolstoy, Leo, 1828–1910—Correspondence. 2. Strakhov, N. (Niko-
lai), 1828–1896—Correspondence. 3. Authors, Russian—20th century—
Correspondence.

I. Strakhov, N. (Nikolai), 1828–1896. II. Donskov, Andrew, 1939–. III.
Gromova, L. D. (Lidija D.), 1925–. IV. Nikiforova, Tat'jana, 1945–. V.
University of Ottawa. Slavic Research Group. VI. Title. VII. Title: L. N.
Tolstoy & N. N. Strakhov. VIII. Series.

PG3379.S87 2003

891.73'3

C2003-903632-4

**Slavic Research Group
University of Ottawa
Ottawa, Canada K1N 6N5**

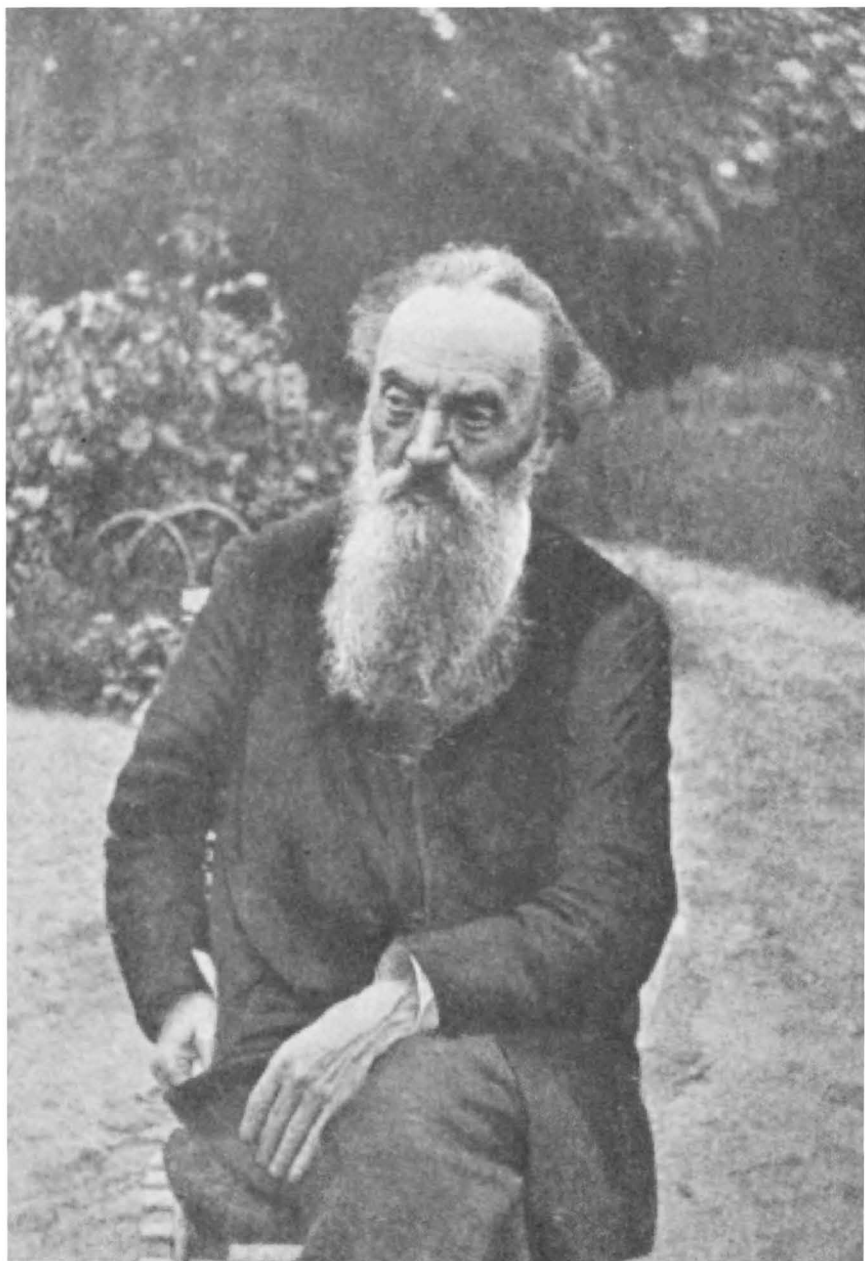
Facsimile: 1 (613) 562-5160

E-mail: slavice@uottawa.ca

Website: www.uottawa.ca/academic/arts/gres

PRINTED IN CANADA

Письма
1879–1896
ГОДОВ

И-18. Н. Н. Страхов, Ясная Поляна (1895)
N. N. Strakhov, Yasnaya Polyana (1895)

212. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

6 января 1879 г. Санкт-Петербург.

Все благополучно, бесценный Лев Николаевич. В Туле я просидел три часа и приехал в Москву уже в четверть десятого, когда петербургский поезд уже давно ушел. На станции меня встретил Фет и с теми быстрыми и точными движениями, которые у него иногда еще являются, провел к карете и увез к себе¹. С час мы говорили, и мне грустно было думать, что я был орудием того огорчения, которое в нем было заметно. Он решился не ехать в Петербург и толковал мне и тогда, и на другой день, что чувствует себя совершенно одиноким со своими мыслями о безобразии всего хода нашей жизни. Я получил от него два стихотворения — *Отшедшей* и *Смерть* для передачи Навроцкому², и с величайшей радостью взялся быть его поверенным. Я попросил его переписать на том же листке *Alter ego*. Когда здесь уж я стал перечитывать эти три пьески меня ужасно поразила и связь их, и та страшная унылость, которая скрыта под этою энергическою, яркою речью. Бедный Фет! Этот случай возбудил во мне такую нежность к нему, которой я, вероятно, никогда не забуду. Один везде, и в своей великолепной Воробьевке!

В этот раз я наконец увиделся с Юрьевым³, который мне очень понравился; но мы не успели порядком поговорить, потому что сидел там Щеглов⁴, интересовавшийся только своими собственными мыслями и непременно желавший сказать нам обо всем свое мнение, да приходили актрисы, Медведева⁵ и Ермолова⁶, готовые играть в *Смерти Мессалины*. Первое представление назначено на 18 января; издержки, хлопоты и шум большие. Актрисы, скромные и ловкие, мне понравились.

Юрьев хочет издавать толстый журнал *Русская мысль* — название нехорошо. Ему обещано разрешение, он за ним ездил в Петербург; но просил меня справиться и попросить, если могу. Просил также сотрудничать. Что-то есть в нем нескладное, и, конечно, легче поверить, что Стасюлевич и Краевский⁷ будут хорошо издавать журналы, чем тому, что сумеет это сделать Юрьев. Но с таким человеком зато приятно иметь дело, т. е. не *дело*, а *сношение*.

В Петербурге все застал в порядке, книги мои стоят на местах, и я опять почувствовал при виде их свое бессилие и даже решил, что больше покупать не буду, буду по крайней мере воздерживаться.

Пока я у Вас гостил, Случевский успел напечатать свою поэму, назвав ее *В снегах*, и успел написать новую⁸, которую уже читал Майкову и хочет непременно читать у меня. *В снегах* напечатана в *Новом времени*, в газете! Очень я удивился, а газета, говорят, выиграла, давши целый свой 2-й лист стихов⁹. Еще одно неприятно: на поэме стоит: *посвящается памяти А. А. Г.*¹⁰ Это значит Аполлона Александровича Григорьева; но, верно, Суворин не дал выставить полного имени. Что за лакейская подлость перед публикою!

Вчера же вечером Стахеев принес мне кипу тетрадей — это его роман, который растет не по дням, а по часам и который по долгу приятеля нужно прочесть.

Но я думаю, я Вам надоел всю эту литературой. Существенное же, что я хотел написать Вам, одно: я хотел благодарить Вас за приглашение и гостеприимство¹¹, благодарить Вас от всей души и сказать Вам, что я питаюсь Вами, как и прежде. Надеюсь, что эти чувства никогда во мне не погаснут, и что в старости они станут только светлее и ровнее. Нынче я опять живо вспомнил, какую опору когда-то вдруг нашли в Вас и теперь постоянно находят все мои лучшие симпатии. В ярких образах, с неотразимой силой выражено Вами то, для чего я напрасно силился бы найти выражение. Не могу без радости подумать, что впереди еще ждет меня много подобных открытий.

Много хочется еще сказать, да это все трудно говорить. Прощайте, бесценный Лев Николаевич. Душевно желаю Вам и всем Вашим всего хорошего.

Ваш неизменный
Н. Страхов

1879. 6 янв. Спб.

¹Фет с женой (Марьей Петровной Шеншиной, сестрой известного врача Сергея Петровича Боткина) проводили зиму в Москве; они останавливались в доме родственников Боткиных у Покровских ворот.

²А. А. Навроцкому, редактору журнала «Русская речь» (см. прим. 2 к Письму 203 Страхова к Толстому от 10–11 октября 1878 г.).

³Юрьев Сергей Андреевич (1821–1888) — переводчик Шекспира, Гете, редактор журнала «Беседа», председатель (1878–1884) Общества любителей российской словесности, в 1880–1885 гг. — редактор журнала «Русская мысль» и председатель Общества русских драматических писателей (1886–1888).

⁴Леонтьев Иван Леонтьевич (псевд.: Иван Щеглов) (1856–1911) — писатель. Приобрел известность как автор военных рассказов (он был до 1883 г. военным), затем как писатель, обратившийся к будничной жизни среднего человека.

⁵Медведева Надежда Михайловна (1832–1899) — актриса Малого театра в Москве с 1849 г., ученица знаменитого Михаила Семеновича Шепкина (1788–1863). Прославилась в комедийных характерных ролях пожилых женщин в пьесах Александра Николаевича Островского (1823–1886) и Александра Сергеевича Грибоедова (1790 или 1795?–1829).

⁶Ермолова Мария Николаевна (1853–1928) — актриса Малого театра с 1871 г., крупнейшая русская трагедийная актриса. В 1876 г. Сергей Андреевич Юрьев перевел для М. Н. Ермоловой пьесу известного испанского драматурга Лопе де Вега Карпью (Lope Felix de Vega Carpio) (1562–1635) «Овечий источник» и убедил актрису поставить ее в свой первый бенефис. Ермолова в роли Лауренсии имела огромный успех. В драме «Смерть Мессалины» Ермолова играла Мессалину в сезон 1879/1880 г.

⁷Краевский Андрей Александрович (1810–1899) — издатель журнала «Отечественные записки» и газеты «Голос».

⁸Поэма «На весу».

⁹Поэма Константина Константиновича Случевского (1837–1904) была напечатана в новогоднем приложении к газете «Новое время» 1 января 1879 г.

¹⁰Аполлон Александрович Григорьев (1822–1864) в свое время дал восторженную оценку стихам К. К. Случевского: «...Тут сразу является поэт, настоящий поэт, не похожий ни на кого поэт..., а коли уж на кого похожий, так на Лермонтова...» — журнал «Сын отечества» (1860, №6).

¹¹Об этих праздниках С. А. Толстая вспоминала: «Старшие дети затеяли играть на праздниках домашний спектакль... Я заказала плотнику сцену с подмостками и поднимающимся вверх занавесом; устроили очень хорошенькую, небольшую сцену в зале... После репетиции ... по предложению Льва Николаевича мы в лунную ночь поехали все на четырех санях ... кататься. Мужчины сами правили; было очень морозно, санки сильно раскатывались, из них смеясь вываливались, опять садились и ехали дальше. Тут был Николай Николаевич Страхов, и сам Лев Николаевич, и дети, и Николенька [Толстой, племянник Толстого] с молодой женой, учителя и все были очень веселы. Накануне Нового года была елка, и Новый год весело встретила вся семья вместе, с Николаем Николаевичем Страховым. К ужину в первый раз позволено было остаться и маленькой Маше, чему очень сочувствовали все дети...» — «Моя жизнь», Ч. III, С. 573–574 (ОР ГМТ).

213. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

18...19 января 1879 г. Ясная Поляна.

После вашего отъезда, дорогой Николай Николаевич, я совсем заболел, и так, что несколько дней лежал. Теперь почти здоров и принялся за работу¹; но всё еще не выхожу и кашляю. Очень рад был узнать, что вы провели день с милым Фетом и доехали благополучно домой и не раскаиваетесь, что были у нас. Я же был очень, очень рад вам.

Две у меня просьбы к вам: 1) Это повесть, переведенная П. Берс². Нельзя ли ее поместить в Семейные вечера? Она не хуже других, а я бы был за то очень благодарен вам и г-же Кашпиревой. 2-я наглая, назойливая просьба, обращать кот[орую] к вам я не имею никакого права; но мне ей-ей, *до зареза* нужно, необходимо. Вот в чем дело: у князя Николая Иван[овича] Горчакова³, моего прадеда, умершего в 1811, было 3 сына: Михаил⁴, Василий⁵ (генер[ал]-майор, женат на Стромиловой. От него дочь Катерина⁶, замужем за Уваровым и Перовским) и Александр⁷. Один из этих Горчаковых за какие-то дурные дела судился и был сослан в Сибирь. Судился он, вероятно, в конце столетия — не ранее 80 года, так как родился около 60-го. И судился, вероятно, в Сенате. Нельзя ли найти о нем дело?

Судился еще бывший военный министр Алексей Иванович⁸ в начале нынешнего столетия, то это да не введет в заблуждение.

Не поможет ли ваш Семенов⁹? Не нужно ли обратиться к Дмитр[ию] Оболенскому¹⁰?

Не может ли быть полезен гр. Илья Андреич Толстой¹¹, он сенатор?

А еще, узнайте, нельзя ли обратиться к кн. Алекс[андру] Мих[айловичу], канцлеру¹²? Он старейший из Горчаковых, и тот, котор[ого] я ищу, ему двоюродный дядя. Если обратиться к Горчакову, то через кого-нибудь или письменно?

Вы, вероятно, заметили за мной способность увлекаться чтением чего-нибудь и воображать себе, что какое-нибудь недостающее мне сведение для меня особенно важно, а потом про это забывать. Ради Бога, не думайте, что и теперь так. Это сведение для меня необычайно важно. Это лицо узел всего. Наследников у этих Горчаковых никого, кроме нас¹³. И мне нужно узнать, что может быть известно. Если ничего, то я свободен. Пути для разыскания этого дела я не знаю, но вы, верно, найдете. Если к кому надо обратиться, если

надо ехать в Петерб[ург], напишите. — Пожалуйста, пожалуйста, сделайте это. Обнимаю вас от всей души.

Ваш Л. Толстой

¹Роман из эпохи декабристов. В феврале 1879 г. Толстой прекратил работу над этим замыслом.

²Петром Андреевичем Берсом, братом С. А. Толстой.

³Горчаков Николай Иванович (1725–1811).

⁴Горчаков Михаил Николаевич (1769–1830) — отставной секунд-майор, впоследствии статский советник; служил в Провиантском департаменте Военного министерства.

⁵Горчаков Василий Николаевич (р. 1771) — должен был быть центральной фигурой задуманной тогда Толстым повести «Труждающиеся и обремененные», один из сохранившихся отрывков которой имеет дату: «1879, 15 ген[варя]».

⁶У В. Н. Горчакова была единственная дочь, Екатерина Васильевна (ум. 1833), бывшая первым браком замужем за Дмитрием Петровичем Уваровым (1774–1820), вторым — за Львом Алексеевичем Перовским (1792–1856), государственным деятелем в царствование Николая I.

⁷Горчаков Александр Николаевич (умер до 1797, молодым).

⁸Горчаков Алексей Иванович (1769–1817) — троюродный брат бабки Толстого Пелагеи Николаевны Горчаковой (1762–1838), назначенный в 1788 г. флигель-адъютантом к Александру Васильевичу Суворову (1730–1800), проделал с ним большинство его походов, участвовал в осаде и штурме Очакова (1788). В августе 1812 г. был назначен военным министром, а в 1815 г. уволен за хищения в армии. Особая комиссия для расследования действий провиантского департамента подтвердила слухи о причастности к хищениям Горчакова. Однако формально суду он не был предан, так как комиссия закончила следствие в мае 1818 г., когда Горчакова уже не было в живых.

⁹Семенов Николай Петрович (1823–1904) — сенатор, деятель крестьянской реформы, близкий знакомый Страхова.

¹⁰Оболенский Дмитрий Александрович (1822–1881) — сенатор, член Государственного Совета, знакомый Л. Н. Толстого.

¹¹Толстой Илья Андреевич (1813–1879) — генерал-лейтенант, сенатор, двоюродный дядя Л. Н. Толстого, родной брат А. А. Толстой.

¹²Горчаков Александр Михайлович (1798–1883) — государственный канцлер и министр иностранных дел, троюродный дядя Л. Н. Толстого. Лицейский товарищ А. С. Пушкина.

¹³Л. Н. Толстой, его старший брат Сергей (1826–1904), младшая сестра Мария (1830–1912) и их дети были в то время единственными потомками Николая Ивановича Горчакова.

214. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

23 января 1879 г. Санкт-Петербург.

Нет, я не замечал за Вами той слабости, о которой Вы говорите, бесценный Лев Николаевич; но за собою я замечал большую леность и забывчивость, и решил, что на этот раз этого не будет. Я приступил прямо к А. Ф. Бычкову; по его указанию справлялся с *Полным собранием законов*, но ничего не нашел, кроме двух указов на имя Ген[ерал]-Маиора кн[язя] Василья Горчакова. Теперь обращаюсь 1) к Сенатскому архиву, где у меня очень хорошая рука, и 2) к П. Н. Петрову¹ — специалисту по части родословных, и вообще невероятному гробокопателю. Если тут я не изловлю Вашего преступника, то, по крайней мере, непременно найду следы и напишу Вам, если понадобится Ваша помощь. Я сначала сбился, приняв Илью Андреевича Толстого, которого я видел, за того, который был женат на сестре отыскиваемого Вами², но потом я сообразил и вспомнил. След в Сенате (если только дело было в Сенате) я найду; след в литературе тоже надеюсь найти, если он есть.

Очень грустно было узнать, что Вы хвораете.

От Фета я получил письмо³ с новым стихотворением *Никогда*, прекрасным, мастерским, и тоже очень грустным. Между тем я до сих пор не успел войти в сношения с *Русскою речью* и по некоторым признакам думаю, что эти дураки будут упираться. Досада берет!

Повесть Берса⁴ я пристрою, и, конечно, без большого труда.

Пишу к Вам второпях, и потому простите за путаницу и скачки.

Дело декабристов — недоступно⁵. Но его видели два человека: историк Богданович⁶, так справедливо Вами не любимый, и какой-то *Дубровин*⁷ (?). А. Ф. Бычков обещал мне обратиться к нему и попробовать что-нибудь вытянуть.

Стасов обещал поискать списка приглашенных на бал в 1816 г., но думает, что это не легко.

Вот и все. То есть, самые усердные пожелания, но пока без всякого проку. Буду стараться, дорогой Лев Николаевич. Берегите себя.

Всей душою Ваш

Н. Страхов

1879. 23 янв. Спб.

¹Петров Петр Николаевич (1827–1891) — автор «Истории родов русского дворянства» и других генеалогических работ.

²Дед Л. Н. Толстого граф Илья Андреевич Толстой (1757–1820) женился в 1791 г. на княжне Пелагее Николаевне Горчаковой (1762–1838), сестре Василия Николаевича Горчакова.

³См.: журнал «Русское обозрение» (1901, вып. 1), С. 86–88.

⁴Переводная повесть П. А. Берса под заглавием «Это я!» была напечатана в журнале «Семейные вечера» (1879, №№ 5–7).

⁵С просьбой помочь получить доступ к следственному делу декабристов Толстой обращался и к А. А. Толстой в письме от 25 января 1879 г. (ПСС, Т. 62, С. 466). 3 февраля А. А. Толстая сообщала Толстому, что она обращалась к шефу жандармов генералу Александру Романовичу Дренгельну (1820–1888), от которого получила ответ: «Допущение графа Л. Н. Толстого в архив 3-го отделения представляется совершенно невозможным» — см.: «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой» (СПб., 1911), С. 311.

⁶Богданович Модест Иванович (1805–1882) — военный историк, генерал-лейтенант, с 1843 г. профессор кафедры военной истории и стратегии Военной академии, с 1863 г. — официальный военный историограф.

⁷Дубровин Николай Федорович (1837–1904) — военный историк, генерал от артиллерии (1893), академик Петербургской Академии наук (1890), с 1896 г. редактор журнала «Русская старина».

215. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

Начало февраля 1879 г. Санкт-Петербург.

Вот, бесценный Лев Николаевич, записка, которую просят Вас подписать и очень меня тормозят (разумеется, Владимир Васильич Стасов), говоря, что все *дело*¹ из-за этого остановилось, так как Вас непременно хотят первым поместить.

Розыски о Вашем Горчакове я деятельно продолжаю, и сейчас же напишу, когда что-нибудь узнаю. Если бы не проклятый зуб, который мучил меня эту неделю, то и теперь бы верно что-нибудь знал бы.

Еще меня очень заняла мысль о подлинном деле Декабристов. Оказывается, что его рассматривали Богданович, покойный Кропотов², и неизвестный мне генерал Дубровин. Если так, то отчего же и Вам нельзя посмотреть? Бычков говорит, что это делается не иначе, как с личного разрешения Государя, и что, кажется, всего удобнее обратиться к Наследнику. Я, впрочем, добьюсь, как сделал Кропотов.

Сейчас получил письмо от Фета³ с превосходными, плачущими стихами, и с очень печальною новостью — умер Мстислав Викторович Прахов. Ах, как это грустно! И я себя жестоко обвиняю, что не повидался с ним в Москве. Последние два года он как будто удалялся от меня, верно, что-нибудь его раздражило. Знать бы — нужно бы было употребить все старания, чтобы помириться. Ах, как не хорошо! Очень больной, как дитя добрый и чистый, то фантастически преувеличивающий предметы, то глубокомысленный и тонкий до высшей степени. Ужасно жалко!

Дай Вам Бог здоровья, бодрости, всего хорошего, всего, что нужно для Вашего великого дела. Не браните меня за медленность — я сам себя очень браню.

Скоро я должен опять к Вам писать. Графине мое усердное почтение.

Ваш всею душою
Н. Страхов

PS. Написали мне, что племянница выходит замуж — так было написано, что совсем выбросило меня из колеи. Теперь все уладилось.

Вы, конечно, знаете статью «Грибоедовская Москва» Свистуновой⁴ (Вестник Европы, 1877)? Говорят, интересно.

Списки приглашенных на придворные балы⁵ — можно достать за какое угодно время — сейчас же примусь.

¹15 декабря 1878 г. Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912) обратился к Толстому с просьбой прислать фотографический портрет с каким-нибудь автографом для задуманного им издания портретной галереи русских и славянских современников. Ответ Толстого, по-видимому отрицательный, неизвестен. 13 января 1879 г. Суворин снова писал: «Так как Вы своего фотографического портрета дать не хотите, то позвольте снять фотографию с портрета Вашего Крамского. Вам известный собственник [Павел Михайлович Третьяков (1832–1898)] этого портрета согласен на снятие его, но в таком лишь случае, если он получит *письменное* Ваше дозволение на эту операцию, так как он дал Вам слово не позволять снимать фотографий» (ОР ГМТ). Текст разрешения, подписанный Толстым, см.: ПСС, Т. 62, С. 472. Издание было осуществлено Сувориным в 1885–1887 гг., портрета Толстого в нем не было. В. В. Стасов горячо поддерживал идею Суворина и помогал ему.

²Кропотов Дмитрий Андреевич (1817–1875) — полковник, биограф графа Михаила Николаевича Муравьева (Виленского) (1796–1866). В 1874 г. издал 1-й том «Жизни графа М. Н. Муравьева»; в этой книге он воспользовался некоторыми данными из следственного дела декабристов.

³См. «Русское обозрение» (1901, вып. 1), С. 89–90. «Плачущие стихи» — стихотворение «А. Л. Бржеской» («Далекий друг, пойми мои рыдания...»).

⁴«Грибоедовская Москва в письмах М. А. Волковой к В. И. Ланской 1812–1818 г.», переведенных с французского языка Магдалиной Петровной Свистуновой (р. 1849), печатались в журнале «Вестник Европы» в 1874–1877 гг. Во время работы над романом «Война и мир» Толстой познакомился с подлинными письмами фрейлины императрицы Марии Федоровны (1759–1828) Марии Аполлоновны Волковой (1766–1859). Эти документы он получил через своего тестя Андрея Евстафьевича Берса от Анастасии Сергеевны Перфильевой, дочери Варвары Ивановны Ланской (урожд. Одоевская) (1794–1845).

⁵Выписку из Камер-фурьерских журналов за 1815 и 1817 гг. о придворных балах и собраниях прислал Толстому Стасов. См.: Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка 1878–1906 (Л-д, 1929), С. 38–39.

216. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

13...14 февраля 1879 г. Ясная Поляна.

Посылаю подписанную бумажку, дорогой Николай Николаич. Я прочел тогда же в Моск[овских] вед[омостях] о смерти Прахова, вспомнил ваше к нему особенно нежное отношение и за вас ахнул.

Благодарю очень за ваши хлопоты и ожидаю многого. Здоровье мое всё нехорошо, но работаю очень много и страстно, хотя ничего не пишу. Обнимаю вас от всей души.

Ваш Л. Толстой

217. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

15 февраля 1879 г. Санкт-Петербург.

Розыски продолжаютя, бесценный Лев Николаевич; но пока совершенно безуспешно, что немало меня огорчает. Справки наведены: 1) в Государственном архиве. Тут есть каталог и можно положительно сказать, что нет ни слова о Вашем преступнике. 2) в Архиве Исторического общества тоже есть каталог и тоже ничего не нашлось. 3) В Сенатском архиве, куда я обратился прежде всего, нет каталога; но начальник, очень много занимавшийся делами, не дал никакого сведения, и в добавок сказал, что дела прошлого столетия в Москве, под ведением Качалова¹; так как сам Качалов здесь, то его просили устроить справку, и он послал в Москву требование разыскать дело.

Все здешние гробокопатели, Штендеман², Петров, Григорович³, Семевский, Барсуков⁴ ничего не могут найти. Штендеман, основательнейший из них, просил какого-нибудь признака — Губернатора, Архиерея, чего-нибудь, наводящего на след. Я сказал, что если бы у Вас было что-нибудь подобное, то Вы наверное указали бы! Но я не мог ему сказать, откуда Вы добыли Ваши сведения; конечно, из семейных рассказов?

Встретившись с гр. Уваровым⁵, главным нашим археологом, я и ему предложил Вашу загадку. Он сказал, что хотя Горчакова действительно была за Уваровым, но что у них нет никаких преданий о Горчаковых и не было больших связей.

Да, я и забыл.

4) В *Синодском* архиве Григорович поищет в том предположении, что, может быть, был какой-нибудь грех — двоеженство, или что-нибудь подобное.

Ужасно досадно, что не могу угодить Вам. Но подождем еще. Всего вероятнее дело в Московском архиве, где однако дел до *миллиона*! Так что, чего доброго, запутаются.

О себе не стану говорить — нечего. Вчера Петербург был напуган чумою, а сегодня объявляют, что это только сифилис. И такие шутки шутит Боткин⁶! Я не могу еще нарадоваться этому посрамлению медицины. И вся эта история, которая тянется уже четыре месяца, — верх человеческой бестолковости.

Не могу выразить, как больно мне слышать, что Вы все хвораете. Откуда такая беда? А я почти вполне здоров, только помучился немножко зубами.

Пока — простите! Выздоровливайте и не поминайте лихом

Вашего всем сердцем
Н. Страхова

1879 г. 15 февр. Спб.

¹Описка Страхова. Калачов (не Качалов) Николай Викторович (1819–1885) — академик, директор Московского архива Министерства юстиции.

²Штендеман Георгий Федорович (ум. 1903) — сотрудник Публичной библиотеки, секретарь Императорского Русского Исторического общества.

³Тригорович Николай Иванович (1835–1889) — историк, начальник архива Святейшего Синода.

⁴Барсуков Николай Платонович (1838–1906) — историк литературы и общественной мысли, археограф, библиограф, издатель.

⁵Уваров Алексей Сергеевич (1828–1884), граф — основатель Императорского Московского археологического общества (см. письмо Л. Н. Толстого к нему в прим. 11 к Письму 173 Толстого к Страхову от 3 января 1878 г.).

⁶В 1878 г. чума появилась на территории России — в станице Ветлянской Астраханской губернии. Временный губернатор Астраханской губернии М. Т. Лорис-Меликов (см. прим. 10 к Письму 163) принял решительные меры, и очаг эпидемии был ликвидирован. В начале 1879 г. Сергей Петрович Боткин (1832–1889), личный врач при Александре II, подметил у многих своих пациентов в Петербурге опухание лимфатических желез всего тела, сопровождавшееся другими признаками, на основании которых он заключил, что чумная зараза уже была занесена в Петербург, хотя и не проявилась еще в ярко выраженной форме. Вскоре после этого Боткин нашел у одного из своих больных несомненные признаки бубонной чумы в смазанной форме. Он представил этот случай «как иллюстрацию своих воззрений на существование не вполне обособившихся и легких форм инфекционных болезней» и высказал мнение, что «от этого случая, даже если бы таковых встретилось и несколько, до эпидемии чумы лежит огромное расстояние» и оговорился, что случай этот, несомненно легкий, и окончится благополучно для больного. Весть о появлении чумы в Петербурге быстро распространилась и произвела чрезвычайную панику. Две комиссии, одна от градоначальника, другая от медицинского совета, освидетельствовали больного и заявили, что у него не чума, а сифилис. Боткин, тем не менее, отстаивал свой диагноз. Больной выздоровел, и быстро успокоившееся общество вооружилось против Боткина. В печати его обвиняли в отсутствии патриотизма, заговоре с англичанами и т. п. Боткин, тяжело переживший все эти нападки, до конца жизни был уверен в правильности своего диагноза.

218. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

28 февраля...1 марта 1879 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич.

Как вы поживаете? Живы ли, здоровы? В трудах ли? Дай Бог. Благодарю за ваши хлопоты. Он был генерал-майор, Василий Николай[евич], и кажется, сослан за фальшивые ассигнации¹. Я ничего не написал. Все пухну замыслами². Но у нас и я [и] все здоровы и благополучны. Дай Бог вам всего лучшего, не забывайте меня.

Ваш Л. Толстой

Очень благодарен за хохлацкую книгу. Как вы угадали, что мне ее нужно было?

¹Сведения о фальшивых ассигнациях Толстой получил из письма своей троюродной сестры Елены Сергеевны Горчаковой от 8 февраля 1879 г. (ОР ГМТ).

²Незавершенная повесть «Труждающиеся и обремененные».

219. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

11 марта 1879 г. Санкт-Петербург.

Наконец получилась бумага из Москвы, и я тороплюсь переслать ее Вам, бесценный Лев Николаевич. Но для безопасности и для легкости посылаю Вам копию, а подлинник оставляю у себя. Я сам не видал Калачова, и не совсем понимаю смысл бумаги; полагаю, что нужно ждать еще сведений, и что Ваш преступник Александр. Очевидно, можно также получить сведения об их годах, женах, детях и пр[очем], и не понимаю, отчего не доставлены эти сведения. Впрочем я стану еще тормошить Калачова через Николая Петровича Семенова, и даже предложу послать к Вам те дела, которых Вы пожелаете. А между тем посмотрите, есть ли для Вас что любопытное.

В Архиве Синода розыски продолжают, и я сообщу туда для соображения эту бумагу.

Очень досаду, что всё еще ничего не нашлось. Стасов получил от Вас благодарность и чуть не прыгал от радости. На улице я видел здесь Вашего гостя князя Урусова¹, и он сказал мне, что, по всему судя, Вы очень работаете. Всей душой желаю Вам хорошей работы и здоровья и всяких хороших обстоятельств. А мне что-то нездоровится и недели три уже я в прескверном нервном настроении.

И здесь, и в Москве очень много возились с Тургеневым². Третьего дня было литературное чтение, и меня порадовало, что публика встретила Достоевского с таким же восторгом, как Тургенева, Салтыкову же хлопали очень мало³.

Юрьеву разрешен его журнал.

Случевский еще написал поэму, но не читал у меня потому, что сын⁴ у него опасно болен.

Вл. Соловьев приехал из Москвы. Немножко оброс и окреп.

Пишу, и боюсь, что Вы станете браниться за эти новости, может быть, и неинтересные для Вас. Так кончу же старою вестью, что очень люблю и уважаю Вас. Я Тургенева и Достоевского, простите меня, не считаю людьми; но Вы — человек, и не поверите, как отрадно такому смутному и колеблющемуся существу, как я, увериться, что он встретил настоящего человека.

Всею душою Ваш
Н. Страхов

1879 г. 11 марта Спб.

ПРИЛОЖЕНИЕ

(От Московского Сенатского архива)

О роде князей Горчаковых в Архиве имеются следующие указания:

1) родословная, в коей писанных 8 полулистов;

2) производство Разрядного архива с родословными кн. Горчаковых:

а) 1773 года по требованию Герольдмейстерской канторы о выправке по Архиву о 33-х княжеских родах, в числе коих и о Горчаковых, на 21 полулисте.

б) 1785 года по челобитной майора князя Николая Ивановича Горчакова о верстании лиц рода его по приложенной родословной (в коей значатся и дети его Александр, Михаил и Василий) поместными и денежными окладами, на 14 полулистах.

в) 1775 года по требованию Герольдмейстерской канторы на 10 полул[истах].

г) 1798 года по требованию Герольдмейстерской канторы на 8 полул[истах].

д) 1803 года по требованию Герольдмейстерской канторы на 11 полул[истах].

3) производство Герольдмейстерской канторы 1751 года об определении кн[язя] Алексея Иванова Горчакова в кадетский корпус на 2 полулист[ах].

А всего на 74 полулист[ах].

О судимости одного из сыновей князя Николая Ивановича Горчакова производится справка по производствам Прав[ительствующего] Сената.

Начальник отделения Инн[окентий] Николев.

14 февраля 1879 года.

По принятым из бывшего Сенатского архива производствам:

1) по 2-му Д[епартамен]ту Сената 1805 года — о духовном завещании майора князя Николая Ивановича Горчакова 1801 года, коим он предоставлял имение свое детям своим Василию и Михаилу; какое духовное завещание он уничтожил, на 11 полулист[ах].

2) по 6 Д[епартамен]ту Сената 1804 года вексельное — на князя Михаила Николаевича Горчакова представлен вексель в 5000 руб. от девицы Катерины Николаевны Плохово — на 13 полулист[ах].

Всего с прежним на 98 полулист[ах].

С подлинным верно.
Н. Страхов

¹Урусов Леонид Дмитриевич (1836–1885) — тульский вице-губернатор. «Урусова можно назвать одним из первых толстовцев, хотя он был мало похож на последующих, опростившихся толстовцев. Он сходил с отцом преимущественно в вопросах веры и философии. Он жил скромно, был добр со всеми и старался в пределах возможного смягчать свои административные функции...» — вспоминал С. Л. Толстой (Очерки былого, С. 67). Об Л. Д. Урусове см.: Т. Н. Архангельская. Тульский знакомый Л. Н. Толстого князь Л. Д. Урусов. — Историко-публицистический альманах «Воскресение», № 3 (Тула, Издательский дом «Ясная Поляна», 1998), С. 109–124.

²Приезд Тургенева в Россию в феврале 1879 г. был встречен передовой интеллигенцией и молодежью с большим энтузиазмом. 15 февраля в Москве был организован в честь него обед, на котором выступали профессора Александр Николаевич Веселовский (1828–1906), К. Н. Бугаев и др. 18 февраля он был избран членом Общества любителей российской словесности.

³9 марта 1879 г. в зале Благородного собрания в Петербурге состоялся вечер в пользу Литературного фонда с участием Достоевского, Тургенева, Полонского, Потехина и Салтыкова. Достоевский читал отрывок из романа «Братья Карамазовы» — «Исповедь горячего сердца».

⁴Константин Константинович Случевский, в будущем морской офицер, погиб в 1904 г. в одном из сражений русско-японской войны. Писал стихи, печатался под псевдонимом «Лейтенант С.».

220. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

20 марта 1879 г. Санкт-Петербург.

«В трудах ли я» Вы спрашиваете. Какое милое слово, не правда ли, оно из Четьи-Минеи¹? И как бы хорошо — спокойно жить где-нибудь и трудиться. Но я подумал, что трудом можно назвать и ту работу, которую делаешь над собою, когда встречаешься с разными людьми и должен делать разные пустяки и кругом непрерывное волнение всяких страстей. В этом смысле мне что-то много приходится трудиться; но я очень стараюсь и над своими статьями *О числе* и *Главная задача истории*. Кажется, все готово, а чего-то еще недостает.

Получили ли Вы письмо мое с бумагою Московского архива? Вы пишете, что он Василий; но почему же? Какие бы ни были у Вас предположения и догадки, не сообщите ли Вы их мне, я бы передал своим библиографам; может быть, по самой маленькой черте удастся найти Вашего героя.

Очень тороплюсь сегодня и хочу только поблагодарить Вас за письмо. Мне вспомнились Самарские степи и послышался Ваш голос, когда Вы издали, бывало, спрашиваете: «Николай Николаич, как поживаете?»

Душою рад, что все у Вас благополучно и пусть так будет долго, долго!

Я видел Любовь Александровну², Александра Михайловича³, Петра Федоровича Самарина.

Всей душою Ваш
Н. Страхов

1879 г. 20 марта Спб.

¹*Четии-Минеи* или *Минеи Четии* — повествования о жизни святых православной церкви, изложенные по порядку месяцев и дней каждого месяца.

²Л. А. Берс, мать С. А. Толстой.

³А. М. Кузминский.

221. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

25 марта 1879 г. Ясная Поляна.

Не написать нынче — дурно, написать два слова — нехорошо, но менее дурно. Я был в Москве¹ за дровами для своей печи. Дров набрал чудных, но измучился и простудился. Работаю много и радостно, но без всякого заметного следа работы вне себя. У нас всё хорошо. Весной не пахнет еще. — Вас[илий] Ник[олаевич] Горчаков был сослан, говорят, за фортепьяно, полное фальшивых ассигнаций, вывезенное им из-за границы. Где может находиться дело об обер-фискале Нестерове², казненном в 1724-м году? В Москве его нет. Если оно в Петерб[урге], можно ли иметь к нему доступ? Дай вам Бог здоровья и спокойствия для работы.

Вы пишете, что трудно жить и работать в городе. Я даже не понимаю этого. Жить в Пет[ербурге] или Москве, это для меня всё равно, что жить в вагоне.

Простите, не сердитесь и верьте, что я вас люблю не меньше вашего.

Ваш Л. Толстой

¹Толстой был в Москве около 20–24 марта. Во время этой поездки он познакомился с материалами по эпохе XVIII века, хранившимися в Московском архиве Министерства юстиции.

²Обер-фискал — глава фискалов, государственных служащих в России в 1711–1729 гг. для надзора за деятельностью (главным образом финансово-вой) государственных учреждений и должностных лиц. Обер-фискалы подчинялись генерал-прокурору. Александр Николаевич Нестеров был назначен Петром I на должность обер-фискала Сената. Обвиненный во взяточничестве, был арестован в 1722 г. и в 1724 г. приговорен к смертной казни через колесование. Нестеров изображен в двух отрывках повести «Труждающиеся и обремененные».

222. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

11 апреля 1879 г. Санкт-Петербург.

11 апр. Спб.

Вчера приходил ко мне в Библиотеку некто Шапиро¹, фотограф, с письмом от Каэтана Андреевича Коссовича. В письме Коссович называет Шапиро *отличным* человеком, и я вспомнил, что и прежде он хвалил его чрезвычайно. Шапиро просил снять с меня портрет для коллекции русских писателей, которую он издает и для которой текст будет писать Вейнберг². Он показал мне четыре или пять портретов — Тургенева, Достоевского и т. д., и я ахнул от восхищения — так это хорошо и в таком большом размере. Я, разумеется, стал убеждать Шапиро, что не стою этой чести, но он настаивал и я назначил ему день и час. Ну, конечно, он очень желает снять Вас. Я объяснил ему, как это трудно, но он объявил, что готов поехать к Вам в Ясную и провести у Вас дни три, с тем, чтобы не только Вас снять, но и графиню, и детей, и целые группы Вашей семьи. Это было бы чудесно; можно бы снять и некоторые виды, и вообще какие-нибудь картины яснополянской жизни. Я обещал ему просить у Вас позволения. Мастер он, как видно, большой, но кроме того, по виду хотя жид (он жид действительно), но очень спокойный, простой и уверенный. Коссович от него в восторге, это, к сожалению, мало значит. Коссовичу около 65 лет, он профессор и удивительный знаток клинообразных надписей; но он — дитя малое по смыслу, хоть и говорил мне недавно, что только к 60 годам поумнел. Расположение видеть везде прекрасных людей довело его уже однажды до большой беды — с него стали взыскивать тысяч 60, в которых он поручился за типографщика *Головина*³, большого мошенника, который после этого превратился для Коссовича в страшного злодея. Насилу выручили старика, и он потом говорил, что радуется этому случаю, что ему пришлось тут узнать много превосходных людей. Однако был очень замучен, да и поплатился деньгами. Я рассказываю Вам все это не для того, чтобы доказать, что Шапиро мошенник, а только чтобы объяснить, какое милое дитя Коссович. Портреты так хороши, что одна мысль увидеть Ваш портрет в таких размерах и с такой изумительной отчетливостью приводит меня в восхищение. Я рассказал Шапиро, что уже существует предприятие, подобное его затее. Он не знал, и уверял, что уже давно готовится, даже объяв-

лял в газетах, так что, значит, хотят с ним соперничать. В таком виде как у него — дело грандиозное, одна из прямых задач и обязанностей фотографии. Мне не случалось видеть заграничных изданий этого рода, но лучше я не могу вообразить. Приехать к Вам Шапиро может только летом, так что время еще терпит; но для утешения всех Вас любящих, и если не для себя, то для своей семьи Вы должны согласиться.

Благодарю Вас за Ваше письмо, бесценный Лев Николаевич; право, и двух Ваших милых строк мне довольно, чтобы очень утешаться. Но вот беда — Вы все не пишете, получена ли и пошла ли впрок Вам *записка из Московского архива*? Я так ей был рад, что поцеловал Николая Петровича Семенова, когда он мне ее отдал. Впрочем, как видно, Ваша работа кипит, и я очень радуюсь.

Сам я все еще колеблюсь и не в духе. Но надеюсь, что летом обе статьи *О числе* и *Главная задача истории* будут готовы. Чтобы писать вторую, нужно только немножко расположения, а для первой чего-то, кажется, еще не достаёт.

Еще Вам новости о себе: Мы здесь основали *Философское общество*. Затеял это милый юноша, князь Дмитрий Николаевич Цертелев, читавший и в эту зиму три лекции в Общ[естве] любит[елей] дух[овного] просвещения. Лекции были очень плохи и после последней из них сошлись: Т. Филиппов, Дм. Цертелев, Киреев⁴ (брат убитого)⁵, Светилин⁶, Каринский⁷ (два профессора Дух[овной] Академии), Вл. Соловьев и я, и основали общество.

Другая новость: меня звали в *женские университетские курсы*, открытые в нынешнем учебном году, читать психологию. Я сказал *Бестужеву*⁸, который меня приглашал, что я *не смею* ему отказать, но постараюсь отказать.

О внутренней нашей политике не стану говорить — очень тяжело, тяжело мне, праздному зрителю жизни, не имеющему в ней никаких интересов. Другим, должно быть, еще тяжелее.

Да хранит Вас и всех Ваших Бог; от души желаю Вам всякой бодрости, всякого успеха.

Ваш всей душою
Н. Страхов

¹Шапиро Константин Александрович (ум. 1900) — еврейский поэт, по профессии фотограф в Санкт-Петербурге.

²Вейнберг Петр Исаевич (1831–1901) — поэт, переводчик, историк литературы.

³Головин Владимир Иванович — владелец Образцовой печатни в Петербурге, на Владимирском проспекте.

⁵Киреев Александр Алексеевич (1833–1910) — генерал-майор, публицист, представитель охранительного крыла в позднем славянофильстве. Брат О. А. Новиковой. В 1872–1877 гг. секретарь Петербургского отделения «Общества любителей духовного просвещения», сотрудничал в газете «Церковные ведомости», журналах «Богословский вестник», «Русское обозрение». Автор брошюры «Краткое изложение славянофильского учения» (СПб., 1896), вел многолетнюю полемику с Вл. Соловьевым. С 1862 г. адъютант Великого князя Константина Николаевича, в 1877 г. причислен к его двору, а с 1892 г. — к двору его вдовы, Великой княгини Александры Иосифовны.

⁶Киреев Николай Алексеевич (1841–1876) — полковник, организатор и участник русских добровольческих отрядов в составе сербской армии.

⁷Светилин Александр Емельянович (ум. 1887) — помощник ректора, профессор логики и психологии Санкт-Петербургской Духовной Академии.

⁸Каринский Михаил Иванович — профессор истории философии Санкт-Петербургской Духовной Академии.

⁹Бестужев-Рюмин К. Н. — основатель Высших женских курсов.

223. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

16...17 апреля 1879 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич,

Радуюсь, что вы на меня не сердитесь, несмотря на мою письменную молчаливость. Пожалуйста, и не сердитесь, а всё по-старому будем друзьями. Пинаро¹, или что-то такое, я не согласен с себя давать снимать портреты. Я и то раскаиваюсь, и очень, что согласился на это Стасюлевичское издание. Другим отказывал, а тут сдуру согласился, предложив себе тот довод, что это принесет мне более 1000 р., от к[оторых] не следует отказываться. И желаю быть наказан, т. е. быть обруган и не получить ни копейки. — У нас прекрасная весна, и я, ничего не делав всю зиму, всё мечтаю, противно прежним годам, хоть что бынибудь сделать летом. Оттого не зову вас к себе на лето. Но надеюсь, что путь ваш лежит мимо нас и вы заедете на недельку — другую.

Вы говорите «кипит работа». Во-первых, и не желал бы, чтоб кипела. Я уже это пережил; желал бы для провождения времени что-нибудь тихо, равномерно записывать. Но всё нейдет. Всё читаю и всё хочу сделать то, что не велит Прутков² — обнять необъятное.

Напишите про ваши планы. Дай вам Бог всего лучшего. О Горчак[ове] я знаю, что он был ген[ерал]-майор Ва[с]илий Ник[олаевич] и попал под суд в нынешний век, 1801 или 2-м. А архивы эти в Петербурге. Благодарю вас за участие и тех милых людей, кот[орые] по вас принимают то же участие.

Жена и дети вам кланяются.

Ваш Л. Толстой

¹Шапиро К. А.

²Козьма Петрович Прутков — псевдоним, под которым сотрудничали А. К. Толстой и братья Алексей, Владимир и Александр Жемчужниковы. Толстой имеет в виду афоризм Пруткова: «Нельзя объять необъятное».

224. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

17 апреля 1879 г. Санкт-Петербург.

Большая мне досада, бесценный Лев Николаевич. Главный знаток дворянских фамилий и исторических дел, Штендеман, уехал за границу, и я до сих пор ничего не мог узнать о Нестерове. А я тут был в хлопотах и запоздал; моя племянница выходила замуж, должно быть, 11-го была свадьба. Я собирался ехать, и не поехал; нужно было посылать подарки и пр[очее].

Нужно бы мне сообщить Вам какие-нибудь новости по внутренней политике, но ужасно трудно знать что-нибудь достоверно, а слухи ходят и сочиняются без конца. Может быть, Вас поинтересует следующее: арестованы два брата Стасовы, Александр¹, холостой, живший с нашим Владимиром, и Дмитрий², женатый, с 6-ю детьми, живший отдельно. Про Дмитрия самым положительным образом рассказывают ужасы, которым его знакомые никак не могут поверить.

Нет, лучше оставлю. Пишу к Вам с очень определенной целью: вот *Отчет*, из которого Вы увидите, что Вам следует 421 р. 87 1/2 коп. Эти деньги я могу получить хоть сейчас и Вам выслать. Но, может быть, Вы захотите купить бумаг, положить в банк и тому подобное. Тогда я сделаю это, и не нужно будет ни пересылать, ни Вам хлопотать. Итак, как прикажете? Простите за такую вольность, но Вам стоит написать два слова и все будет сделано, а мне радость, что получу Ваше письмо.

Всею душою Ваш
Н. Страхов

1879 г. 17 апр. Слб.

¹Стасов Александр Васильевич (1819–1904) — служащий Волжской пароходной компании «Кавказ и Меркурий»

²Стасов Дмитрий Васильевич (1828–1918) — адвокат, защитник на процессах Д. В. Каракозова, «193-х» и др. Братья Стасовы были арестованы в связи с покушением А. К. Соловьева на императора Александра II 2 апреля 1879 г. В письме к своей дочери, С. В. Фортунато, Стасов писал 14 мая 1879 г.: «...А какие были слухи, один другого глупее и нелепее, просто повторять тошно!! Кто слышал, что стрелявший в государя Соловьев ночевал в

Малой Морской [улица в Петербурге, где жил Д. В. Стасов] у кухарки Дмитрия в самый день покушения, кто слышал, что этот Соловьев служил у Дмитрия писцом, и т. д., без конца и малейшего смысла. Кто опять уверял, что найдена заграничная переписка с иностранными агитаторами, и черт знает, что еще!!! Но теперь все это кончилось, и, само собой разумеется, все дурацкие слухи разом прекратились... Что касается пребывания наших молодцов под арестом, то они ни на что решительно не могут пожаловаться. Вся внешняя обстановка была по возможности хорошая, или хоть сносная... Нам позволено было видеть их раза два в неделю, посылать им книги, еду, белье и т. д. Деньги были у них также, и они имели право посылать покупать, что желали. Так как оба болезненны это последнее время..., то нам дозволено свозить к ним и нашего доктора. Одним словом, вся внешняя обстановка была, по возможности, снисходительна и хороша...» — см.: В. В. Стасов. Письма к родным. Т. I, Ч. II (1862–1879). (М-ва, Государственное музыкальное издательство, 1954), С. 348–349. Обвинение против братьев Стасовых не подтвердилось, но, тем не менее, Д. В. Стасов был выслан из Петербурга в Тулу под надзор полиции.

225. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

30 апреля 1879 г. Санкт-Петербург.

Вот, бесценный Лев Николаевич, четыреста шестнадцать рублей от Стасюлевича. Я получил всего 420 и оставил 4 рубля на пересылку. Простите, что задержал: все не попадал на Васильевский остров¹.

Особенного не имею сказать, ни с того, ни с сего я опять расселился и хожу гоголем. Всей душою Ваш, и очень радуюсь, что в Ваших письмах слышна какая-то бодрость. Тороплюсь и скоро напишу Вам снова.

Ваш Н. Страхов

1879 г. 30 апр. Спб.

В архиве Прав[ительствующего] Сената, в С.-Петербурге, есть след[ственные] дела об обер-фискале Нестерове:

1) 1722 г. 15 октября. Именной указ ген[ерал]-прокурору Ягужинскому о производстве следствия по делу о взятках и других проступках обер-фискала Нестерова и фискала Попцова.

2) 1723 г. 19 мая. О пожаловании генерал-рекетм[ейстеру] Павлову отписного двора обер-фискала Нестерова в С.-Петербурге.

3) 1724 г. 22 янв. О представлении колл[егии] на решение в Сенате таких дел, которые, хотя по судебным формам и окажутся чистыми, но по другим обстоятельствам сомнительны, как то было в делах Гагарина и обер-фискала Нестерова.

См. «Архив Прав[ительствующего] Сената», Составил П. И. Баранов. Спб. 1872. Т. I.

Весьма много сведений об А. Нестерове напечатано в издании: *Описание документов и дел, хранящихся в архиве Священного Прав[ительствующего] Синода*. Спб. Томы I, II, III. Но дела о предании суду Нестерова тут нет.

¹Т. е. в типографию Стасюлевича на 5-й линии Васильевского острова.

226. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

1...2 мая 1879 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич,

Очень благодарен вам за известие о деньгах Рус[ской] библ[иотеки]. — Пока еще я не нуждаюсь в них. Но так как мне нужно платить Бистрому¹ в Петербурге, то пускай они лежат в каких-нибудь билетах или в банке, до тех пор пока я соберу свои деньги для отсылки Бистрому; и тогда присоединю и эти.

Милый и дорогой Николай Николаич. Меня мучает одна вещь. Ради Бога, если я виноват, то посердитесь на меня и простите и откровенно мне скажите. Меня мучает то, что я написал вам, что не зову вас нынешний год на лето. Во-первых, я и сам, после того как написал это впопыхах, хватился, что это грубо, что, не зная того, захотели ли бы вы сделать нам эту жертву и удовольствие, я не должен был писать так; но мне казалось, что вы поймете всё, что я при этом подразумевал, и не вмените мне этого в вину; но теперь весна, я живо вспомнил о вас, от вас нет письма, жена и Тат[ьяна] Андр[еевна] меня разбранили, и я мучаюсь мыслью, что я вам, столь чувствительному и столь мною любимому, сделал больно. Пожалуйста, разбраните меня и простите или, что еще бы лучше, скажите, что я ошибся. Подразумевал же я то, что в моей к вам дружбе вы не можете сомневаться, а что я, собираясь работать летом, именно вас-то и боюсь. Боюсь, потому что работа моя состоит в том, чтобы высказать свои мысли, заставив их полюбить, всем; когда же я с вами, я знаю, что вы любите мои мысли и высказывать мне их легко кое-как, намёком, и я порчу свою работу. А удержаться не могу, потому что мне ваше сочувствие очень дорого.

Всё это истинная правда. Ну так напишите же мне поскорее. И напишите, какие ваши планы на лето. У меня кроме работы есть тоже планы поездок². Не удастся ли, кроме двух недель, на которые мы рассчитывали, если вы будете в нашей стороне и не сердитесь на меня, не удастся ли нам соединить наши поездки?

У нас всё по-старому и я всё по-старому ничего не делаю очевидного и этим скучаю. Как бы я желал, чтобы письмо это застало вас в разгаре вашей работы: и для вашей работы, и потому, что вы тогда только улыбнетесь на мое письмо.

Искренно любящий вас
Л. Толстой

¹Бистром Родриг Григорьевич (1809–1883), барон, генерал. Толстой купил у него 4 022 десятины земли в Бузулукском уезде Самарской губернии.

²У Толстого были задуманы две поездки на лето 1879 г.: в Соловецкий монастырь и в Киев.

227. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

Начало мая 1879 г. Санкт-Петербург.

Да, Вы ошиблись, бесценный Лев Николаевич; я принял Ваши слова в самом простом и наилучшем смысле, и меня очень трогает Ваше беспокойство. Верьте мне, что я твердо и неизменно предан Вам, и думаю не только о своем удовольствии, но и о Вашем. В прошлое лето меня мучила мысль, что я немножко Вам навязался, и потому я даже был доволен, что Вы так прямо сказали мне теперь Ваши планы. А мои планы сложились так: я должен ехать к своим в Кременчуг; я не был у них уже три года, а тут племянница вышла замуж, нужно посмотреть молодых. В Кременчуге меньше месяца прожить нельзя; по дороге туда и назад, конечно, я заеду к Вам дни на два на три. Да нужно еще заехать к Фету, не хотите ли поехать вместе? Вот было бы чудесно. Да с недельку нужно провести у Голохвастовых: они приходится тоже по дороге, и так зовут, и так я перед ними виноват, что побывать у них необходимо. Вот и все два месяца пройдут, особенно если прибавить Киев, которого я уже не миную. Я носился эту зиму с планами более грандиозными: мне хотелось поехать в Константинополь и в Афины. Но денег оказалось у меня мало, да и Кременчуг мешает. Я и решил отложить до следующего лета, предполагая, что я еще поздоровею и немножко лучше приготовлюсь к путешествию. А здесь всегда можно найти попутчиков, людей ученых и знающих места.

Итак, Ясная Поляна опять в полном составе, т. е. там и Татьяна Андреевна с детьми.

Зачем же начертались так
На памяти моей,
Единый молодости знак,
Вы, песни прежних дней?¹

Скажите же Татьяне Андреевне и Графине², что они напрасно напали на Вас. Я умел так ловко повести дело, что Вы как будто считаете себя обязанным давать мне приют на все лето, и рассыпаетесь в извинениях, что нынче находите это неудобным. А важнее Вашей причины и быть не может: если Вам неудобно работать, то все должно быть устранено, что Вам мешает. Вы знаете, дорогой Лев Николаевич, как мне приятно видеть Вас и жить у Вас; но сколько раз случалось, что наши разговоры были напрасными потугами, когда

мы именно собирались разговориться, и что они разгорались случайно, когда мы вовсе этого не ожидали. Итак, чем больше свободы, тем лучше. Я хорошо понимаю, что могу мешать Вам работать, я ведь невольно буду следить за Вами и подставлять Вам желобок (как Вы выражаетесь). Что же хорошего?

Шапиро³ очень огорчен, хотя я скрыл решительность Вашего отказа. Но, позвольте употребить слог Ученого комитета, отказ не мотивирован, и не мотивировано и Ваше раскаяние в уступке Стасюлевичу. Издание было расхвалено и даже (я сам не читал, но мне говорили) очень похвалили *выбор*, следовательно, меня.

Хуже всего то, что мой большой портрет, сделанный Шапиро, вышел очень неудачен; ни на одной карточке я не имел такой глупой фигуры, и это не я один говорю по преувеличенному мнению о своей красоте, а говорят и все видевшие. А я думал больше всего убедить Вас своим портретом. Теперь уж и не знаю, как быть, и известно Вас уговаривать.

Я и забыл сказать, что предполагаю выехать в половине июня, никак не раньше.

Деньги я Вам послал, уж извините, не дождавшись Вашего ответа; мне тяжело было их носить, что как пропадут? и я смалодушничал. За мною еще осталось 1 р. 20 коп.

Попробую еще раз потормозить приятелей насчет Горчакова и Нестерова. Главный гробокопатель, должно быть, уже приехал, и я к нему за Нестеровым еще не обращался.

Простите, бесценный Лев Николаевич. Искренно прошу у Вас прощения за те волнения, в которых виноват избыток Вашего расположения и деликатности ко мне. Графиню и Татьяну Андреевну поблагодарите за их заступничество за тяжело обиженного.

Ваш всею душою
Н. Страхов

1879 г.

¹Не совсем точная цитата из стихотворения А. Дельвига «Элегия» (1820).

²С. А. Толстая.

³К. А. Шапиро все же получил разрешение воспроизвести портрет Толстого в издании «Портретная галерея русских литераторов, ученых и артистов» (СПб., 1880), вып. 2. В предисловии «От издателя» Шапиро писал: «Портреты, послужившие основанием для помещенных в предлагаемом выпуске, сняты также с натуры, за исключением портрета графа Толстого, сделанного с очень удачной, недавно снятой, фотографической карточки, представляющей, как мы имели случай лично убедиться, безукоризненное сходство с оригиналом». Фотографическая карточка, с которой Шапиро сделал переснимок, это фотография Толстого, сделанная в фотостудии Сокольников в Москве, в 1876 г.

228. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

19...20 мая 1879 г. Ясная Поляна.

Неужели вы всё в Петербурге, бедный и дорогой Николай Николаевич. И всегда хорошо на Божьем свету, где не тесно, а нынешний год из всех годов. Весна была редкая. Все вас поминаем и тужим, что вы не с нами. Неужели вы не можете вырваться раньше половины июня? В Киев и к Фету я постараюсь увязаться с вами. Впрочем, ничего не загадываю. Вышло совсем не то, что я думал. Работа моя не работается, и я и ничего не делаю, и свободным временем не пользуюсь, чтоб поездить летом. Я задумывал нынешним летом съездить в Соловки¹. Вот бы хорошо, если бы вместе поехать в конце вашего отпуска. У нас все, слава Богу, здоровы и веселы, но немного для нас суетливое время: мальчики Сер[ежа] и Ил[юша] ездят каждый день на экзамены². Для Сер[ежи] экзамен нужный, и он держит плохо по своей неловкости.

Дай вам Бог всего лучшего — с пользой — работая провести это время в скверном (исполненном всякия скверны) Петербурге и поскорее выбраться из него; и к нам. И тогда мы всё рассудим.

Ваш Л. Толстой

¹Соловецкий монастырь — религиозный центр, крепость и крупное феодальное хозяйство на севере России. Основан в конце 20–30-х годов XVII века на Соловецком острове в Белом море. В XVII веке один из центров раскола. Был также местом ссылки. План неосуществившейся поездки в Соловецкий монастырь был связан у Толстого с его работой над романом из эпохи XVIII века. Его интересовала судьба предков: графа Петра Андреевича Толстого и сына его Ивана, приближенных Петра I, сосланных после его смерти в Соловецкий монастырь, где они и умерли. В сохранившихся набросках романа личность П. А. Толстого не получила отражения.

²В Тульскую гимназию. Сыновья Толстого получали домашнее образование и сдавали экстерном экзамены за гимназический курс.

229. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

30 мая 1879 г. Санкт-Петербург.

Да, чудесная стоит весна, бесценный Лев Николаевич. До сих пор, выходя на улицу, я чувствую, что наступил праздник, и, по счастью, еще не было духоты, которая здесь нестерпима. Между тем, я все продолжаю свою городскую жизнь и стараюсь заниматься, откладывая гулянье и праздность на время поездки. Одно беда — писать я как будто разучился. Это — лень. Придешь домой и так покойно усядешься за книгу, что и просидишь все время. А книги у меня хорошие¹. Недавно было несколько находок, от которых я в совершенном восторге. Представьте, я нашел *Oupnekhat*, то есть упанишады, ту книгу, которую Шопенгауэр называл своею библией и которую читал до смерти. Потом я купил Whewell, *History of inductive sciences*², книгу, которой нет ни в Публичной библиотеке, ни в Академии наук и которую мне очень хотелось читать, купил Gauss, *De motu corporum coelestium*, и т. д. Замечено, что своих книг никто не читает, а все бросаются на чужие; но я хоть на половину не подлежу этому замечанию и очень люблю читать *свои* книги.

Простите, что пишу Вам на такой ужасной бумаге и такими ужасными чернилами, это я так дурно распорядился в библиотеке, и постараюсь, чтобы впредь этого не было. Уехать раньше половины июня мне невозможно — и то по особому вниманию ко мне не стали изменять этого срока. Но август я намерен весь прогулять (сообщаю Вам по секрету) и всего охотнее поехал бы опять в Оптину Пустынь. А в Соловки — страх далеко и неудобно, да и не люблю я севера, этой скудной природы, которой скудость и здесь в Петербурге постоянно огорчает меня. А тут еще много и лип, и сирени, и каштанов. Деревья уже несколько дней, как вполне распустились, и зелень так густа, как редко бывает.

Не хочется писать о многом и многом, о чем хочется говорить с Вами. Я одному радуюсь, что чаще и чаще на меня находят минуты спокойствия, когда перестает проклятое душевное волнение, которому я подвержен. Если это состояние укрепитя, то, может быть, я буду в силах и написать что-нибудь, и о себе, и о предметах, важных для других.

Но меня всего больше теперь интересует Ваша работа. Я воображаю себе ее чем-то огромным, и глубоким, и разнообразным. При-

еду, расскажу Вам свои споры (в письмах) с Данилевским³, споры об Вас.

Всей душою желаю Вам всего хорошего. Ваше письмо для меня всегда большое утешение, и потому прошу и надеюсь, что еще черкнете мне несколько строчек, и я Вам напишу еще. Но 16-го вечером я непременно буду на Козловке. Мое усердное почтение Графине и Татьяне Андреевне. А что крокет⁴?

И забыл было! Голохвастов приезжал сюда на два дня в Комитет добровольного флота⁵. Очень было приятно — пахло деревенским духом и воздухом. Он также странен и также мил, наговорил пропасть и, кажется, кое-что сделал. Все расскажу, все расскажу.

Ваш всюю душою
Н. Страхов

1879. 30 мая. Спб.

¹О библиотеке Страхова см.: С. В. Белов, Е. Б. Белодубровский. Библиотека Н. Н. Страхова — Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1976 (М-ва, 1977), С. 134–141.

²«История индуктивных наук», 1837. Русский перевод: История индуктивных наук от древнейшего до настоящего времени Вильяма Уэвеля. В 3-х тт. Перевод с 3-го английского издания М. А. Антоновича и А. Н. Пыпина (СПб., 1867–1869).

³В письме от 4 мая 1879 г. Страхов писал Данилевскому: «...Вы написали мне и Николаю Петровичу [Семенову] пребольшие письма о славянах и Дарвине. Мы их читали с величайшим вниманием и удовольствием, но едва ли в силах отплатить вам равною мерой. Вместо того, чтобы отвечать вам по пунктам, скажу лишь, что вы совершенно правы с политической точки зрения, но что на эту точку никак не может стать Толстой, выходя из *своей* точки. Тут есть противоречие, разрешить которое я не берусь, но которое живо чувствую в себе самом. Я безмерно удивляюсь Толстому, что он с непоколебимою стойкостью держится взгляда, внушаемого ему самою его натурой, самым его гением, притом, взгляда трудно уловимого, не имеющего установившихся форм, не вкладывающегося в готовые выражения. Как критик я в большом восхищении от такого глубоко-оригинального явления; как человек я чувствую в себе те струны, которые берет Толстой, и люблю его всюю душою. Вы называете это фатализмом, квиетизмом, культом ежедневности (так?); но это не то, вместо того, чтобы браниться, попробуйте точнее формулировать то, что хочет сказать Толстой, и что сказать ему самому так ужасно трудно, и вы убедитесь, что тут отражаются если не все, то наверно наилучшие стороны нашего народного характера. Вы, например, очень ошибаетесь, говоря, что он идеализирует Александра! (императора Александра II). Дня три назад наш Сент-Илер (у нас есть такой зоолог и педагог) даже с большим жаром доказывал мне, что Толстой величайший из наших нигилистов, что он, например,

представил в смешном виде чувство преданности к государю. В сущности, и это неправда, он представил эти чувства в их *истинном* виде, так что вы не знаете, умиляться или смеяться. Это не только юмор, это что-то выше всякого юмора, какое-то разоблачение души во всем ее ничтожестве и вместе красоте. Толстой пишет очень ярко; попробуйте же проводить черту между тем, что он считает дурным, и тем, что он считает хорошим; эта черта всегда верна безупречно, везде имеет надлежащее направление, чего же больше? Что же может быть выше? Односторонность его очевидна; я указывал ее в своей восторженной статье, и лично мне следовало бы сокрушаться, потому что он не только не пробовал исправиться, а даже еще глубже ушел в свою односторонность. Но он будет прав, пока вы не найдете, каким путем он с своей точки зрения может перейти на вашу, и притом так, чтобы, как учил Гегель, в новом взгляде *сохранилась* вся правда его нынешних воззрений. Я уверен, что духом, высказывающимся у Толстого, хранится и живет Россия, что от этого духа зависят, главным образом, и те чудеса самоотвержения и *смирного героизма*, которым мы одолеем Европу и всех наших врагов, внешних и внутренних...» — см.: журнал «Русский вестник» (1901, № 1), С. 136–137.

С. Л. Толстой вспоминал: «Игра в крокет ... процветала в Ясной Поляне. Играли и взрослые — тетя Таня Кузминская, Страхов, ... причем обыкновенно все препирались между собой и даже ссорились. Как-то тетя Таня, сердясь на плохую игру Страхова, сказала ему:

— Как вы не понимаете, Николай Николаевич, что игра — дело серьезное!

— Ха, ха, ха, — рассмеялся Страхов, всегда при смехе отчетливо выговаривая ха, ха, ха, — вы сами не понимаете, Татьяна Андреевна, какую вы истину изрекли: игра — серьезное дело. Конечно, очень серьезное дело!..» (Очерки былого, С. 57).

³*Добровольческий флот* — пароходство, созданное в 1878 г. на добровольные пожертвования с целью развить отечественное торговое мореплавание и создать резерв военного флота.

230. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

4-5 июня 1879 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаич.

Подумать весело, что через 12 дней увижу вас. Дай Бог, чтоб ничто не задержало и мы встретились бы оба здоровые и спокойные. Не я один, все наши тоскуют по вас. Мне предстоит несколько поездок¹, кроме Соловецкого, и я пригону так, чтобы быть дома вторую половину июня. После холодов, ветров, дождей нынче опять благодать, и не входил бы в дом. Так до скорого свиданья.

Искренно любящий вас
Л. Толстой

¹Поездка в Соловецкий монастырь не состоялась. 11 июня 1879 г. Толстой уехал в Киев, который привлекал его как место чтимых православным народом святынь, по дороге заехал в имение Фета Воробьевку и вернулся в Ясную Поляну 17-18 июня.

231. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

13 июня 1879 г. Санкт-Петербург.

Целую неделю мне нездоровилось, бесценный Лев Николаевич, и, кажется, ничто на свете не радовало. Но я уверен, что выздоровею вполне, как только вырвусь из Петербурга. В субботу вечером непременно надеюсь быть в Козловке¹ и предстать пред Вами не совсем недостойным Вашего расположения. Сердечно радуюсь, что Вы, кажется, в хорошем духе, а про себя мне кажется, что я Бог весть как переменялся, и что мне нужно сообщить Вам множество вещей. Боже мой! Как это хорошо будет опять очутиться в Ясной Поляне! Тут были у нас холода, от которых я и простудился; вероятно, и у Вас они чувствовались. Но сегодня прекрасно. Итак, до радостного, радостного свидания!

Всею душою Ваш
Н. Страхов

1879 г. 13 июня. Спб.

¹Страхов был в Ясной Поляне 16–19 июня, а затем у Фета, в его имении Воробьевка, проездом в Кременчуг, к родным.

232. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

21 июля 1879 г. Кременчуг.

Ужасно много нужно бы написать Вам, бесценный Лев Николаевич, и в мыслях я уже давно пишу к Вам и много написал. Постараюсь повторить хоть кое-что.

Новый Ваш *фазис*¹ только на первую минуту удивил меня, но потом я удивился только необыкновенной живучести Вашего внутреннего труда и верности Вашего пути. Что бы ни вышло, все будет хорошо, не только хорошо, а чудесно, несравненно-глубоко и сильно. Дай Вам Бог всего, что для этого потребно.

Два дня у Фета были очень приятны, приятнее, чем я ожидал. Мы считывали немножко его перевод², и я убедился, что это будет превосходная вещь, мастерская передача подлинника. Очень меня это обрадовало, я так боялся, что Фет станет своевольничать, а он из всех сил добивается верности и точности. Зимой, вероятно, напечатаем, и одной русской хорошей книгой будет больше.

В Кременчуг я приехал 24-го июня и сначала был очень доволен, потом очень огорчен, но теперь дело поправилось. Тут рассказывать становится трудно, понемножку я должен был войти в чужую для меня жизнь, и сначала испугался, открывши злого червя, который, как мне показалось, постоянно ее точит и отравляет. Но скоро я увидел, что добро и здоровье еще очень успешно борются со злом. Первый вид моих молодых³ доставил мне глубокое наслаждение, какого я и не ожидал; молодость, здоровье, счастье были несомненно перед моими глазами. Особенно племянницу я нашел и красивою, и оживленною, и больше мною любимую, и меня любящую, чем я думал.

В период моего огорчения я съездил отсюда в Киев и пробыл там пять дней. Больше всего мне хотелось проехаться по Днепру (и туда, и назад я ехал на пароходе) и наполовину это удалось превосходно; когда ехал туда, дни стояли удивительные.

В Киеве ничего не было важного, кроме разве бесподобного «Верую», которое я слышал в Софийском соборе. Об остальном лучше когда-нибудь рассказать, чем писать.

С удовольствием чувствую, что теперь я уже отдохнул. Петербургские мысли и настроения наконец выветрились. Я вошел в жизнь моих милых хозяев, и полюбил их больше прежнего. Но мне все еще нездоровится, и беда, кажется, в том, что моя огромная комната (с огромным балконом, уставленным олеандрами) сыра.

Вот Вам все мои беды и радости. Часто я думал о Ясной Поляне и о том, как-то идет Ваша работа. Числа 27, 28 я буду уже у Фета, и останусь у него не знаю сколько, займусь хорошенько его переводом. Будьте милы, бесценный Лев Николаевич, напишите мне туда несколько строк, и когда удобнее к Вам приехать. От всего сердца желаю Вам здоровья и бодрого духа, и всем Вашим, и заранее радуюсь, что опять увижу Вас.

Ваш душевно
Н. Страхов

1879 г. 21 июля. Кременчуг.

PS. Видите, как я обленился, не соберусь с мыслями и все пропустил, что хотел написать Вам. А Фет, занятый работами по хозяйству, написал мне сюда два письма, 12 страниц кругом, и тут есть одно глубокое рассуждение, которое я покажу вам.

¹Толстой вступил в кризисный период жизни — период формирования своего религиозно-нравственного понимания.

²Фет переводил труд А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление».

³Ольга Даниловна и Иван Павлович Матченко.

233. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

27 июля 1879 г. Ясная Поляна.

Письмо ваше очень обрадовало меня, дорогой Николай Николаевич. И рад я, что вы написали мне, и еще более — очень, очень рад, что скоро вы будете у нас.

Я совсем как будто не видал вас в ваш первый приезд; я слишком был занят своим делом в это время и совсем потерял вас. Теперь же я собираюсь воспользоваться вашим пребыванием и вам сделать его как можно более приятным.

Наши все так же, как всегда, ждут вас с радостью и нетерпением. — У нас все здоровы, веселы. Я ездил в Новгородскую губернию к теще¹ и привез ее с меньшим шурином² к нам; и поэтому в женском и детском мире еще более оживленно, чем обыкновенно.

Хоть мне и жалко вас вызывать от Афанасья Афанасьевича, — я знаю, как он любит вас и дорожит вами, но, пожалуйста, приезжайте к нам поскорее, чтобы подольше побыть у нас. Дай Бог только, чтобы здоровье ваше было хорошо.

Пожалуйста, приезжайте поскорее. Телеграфируйте на Козловку.

Ваш Л. Толстой

27 июля.

¹18 июля 1879 г. Толстой уехал со старшим сыном Сергеем в усадьбу Л. А. Берс «Утешение» в Крестецком уезде Новгородской губернии. Вернулся в Ясную Поляну 24 июля.

²Берс Вячеслав Андреевич (1861–1907) — младший брат С. А. Толстой.

234. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

28 июля 1879 г. Воробьевка.

Московско-Курской ж[елезной] дор[оги]
Станция Будановка
28 июля 1879.

Как я виноват перед Вами, бесценный Лев Николаевич! Когда я услышал здесь, что у Вас всё болеют дети, и что Вы спрашиваете мой адрес, мне стало совестно, что я так поздно писал к Вам, да и в письме не попросил как следует извинения, и даже забыл, что оставил Сережу больного¹! А все благоразумничание! Я сначала думал, что не нужно Вам надоедать письмами, а потом Кременчугские дела так меня затянули, что на меня напало беспамятство. После того, как я писал к Вам, я сделал еще поездку в Градижск, где теперь живут молодые у мужнина отца, богатого священника этого заштатного города; потом провел два дня в Белгороде и навестил двоюродного дядю, вдовца с семьей детьми, военного доктора в отставке, учившего меня когда-то латинской грамматике. У него шесть дочерей, старшей 16 лет, младшей 4, и сын лет 14-ти. Дети умненькие, хорошо учатся, получают похвальные листы из институтов и гимназий, но бедный старик уже в большой заботе — куда их поместить по окончании курса. Я дал только один совет — выдавать замуж, и сейчас только мне приходит в голову, что это значит плодить еще и еще таких же детей, которых не будут знать куда поместить. Доктор этот — очень благочестивый человек, и мы ходили с ним по церквям и прикладывались к мощам Иосафа². Из всей поездки моей я вынес то приятное впечатление, что родные мои и здоровы, и, в сущности, живут счастливо. Но когда я увиделся с Афанасием Афанасьевичем, я понял, как я сильно скучал с этими милыми родными. Очень приятно было попасть опять в ту сферу мыслей, к которой привык, и сегодня я с грустью подумал, что у меня нет этой сферы в Петербурге, куда уже приходится возвращаться. В Воробьевке и в Ясной Поляне я отвожу душу и чувствую себя больше дома, чем в Петербурге. Фет не всегда удобен, как Вы знаете, но зато часто великолепен, и я терпеливо отмахиваюсь от неудобств и бываю вознаграждаем сторицею.

С нетерпением жду от Вас вести; простите меня, если в чем виноват, и верьте, что я навсегда Вам благодарен, навсегда Вам предан. Будете писать, не забудьте сказать, все ли у Вас благополучно и что делается со всеми Вашими. Графине³ усердно кланяюсь и всем. Сидящий против меня Фет просит передать усерднейший поклон Вам и Графине.

Ваш всею душою
Н. Страхов

¹С. Л. Толстой тяжело болел плевритом.

²Мощи святого Иоасафа Горленко.

³С. А. Толстая.

235. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

2 августа 1879 г. Воробьевка.

Московско-Курской ж[елезной] дор[оги]

Станция Будановка

2 авг. 1879.

Еще несколько дней придется здесь остаться, бесценный Лев Николаевич, как ни тянет меня в Ясную. Вы знаете, тут пустынно. Главное наше занятие — мы сверяем перевод Шопенгауэра, и на это дело следовало бы даже употребить побольше времени. Перевод будет очень замечательный. Потом, чуть не половину наших разговоров составляете Вы, и я очень желал бы, чтобы Вы нас когда-нибудь послушали. Афанасий Афанасьевич, который так горячится при возражениях (и когда сам возражает и когда ему возражают), в сущности необычайно внимателен к мнениям собеседника, и так Вас любит, так помнит каждое Ваше слово и с таким уважением его обдумывает, что я прихожу в восхищение и укоряю себя за леность и тупость по отношению к Вам.

Я приеду к Вам в понедельник или во вторник, и во всяком случае телеграфирую. Откладываю многое множество разговоров до свидания.

Ваш всею душою

Н. Страхов

236. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

14 сентября 1879 г. Санкт-Петербург.

Спб. 1879. 14 сент.

К Вам первому, бесценный Лев Николаевич. Я долго не писал, ожидая, чтобы прошла тоска, обыкновенно мучающая меня по приезде в Петербург, а также раздумывая, за что бы мне Вас бранить и никак не находя. Два дни в Москве и три дни у Голохвастовых прошли очень недурно. В Москве я видел выставку¹, поразившую меня своею нелепостью, и явно показывающую всю силу мыслей, глубоко мне противных. Барсов², между прочим выставил раскольничьи рукописи и рисунки, как достойные стать наравне с произведениями доисторического времени. На улице я встретил жену Достоевского с двумя детьми³, и мы вместе пошли в Эрмитаж⁴ обедать и проговорили часа три с большим удовольствием. Она очень деятельная женщина и в Москве собирала деньги за книги мужа, а попала туда проездом — ездила смотреть наследство⁵, десятин 800, которому она очень радуется. В Москве я ни у кого не был, но был в театре Эрмитажа и в Малом театре; с большим отвращением прослушал *Зеленый остров*⁶, и не без удовольствия видел *Майоршу*⁷. И в том и в другом театре нашел Боборыкина⁸ — такой же болтун и немножко задирает нос, вероятно, чувствуя мое невольное высокомерие, в котором каюсь искренно.

В Воскресенске⁹ было лучше, чем я ожидал. Самое худое — я убедился, что Ольга Андреевна страдает нервным подергиванием носа, губ и глаз, и со временем это должно ее сильно испортить. Но она в полном смысле добрый малый; в Воскресенске все ей ужасно рады, все ее любят, к ней обращаются, у нее шестьдесят крестников и крестниц, и она водится со всевозможным народом. Молчаливый Павел Дмитриевич остается в тени. Его планы, очень честолобивые, мне стали еще яснее, а драму¹⁰ я выслушал с большим удовольствием, и Ольга Андреевна очень благодушно приняла довольно тяжелый отзыв, который я сделал. Окрестности Воскресенска так разнообразны и красивы, что, пожалуй, не уступят Ясной Поляне. Мы осматривали скит Никона¹¹, его вериги и пр[очее] и нашли в музее монастыря портрет черноволосого человека с двумя орденами на шее, под которым было подписано *Пушкин*.

В Петербурге всё гадко: сырой воздух, люди — чиновники, дома — казармы и т[ак] д[алее]. В первый раз почему-то Петербург мне показался самым будничным городом в мире, без тени величавости и пышности. Разумеется, меня никто не ждал, и я никому тут был не нужен, кроме разве приятелей, которые имеют слабость любить меня. Стахеев и его жена очень поправились, проживши три месяца в Крыму. У меня оказались украденными два сертука и брюки. Вдова Шестакова с воспитанницею перебралась в Петербург и поселилась в нашем доме. Умер букинист, еще молодой и очень расторопный, от разрыва сердца. Ф. И. Дозе, старый петербургский приятель, застрелился в Костроме. В Публичной библиотеке солдат Табачков, состоявший вахтером, напился пьян, лег и не проснулся.

Я принялся за свои обыкновенные занятия, за чтение, за охоту за книгами; и за писание. Писанье идет туго, но мне как-то особенно ясно представилась мысль, что писать непременно нужно, что неизвинительно лениться, и, разумеется, Вам в тысячу раз больше, чем мне. Дело в том, что когда человек десятки лет думал, у него образуется совершенно своеобразный взгляд (не образуется, а укрепляется и проявляется то, что в его натуре), и этот взгляд необходимо высказать. Анна Каренина есть в высшей степени оригинальное произведение, и что бы Вы ни написали с Вашею добросовестностью, будет непременно оригинально. Молчать значит зарывать талант в землю. Это я не Вам читаю наставление, я применяю эту гордую мысль к самому себе, и решил нынче проявиться в полном блеске. В декабре будет здесь съезд натуралистов, я хочу читать статью о физиологии. Юрьев третьего дня прислал письмо, что с января начнет журнал, напишу ему *Задачу истории*¹². А в *Русской речи* помещу статейку об Карениной¹³. Юрьев очень спрашивает о Вас, вероятно, и Вам он писал¹⁴; но, верно, не будет никому того счастья, чтобы начать журнал Вашим произведением.

Нынешнее посещение Ясной Поляны было необыкновенно радостно и плодотворно для меня. Я редко видал Вас таким здоровым и бодрым, а сила Вашей внутренней жизни меня поразила. Ваши мысли волнуют Вас так, как будто Вам не 50, а 20 лет. Я живо вспомнил свою молодость, которую успел уже и позабыть. С величайшей любовью я слушал Вас, и мне только досадно было, что для посторонних Вы являетесь в образе Вашего Левина, чудаком, спорщиком и парадоксалистом. Когда я являлся к Делянову, он выразил мнение о необходимости вешания¹⁵. Я попробовал обратиться к его христианским чувствам; отвечая мне, он сказал, что, подписывая приговор Верховного суда¹⁶, он не чувствовал ни малейшего затруднения, и показал рукою, как он легко сделал подпись. «Нет у него живого воображения Льва Николаевича», подумал я.

Простите! Усердное почтение Графине и всем, кто меня помнит.

Ваш всею душою
Н. Страхов

¹Антропологическая выставка в Москве. Имела отделы: фото и муляжные изображения типов народностей России; этнографический; медико-антропологический; краниологический (черепа); доисторический; геолого-палеонтологический и т. д. В числе экспонатов были археологические и антропологические коллекции, предметы физического воспитания детей, муляжи мамонтов и других доисторических животных, кустарные изразцы, старинные русские вышивки и узоры (в частности, полотенца) и пр.

²Барсов Елпидифор Васильевич — этнограф и археолог, библиотекарь Румянцевского музея. Собрал обширную коллекцию древних рукописей, особенно по истории раскола. Для Антропологической выставки Барсов составил описание этнографического отдела.

³Достоевская Анна Григорьевна с дочерью Любой и сыном Фейей.

⁴*Эрмитаж* — ресторан и летний театр в Каретном ряду в Москве.

⁵См. прим. 12 к Письму 5 Страхова к Толстому от 12 сентября 1871 г.

⁶Оперетта в 3-х действиях.

⁷Драма в 5-ти действиях Ипполита Васильевича Шпажинского (1844–1917), автора разных комедий, психологических и исторических драм, в том числе и в стихах.

⁸Боборыкин Петр Дмитриевич — писатель.

⁹В имении П. Д. и О. А. Голохвастовых.

¹⁰Вероятно, драма О. А. Голохвастовой «Лихому — лихое». Издана в Москве в 1881 г.

¹¹Никон (Минов Никита) (1605–1681) — русский патриарх с 1652 г. Провел церковные реформы, вызвавшие раскол. В 1658 г. оставил патриаршество. Собор 1666–1667 гг. снял с него сан патриарха. Сослан в Новоиерусалимский монастырь, где и умер.

¹²Известна лишь одна статья Страхова, напечатанная в журнале «Русская мысль»: «Об основных понятиях физиологии» (1883, № 5), С. 1–32.

¹³Статья Страхова о романе «Анна Каренина» в журнале «Русская речь» не появлялась. Позже, в январском выпуске газеты «Русь» за 1883 г., Страхов поместил статью «Взгляд на текущую литературу», где говорил о художественных достоинствах романа.

¹⁴С. А. Юрьев писал Толстому 19 апреля 1879 г.: «...Получив разрешение на журнал (название «Русская мысль»), я получил право обращаться к Вам и обращаюсь, так сказать, с формальным предложением или, лучше, с глубочайшею просьбою доставить возможность выйти в свет моему журналу (я — редактор, а издатель — Лавров) 1-го января будущего 1880 года в первых же №№ с Вашим сочинением. Условия Вы, конечно, назначите сами и они будут выполнены свято... Независимо от цели поддержки издания,

мне дорого для души моей иметь Вас во главе моего начинания, я не знаю никого кроме Вас, кто так своим воззрением на русскую душу отвечал внутренним, глубоко в моей душе лежащим убеждениям...» (ОР ГМТ).

¹⁵С августа 1878 по август 1879 г. было казнено 14 революционеров, в том числе: В. А. Осинский, С. Я. Виттенберг, Д. А. Лизогуб. Последний стал героем повести Толстого «Божеское и человеческое» (1906).

¹⁶11 апреля 1879 г. Высочайшим указом был учрежден Верховный уголовный суд для рассмотрения дела Александра Константиновича Соловьева (р. 1846), совершившего 2 апреля 1879 г. неудавшееся покушение на жизнь императора Александра II. В состав суда, под председательством князя С. Н. Урусова, входили: А. А. Абаза, Д. Н. Замятин, И. Д. Делянов, В. Г. Черноглазов, М. В. Поленов, М. Е. Ковалевский. Обвинителем на суде был министр юстиции Д. Н. Набоков, защитником — присяжный поверенный А. Н. Турчанинов. Соловьев был приговорен к смертной казни через повешение и казнен 28 мая 1879 г.

237. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

4 октября 1879 г. Ясная Поляна.

Простите, милый Николай Николаич, что не писал вам, а с такой радостью прочел ваше письмо — бодрое и доброе. Ваши доводы, что надо писать, недостаточны. Надо прежде решить, что сообщение моих чувств и мыслей есть благо. А кто это решит?

Вчера приехал из Москвы¹. По вашему совету и по разговору с Хомяковым (сыном)² о церкви был в Москве и у Троицы³ и беседовал с викарием Алексеем⁴, митрополитом Макарием⁵ и Леонидом Кавелиным⁶. Все трое прекрасные люди и умные, но я больше еще укрепился в своем убеждении. Волнуюсь, метусь и борюсь духом и страдаю; но благодарю Бога за это состояние. Советовался о теле своем с Захарьиным⁷, он велел есть скоромное, дал лекарства. Я буду исполнять. Не пеняйте на меня, не переставайте любить и пишете.

Ваш Л. Толстой

¹Толстой был в Москве с 27 сентября по 3 октября 1879 г.

²Хомяков Дмитрий Алексеевич.

³Толстой ездил в Троице-Сергиеву Лавру 1 октября 1879 г.

⁴Алексей (Александр Федорович Лавров-Платонов) (1829–1890) — в 1878–1883 гг. епископ Можайский, до того — профессор Московской Духовной Академии.

⁵Макарий (Михаил Петрович Булгаков) (1816–1882) — церковный историк и богослов, с 1879 г. митрополит Московский, автор «Истории русской церкви» (13 томов, 1864–1883).

⁶Архимандрит Леонид (Лев Александрович Кавелин) (1822–1891) — наместник Троице-Сергиевой Лавры.

⁷Захарьин Григорий Антонович (1829–1897) — известный врач-клиницист, профессор Московского университета. Толстой лечился у него с 1867 г.

238. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

16 октября 1879 г. Санкт-Петербург.

Очень меня поразило Ваше письмо, бесценный Лев Николаевич. В сущности оно грустное, и хотя я почувствовал опять наплыв любви к Вам, к этой душе, так неустанно и глубоко работающей, но вместе я пожелал, чтобы как-нибудь уменьшилась страшная тяжесть, которую Вы несете. Архиереи не помогли — вот Вы увидели это жалкое умственное состояние. Они люди верующие, но эта вера подавляет их ум и обращает их рассуждения в презреннейшую софистику и риторику. Они не признают за собою права решать вопросы, а умеют только все путать, все сглаживать, ничему не давать ясной и отчетливой формы, много говорить и ничего определенного не сказать. Я ненавижу все эти приемы, хотя знаю, что при них может существовать дух действительного смирения и действительной любви. История нашей церкви в этом отношении очень жалка. Великих богословов, великих учителей — нет, нет никакой истории, ни борьбы, ни развития, ни расцвета, ни падения. Я думаю, только в Индии можно найти что-нибудь подобное этой неподвижности мысли.

Макарий много говорит проповедей, и я внимательно читал все последние, думая, что на месте митрополита он особенно покажет себя. Все так сухо и холодно, что тоска берет. Помогай Вам Бог, бесценный Лев Николаевич, а я об одном буду просить — берегите себя и бойтесь, как бы не зарыть в землю Вашего таланта. Произведения в том духе, в котором Вы пишете — радость для всякого, кто ищет наставления, нравственного укрепления. — Непременно напишу об *Анне Карениной* для *Русской речи*. Но теперь меня мучит другая работа, о физиологии, для съезда натуралистов¹. Я уже получил приглашение, и замолвил несколько слов Менделееву, которого, вероятно, выберем председателем. У нас тут было собрание педагогов (кончивших курс в Педаг[огическом] Институте), и Менделеев (большая умница) сказал между прочим: *если у человека душа спокойна, так он и здоров*. Каков материалист!

Мне очень хочется получше написать; но трудно справиться с мыслями, да и не очень мне здоровится — что я приписываю быстрым переменам в давлении атмосферы.

16 окт.

Стасов велит сказать Вам, что Петрович² приехал сюда и что он, Стасов, собирается его показывать в Географическом обществе, Славянском комитете и т. д.

Стасюлевич прислал счет, за *Русскую библиотеку* Вам следует получить 281 р. 25 к. Простите, еще не собрался на Васильевский, но дни через два надеюсь выслать. Из 5000 осталось теперь Ваших книжек 2500.

Простите, что не скоро отвечал. Все хочется наговорить Вам много, много, а примешься писать — никак не умеешь победить подлейшее расположение духа. Мне так что-то скучно, и без всякой причины, что я даже удивляюсь. Стасов дважды приходил недавно рассказывать новости — все такой вздор. что слушать тошно — о Рудневой-Кошеваровой³, о Незлобине⁴, о Нотовиче⁵, об Антоновиче⁶ — ругательство идет невообразимое. Я осмелился выразить, что все это пустяки, но невольно подумал: он счастлив, это его занимает, а я ушел Бог знает куда от современной жизни. Нужно жить с людьми — вот непереносимое условие счастья, и есть во мне очевидный эгоизм. Ну, тут я стал так себя ругать, что уже не напишу Вам.

От Фета получил вчера письмо — собирается в Петербург — это приятно. А К. Н. Бестужев⁷, говорят, останется в Крыму до декабря — так плохо поправляется его здоровье. Скверный признак!

Пока простите. Не сетуйте на меня и помните

Вашего всею душою
Н. Страхова.

1879. 16 окт. Спб.

P.S. Сегодня мне 51 год, и годы все больше и больше дают себя знать. Таков ли был я, расцветая?⁸ Да полно же ныть!

Получил повестку, что с 8 по 22 ноября назначен присяжным.

¹Всероссийские съезды естествоиспытателей и врачей проводились с 1867 г. с разной периодичностью, в разных городах.

²Шеголенков (или Шеголенок) Василий Петрович (1806–1880) — крестьянин деревни Боярщины Петрозаводского уезда Олонецкой губ., сказитель былин. Толстой познакомился с ним в марте 1879 г. в Москве и пригласил летом погостить в Ясной Поляне, где записал с его слов много легенд. Некоторые из легенд были положены им впоследствии в основу рассказов «Чем люди живы», «Два старика», «Три старца», «Корней Васильев» и др.

³Кашеварова-Руднева Варвара Александровна — первая женщина-врач в России, доктор медицины. В 1879 г. подала в суд на редакцию газеты «Новое время» и В. П. Буренина, который изобразил ее в карикатурном виде в своей повести «Самохвалова-Самолюбова».

⁴Незловин — Дьяков Александр Александрович (1845–1895) — прозаик, фельетонист. Занимался революционной пропагандой. В 1874 г., опасаясь ареста, бежал за границу с подложными документами и вскоре встал на путь дискредитации революционного движения. В 1877 г. нелегально приезжал в Россию. После личных переговоров с М. Н. Катковым отправился в Сербию в качестве военного корреспондента «Московских ведомостей». В июле 1879 г., вновь пытаясь въехать в Россию, задержан на границе и предан суду за проживание по фальшивым документам. Процесс над Дьяковым широко освещался в печати. Приговоренный к 8 месяцам заключения и лишению всех прав состояния, был вскоре освобожден благодаря усилиям Каткова. Сотрудничал в газете «Новое время» под псевдонимом «Житель».

⁵Нотович Осип (Иосиф) Константинович (1847–1914) — писатель и издатель, с 1873 г. фактический редактор газеты «Новое время». В 1874 г. перепродал «Новое время», оговорив себе право на сотрудничество в течение 5 лет. В 1876 г. приобрел в собственность газету «Новости», в 1880 г. купил право на издание «Биржевой газеты» и слил обе газеты в одно издание «Новости и биржевая газета». Газета имела много подписчиков и широко продавалась в розницу.

⁶Антонович Максим Алексеевич (1835–1918) — критик, публицист, философ.

⁷Бестужев-Рюмин К. Н.

⁸А. С. Пушкин. Отрывки из «Путешествия Онегина»: «Таков ли был я расцветая? / Скажи, фонтан Бахчисарая!» (1829–1830).

239. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

23 октября 1879 г. Санкт-Петербург.

Посылаю Вам двести восемьдесят рублей, бесценный Лев Николаевич. 1 р. 25 к. я оставил на пересылку. Сначала я было раздумывал, что Вы может быть дадите мне какое-нибудь поручение, которое можно бы исполнить на эти деньги; но вспомнил, что Вы на поручения очень стали скупы, и решился отослать деньги. И еще вспомнил свою вину: я ни разу не был у Любовь Александровны¹. Но точно также я еще ни разу не был и у Григорьевых², Проскуряковых, Штакеншнейдеров³, Кусковых, Коссовичей⁴, Князя Цертелева (молодого философа) и т. д.

Установилась зима, у нас уже два дня ездят на санях, и мне стало легче. Примусь за свою статью, которая гвоздем сидит у меня в голове. В Петербурге, сколько могу судить, очень тихо; не чувствуется той лихорадки, в которую он часто впадает. Умер один из служивших в Библиотеке, очень хороший нравственно, и очень дельный на службе человек, но страшный пьяница, напивавшийся до того, что не мог говорить, и тогда спокойно уходивший домой. Еще, кажется, умрет мой близкий знакомый с детских лет, — как бы не напророчить.

Пишу Вам пустяки, в надежде, что Вы простите меня и что с Вашей безмерною проницательностью найдете что-нибудь. Перед Вами я всегда как перед исповедником чист в своих намерениях и помыслах. Несколько раз мне приходило в голову изложить Вам свое душевное настроение и хоть в общих чертах свою историю. Но это требует большого труда, и мне слишком больно за него достается. Напряжение головы до того меня портит, что я готов бросить всякое писание и только забавляться остаток своей жизни. Ничего не делать для меня очень здорово. А писать хочется: чувствую, что как будто сложился особенный взгляд, который не хотелось бы похоронить.

Ну вот я Вам и нахвастался и нажаловался и натрусил. Будет! Прошу Вас передать мое почтение Графине и поклон всем, кто меня помнит.

Ваш навсегда преданный
Н. Страхов

1879. 23 окт. Спб.

¹Л. А. Берс, теща Толстого.

²Семья В. В. Григорьева.

³Штакеншнейдеры — дочь покойного знаменитого архитектора А. И. Штакеншнейдера (1802–1865) Елена Андреевна (1836–1897), хозяйка литературного салона, и ее брат Адриан Андреевич. А. Г. Достоевская писала в своих воспоминаниях: «Бывал [Ф. М. Достоевский] на вечерах у Елены Андреевы Штакеншнейдер, ... у ней по вторникам собирались многие выдающиеся литераторы, читавшие иногда свои произведения. Устраивались у ней и домашние спектакли; например, я запомнила, что мы с мужем зимою 1880 года присутствовали на представлении «Дон Жуана»; исполнителями были: С. В. Аверкиева... поэт К. К. Случевский и Н. Н. Страхов. Роль так подходила к нему, что Федор Михайлович аплодировал ему и был очень весел в тот вечер» — Достоевская, С. 375–376. См. также: Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки (1854–1886) (Москва–Ленинград, 1934).

⁴Семья К. А. Коссовича.

240. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

1...2 ноября 1879 г. Ясная Поляна.

Получил деньги и письмо и очень благодарю за письмо. Напишите свою жизнь; я всё хочу то же сделать¹. Но только надо поставить — возбудить к своей жизни отвращение всех читателей. Я очень занят, но не скажу, что пишу, но здоровье лучше. Будьте вы здоровы.

Ваш Л. Толстой

¹Первой попыткой Толстого написать «свою жизнь» был начатый в мае 1878 г. набросок под заглавием «Моя жизнь» (ПСС, Т. 23, С. 469–474). См. также Письмо 242 и прим. 1 к Письму 243.

241. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

17 ноября 1879 г. Санкт-Петербург.

*Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей*¹. Эту молитву я часто вспоминал в последние двадцать или тридцать лет, когда случалось мне мучиться совестью. Теперь я вспомнил ее, задумавши писать о своей жизни; нужно писать в хорошем духе, т[о] е[сть], ясно понимая, что я делаю, и спокойно и твердо соблюдая истину, а это мне очень трудно. Я не могу писать наивно (*простосердечно* — переводит Карамзин), рассказывая просто, что помню, и предоставляя другим судить; я непременно сужу сам, и когда не умею судить, то не могу и писать. О жизни своей мне судить очень трудно, не только о ближайших, но и о самых далеких событиях. Иногда жизнь моя представляется мне пошлою, иногда героическою, иногда трогательною, иногда отвратительною, иногда несчастною до отчаяния, иногда радостною. И я не знаю на чем остановиться, знаю, что каждый раз преувеличиваю, и наконец перестаю верить себе. Если бы я задался известным тоном, то я знаю, я бы выдерживал его долго и все преувеличивал бы в известном направлении. Зачем же я буду обманывать себя и других?

Эти колебания составляют для меня самого немалое огорчение: я сам от себя не могу добиться правды! И это бывает со мною не только в воспоминаниях, но и каждый день во всяких делах. Я ничего не чувствую просто и прямо, а все у меня двойится. В моей голове идет постоянно игра мыслей, действующая на меня часто сильнее действительности. От этого я конфузлив и часто никак не могу совладать с собою. Напр[имер], когда говорят о воровстве, мне кажется, что я сам украл, когда говорят об оскорблении, мне представляется, что я сам оскорблен и т[ак] д[алее]. В сущности я не боязлив, не суеверен, не мнителен; но представление боязни, суеверия, мнительности может так во мне разыграться, то если я сам себя воображу таким боязливым, суеверным и мнительным, что замучу себя этим воображением больше, чем если бы действительно имел эти недостатки.

Все это я приписываю тому, что настоящая душевная жизнь во мне очень слаба, а жизнь представлений чересчур сильна и подвижна. Во множестве случаев я робок и неуклюж потому, что не уверен в себе, то есть не знаю, не потеряю ли я власти над собою — не по силе желаний и чувств, а по силе тех представлений, которые во

мне разыграются. Часто я таким образом воображаю себя любимым, уважаемым, вижу в других людях черты трогательные и восхитительные, пылаю любовью к людям, к истине, впадаю в смирение, в умиление, и тогда я, разумеется, доволен. Но истинно противны другие минуты, когда я вижу тяжелое оскорбление в самом невинном слове и звуке и когда сам навожу на себя чувства гадкие, все те чувства, которых боюсь и которые испытываю именно оттого, что их боюсь; страх перед ними нагоняет их на меня. Порывы ненависти, глубочайшего эгоизма и малодушия иногда являются в моей душе, и хотя я им не верю и гоню их, я огорчаюсь до отчаяния уже тем, что мне знакомы эти отвратительные явления, что так или иначе моя душа породила их. Если бы я стал жаловаться на судьбу, то, кажется, всего больше жаловался бы не на действительные страдания, а на это множество гадких чувств, так долго меня мучивших, находивших на меня против моей воли и противных мне в высшей степени.

Вот главное мое горе, та действительная борьба, от которой я все надеюсь избавиться и, кажется, постепенно избавляюсь, и в которую иногда опять впадаю. Во время своих размышлений я придумал для этого название — *спускаться в ад*, и, право, иногда это название не кажется мне сильным. Затем, если разделить все горести и радости на действительные и представляемые, то в первом отделе у меня больше было радостей, а во втором, думаю, больше горестей. Я не испытал больших несчастий в жизни, а разве только неудачи, и со своею способностью преувеличивать всегда больше наслаждался хорошими обстоятельствами, чем горевал о дурных. Мне знакомы самые странные восторги, когда человек готов целовать землю и разговаривать с деревьями и облаками.

Но другое дело *представляемые* горести и радости, куда я отношу *ревность, славолубие, раскаяние, стыд* и т[ому] п[одобное] словом то, что зависит от наших мыслей, а не от прямых отношений к людям и обстоятельствам. Было у меня много и сладких мечтаний, например, о славе, о будущих моих литературных успехах. Но меньше всего я знал меры в преувеличении своих печальных чувств. Ревность, чувство своего ничтожества, раскаяние в своем разврате, стыд от всего стыдного и, кажется, всего больше *стыд стыда*, стыд того унижения, которое чувствуется в стыде — все это я испил до капли, все это я раздувал в огромные муки и носился с ними по годам. Когда же случалось опомниться, то эти призраки часто вовсе исчезали, чаще же всего являлись в очень малых и каких-то колеблющихся размерах. Понемногу я приучился не верить себе, не верить в свою душу, и стал стараться отыскать действительные свойства и меру того, что пережил. Эти искания продолжаются до сих пор и, должен признаться, я вовсе не твердо надеюсь на успех.

Думаю, что я не какой-нибудь гадкий или преступный, или отчаянно-грешный человек. Я в известном отношении хуже — я человек безжизненный, в котором мало души, нет воли в смысле живых стремлений. Я во всех сферах неудавшийся, ни в чем не сформировавшийся, ни в какую форму не отлившийся человек, потому что во мне не было настолько формирующей силы, притяжения к жизни. Ни один инстинкт не говорил во мне так сильно, чтобы определить мои поступки и образ жизни. Я правильно сделал, отказавшись наконец вовсе от жизни; я не умею жить и не хочу за это браться. Всего лучше это объяснить на отношениях к женщинам. Я ни за одною не волочился в настоящем смысле пристрастия и никогда не собирался жениться. Две мои связи произошли оттого, что того хотели эти женщины, а не я. Это стыдно сказать мужчине, и я за это наказан больше, чем стою. Так и во всем другом. Я ничего не достигал сам, а только поддавался тому, что встречалось на пути, или уклонялся от опасного и неприятного. Когда я чувствую себя покрепче, мне иногда кажется, что я самый свободный человек в мире, именно такой, у которого нет никаких побуждений действовать, который в случае, если нужно сделать выбор, должен прибегать к самым искусственным соображениям, чтобы решить, что ему делать. Я распределяю разные мелочи ежедневной жизни совершенно произвольно и потом неизменно держусь этого порядка только потому, что нужно же как-нибудь жить, а следовать желаниям я не могу — их у меня нет.

Нередко при таких мыслях во мне подымается чувство отвращения к себе, но я боюсь, что это внушается мне моею гордостью, моими притязаниями на что-то высшее. И я вспоминаю главное правило: *нужно быть самим собою* и не корчить из себя того, чего в тебе нет.

Может быть, бесценный Лев Николаевич, Вы найдете в том, что я написал, больше, чем я сам нахожу; но я всеми силами старался быть правдивым. Я в истинном затруднении; слепота, которую наводят на меня мои преувеличения и *представления* чувства, не дает мне быстро понимать других людей; я то нахожу весь мир злым и глупым, то умиляюсь перед душою и сердцем людей и вижу множество ума в их мыслях. Присматриваясь к людям, я наконец замечаю и то, что в них много тех самых черт, которые я готов был считать своею особенностью, и тогда, рассматривая себя в них, начинаю смотреть на себя иначе, не в том хаотическом и печальном свете, в котором обыкновенно созерцаю собственную фигуру. Может быть, для описания этой фигуры и ее походов самое лучшее было бы взять тон юмористический или даже трагикомический — прав ведь Шопенгауэр, говоря, что жизнь человека в одно время и трагедия и комедия.

Простите пока. На Ваше коротенькое письмо, я Вам отвечаю длинным, и буду продолжать, если Вы не прочь, а особенно если подстрекнете меня каким-нибудь вопросом. Пошлю Вам завтра книги, какие найду. Вот вторую неделю, как я — *присяжный*², и потому так долго не отвечал Вам. Очень много отнимает времени, но любопытно.

Всею душою Ваш
Н. Страхов

1879 г. 17 ноября. Спб.

¹Псалтирь, 50: 12.

²*Присяжный, присяжный заседатель* — судья-непрофессионал, участвующий в уголовном процессе. Присяжные заседатели образуют отдельную от профессиональных судей коллегию, которая выносит вердикт о виновности или невиновности подсудимого.

242. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

19...22 ноября 1879 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич.

Вы пишете мне, как бы вызывая меня. Да я и знаю, что вы дорожите моим мнением, как я вашим, и потому скажу всё, что думаю. Только прошу, не слушайте моих слов, как живого человека, с которым могут быть счёты, отношения, соревнования — возможность быть оскорбленным моими словами или польщенным, — смотрите как на сочувственный любовный отголосок души человеческой, страдавшей и страдающей, не скажу, не меньше, но свое. Чужое виднее. И мне вы ясны. Письмо ваше очень огорчило меня. Я много перечувствовал и передумал о нем. По-моему, вы больны духовно. И ваша болезнь вот такая. В нас две природы — духовная и плотская. Есть люди, живущие одной плотью и не понимающие того, как можно центр тяжести свой переносить в духовную жизнь. Я называю переносить центр тяжести в духовную жизнь то, чтобы вся деятельность руководилась духовными целями. Есть люди, живущие плотью и понимающие — только понимающие духовную жизнь. Есть люди счастливые — наш народ, буддисты, помните, о к[оторых] вы говорили, к[оторые] до 50 лет живут полной плотской жизнью и потом вдруг переступают на другую ногу, духовную, и стоят на ней. Есть еще более счастливые, для к[оторых] творить волю Отца есть истинный хлеб и истинное питье и к[оторые] смолоду стали на эту ногу духовную. Но есть такие несчастные, как мы с вами, у к[оторых] центр тяжести в середине и они разучились ходить и стоять. Всё в том мире, в котором мы жили, так перепутано — всё плотское так одето в духовный наряд, всё духовное так облеплено плотским, что трудно разобрать. Я хуже вас и потому счастливее в этом горе. Во мне плотские страсти были сильны и мне легче раскачнуться и разобрать, где то, где другое, но вы совсем спутаны. Вы хотите добра, а жалеете, что в вас мало зла, что в вас нет страстей. Вы хотите истины, а жалеете и как будто завидуете, что у вас нет ничего хищного. Да что же хорошо, что дурно? Вы очевидно не знаете так, чтобы не бояться ошибиться, делая добро.

И вам писать свою жизнь нельзя. Вы не знаете, что хорошо, что дурно было в ней. А надо знать. Если вы умели ходить прежде когда-нибудь в детстве, если другие ходят, то вы должны ходить, а

если не ходите, то вы пьяны, больны, надо отрезвиться, лечиться. По тому пути, по кот[орому] вы идете, вы ни к чему не можете прийти, кроме как к отчаянию, стало быть дорога не та и надо вернуться назад.

В учении Христа я нашел одну особенную черту, отличающую его от всех учений. Он учит, толкует, почему смысл нашей жизни тот, кот[орый] он дает ей. Но притом всегда говорит, что надо исполнять то, что он говорит, и тогда увидишь, правда ли то, что он говорит. Или: свет дан миру, но они полюбили тьму, потому что дела их злы¹. Или: кто верит в сына человеческого, тот и будет делать дела Божии². Тут метафизический узел. И он не развязывается разумом, но всей жизнью.

Верьте, перенесите центр тяжести в мир духовный, все цели вашей жизни, все желания ваши выходили бы из него, и тогда вы найдете покой в жизни. Делайте дела Божии, исполняйте волю Отца, и тогда вы увидите свет и поймете.

Признак истины не в разуме, а в истинности истины всей жизни. Переносите усиленно, сознательно свою жизнь на духовную, одну духовную сторону, и вы найдете покой душам вашим, и бремя пресыщения и перегрузка свалится с вас, и вам станет легко.

Должно быть, не пошлю это. Я очень занят работой для себя, кот[орой] никогда не напечатаю.

Простите.

¹Иоанн, 3: 19.

²Иоанн, 6: 28-29.

243. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

22...23 ноября 1879 г. Ясная Поляна.

Написал вам длинное письмо, дорогой Николай Николаич, и не посылаю его. Я очень занят, очень взволнован своей работой¹. Работа не художественная и не для печати. И ваше письмо очень опечалило и взволновало меня.

Письмо ваше нехорошо и душевное состояние ваше нехорошо. И писать вам свою жизнь нельзя. Вы не знаете, что хорошо, что дурно. Вы, живущий добро и для добра, тужите, что в вас нет страстей — зла. Дай вам Бог пересилить всю наросшую ложь ваших представлений — я снял часть этой коры и знаю отчасти толщину ее — и полюбить себя, вашу жизнь добра саму в себе, которую я люблю в вас, в себе, в Боге и кот[орую] одну можно любить и в которой одной можно жить. Простите меня. От души люблю вас и надеюсь, что вы найдете иго, к[оторое] легко, и время, к[оторое] добро, и найдете покой душе ваш[ей].

Ваш Л. Толстой

¹Толстой работал над большим сочинением религиозно-философского содержания. Оно не имеет заглавия и начинается словами: «Я вырос, состарелся и оглянулся на свою жизнь...». Сочинение это под условным названием «Искания истинной веры» хранится в ОР ГМТ. Рукопись сочинения представляет собой тетрадь в твердом переплете, в тетради 106 листов. Текст сочинения разделен на 5 глав. В первой главе Толстой рассказывает о своем душевном состоянии, о своем отчаянии, о поисках спасения в церковной вере (опубликовано в сборнике «Неизвестный Толстой в архивах России и США» (М-ва, 1994), С. 122–127).

Во II и III главах Толстой критически разбирает основы церковной догматики и отвергает их как противоречащие требованиям разума. В IV главе Толстой возвращается к началу и еще раз излагает ход своих мыслей, приведших его к теперешнему состоянию, в более сжатом виде. Пятая глава занимает три четверти тетради и посвящается изложению всех четырех Евангелий, причем тех мест из них, которые представляются Толстому понятными, поучительными. Завершает сочинение Толстой определением своего понимания смысла евангельского учения и критикой с точки зрения христианского учения существующего общественного строя и церкви. Едва закончив сочинение, Толстой вернулся к началу и принялся перерабатывать весь текст. После переработки из первой главы сочинения выросла «Исповедь» Толстого.

244. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

1 декабря 1879 г. Санкт-Петербург.

Благодарю Вас, бесценный Лев Николаевич. Вы пожалели обо мне, когда я попробовал открыть Вам гадости, которые у меня на душе. Вы видите, что я был прав, когда молчал, и сами советуете мне молчать. Но ведь жаловаться так приятно! Только прошу Вас, не отвертывайтесь от меня, не бросайте меня. Какое огорчение, что Вы не послали Вашего большого письма! Почему бы не послать? Я бы верно многому научился, и уверяю Вас — не могу придумать, как я могу обидеться на какие бы то ни было Ваши мысли. Если хотите быть добрыми до конца, пришлите.

А меня простите, если я опечалил Вас. Я бы хотел скорее исчезнуть, чем Вас волновать и печалить. Чувствуя очень смутно, в чем мы расходимся, я всегда устранию себя и желаю успеха и развития только Вашей мысли, Вашему началу. Вы полны жизни, а в себе я чувствую смерть. Дай Вам Бог всего хорошего, дайте мне порадоваться издали на Вашу жизнь и деятельность.

Троицкий, которого сочинение я Вам послал¹, пишет, что *катехизисы* собственно вошли в употребление только после Реформации, так что об Арианском и Несторианском катехизисе не может быть и речи, а лучше всего отыскать изложение этих исповеданий у церковных историков, Neander², Gieseler³ и т. п. Он величайший знаток дела, и я готов ему вполне верить. Как же быть? Это многотомные сочинения. Не прислать ли Вам из Библиотеки?

Я здоров и усиленно работаю над своею статьею⁴ — это меня забавляет. Настроение в городе очень дурно, все огорчены и раздражены. Государя встретили очень тепло⁵.

Еще раз — простите меня и будьте здоровы и благополучны. А что здоровье Графини? Я видел Петра Андреевича⁶ и он мне рассказывал, как усердно у Вас учатся и учат.

Всею душою Ваш
Н. Страхов

1879. 1 дек. Спб.

P.S. Громека⁷ писал мне из Варшавы и спрашивал, нельзя ли ему на праздниках побывать у Вас. Я отсоветовал — не правда ли, так и нужно? Он в декабре будет здесь.

¹Троицкий Иван Егорович (1834–1901) — профессор церковной истории в Санкт-Петербургской Духовной Академии и университете. Вероятно, имеется в виду его сочинение «О происхождении Евангелий». Б.м., б.г., хранящееся в Библиотеке Толстого в Ясной Поляне.

²Неандер Август (August Johann Wilhelm Neander) (1789–1850) — немецкий церковный историк, автор капитального труда «Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche» («Всеобщая история христианской религии и церкви») (1825–1845).

³Гизелер Иоганн-Карл (Johann Karl Ludwig Gieseler) (1792–1854) — немецкий церковный историк, автор труда «Lehrbuch der Kirchengeschichte und Dogmengeschichte» («Пособие по истории церкви и догмата») (1824–1857).

⁴Страхов работал над статьей «Об основных понятиях физиологии».

⁵Император Александр II возвращался в Петербург через Москву после отдыха в Крыму. На пути следования царского поезда народовольцы подготовили несколько засад. 19 ноября 1879 г. под Москвой был взорван состав, в котором ехала многочисленная свита императора. Царский поезд не пострадал.

П. А. Берс — брат С. А. Толстой.

Громека Михаил Степанович (1852–1883) — критик. Преподавал русский язык и историю в 6-й варшавской гимназии. Встречался с Толстым в 1875 г., разделял его педагогические идеи. Главная литературно-критическая работа Громеки — «Последние произведения гр. Л. Н. Толстого: «Анна Каренина» — журнал «Русская мысль» (1883, №№ 2–4; 1884, № 11) и отдельное издание (М-ва, 1884).

245. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

11...12 декабря 1879 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаич.

Письмо к вам затерял, да оно не стоило того. Я лучше вам всё скажу, когда Бог даст свидеться. Милый Николай Николаич, я очень благодарен вам за ваше письмо — первое длинное. Я дорожу вашим доверием ко мне. Я рад был заглянуть вам в душу, так как вы открыли; но меня огорчило то, что вы так несчастливы, беспокойны. Я не ожидал этого. — И признаюсь, никак не могу помириться с мыслью, что вы не знаете, зачем вы живете и что хорошо и что дурно. Мне не только кажется, но я уверен, что вы всё это на себя выдумываете. Вы не умели сказать то, что в вас, и вышло что-то непонятное. Нам виднее — нам, тем, кот[орые] знают и любят вас. Но писать свою жизнь вам нельзя. Вы не сумеете.

Радуюсь, что вы пишете свою статью. Вот это вы умеете.

Я очень занят и очень напрягаюсь¹. Всё голова болит. Жена² еще ходит. С дня на день жду родов³.

Поблагодарите Стасова за Петровича⁴ и его милое письмо⁵. И попросите извинения, если и теперь не отвечу, хотя хочу ответить.

Как он перенес смерть брата⁶ и как судит об этом? Очень бы желал знать.

Нагорный просил меня передать вам, что будет в Комитете⁷ требовать одобрение на новое издание Азбуки и Книг⁸. Пожалуйста попросите, чтобы они поскорее пропустили, а то раз они задержали и наделали много хлопот.

Еще печатаю собрание сочинений⁹ и просил Нагорнова¹⁰ послать вам образец бумаги и шрифта. Я в этом ничего не понимаю, так скажите, хорошо ли так.

Ваш Л. Толстой

¹В ноябре-декабре Толстой написал две статьи: «Церковь и государство» (ПСС, Т. 23, С. 475–483) и «Что можно и чего нельзя делать христианину» (ПСС, Т. 90, С. 123–124).

²С. А. Толстая.

³20 декабря у Толстых родился сын Михаил (умер в Марокко в 1944 г.).

⁴Сказителя былин Василия Петровича Щеголенкова.

⁵Письмо В. В. Стасова от 5 декабря 1879 г. — см.: «Лев Толстой и Стасов. Переписка» (Л-д, 1929), С. 42–43.

⁶30 ноября 1879 г. умер старший брат Стасова Николай Васильевич (р. 1818), офицер-артиллерист, затем бау-адъютант Зимнего дворца.

⁷В Ученом комитете Министерства народного просвещения.

⁸Речь идет о втором издании «Новой азбуки», вышедшем в 1880 г., и о пятом издании «Русских книг для чтения», вышедшем в 1879 г.

⁹Четвертое издание «Сочинений» Толстого в 11 томах, вышедшее в 1880 г.

¹⁰Нагорнов Н. М.

246. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

8 января 1880 г. Санкт-Петербург.

Вы не только удивили меня, бесценный Лев Николаевич, как это много раз бывало, но Вы на этот раз меня успокоили и согрели¹. Я как будто чувствую, что найдена твердая точка, на которой следует стоять, которую нужно отыскивать в случае волнения и колебания; я действительно стал спокойнее и радостнее. Меня как будто что-то вдруг озарило, и я все больше и больше радуюсь и все вглядываюсь в этот новый свет. Скажу Вам откровенно, что меня прежде смущало и отчего для меня так нова Ваша теперешняя мысль. Мне всегда казалось непонятым и диким *личное бессмертие* в той форме, в которой его обыкновенно представляют; точно также мне был всегда противен *мистический восторг*, до которого старались доходить большинство религиозных людей, говоривших почти так, как Вы. Но Вы избежали и того и другого; как ни горячи движения Вашей души, но Вы ищете спасения не в самозабвении и замирании, а в ясном и живом сознании. Боже мой, как это хорошо! Когда я вспоминаю Вас, все Ваши вкусы, привычки, занятия, когда вспоминаю то всегдашнее сильнейшее отвращение от всех форм фальшивой жизни, которое слышится во всех Ваших писаниях и отражается во всей Вашей жизни, то мне становится понятным, как Вы могли наконец достигнуть Вашей теперешней точки зрения. До нее можно было прийти только силою души, только тою долгою и упорною работою, которой Вы предавались. Пожалуйста, не браните меня, что я все хвалю Вас; мне нужно в Вас верить, эта вера моя опора. Я давно называл Вас самым цельным и последовательным писателем; но Вы сверх того самый цельный и последовательный человек. Я в этом убежден умом, убежден моею любовью к Вам; я буду за Вас держаться и надеюсь, что спасусь. Теперь я понимаю, как глупо было мое длинное письмо, где я жаловался, как на недостатки, на то, что ни хорошо ни дурно, и что можно считать дурным и несчастным только с дурной точки зрения.

Эти припадки малодушия мучительны только для нашей гордости. — Мне кажется, я все понимаю! *Иго мое благо и бремя мое легко*² — мне кажется, я это понял! И не дай только, Боже, забыть, не дай, Боже, так поддаться злу, чтобы потерять из виду узкий путь спасения.

*Любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас*³. И это я понимаю. Как хорошо предаваться добрым движениям души, из которых иных я, бывало, стыдился! Но я все боюсь, все боюсь, и лишь изредка является во мне уверенность, что, потерявши мой теперешний свет, я непременно сумею снова найти его.

Бесконечно благодарю Вас!

Меня, разумеется, много спрашивают об Вас, и я в большом затруднении. Я говорю обыкновенно, что Вы теперь в сильном религиозном настроении, что Вы дошли до него самым правильным путем — через изучение народа и сближение с ним, что Вы пишете историю этих Ваших отношений к религии, историю, которая не может явиться печатно. Все одобряют, хотя под словом религия они понимают совсем другое, и я не берусь за объяснение — я еще слишком слаб и не придумал, с чего начинать и как говорить. А главное — мне их жалко, мне страшно им сказать, что все, что они делают и чем живут, — вздор. Да и чувствую, как это покажется странно и невероятно.

Новостей важных кажется нет. Повесть Гончарова⁴ — у вас есть: *отменно тонко и умно*, но бледно и скучно.

В полемике Тургенева с Маркевичем⁵ я перешел на сторону Маркевича, так как Тургенев напал на Маркевича с высоты своей гражданской доблести. Мне не дали ордена⁶, к которому я был представлен и т. д. Все это, конечно, пустяки. Сегодня был у меня Михайло Степанович Громека. Он очень, очень мил, хотя и раздражает своею медлительностью. Очень хотелось мне поговорить с ним о русской словесности, но сегодня нельзя было, да и боюсь, что не совладаю. Он собирается на денек к Вам; я его и не ободрял и не удерживал. Если же он приедет, то Вы можете сделать настоящее доброе дело, убедивши заняться чем-нибудь лучшим.

Как я ни стараюсь, но, может быть, чем-нибудь провинился перед Вами; если так, простите и дайте мне только возможность вперед не провиниться перед Вами. А я повторяю: неизменная, всегдашняя Вам благодарность и любовь за то, чем Вы были и есть для меня!

Ваш Н. Страхов

1880. 8 янв. Спб.

¹В конце декабря 1879 г. Страхов гостил в Ясной Поляне.

²Матфей, 11: 30.

³Матфей, 5: 45; Лука, 6: 27.

⁴Очерк И. А. Гончарова «Литературный вечер» — журнал «Русская речь» (1880, Кн. 1).

⁵Литератор Б. М. Маркевич выступил под псевдонимом «Иногородний обыватель» со статьей «С берегов Невы» в газете «Московские ведомости» от 9 декабря 1879 г. В статье разбиралось предисловие Тургенева к автобиографическим очеркам И. Я. Павловского «En cellule. Impressions d'un nihiliste» («В одиночном заключении. Впечатления нигилиста») (1872), напечатанным в парижской газете «Le Temps». Маркевич писал в оскорбительных тонах о личности Тургенева и обвинил его в «кувыркании» перед русской молодежью. Тургенев отвечал, не называя имени Маркевича, в газете «Молва» от 29 декабря 1879 г. и в журнале «Вестник Европы» (1880, № 2).

В письме к Толстому от 28 декабря 1879 / 8 января 1880 г. Тургенев писал: «...Меня очень тронуло сочувствие, выраженное Вами по поводу статьи в «Московских ведомостях»; и я, с своей стороны, почти готов радоваться ее появлению, так как оно побудило Вас сказать мне такие хорошие, дружелюбные слова. Когда я отошел от «Русского вестника», Катков велел меня предупредить, что я, дескать, не знаю, что значит иметь его врагом: вот он и старается мне это доказать. Пускай его! Моя душа не в его власти...» (И. С. Тургенев. Переписка. Т. 2, С. 147).

Письмо Толстого к Тургеневу, с «хорошими, дружелюбными словами», неизвестно.

⁶Страхов был представлен к ордену Анны 2-й степени, но министр просвещения граф Д. А. Толстой не утвердил представления.

247. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

16...17 января 1880 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаич.

Должно быть, что я в одно время с этим письмом буду в Петерб[урге], но все-таки чувствую необходимость написать вам несколько слов на ваше последнее письмо. Давно я не испытывал такой радости, какую доставило мне ваше письмо. Я знаю, что вы искренний человек, но все-таки мне надо было повторять себе это несколько раз, чтобы знать, что я не заблуждаюсь и что правда, что моя мучительная духовная работа не напрасный труд и что вам она была полезна. Очень я рад. Скоро увижусь с вами.

Ваш Л. Толстой

248. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

3...4 февраля 1880 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаич.

Чувствую, что я был очень дурен перед вами в П[етер]б[ург]е¹. Но ваше пристрастие ко мне надеюсь преодолееет дурное впечатление. Пожалуйста, сделайте, чтобы это так было. Я и всегда-то неловок в обращении с людьми, а заеду в Петерб[ург], то уж совсем ошалее. — Ну будет жалобить вас. Я, слава Богу, здоров, дома хорошо и хорошо работал, но жизнь ужасно коротка и осталось её, я знаю, немного. Издание продал Салаеву². Поездка моя в Петерб[ург] и за этими гадкими денежными делами и вся эта суеда испортила меня значительно нравственно, но поверите ли, этот упадок нравственный облегчил меня. Кроме того во время моей поездки я, чтобы поддерживать свои силы, много ел, пил вино и вернувшись продолжал тот же образ жизни, и мне стало лучше во всех отношениях.

Работа моя³ очень утомляет меня. Я все переделываю — не изменяю, — а поправляю сначала и боюсь, что много пишу лишнего и каждый день думаю о вашем суде. Что вы делаете? Напишите мне также про себя. А главное любите меня по-прежнему и изредка пишите.

Любящий вас Толстой

¹Толстой был в Петербурге 20–21 января 1880 г.

²Право издания сочинений в 11 частях было продано книгопродавческой фирме «Наследники братьев Салаевых» за 25 тысяч руб.

³«Исследование догматического богословия».

249. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

14 февраля 1880 г. Санкт-Петербург.

Вижу, что если буду дожидаться свободного времени, то еще долго не напишу Вам, бесценный Лев Николаевич. А я собирался писать о Вашей грусти, которая всегда ужасно меня поражает и которая слышна и в Вашем последнем письме. Вы в цвете сил; никакой болезни у Вас нет; отчего Вам грустить и говорить о смерти? Но Вы ужасно живете; Вы жжете себя беспощадно — можно ведь похвалить Вас за это, но мне хочется бранить.

Пишу Вам наскоро, в Библиотеке; разная суета так меня заторможила, что я чуть не плачу. Да, мне досадно было, что Вы не посидели на моем кресле, но если бы Вы себя принудили, тоже было бы плохо. Все идет, как ему следует идти, и когда я чувствую свое одиночество и недостаток тепла вокруг себя, я всегда заключаю, что я это заслужил.

Своей статьи я так до сих пор и не кончил; но чувствую веру, что могу кончить и что стоит кончать. Собственно я ничего не делал, и только прислушивался к внутреннему голосу, стараясь уловить самое ясное и чистое его выражение. Но это трудно писать — лучше отложу.

Фет написал мне два больших письма, в которых рассказывает свой *умственный спазм*, как он выражается. Он не может Вас понять. Я брался было объяснить, но ничего из этого не вышло — не успел и расписаться.

То, что Вы пишете, конечно, необходимейшая вещь. От всей души желаю Вам хороших сил и хороших дней; но в неотразимости (как и всего, что Вы пишете) я заранее уверен.

Пока простите

Вашего неизменно любящего
Н. Страхова.

1880. 14 февр.

250. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

1...2 марта 1880 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаич.

Каждый день собираюсь писать вам и каждый день так устану от работы, что тяжело взяться за перо. Нынче, думаю, так всегда будет, если с утра не напишу хоть словечко. Главное, не думайте и не позволяйте хоть на минуту входить вам в голову сомнению в моей любви к вам.

Весна подходит. И я, думая о лете, только тем утешаюсь, что авось вы проведете его у нас. Пожалуйста, если вы не сделали планов, проживите со мной ваши каникулы. Проживем ли еще лето, а это проживемте вместе — пожалуйста, пожалуйста. Я очень много работаю. Бумаги измарал много с большим напряжением и не скажу радостью, но с уверенностью, что это так нужно. Особенно тяжело мне было то, что, начав все перерабатывать сначала, я отдел обзора православного богословия должен был расширить. И я изучил хорошо богословие и теперь вот кончаю разбор его. Если бы мне рассказывали то, что я там нашел, я бы не поверил. И все это очень важно.

У нас все здоровы.

Что вы? Работаете ли и как? Вам должно быть очень трудно воздерживаться от вихря политической жизни, к[оторый] дует около вас. Я, сидя в деревне, и то не удерживаюсь и делаю величайшие усилия, чтоб он меня [не] сдул и чтоб я не сбивался с дороги.

Обнимаю вас от души.

Ваш Л. Толстой

Кланяйтесь Стасову и спросите у него, получил ли он мое письмо, вскоре после моего отъезда из Петерб[урга]. Мне ответа не нужно, а я подозреваю, что оно пропало.

251. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

9 марта 1880 г. Санкт-Петербург.

Благодарю Вас от всей души, бесценный Лев Николаевич. Очень Вы утешили меня Вашим приглашением; так и сделаю, и лучше быть не может. Я все носился с планом съездить в Константинополь и в Афины, но очень дурно носился, т. е. не запасал денег и не готовился, а покупал книг и принимался их читать. Вообще я жил *опустившись* и чувствовал себя нехорошо; оттого я так долго и не писал Вам, а давно уже собираюсь. Как я ни медлителен, а все же я знаю, что мне во сто раз легче писать письма, чем Вам, с Вашею ужасною головою работою. Моя статья остановилась, но я с радостью чувствую, что она все больше и больше зреет у меня в голове, и сегодня решил не печатать ее раньше лета или даже осени. Очень бы нужно также написать об Анне Карениной. Здесь все толкуют о Вашем *обращении* и толкуют в Стасовском духе. Стасов недавно приходил и наговорил мне много глупостей, напр[имер] что он ценит Вас только как художника (и так, говорит он, надобно вообще ценить людей), что Вы теперь уже не можете писать романы, и потому потеряли для него всякое значение. Он, конечно, сам не знает, что говорит. Но я в таких случаях в большом затруднении, как и с Фетом и с Менделеевым, с которым тоже имел долгий разговор о Вас. Когда я начинаю говорить о Вашем настроении, я вдруг чувствую, что слова мои принимаются не в том смысле, какой я им даю, и что вообще я не могу ничего объяснить тем, кто сам не дошел до понимания дела. Стасову я передал Ваш поклон и вопрос. Письмо Ваше¹ он получил и тогда же читал мне, а теперь собирается отвечать.

Политическая жизнь — должен сознаться — не увлекает меня, а служит как-будто отдыхом и развлечением. Общее настроение здесь очень благоприятное мыслям Павла Дмитриевича² — я часто был очень удивлен этим. Всего больше меня интересует наше министерство — по некоторым моим давно лелеемым мыслям. Сколько можно судить, теперь все тихо, и мне все кажется, что все опять может погрузиться в долгую тишину. Лорис-Меликов³ всех восхищает, но что он делает, никому не известно.

Простите, бесценный Лев Николаевич. Я все тот же Ваш неизменный и преданный, и за это Вы прощайте мне, когда не пишу или плохо пишу. Будет светлая минутка, — я постараюсь высказаться получше.

Всей душою Ваш
Н. Страхов

1880. 9 марта. Спб.

¹Письмо к Стасову от 4? февраля 1880 г. (ПСС, Т. 63, С. 10–11).

²П. Д. Голохвастов был теоретиком славянофильской идеи Земского собора. Позже, в 1882 г., был вызван министром внутренних дел Н. П. Игнатьевым в Петербург для разработки основ этого органа, назначен чиновником особых поручений при министре, вел обширную переписку с И. С. Аксаковым, составил проект императорского манифеста о созыве собора. Однако эта идея была отвергнута Александром III, и Голохвастов вышел в отставку.

³Министр внутренних дел граф М. Т. Лорис-Меликов с февраля 1880 по май 1881 гг. возглавлял Верховную распорядительную комиссию по охранению государственного порядка и общественного спокойствия, задачей которой было «положить предел беспрерывно повторяющимся в последнее время покушениям дерзких злоумышленников поколебать в России государственный и общественный порядок». Комиссия была создана после взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. и наделена чрезвычайными полномочиями. Лорис-Меликов должен был выполнять двойную функцию — ужесточить проправительственные меры, в том числе усилить цензуру и, с другой стороны, смягчать слишком прямолинейную политику правительства, укреплявшую ряды оппозиции. Время его деятельности получило название «диктатуры сердца» и не оправдало возлагавшихся на него надежд. После убийства Александра II был уволен в отставку и почти безвыездно жил в Ницце. Родственник Толстого А. М. Кузминский был приглашен Лорис-Меликовым для работы в составе комиссии.

252. Л. Н. и С. А. Толстые — Н. Н. Страхову

24...25 марта 1880 г. Ясная Поляна.

Благодарствуйте, дорогой Николай Николаич, что не отказали мне. Я очень, очень рад и благодарен вам. Я все работаю¹ и не могу оторваться и часто счастлив своей работой, но очень часто слабею головой. Напишите как-нибудь.

Любящий вас Л. Толстой

Мы все так рады, Николай Николаевич, что Вы согласились к нам приехать на лето, и мы постараемся, чтобы Вам было хорошо и удобно. Меня всегда мучает, что Вам у нас беспокойно и шумно, и скучно. Сестра² тоже придет 1-го мая на все лето, и я себе представляю лето как праздник. Лев Николаевич совсем себя замучал работой, ужасно устает и страдает головой, что меня сильно тревожит. Но оторвать его нет никакой возможности.

Как Вы теперь поживаете, что Ваше здоровье и Ваша работа? Моя мечта — прочесть когда-нибудь сразу все Ваши сочинения, но теперь мне от Марфинских («Марфа, Марфа, печешеси о мнозем»)³ трудов нет ни времени, ни умственной свежести понять серьезный труд.

До свидания, Николай Николаевич, спасибо Вам, что нас не забываете.

С. Толстая

¹Толстой начал работу над «Соединением и переводом четырех Евангелий», которую закончил в 1881 г.

²Т. А. Кузминская.

³Лука, 10: 41 («Марфа, Марфа, ты заботишься и суетишься о многим»).

Благодарю вас за дорогую
 книжечку Николая. Это
 что мы встречаем. И так.
 Я очень очень рада и
 благодарю вас. И все
 равно и не могу себе
 представить и часто счастливой,
 своим радостью, но очень
 же счастливо часовый на
 меня. Как мило
 и любезно вам.

Мы все очень рады, Николай
 Николаевич, что вы согласились
 к нам приехать на лето, и
 мы постараемся, чтобы вам
 было хорошо и удобно. Моя всегда
 радуется, что вы у нас будете.

и узнаю и охотно Сестра моя
 опиндеи 1^{но} Как на все нам,
 и я себя представляю много как
 праздник. Сестр. Николаевич, собственн
 себя загрузил работой, устал
 утомлен и страдает головой,
 что для семьи пережито. Но он
 любит его и не имеет никакой возможности.
 Как бы теперь пожелаете, что
 ваше здоровье и ваша работа? Не
 ласка просит когда и где сразу
 все ваше состояние, но теперь
 еще от Марсианки (Марса, Марс
 перемена и много) трудов, и так и
 бремен; он даст вам свои дела и
 имеет серьезный труд.

Да сдается, Николай Николаевич
 спасибо вам, что нас не забываете

О Милая

...от 24...25 марта 1880 г.

253. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

25 марта 1880 г. Санкт-Петербург.

Пишу к Вам, бесценный Лев Николаевич, только чтобы доказать, что все думаю об Вас и хотел бы сделать Вам что-нибудь приятное. Но меня что-то мучит, а что я сам не знаю и не сумею даже хорошенько пожаловаться. Уж не корректуры ли Шопенгауэра¹? Вот уже половина месяца, как он печатается и беспокоит меня немало. Мне досадно, что при этом я не успеваю ни за что приняться. Между тем я читаю, и преимущественно в том направлении, которое Вы воплощаете в себе в такой удивительной мере. Я не мог многого понимать, до тех пор, пока не увидел перед собою живого человека, который, как я твердо знаю, понимает это дело не отвлеченно, а сердечно. И те, которые не знают Вас, не знают Вашей души, едва ли могут Вас понять. Они принимают Ваши слова в каком-нибудь другом смысле, и думают, что Вы парадоксальничаете и дразните их. Я читал — *Deutsche Theologia*², М-me Guyon, Сведенборга³, Фихте⁴, читал об Аверроэсе⁵, о Людах Божиих — особенно интересны сведения о *Радаеве*, которого судили в пятидесятых годах (в книге Добротворского⁶), — и пр. и пр. Везде я вижу одно, та же основная мысль об отречении от мира и своего я и об единении с Богом всюду составляет сущность дела и только искажается разными прибавками. И это идет от древнейших времен Индии и Персии.

А Герберт Спенсер написал недавно статью о *добре и зле*⁷; в ней он преглубоко доказывает, что добро есть удовольствие, а зло — неудовольствие. Что же касается до аскетов, то он объясняет их тем, что дикие люди любят смотреть на мучения пленных врагов, а потому некоторые сумасброды вообразили, что и Богу будет приятно, если они станут себя мучить перед Его глазами. Так рассуждает самый известный и самый плодовитый философ нашего времени. Я видел недавно японца, который в год с небольшим выучился по-русски. Первое, что он начал читать, были Бокль⁸, Дрепер⁹ и Спенсер.

Простите, дорогой Лев Николаевич. Весна у нас ужасная. Холода были очень противны, без снега и с ветром. Теперь полегче.

Всею душою Вам преданный

Н. Страхов

1880. 25 марта. Спб.

¹Корректурa сочинения А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление», переведенного А. А. Фетом.

²«Немецкая теология».

³Сведенборг Эмануэль (Emanuel Swedenborg) (1688–1772) — шведский ученый и теософ-мистик. Оставил труды по горному делу, математике, астрономии. Почетный член Петербургской Академии наук (1734). Общины последователей теософии Сведенборга существуют в различных странах, преимущественно в США и Великобритании.

⁴Фихте Иоганн Готтлиб (Johann Gottlieb Fichte) (1762–1814) — немецкий философ, представитель немецкого классического идеализма.

⁵Ибн Рушд (латинизир. Averroës — Аверроэс) (1126–1198) — арабский философ и врач, представитель восточного аристотелизма.

⁶Книга профессора церковной истории Казанского университета И. М. Добротворского «Люди Божии. Русская секта так называемых духовных христиан» (Казань, 1869).

⁷Вероятно, имеется в виду работа Г. Спенсера (Herbert Spencer) «Data of ethics» («Основание этики») (1879).

⁸Бокль Генри Томас (Henry Thomas Buckle) (1821–1862) — английский историк и социолог, позитивист. Его основной труд — «The History of civilization in England» («История цивилизации в Англии») (1857–1861; русский перевод 1861).

⁹Дрепер Джон Уильям (John William Draper) (1811–1882) — английский физик, химик, физиолог и историк. В России имя Дрепера сделалось известным, главным образом, благодаря его сочинению «The History of the intellectual development of Europe» («История умственного развития Европы»), переведенному на русский язык в 1862 г. и выдержавшему несколько изданий.

254. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

16 апреля 1880 г. Санкт-Петербург.

Со мною случилась беда, бесценный Лев Николаевич; оказывается, что я провинился и перед Вами, и перед другими, именно перед Нагорным¹. Он пишет мне вот уж третье письмо, просит отзыва Ученого комитета о Вашей Азбуке. Я в Комитет: говорят, ничего не получали. Ну, думаю, получится, сейчас пошлют отзыв. Говорю Майкову²; ни минуты не задержу, отвечает он. Второе, третье письмо — то же самое; по всем справкам были присланы книжки еще в марте прошлого года, и отзыв по ним дан Майковым и отослан, а теперь ничего нет. Представьте вдобавок, что Нагорный не пишет, когда и что послано, а я потерял его адрес и даже не помню, как его по имени и отчеству. Повертелся я повертелся — и решаюсь просить Вас: выручите — напишите мне имя и адрес Нагорного, чтобы списаться. А то я даже извиниться не могу!

Все это — моя вина, моя лень и неаккуратность. Я знаю, что Вы меня простите, но Нагорный едва ли похвалит и будет совершенно прав, если только сам не напутал. Может быть он послал в *Департамент* вместо в *Ученый комитет*; тогда посылка где-нибудь застряла, и до нее не доберешься.

Боюсь я, как бы эта проклятая вялость совсем не завладела мною! Чувствую я себя, впрочем, недурно, как я и хвалился Графине. Особенно приятно, что начинаю лучше разглядывать себя и учусь действительно смирению.

Нет, лучше не хвалить себя.

Я Вас воображаю погруженным в такие серьезные мысли, и вообще Вы стали для меня таким великим делом, что не мудрено, если я теряюсь, когда вздумаю писать к Вам. С большою радостью думаю о лете. Мне кажется, я буду способнее прежнего к нашим разговорам. Так я гораздо лучше теперь понимаю и Соловьева; его *Критика*³, вероятно, даст мне много хорошего. Да и сам он на мои глаза сделался лучше.

Ото всей души желаю Вам всего лучшего, и если бы была власть, велел бы Вам бросить работу. Но Вы не из таких.

Минута ему повелитель⁴.

Ваш всею душою

Н. Страхов

1880 16 апр. Спб.

¹Н. М. Нагорнов.

²А. Н. Майков, член Особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения по рассмотрению книг, издаваемых для народного чтения.

³Докторская диссертация В. С. Соловьева «Критика отвлеченных начал», защищенная им 6 апреля 1880 г. в Петербурге. Разбор диссертации Соловьева, содержащий серьезные критические замечания и одновременно общую высокую оценку, был сделан Страховым в статье «История и критика философии», напечатанной в «Журнале Министерства народного просвещения» (1881, январь).

⁴Из баллады В. А. Жуковского (1783–1852) «Граф Габсбургский» (1818):

Не мне управлять песнопевца душой
(Певцу отвечает властитель);
Он высшую силу признал над собой;
Минута ему повелитель.

255. С. А. и Л. Н. Толстые — Н. Н. Страхову

18 апреля 1880 г. Ясная Поляна.

Рукой С. А. Толстой:

18 апреля.

Николай Николаевич,

Лев Николаевич ужасно устает от своей работы и говорит, что видеть не может пера и чернил, а вам очень желает писать, потому хочет мне диктовать письмо к вам. Во-первых, он говорит, что ему решительно всё равно, что касается до этих Азбук и Ученого комитета, а вот на всякий случай адрес Нагорнова: Москва, близ Арбата, Серебряный переулок, дом Зернова. Николаю Михайловичу Нагорнову.

Теперь Л. Н. диктует:

Ради Бога, ради Бога, достаньте мне или купите, чего бы ни стоило, или пришлите из Библиотеки, или даже... украдите — книгу или книги, из которых бы можно было узнать о самых древних греческих текстах четырех Евангелий, о всех выпусках, прибавках, вариантах, которые были сделаны. Я из своего Рейса¹ знаю, что таких есть много и не лишенных важности для правильного понимания сомнительных мест². Мне уж это давно нужно, а теперь, при конце работы, — особенно. Пожалуйста, уж вы потрудитесь, вы знаете, где узнать и где достать. Я сам не знаю, чего прошу, но воображаю и желал бы иметь вот какую книгу: по-гречески самый древний текст четырех Евангелий и в примечаниях те перемены, которые были сделаны. Или наоборот, т. е. канонический текст и прежние варианты.

Рукой Толстого:

Я-то как жду вас, вы не можете себе представить. Я счастлив своей работой и быстро подвигаюсь. Очень, очень вас жду и люблю. Приезжайте пораньше. Когда вы думаете?

Ваш Л. Т.

Рейс Эдуард (Eduard Wilhelm Reuss) (1844–1891) — протестантский богослов. В ОР ГМТ хранится книга: «Histoire Évangélique. Synopse des trois premiers Évangiles, par Edouard Reuss, professeur à l'Université de Strasbourg» (Париж, 1876). В книге многочисленные пометы Толстого.

²Слова «сомнительных мест» вписаны рукой Толстого.

256. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

4 мая 1880 г. Ясная Поляна.

Получил вчера ваши книги, дорогой Николай Николаич. Кажется, это то самое, что мне и нужно. Очень вам благодарен. От нас только что уехал нынче Тургенев¹. Я три дня не садился за работу и чувствую себя совсем другим человеком — очень легко. Погода, весна чудесная. Приезжайте поскорее.

С Тургеневым много было разговоров интересных. До сих пор, простите за самонадеянность, всё слава Богу, случается со мной так. «Что это Толстой какими-то глупостями занимается. Надо ему сказать и показать, чтобы он этих глупостей не делал». И всякий раз случается так, что советчикам станет стыдно и страшно за себя. Так мне казалось было и с Тургеневым. Мне было с ним и тяжело, и утешительно. И мы расстались дружелюбно. Так приезжайте поскорее. Как я буду рад.

Если вы пишете, я не буду мешать вам. Будем только ходить гулять и есть простоквашу.

Л. Толстой

¹Тургенев приезжал в Россию по делу о наследстве после смерти своего брата, Николая Сергеевича Тургенева. В Ясной Поляне он был 1–2 мая 1880 г. Целью поездки Тургенева к Толстому было привлечь его к участию в торжествах открытия памятника Пушкину в Москве. «Как ни дорог и мил мне был тогда Тургенев, как я ни дорожил и высоко ценил (и ценю) гений Пушкина, я отказался ... потому что и тогда уже такого рода честования мне представлялись чем-то неестественным — и не скажу ложным, но не отвечающим моим душевным требованиям» — писал Толстой в письме в редакцию журнала «Русский вестник» 25 марта / 8 апреля 1908 г. (ПСС, Т. 78, С. 105).

257. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

8 мая 1880 г. Санкт-Петербург.

Совесть совсем меня замучит, если сегодня не напишу к Вам, бесценный Лев Николаевич.

Я послал Вам своего Гризбаха¹, ужасно радуясь, что он так кстати пригодился. Имею только прибавить, что потом были еще открытия тексты Тишендорфом², но что они прибавили, я не мог узнать — едва ли что важное. Мне не попадался знаток этого дела, а сам я не порылся — простите. Знаю только, что работа Гризбаха — основная, и что Тишендорф ее не повторял³. Впрочем, я завтра же зайду в отделение Богословия.

Послал я Вам также Даля⁴ и Садовникова⁵ — простите, что поздно — ни за что не хотел платить за Даля 15 или 20 р. и заплатил 3. Ваших денег у меня, впрочем, довольно; от Стасюлевича придется получить больше 50 (на этот раз немного), да Вашей Азбуки я продал на 12 рублей.

Вы, вероятно, догадываетесь, почему я не писал; я в таком дурном настроении, что слова не идут с пера. Одному радуюсь: мне все кажется, что я переносу свою хандру легче прежнего. К Вам я стремлюсь всею душою, но раньше половины июня это невозможно. Впрочем до сих пор мы еще не распределяли наших каникул. Мучит меня то, что я ничего не делаю; как я понимаю Вашу радость о конченном труде — и сколько я себе от него обещаю! Сильно мешает мне корректура Шопенгауэра; я все больше и больше разочаровываюсь в переводе и думаю, что вместо блистательно написанной книги мы дадим русским читателям книгу тяжелую и темную. Это меня чуть не каждый день огорчает, хотя я почти уверен, что преувеличиваю беду.

Прощанье со старым министром и представление новому⁶ были сценами, в которых для меня всегда есть нечто возмутительное, — по отсутствию жизни, чего-либо настоящего, по подобострастию чиновников, которое при большом количестве вещь нестерпимая.

Так и случилось, как я думал: в Библиотеке оказалось письмо от Вас⁷. Скажите Графине, что она поступила прекрасно; так и следовало поступить, а поступить иначе было бы дурно. Исполню поручение с большим усердием, и денег у меня, как Вы видите, довольно

и Ваших, не только своих. Совесть меня сильно упрекнула, что не навестил я на праздниках Любви Александровны⁸; но, право, часто думал и очень хотел.

Ваше свидание с Тургеневым и Ваша работа ужасно радуют меня и тянут в Ясную. Да, бесценный Лев Николаевич, Вы дошли до конца и стали твердо. Я это так живо почувствовал, что мне даже стало страшно и жалко. Все кончено! Цель достигнута. Не понимаю, как это случилось, но я приезжал к Вам в последний раз вполне приготовленный, с размягченною чистою душою, и понял Вас вдруг с нескольких слов.

Теперь я поставил себе правилом — поутру, при начале дня, вспоминать о тех блаженных минутах; и если воспоминание живо, я становлюсь лучше.

Через месяц — буду у Вас и жду себе великого добра. Пока простите

Вашего всею душою
Н. Страхова.

1880 г. 8 мая Спб.

¹Страхов послал Толстому текст Евангелия, изданный богословом Иоганном-Якобом Гризбахом (Johann Jakob Griesbach) (1745–1812) в Галле (Германия) в 1803 г.

²Тишендорф Лобеготт Фридрих Константин фон (Lobegott Friedrich Constantin von Tischendorf) (1815–1874) — немецкий ученый, протестантский богослов.

³См. трактат К. Тишендорфа «Die Anfechtungen der Sinai-Bibel» «Нападки на Синайскую Библию» (Лейпциг, 1863), в котором он отвечает своим критикам, оспаривавшим подлинность и ценность «Синайского кодекса».

⁴В Королевской Библиотеке в Стокгольме хранится экземпляр книги Даля «Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, приговоров, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. Владимира Даля. Издание второе, без перемен. Том I, II. Издание книгопродавца типографа М. О. Вольфа. С. Петербург. Москва. 1879». На форзаце тома I надпись рукой Льва Львовича Толстого: «Эта книга принадлежала моему отцу Льву Николаевичу Толстому. Он много работал над ней, систематизировал пословицы по своему жизнепониманию, делая на ней собственноручные отметки карандашом и чернилами. Все отметки в книге принадлежат Льву Николаевичу, кроме немногих, сделанных почерком, каким написаны четыре строчки сверху последней белой страницы и двух, трех заметок внутри книги, принадлежащих мне. Эта книга из библиотеки Ясной Поляны, шк. 8, пол[ка] 3, № 35 была подарена мне лично отцом, когда он получил новый экземпляр пословиц Даля в двух томах. Л. Л. Толстой. 3 октября 1918 г. Стокгольм». Вероятно, это именно та книга, которую прислал Страхов Толстому. В ОР ГМТ хранится факсимильная копия

этой книги, выполненная специально для музея Л. Н. Толстого в Москве и подаренная ему 9 сентября 1977 г. г-ном Уно Виллерсом (Uno Willers), директором Королевской библиотеки в Стокгольме. В Библиотеке Толстого в Ясной Поляне хранится экземпляр «Пословиц...», подаренный Толстому в 1897 г. П. А. Сергеенко.

⁵Сборник «Загадки Русского народа» (СПБ., 1876), составленный Д. Н. Садовниковым. Книга, с многочисленными пометками, хранится в Библиотеке Толстого в Ясной Поляне.

⁶24 апреля 1880 г. министром Народного просвещения был назначен А. А. Сабуров, вместо графа Д. А. Толстого.

⁷Письмо неизвестно. О каком поручении С. А. Толстой к Страхову идет речь, установить не удалось.

⁸Л. А. Берс.

258. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

30 июня 1880 г. Глухов.

Глухов

30 июня 1880.

Очень виноват перед Вами, бесценный Лев Николаевич. Приехавши к Фету, я потонул в каком-то равнодушии, которое имело своего рода приятность. Разговоры были бесконечные и для меня очень легкие, так как говорил без умолку Фет, и мне приходилось только, когда он начинал кричать, успокаивать его, обращать его внимание на новый предмет и т. п. Я очень изловчился в этом, и он мною не нахвалится. Самым важным предметом разговоров, конечно, были Вы, и я успел многое сказать ему в эти десять дней. Примирительные речи были вполне удачны¹ и скоро в них не оказалось никакой надобности; но *учение*² передавалось очень плохо. Он с первых же слов закусывал удила, и обнаруживал не любопытство, а ярое желание говорить самому. Однако, я сделал многое, и сделал бы больше, если бы сумел все сказать и сумел говорить без боязни его обидеть. Своими лошадьми, своим сеном и проч. он восхищается, как ребенок. Лошадей называет своими *детьми*, а когда свозили сено, и сто фур проезжали одна за другою, он видел в этом удивительную *последовательность*. Сено было снято при мне, с большими волнениями по случаю перепадавших дождей, и потом в самом парке на опушке между дубами был воздвигнут исполинский стог.

«Взгляни в лесу на бегемота», — говорил Фет, завидя его издали. Мы прочли с ним все присланные корректуры, а затем я уехал сюда. Тут я с большою радостью увидел свою племянницу³ и познакомился с ее сыном, который для трехмесячного ребенка очень красив. Молодая хозяйка, жена и мать в полном расцвете семейного счастья — на эту картину я не могу налюбоваться. А у них теперь не только все благополучно, но еще особенная радость — муж⁴ перепросился на службу в Полтаву, на родину Оли, и они скоро переезжают туда. Из этого выходит, между прочим, что мне нельзя у них долго оставаться, да мне и совестно их стеснять, как они ни рады мне. Оля была когда-то избалованной, ленивой и апатичной красавицей — девушкой; теперь она бойкая заботливая хозяйка, неутомимая нянька — расцвела и оживилась удивительно. И то, что сначала мне не нравилось, что она ни над чем не раздумывала и ни в чем не сомне-

валась, то теперь меня восхищает. Она знает, как ей жить и что ей делать, как будто родилась с этим знанием.

Итак, через неделю, или немножко больше, я надеюсь опять быть в Ясной. Душевно желаю Вам и Вашим всего хорошего, и еще раз прошу извинения, что поздно написал.

Ваш искренний
Н. Страхов

¹Фет был обижен молчанием Толстого в ответ на его письма. «Ваши редкие письма и окончательное молчание на сборы мои в Ясную Поляну не требуют толкований... Писать тому, кто [не желает читать — невежливо. Писать в дом того, кому постоянно писал, не написавшему самому — невежливо; ибо равняется в переводе на общежительный язык словам: а я к тебе писать не хочу...» — писал Фет в письме к Толстому от 27 мая 1880 г. — Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. В 2-х тт. Т. II (М-ва, «Художественная литература», 1978), С. 92–93. Далее: Переписка с писателями.

²Речь идет о религиозно-философских сочинениях Толстого: «...я не могу понять, как можете Вы стать в ту оппозицию, с такими капитальными вещами, как Ваши произведения, которые так высоко оценены мною. А меня не так-то легко подкупить или надуть в этом деле. Если бы я по вражде убил Вас, и тогда бы сказал, что это сокровищница художественных откровений и дай Бог, чтобы русское общество dorocло до понимания всего там хранящегося. Или Вы шутите, или Вы больны. Тогда, как о Гоголе, сжегшем свои сочинения, надо о Вас жалеть, а не судить. Если же под этой выходкой таится нечто серьезное, тогда я не могу об этом судить, как о великом стихотворении на халдейском языке...» — писал Фет Толстому 28 сентября 1880 г. (Переписка с писателями, Т. II, С. 100–101).

³Ольга Даниловна Матченко.

⁴Иван Павлович Матченко.

259. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

9...10 августа 1880 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич.

Очень вам благодарен за письмо¹ и за шляпу. Шляпа прекрасная. Желаю от всей души, чтобы вы поправились и бодро взялись за работу. После томительных жаров наступила свежая погода и я начинаю прилаживаться к зимней работе. — Не забывайте нас и пишите хоть изредка. Все вас поминают и любят, а я больше всех.

Ваш Л. Толстой

¹Письмо Страхова, на которое отвечает Толстой, неизвестно.

260. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

1 сентября 1880 г. Ясная Поляна.

Давно уж получил ваше письмо¹, дорогой Николай Николаевич, и очень был рад ему, а не писал от дурного состояния нервов. Теперь чуть-чуть получше и взялся за работу пристальнее. Очень благодарен вам за Тишендорфское Евангелие². Досадно было, что почерк ваш был только на адресе. Работы, работы мне впереди бездна, а сил мало. И я хоть и приучаю себя думать, что не мне судить то, что выйдет из моей работы, и не мое дело задавать себе работу, а мое дело прожить жизнь так, что[бы] это была жизнь, а не смерть, — часто не могу отделаться от старых дурных привычек заботиться о том, что выйдет, — заботиться, т. е. огорчаться, желать, унывать. — Иногда же, и чем дальше живу, тем чаще, бываю совсем спокоен.

Вчера приехал из Москвы — ездил за учителем и гувернанткой. Учителя-филолога³ прекрасного человека нашел, а гувернантки — нет.

Всё страннее и страннее мне становится людская жизнь, особенно где их много.

Как вы живете? Поправились ли физически и духовно ободрились ли? — Работа ваша очень хорошая⁴. — Вам можно покойно заниматься ею. — Прощайте, напишите, когда вспомните обо мне.

Ваш Л. Толстой

¹Письмо Страхова, на которое отвечает Толстой, неизвестно.

²Страхов прислал Толстому для его работы над «Соединением и переводом четырех Евангелий» издание Нового Завета, критически обработанное К. Тишендорфом: «Novum Testamentum græce et latine. Græcum textum addito lectionum variarum delectu recensuit latinum Hieronymi notata Clementina lectione ex auctoritate codicum restituit C. T. Ex triglottis» (Лейпциг, Издательство «Hermann Mendelssohn», 1858). В 1880 г. этот труд вышел девятым изданием: «Novum Testamentum græce. Recensuit inquit usum academicum omni modo instruxit Constant. de Tischendorf. Editio academica undecima. Ad ed. VIII, Critican majorem conformata. Cum tabula duplici terræ sanctæ» (Лейпциг-Лондон-Нью-Йорк, Издательство «Hermann Mendelssohn», 1880).

³Ивакин Иван Михайлович. Его воспоминания о жизни в Ясной Поляне см.: ЛН, Т. 69, Кн. 2, С. 22-124.

⁴Вероятно, книга Страхова «Об основных понятиях психологии и физиологии», начата в 1878 г.

261. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

25...26 сентября 1880 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаич.

Я давно уж прошу вас ругать меня и вот вы и поругали в последнем письме¹, хотя и с большими оговорками и с похвалами, но и за то очень благодарен. Скажу в свое оправдание только то, что я не понимаю жизни в Москве тех людей, кот[орые] сами не понимают ее. Но жизнь большинства — мужиков, странников и еще кое-кого, понимающих свою жизнь, я понимаю и ужасно люблю.

Я продолжаю работать всё над тем же и, кажется, не бесполезно. На днях нездоровилось и я читал Мертвый дом². Я много забыл, перечитал и не знаю лучше книги из всей новой литературы, включая Пушкина.

Не тон, а точка зрения удивительна — искренняя, естественная и христианская. Хорошая, назидательная книга. Я наслаждался вчера целый день, как давно не наслаждался. Если увидите Достоевского, скажите ему, что я его люблю.

Прощайте, пишите и, главное, поядовитее, вы такой на это мастер.

У меня новый кандидат-филолог³, умный хороший малый. Я нынче очень нескладно рассказывал ему кое-что о вашей новой статье и очень мне было радостно видеть его удивление и восторг.

Ваш Л. Толстой

На конверте:

Петербург. Публичная библиотека. Е. В. Николаю Николаевичу Страхову.

¹Письмо неизвестно.

²Ф. М. Достоевский, «Записки из Мертвого дома» (1854–1861).

³И. М. Ивакин.

262. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

2 ноября 1880 г. Санкт-Петербург.

2 ноября.

Не будет ли каких распоряжений, бесценный Лев Николаевич? Стасюлевич прислал мне счет¹, по которому Вам приходится получить рублей около 550; да я продал Вашей азбуки на 10 р. 40 к. (с вычетом за Тишендорфа и пр.). Это последние деньги от Стасюлевича, и их так много потому, что он *покупает* все оставшиеся экземпляры Вашей книги. Завтра я могу получить эти деньги; но подожду Ваших распоряжений.

Видел я Достоевского и передал ему Вашу похвалу и любовь. Он очень был обрадован, и я должен был оставить ему листок из Вашего письма, заключающий такие дорогие слова. Немножко его задело Ваше непочтение к Пушкину, которое тут же выражено («лучше всей нашей литературы, включая Пушкина»). «Как, — *включая?*» спросил он. Я сказал, что Вы и прежде были, а теперь особенно стали большим вольнодумцем.

Сам я все еще ничего хорошего не могу сказать о себе. Лечусь, и, кажется, не без толку. Перестал пьянствовать кофеем и чаем, ем мясо, как только встану, и чувствую себя значительно лучше, крепче. Я бы покался Вам в моих внутренних болячках; но меня что-то останавливает. Да! то самое — боязнь наклейт на себя и перед кем же? — перед Вами. А главный мой недостаток Вы знаете — проклятая зыбкость, не дающая ничему установиться и созреть.

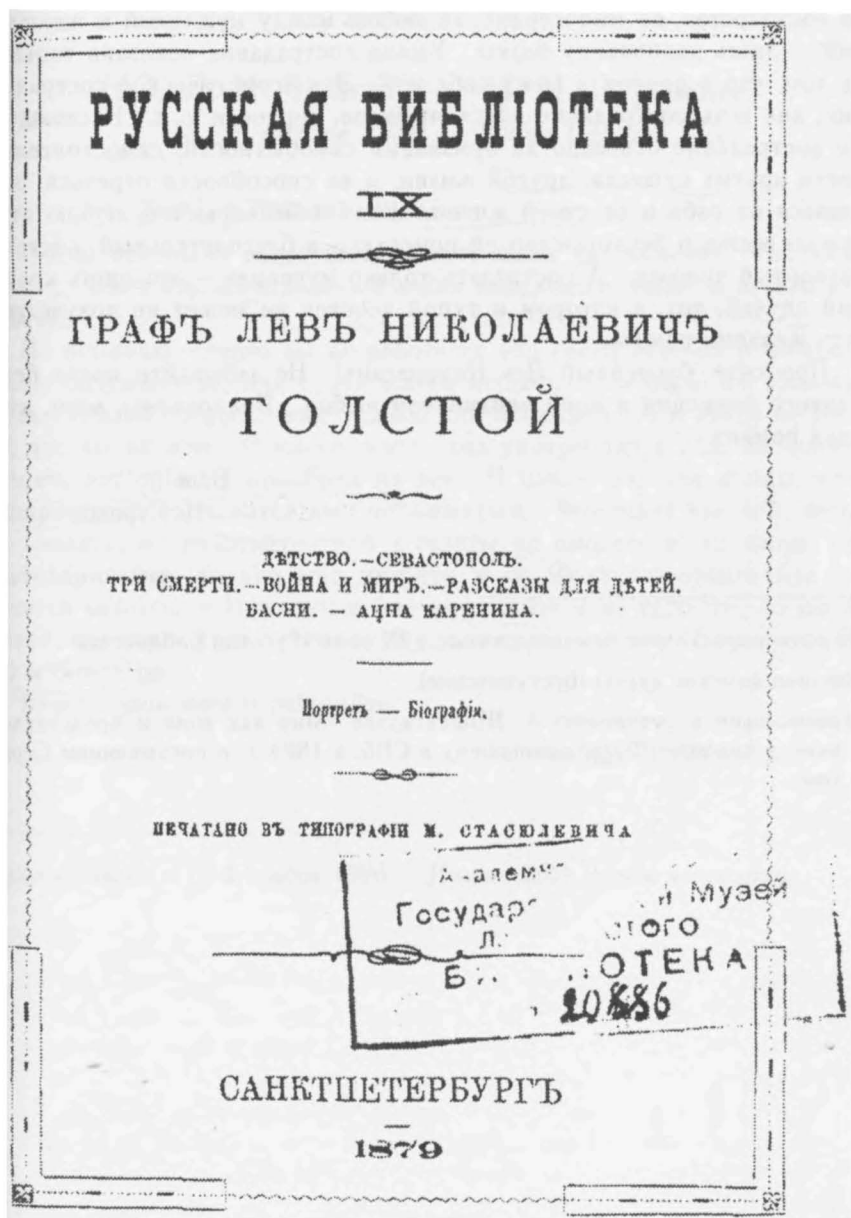
Вл. Соловьев начал свои лекции в *Женских Курсах*². Он читает историю философии, рассматривая ее в зависимости от истории религий. Успех большой; девицы теснятся до того, что падают в обморок. На днях он должен начать лекции и в университете, *приват-доцентом*, так как ему не дали штатного места. Я спрашивал профессоров Ламанского и Минаева, о чем он будет читать. Они слышали программу, но не могли мне сказать буквально *ничего*. Наконец, говорят, Соловьев открывает еще публичные лекции *об искусстве*. Сам я видел его мельком и вообще иногда подолгу вовсе не вижу. Он говорил, что мучился сильною хандрою.

Я написал предисловие к Шопенгауэру³, послал его к Фету, и боюсь, что мы разладим. Я, впрочем, приготовился уступить во всем. Теперь я начинаю любить эту книгу и думаю, что и в этом переводе

Гр. Л. Толстому

И-20. Портрет Л. Н. Толстого и титульный лист...

...IX выпуска «Русской библиотеки», Санкт-Петербург (1879)

она очень хороша и должна производить сильное впечатление. Есть страницы восхитительные по своей правде и глубине. Но, читая корректуры, я все больше убедился в его односторонности. Его взгляды на государство, на милосердие, на любовь между мужчиной и женщиной — лишь наполовину верны. Ужели сострадание основано только на том, что в другом я вижу себя же? Это эгоистическое сострадание, как есть сострадание сластолюбивое, гордое и т. д. Настоящее же сострадание основано на признании самобытности, самостоятельности других существ, другой жизни, и на способности отречься, отвлечься от себя и от своей жизни. Если я бескорыстно люблю эту чужую жизнь и бескорыстно ей помогаю — я благодетельный, сострадательный человек. А сострадать только мучениям — это лишь крайний случай, тот, в котором и тупой человек не может не почувствовать желания помочь.

Простите, бесценный Лев Николаевич! Не забывайте моего безмерного уважения и моей неизменной любви. Поклонитесь всем, кто меня помнит.

Ваш
Н. Страхов

¹За сочинения Толстого, напечатанные в IX томе «Русской библиотеки».

²Высшие женские курсы (Бестужевские).

³Предисловие к сочинению А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление», в переводе Фета, вышедшему в СПб. в 1881 г. с посвящением Страхову.

263. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

15...16 ноября 1880 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаич.

Очень мне было радостно получить ваши два письма¹. Радуюсь на вас. Вы в хорошем духе. Я очень напряженно занят и оттого не отвечал.

Не понимаю, отчего вы не работаете над своей статьей и не кончаете: обдумываете, или суета жизни мешает. Это было бы ужасно жаль. Статья превосходная. Самое для меня сильное и ясное из всего, что вы писали. Я много, много раз употреблял в дело те новые мысли, кот[орые] я приобрел из нее. И мысли эти так нужны, что беспрестанно приходится ими пользоваться. Работайте над ней, хоть не пишите, но работайте. — А в газеты не пишите и разговоры не разговаривайте, только мне пишите и со мной разговаривайте — хочется сказать. — Пожалуй и мне не пишите и не говорите со мной иначе, как через книгу. Это лучше, чем суета мысли. Как я не люблю и боюсь ее.

Будьте спокойны и работайте.

Ваш Л. Толстой

¹Одно из писем — от 2 ноября 1880 г. (Письмо 262), второе неизвестно.

264. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

Вторая половина ноября 1880 г. Санкт-Петербург.

Ваше письмо, бесценный Лев Николаевич, сделало меня счастливым на несколько дней. По своему малодушию я все боялся, что уж наскучил Вам, или что Вы недовольны. Стасов прибежал с писком и радостью.

— Я получил письмо от Толстого!¹

«И я получил!»

— Ну, давайте мне свое, а я Вам дам свое.

И мы принялись читать. А до тех пор, бывало, каждый раз как встретимся, спрашиваем: Ничего нет? — Ничего? — и разойдемся.

И как Вы милы! О деньгах ничего не пишете, а написали то, что мне приятно и полезно.

И приятно и полезно мне напоминание об моей статье. Полезно и очень важно предостережение от *суеты мысли*. Свою статью я не только не забыл, но обдумывал все время, а теперь, когда кончен Шопенгауэр, я только над нею и буду работать. Когда не вылилось сразу, то всегда трудно мне кончать — очевидно, по недостаточной зрелости мысли. Но все надеюсь, что конец будет не хуже начала.

Всяческая суета здесь очень велика, но я стараюсь только *пользоваться* ею, для отдыха и оживления, а не отдаваться ей. Если я провел два вечера не дома, не за книгами, то чувствую себя как-будто голодным и пустым. Но нельзя же было не посмотреть картину Куинджи², не побывать у графини Толстой³, не послушать первой лекции Соловьева в Университете.

Картина — цвет нашего реализма. Луна и река светятся так, что не веришь глазам. Очень хорошо и только странно; такого обмана не должно быть в искусстве. Меня так это занимает, что думаю написать статейку в *Русь* (вопреки Вашему запрещению), одну маленькую статью, Лев Николаевич!

И вчерашняя лекция была блистательна. Соловьев постарался, говорил ясно, свято и одушевленно. Тема — что сделала философия в жизни человечества. Он утверждал, что она возвысила человеческую личность, освобождала ее от гнета религии и власти. Полное возвышение личности, до *богочеловечества*, возвестило христианство, но потом упало, подчинилось власти, выродилось. Философия, действуя против этого зла, произвела реформацию и революцию. Да и

теперь в материализме она силится восстановить плоть, что будто бы тоже входило в программу христианства.

Мне было странно вообще слышать его речи о христианстве, и я вспомнил Ваши объяснения, с такой неотразимой ясностью показывающие его истинный смысл. В каких мы потемках бродим! Соловьев интересен тем, что отзывается на все и все хочет примирить. В сущности, по логической и исторической постройке, лекция была слаба, хотя и вызвала общий восторг. Но несколько слов, сказанных им о занятиях философией, мне очень пришлось по душе. Именно он говорил, что это углубление в себя, это устранение от жизни не нужно считать бесплодную работою.

Я стараюсь, бесценный Лев Николаевич, не разбрасываться. Вот уж год или два, как я не принимаюсь ни за какие новые предметы и хожу все в том же круге. Душевное здоровье мое гораздо лучше, и я надеюсь, что мне выпадет еще на долю год или два хорошей работы и я выполню некоторые свои планы. Притом я не забываю, что прежде всего нужно искать царствия Божия, и эта мысль всегда успокаивает. Мне кажется, что понемножку я лучше вижу свои недостатки — как это примиряет с людьми, как располагает к доброте! А иногда это достается очень больно.

Усердное почтение Графине, Сереже, Илюше, Василию Ивановичу⁴ и всем — желаю здоровья, и вообще уверен и радуюсь, что все в Ясной Поляне благополучно; так ведь?

Деньги возьму и вышлю Вам на той неделе.

Всею душою Ваш
Н. Страхов

P.S. Фет переводит «Фауста» и чудесно переводит. Я рад, что он нашел себе дело и вообще все больше и больше его люблю. Прямой и добрый человек.

¹Письмо к Стасову от 15? ноября 1880 г. (ПСС, Т. 63, С. 25).

²Картина Архипа Ивановича Куинджи «Ночь на Днепре». Восторженную заметку о картине Страхов напечатал в газете «Русь» (1880, № 5) — перепечатана в книге: Н. Страхов. Воспоминания и отрывки (СПб., 1892), С. 121–129.

³Вдова поэта А. К. Толстого, графиня Софья Андреевна Толстая (урожд. Бахметьева), в первом браке: Миллер.

⁴Василий Иванович Алексеев, учитель сыновей Толстого.

265. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

29...30 ноября 1880 г. Ясная Поляна.

Николай Николаич.

Пожалуйста, не пересылайте мне денег, а положите их куда-нибудь в банк, а 100 р. передайте Любовь Александровне Берс, Васильевск[ий] Остров, Средний проспект, дом № 1, кв. 9. Я был очень рад получить ваше последнее письмо, очень люблю получать ваши письма.

Будьте в таком же духе.

Ваш Л. Т.

266. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

25 декабря 1880 г. Санкт-Петербург.

1880 г. 25 дек. Спб.

С праздником, бесценный Лев Николаевич! Сегодня празднуется рождение Того, учение которого Вы истолковываете. Я все колебался, проситься или не проситься к Вам на эти праздники, колебался потому, что шаталось мое здоровье; да и шатается до сих пор. Придется остаться дома. Но хоть мне и грустно смотреть на себя как на хворого старика, болезнь эта явно мне на пользу: я смиреннее и спокойнее, так спокойнее, как давно себя не помню. Болезнь — великое дело. Теперь умирает на моих глазах одна дама, Шестакова, вдова моего покойного приятеля. При первых посещениях я пришел в ужас: шестидесятилетняя старуха вела себя избалованною десятилетней девочкой, капризничала, злилась, вооружила против себя самых добрых людей. И так-то придется умирать! И человек к концу жизни может сделаться гаже и гаже, хуже, чем был всю жизнь! Тут меня поразило то отсутствие всяких серьезных мыслей, в котором мы живем. Она как будто никогда не слыхала, что нужно терпеть, прощать, любить. Но болезнь взяла наконец свое: в последние посещения я заметил, что она смягчилась, невольно стала кроткою и спокойною. Вот где на месте был бы проповедник: в сущности мы живем и умираем язычниками, а не христианами.

С Афанасием Афанасьевичем у нас идут постоянные споры, которые, впрочем, затевает и поддерживает он, а не я. Ему нужно поставить в честь, что он так горячо занят этим вопросом, вопросом спасения; он чувствует, что дело важное и что нужно, необходимо добиться решения. Но принимается за дело он пока очень дурно: он упирается, горячится и ораторствует *a priori*, вместо того, чтобы добиваться понимания в чем дело.

Тут наконец и в разговорах, и в печати толкуют о Ваших занятиях. Суворин¹ выразился с приличною терпимостию, но общий приговор один: жаль, что Вы не пишете романов, а занимаетесь делом отжившим, похороненным, исчерпанным и никому не нужным и не интересным. Право, мы одичали. Я недавно читал Евангелие с толкованиями Lamennais², изданное перед революцией 1848. Эти толкования очень слабы и явно говорят так: я не стану толковать о глупостях в роде *возрождения*, а укажу только, что любовь требует

уравнения прав и имуществ, что тогда уничтожатся бедствия и на земле настанет процветание, какого еще не бывало. И это говорит духовное лицо, глубоко религиозный человек! А Фет меня уверяет, что *все* знают смысл, который Вы нашли.

Скажите Афанасию Афанасьевичу (он будет у Вас³), что я напишу ему в Москву, что Шопенгауэр пошел очень хорошо, что я объявил о нем в трех газетах. Надеюсь, Фет привезет мне много известий об Вас и об Ваших. Предполагаю, что все благополучно, а наверное знать еще лучше.

Я все впопыхах. Фет прислал своего Фауста, из типографии сыплются корректуры Ланге, *История материализма*⁴, а потом еще и еще разные разности. Моя несчастная статья никак не подвигается. Но в уме моем она становится все серьезнее и серьезнее.

Был у меня Вячеслав Андреевич⁵ и очень жаловался на Университет, на холодный, враждебный дух, который там царствует. На праздниках побываю у Любви Александровны⁶. Пока простите. От души желаю Вам всего, всего, что хорошо в Вашем смысле. Графине усердное почтение. Сережу хочу просить, не вызовется ли он написать мне иногда несколько строк вместо Вас? И всем кланяюсь, а перед Василием Ивановичем⁷ каюсь, что не прочел ему своей статьи, когда можно было. После уж догадался.

Ваш всею душою

Н. Страхов

¹Вероятно, имеется в виду какая-то заметка критика А. С. Суворина, написанная на основе двухчасовой беседы с Толстым, состоявшейся 21 или 22 января 1880 г. в Петербурге. В письме к издателю С. И. Пономареву от 1 февраля 1880 г. Суворин писал: «...Недавно был у меня Л. Н. Толстой... Мы с ним восемнадцать лет не виделись. Но он такой же, как и тогда: тот же оригинальный взгляд, те же чудесные глаза. Я проговорил с ним часа два с истинным наслаждением. Отчего он не пишет. — «Да потому, что стали, мол учителя, а сами еще ничего не знаем. Нам самим учиться надо». Он эту тему любит развивать...» — Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. В 2-х тт. Т. I (М-ва, 1978), С. 274.

²Ламенне Ги Фелисите Робер де (Guy Félicité Robert de Lamennais) (1782–1854) — французский публицист и философ, аббат, один из родоначальников христианского социализма.

³А. А. Фет был у Толстого в последних числах декабря. См. Письмо 267.

⁴Страхов переводил книгу Ф.-А. Ланге «История материализма и критика его значения в настоящее время».

⁵В. А. Берс.

⁶Л. А. Берс.

⁷В. И. Алексеев.

267. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

29...30 декабря 1880 г. Ясная Поляна.

Не стою я, дорогой Николай Николаич, таких писем, как ваши два последние, тем, что не написал вам давно; стою только той душевной радостью, которую они доставляют мне.

Пожалуйста, напишите мне подробнее о вашем нездоровьи. Я так и не знаю, что у вас. По последнему письму я думал, что вам лучше. Хоть вы и сами не любите лечиться, все-таки не залечивайтесь. Искушение у вас сильно — докторов много: знакомые. Если бы я был в городе, я наверно бы лечился, а вот не лечусь и всё то же. Радуюсь тому, что статья ваша разрастается, и понимаю это, и желаю этого, и прошу вас работать побольше над делом, а не над пустяками, как переводы и особенно эта дребедень из дребеденей Фауст Гете. Фет напомнил мне его.

Да еще получил от вас весточку — предисловие к Шопенгауеру — последняя страница превосходна. — А 4 корня¹ ведь я так и не понимаю и боюсь, что и Шопенгауер не понимал их, когда писал — мальчиком, а потом, когда вырос большой, не хотел отречься.

Судя по вашим письмам, у вас на душе очень хорошо. И это удивительно для меня — в Петербурге. — Как получу ваше письмо, так захочется ужасно вас увидеть. Давайте мечтать, что на масленице, если будем живы, здоровы, вы приедете к нам. Я бы приехал к вам, если бы вы жили где-нибудь одни; но Петербург для меня что-то страшное и гадкое, не по мыслям, но чувству прямо противно. Я бы так и ждал вас и пригонял свои занятия, чтобы быть более свободным.

У нас всё — очень хорошо. Каждый день удивляюсь своему счастью. Работа идет ровно. Могу сказать, что я на половине. И рядом с работой всё светлее и светлее становится. Обнимаю вас

Ваш Л. Толстой

Хвалю ваше предисловие [к] Шопенг[ауеру], но не согласен, что пессимизм есть основная черта религиозного настроения².

Если случится, что вам без труда можно приобрести книгу о Филоне³ или его сочинения — такую книгу, чтобы дала ясное понятие о нем, то достаньте, пожалуйста, и пришлите.

¹Одно из первых сочинений А. Шопенгауэра: «О четверояком корне достаточного основания» — диссертация, защищавшаяся в Иенском университете в 1813 г.

²Имеется в виду следующее место из предисловия Страхова: «Он [Шопенгауэр] показал и разъяснил, что пессимизм есть основная черта религиозного настроения. Пессимизм может быть различен, смотря по тем поводам, которые его изображают. Есть пессимизм пошлый и даже гадкий. Но относительно Шопенгауэра следует признать, что у него пессимизм имеет настоящий религиозный характер. Глубокая серьезность и даже суровость нравственного настроения, могущая почти испугать читателя, постоянно слышится в речи Шопенгауэра. Зло, которое он видит в мире, оценивается им по его действительному достоинству: зло нравственное для него несравненно важнее зла физического; он достигает до самого корня этого зла, эгоизма, и последовательно приходит к своему чистому идеалу, отрицанию эгоизма, отсечению эгоистической воли. Таким образом, книга Шопенгауэра может служить прекрасным введением к пониманию религиозной стороны человеческой жизни...» — Н. Н. Страхов. *Философские очерки*. Издание второе, доп. (Киев, 1906), С. 351.

³Филон Александрийский, или Филон Иудей (прибл. 20 до н. э.—50 н. э.) — иудейско-греческий богослов и философ, применивший достижения философии платонизма к интерпретации библейских текстов.

268. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

3 февраля 1881 г. Санкт-Петербург.

Чувство ужасной пустоты, бесценный Лев Николаевич, не оставляет меня с той минуты, когда я узнал о смерти Достоевского¹. Как будто провалилось пол-Петербурга, или вымерло пол литературы. Хоть мы не ладили все последнее время, но тут я почувствовал, какое значение он для меня имел: мне хотелось быть перед ним и умным и хорошим, и то глубокое уважение, которое мы друг к другу чувствовали, несмотря на глупые размолвки, было для меня, как я вижу, бесконечно дорого. Ах, как грустно! Не хочется ничего делать, и могила, в которую придется лечь, кажется вдруг близко подступила и ждет. Все суета, все суета!

В одно из последних свиданий я высказал ему, что очень удивляюсь и радуюсь его деятельности. В самом деле, он один равнялся (по влиянию на читателей) нескольким журналам. Он стоял особняком, среди литературы почти сплошь враждебной, и смело говорил о том, что давно было признано за *соблазн* и *безумие*. Зрелище было такое, что я изумлялся, несмотря на все свое охлаждение к литературе.

Но, кажется, именно эта деятельность сгубила его. Ему показался очень сладок восторг, который раздавался при каждом его появлении, и в последнее время не проходило недели, чтобы он не являлся перед публикою. Он затмил Тургенева и наконец сам затмился. Но ему нужен был успех, потому что он был проповедник, публицист еще больше, чем художник.

Похороны были прекрасные; я внимательно смотрел и расспрашивал — почти ничего не было напускного, заказного, формального. Из учебных заведений было столько венков, что казалось их принесли по общему приказу; а между тем все это делалось по собственному желанию.

Бедная жена² не может утешиться, и мне ужасно грустно было, что я не сумел ей ничего сказать. «Если б еще у меня была горячая вера...» сказала она.

Теперь мне задали трудную задачу, вынудили, взяли слово, что я скажу что-нибудь о Достоевском в Сл[авянском] комитете 14-го февраля³. По счастью мне пришли кой-какие мысли, и я постараюсь попроще и пояснее отбыть свой долг перед живыми и перед мертвым. Прошу у Вас позволения сослаться на Ваше письмо⁴, где Вы говори-

те о *Мертвом Доме*. Я стал перечитывать эту книгу и удивился ее простоте и искренности, которой прежде не умел ценить.

Простите, дорогой Лев Николаевич; не забывайте, не покидайте меня.

Ваш душевно
Н. Страхов

P. S. А что же требование книги? Его можно устроить так:

Многоуважаемый
Н. Н.

Прошу Вас, пришлите мне, если можно, из Публичной библиотеки сочинения Филона Иудея в подлиннике и пр. и пр.; я возвращу их через два месяца.

1881 3 февр. Спб.

¹Ф. М. Достоевский скончался в 8 часов 38 минут вечера 28 января 1881 г. О его смерти Страхов узнал в тот же день из записки А. Н. Майкова: «28 января 1881 г. Любезнейший Николай Николаевич, Я сообщаю вам ужасную новость: Федор Михайлович скончался! Анна Григорьевна [Достоевская] и Софья Сергеевна [Кашпирева] просят вас, если вы дома, приехать к ним, т. е. к Достоевским. Передаю поручение...» (ЛН, Т. 86, С. 532).

²А. Г. Достоевская.

³Речь Страхова была напечатана в газете «Русь» (1881, № 16).

⁴См. Письмо 261 Толстого к Страхову от 25...26 сентября 1880 г.

269. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

5-7 февраля 1881 г. Ясная Поляна.

Получил сейчас ваше письмо, дорогой Николай Николаич, и спешу вам ответить.

Разумеется, ссылайтесь на мое письмо.

Как бы я желал уметь сказать все, что я чувствую о Достоевском. Вы, описывая свое чувство, выразили часть моего. Я никогда не видал этого человека и никогда не имел прямых отношений с ним, и вдруг, когда он умер, я понял, что он был самый, самый близкий, дорогой, нужный мне человек. Я был литератор и литераторы все тщеславны завистливы, я по крайней мере такой литератор. И никогда мне в голову не приходило меряться с ним — никогда. Всё, что он делал (хорошее, настоящее, что он делал), было такое, что чем больше он сделает, тем мне лучше. Искусство вызывает во мне зависть, ум тоже, но дело сердца только радость. — Я его так и считал своим другом, и иначе не думал, как то, что мы увидимся и что теперь только не пришлось, но что это мое. И вдруг за обедом — я один обедал, опоздал — читаю умер. Опора какая-то отскочила от меня. Я растерялся, а потом стало ясно, как он мне был дорог, и я плакал и теперь плачу.

На днях, до его смерти, я прочел Униженные и оскорбленные¹ и умилялся.

В похоронах я чутьем знал, что как ни обосрали всё это газеты, было настоящее чувство.

Что скажете на письмо жены²? — Книги в эту минуту не нужно. Очень благодарю вас. От всей души обнимаю и люблю вас.

Ваш Л. Толстой

Вас[илий] Иванныч³ всякий раз просит передать вам свою любовь и уважение.

¹Ф. М. Достоевский, «Униженные и оскорбленные» (1861).

²Письмо С. А. Толстой к Страхову от 7 февраля 1881 г. с приглашением приехать в Ясную Поляну на именины Толстого (см.: ПТС, II, С. 156).

³В. И. Алексеев.

270. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

6 марта 1881 г. Санкт-Петербург.

Какой удар, бесценный Лев Николаевич! Я до сих пор не нахожу себе места и не знаю, что с собой делать. Бесчеловечно убили старика, который мечтал быть либеральнейшим и благотельнейшим царем в мире¹. Теоретическое убийство, не по злобе, не по реальной надобности, а потому что в идее это очень хорошо². Меня все раздражает: и спокойствие, и злорадство, и даже сожаления. Нет, мы не опомнимся; ведь не опомнились же французы? Гюго в последней поэме уверяет, что все идет к лучшему; поэма называется *Осел*. Нужны ужасные бедствия, опустошения целых областей, пожары, взрывы целых городов, избиение миллионов, чтобы опомнились люди. А теперь только цветочки.

Пишу к Вам наскоро, чтобы только поблагодарить Вас за милое гостеприимство, чтобы отдохнуть немножко душою, думая об Вас. Что Соловьев³? Чем кончились Ваши разговоры? Напишите хоть коротенько, потому что сам он, хоть вовсе не скрытен, не умеет толком рассказывать. За таким делом как Ваше, Вы можете продолжать трудиться, хотя бы мир рушился.

В Москве больше всего мне понравился Юрьев. В Аксакове есть что-то сухое или важное — не разберу. У Голохвастовых, как всегда, было приятно и немножко скучно. А Юрьев так и залил меня воодушевленными речами. Между прочим, он составил философскую формулу развития Л. Н. Толстого и объяснял мне фазис, в котором теперь находится это развитие. Мне было странно слышать язык, который я сам когда-то любил, но от которого, как оказывается, давно отвык, хоть я и не переставал заниматься философиею.

Все суета! Все суета! Я немножко понимаю ужас, с которым Вы когда-то говорили о повешенных. Мы очень тупы, очень тупы! Бездна ужаса, случайности, ничтожества, постоянно зияет прямо перед нашими глазами. Но умеем же мы отвертываться и танцевать на самом краю.

Ах, как тяжело и стыдно. Не могу отделаться от чувства, что я виноват.

P. S. Приезжал вчера Соловьев, очень интересный. Мы сговорились когда хорошенько поговорить об Вас. Думаю, что Ваше влияние было для него благотворно.

Я здоров как нельзя лучше и надеюсь еще поздороветь.

Усердно благодарю Графиню и кланяюсь. Василию Ивановичу мой поклон.

Ваш всею душою
Н. Страхов

1881 г. 6 марта Спб.

¹1 марта 1881 г. был убит император Александр II (р. 17 апреля 1818 г.). Это было седьмое покушение на его жизнь.

²В августе 1879 г. Исполнительный комитет партии «Народная воля», на тайном съезде в Липецке, вынес смертный приговор императору Александру II, ответственному, по мнению народовольцев, за все бедствия и жестокости, которые творились в России. Предполагалось, что «казнь» самодержца должна была «разбудить» народ и подготовить час победоносного массового восстания.

³В конце февраля 1881 г. В. С. Соловьев был в Ясной Поляне одновременно со Страховым. Это видно из воспоминаний В. К. Истомина «На закате» (ОР ГМТ).

271. Л. Н. и С. А. Толстые — Н. Н. Страхову

16...17 марта 1881 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич.

Заказное письмо, которое вы получите, это письмо от меня к Государю¹. Хорошо ли, дурно, но меня так неотвязно мучила мысль, что я обязан перед своей совестью написать Государю то, что думаю, что я мучался неделю — писал, переделывал и вот посылаю письмо. Мой план такой: письмо к Государю и письмо, которое при этом приложено, вы — если вы здоровы и можете, и хотите это сделать, вы передадите, или лично, или хоть перешлете к Победоносцеву². Если вы увидите Победоносцева, то скажите ему то, что мне неловко писать, что если бы было возможно передать это письмо или мысли, которые оно содержит, не называя меня, то это бы было то, чего я больше всего желаю; разумеется, это только в том случае, если нет никакой опасности в представлении этого письма. Если же есть опасность, то я, разумеется, прошу передать от моего имени.

Письмо вышло нехорошо. Я написал сначала проще и было хотя и длиннее, но было сердечнее, как говорят мои, и я сам это знаю, но потом люди, знающие приличия, вычеркнули многое — весь тон душевности исчез и надо было брать логичностью и оттого оно вышло сухо и даже неприятно. Ну что́ будет, то будет. Я знаю, что вы можете мне, и вперед благодарю вас и обнимаю.

Ваш Л. Толстой

Многоуважаемый Николай Николаевич, несмотря на все мои просьбы и уговоры, Лев Николаевич решился послать письмо к Государю. Но оно послано на ваше имя с просьбой передать Победоносцеву, который, в свою очередь, передаст Государю. Просьба моя к вам следующая: прочтите письмо, рассудите сами и потом спросите мнение Победоносцева, не может ли это письмо вызвать в Государе какие-нибудь неприятные чувства или недоброжелательство к Льву Николаевичу. В таком случае, ради Бога, не допускайте письма до Государя. Меня, отдаленную от света, всё это крайне тревожит, и я все-таки рада, что письмо пройдет через Ваши мудрые и дружеские руки.

Преданная вам С. Толстая

¹Письмо к императору Александру III (1845–1894), в котором Толстой умолял его проявить христианское милосердие и не казнить революционеров, убивших его отца: «Простите, воздайте добром за зло... и у тысяч, у миллионов дрогнет сердце от радости и умиления при виде примера добра с престола в такую страшную для сына убитого отца минуту...» (ПСС, Т. 63, С. 50). Письмо напечатано по сохранившемуся в архиве Толстого автографу, посланный в Петербург переписанный набело текст остается неизвестным.

²Письмо Толстого к К. П. Победоносцеву (1827–1906), обер-прокурору Святейшего Синода с 1880 по 1905 г., автору манифеста 29 апреля 1881 г. «О незыблемости самодержавия» (ПСС, Т. 63, С. 57). Победоносцев категорически отказался передать письмо Толстого новому императору и вернул его Страхову. В письме к Толстому от 15 июня 1881 г. Победоносцев так объяснял причину отказа: «В таком важном деле все должно делаться по вере. А прочитав письмо Ваше, я увидел, что Ваша вера одна, а моя и церковная вера другая, и что наш Христос не Ваш Христос. Своего я знаю мужем силы и истины, исцеляющим расслабленных, а в Вашем показались мне черты расслабленного, который сам требует исцеления. Вот почему я по своей вере и не мог исполнить Ваше поручение...» (ОР ГМТ).

272. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

2...3 апреля 1881 г. Ясная Поляна.

Простите ради Бога, дорогой Николай Николаич, что измучил вас. Я тоже измучался. Хорошо ли, дурно ли письмо, мне нужно было для души моей — послать его. Надеюсь, что теперь оно отослано. Главное замешалась жена и ее страхи, очевидно не имеющие никакого основания. — Что после своего письма я не сделаю придворной карьеры, это так, но опасности, как она говорит, очевидно не может быть. — Победоносцев ужасен. Дай Бог, чтобы он не отвечал мне и чтобы мне не было искушения выразить ему мой ужас и отвращение перед ним. — Не могу писать о постороннем, пока не решено то страшное дело, которое висит над всеми нами.

Напишу вам скоро. Пожалуйста, простите, что измучал вас. — Молодец Соловьев¹. Когда он уезжал, я сказал ему: дорого то, что мы согласны в главном, в нравственном учении и будем дорожить этим согласием. Благодарю вас за вашу любовь ко мне, а я не могу не любить вас и дорожу очень нашим согласием.

Ваш Л. Т.

¹28 марта 1881 г. В. С. Соловьев читал публичную лекцию на тему: «Критика современного просвещения и кризис мирового процесса» в зале Кредитного общества в Петербурге, которую закончил словами: «Пусть царь и самодержец заявит на деле, что он прежде всего христианин. Он не может не простить их! Он должен простить их!» В зале, где собрались студенты, курсистки, интеллигенция, эти слова были встречены аплодисментами. Лишь несколько офицеров и дам в знак протеста покинули лекцию. После своего выступления Соловьев вынужден был покинуть Петербург и выйти в отставку из Ученого Комитета Министерства народного просвещения.

273. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

7 апреля 1881 г. Санкт-Петербург.

Я опустил Ваше письмо в ящик¹ тотчас, как получил телеграмму², бесценный Лев Николаевич. Вот и все, что могу сказать Вам; оно могло еще поспеть, и если не поспело (что, я думаю, не изменило бы дела), то не по моей вине. Вообще нужно сказать, что у нас нехорошо: первое впечатление прошло, но осталось чувство тревоги и ожидания. И хорошо бы, если бы мы уже не засыпали! Если бы мы не заснули, если бы наконец поворотили с нашей дороги, то можно бы было по крайней мере сказать, что удар не прошел даром.

Нарочно заходил в Библиотеку за Вашим письмом. Нет, Ваши ожидания не сбылись, а у меня и не было никаких ожиданий. Расскажу Вам о Государе. Замечательно было, что он не назначил ни Верховного суда, ни Военного, а велел, чтобы дело шло обыкновенным порядком, то есть в Особом Присутствии Сената³. Этот порядок учрежден несколько лет тому назад. Точно так и в других делах, говорят, Государь постоянно спрашивает: а как по закону? и так и решает. Поэтому судили очередные сенаторы по обыкновенным формам.

Казнь⁴ и слухи о ней были очень тяжелы. Сегодня я случайно заглянул в газеты и, признаюсь, рассердился на бессердечную наглость, с которою эксплуатируется событие 1-го марта. Нет, добра ждать невозможно.

В подарок на Светлый Праздник посылаю Вам книгу, какую, теперь не скажу. Я ужасно доволен, что мне она попалась; когда развернете, увидите, что за сокровище.

Мое душевное почтение Графине, и если нужно и с моей стороны уверение, то передайте, что я и с самого начала не предвидел никакой опасности⁵; мне видно это было по всему складу нравов вокруг. Говорят, (Победоносцев), что Государь получает множество писем и что все сам читает. Ваше же письмо, бесценный Лев Николаевич, содержит столько чувства и горячего желанья добра, что не могло произвести дурного впечатления. Другое дело речь Соловьева; вот уже было не по-христиански сказано на христианскую тему. Соловьев вообще говорит как не живой, как будто у него одна голова, а

сердца нет, еще не выросло. Признаюсь, я тут много слушал всяких речей, но только в речи Аксакова⁶, да еще Кояловича⁷ прозвучало несколько *грудных* нот, а то все фальцет.

Простите, что опять дурно пишу. Я недоволен и своими *Письмами об нигилизме*. И только одним доволен — своим здоровьем. Особенно меня радуют глаза; они, кажется, становятся даже зорче.

Простите. Если напишете на праздниках, то адресуйте — у Торгового моста, д. Стерлигова; я праздники очень аккуратно наблюдаю — и не заглядываю в Библиотеку. От всей души желаю Вам всякой радости; весна стоит чудесная, и в Ясной Поляне должно быть очень хорошо. Василию Ивановичу⁸ мое почтение. Видел здесь князя Урусова⁹ — он был на лекции Соловьева и потом у гр. Толстой¹⁰; он все тот же и говорит мало нового.

Ваш всею душою
Н. Страхов

1881. 7 апр. Спб.

¹Речь идет о письме Толстого на имя Александра III. Страхов опустил письмо в специальный ящик для прошений на Высочайшее имя, который находился в одном из подъездов Зимнего дворца (со стороны Миллионной ул.). Таким образом, история передачи письма Толстого к императору Александру III выглядит несколько иначе, чем об этом сказано у П. И. Бирюкова — см.: П. И. Бирюков. Л. Н. Толстой. Биография. Т. II (Берлин, Издательство И. П. Ладыжникова, 1921), С. 379–393.

²Телеграмма Толстого неизвестна.

³Судебные уставы 1864 г. предписывали рассматривать государственные преступления в общем порядке уголовного судопроизводства — либо судебными палатами, либо (в исключительных случаях, по Высочайшему повелению) Верховным уголовным судом. 7 июня 1872 г. был принят закон об учреждении Особого присутствия Правительствующего Сената, в котором должны были рассматриваться все серьезные политические дела. Составляли Особые присутствия первоприсутствующий (председатель) и пять сенаторов, которых назначал сам царь по своему усмотрению. Председателем суда на процессе «первомартовцев» был сенатор Э. Я. Фукс, муж родной сестры А. М. Кузминского Елены Михайловны. Военным судам политические дела были подчинены по закону от 9 августа 1878 г., после убийства 4 августа 1878 г. в Петербурге шефа жандармов Н. В. Мензцова, совершенного С. М. Степняком-Кравчинским.

⁴Казнь «первомартовцев» — Андрея Желябова (р. 1851), Софьи Перовской (р. 1853), Николая Кибальчича (р. 1853), Николая Рысакова (р. 1861), Тимофея Михайлова (р. 1859) — была совершена 3 апреля 1881 г., в 9 часов утра, на Семеновском плацу в Петербурге. «После прочтения приговора и по оказанию преступникам последнего напутствия чрез священнослужите-

лей преступники были возведены на эшафот палачом, который совершил над ними, последовательно, смертную казнь через повешение. После сего, по удостоверении врачами смерти казненных, прокурор объявил, что приговор Особого присутствия Правительствующего сената приведен в исполнение» — говорилось в протоколе об исполнении приговора — см.: 1 марта 1881 года. Казнь императора Александра II. Документы и воспоминания (Лениздат, 1991), С. 343. Непосредственный исполнитель убийства императора Игнатий Гриневицкий (р. 1856), смертельно раненный на месте покушения (на набережной Екатерининского канала в Петербурге), умер в тот же день.

⁵С. А. Толстая слышала от кого-то, что император велел передать графу Толстому, что «если бы покушение было на него самого, он мог бы помиловать, но убийц отца он не имеет права простить» (С. А. Толстая. Моя жизнь. Ч. III, С. 668. ОР ГМТ).

⁶Речь И. С. Аксакова в память императора Александра II, произнесенная в заседании Петербургского Славянского Благотворительного общества 22 марта 1881 г.

⁷Речь публициста, историка М. О. Кояловича (1828–1891), произнесенная там же. Напечатана в газете «Русь» (1881, № 21).

⁸В. И. Алексеев.

⁹Л. Д. Урусов.

¹⁰С. А. Толстая, вдова А. К. Толстого.

274. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

4...5 мая 1881 г. Ясная Поляна.

Собрался совсем писать вам, дорогой Николай Николаевич, но получил второй номер Руси¹, в кот[ором] ваша статья, и решил прежде прочесть.

Мне не понравилась ни первая, ни вторая статья². Как и почему, — поговорим, когда увидимся. — Пожалуйста, преодолите же неприязненное чувство, к[оторое] вызовет[ся] в вас ко мне за то, что я сказал, что мне не нравится.

Очень вам благодарен за Филона. Позвольте им попользоваться, но пожалуйста не отдавайте его мне. Я с трудом могу понять, что это драгоценность. Так что не в коня корм. — Простите и будьте добры ко мне по-прежнему.

Любящий вас Л. Толстой

¹«Русь» — газета, основанная И. С. Аксаковым и выходившая под его редакцией с 15 ноября 1880 г. до его смерти (1886) с некоторыми перерывами.

²«Русь» (1881, №23, №24) со статьей Страхова «Письма об нигилизме».

275. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

4 мая 1881 г. Санкт-Петербург.

Большая к Вам просьба, бесценный Лев Николаевич: прошу Вас, читайте мои *письма*, которые начались в *Руси*, и скажите мне Ваше суждение. Я знаю, что Вы попадете как раз на самое существенное. Князь¹ (которому усердно кланяюсь) найдет Вам *Русь* в Туле, а я не имею возможности прислать Вам — оттисков газеты не дают. Меня уж и хвалят, и молчат, и бранят, но без Вашего отзыва я не буду удовлетворен.

Как живо мне вспомился при этом Достоевский! Он был мой усерднейший читатель, очень тонко все понимал и не прочитал только *Писем о спиритизме*, потому что был в этом вопросе так раздражен, что не в силах был читать².

Не думайте, что во мне очень заговорило литературное самолюбие; нет, я, кажется, уже успел несколько его укротить. Предвижу беду: с новым царствованием начались затеи новых журналов; меня уже звали в одну газету, имеющую возникнуть, да в один толстый журнал. Все это в наилучшем славянофильском духе, но я буду упираться всеми силами.

Общее состояние Петербурга теперь довольно сносно: стало очень тихо и серьезно. Можно порадоваться, что не делается никаких резких перемен, и что ярость преобразования России находит некоторую остановку и несколько утихает. Существенные дела делаются неотложно: сменен Сабуров³, сняты недоимки и т. п. Образ нового Царя, составляющийся в наших головах, право не дурен: что-то простое, серьезное, печальное и спокойное.

Уже больше недели, как начато это письмо; но потом я заторопился со своим *Нигилизмом*, да простудился и раскис; сегодня сижу дома и жду доктора, хоть мне и легче.

Мои сожители⁴ уже уехали в Крым; теперь я в совершенном уединении, — по целым дням полнейшая тишина, и я могу считать себя пустынножителем. Я привык к этому и провожу иногда очень приятные и спокойные часы. Но мои *письма* меня огорчили. Писать было ужасно тяжело, и чувствую, что выходит не совсем то, что хотел. А так ясно и горячо было задумано! Теперь я остановлюсь, но, отдохнувши, думаю еще написать четыре-пять писем. Юрьев по

поводу первого письма прислал мне восторженную и совершенно-отвлеченную похвалу.

Затем у меня еще работа — корректуры *Истории материализма* Ланге, перевод под моим наблюдением, — книга, очень дурно написанная, но прелюбопытная. Да кончить статью о *Физиологии*. Вот мои планы на лето: простите, что рассказываю Вам их, предполагая, что они Вам несколько интересны.

С Фетом мы чуть ли не поссоримся из-за «Фауста»; он прислал мне письмо с упреками прямыми, косвенными, скрытыми, вовсе непонятными и всякими, какие только возможно. Если бы я не знал его доброты и прямоты, меня бы огорчила эта беспорядочная игра фантазии. Но видно, что «Фаусту» неудача: если он упрямится и не хочет поправлять, то какая охота браться за работу, за которую я без того не взялся бы. Ах, трудно жить с людьми!

Предполагаю, что Вы читаете, читаете и задаете себе вопрос: ну, а где же его душа? Скажу Вам, как сумею.

Душа моя — в исправлении помаленьку моих недостатков, которых, как Вы знаете по моей исповеди, у меня много. Я чувствую, что понемногу наступает во мне мир, — и не могу Вам выразить, как отрадны мне даже неполные, временные ощущения этого мира. Стану всеми силами стремиться к этому миру — путь уже мне известен и меня ничто не собьет с него. Доброта и спокойствие — качества старости, как я читал в одной материалистической физиологии.

А что у Вас делается? Дайте хоть маленькую весточку, а о *Письмах*, пожалуй, хоть ничего не пишите. Мое почтение Графине и усердный поклон всем, Василию Ивановичу, Сереже, Ильюше⁵. Выздоровею, — непременно добьюсь от Победоносцева, какое впечатление на Государя сделало Ваше письмо и Соловьев. Новый манифест⁶ производит кутерьму, раздражение нелепое, бестолковое, отвратительное по бессмысленности. Я видел однажды, что в вагоне, когда стало вдруг ярко светить солнце, пассажиры стали опускать занавески. Увидевши это, один пассажир, сидевший на другой стороне, тоже поспешно бросился спускать занавеску, и только спустивши заметил, что солнце с его стороны не светит, и поднял занавеску. Такова, я думаю, вся наша интеллигенция.

Ваш душевно
Н. Страхов

1881 г. 4 мая Спб.

¹Л. Д. Урусов, тульский вице-губернатор.

²См.: Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1876 г. Январь. «Спиритизм. Нечто о чертях. Чрезвычайная хитрость чертей, если только это черти».

Март. «Словцо об отчете ученой комиссии о спиритических явлениях».

Апрель. «Опять только одно словцо о спиритизме».

³А. А. Сабуров, министр народного просвещения.

⁴Дмитрий Иванович и Любовь Константиновна Стахеевы.

⁵Сыновья Толстого Сергей и Илья.

⁶Манифест 29 апреля 1881 г., возвестивший о незыблемости самодержавия.

276. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

25 мая 1881 г. Санкт-Петербург.

Сегодня нет корректур, и ни на какой прощальный вечер не нужно идти, и больных посещать не требуется, — значит, нужно и должно писать к Вам, бесценный Лев Николаевич. Я все поджидал письма от Вас, думал, что Вы смилуетесь, и после третьего или четвертого письма об *нигилизме* скажете мне хоть в нескольких словах Ваше мнение. «Неприятного чувства», которое Вы просите прогнать, я, конечно, не испытал ни малейшего. Но стал я вспоминать наши разговоры прошлым летом, когда мы не соглашались, и много думал, но не придумал, в чем и как выразится Ваше неодобрение. Написал я, конечно, очень дурно, потому что не выразил и сотой доли того, что хотел, а то, что выразил, сказал в сто раз холоднее, чем думал. Не хватило и, может быть, никогда уже не хватит прежней силы. Но тема меня увлекла. Этот мир я знаю давно, с 1845 года, когда стал ходить в Университет¹. Петербургский люд с его складом ума и сердца и семинарский дух, подаривший нам Чернышевского², Антоновича³, Добролюбова⁴, Благодетельского⁵, Елисеева⁶ и пр.⁷ — главных проповедников *нигилизма* — все это я близко знаю, видел их развитие, следил за литературным движением, сам пускался на эту арену и пр. Тридцать шесть лет я ищу в этих людях, в этом обществе, в этом движении мыслей и литературы — ищу настоящей мысли, настоящего чувства, настоящего дела — и не нахожу, и мое отвращение все усиливается, и меня берет скорбь и ужас, когда вижу, что в эти тридцать шесть лет только это растет, только это действует, только это может надеяться на будущность, а все другое гложет и чахнет. Вы помните, какой отрадой были для меня Вы, в какой восторг меня привела *Война и мир*. Но общий поток прошел мимо и возрастал по-прежнему. Если бы Вы знали, что я чувствую тут, слушая нынешние речи и рассуждения, следя за чувствами и поведением милых моих петербуржцев! Одна уже привычка к болтовне, принимаемой за дело, одни уже непрерывные умничания, не содержащие капли ума, могут привести в неистовство всякого сколько-нибудь серьезного человека.

А если у человека шевельнулось и серьезное чувство, то он готов будет возненавидеть этих болтунов, говорящих с простодушнейшим видом самые отвратительные вещи. Конечно, хорошие, настоящие *нигилисты* в тысячу раз выше этого общества, но, к несчастью, они

его плод, они приняли всерьез его бездушие и пустомельство и исполняют его программу. Я не могу равнодушно думать о той истории, которая совершается перед нами, об этом извращении сил и бесплодной гибели. Это похоже на то, как если бы человек сам себя резал ножом в куски или бился головой об стену, воображая, что творит какой-то подвиг, который принесет и всем, и ему и славу, и благополучие.

И вот я вздумал выразить чувства, зревшие во мне десятки лет, но выразить их как возможно проще, становясь только на самые незыблемые точки зрения, опираясь на такие нравственные и умственные основания, которые для всех несомненны, всеми признаются. Неужели мне это не удалось? Смотрите, бесценный Лев Николаевич, не придайте моим словам какого-нибудь смысла, которого в них нет! Я был очень осторожен и, кажется, не обмолвился.

Недели три я болел и только сегодня чувствую себя как будто совсем здоровым. Сегодня же и первый теплый день нашего мая.

Нравственно за это время я тоже очень недоволен собою; были дни, когда я даже забывал обращаться лицом к тому идеалу, с которого не нужно спускать глаз; постараюсь это прекратить.

Простите меня и дайте мне хоть маленькую поддержку. Вы знаете, как дорого мне каждое Ваше слово; самое сердитое замечание меня не рассердит на Вас, а было бы настоящим хлебом для голодного.

Надеюсь, что у Вас все очень хорошо в Ясной Поляне; мое усердное почтение Графине; прошу поклониться князю, Василию Ивановичу.

Ваш всею душою

Н. Страхов

1881 г. 25 мая Спб.

¹Страхов поступил вольнослушателем на камеральный (юридический) факультет Петербургского университета, вскоре перешел на математическое отделение. Из-за недостатка средств вынужден был оставить университет и в 1848 г. поступил в Главный педагогический институт, где обучался на казенный счет, с обязательством отработать после окончания института 8 лет в учебных заведениях.

²Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889) — сын священника, учился в Саратовской Духовной Академии.

³Антонович Максим Алексеевич (1835–1918) — критик, публицист, философ. Сын дьяка. С 1861 г. был постоянным сотрудником «Современника», в начале 1860-х гг. был близок к организации «Земля и воля».

⁴Добролюбов Николай Александрович (1836–1861). Оба его деда и отец были духовного звания. Добролюбов учился в Нижегородской Духовной Семинарии, но не закончил ее.

⁵Благосветлов Григорий Евлампиевич (1825–1880) — журналист, публицист. Сын полкового священника, учился в Саратовской Духовной Семинарии на два курса ниже Чернышевского.

⁶Елисеев Григорий Захарович (1821–1891) — публицист, журналист. Сын сельского священника.

⁷Сам Страхов был сыном священника, магистра богословия и профессора Белгородской Семинарии, окончил Костромскую Семинарию.

277. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

27...28 мая 1881 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич!

Вчера только получил и прочел ваши 3-ю и 4-ю статьи¹. Эти две мне очень понравились; но, простите меня, именно тем, что они отрицают первые. В первой статье вы поставили вопрос так: среди благоустроенного, хорошего общества явились какие-то злодеи, 20 лет гонялись за добрым Царем и убили его. Что это за злодеи? И вы выставляете все недостатки этих злодеев во 2-й статье. — Но, по мне, вопрос поставлен неправильно. Нет злодеев, а была и есть борьба двух начал, и, разбирая борьбу с нравственной точки зрения, можно только обсуживать, какая из двух сторон более отклонялась от добра и истины; а забывать про борьбу нельзя. Забывать может только тот, кто сам в борьбе. Но вы обсуживаете. Другой упрек в том, что для того, чтобы обсуживать, необходима твердая и ясная основа, с высоты которой обсуживается предмет. — Вы же выставляете основой «народ». — Должен сказать, что в последнее время слово это стало мне так же отвратительно, как слова: церковь, культура, прогресс и т. п. — Что такое народ, народность, народное мировоззрение? Это ничто иное, как мое мнение с прибавлением моего предположения о том, что это мое мнение разделяется большинством русских людей. — Аксаков, например, наивно уверен, что самодержавие и православие это идеалы народа. Он и не замечает того, что самодержавие известного характера есть ничто иное, как известная форма, совершенно внешняя, в которой действительно в недолгий промежуток времени жил русский народ. Но каким образом форма, да еще скверная, да еще явно обличившая свою несостоятельность, может быть идеалом, — это надо у него спросить. Каким образом внешняя религиозная форма Греко-российско-Иосифлянских догматов *вероисповедания* и уже очень несостоятельная, и очень скверная может быть идеалом — народа? Это надо у него спросить. Ведь это так глупо, что совестно возражать. Я буду утверждать, что я знаю Страхова и его идеалы, потому что знаю, что он ходит в библиотеку каждый [день] и носит черную шляпу и серое пальто. И что потому идеалы Страхова суть: хождение в библиотеку и серое пальто, и страховщина. Случайные две, самые внешние формы — самодержавие и православие, с прибавлением народности, к[оторая] уже ничего

не значит, выставляются идеалами. Идеалы Страхова — хождение в библиотеку, серое пальто и страховщина. Сказать, я знаю народные идеалы, очень смело, но никому не запрещено. Это можно сказать, но надо сказать ясно и определенно, в чем я полагаю, что они состоят, и высказать действительно нравственные идеалы, а не блины на масленице или православие, и не мурмолку или самодержавие.

Ошибка вашей статьи почти та же. Вы осуждаете во имя идеалов народа и не высказываете их вовсе в первых двух статьях и высказываете неопределенно для других (для меня ясно) в последних статьях. В последних статьях вы судите с высоты христианской и тут народ ни при чем. И эта одна точка зрения, с к[оторой] можно судить. Народ ни при чем. Сошелся этот какой-то народ с той точкой зрения, к[оторую] я считаю истинной, — тем лучше; не сошелся, — тем хуже для народа. — И как только вы стали на эту точку зрения, то выходит совсем обратное тому, что было в прежних статьях. То были злодеи; а то явились те же злодеи единственными людьми, верующими — ошибочно, — но все-таки единственными верующими и жертвующими жизнью плотской для небесного, т. е. бесконечного.

Дорогой Николай Николаич. Богатому красть, старому лгать. Недолго мне осталось жить, чтобы не говорить прямо всю правду людям, которых я люблю и уважаю, как вас. — Разберите, что я говорю, и если не правда, — укажите, а если правда, то и мне при случае скажите такую же правду. Наше молчание тяготило меня. Я дорожу и не перестану дорожить дружеским общением с вами.

Что вы делаете летом? Ясная Поляна, как и всегда, раскрывает вам свои любящие объятия. — Надеюсь, что вы, если выедете, то не минуете нас и проживете чем дольше, тем радостнее для нас всех.

Я живу по-старому, расту иближусь к смерти всё с меньшим и меньшим сомнением. Всё еще работаю и работы не вижу конца.

Обнимаю вас от всей души.

Ваш Л. Толстой

¹Н. Н. Страхов, «Письма об нигилизме» — «Русь» (1881, №№ 25–27). «Письма об нигилизме» входят в книгу Страхова «Борьба с Западом в нашей литературе», Кн. II (СПб., 1883).

278. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

1...5? июня 1881 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич. Мне всегда делается ужасно грустно, когда я вдруг с человеком, как вы, с которым мы всегда понимаем друг друга, вдруг упираюсь в тупик. И так мне сделалось грустно от вашего письма¹.

Я сказал вам, что письма² ваши мне не понравились, потому что точка зрения ваша неправильна; что вы, не видя того, что последнее, поразившее вас зло произошло от борьбы, обсуживаете это зло. Вы отвечаете мне: «я не хочу слышать ни о какой борьбе, ни о каких убеждениях, если они приводят к этому и т. д.». Но если вы обсуживаете дело, то вы обязаны слышать. Я вижу, что чумака 100-летнего убили жесточайшим образом колонисты³ и юношу прекрасного Осинского⁴ повесили в Киеве. Я не имею никакого права осуждать этих колонистов и тех, кто повесил Осинского, если я не хочу слышать ни о какой борьбе. — Только если я хочу слышать, только тогда я узнаю, что чумака убил 60 человек, а Осинский был революционер и писал прокламации. Вас особенно сильно поразило убийство царя, вам особенно противны те, которых вы называете нигилистами. — И то, и другое чувства очень естественные, но для того, чтобы обсуживать предмет, надо стать выше этих чувств; а вы этого не сделали. — И потому мне не понравились ваши письма. Если же я и потому, что вы упоминаете о народе, и потому, что вы особенно строго осуждаете это убийство, указывая, почему это убийство значительнее, чем все те убийства, среди которых мы живем, предположил, что вы считаете существующий русский государственный строй очень хорошим, то я это сделал для того, чтобы найти какое-нибудь объяснение той ошибки, которую вы делаете, не желая слышать ни про какую борьбу и вместе с тем обсуживая один из результатов борьбы. Ваша точка зрения мне очень, очень знакома (она очень распространенная теперь и очень мне не сочувственна). Нигилисты — это название каких-то ужасных существ, имеющих только подобие человеческое. И вы делаете исследование над этими существами. И по вашим исследованиям оказывается, что даже когда они жертвуют своею жизнью для духовной цели, они делают не добро, но действуют по каким-то психологическим законам бессознательно и дурно.

Я не могу разделять этого взгляда и считаю его дурным. Человек всегда хорош и если он делает дурно, то надо искать источник зла в

соблазнах, вовлекавших его в зло, а не в дурных свойствах гордости, невежества. И для того, чтобы указать соблазны, вовлекшие революционеров в убийство, нечего далеко ходить. Переполненная Сибирь, тюрьмы, войны, виселицы, нищета народа, кощунство, жадность и жестокость властей — не отговорки, а настоящий источник соблазна.

Вот что я думаю. Очень жалею, что я так не согласен с вами, но не забывайте, пожалуйста, что не я обсуживаю то зло, которое творится; вы обсуживаете, и я сказал только свое мнение и не мнение, а объяснение, почему мне не нравятся ваши письма. — Я только одного желаю, чтобы никогда не судить и не слышать про это.

Как жаль, что вы не приедете летом. И для меня жаль и за вас очень жаль. Сидеть в Петербурге летом должно быть ужасно. Да особенно еще хвоя. Может быть, вы еще устроитесь. Как бы хорошо было. Пожалуйста, не сердитесь на меня и не думайте, что я читаю вас невнимательно. Обнимаю вас.

Ваш [Л. Толстой]

¹Письмо Страхова неизвестно.

²Статья Страхова «Письма об нигилизме».

³Вероятно, факт, взятый Толстым для примера из уголовной хроники того времени.

⁴Осинский Валериан Андреевич (1853–1879) — революционер-террорист, активный член организации «Земля и воля», главный организатор террористических актов на юге России. 7 мая 1879 г. был судим за вооруженное сопротивление и принадлежность к террористической организации; приговорен к смертной казни и казнен 14 мая 1879 г.

279. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому
12-13 июня 1881 г. Санкт-Петербург.

12 июня

Верно, Сергей Николаевич¹ уже уехал; он был два раза в Библиотеке, и очень мне жаль, что не удалось еще повидать его. Он мне напомнил Ясную Поляну — и так живо, что захотелось все бросить и ехать к Вам. Но вот, бесценный Лев Николаевич, мои объяснения, которые нужно Вам изложить, чтобы не показать равнодушия, которого во мне нет. Стахеевы уехали в конце апреля, и вокруг меня воцарилась тишина самая полная, восхитительная. Я чувствовал себя здоровым, спокойным, и я подумал: передо мною три месяца жизни совершенно пустынноческой: я должен воспользоваться ими. Могу кончить свои работы о нигилизме, о физиологии, привести в порядок свои книги, разобраться со всеми своими делами, в которых хожу, как в тенетах. Кстати, буду держать много корректуры, что так удобно летом, когда много света (я выправляю *Историю материализма*, Ланге).

Перспектива работы соблазнила меня; меня томит безделье, и вот я, не без борьбы и волнения, решил выехать только в августе. Сказать ли, что из этого вышло? Пустынничество удалось, припадки тоски прошли, но работа идет плохо, и это меня очень сокрушает: если я не могу ничего сделать при таких наилучших условиях, то нужно, значит, отказаться от мысли о работе. Как бы то ни было, хотя бы с грехом пополам, но в июне я кончу свои *Письма*, а в июле — *Физиологию*, и мне все-таки будет легче жить на свете.

Относительно моего *нигилизма* Вы правы: все мое писанье имеет односторонний вид и может быть принято за брань на нигилистов. Так это многие поняли; воздерживаясь от всякого суждения о существующем порядке и не воздерживаясь от самых резких суждений о нигилизме, я непременно впадаю в адвокатские приемы, в лукавство газетчиков. Да, молчать действительно лучше, чем говорить, и я часто колеблюсь — хорошо ли, или не хорошо то, что я делаю, почему и прошу Вашего внимания и участия. Следующее *Письмо* я напишу именно на эту тему — о недовольстве существующим порядком.

Фет мне пишет, что Вы ему читали *третье* письмо — оно и здесь, в Петербурге, принесло мне похвалы; но странно — Аксакову понравились преимущественно два первые письма.

Но будет о себе; обращаюсь к Вам. Сергей Николаевич скажет Вам мои и стасовские² уверения, что нет ничего легче и вернее, как поместить рукопись³ в Публичную библиотеку. Ваше решение очень меня занимает; почему Вы так делаете? А я уж собирался писать Вам, чтобы к следующему лету Вы непременно кончали, что я поеду за границу печатать.

Сергей Николаевич привезет Вам новостей; некоторые он мне рассказывал и очень удивил; здесь слухи растут и сочиняются с необыкновенной быстротою и добраться до правды всегда очень трудно. Нарочно пошел я к Победоносцеву и услышал много речей, но мало что узнал. Об Вашем письме к Государю я прямо спросил, что он знает; он сказал, что ничего, и действительно видно, что он не знает.

Простите, бесценный Лев Николаевич; начал письмо в говорливом настроении, а теперь мне опять нездоровится и голова тяжела. Мой усердный поклон всем, кто меня помнит; Татьяна Андреевна⁴, верно, теперь отличается на крокете; гостей, я думаю, у Вас все больше и больше. От всей души желаю веселиться.

Ваш неизменный и искренний
Н. Страхов

1881, 13 июня, Спб.

¹Сергей Николаевич Толстой (1826–1904) — старший брат Л. Н. Толстого.

²В. В. Стасов.

³См. ниже.

⁴Т. А. Кузминская.

280. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

11...12 июля 1881 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаич.

Я от того давно не писал вам, что считаю как бы написанным письмо, кот[орое] сгоряча написал в ответ на ваше предпоследнее и кот[орое] не послал. К чему спорить. В последнем письме вы и сами пишете, что считаете себя неправым; а это лучше всего и начало всякой премудрости. — Последнего письма вашего, если оно вышло в Руси, я еще не читал.

Я недавно сделал путешествие в Оптину пустынь и в Калугу¹ и очень мне было хорошо. Теперь сижу дома и понемногу занимаюсь всё той же своей работой². — Очень вам благодарен за ваше предложение заняться печатанием, но едва ли придется воспользоваться. Дело мое вот в каком положении. — Из большого сочинения, кот[орое] я после вас и кончил, и еще раз всё прошел, я сделал еще из Евангелия извлечение без примечаний, но с коротким предисловием; и это-то извлечение, кот[орое] составит небольшую книгу, хочу напечатать за границей; а большое покамест положить (по гордости своей в библиотеку)³. Извлечение это мне кажется готовым и я думаю напечатать его осенью. — Большое же может быть буду, может не буду еще перерабатывать. Если буду, то тогда с большой благодарностью приму ваше предложение. Всё это, разумеется, если мы будем живы, о чем я относительно себя очень сомневаюсь. Надеюсь увидеть вас в августе. Обнимаю вас

Ваш Л. Толстой

¹10 июня 1881 г. Толстой со своим слугой С. П. Арбузовым отправился пешком в Оптину пустынь (Козельского уезда Калужской губ.). Возвратился в Ясную Поляну 20 июня. Сохранился дневник, который он вел во время своего путешествия (см.: ПСС, Т. 49, С. 138–147).

²Результатом этой работы явилось «Краткое изложение Евангелия» (ПСС, Т. 24, С. 801–938).

³Рукопись «Соединения и перевода четырех Евангелий».

281. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

22 июля 1881 г. Санкт-Петербург.

Как Вы печально пишете, бесценный Лев Николаевич! Ваша мысль о смерти больно поразила меня. Теперь мне ужасно хочется увидеть Вас, и нетерпение увеличивается с каждым днем. Я не дожусь 1-го числа и выеду, вероятно, 29-го, так что 30-го буду у Вас. Позвольте телеграфировать и просить лошадей на Козловку.

О себе скажу, что когда я бросил и работу, и всякие мысли об работе, мне стало легче. Помните — я, бывало, просил у Вас работы, корректур, или чего-нибудь подобного? Я, кажется, только на это теперь и способен. А предстоит еще большая работа — биография Достоевского. Жду возможности поговорить с Вами об этом. Я попробую рассказать Вам, что знаю, и попрошу Вашего совета — как это делать? К чему направить весь труд?

Простите. Графине, Татьяне Андреевне, Василию Ивановичу, Князю — всем очень кланяюсь и радуюсь, что увижу.

Ваш всюю душою
Н. Страхов

1881. 22 июля. Спб.

282. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

19 октября 1881 г. Санкт-Петербург.

К Вам прежде всех, бесценный Лев Николаевич, да перед Вами я больше всего виноват. Наконец я одолел апатию, которая напала на меня в Москве¹ и с которою приехал в Петербург. Но все-таки я сумею сказать Вам ничего хорошего — а очень бы хотелось; не могу без грусти подумать о том настроении, в котором видел Вас. *Иго мое благо, и бремя мое легко*²; на Афоне³ мне особенно понравились *веселые монахи*, ласковые, смеющиеся, — я думаю, что они ближе других к святости, да так о них говорили и другие. И Николай Федорович⁴ похож на них. Но Вы не можете, кажется, не страдать; Вы преувеличиваете Ваши требования, а я читал где-то, что ужно быть к своей душе также снисходительным, как и к другим людям. Но нет! — как я стану Вас уговаривать успокоиться, когда я могу подумать без умиления об этом огне, которым Вы горите? готов молить: пожалейте себя, пожалейте и нас! Да ведь знаю — мы равнодушны к таким просьбам, и я, например, конечно не стою большого внимания с Вашей стороны.

Пока у меня одно желание, одна просьба — узнать, что у Вас делается, благополучно ли Вы съездили, благополучно ли разрешилась рафиня⁵. — Совестно мне было не ехать с Вами в Торжок⁶, но, кроме лени, меня удерживало и то, чтобы Вам не мешать своею неповоротливостью и апатиею. Здесь я поплелся по старой колее; таскаюсь по похоронам, обедам, вечерам; слышал уже две поэмы, а завтра уду слушать драму; но в свободные часы, дома, один, читаю духовные книги и, кажется, остается что-то доброе в душе. Прочитал и *Иругавина* «Алчущие и пр.»⁷ и пока, признаться, нашел только быкновенный нигилизм и в мыслях и в литературных приемах, — то мне очень противно. Но предмет любопытен и нужно подождать.

От души прошу Вас, простите меня, если чем согрешил или против Вас, или при Вас. Не разлюблю Вас никогда; я Вам это обещал, было бы великое горе, если бы на меня когда-нибудь напало такое атмение.

Ваш душою
Н. Страхов

P. S. Читали Вы в *Руси* Рачинского о Пушкине и о Вас⁸? Этот острог меня очень удивил, но порадовал. Некто Ernst Roettger⁹, здеш-

ний юноша, просит Вашего разрешения напечатать перевод на немецкий *Детства*. Я сказал, что Вы не будете отвечать, но для очистки совести, передаю Вам просьбу.

¹Осенью 1881 г. семья Толстых впервые переехала на зиму в Москву.

Жили Толстые зиму 1881/82 гг. в Денежном переулке на Пречистенке.

²Матфей, 11: 30.

³16 августа 1881 г. Страхов отправился из Севастополя в Константинополь, а оттуда — на полуостров Афон в Эгейском море, в русский монастырь Св. Пантелеймона на Святой горе Афон.

«Там сохранилась до наших дней и продолжает неприкосновенно процветать особая жизнь, начавшаяся с первых веков христианства и, уже почти тысячу лет назад, вполне сложившаяся в свои формы. Эти монахи показали, как бы в виде огромного исторического примера, истинные свойства монашества, то есть, что они действительно отрекшиеся от мира богомольцы, чуждые всяких земных дел. Так их и поняли свирепые турки и оставили их в покое, так что люди, отказавшиеся от всех земных благ, сохранили в течение многих бедственных веков лучшее благо — независимость и самобытный склад жизни. Но цель их была раз навсегда назначена, и средства для нее от начала были определены; поэтому им не нужно было никаких перемен, и у них не было прогресса, не было истории. По свидетельству ученых исследователей, Афон есть действительно живой остаток глубокой старины, и, в этом отношении, место единственное в своем роде, подобного которому нет ни в одной стране обитаемого мира.

Вспомним при этом, какой дух там живет, — дух нашего православного благочестия. Там — одно из чистейших воплощений того животворного начала, которое составляет истинную душу русского народа. Афон есть поприще и училище святости, а святой человек есть высший идеал русских людей, начиная от неграмотного крестьянина и до Льва Толстого.

Вот, читатель, маленькое объяснение, почему мне, грешному, захотелось побывать на Афоне» — писал Страхов в очерке «Воспоминание о поездке на Афон (1881 г.)». См.: Н. Страхов. Воспоминания и отрывки (СПб., 1892), С. 9–11. Возвращаясь из своего путешествия, Страхов останавливался в Москве и виделся с Толстым.

⁴Федоров Николай Федорович (1828–1903) — философ, автор труда «Философия общего дела», служил библиотекарем в Московском Публичном и Румянцевском музее. Страхов познакомился с Федоровым в доме Толстого в Москве осенью 1881 г.

⁵Восьмой ребенок Толстых сын Алексей родился 31 октября 1881 г. в Москве, умер также в Москве 18 января 1886 г.

⁶В конце сентября Толстой уехал в Тверскую губернию, чтобы познакомиться с крестьянином Василием Кирилловичем Сютеевым, жившим в деревне Шевелино Новоторжского уезда. Сютеев и его последователи совершенно отрицали учение православной церкви, отвергали все таинства, обряды. Сам Сютеев называл свою проповедь «благовествованием». Толстого очень

интересовали взгляды этого крестьянина-сектанта, отпавшего от православия; они оказали большое влияние на него в период религиозных исканий (см. ПСС, Т. 25, С. 233–235).

⁷Пругавин А. С. «Алчущие и жаждущие правды» — «Русская мысль» (1881, Кн. X, XII; 1882, Кн. I). Работа написана на основе личного знакомства Пругавина с В. К. Сютеевым и его единомышленниками.

⁸Статья педагога Сергея Александровича Рачинского (1833–1902) «Заметки о сельских школах» была напечатана в газете «Русь» (№ 49, от 17 октября 1881 г.). Рачинский, говоря о преподавании в сельской школе русского языка, пишет, что «всякий хороший ученик дельной сельской школы на 15-м году с наслаждением прочтет «Капитанскую дочку» и «Дубровского», «Бориса Годунова», «Русалку» и «Полтаву», — а затем, говоря о том, что типы Бельтова и Базарова, Обломова и Рудина, Левина и Раскольникова, вследствие того, что они не имеют ни общечеловеческого, ни всенародного значения и для будущих поколений станут такими же загадочными, как для нынешнего юношества становятся загадочными Онегин, Чацкий и Печорин, — высказывает мнение, что «переживет нас только «Война и мир» графа Л. Н. Толстого, и то не благодаря Петру Безухову и князю Андрею, а благодаря Кутузову и Наташе, благодаря грандиозной общечеловеческой подкладке».

⁹«Geschichte meiner Kindheit» («История моего детства»), в переводе Эрнста Рёттге; (Ernst Röttger) книга вышла в Лейпциге в 1882 г.

283. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

24...25 ноября 1881 г. Москва.

Простите, дорогой Николай Николаич, что не отвечал на ваше письмо. Вы меня любите, я знаю, и потому понимаете. — Правда, что мне тяжело. Бывает очень больно. Но боль эту не отдам за 10 лет веселой, приятной жизни. Даже странно сказать: не отдам за веселую приятную жизнь. Она-то мне и противна, а дорога, хотя и¹ больно, та деятельность, которая может выйти из этой боли. — Не отвечал я вам, п[отому] ч[то] был все это время в очень напряженном состоянии. Нынче я не то что бодрее, но менее удручен.

Работы я никакой еще не начал настоящей. Написал рассказ², в детский журнал — (Дет[ский] отдых) — и то нехорошо и с ужасным насилием над собой. Интересных мне людей я вижу много; но зачем? Учиться мне уж нечему от людей. А жить так, как я выучился, я не умею. И всё ищу, и стараюсь, и всё недоволен собой.

У нас всё благополучно, родился сын. Все слава Богу здоровы и в семье хорошо.

Что вы делаете? Пишите мне и верьте в мою дружбу. Мне сердиться на вас не только не за что, но я знаю, что нет человека, который бы так по-моему понимал меня, как вы. У меня только происходит иногда по отношению вас обман чувств: «если этот человек так понимает меня, то как же он не разделяет моих чувств и в той же мере?» иногда говорю я себе об вас. И разумеется я говорю вздор, доказывающий только то, что я не умею так понимать вас, как вы меня, и потому не вижу ваших чувств так же ясно, как вы мои.

Познакомился я с Ник[олаем] Михайловским³. Я ожидал большего. Очень молодо, щеголевато и мелко. — Обнимаю вас

Л. Толстой

¹В автографе описка: *не*.

²Рассказ «Чем люди живы» напечатан в журнале «Детский отдых» (1881, № 12).

³Михайловский Николай Константинович (1842–1904) — публицист, критик и социолог. Автор статьи «Десница и шуйца Л. Н. Толстого» в журнале «Отечественные записки» (1875, №№ 6, 7). В ноябре 1881 г. Михайлов-

ский, будучи в Москве, по просьбе М. Е. Салтыкова-Щедрина (в то время редактора «Отечественных записок»), посетил Толстого, чтобы напомнить ему о предложении (сделанном им незадолго до этого) сотрудничать в их журнале. Толстой при личном свидании с Михайловским отклонил этот вопрос, оставив невыполненным свое обещание. См.: Н. К. Михайловский. Литературные воспоминания и современная смута (СПб., 1900), С. 213–218.

284. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

26 ноября 1881 г. Санкт-Петербург.

И сегодня нет письма от Вас, бесценный Лев Николаевич! Впрочем, я сам виноват — давно следовало бы написать Вам, а я все был не в духе писания, то есть в дурном духе, — был здоров, ленился и с удовольствием занимался делами, не стоящими занятия. Побывал у Любви Александровны¹, перед которою всегда так виноват, и узнал много об Вас. От души поздравляю Графиню и Вас с сыном². Вести все хорошие, и мы с Любовью Александровной поделились восхищением от Вашей семьи и от Вас. Привез сюда еще вести Юрьев³; он вчера заходил ко мне, а еще раньше я слышал, что он много о Вас рассказывает. Передавал мне нигилист, один из членов Ученого комитета; но похвалы Вам в его устах немножко меня коробили — застарела во мне вражда к нигилизму

С Вашими изобретателями⁴, Никитиным, которого Вы направили к Стасову⁵, и Яшиным, к которому Никитин приехал, мы много хлопотали, и Стасов, и я. Я послал их к Вышнеградскому⁶, первому у нас знатоку практической механики. Ему они очень понравились своим умом и нравом; он считает их достойными всякого участия; но 1) они изобрели то, что уже сделано было, а 2) у них недостает подготовки, чтобы можно было дать им какую-нибудь должность или работу. Так он и не нашел ничего, что бы им сделать. Яшина я видел и не мог им налюбоваться: так красив и умен. Стасов давал им и денег и посылал их к разным техникам и начальникам по технической части. Ничего не вышло, и теперь они очень жалуются на стесненное положение.

А что я делаю? — Ничего хорошего. Много прочитал об Афоне, готовясь писать *впечатления*; стал усерднее прежнего заниматься своею службою в Библиотеке и в Комитете; получаю книги и меняю, и отдаю в переплет, и читаю без порядка.

Но я Вас не забываю, я вспоминаю об Вас каждый день, и главная задача жизни не выходит из моих ленивых и шатких мыслей. Простите меня. Если напишете несколько строк, очень утешите

Вашего душевно
Н. Страхова

1881. 26 нояб. Спб.

¹Л. А. Берс.

²Новорожденный Алеша Толстой.

³С. А. Юрьев.

⁴Об изобретателях Никитине и Яшине сведений нет.

⁵В. В. Стасов.

⁶И. А. Вышнеградский в то время был профессором механики Технологического института.

285. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

29 ноября 1881 г. Санкт-Петербург.

Получил Ваше письмо, бесценный Лев Николаевич, и нашел в нем то самое, чего ожидал, тот упрек, который мне слышался в Вашем молчании и который я так часто сам себе делаю. Этот упрек смущает меня перед Вами и тревожит мою совесть постоянно. *Почему я понимаю Ваши чувства, но не разделяю их?* Буду говорить, как на исповеди. Потому, что у меня нет такой силы чувств, как у Вас; не хочу я насиловать себя или прикидываться, а где же я возьму ту беззаветность, ту горячность, с которою Вы чувствуете, которою одарено Ваше сердце? Будьте снисходительны ко мне, не отталкивайте меня из-за этой разницы. Ваше отвращение к *миру* — я его знаю, потому что и сам испытывал его и испытываю, но испытываю в той легкой степени, в которой оно не душит и не мучит; но и привязанности к миру у меня никакой нет, если же есть какая, то я стараюсь теперь уничтожить ее, оборвать последние ниточки. Не имея положительных качеств, я решил заботиться об отрицательных. Постоянно я думаю об этом, и мне кажется, сделал некоторые успехи — не буду Вам рассказывать, так они еще малы, а, может быть, и те обманчивы. На усилия, на крутые повороты я неспособен, но знаю, что постоянно держась одной мысли, одного пути, могу дойти до чего-нибудь хорошего. Я стал несравненно спокойнее, чем был, и все благодаря Вам и чтению монашеских книг. Правда, это спокойствие беспрестанно нарушается и опять приходится бороться; но колебания эти далеко не так мучительны, как бывали.

Любить людей — Боже мой, как это сладко! И в слабой степени я испытываю это чувство, я знаю его по опыту; но нет у меня силы и в этом, как и во всем другом. И все лучшие чувства, какие я нахожу в себе, я все их берегу, воспитываю в себе, держусь за них; но не в моей власти дать им порыв и огонь. Такова моя натура и такова моя судьба; жизнь сложилась сообразно с этими свойствами. Не будьте же строго требовательны ко мне; я Вам обязан, вероятно, лучшими минутами своей жизни; смотрите не на то одно, что во мне дурное, а и на то, что можно найти хорошего. А впрочем — наставьте меня; я Вас охотно слушаю, Вы сами знаете.

Ваш всюю душою
Н. Страхов

1881. 29 нояб. Спб.

Ради Бога, не подумайте, что Ваше письмо огорчило меня; напротив, оно меня тронуло и было мне сладко, как русский язык в Салониках¹.

¹Салоники (Фессалоники) — греческий город и порт в Эгейском море. В письме к Данилевскому от 20 октября 1881 г. Страхов писал: «Посещение Афона потребовало почти четырех недель, потому что пароход, забравши путников на Афоне, продолжает свой рейс в Салоники, стоит там три дня и потом три дня идет назад, останавливаясь в разных портах... Тяжело все-таки на чужой стороне, и когда я попал в Салоники, не раз я вздохнул, приговаривая: «далеко до Петербурга» — см. журнал «Русское обозрение» (1901, январь), С. 454.

286. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

6 февраля 1882 г. Санкт-Петербург.

Имею к Вам дело, бесценный Лев Николаевич. Иван Петрович Хрущов, председатель *Постоянной комиссии народных чтений при Министерстве народного просвещения*, существующей с 1872 года, просит разрешения издать *Чем люди живы*, для народа, отдельной книжкой, и желал бы знать Ваши условия. Я обещал ему написать Вам, предупреждая, однако, что едва ли получу ответ (по Вашему пренебрежению всяких дел), и что, вероятно, Вы уже не мало получили подобных предложений в Москве.

Просить ли у Вас прощения за мое молчание? Я все собирался писать, но часто думал, что Вы в сущности можете похвалить меня за то, что не надоедаю Вам. Думал же я об Вас постоянно; я написал даже о Вашем рассказе маленькую статью для *Гражданина*¹. Разговоров об Вас также было немало; Соловьев², по своей неспособности что-нибудь рассказать, ничего мне не сказал; но много говорили Боборыкин³ и Венгеров⁴, говорили с настоящим *умилением*, и я торжествовал, приговаривая: ага! ага! Слышу, что Ваша рукопись гостит теперь у Толстой⁵ и очень собираюсь повоевать за нее, так как там господствуют большие предрассудки, и мне хочется уяснить свое собственное положение — по отношению к этим предрассудкам.

Занят я был изданием своей книжки *Борьба с Западом в нашей литературе*. Издание кончено, но цензура арестовала книгу и отправит ее к министру Н. П. Игнатьеву⁶ на решение. Министр, конечно, разрешит, но шуму наделано много, и я надеюсь, что, наконец, моя книжка будет иметь успех⁷.

Внутри себя я переживаю тяжкую работу, и мне все кажется, что есть какой-то успех. Нравственные радости и страдания имеют бесконечные степени; последней степени у них нет. И познание самого себя также не имеет пределов. Как ни бывает тяжело на душе, и как ни ясно видишь себя, через несколько времени чувствуешь себя еще тяжелее и видишь еще яснее. Это походит на какой-то обман, которому нет конца.

Фет написал мне два сердитых письма, которые очень меня огорчили. Жалуются на то, что я его *презираю* и не хочу разделять его общества. Это за то, что я у него остановился! И грустно мне, и жалко его.

Вопрос об искусстве и науке не выходил у меня из головы. Вы, Лев Николаевич, по натуре больше новатор, а я по натуре больше консерватор. Буду защищать искусство и науку изо всех сил против Вас, Соловьева и Николая Федоровича⁸. Это область мне сродная, область мысли, а не дела; никто из Вас, стремящихся к деятельности, не может понять, какое различие между деятельностью и совершенным отсутствием позыва к ней, чистым созерцанием. Тут у меня весь центр тяжести.

Простите меня. Я часто вспоминаю бывалые выражения Вашего расположения ко мне и твердо надеюсь, что Вы помните мою любовь и понимаете мои чувства. Ради их простите мне и скуку, которую навожу, и всякие неисправности по отношению к Вам, которых избежал бы человек покрепче и поживее, чем я. Графине мое усердное почтение и поклон всем, кто меня помнит.

Ваш всюю душою
Н. Страхов

1882. 6-го февр. Спб.

¹«Новый рассказ гр. Л. Н. Толстого «Чем люди живы» — «Гражданин» (1882, №№ 10–11), С. 24–25.

²В. С. Соловьев.

³Боборыкин Петр Дмитриевич (1836–1921) — прозаик. «Иметь с Львом Николаевичем особый разговор мне не удалось в тот же вечер; но его тон, особенно по сравнению с его обоими приятелями [А. А. Фетом и А. Н. Майковым], действовал обаятельно. Никаких суровых тирад в смысле обличения фальши и суетности общества он не говорил и не высказывал еще того отношения к искусству, изящной литературе и к своим собственным произведениям, каким переполнены были его речи впоследствии, и довольно скоро после этого. Мне кажется, он стоял именно тогда на перепутье и к полному внешнему опрощению, и к выработке себе полного *sergo*, после того как окончательно стряхнул с себя *временное* возвращение к православию, с какого он начал...» — писал Боборыкин в воспоминаниях «В Москве — у Толстого» — см.: Толстой в воспоминаниях, Т. I, С. 267–268.

⁴Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920) — историк русской литературы, критик, библиограф. 18 января 1882 г. Венгеров, с рекомендательным письмом С. А. Юрева, посетил Толстого. В то время Венгеров был членом редакции нового народнического журнала «Устой», и целью его прихода к Толстому была просьба дать журналу какое-нибудь новое произведение. См. об этом: журнал «Русская литература» (1961, № 1), С. 212.

⁵Речь идет о рукописи «Краткого изложения Евангелия», находившейся у А. А. Толстой.

⁶Министр внутренних дел граф Н. П. Игнатьев.

⁷В письме к Н. Я. Данилевскому от 7 февраля 1882 г. Страхов писал: «...Я напечатал из старых своих статей книгу «Борьба с Западом в нашей литературе». Что же вы думаете? Книгу арестовали и теперь представят Игнатьеву на решение, не сжечь ли ее. Видите ли, как я пишу, туманно и невразумительно!» — журнал «Русский вестник» (1901, февраль), С. 455. См. об этом также воспоминания Е. Опочинина «Литературные портреты» в книге: Среди великих. Литературные встречи (М-ва, 2001), С. 265–266.

⁸См. об этом: Н. Ф. Федоров. Собрание сочинений в четырех томах. Т. IV (М-ва, «Традиция»), С. 5–90 (Статьи и заметки о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, В. С. Соловьеве). См. также комментарии С. Г. Семеновой к этим материалам в томе с дополнениями и комментариями к указанному изданию.

287. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

13...14 марта 1882 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич!

Виноват, что долго не отвечал вам; виноват, п[отому] ч[то] знаю, что ответ мой о вашей книге¹ вам интересен и молчание тяжело. Я как получил, так и прочел ее. Статьями о Герцене я б[ыл] восхищен, статьей о Милле удовлетворен, но статьями о коммуне и Ренане неудовлетворен. — Позитивисты говорят, что то, о чем люди думают и всегда думали, — пустяки и не надо о том думать. Они не имеют права этого говорить и выходят из затруднения, отрицая его. Это неправильно. Вы делаете то же, но хуже. Вы отрицаете не то, что думают — а то, что делают люди. Вы говорите — они делают вздор. Задача в том, чтобы понять что и зачем они это делают.

Этим мне не понравилась ваша книга. — Просите не за правду, а за правдивость.

Я устал ужасно и ослабел. Целая зима прошла праздно. — То, что по-моему нужнее всего людям, то оказывается никому не нужным. Хочется умереть иногда. Для моего дела смерть моя будет полезна. Но если не умираю, еще видно нет на то воли Отца. — И часто, отдаваясь этой воле, не тяготишься жизнью и не боишься смерти. Напишите про себя. Мне всегда радостны ваши письма. Да напишите, что слышно про приговоренных².

Обнимаю вас.

Л. Толстой

¹Н. Н. Страхов. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. Кн. I (СПб., 1882), XII, 362 С.

²С 9 по 15 февраля 1882 г. в Особом присутствии Правительствующего Сената в Петербурге слушалось дело по обвинению 20 народовольцев (А. Д. Михайлова, М. Ф. Фроленко, Н. А. Морозова, Н. Н. Колодкевича, Т. И. Лебедевой, Н. Е. Суханова и др.) в принадлежности к социально-революционной партии и участии в террористических актах. Десять обвиняемых были приговорены к смертной казни. Весть об этом приговоре вызвала страстный протест знаменитого французского писателя Виктора Гюго (Victor Hugo): «Цивилизация должна вмешаться! Сейчас перед нами без-

граничная тьма, среди этого мрака 10 человеческих существ, из них две женщины (две женщины!) обречены на смерть, а десять других должен поглотить русский склеп — Сибирь. Зачем? К чему эта виселица? К чему эта тюрьма?.. Милосердия!..».

Под давлением европейского общественного мнения император Александр III заменил офицеру Суханову повешение «расстрелянием», а другим смертную казнь — бессрочной каторгой.

288. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

31 марта 1882 г. Санкт-Петербург.

Как я обрадовался Вашему письму, бесценный Лев Николаевич! Как горячо захотелось мне отвечать Вам, спорить против Вашего упрека — но я вдруг заболел и с неделю был ни к чему не способен. Теперь поправляюсь, и все же прошу извинить мое писание. Ваше возражение мне давно и не раз приходило в голову (есть даже у меня статья на эту тему). Все это движение, которое наполняет собою последний период Истории, либеральное, революционное, социалистическое, нигилистическое, — всегда имело в моих глазах только *отрицательный* характер; отрицая его, я *отрицал отрицание*¹. Часто я задумывался над этим и был изумляем, видя, что *свобода, равенство*, эти идолы для многих, эти знамена битв и революций, в сущности не содержат в себе ни малейшей привлекательности, никакого положительного содержания, которое могло бы дать им настоящую цену, сделать положительными целями. Начиная с Реформации и раньше и до последнего времени, все, что *люди делают* (как Вы говорите) — не вздор, а постепенное разрушение некоторых положительных форм, сложившихся в средние века. Четыре столетия идет это расшатывание и должно кончиться полным падением. В эти четыре века *положительного ничего не явилось*, да и теперь нет нигде в целой Европе. Самое новое — в Америке и состоит в том, что голоса продаются, места покупаются и т. п. Общество держится старыми элементами, остатками веры, патриотизма, нравственности, мало-по-малу теряющими свои основания. Но так как эти начала были воспитаны христианством до неслыханной силы, то человечество неизгладимо носит их в себе, и их еще долго хватит для его поддержания. Но живет оно не ими, а против них или помимо их. Все новые принципы — прямое признание мирской, земной жизни — и вот отчего так пышно нынче развилась жизнь. Есть простор для всего, для всякого рода деятельности, и для науки и искусства, и для служения Марсу, Венере и Меркурию.

В таком странном положении живут люди. Нынешняя жизнь носит противоречие внутри себя. Она возможна только потому, что человек вообще может жить, не имея внутреннего согласия, и останавливаясь на какой-нибудь одной мысли, напр. *свободы, национальности, обязательного обучения* и т. п.

И вот я отрицаю самые крайние из отрицаний, и говорю, что если люди в них живут и действуют, то только в силу каких-нибудь положительных начал, обманывая сами себя, принимая призраки за действительность, любя и злобствуя, но без настоящего предмета для любви и злобы.

Я давно смотрю и вглядываюсь, но не вижу ясного идеала.

И Вам ли меня упрекать? Не Вы ли видите одно лишь безобразие и обман в самых огромных сферах и в самых распространенных формах человеческой жизни? Если у Вас одно отрицаемое, а у меня другое, то Ваше шире по объему и труднее для объяснения, чем мое. Всемирная история есть повесть безумия и в том и в другом случае, но, по-Вашему, безумия более повального и жестокого, чем по-моему. И разве в *Коммуне* и в *Ренане* я уж несколько не объясняю, почему люди так делают?

В сущности, Ваша правда (только не ловите меня на слове); такие критические очерки, как мои, непременно требуют *положительно-го изложения начал*, и без этого изложения легко могут быть употреблены на подпору самых дурных начал. Но, Боже мой, это свое фальшивое положение я чувствую с тех пор, как пишу; я им мучусь, я знаю, что лучше бы прямо проповедывать, цельную систему, ясную мысль. Но я делаю, что могу, и много много молчу, и говорю осторожно и ясно; не пошлет ли Бог других, которые скажут лучше и полнее?

Соловьев² вдруг все бросил и уехал из Петербурга, почему? — не мог я дознаться, а сам он давал понять, будто из-за фальшивого положения, в которое привела его его проповедь. Скорей, я думаю, по любовным делам.

Книжка моя быстро расходуется. Это первая моя книга, имеющая успех, и был день, когда это мне показалось очень сладким.

Потихоньку я занимаюсь. Юрьев³ поступает со мною невежливо и бессовестно; статьи моей не печатает, на письма не отвечает и на просьбы мои — прислать статью назад — ни слова. Фет пишет мне и часто — длиннейшие письма, наполненные философскими рассуждениями, которые, конечно, сам забывает прежде, чем успеет запечатать письмо.

От души прошу — простите меня. Ваши грустные строки о себе — больно поразили меня. Если бы Вы искали покоя, Вы бы нашли его; но Вы не хотите. А для всех нас Ваш покой был бы зрелищем самым радостным и самым поучительным.

Графине⁴ мое усердное почтение. Сереже⁵ и кто меня помнит — кланяюсь.

Весь Ваш Н. Страхов

1882. 31 марта. Спб.

¹Вероятно, Страхов имеет в виду свою статью «Бедность нашей литературы. Критический и исторический очерк» (1868).

²21 января 1882 г. В. С. Соловьев начал читать курс лекций по философии истории студентам Петербургского университета. Одновременно он читал лекции на Высших женских курсах. Как считает С. Г. Семенова, одной из причин, по которой Соловьев прекратил чтение, было непонимание стержневой идеи его лекций, опиравшейся на учение мыслителя Н. Ф. Федорова. См.: Н. Ф. Федоров. Собрание сочинений в четырех томах. Дополнения. Комментарии к четвертому тому (М-ва, «Традиция»), С. 88–95.

³С. А. Юрьев, редактор журнала «Русская мысль».

⁴С. А. Толстая.

⁵С. Л. Толстой.

289. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

2...3 апреля 1882 г. Ясная Поляна.

Я говорю, что отрицать то, что делает жизнь, значит не понимать ее. Вы повторяете, что отрицаете отрицание. Я повторяю, что отрицать отрицание значит не понимать того, во имя чего происходит отрицание. Каким образом я оказался с вами <не> вместе, не могу понять.

Вы находите безобразие и я нахожу. Но вы находите его в том, что люди отрицают безобразие, а я в том, что есть безобразие.

И почему мое отрицаемое труднее для объяснения, чем ваше — тоже не знаю. Вы отрицаете то, что живет, а я отрицаю то, что мешает жить. Трудности же для объяснения того, что я отрицаю, нет никакой. Я отрицаю то, что противно смыслу жизни, открытому нам Христом, и этим занимается все человечество. До сих пор уяснилось безобразие рабства, неравенства людей и человечество освободилось от него, и теперь уясняется безобразие государственности, войн, судов, собственности и человечество всё работает, чтобы сознать и освободиться от этих обманов. Всё это очень просто и ясно для того, кто усвоил себе истины учения Христа; но очень неясно для того, для кого международное, государственное и гражданское право суть святые истины, а учение Христа хорошие слова.

290. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

21 апреля 1882 г. Санкт-Петербург.

Получивши Ваше письмо, бесценный Лев Николаевич, я сейчас же готов был отвечать Вам, но все ждал хорошего духа. Мне до сих пор нездоровится, а хотелось бы хорошенько сказать свою мысль. Я не отрицаю Вашего отрицания, а отрицаю другое отрицание, совершенно противоположное Вашему. Что говорит христианин? «Я не хочу имущества, не хочу власти над другими, не хочу судить, не хочу убивать, брать подати».

Это святые желания и их запрещать невозможно. А что говорят те отрицатели, которых я отрицаю? «Я не хочу, чтобы у кого-нибудь было имущества больше моего, не хочу, чтобы кто-нибудь имел власть надо мною, не хочу быть судимым, не хочу быть убитым, не хочу платить податей». Разница большая, и как возможно смешать тех и других? Источник одних желаний есть отречение от себя, источник других — чистый эгоизм. Сходство заключается только в том, что по-видимому отрицаются одни и те же предметы; но в сущности отрицание имеет не одинаковый смысл, и это тотчас видно по последствиям. Христианские желания всегда возможно исполнить, ибо в них дело идет о перемене в нас самих; желания эгоиста неисполнимы, ибо требуют перемены целого мира и перемены, для мира невозможной. Я могу никого не убивать, но ручаться, что меня никто не убьет, нельзя будет никогда. Когда же те и другие принимаются действовать, тогда разница начал обнаруживается всего яснее. От христиан нельзя ждать никакого насилия и разрушения; эгоисты же против суда ставят суд, против казни — убийство, против поборов — грабеж, против власти — измену, бунт, разрушение. Они последовательны, потому что их принцип тут не нарушается. Если я не хочу быть убитым, то, разумеется, я должен убить убивающего меня; если же не хочу убивать, то не стану стрелять в спину даже разбойнику. Если не хочу неравенства в имуществе, то отниму у богатого; если не хочу имущества, то отдам свое.

Характер эгоизма в высшей степени ясен у всех отрицателей; т. е. не то, что они сами великие эгоисты, а то, что признают эгоизм священным принципом. Они пылают негодованием против неправды, а неправдою называют нарушение чьего-нибудь эгоизма; тогда как грех вовсе не в этом нарушении, а в нечистом желании, в неправде душевной. В сущности, когда мы щадим чужой эгоизм, обходимся с

ним осторожно, мы поступаем как воры, не выдающие других воров, или распутники, считающие долгом чести не выдавать женщин, с которыми блудят. Во всем направлении современных умов, во всех толках и стремлениях Вы не найдете и намека на самоотречение, как на коренной принцип; всякое душевное благородство рассматривается только как средство для эгоистического земного благополучия. Эта черта нынешних умов и душ — отвратительна; и самые эти души гораздо лучше своего исповедания.

Государство и церковь действуют иначе. Они выставляют свою целью общее благо и прямо требуют для этого блага ограничения эгоизма, пожертвования некоторою его долею. Это понятно, это логично, и достижимо, и выполняется в огромных размерах. Злоупотребления не вытекают из самого принципа государства и церкви, точно также как и добрые чувства отрицателей не вытекают из принципа эгоизма. Государство в известном смысле требует от каждого, чтобы он отчасти отрекался от своего имущества, от своей воли и иногда и от своей жизни. Вот почему против него и восстают отрицатели. Это некоторый положительный принцип, и отрицать его труднее, чем отрицать эгоизм, который в самой сущности есть отрицание, отвержение всяких связей.

Итак, мир и мирское для меня имеют такое же низкое значение, как и для Вас; но Вы, отвергая мир, находите что-то подобное своему отвержению в том, в чем я вижу только крайнее выражение мирского начала; Вы думаете, что мир добивается жизни, а я думаю, что он идет к смерти, что он доводит развитие своих начал до того, что сам себя убьет и только этим убедится в ложности этих начал. Мечты человеколюбия, обновления, благополучия не имеют правильного источника, правильной цели и потому приведут к убийству, к хаосу и страданию. Весь вопрос, как Вы справедливо говорите, заключается в том, какое безобразие больше, то ли, которое Вы отрицаете, или то, которое я; но я твердо убежден, что то, что я отрицаю, есть несомненное безобразие.

Чувствую, что много бы нужно еще сказать и сказать лучше, чем говорю; но прибавлю только, что грусть мучит меня ужасная, и что я почти прихожу в негодование при виде людей спокойных и в хорошем духе. Простите, что я так навязчиво спорю с Вами; мне дорого Ваше хорошее мнение, и я не хотел бы, чтобы Вы меня неправильно понимали. Еще раз, простите меня.

Ваш душевно
Н. Страхов

1882. 21 апр. Спб.

291. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

9...10 июня 1882 г. Ясная Поляна.

Николай Николаич.

Ваше последнее письмо жена¹ мне читала. Я лежал в сильнейшем жару и проболел тяжело 3 суток, нынче мне лучше и вот пишу вам, чтобы просить непременно заехать к нам. Я не отвечал на последнее письмо ваше, потому что совсем несогласен и мне казалось, что я слишком резко выскажу причину этого несогласия. Притом предметы эти такие сами по себе неинтересные, что не стоит из-за отступления мысли нарушать естественную любовную связь между людьми. При свиданьи поговорим, если хотите.

И так до свиданья.

Ваш Л. Толстой

Очень вам благодарен за книгу². — Мысль беседы с Никод[имом] там у Конфуция³ ясно выражена.

¹С. А. Толстая.

²О какой книге идет речь, установить не удалось.

³*Конфуций* — Кун-фу-цзы (551–479 до н. э.) — китайский философ, основатель религии, известной под именем конфуцианства. Толстой очень интересовался его учением и многие мысли его взял для «Круга чтения» и «Пути жизни». Кроме того, под редакцией Толстого была составлена брошюра П. А. Буланже «Жизнь и учение Конфуция» и издана в «Посреднике» со статьей Толстого: «Изложение китайского учения».

292. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

2 сентября 1882 г. Санкт-Петербург.

Пишу Вам наскоро, бесценный Лев Николаевич. Сперва мнедохнуть нельзя было от хлопот, потом я написал к Вам длинное письмо с разными нежностями и сетованиями и бросил: недоволен не содержанием, а формой. Голова из рук вон тяжела и лучше помолчать.

Книги я послал несколько дней назад и прошу Вас, примите их без всякого зазрения: они стоят мне бесценок, а на меня прошу Вас смотреть как на человека, много Вам обязанного. Если бы Вы, например, указали мне работу или поручили кого-нибудь моим заботам, то я был бы душевно рад.

В Эпиктета¹ я вложил программу Полевого²; усердно прошу Вас — взгляните и что-нибудь скажите. Полевой хвалится, что Рачинский³ писал ему необыкновенные похвалы — от Вас я этого не ожидаю, и, если Вы дадите мне разрешение, объясню ему это, постаравшись придумать слова помягче.

Не могу жаловаться на здоровье; но на хлопоты, давно мною предвиденные и наконец надвинувшиеся, кажется, следует пожаловаться. К делу, которое приходится делать, нет почти никакой охоты, а оно будет отнимать у меня все время, чуть не целый год.

Простите меня и прошу Вас не забывайте, что есть человек, преданный Вам без конца; пока жив, надеюсь не изменить этой преданности.

Графине мое усердное почтение и поклон всем, кто меня помнит.

Ваш душевно
Н. Страхов

1882. 2 сент. Спб.

¹Эпиктет (60? г.—начало II в. н. э.) — римский философ-стоик. Его учение известно в изложении его ученика Арриана («Беседы», «Руководство»). Сам Эпиктет никогда не излагал своих взглядов письменно.

²Вероятно, речь идет о Петре Николаевиче Полевом, литераторе, издателе журнала «Живописное обозрение» в 1882–1887 гг.

³С. А. Рачинский.

293. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

11 октября 1882 г. Москва.

Дорогой Николай Николаевич!

Давно у меня на совести ваше письмо. Я даже не поблагодарил а книги. Я тотчас же стал читать «Отцов»¹ и очень многое приобрел т этого чтения. — Нынешний год я все лето не переставая занимал- я и только осенью стал ничего не делать и заниматься устройством ового дома². На днях наши переехали³ и мы привелись в порядок, я вот взялся за запущенные письма. Надеюсь прожить нынешнюю иму спокойнее, чем прошлую. Вы на меня сердитесь за то, что я оследний год был неприятен. Мне самому тяжело было переживать о, что я пережил. А что я пережил? Ничего такого, что бы можно ыло назвать; а все-таки очень определенно пережил что-то не только чень, но самое существенное. Говорю вам это затем, чтобы вы были нисходительны ко мне в прошедшем и не имели бы против меня ни алейшего неприятного чувства. Перемениться я нисколько не пере- енился; но разница моего прошлогоднего состояния и теперешнего акая же, как между строящимся человеком и построившимся. На- еюсь снять леса, вычистить сор вокруг жилья и жить незаметно и окойно.

Читаю Эпиктета, к[оторого] вы прислали — как хорошо!

Не приедете ли в Москву зимою? Как бы хорошо было. — Что вы елаете? Неужели тоскуете? И Эпиктет, и Христос не велят. Они елят радоваться. И можно.

Обнимаю вас и прошу не переставать любить меня.

Л. Толстой

¹Такие именно сочинения отцов церкви читал Толстой, выяснить не удалось.

²Во второй половине мая 1882 г. Толстой, после долгих поисков, приобрел в Москве деревянный одноэтажный, с антресолями, дом постройки 1808 г. Дом находился на тогдашней окраине Москвы, за Садовым кольцом, и был окружен большим запущенным садом. Все лето 1882 г. в доме шел ремонт и был надстроен второй этаж. Толстой сам следил за ходом работ в доме.

³Семья Толстого переехала в новый дом 8 октября 1882 г.

294. С. А. и Л. Н. Толстые — Н. Н. Страхову

24 ноября 1882 г. Москва.

Москва

Долгохамовнический переулок,
Девичье Поле, собственный дом

24 ноября

Многоуважаемый Николай Николаевич, извините меня, что не тотчас же ответила на письмо Ваше¹. Но нас все время преследует судьба: как только переехали сюда, начались болезни, и в настоящее время в доме у нас поселилась возвратная горячка. Перебрала всех маленьких², потом Таню³, которая еле ходит, ужасно слаба и худа, а вчера слег Илья⁴, заболела Маша⁵ и в перспективе страх, что и остальных переберет.

Я измучилась нравственно и физически, и хотя доктора говорят, что не опасно, но по моему мнению это преемственная болезнь. Мы с мужем пока еще здоровы, что дальше будет!

На вопрос Ваш спешу отвечать. Никогда Репин⁶ не писал портрета Льва Николаевича. Кроме Крамского никто никогда его не писал; и Крамской-то насилу уговорил тогда Льва Николаевича позволить себя срисовать. Удивились мы, что Вы это спрашиваете у нас, тогда как Репин сам переехал в Петербург и его самого мог бы Стасов спросить.

Жаль, Николай Николаевич, что вы не приедете в Москву. Значит, долго, долго не увидимся. А мы все Вас очень любим и такое удовольствие видеть Вас, слушать Ваши беседы и всегда кроткие и умные речи.

Лев Николаевич в очень хорошем духе, но занят, к моему великому огорчению, очень несимпатичным мне делом: он изучает еврейский язык⁷ и делает большие успехи, что приводит его в восторг, а я про себя думаю: «Как жаль, что столько хороших сил тратится на такое бесплодное дело!» А направлять эти силы — во власти Божьей, и какие все неожиданности у моего мужа, и не поймешь, почему и зачем. Он так весь поглощен и увлечен этим делом, что его ничто не интересует больше.

По Вашему красивому почерку я действительно вижу, что Вы здоровы, чему радуюсь от души. А Вы по моему беспорядочному почер-

ку можете заключить, что я очень утомлена, почему и спешу кончить мое письмо.

Дружески жму Вам руку и кланяюсь от всей моей молодежи. Сережа особенно Вас любит. Он страстно увлечен химией, зоологией и любит свое дело, а я вспоминаю, как Вы его поощряли, и мысленно благодарю часто Вас за это.

Преданная Вам
Гр. С. Толстая

Я не отвечал вам, дорогой Н[иколай] Н[иколаевич], потому что всё ждал свиданья с Юрьевым, и до сих пор не видался. Статью вашу⁸ непременно вырuchu и напишу тогда. 2-й вопрос: о книге для чтения. Я прочел программу — очень хорошо. Дай ему⁹ Б[ог] успеха. Исполнение — трудно.

Обнимаю вас.

Л. Т.

¹Письмо Страхова неизвестно.

²Андрей, Михаил и Алексей Толстые.

³Т. Л. Толстая.

⁴И. Л. Толстой.

⁵М. Л. Толстая.

⁶Репин Илья Ефимович (1844–1930) — русский художник, передвижник. Познакомился с Толстым 7 октября 1880 г. в Москве.

⁷Толстой изучал древнееврейский язык под руководством московского раввина Соломона Алексеевича Минора. О своих занятиях Толстой писал В. И. Алексееву 10 ноября 1882 г.: «Все это время я очень пристально занимался еврейским языком и выучил его почти, читаю уж и понимаю. Учит меня раввин здешний Минор, очень хороший и умный человек. Я очень многое узнал благодаря этим занятиям. А главное — очень занят» (ПСС. Т. 63. С. 106).

⁸Статья Страхова «О физиологии».

⁹П. Н. Полевому.

295. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

5 июня 1883 г. Санкт-Петербург.

Был так занят, бесценный Лев Николаевич, что успел только послать Вам книги, а писать не мог. Мне все хочется высказать Вам то, что шевелится в душе, и нежности, и просьбы, и упреки. Но это так мне трудно, что я собираюсь — собираюсь, да и промолчу. И грустно подумать, что все это могло бы быть сказано, но пропадет навсегда. Когда я уезжал от Вас в Крым, я часто припоминал Ваши выражения о том, что «кто не со мною, тот против меня», и слова в письме, что я «хуже позитивистов», и я думал: он отлучает меня от церкви! Ну что же делать! Я ведь потому держусь своих мыслей, что не могу иначе, и не лукавлю перед собою. Но пусть он отвергает меня, я останусь ему верен. Простите, что мне все хочется высказать Вам свою нежность; но я почти готов молчать и воздавать Вам почтение в тайне от Вас.

Хочется мне еще посетовать на одно Ваше обвинение, которое больно задевает меня. Я писал и говорил Вам о моем пристрастии к чистому созерцанию, о любви к мысли, к объективному представлению вещей. Может быть это лучшее, что во мне есть, те минуты, когда я всего больше чужд поганого эгоизма. Сколько раз взволнованный, мучающийся, я успокаивался тем, что отбрасывал к черту свое милое я и смотрел лишь на общий смысл вещей. Поэтому меня всегда очень затрагивает, когда высказывается сомнение в моем бескорыстии. Что сердце подкупает наш ум, это я очень хорошо знаю и испытал, конечно, на себе много раз. Но что ум считает эти подкупы грехом и всячески стремится избежать их, это я также знаю. Мне ничего не нужно, Лев Николаевич, я ничего не добиваюсь, и уже смотрю шутя на все, кроме душевного блага. Но когда разговоришься без всякой другой цели, кроме рассуждения, и вдруг раздается подозрение в задних мыслях — невольно обижаешься. Молчание — золото, да я и молчу самым усердным образом.

Очень жажду Вас видеть, бесценный Лев Николаевич. Позвольте на два на три дня заехать в Ясную Поляну. В мыслях я часто разговариваю с Вами, а думаю о Вас, конечно, каждый день. И может быть мне и удастся и хорошенько пожаловаться и сказать Вам что-нибудь любопытное. А главное — повидать бы Вас и послушать.

Пишу это на листке, на котором давно начал письмо к Вам. Прочитавши это начало, я увидел, что чувства мои не изменились, и посылаю его Вам. Они и не изменятся, надеюсь; даже я уверен, что Вы мне не откажете в маленьком участии, несмотря на Вашу строгость.

Но поздно уж теперь переписываться. Выеду я отсюда 15 июня, пробуду, может быть, день в Москве, и потом к Вам. Александр Михайлович¹, верно, будет раньше. Все больше и больше начинаю любить его и уважать. Какой чистый и милый человек!

И так простите, простите меня и позвольте приехать. Графине мое усердное почтение.

Всей душою Ваш
Н. Страхов

1883. 5 июня Спб.

¹А. М. Кузминский.

296. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

6 июля 1883 г. Воробьевка.

Через неделю буду у Вас, бесценный Лев Николаевич. Я бы и сейчас перенесся к Вам, если бы послушался своего желания; но мне совестно бросить работу¹, которая идет плохо, но подвигается вперед порядочно. Если бы не ужасная погода, то здесь было бы удобно писать. Но всего лучше было бы в Петербурге, и меня теперь тянет туда.

Как я ни стараюсь возобновить в памяти прошлую жизнь, интерес лиц и происшествий, все мне кажется таким ничтожным, что я каждый день думаю: зачем это писать?

Поеду к Вам — в Мекку, как смеются надо мной в Петербурге, — чтобы оживиться, чтобы прикоснуться к неистощимой духовной жизни. А Вы будьте снисходительны к моей сухости умственной и сердечной.

Татьяне Андреевне² скажите, что луна и цыплята здесь есть; крокет же напомнил мне столько радостей и горестей, что я пришел в волнение; но впрочем обещаюсь по-прежнему слушаться ее во всем.

Афанасий Афанасьевич и Марья Петровна³ очень кланяются Вам и Графине⁴, и всем. Опять скажу, будь я немножко потеплее и повлажнее, я мог бы тут много хорошего сделать. Везде, всегда люди мучат сами себя, и я, хныкающий, конечно, делаю то же самое.

Простите, бесценный Лев Николаевич. Перед приездом я телеграфирую — прошу на то у Вас позволения.

Ваш душевно
Н. Страхов

1883. 6 июля. Спб.

¹Страхов работал над воспоминаниями о Ф. М. Достоевском. Они были напечатаны в книге: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского (СПб., 1883).

²Т. А. Кузминская.

³А. А. и М. П. Шеншины.

⁴С. А. Толстая.

297. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

18...19 июля 1883 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич,

Я ехал домой, надеясь застать вас у нас. Я приехал 3-го дня и теперь боюсь, что вы, если и приедете, недолго пробудете у нас. Я очень, очень желаю вас видеть, и если бы не так долго был вне дома, то приехал бы к Афанасию Афанасьевичу¹, которого обнимаю и желал бы видеть. Мы с ним во всю зиму никогда так хорошо не беседовали, как перед отъездом, и так странно, что мы иногда как будто не понимаем друг друга.

Так приезжайте же к нам поскорее. Сестра Таня² велит вам сказать, что и луна, и крокет, и цыплята вас ждут. Что жена вас ждет и все мои — не нужно вам говорить. — Благодарю вас за ваше последнее письмо. Поживем вместе, то выйдет время, и всё переговорим.

Наш душевный привет вашим милым хозяевам. Скажите Аф. Аф., что я надеюсь, что он, если поедет мимо, нас не проедет. Я бы не проехал, если б ехал мимо.

До свиданья.

Ваш Л. Толстой

¹А. А. Фет.

²Т. А. Кузминская.

298. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

16 августа 1883 г. Санкт-Петербург.

Давно следует писать к Вам, бесценный Лев Николаевич, и благодарить Вас от всей души за чудесные 16 дней Вашего гостеприимства¹. С великою нежностью смотрел я на Вас, и общее благополучие Ясной Поляны просто восхищало меня.

Мне особенно понравился в этот приезд Ваш Ильяша². Но главное — Ваши речи и писания, и в них тот характер спокойствия, о котором Вы мне писали. Сколько понял — все меня радует, все запало прямо в душу.

В Москве я провел несколько дней, но не видел ни Аксакова³, ни Николая Федоровича⁴ — Музей закрыт. Зато — поохотился за книгами, осматривал Ваш дом и Третьяковскую галерею. Ваш дом и Ваши комнаты — все как-будто нарочно придумано по Вашему характеру и вкусу. Я очень любовался. А в Третьяковской галерее, почти вдвое выросшей с тех пор, как я ее видел, и составляющей, вероятно, лучшее собрание русских картин, какое существует, меня ждала необыкновенно приятная неожиданность — «Медея» Сведомского⁵. Я порадовался и за свой вкус — сошелся с Третьяковым⁶. Какая прелесть это лицо! Просто я млел от жалости и от чувства женской красоты.

В Петербурге я дни два отдыхал и здоровался со своими книгами, потом принялся работать, и дело пошло, к моему большому удовольствию.

Письмо Фета, пересланное от Вас, оказалось очень милым. Я выпишу то, что касается Ясной Поляны:

«Спасибо Льву Николаевичу за его отзыв обо мне. Вы хорошо знаете, как высоко я ценю его, как человека и художника. Но это мне мало помогает. У нас в настоящее время гостит знакомая ему M-elle, теперь M-me Amelie (пьянистка) и она-то вчера без всякого с моей стороны вызова начала распространяться о солидарности (бывшей) наших мыслей с Львом Николаевичем. То ли это теперь? Конечно, сущность (абстрактная) лиц от такой перемены не пострадала. Но где тот жгучий интерес взаимного ауканья?»

Последние слова — прелесть. Но дальше идет гораздо хуже, именно, что в полиции все спасение.

А вот это получше:

«Усердно поклонитесь от меня неувядаемым дамам и скажите, что я только духом живу в мире невозможно-возможного, а телом, увы!

прижат к земле. Я уже 2 раза выписывал через А[лександра] Ивановича⁷ из Москвы свои новые книги — и оба раза ни одной не осталось. И если б нужна справка, то и самому не по чем справиться».

Все это писалось в том предположении, что будет читаться в Ясной Поляне. Посылаю по адресу.

Опять я оторвался от письма к Вам, но зато почти кончил свою «биографию». Не ожидал я, что это так меня увлечет, и если первая половина будет скучна, то вторая, вероятно, прочтется с интересом. Какое странное явление этот человек⁸! И отталкивающее, и привлекающее.

Вернувшись, я услышал много печальных вестей: двое умерло в Библиотеке, и Покровский (приятель)⁹ болен при смерти. А он моложе меня на 10 лет! Но чем мне яснее, что смерть ходит около меня, тем спокойнее становится на душе. Я купил новый стол, новую лампу, построил три новых шкапа для книг, и усердно сижу дома. Все готово, ничего больше не нужно; кажется, никогда я не был так счастлив, в таком ровном и ясном духе.

Простите, бесценный Лев Николаевич! От всей души желаю Вам тех благ, которые Вы так хорошо знаете. Хоть я и читаю аскетические книги, а Вы много лучше меня говорили на те же темы. Щербальский¹⁰ спрашивает меня об Вас. Ему пришло на мысль писать что-то. Постараюсь внушить ему построже, чтобы он не путал. Графине и Татьяне Андреевне¹¹ и Александру Михайловичу¹² и всем.

Ваш всею душою
Н. Страхов

1883 г. 16 авг. Спб.

PS. Я послал Вам еврейскую Библию с русским переводом. Об остальных книгах еще не успел распорядиться.

Вспомните иногда, что каждая строчка от Вас мне радость и утешение. *Жгучий интерес взаимного ауканья* у меня, конечно, живее, чем у Вас.

И простите меня. Я прибрал Достоевского, а сам, верно, хуже.

¹Страхов приехал в Ясную Поляну (после трехнедельного пребывания у А. А. Фета в Воробьевке) 12 июля.

²Илья Львович, второй сын Толстого.

³И. С. Аксаков.

⁴Н. Ф. Федоров.

⁵Сведомский Павел Александрович (1849–1904) — исторический живописец и жанрист, долгое время жил и работал в Риме.

⁶П. М. Третьяков (1832–1898) — московский купец, меценат, основатель галереи, носящей его имя, действительный член петербургской Академии художеств.

⁷Александр Иванович Иост, управляющий имением Фета.

⁸Речь идет о Ф. М. Достоевском.

⁹Покровский Михаил Павлович — один из активнейших участников студенческого движения 1861 г. — см. о нем: Л. Ф. Пантелеев Воспоминания (М-ва, 1958), С. 246.

¹⁰Щебальский Петр Карлович — историк, критик «Русского вестника», автор статьи «Война и мир», сочинение графа Л. Н. Толстого» — «Русский вестник» (1868, № 1), С. 300–320.

¹¹Т. А. Кузминская.

¹²А. М. Кузминский.

299. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

1...2 сентября 1883 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич.

Благодарю вас за письмо; мы поджидали его и начинали уж беспокоиться о вас. Очень радуюсь за то, что вам было хорошо у нас. Жду вашу биографию. Хоть вы и браните ее, я знаю, что там будет много хорошего. Я всё переделываю, поправляю свое писанье¹ и очень занят. Погода прекрасная, мы все веселы и здоровы. Смерть Тургенева² я ожидал, а все-таки очень часто думаю о нем теперь. Простите, что пишу несколько слов. Не забывайте нас за то, что мы все вас любим.

Ваш Л. Толстой

¹Толстой работал над трактатом «В чем моя вера?»

²О болезни Тургенева Толстой знал из его письма от конца июня (по ст. ст.) 1883 г.: «...Милый и дорогой Лев Николаевич! Долго Вам не писал, ибо был и *есмы*, говоря прямо, на смертном одре. Выздороветь я не могу — и думать об этом нечего. Пишу же я Вам, собственно, чтобы сказать Вам, как я был рад быть Вашим современником — и чтобы выразить Вам мою последнюю искреннюю просьбу. Друг мой, вернитесь к литературной деятельности! Ведь этот дар Вам оттуда же, откуда все другое. Ах, как я был бы счастлив, если б мог подумать, что просьба моя так на Вас подействует!! Я же человек конченный — доктора даже не знают, как назвать мой недуг, *névralgie stomacale gouteuse*. Ни ходить, ни есть, ни спать, да что! Скучно даже повторять все это! Друг мой, великий писатель русской земли, внемлите моей просьбе! Дайте мне знать, если Вы получите эту бумажку, и позвольте еще раз крепко крепко обнять Вас, Вашу жену, всех Ваших, не могу больше, устал» (Переписка Тургенева, Т. II, С. 158). Тургенев умер 22 августа 1883 г. в Бузивале (Франция).

300. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

16 сентября 1883 г. Санкт-Петербург.

Душевно благодарю Вас за письмецо, бесценный Лев Николаевич! Меня тронуло и пристыдило и то, что Вы пишете, и то, что рассказывал Александр Михайлович¹, что Вы ждали моего письма. Но я вчера только успел повидать А[лександра] М[ихайловича]: так я *копаюсь* во всех своих делах и мыслях. Благодарю Вас и за рукопись², которую Вы прислали для Публичной библиотеки: я ее сперва перечту сам с величайшим вниманием и пользою. — Теперь все здесь заняты Тургеневым, и похороны его будут что-то колоссальное³. Очевидно, из них хотят сделать демонстрацию; но большинство волнуется просто из искреннего или подражательного почтения к литературе. Вы видите, бесценный Лев Николаевич, как жадно люди хватаются за имя, за гроб, за минуту опускания этого гроба в землю. Людям нужно нечто совершенно определенное и индивидуальное. Так им нужна церковь, алтарь, минута произнесения известных слов. В общем они жить не могут, и те, кто очень мало способен и расположен к литературе, будут преусердно горевать на могиле Тургенева. Вы пишете, что вам думается о нем — конечно, Вы понимаете его и его смерть лучше, чем кто-нибудь. Я прочитываю в газетах рассказы о нем и отзывы, и перестал на него сердиться. Он был добродушный, мягкий сердцем и несчастный человек. Ему хотелось славы, и он постарался создать себе огромную известность. Но он мучился, не зная, чего держаться. В одно он верил, в прогресс, в молодое поколение — и рассорился с ним. Мне рассказывали, что в Москве, в заседании Общества любителей, молодой человек, студент⁴ говорил ему речь, в которой заявлял, что *Отцы и дети* были грехом против прогресса, но что *Новью* Тургенев искупил свой грех, и что они, молодые люди, ему прощают. Речь была сказана вопреки желанию Юрьева⁵, боявшегося за Общество. Факт этот совершенно достоверный. Жаль одно — *Новь* очень плоха.

Началось печатание моих *Воспоминаний* о Достоевском. Я все еще в этой работе, но через месяц мечтаю быть совершенно свободным.

Простите меня. Душевно Вас люблю, и часто утешаюсь, вспоминая Вас. Как Вы были хороши! Жалею, что не успел тогда сказать Графине⁶, каким красавцем Вас нахожу. Мое усердное почтение Графине. Дни через четыре увижу Татьяну Андреевну⁷.

Ваш всею душою
Н. Страхов

1883 г. 16 сент. Спб.

PS. Тупость и черствость, неподвижность умственная и сухость сердечная — вот что находит на меня; и то я бьюсь против этого, то опускаюсь, отдаюсь этому. Но Вам я верен и останусь верен, дорогой Лев Николаевич.

¹А. М. Кузминский.

²Одна из рукописей «Краткого изложения Евангелия». В настоящее время хранится в ОР ГМТ.

³Похороны Тургенева, умершего 22 августа 1883 г. в предместье Парижа Буживаль, состоялись в Петербурге 27 сентября 1883 г. на Волковом кладбище. См. об этом: Последний путь. Отклики русской и зарубежной печати на смерть и похороны И. С. Тургенева. Обзор Л. Р. Ланского (ЛН, Т. 76, С. 633–698). См. также: М. М. Стасюлевич, «Из воспоминаний о последних днях И. С. Тургенева и его похороны» — И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2-х тт. (М-ва, 1983), Т. II, С. 411–428.

⁴Вероятно, Страхов имеет в виду речь студента П. П. Викторова на публичном заседании Общества любителей российской словесности, проходившем 18 февраля 1879 г. в физической аудитории Московского университета — см.: П. П. Викторов, «И. С. Тургенев в кругу радикальной студенческой молодежи в 1879 г. в Москве» — Тургеневский сборник (Орел, 1960), С. 336–337.

⁵С. А. Юрьев был председателем Общества любителей российской словесности.

⁶С. А. Толстая.

⁷Т. А. Кузминская. Семья Кузминских жила с 1881 г. в Петербурге, где А. М. Кузминский занимал должность председателя Петербургского окружного суда.

301. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

28 ноября 1883 г. Санкт-Петербург.

Напишу Вам, бесценный Лев Николаевич, небольшое письмо, хотя тема у меня богатейшая. Но и нездоровится, и очень долго бы было вполне развить эту тему. Вы, верно, уже получили теперь *Биографию* Достоевского — прошу Вашего внимания и снисхождения — скажите, как Вы ее находите. И по этому то случаю хочу исповедаться перед Вами. Все время писания я был в борьбе, я боролся с подымавшимся во мне отвращением, старался подавить в себе это дурное чувство¹. Пособите мне найти от него выход. Я не могу считать Достоевского ни хорошим, ни счастливым человеком (что, в сущности, совпадает). Он был зол, завистлив, развратен, и он всю жизнь провел в таких волнениях, которые делали его жалким, и делали бы смешным, если бы он не был при этом так зол и так умен. Сам же он, как Руссо, считал себя лучшим из людей, и самым счастливым. По случаю биографии я живо вспомнил все эти черты. В Швейцарии², при мне, он так помыкал слугою, что тот обиделся и выговорил ему: «Я ведь тоже человек!» Помню, как тогда же мне было поразительно, что это было сказано проповеднику *гуманности* и что тут отзывались понятия вольной Швейцарии о *правах человека*.

Такие сцены были с ним беспрестанно, потому что он не мог удержать своей злости. Я много раз молчал на его выходки, которые он делал совершенно по-бабьи, неожиданно и непрямо; но и мне случилось раза два сказать ему очень обидные вещи. Но, разумеется, в отношении к обидам он вообще имел перевес над обыкновенными людьми, и всего хуже то, что он этим услаждался, что он никогда не каялся до конца во всех своих пакостях. Его тянуло к пакостям и он хвалился ими. Висковатов³ стал мне рассказывать, как он похвалялся, что соблудил в бане с маленькой девочкой, которую привела ему гувернантка⁴. Заметьте при этом, что, при животном сладострастии, у него не было никакого вкуса, никакого чувства женской красоты и прелести. Это видно в его романах. Лица, наиболее на него похожие, — это герои *Записок из подполья*, Свидригайлов в *Прест[уплении]* и *Нак[азании]* и Ставрогин в *Бесах*; одну сцену из Ставрогина (растление и пр.) Катков не хотел печатать, но Достоевский] здесь ее читал многим⁵.

При такой натуре он был очень расположен к сладкой сентиментальности, к высоким и гуманным мечтаниям, и эти мечтания — его направление, его литературная муза и дорога. В сущности, впрочем, все его романы составляют *самооправдание*, доказывают, что в человеке могут ужиться с благородством всякие мерзости.

Как мне тяжело, что я не могу отделаться от этих мыслей, что не умею найти точки примирения! Разве я злюсь? Завидую? Желая ему зла? Нисколько; я только готов плакать, что это воспоминание, которое *могло бы быть* светлым, — только давит меня!

Припоминаю Ваши слова, что люди, которые слишком хорошо нас знают, естественно, не любят нас. Но это бывает и иначе. Можно, при близком знакомстве узнать в человеке черту, за которую ему потом будешь все прощать. *Движение истинной доброты, искра настоящей сердечной теплоты*, даже одна минута настоящего раскаяния — может все загладить; и если бы я вспомнил что-нибудь подобное у Д[остоевского], я бы простил его и радовался бы на него. Но одно возведение себя в прекрасного человека, одна головная и литературная гуманность — Боже, как это противно!

Это был истинно несчастный и дурной человек, который воображал себя счастливым, героем и нежно любил одного себя.

Так как я про себя знаю, что могу возбуждать сам отвращение, и научился понимать и прощать в других это чувство, то я думал, что найду выход и по отношению к Д[остоевскому] Но не нахожу и не нахожу!

Вот маленький комментарий к моей *Биографии*; я мог бы записать и рассказать и эту сторону в Д[остоевском]; много случаев рисуются мне гораздо живее, чем то, что мною описано, и рассказ вышел бы гораздо правдивее; но пусть эта правда погибнет, будем щеголять одною лицевою стороною жизни, как мы это делаем везде и во всем!

Я послал вам еще два сочинения (дублиеты), которые очень сам люблю, и которыми, как я заметил, бывши у Вас, Вы интересуетесь. Pressensé⁶ — прелестная книга, перворазрядной учености, а Joly — конечно, лучший перевод М. Аврелия⁷, восхищающий меня мастерством.

Еще давно, в августе, я послал Вам в Ясную еврейскую Библию. Прошу Вас, не поленитесь — черкните, получили ли Вы ее? У меня есть если не сомнение, то возможность сомнения в том, дошла ли она до Вас.

Простите меня и прошу Вас, помните мою преданность. Теперь, хоть и нездоровится, чувствую себя недурно, освободясь от тяжелой работы. Но лучше ли я стал, Бог ведает — а ведь это главное.

Написал несколько страниц об Тургеневе (для *Руси*⁸), но неужели Вы ничего не напишете? Ведь во всем, что писано, такая фальшь, холод! А я с ним помирился — хоть и не имею права так говорить: не знал его почти вовсе.

Графине мое усердное почтение, и если кто вспомнит. А как Вы нашли И. П. Минаева? Он очень восхищен.

Всей душою Ваш
Н. Страхов

1883. 28 ноября. Спб.

¹В записи «Для себя» Страхов писал: «Во все время, когда я писал воспоминания о Достоевском, я чувствовал приступы того отвращения, которое он часто возбуждал во мне и при жизни и по смерти; я должен был прогонять от себя это отвращение, побеждать его более добрыми чувствами, памятью его достоинств и той цели, для которой пишу. *Для себя* мне хочется, однако, формулировать ясно и точно это отвращение и стать выше его ясным сознанием» (ЛН, Т. 86, С. 564). О сложных взаимоотношениях Достоевского и Страхова см.: Л. М. Розенблюм. Творческие дневники Достоевского (М-ва, Издательство «Наука», 1981), С. 30–45.

²Страхов встретился с Достоевским в Женеве около 22 июля / 4 августа 1862 г., после чего они отправились во Флоренцию, где прожили неделю в августе месяце.

³Висковатов (Висковатый) Павел Александрович (1842–1905) — историк литературы, биограф и издатель Лермонтова.

⁴Ср. запись рассказа самого Достоевского на ту же тему, приводимую в воспоминаниях И. И. Ясинского «Роман моей жизни» в книге: Среди великих. Литературные встречи (М-ва, 2001), С. 355–357. См. также статью В. Свинцова «Ставрогинский грех Достоевского» — журнал «Вопросы литературы» (М-ва, 1995, вып. 2), С. 111–142.

⁵Глава «У Тихона» — исповедь Ставрогина перед старцем Тихоном, попытка искреннего покаяния и самоочищения. Предназначалась для второй части романа «Бесы» и была уже набрана, но редактор «Русского вестника» М. Н. Катков воспротивился напечатанию ее. В отдельное издание романа (1873) глава также не была включена.

⁶О какой именно книге Пресансе идет речь, установить не удалось.

⁷В Библиотеке Толстого в Ясной Поляне хранится сборник «Les moralistes anciens, traduits du grec» («Древние моралисты») (Париж, 1841), в который входят «Les Pensées de Marc Aurèle» («Размышления Марка Аврелия»), переведенные М. Жоли по Ватиканской рукописи. В книге много отчеркнутых и подчеркнутых глав, имеются надписи на полях рукой Толстого.

⁸Статьи о Тургеневе были напечатаны в №№ 19 и 23 газеты «Русь» за 1883 г.

⁹Минаев Иван Павлович (1840–1890) — профессор сравнительной грамматики индо-европейских языков Петербургского университета. Вероятно, речь идет о личной встрече Толстого и Минаева, не отмеченной биографами Толстого.

302. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

6 декабря 1883 г. Москва.

6 декабря.

Дорогой Николай Николаевич!

Я только что начинал скучать о том, что давно не имею от вас известий, как получил вашу книгу¹ и письмо, и книги. Очень благодарен вам за всё и за еврейскую Библию, которую я с радостью получил давно и, мне кажется, уже благодарил вас за нее. Сколько я вам должен? Когда увидимся? Не приедете ли в Москву? Книгу вашу прочел. Письмо ваше очень грустно подействовало на меня, разочаровало меня. Но вас я вполне понимаю и, к сожалению, почти верю вам. Мне кажется, вы были жертвой ложного, фальшивого отношения к Достоевск[ому] — не вами, но всеми преувеличения его значения и преувеличения по шаблону, возведения в пророка², святого — человека, умершего в самом горячем процессе внутренней борьбы добра и зла. Он трогателен, интересен, но поставить на памятник в поучение потомству нельзя человека, который весь борьба. Из книги вашей я в первый раз узнал всю меру его ума. Чрезвычайно умен и настоящий. И я всё так же жалею, что не знал его. — Книгу Pressensé³ тоже почитал, но вся ученость пропадает от загвоздки. — Бывают лошади — красавица, рысак, цена 1000 р[ублей], и вдруг заминка, и лошади-красавице, и силачу грош цена. Чем больше живу, тем больше ценю людей без заминки. Вы говорите, что помирились с Тургеневым. А я очень полюбил. И главное за то, что он был без заминки. Маштачок⁴ да без заминки и свезет, а то рысак, да никуда на нем не уедешь, если еще не завезет в канаву. И Pressensé, и Дост[оевский] — оба с заминкой. И у одного вся ученость, а у другого весь ум и сердце пропали за ничто. Ведь Тургенев переживет Дост[оевского]. И не за художественность, а за то, что без заминки.

Обнимаю вас от всей души. Ах, да. Со мною случилась беда, задевшая и вас. Я ездил на недельку в деревню в половине октября, и, возвращаясь от вокзала до дому, выронил из саней чемодан. В чемодане были книги и рукописи, и корректуры⁵. И книга одна пропала ваша: 1-й том Гризбаха. Все объявления ни к чему не привели. Надеюсь еще найти у букинистов. Я знаю, то вы простите мне; но мне и совестно и досадно лишиться книги, которая мне всегда нужна.

Ваш Л. Толстой

[illegible]

303. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

12 декабря 1883 г. Санкт-Петербург.

Если так, то напишите же, бесценный Лев Николаевич, о Тургеневе¹. Как я жажду прочесть что-нибудь с такою глубокою подкладкою, как Ваша! А то наши писания — какое-то баловство для себя или комедия, которую мы играем для других. В своих *Воспоминаниях* я все налегал на литературную сторону дела, хотел написать страничку из *Истории литературы*; но не мог вполне победить своего равнодушия. Лично о Достоевском я старался только выставить его достоинства; но качеств, которых у него не было, я ему не приписывал. Мой рассказ о литературных делах, вероятно, мало Вас занял. Сказать ли, однако, прямо? И Ваше определение Достоевского, хотя многое мне прояснило, все-таки мягко для него. Как может совершиться в человеке переворот, когда ничто не может проникнуть в его душу дальше известной черты? Говорю — ничто — в точном смысле этого слова; так мне представляется эта душа. О, мы несчастные и жалкие создания! И одно спасение — отречься от своей души.

За книги, которые я Вам послал, я не хочу с Вас ничего брать, кроме самого маленького спасибо. Мне они достались за бесценок (напр. Joly за 20 к.), да кроме того, я все еще получаю маленькие деньги за разрозненные части первого издания Вашей Азбуки. Сколько этих денег, я, по лености, не сумею сказать, не записывал; но хоть они не вполне покроют книги, — разница будет пустая. Мне главное, чтобы книги были Вам приятны. Гризбаха я давно не считал своим. Постараюсь поискать — нельзя ли будет в Лейпциге найти его. Но во всяком случае его можно заменить — большим изданием Тишендорфа², которое, вероятно, сейчас можно будет выслать Вам, если пожелаете. Ни на какую книгу я не смотрю, как на образец для Вас, а только как на материал, пособие. А что за корректуры потеряны Вами? Здесь были слухи о Вашей статье для *Русской мысли*³.

У Кузминских я обедаю каждую среду, и очень стало мне это приятно. Оттуда узнаю и об Вас. Они живут трудно, и заняты, и средства их в самый обрез. Я же живу легко: и денег, и даже времени у меня довольно. Недавно у меня скопилось до 1.000 рублей, в первый раз в жизни. Спокойствие мое возрастает; но здоровье изменяет. В последнее время — мучат глаза, не дают читать — великое

для меня горе. Каждый день думаю о смерти, и так ясно мне, как она подходит все ближе и ближе. Хотелось бы еще написать о естественных науках и о том неведомом Боге, который всегда к нам близок.

Простите, бесценный Лев Николаевич. От всей души желаю Вам всего хорошего. Благодарю Вас за письмо, в котором мне так и слышался пульс сильной жизни, которую Вы живете.

Вспоминайте иногда
Вашего усердного
Н. Страхова

1883 г. 12 дек. Спб.

¹В письме к А. Н. Пыпину от 10 января 1884 г. Толстой писал: «...Я ничего не пишу о Тургеневе, потому что слишком многое и все в одной связи имею сказать о нем. Я и всегда любил его; но после его смерти только оценил его, как следует... Не могу, однако, удержаться не сказать то, что думаю о нем. Главное в нем это его *правдивость*... Тургенев прекрасный человек (не очень глубокий, очень слабый, но добрый, хороший человек), который хорошо говорит всегда *то самое, то*, что он думает и чувствует... Он жил, искал и в произведениях своих высказывал то, что он нашел — все, что нашел. Он не употреблял свой талант (умение хорошо изображать) на то, что[бы] скрывать свою душу, как это делали и делают, а на то, чтобы всю ее выворотить наружу. Ему нечего было бояться...» (ПСС, Т. 63, С. 149–150).

²В своих путешествиях по Ближнему Востоку К. Тишендорф разыскал много рукописей с текстами Нового завета и издал их. В 1859 г. в монастыре Святой Екатерины на Синайском полуострове Тишендорф обнаружил «Синайский кодекс» — рукопись на греческом языке, содержащую часть текста Ветхого завета и наиболее полный из всех известных к тому времени текст Нового завета. В русской историографической традиции честь открытия «Синайского кодекса» принадлежит архимандриту (с 1865 г. епископу) Порфирию (Константину Успенскому) (1804–1885), исследователю истории Ближнего Востока и восточных церквей. Порфирий ознакомился с рукописью «Синайского кодекса» в 1845 или 1850 гг., когда Тишендорфу были известны только отдельные листы. Экспедиция Тишендорфа на Синайский полуостров в 1859 г. финансировалась русским правительством, и после сложных переговоров «Синайский кодекс» был доставлен в Петербург. Тишендорф получил приглашение остаться в Петербурге для подготовки факсимильного издания манускрипта, но он предпочел работать в Лейпциге. Издание увидело свет в 1862 г. и было озаглавлено следующим образом: «CODEX BIBLIORUM SINAITICUS PETROPOLITANUS, спасенный из мрака под покровительством Его Императорского Величества императора Александра II, доставленный в Европу и изданный к вящему благу и славе христианского учения трудами К. Т.». В 1869 г. была официально оформлена передача манускрипта братией монастыря Св. Екатери-

ны русскому императору Александру II. «Синайский кодекс» хранился в Императорской Публичной библиотеке в Петербурге (с 1926 — Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде) и в 1933 г. был продан Британскому музею за 100 000 фунтов стерлингов.

³План печатанья «В чем моя вера?» в журнале «Русская мысль», ввиду большого размера новой работы Толстого, которая из статьи превратилась в трактат, был оставлен, и было решено выпустить этот труд отдельным изданием. Трактат был издан в количестве 50 экземпляров без предварительной цензуры. Распоряжением от 14 февраля 1884 г. книга была запрещена Главным управлением по делам печати. Большая часть тиража была арестована и отправлена в Петербург, где разошлась по рукам высокопоставленных лиц. Книга быстро распространялась в многочисленных рукописных копиях.

304. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

3? января 1884 г. Москва.

Дорогой Николай Николаевич.

Письмо это вам передаст выдающийся молодой ученый, сын моего друга, еврейского раввина — Лазарь Соломонович Минор¹.

С величайшим трудом преодолев препятствия, которые ставили ему вследствие его еврейского происхождения, он должен был быть утвержден приват-доцентом Моск[овского] ун[иверситета], когда вдруг оказалось нужным послать его назначение на утверждение министра². Не можете ли вы попросить министра или того, от кого зависит это утверждение? Если можете, сделайте это. Век вам буду благодарен. Я готов бы сам ехать просить министра, но боюсь, что моя личная просьба будет хуже. Это для меня сердечное дело.

Обнимаю вас.

Л. Толстой

¹Л. С. Минор в 1882 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины по вопросу о локализации функций в головном мозгу. Его назначение приват-доцентом Московского университета было утверждено.

²Министром народного просвещения в 1884 г. был Иван Давыдович Делянов.

305. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

18 марта 1884 г. Санкт-Петербург.

Соловьев¹ мне пишет: «на днях я прочитал *«В чем моя вера»*». Эти слова привели меня в большую зависть, бесценный Лев Николаевич. Как ни совестно Вас беспокоить, но я очень жажду наставления, и потому не забудьте меня, если будет возможно.

18 марта 1884 г.

Эти верхние строчки писаны с месяц тому назад. Очень мне недостает переписки с Вами! Маленькая записочка с Минором, и та мне была большим утешением. Вы прекрасно сделали, адресовавши его к Стасову². Тот все устроил с такою энергиею и быстротою, к какой никто другой не способен. Минор был у меня и поразил меня своею красотою, щеголеватостию и бойкостию. Мы с ним говорили о физиологии и психиатрии; он много сообщил любопытного и умного, но он умен как отличная умная немецкая книга, недавно вышедшая. Это полное отсутствие своеобразия меня поразило. Конечно, лучше профессора придумать невозможно. Но как же случилось, что от отца он ничего не взял?

Настроение современных людей имеет в себе что-то прометеевское. Они хотят распоряжаться природою, они мечтают, как алхимики, продлить жизнь, переделать по-своему животных и растения, какие водятся на земном шаре, овладеть болезнями и т. п. Они уже видят успехи своих трудов, они веселы и смелы, и будущее радугой играет перед ними.

Но пока насчет болезней дело плохо. С начала марта я болею, и недели две проболел очень нехорошо, не мог ничего делать, ни писать, ни читать. Пригласил я к себе любимого ассистента Боткина, очень милого человека. Но оказалось, что он меня совсем не лечил; он только противодействовал лихорадке, а там все предоставлял природе. Я сунулся было к нему с вопросами о своем катарре и других хворостях, но он, услышавши, что я их переношу без крайнего расстройства, не стал и говорить. Я понял, что Гиппократ³ опять в силе, и в теории был очень доволен, но на практике огорчился. Недавно меня ведь очень поразило искусство медицины. *Мне вылечили*

мои глаза. Я до сих пор едва этому верю, потому что лет пятнадцать ложился спать и вставал с зудом и гноем на ресницах и спасался только ежедневным примачиванием. Теперь глаза действуют у меня всею силою своего зрения, так что я вижу яснее и не устаю видеть, разумеется, в очках. А о зуде и гное помину нет. Это сделано в три или четыре дня.

Работы мои все не наладились, т. е. после биографии Достоевского. Небольшую помехою был *Дарвинизм*⁴, огромная книга (67 печатных листов), печатающаяся под моим наблюдением. Это опровержение Дарвина, Н. Я. Данилевского. Немножко мы поспорили с автором и переписывались⁵ (он в Крыму), да приходится смотреть корректуры. И я все рассказываюсь, чтобы приняться за свою книгу — *Деятельность познания*, или же *Познание, как деятельность*, — что-нибудь в этом роде.

В настоящую минуту я, кажется, успокоился; но вообще я дурно провел эту зиму. Покаюсь Вам, бесценный Лев Николаевич, я поддавался новым гадостям, которые открылись у меня в душе, боролся с ними, но очень мучился и унывал. Почему-то на этот раз мне было совершенно ясно, что я в глубине души очень пошел и дурен. По обыкновению я переживал и, кажется, переждал; но эти открытия очень огорчили меня.

На Страстной думаю быть здоровым и побывать в Москве. Фет и Соловьев зовут, и я очень уж затупел от однообразия и возни с книгами, которые, наконец, начинают вовсе терять свой вкус для меня.

Простите, бесценный Лев Николаевич. Дай Вам Бог сил и здоровья — Вам еще много работы.

Всей душою Ваш
Н. Страхов

1884. 18 марта. Спб.

PS. Передайте Графине низкий мой поклон и душевную благодарность за ее доброе письмо⁶ (истинно — не стою). Дело, о котором я писал, пошло в ход⁷.

⁴Письмо В. С. Соловьева к Страхову от [января] 1884 г. см. Соловьев, С. 242–243.

⁵См. письмо Толстого к В. В. Стасову от 3? января 1884 г. из Москвы (ПСС, Т. 63, С. 147).

⁶Гиппократ (ок. 460–ок. 370 до н. э.) — древнегреческий врач, реформатор античной медицины. В «Гиппократовом сборнике», посвященном врачебной этике (в сочинении «О благоприличном поведении») говорится: «Все должно делаться спокойно и умело, скрывая от больного многое в своих распо-

ряжениях, приказывая с веселым и ясным взором то, что следует делать, и отвращая больного от его пожеланий с настойчивостью и строгостью». Согласно Гиппократу, врачуя больного, необходимо помнить о первой заповеди: «прежде всего не вредить». Позднее этот тезис появится в латинской литературе: «Primum non nocere».

⁴Капитальный труд Н. Я. Данилевского «Дарвинизм. Критическое исследование» (СПб., 1885), Т. I, Ч. I и II, посвященный автором сенатору Н. П. Семенову. Книга вышла в свет после кончины Данилевского, умершего 7 ноября 1885 г., с некрологом, написанным Н. П. Семеновым.

⁵Большое письмо Страхова к Данилевскому от 3 марта 1884 г., посвященное вопросам теории происхождения видов, см.: журнал «Русский вестник» (1901, №3), С. 129–132.

⁶Письмо С. А. Толстой к Страхову от 21 февраля 1884 г. из Москвы см.: ПТС, II, С. 171–172.

⁷Речь идет о покупке на большую сумму «Азбуки» Толстого, вероятно, для Учебного комитета.

306. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

27 марта 1884 г. Москва.

Получил ваше письмо, Николай Николаевич, и обрадовался даже вашему почерку на конверте. Так давно уже ничего не знаю про вас. Приезжайте к нам¹; мы вам все будем очень рады. Обо многом будем говорить с вами. У меня много воды утекло с тех пор, как не видался с вами. Я думаю, то же и для вас.

Так до скорого свиданья.

Л. Толстой

¹Страхов приезжал в Москву в первой половине апреля и останавливался в доме А. А. Фета на Плющихе, в котором тот поселился в 1881 г. 11 апреля 1884 г. Толстой записал в Дневнике: «...ходил к Страхову. Хорошо говорил с ним и Фетом...» (ПСС, Т. 49, С. 81).

307. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому¹

28 апреля 1884 г. Санкт-Петербург.

Посылаю Вам, бесценный Лев Николаевич, через милейшего Якова Петровича², две книги. Одну Вы читали *Les évangiles*³, и потому Вам приятно будет (так я предполагаю) иметь ее всегда у себя. Другая — одна из книжек Шарпантье; это часть того, что заключается в *Livres Sacrés*⁴, но этот томик приятнее читать: он невелик и крупно напечатан.

Вот какие у меня расчеты угодить Вам.

Простите, что до сих пор не написал Вам и даже не поблагодарил Вас за гостеприимство. Покаяюсь, что я поторопился сперва написать Фету и Аксакову. Но был наказан: оба мои письма пропали.

Теперь пишу наскоро. Однако вот известие, которое мне поручили Вам передать, именно Ор[ест] Ф[едорович] Миллер⁵. Он узнал наверное, что *В чем моя вера*⁶ здесь налитографировано⁷ и продается по 4 р. в пользу Исполнительного Комитета⁸. Так как Миллер не любит анархистов, то его это возмутило. Он огорчился и тем, что Вы и Ваше имя сплелись с этими делами.

Признаюсь, и меня это иногда огорчает. Судя по всему, Вы в тысячу раз благодуще меня, и потому судите снисходительнее. Но мне так живо представляется, как эти люди берут у вас только то, что им по вкусу, и не делают ни шага по пути, который Вы указываете. Они выходят из другой исходной точки, а потому всегда разойдутся с Вами, хотя бы оба пути и пересеклись где-нибудь.

Всей душою желаю Вам здоровья и всего хорошего. Софье Андреевне мое усердное почтение.

Ваш

Н. Страхов

1884 28 апр. Спб.

P. S. К удивлению, я до сих пор здоров и поездка была мне очевидно полезна.

¹Публикуется впервые по автографу (ОР ГМТ).

²Поэт Яков Петрович Полонский посетил Толстого в его московском доме в Долгохамовническом переулке 30 апреля 1884 г.

³«Евангелия» Ж.-Э. Ренана.

⁴Вероятно, здесь неточность: *Шарпантье* (Charpentier) — французская книгоиздательская и книгопродавческая фирма; *Livres Sacrés* (Священные книги) — сочинение французского синолога Гийома Потье (Guillaume Pauthier) (1801–1873). Его полное название: «Les Livres Sacrés de l'Orient, Comprenant Le Chou-King, ou Le Livre par Excellence; Gse-Chou ou Les Quatres Livres Moraux de Confucius et de Ses Disciples; Les Lois de Manou, Premier Législateur de l'Inde; le Koran de Mahomet. Traduits ou revus et corrigés part G. Pauthier. Paris, Société du Panthéon Littéraire. MDCCCLII» («Священные книги Востока, включающие Шу-Кинг, или Главную книгу; Гсешу, или Четыре книги морали Конфуция и его учеников; Законы Ману, первого законодателя Индии; Коран Магомета. Переведены, пересмотрены и исправлены Г. Потье. Париж. Общество Пантеон литературы. 1852»). Книга с пометами Толстого есть в Библиотеке в Ясной Поляне.

⁵Миллер Орест (Оскар) Федорович (1823–1886) — фольклорист, историк литературы, критик, публицист.

⁶Трактат Толстого «В чем моя вера?» был запрещен Главным управлением по делам печати 14 февраля 1884 г. Он распространялся в списках, механических копиях.

⁷*налитографировано* — отпечатано способом литографии (от греч. λίθος — камень), при котором печатной формой служит поверхность камня-известняка.

⁸Исполнительный комитет партии «Народная воля».

308. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

20 июня 1884 г. Санкт-Петербург.

Прощайте, бесценный Лев Николаевич. Еду в Германию для того, чтобы немножко полечиться, послушать много (если удастся) музыки Вагнера¹ и поболтать по разным городам среди красивых мест и всякого благоустройства европейской жизни. Когда в хлопотах перед отъездом я бросил читать, я вдруг почувствовал, что голова у меня свежее и что у меня много времени. Однообразие моей жизни сделалось, наконец, мне мучительно, и я думаю, что поездка очень освежит меня. Если дело пойдет хорошо, то я останусь за границей месяца четыре, а не то вернусь и через два. Планы мои не удались; я не успел написать до отъезда ни *Прогулки в Константинополь и на Афон*, ни письма *Опять о спиритизме*. Цели у меня высокие, дорогой Лев Николаевич. В *Прогулке* я хотел разговориться о монашеской жизни, а в *Спиритизме* я все пытаюсь поймать границу человеческого познания. Но я так устал, что меня эти важные вопросы не довольно поднимают и возбуждают. Здоровье мое, в сущности, очень не дурно, хотя я все продолжаю худеть.

Читали ли вы последнюю книжку Вл. Соловьева, *Религиозные основы жизни*²? Она занимала меня в последнее время. Это почти полная параллель Вашему истолкованию Евангелия и книге *В чем моя вера*. Его понимание Христа и Церкви есть лучшее из всего, что мне случалось читать у чистых церковников. Он мне открыл самую внутреннюю сторону Церкви, и хотя я не признаю этой постановки дела, но начал понимать, в чем состоит великая привлекательность этого учения и какими силами создалось то историческое явление, которое называется церковью. С величайшею жадностью услышал бы я Ваше мнение об этом предмете. Прочтите книжку Соловьева — право, она того стоит. Много мест слабых, даже очень слабых; например, толкование молитвы Господней и то не вполне состоятельно. Но есть страницы бесподобные, ясно и глубоко определяющие стремление душ, выразившееся в религиозной истории. Так как эта история строилась не отвлеченно, а самую жизнь человечества, то мы теперь потеряли ее смысл, и напр[имер], такой человек, как К. Н. Леонтьев³, живший и на Афоне и в других монастырях и очень ревностный к учению церкви, не понимает самых существенных вещей этого дела. Кстати: прощаясь со своим председателем А. И. Георгиевским, я с удивлением услышал, что он теперь

погрузился в изучение Христианства. Он полагает, что для того, чтобы иметь свое мнение в этих вопросах (как, например, Вы имеете), нужно обладать величайшею ученостью, читать Отцов церкви, все исследования текстов Писания и т. д. Я уже послал ему из П[убличной] Библиотеки несколько книг по этому предмету, которых он просил. Но, увы! всякий берет из книг только то, что есть в нем самом, может только развивать существующие задатки, а не приобрести новые. Вполне новое дается только жизнью, да и то есть только развитие собственной души человека.

Посылаю Вам при этом две книги: одну в подарок, другую на время. Meadows⁴ хотя некрасив по наружности, но очень интересен по содержанию и, кажется, пользуется большим авторитетом, судя по ссылкам, которые на него делают ученые. Lao-tsea⁵, как видно, нелегко получить, — впрочем, я сомневаюсь в Ваших книгопродавцах. Поблагодарите от меня Александра Михайловича⁶ за письмо, — я как раз получил его сегодня. Скажите, что из книг, им оставленных, ни одна не пригодилась для Публичной библиотеки, а рукопись годится и оценена в 5 рублей. Жалею об Саше⁷, но очень радуюсь, что вести вообще такие хорошие. Душевно желаю, чтобы великое таинство⁸, которое теперь совершается в Ясной Поляне, совершилось благополучно. Конечно, мне очень хотелось бы побывать и в Ясной. Но ласковые приглашения только трогают меня и почти всегда напоминают, что я их не стою. Как будто было прежде во мне что-то, по чему можно было желать моего присутствия, но это что-то теперь пропало. Сердечный мой поклон всем и помнящим и непомнящим меня (непомнящих ведь у Вас много). Простите, не будьте строги ко мне и отзовитесь, если напишу Вам из-за границы.

Ваш всею душою
Н. Страхов

1884. 20 июня. Спб.

¹В эту поездку Страхов посетил Байрейт с его знаменитым Вагнеровским театром, где слушал трижды «Парсифаля» (1882); в Мюнхене два раза прослушал «Кольцо Нибелунга» (1854–1874); а в Лейпциге — «Летучего голландца» (1841).

²В Библиотеке Толстого в Ясной Поляне имеется 2-е издание (1885) книги Соловьева.

³Леонтьев Константин Николаевич (1831–1891) — писатель, публицист, богослов и мыслитель. Личное знакомство Толстого и Леонтьева состоялось в Москве, в начале 1880-х гг.

⁴В Библиотеке Толстого в Ясной Поляне хранится книга Томаса Медоуза (Thomas Taylor Meadows): «The Chinese and their rebellions, viewed in connection

with their national philosophy, ethics, legislation, and administration: To which is added, an essay on civilization in its present state in the East and West» (Лондон-Бомбей, 1856), 656 с.

⁵В 1891 г. Толстой составил список книг, произведших на него особенное впечатление в разные периоды жизни, определяя меру впечатления тремя степенями: огромное, очень большое и большое. Среди одиннадцати книг и авторов, которыми зачитывался Толстой с 50 до 63 лет, отмечен и Лао-цзы — оценкой «огромное» (ПСС, Т. 66, С. 68) См. также: Ким Рехо. Лев Толстой и Лао-Цзы. (Теория «неделания» и образ Кутузова) — сборник «Мир филологии», посвященный Л. Д. Громовой-Опульской (М-ва, Издательство «Наследие», 2000), С. 260–270 (далее: «Мир филологии»).

⁶А. М. Кузминский.

⁷Речь идет о болезни сына Т. А. и А. М. Кузминских Александра.

⁸18 июня 1884 г. у С. А. Толстой родилась дочь Александра (ум. 1979 в США).

309. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

1 ноября 1884 г. Санкт-Петербург.

Очень хочется, бесценный Лев Николаевич, сообщить Вам свои мысли и чувства, но не могу я выдерживать Вашего молчания — думаю о Вас беспрестанно, собирался не раз писать из-за границы, но когда невольно представится, что ничего не узнаю о впечатлении своего письма, — мешкаю и ничего не пишу. Говорю не в упрек Вам, а себе в извинение.

Поездка моя была очень любопытна. Я прощался с Европой, с немецким искусством, с Западом и его просвещением, которого мне уже больше не видать. Нынче я все собираюсь умирать, все кажется, что жизнь уже кончена — и чувствуешь ее пустоту, и ни за что не хочется взяться.

Странные впечатления. Баварцы (в Байрейте, в Мюнхене, в Штутгарте) показались мне такими добрыми и милыми людьми, что я, кажется, люблю их больше русских и охотно бы там остался. Вообще, я три месяца чувствовал себя космополитом, и, вернувшись домой, до сих пор не привык к патриотизму, вероятно, охладел к нему навсегда. Как хорошо смотреть на каждого человека как на брата и не разбирать, какого он племени и закона! Байрейт, по-моему, — чистая Аркадия¹: доброта, веселость, спокойствие — постоянные, ненарушимые! Берлин, разумеется, другое дело. Но он в своем роде стал чудом, вырос вдвое, обстроился и щеголяет удивительными удобствами, чистотою, порядком. Петербург мне кажется теперь грязен, неудобен, и вижу, что нам никогда не догнать, в этом отношении, Европы. И слава Богу! Может быть, заведется у нас что-нибудь лучшее, чем эти современные Вавилоны.

Видя этот твердый склад жизни, наблюдая эти нравы, вполне окрепшие и передающиеся с молоком матери, я готов был отказаться от мысли, что этому обществу грозит опасность. Нет, оно проникнуто слишком хорошими и ясными началами. Они устоят, потому что видят опасность и добросовестно стараются предупредить ее. Между прочим, я слушал политические речи Stöcker'a² (это *христианский социалист*, придворный проповедник). Дар речи — изумительный, но понятия посредственные, даже жалкие. Так, он выразил учение своей партии в таком кратком лозунге: Das Vermögen, die Arbeit, und Nächstenliebe³. Все время я ждал, что он скажет что-нибудь о хрис-

тианском учении, и немало был удивлен, когда *любовь к ближнему* оказалась на третьем месте!

Люди в роде Штёккера, конечно, не руководители, а только выразители разных застаревших мнений; но ведь все мнения высказываются, игра политической машины идет непрерывно, и главная нота все-таки раздается от времени до времени. «Зачем нам социал-демократия», говорил этот же проповедник, «когда у нас социал-монархия?»

Среди удобств, порядка, правильного и легкого течения жизни, на меня неожиданное впечатление сделали кресты и распятый на них человек. Эти кресты в натуральную величину попадают иногда на открытых местах, а в Мюнхене, в соборе, такой крест висит с высоких сводов внутри церкви. Страшное изображение! Верно, я слишком много читал о Христе, что эта фигура получила для меня такую жизнь. И какой контраст со всею окружающею жизнью!

Кроме Берлина, везде я был почти одинок и забавлялся очень много покупкою книг: я пополнил свою библиотеку (главное — мистиками) и теперь книг не покупаю, не охочусь за ними. Будет! Кстати: я купил там и Гризбаха и Лао-дзе, так что если Вы очень привыкли к Гризбаху, я могу Вам его прислать, а Лао-дзе, который у Вас, пусть у Вас и остается.

Здоровье мое, кажется, поправилось — именно желудок, хоть я и не от него лечился. Остальное чуть ли не по-прежнему, и я еще похудел. Но важнее — какая-то внутренняя перемена, *первый период тоски*, которого не стану Вам расписывать. Как неодолимо действует на человека обстановка! Я потому и был везде и всем доволен за границей, что там я был свободен от привычной обстановки и потому мог свободно держаться известного душевного настроения. А здесь — овладевают мною привычные чувства; станешь от них отбиваться — и все кругом станет противно и скучно. Петербург я застал не в хорошем духе. Начальство успокоилось и развеселилось, чувствуя себя очень крепко на своих местах. Чувствуется всеобщая духота и ни единой струйки свежего воздуха.

Ну вот, бесценный Лев Николаевич, хоть подобие рассказа о моей поездке. В настоящую минуту, чтобы встряхнуть себя, я решил написать статью о Вас, по поводу статьи Вогюэ⁴. Пишу потому, что тут будет и кое-что душеспасительное. Ни для чего другого у меня не хватит бодрости. В Эмсе начал преважное исследования о *времени, числе и пространстве*; надеюсь, что после статьи о Вас буду его продолжать.

Но главное не в том — это я знаю. Простите меня за все, в чем сочтете виноватым, и порадайте несколькими словами. Когда-то Вы и бранили, и хвалили меня — как было это мне полезно! Мне все кажется, что по мере того, как я подавляю в себе одни дурные стороны, нарождаются или появляются другие.

Простите, простите.

Ваш всюю душою
Н. Страхов

1884. 1 ноября. Спб.

PS. У Кузминских я бываю каждую среду, обедаю; чем дальше, тем больше я на них радуюсь. Его я почти не знал, а он чудесный человек.

¹*Аркадия* — область в центральной части Пелопоннеса (Греция). В античной литературе изображалась райской страной с патриархальной простотой нравов. Переносно — счастливая страна.

²Штёккер Адольф (Adolf Stöcker) (1835–1909) — германский политический деятель. С 1874 г. был придворным пастором и пастором в кафедральном соборе в Берлине. В январе 1878 г. Штёккер на созванном им народном собрании в Берлине выступил с проектом образования христианско-социальной партии, которая должна была стремиться к социальным реформам в пользу рабочего класса в условиях существующей монархии и христианства.

³Т. е. благосостояние, труд, любовь к ближнему (нем.)

⁴Вогюэ Эжен Мельхиор де (Eugène-Melchior de Vogüé) (1848–1910), виконт — в качестве секретаря французского посольства провел в России около семи лет, женился на русской (урожд. Анненковой), изучил русский язык и литературу. Автор книги «Русский роман», вышедшей в Париже в 1886 г. Статья Вогюэ о Толстом «Les Écrivains russe contemporains. Le Comte Léon Tolstoï» («Современные русские писатели. Граф Лев Толстой») была напечатана в «Revue des Deux Mondes» от 15 июля 1884 г. Статья Страхова «Французская статья об Л. Н. Толстом» появилась в газете «Русь» (1885, №2) — перепечатана в сборнике Страхова «Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом», изд. 2-ое (СПб., 1887), С. 458–484.

310. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову¹

27 ноября 1884 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич.

Дня не проходит, чтобы не вспомнил о вас с угрызением совести. Сейчас в середине работы вспомнил и пишу два слова только, чтобы покаяться перед вами и просить не сердиться. На последнее письмо не ответил под предлогом, что не узнал адреса; но я мог писать в Пуб[личную] б[и]блиотеку]. Пожалуйста, не отдаляйтесь в душе от меня. А я чувствую себя ближе к вам, чем прежде. Отзовитесь словечком.

Толстой

Вы сами любите — много баить не подобает, а я всё больше и больше люблю.

¹Открытое письмо. *На обороте открытки:*

Петербург

Публичная библиотека

Николаю Николаевичу

Страхову

311. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

1883...1884? гг. Москва.

Дорогой Николай Николаевич.

Письмо это вам передаст Алексей Алексеевич, вам известный, Гатцук¹, мой добрый знакомый. Он едет в П[етер]б[ур]г хлопотать о своих делах по цензурным запрещениям. Мне кажется, что вы можете помочь ему советом, и знаю, что вы это захотите и можете сделать.

Любящий вас Л. Толстой

¹Гатцук Алексей Алексеевич (1832–1891) — археолог и публицист, издатель «Газеты Гатцука» и «Крестного календаря».

312. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

30...31 марта 1885 г. Москва.

Сейчас прочел ваше длинное письмо жене¹, дорогой Николай Николаевич, и так мне радостно было знать, что мои мысли и чувства так живо и верно отозвались в вас. Вы не согласны с выводами — я в этом виноват, но не виноваты выводы неизбежные, и, Бог даст, и вы согласитесь с ними; но это всё равно. Я всё это время о вас думал. Во-первых, был в Крыму² и поехал к Данилевскому³. Он очень мне полюбился и его жена⁴. Разумеется, о вас много говорили, потом [читали] вашу статью о спиритизме⁵. Всё это для меня трюизмы, но я люблю читать эти ваши статьи. И вот — ваше письмо, которое мне было очень, очень приятно. Ведь я не дорожу тем, что есть моего в этой статье, а тем, что в ней есть божеского, и мне радостно видеть, что я не так еще испортил его, чтобы нельзя было узнать. И вы узнали.

После Georg'a⁶ я нашел еще одного американца, который мне очень понравился, это Theodore Parker⁷, проповедник 40-вых годов, унитарянец, — посмотрите. А что за чудо — Бруно философ⁸. Шопенгауер — того мощи не долго лежали под спудом, а этого — 300 лет, и вдруг открыли. Так было для меня по крайней мере. Третьего дня, кроме того, что я уже читал о нем, Грот⁹, молодой Одесский, прислал мне свою книжку о нем. Очень хорошо. — Мне и Грот нравится. Я не знаю его, но он писал мне. Какого вы о нем мнения? Какого вы мнения тоже о картине Репина¹⁰? Я сейчас пишу ему¹¹. Мне она не скажу нравится, но я ее вполне одобряю, и высоко сравнительно с другими ставлю.

Очень, очень радуюсь тому, что вы приедете в Москву. Я постараюсь уехать попозже, а вы постарайтесь приехать пораньше. — Загадывать так далеко не люблю, а в Ясной Поляне, как были, так и есть, и будем вам всегда все рады. Так и жена велит вам сказать и просит у вас прощенья за то, что не отвечает вам. Она говорит: он пишет такое умное письмо, а я так глупа. Главное, она в весенней суе.

Вчера видели Ржевскую¹²; ее муж умер¹³. И она рассказывала, как он умирал. Болел 4 дня, почти не страдал, был неверующий — нравы вы его знаете — и последние слова его были: Ах, какое счастье! — Как это хорошо, что и добрым, и злым, и верующ[им], и невер[у-

ющим], и умным, и глупым, и в жизни, и в смерти — всем равно — всем благо, не правда ли?

Обнимаю вас от души.

Ваш Л. Толстой

¹Письмо Страхова к С. А. Толстой от 29 марта 1885 г., целиком посвященное разбору статьи Толстого «Так что же нам делать?», которую он читал в корректурных листах (см.: ПТС II, С. 173–176). В конце письма Страхов пишет следующее: «Его [Толстого] статья так глубоко берет и столько в себе содержит, что должна заставить всякого задуматься; меня она многому научила. Но в конце он указывает средства выйти из этих затруднений и задач, и я нахожу, что тут он сузил свой предмет и многие его заключения очень односторонни... Мысль моя та, что так просто добро не достигается, и Л. Н. сам это чудесно объяснил в своей статье... Та нравственная чуткость, которая проникает всю статью Л. Н., наполнила меня умилением, которое, впрочем, я и всегда к нему чувствую; между тем он иногда как будто забывает внутреннюю сторону дела...».

²В начале марта 1885 г. Толстой сопровождал больного князя Л. Д. Урусова в Крым, в имение его тестя И. С. Мальцова в Симеизе.

³В имение Н. Я. Данилевского Мшатка близ Симеиза.

⁴Ю. А. Данилевская.

⁵Статья Н. Н. Страхова «Физическая теория спиритизма», напечатанная в № 3232 газеты «Новое время», впоследствии вошедшая в книгу Страхова «О вечных истинах» (1887 г.).

⁶Джордж Генри (Henry George) (1839–1897) — американский общественный деятель и писатель по экономическим вопросам, сторонник национализации земли и системы «единого (земельного) налога». Толстой очень сочувствовал проекту Г. Джорджа и много писал о нем (см. статьи: «Великий грех», «Единственное возможное решение земельного вопроса», «Письмо к крестьянину о земле» и др.).

⁷Паркер Теодор (Theodore Parker) (1810–1860) — американский богословский писатель и проповедник-унитарианец. В. Г. Чертков посылал Толстому на прочтение его сочинения: «The Transient and Permanent in Christianity» («Преходящее и вечное в христианстве» (1841) и «Discourse of matters pertaining to religion» («Рассуждение о предметах, относящихся к религии») (1842).

⁸Бруно Джордано (Giordano Bruno) (1548–1600) — итальянский философ, пантеист, сначала доминиканец, потом перешел в реформаторство. Восемь лет просидел в тюрьме инквизиции, после чего был сожжен на костре.

⁹Грот Николай Яковлевич (1850–1899) — философ, в то время профессор Новороссийского университета. Имеется в виду его книга «Джиордано Бруно и пантеизм» (Одесса, 1884).

¹⁰Картина И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1582 г.» («Иван Грозный убивает своего сына Ивана»), выставленная на XIII Пере-

движной художественной выставке в Москве (1884–1885). Картина находится в Третьяковской галерее в Москве.

¹¹Письмо Толстого к И. Е. Репину от 31 марта—1 апреля 1885 г. (ПСС, Т. 63, С. 222–223).

¹²Ржевская (урожд. Беэр) Наталья Андреевна (1809–1887) — троюродная сестра Толстого.

¹³Ржевский Владимир Константинович (р. 1811, ум. 14 марта 1885) — сенатор, писатель по крестьянскому и педагогическому вопросам.

313. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

12 апреля 1885 г. Санкт-Петербург.

Прежде всего напишу Вам, бесценный Лев Николаевич, что мне пишет об Вас Н. Я. Данилевский. «Он сам — еще лучшее произведение, чем его художественные произведения. Вот какое впечатление произвел он на меня и на Ольгу Алекс[андровну]. В нем такая задушевная искренность, которой и вообразить себе нельзя. Он просидел у нас вечер, переночевал и до 1 часу на другой день остался, потому что на следующий должен был ехать, ходок он удивительный. Я слышал, что будто он дурен собой — ничего этого я не нашел — превосходное, дышащее простотой, искренностью и добродушием лицо. Одним словом, понравился он мне очень, так понравился, как с первого взгляда и менее чем однодневного знакомства едва ли кто нравился. Я обещал, если ...¹ к нему заехать и непременно исполню ... Говорили мы о том, о сем, но никак ни договориться, ни даже разговориться ни о чем толком не успели».

Большая для меня была радость читать такие известия. Н. Я. Данилевский во всех отношениях лучше меня, а правдив и прям, как никто. Я уже отвечал ему и передал, что и он Вам полюбился. Как я Вам благодарен за эту Вашу поездку!

Пишу к Вам наскоро: уже начал собираться в дорогу. В понедельник 22 апреля я, верно, буду уже в Москве.

Как бы хорошо застать Вас и наговориться! Тогда подробно отвечу Вам и на Ваши вопросы о Гроде, о Репине. Грот, по-моему, очень малая величина и я на него не надеюсь, — у него нет философского склада, а пишет он механически и много — да и напечатал уже много дикого. Брошюры о Бруно я еще не читал.

Репин другое дело. «Подходишь с ужасом и отвращением и уходишь с умилением». Так я слышал, и так было и со мною. Три раза я ходил смотреть картину; в первый раз впечатление поразительное; но потом выступило что-то мешающее — попробую при свидании с Вами сказать, какие тут недостатки.

Всей душой стремлюсь с Вами увидеться. Тогда, может быть, скажется что-нибудь о душевном деле, которое у меня идет медленно. Впрочем, на эту зиму я не пожалуюсь. Все, что Вы пишете, для меня имеет высокую пользу. Понимаю я Ваши писания и потому, что Вас знаю; я согласен с Данилевским, что Вы лучше Ваших произведений — для других — я же вижу Вас в Ваших произведениях.

Графиню еще раз благодарю.

Простите Вашего
Н. Страхова

1885. 12 апр. Спб.

¹Лист в двух местах поврежден, текст частично утрачен.

314. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

15...16 апреля 1885 г. Москва.

По всем вероятностям буду в Москве, дорогой Николай Николаевич, и радуюсь при мысли увидеть и беседовать с вами. Давно уж этого не было. Вы знали, чем меня порадовать — хорошим отзывом Данилевского. Я очень рад, что догадался побывать у него.

Так мы ждем вас с любовью.

Л. Толстой

315. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

2...4 июня 1885 г. Мшатка.

Кажется, все решено, бесценный Лев Николаевич. Через неделю я уеду отсюда и, следовательно, числа 11-го или 12-го буду в Ясной Поляне. Время прошло очень хорошо, если не считать моего утомления и недомогания, которые по временам так ясно дают мне чувствовать, что был и я когда-то молод. У Фета мы занимались Катуллом¹, а у Данилевского главным образом разговорами, которые на этот раз были удивительно занимательны для нас обоих. Никогда, кажется, я столько не говорил. Очарование Южного Берега также было очень сладко, хотя я испытал его столько раз. Впрочем, обо всем этом и других, более важных вещах нужно отложить речь до свидания с Вами. Весь быт Данилевских тоже для меня очарование. А Ольга Александровна и своими суждениями, и своею жизнью трогала меня очень глубоко.

С отвращением думаю о Петербурге и с большой радостью об Ясной Поляне. Надеюсь, что в ней, как всегда, все благополучно и маленькие беды — только тени на общем фоне здоровья и светлого настроения.

Мне до сих пор не удалось съездить в Симеис; но теперь уже все готово, и через день или два я сделаю эту поездку и привезу Вам известия от больного.

Простите меня.

Всей душой Вам преданный

Н. Страхов

1885. 2 июня. Мшатка.

P. S. Разумеется, об Вас было здесь говорено без конца.

P. S. Все время меня беспокоило и желание, и обязанность — побывать в Симеисе у кн. Урусова. Но дело откладывалось, потому что Данилевский приехал сюда с ушибленной ногой — он был на положении больного, все время лежал, хотя вполне бодрый и веселый. Потом забирались справки о том, как удобнее добраться до Симеиса; но когда все было готово и сторговались с извозчиком, пришло известие, что кн. Урусов уже давно уехал в Тулу и оттуда писал, что ему лучше. Надеюсь, что увижу его в Ясной и все-таки лично поклонюсь ему.

Позвольте мне телеграфировать Вам — просить выслать лошадей в Козловку.

4 июня.

¹Фет переводил римского поэта Гая Валерия Катулла (Gaius Valerius Catullus) (ок. 87—ок. 54 до н. э.). Переводами римских поэтов он начал заниматься еще в студенческие годы.

316. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

Начало июля 1885 г. Москва.

Исполнил Ваши поручения¹, бесценный Лев Николаевич, и дам Вам отчет по пунктам.

1) Рукописи Урусовой² я нашел только вторую часть (Кингслей и Эмерсон). Как я ни искал во всех трех ящиках³, первой части не нашел. Все-таки я взял вторую, и сам прочитаю, и постараюсь устроить; а между тем прошу Вас, не отыщется ли первая часть, а если нет, то дайте разрешение обойтись без нее — думаю, что можно.

2) Ни писем, ни бумаг никаких у Вас в доме не получено. Так мне и не досталось экземпляра *Учения 12-ти апостолов*⁴.

3) Нашел я переплетенную тетрадь, но *совершенно пустую*; на ней написано: *Так что ж нам делать, часть 2-я* — и больше ни одной буквы. Если она Вам нужна, то простите: мне вообразилось, что Вам нужна *рукопись*, и потому я пустую книгу оставил и не решился Вам переслать.

4) Разыскал *Сытина*⁵, передал ему корректуры и объяснил, как Вы желаете печатать речи и мысли действующих лиц. Он очень был рад, боялся, что Вы недовольны печатанием⁶. Я его успокоил, а он сказал, что поручит, для большей исправности, дело особому корректору. Очень обрадовался, когда я сказал, что готовы два новые рассказа. Показывал мне картину Репина⁷ (очень хороша!) и обещал выслать все, что выйдет с красным ободком⁸.

Вчера я встретил Анну Григорьевну Достоевскую; она с детьми⁹ едет в Пятигорск, где лечится ее мать¹⁰. Мечтает она заплатить визит Софье Андреевне¹¹ и хотела даже на всякий случай заехать в Ваш дом здесь в Москве. Пришлось отложить до будущего¹².

Сегодня видел я Аксакова¹³ в банке; он с восхищением отзывался о Ваших 2-х новых рассказах, говорил, что приходится простить Вам Ваши еретичества. Разговориться мне не удалось, хоть я и пробовал.

Москва мне вообще понравилась, хотя я вовсе и не думал смотреть на нее. Какой красивый, пестрый и натуральный город! Более натурального и разнообразного, я думаю, нет на свете. И жители, хоть угорелые, но добрые, вежливые.

Простите меня, дорогой Лев Николаевич! Мне чего-то недостает после нынешнего проживания в Ясной Поляне. Я очень радовался, видя, как живо идет Ваша деятельность; но не послало мне небо ни одного душевного разговора, после которого прибывает у меня

сил. Сам виноват; для таких минут нужно быть более добрым и менее тупым, чем я теперь. Итак, простите меня; не забывайте только неизменной любви

Вашего
Н. Страхова

P. S. Напомните графине об обещанных мне корректурах: буду их ждать.

P. P. S. К несчастью, я не видал Иванцова-Платонова¹⁴ — он далеко на даче, и переезды так мне тяжелы, что нужно отложить до зимы, — до какой, Бог ведает.

¹Возвращаясь из Ясной Поляны в Петербург, Страхов два дня провел в Москве. Останавливался он, как видно из этого письма, в доме Толстых.

²Речь идет о статье княжны Варвары Дмитриевны Урусовой. Статья была напечатана в «Литературном приложении» к газете «Гражданин» за 1885 г. в Кн. VIII — «Чарлс Кингслей» и в Кн. IX — «Ральф Уалдо Эмерсон». Кингслей (Charles Kingsley) (1819–1875) — английский романист и проповедник. Эмерсон (Ralph Waldo Emerson) (1803–1882) — американский философ и проповедник.

³*во всех трех ящиках* — ящиках письменного стола Толстого в его кабинете.

⁴«Учение 12 апостолов» — один из древних памятников церковной письменности. Время его написания определяется между 96 и 112 гг. н. э. Найден никоимидийским митрополитом Вриением в библиотеке иерусалимского монастыря в 1875 г. Перевод Толстого с его предисловием (без подписи) был напечатан в журнале «Детская помощь» (1885, № 8, от 24 мая) (ПСС, Т. 25, С. 536–537).

⁵Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934) — книготорговец и книгоиздатель, издатель газеты «Русское слово». С Сытиным Толстой познакомился в конце 1884 г., на почве издания книг для народа. Первый указал на него Толстому В. Г. Чертков, как на наиболее подходящего издателя в связи с организуемым народным издательством «Посредник».*

⁶Речь идет об издании рассказов Толстого: «Чем люди живы», «Два старика», «Упустишь огонь — не потушишь», «Где любовь, там и Бог», которые печатались в типографии Сытина под маркой издательства «Посредник».

⁷В. Г. Чертков обратился к И. Е. Репину с просьбой нарисовать картинки к легенде Толстого «Два брата и золото» (1885), на что тот охотно согласился. Легенда была напечатана «Посредником» в 1886 г. на открытом листе с рисунком Репина.

⁸С красным ободком на обложках выходили лучшие книжечки издания «Посредника».

⁹Люба и Федя Достоевские.

¹⁰Сниткина (урожд. Мильтопеус) Анна Николаевна (1812–1893).

¹¹А. Г. Достоевская и С. А. Толстая познакомились в феврале 1885 г. в Петербурге, куда С. А. Толстая приезжала в связи с изданием пятого собрания сочинений Толстого, которое С. А. Толстая решила издавать сама. См. об этом публикацию писем А. Г. Достоевской к С. А. Толстой в сборнике «Мир филологии», С. 290–306.

¹²А. Г. Достоевская посетила Толстого в его московском доме в феврале 1889 г. См.: Достоевская, С. 412–416.

¹³И. С. Аксаков служил председателем Правления Московского Купеческого общества взаимного кредита.

¹⁴Иванцов-Платонов Александр Михайлович (1835–1894) — протоиерей, богослов и проповедник, профессор Московского университета по церковной истории, благожелательно относившийся к Толстому. С. А. Толстая, по совету философа Н. Я Грота, решила воспользоваться авторитетом Иванцова-Платонова для проведения через цензуру религиозно-общественных писаний Толстого: «Исповеди», «В чем моя вера?», «Так что же нам делать?».

317. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

4...5 июля 1885 г. Ясная Поляна.

Видите, как исправен. Благодарю за исполнение поручения. Кажется, что эта часть Кингслей и Эмерсон только и были. Как бы хорошо было, если бы вы их поместили. — На другой день после вас пришло письмо от Иванцова¹. Он занимался чтением статей и не отчаивается пропустить их.

Я все не совсем здоров — печень болит. И жена² больна — она, кажется, выкинула. Но всё идет нормально.

Не скучайте и не унывайте, и несите ваш крест, тот самый, кот[орый] для вас сделан.

Прощайте.

Л. Толстой

¹В письме к Толстому от 25 июня 1885 г. Иванцов-Платонов писал: «...я вновь прочитал оставленные у меня три Ваших сочинения. Два из них — Исповедь и о благотворительности [Так что же нам делать?], — мне кажется, не трудно было бы провести в Полном, для всех доступном, Собрании Ваших сочинений, лишь сделав в них некоторые небольшие и малозначительные выпуски, и присоединить несколько примечаний — более, конечно, пояснительного, чем опровергательного смысла. Но что касается самого, конечно, важного — «В чем моя вера», с ним труднее будет сладить. Здесь пришлось бы выкидывать целые главы. Но все-таки большую и наиболее существенную часть сочинения, по моему мнению, можно и нужно было бы провести...» (ОР ГМТ). Иванцов-Платонов, с согласия Толстого, составил «Примечания читателя», в которых оговаривал или просто выпускал места, которые он считал неудобными для печати с точки зрения православной религии. Однако все эти меры не помогли — цензура не пропустила указанные сочинения.

²С. А. Толстая.

318. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

28 июля 1885 г. Санкт-Петербург.

Все время я занят Вами и мысленно пишу к Вам, бесценный Лев Николаевич. Расскажу по порядку. В Москве я виделся с Аксаковым и выслушал от него восторженный отзыв о Ваших рассказах: *Где любовь и Упустишь*. На него повеяло таким духом, что он уже отказывается судить об Вас, говоря, что у Вас свои счета с Богом, которые нам следует уважать¹. Такое же впечатление сделали эти рассказы и на Вл. Соловьева. Он третьего дня приехал сюда и я первым делом дал ему эти две книжки. Вообще я всем и каждому их раздаю; продажа их оказалась у самых дверей Библиотеки, где открылась новая лавочка и где я беру их по 2 коп[ейки]. Сам я не раз их перечитывал и не раз вспоминал о *Двух стариках* и о *Свече*².

Вот чудесное дело! Наконец Вы нашли ту форму, в которой всего яснее и неотразимее выражаются Ваши мысли. Однако же я далеко не так доволен этими рассказами, как другие. Мне все мерещится первая половина *Чем люди живы*, и когда я сравниваю с этим Вашу новую работу, мне ясно, что она сделана с меньшим старанием, а по местам и вовсе небрежно. Если главная сила должна содержаться в изображении души человеческой, то тут у Вас можно указать пропуски и большие пятна. Одно из двух: или рассказ должен быть совершенно анекдотический, как напр[имер], об Марфе и Марии у Луки, или он должен иметь индивидуальный характер. Сказать, что один мужик поджег у другого дом, а тот простил ему и так его этим удивил, что они стали друзьями — такой рассказ не будет иметь никакой силы. Но если я рассказываю про Ивана, как про знакомого, и описываю все, что в нем делалось, то могу очень увлечь. В Вашем рассказе есть много бесподобного; но пробелы большие; напр[имер], конец вовсе скомкан. Как они встречались, как затихала в том и другом злоба — это любопытно и трогательно, а этого нет. Простите меня, Лев Николаевич, что я говорю Вам о том, что Вы сами лучше меня знаете. Но так как Вы заняты этими рассказами, то мне ужасно хотелось бы, чтобы из них вышло несравненное чудо — и Вы можете сделать, и незачем Вам работать на два на три года, когда можете работать на сто и двести лет. Раздумавшись об этом, я пришел к большому вольнодумству. Помните Вы в *В чем моя вера* главу о разводе³? Много старания и места Вы употребили,

чтобы доказать, что Христос не допускал развода. Какой же результат? Если бы Писание была чужая Воля, которой мы должны покоряться, то дело было бы важное; но если Вам хочется доказать, что целомудрие, которое Вам дорого само по себе, как целомудрие, — что оно *не только Вам дорого*, а было дорого и Христу, то прежде всего и важнее всего показать всю цену целомудрия, а уже потом, для подтверждения ссылаться на Христа. (Вспомните платоновского *Эвтифрона*⁴). Эту более важную задачу Вы и исполнили, именно в *Анне Карениной*, которая поэтому приносит больше пользы, чем та глава книги *В чем моя вера*.

Буду уже вполне откровенен. В рассказе *Свеча* я нахожу слабым место, где добрый мужик объясняет, почему не следует убивать приказчика. *Для избежания угрызений совести* — я так понял. Но нужно бы другое, нужно указать самое основание этих угрызений, что-нибудь положительное — Вы это лучше моего знаете.

Еще одно привело меня к мыслям о Вас. Я задумал издавать свои критические статьи. И так как оказалось, что я всего больше писал об Тургеневе и об Вас, то я решил сперва выпустить книжку под заглавием: *Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом*⁵. Перебирая эти статьи, я почувствовал было сперва отвращение к своим писаниям и стал колебаться: стоит ли этот вздор издавать? Но когда дело дошло до статей об Вас, я почувствовал, что в них есть жизнь, что их нужно печатать, и во мне сильней и сильней заиграла моя любовь к Вам, глубокое сочувствие к образу Ваших чувств. Нужно служить по мере сил тому делу, которое Вы начали и ведете; это будет мне отрадою и опорой. В предисловии я постараюсь высказать дело как можно яснее. Против Тургенева я почти все время (кроме первой статьи) враждовал — и то хорошо; не нужно, чтобы эта слава ослепляла; а то из-за восторгов уже ничего разобрать нельзя.

Кроме этого печатания, занимаюсь теперь еще писанием; пишу *об Ренане и Тэне*⁶; очень уж набралось много *против* них. На здоровье теперь мне грех жаловаться и тот период скуки, которым начинается всякое одиночество, уже прошел.

Простите меня, бесценный Лев Николаевич. Графине мое усердное почтение и скажите, что я буду считать себя обиженным, если не продержу корректуры по крайней мере двух томов Вашего *Собрания сочинений*⁷. Каковы-то были Ваши разговоры с Градовским⁸? Непременно повидаясь с ним, когда он вернется. Кланяюсь низко всей Ясной Поляне.

Ваш всею душою
Н. Страхов

1885. 28 июля. Спб.

Статья о Кингслее и Эмерсоне оказалась несколько безграмотною и мало занимательною. Я ее сдал Мещерскому⁹; наверное будет напечатана.

¹В письме к Страхову от 9 июня 1885 г. Аксаков писал: «Не успел я письмо докончить, как прочел новые только что вышедшие из печати два рассказа Толстого [«Где любовь, там и Бог», «Упустишь огонь — не потушишь»], и так они, по-моему, хороши, что я купил их (цена каждому — полторы копейки) и послал под бандеродем Николаю Яковлевичу [Данилевскому]... Вот такая проповедь его [Толстого] дело. Но чтобы воспринять благодать такой проповеди, нужно было уготовить почву душевную, просветить и прогреть душу такой искренностью, стать к святой истине в такие чистосердечные любовные отношения, тайна которых не подлежит нашему анализу, и которые ставят его, автора, вне суда нашего. Очевидно, у него свой конто-куррант с Богом...» — журнал «Литературная учеба» (1980, № 4), С. 202.

²Рассказ «Два старика» был издан в 1885 г., «Свечка, или как добрый мужик пересилил злого приказчика» появился в «Книжках Недели» за 1886 г. (вып. I), и уже потом в отдельном издании.

³VI глава трактата Толстого «В чем моя вера?».

⁴Диалог Платона «Эвтифрон».

⁵Критические статьи. Т. I. Об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862–1885) (СПб., 1885), X, 484 с.

⁶Статья «Историки без принципов. Заметки о Ренане и Тэне» — газета «Русь» (№ 8), С. 7–8 и (№ 9), С. 4–7.

⁷Корректуры пятого издания собрания сочинений Толстого. В письме к Страхову от 22 августа 1885 г. С. А. Толстая писала: «...Я все собиралась благодарить Вас за вторичное предложение держать корректуру. Но типографии очень ропщут и так за посылку в Тулу и грозят, что поздно кончат печатанье, которым я очень тороплюсь... Кроме того, Сережа [С. Л. Толстой] взялся помогать и огорчен бы был, если бы я отняла у него это дело...» (ПТС, II, С. 178).

⁸Здесь речь идет об Александре Дмитриевиче Градовском (1841–1889), историке государственного права, критике и публицисте. Посещение им Ясной Поляны не отмечено биографами Толстого. Критик Г. К. Градовский («Гамма») единственный раз посетил Толстого в Ясной Поляне в 1909 г.

⁹Мещерский В. П. — редактор «Гражданина».

319. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

26 октября 1885 г. Санкт-Петербург.

Много от Вас, бесценный Лев Николаевич, доходит до меня и вестей, и вопросов, и писаний; но я становлюсь чем дальше, тем медлительнее, — простите, что до сих пор не писал к Вам. Прежде всего — я Вас не послушался; Татьяна Андреевна¹ передавала Ваш совет — не отвечать спиритам. Почему? — она не могла хорошенько объяснить. Между тем я считал долгом *на этот раз* обстоятельно ответить. Много мне стоило это труда, по путанице мыслей и по невольному лукавству Бутлерова. Но, по крайней мере, теперь я считаю *правильную* полемику конченною, и если буду писать, то могу свободно остановиться на той мысли, на какой захочу. Статья готова, переписана, выправлена и сегодня сдана в *Новое время*². Буду ждать напечатания и Вашего суда. Прошу Вас также взглянуть на *Критические статьи*, которые я Вам послал. И предисловие и последняя статья о Вас заслужат ли Ваше одобрение? Если недовольны — брагите, но не оставайтесь равнодушны.

Кроме своей книги, я кончил издание *Дарвинизма* Н. Я. Данилевского. Все это вместе так меня поглощало, что я почти ни к кому не ходил и все сижу дома (вечера).

Новых Ваших писаний я прочел два: письмо к Х. Х.³ (Калмыкова⁴ говорила — к Энгельгарту)? и сказку⁵. Письмо меня привело в восхищение — ясностью, чувством, силою и искренностью; но сказка — опечалила, так что я дня два ходил раненый. Никогда я не сужу о писаниях по тому, согласен ли я с ними, или несогласен. Но если мне слышится чувство, работа ума, творчество, даже злоба, даже ярая чувственность — я доволен, потому что передо мною живое явление, которое мне годится, лишь бы я умел употребить его с пользою. Но если передо мною *сочинение*, стихи без поэзии, картина без живописи, сказка без сказочного содержания, то я вижу, что передо мною что-то сделанное, ненатуральное, умышленно сплетенное и принимающее на себя маску жизни — и мне становится только досадно за напрасную трату сил, за высокие цели, для которых употребляются низкие средства. Вы — такой удивительный художник, не имеете права так писать. Голое нравоучение, голое рассуждение — вещь прекрасная; хорош коротенький анекдот в роде эзоповой басни; но длинный рассказ — должен быть художественною работою. Помню, я сердился на Тургенева за *Новь*; и думал: не стыдно ли наплес-

ти столько сочиненных страниц! Ведь он знает, что значит писать с вдохновением; ведь он не начинающий мальчик, который пишет не то, что хочется, а в подражание тому, как другие пишут, и еще не знает, что значит настоящее писание. Следовательно, если у него не было вдохновения, если работа не шла тем ходом как прежде, он должен бросить ее и молчать. И Вы, конечно, знаете, что значит *снять все покровы* с лица или происшествия, которое описываете, и наоборот, что значит слегка оболванить сюжет, что значит *написать* и что значит *набросать*. Зачем же Вы все только набрасываете?

Голое нравоучение в рассказе потому нехорошо, что оно уничтожает интерес рассказа, что оно самый лучший рассказ делает фальшивым, умышленным, отнимает от него естественность. Вторая половина Вашей сказки не имеет ни главной нити, ни живых лиц, ни живых сцен. А содержания, то есть поучительных тем Вы вложили столько, что оно торчит большими глыбами, и его хватило бы на двадцать таких сказок. А от недостатка художественного развития вышли неверности. Вы доказываете, что государством, войной, торговле жить нельзя, а Франция, Англия, Германия живут; вы пишете, что враг ушел бы из мирной страны, а англичане и не думают уходить из Индии. Враг завладеет землею, обратит туземцев в рабов и пр. Словом, тут множество тем, которые в разных видах уже *осуществились* в истории, и нужно с большою меткостью указать уродливую эту осуществление.

А главное, — простите меня, дорогой Лев Николаевич, прием доказательства не выдерживает критики. Верховный аргумент Ваш — счастье, благополучие. Им, однако, я думаю, ничего нельзя доказать. Каждый счастье выбирает по-своему, и если Вы не покажете, что свято пострадать и умереть счастливее, чем жить долго и богато с большими ли, или малыми грехами, — Вы ничего не докажете. Спаси душу — вот единое счастье. Добродетель — сама себе награда, как пишется в прописях.

Отчего Вам не писать сказок? Их писали и Вольтер⁶, и Мор⁷, и Бакон⁸, и Платон. И Вы можете написать не хуже. Но, имея такой громадный авторитет, зная, что все Вами писанное будут читать с жадностью, зная, что большинство неразборчиво и удовольствуется самую небрежную форму, — Вы пренебрегаете работою. Простите мне, ради Бога, что я так прямо пишу. Разве, Вы думаете, мне не хотелось бы, чтобы всякое слово Ваше блестело и звенело? Разве для самого дела не важно, чтобы все, и умники, и простяки одинаково не могли устоять против Вашей речи? Сегодня еще я слышал, как люди, резко Вас осуждающие, восхищались без меры маленькими отрывками из Вашего рассказа о *переписи*⁹, перепечатанными в *Новом времени*. Значит, Вы будете неотразимы и покорите самых упорных, если только сами захотите.

Еще раз, простите и простите. Мне, горемычному, любовь к Вам и сочувствие к глубокому духу Ваших писаний — великое утешение в жизни, чуть не половина ее содержания.

Общественные дела, и внешние, и внутренние, нагоняют на меня тоску все больше и больше. Право, грустно умирать, не имея, чему порадоваться, чему пожелать успеха. Пустое брожение, притом болезненное, содержащее семена разных зол и неизвестно какого блага. Сам я здоровее обыкновенного, и когда подумаю, *скоро ли?* то вижу, что еще долго придется ждать.

Простите Вашего

всей душою преданного

Н. Страхова.

1885. 26 окт. Спб.

А. М. Калмыкова очень мила, и приятна мне своими южными манерами и речами¹⁰. Но какое в ней беспокойство! Негде, негде отдышать душою!

Сегодня была у меня Татьяна Андреевна с мужем¹¹ — во всем блеске здоровья и своих очарований. Очень меня это утешило и утешает. Они оба добрей ко мне, чем я того стою.

¹Т. А. Кузминская.

²Страхов в № 3232 газеты «Новое время» за 1885 г., от 26 февраля опубликовал свою статью «Физическая теория спиритизма», на которую отвечал известный сторонник спиритизма профессор А. М. Бутлеров (там же, в № 3411 от 27 августа 1885 г.) статьей «Медиумизм и умозрение без опыта». В №№ 3487 и 3502 от 11 и 26 ноября 1885 г. Страхов в свою очередь напечатал свой ответ, в виде открытого письма к А. М. Бутлерову — «Закономерность стихий и понятий».

³Письмо к М. А. Энгельгардту (1861–1915) — сыну известного общественно-го деятеля и публициста А. Н. Энгельгардта (ПСС, Т. 63, С. 112–124). Впервые опубликовано в издании М. Элпидина: «Lettre à NN, par le comte L. Tolstoï» («Письмо к NN графа Л. Н. Толстого») (Женева, «M. Elpidine, Libraire-Éditeur, 3, rue des Alpes, 3. S. a.»).

⁴Калмыкова (урожд. Чернова) Александра Михайловна (1849–1926) — с 1869 г. жена Д. А. Калмыкова (1834–1889), сенатора Гражданского кассационного департамента, деятельница по народному образованию.

⁵«Сказка об Иване-дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане и немой сестре Маланье и о старом дьяволе и трех чертенятах», написанная в сентябре 1885 г. Страхов читал «Сказку» в рукописном списке, полученном от В. Г. Черткова. Напечатана «Сказка» впервые в двенадцатой части пятого издания Сочинений гр. Л. Н. Толстого, вышедшей в апреле 1886 г.

⁶*Вольтер* — настоящее имя и фамилия — Франсуа-Мари Аруэ (François-Marie Arouet, dit Voltaire) (1694–1778) — французский писатель, философ, историк. Его философские повести: «Повесть о Задиге» (1748), «Царица Вавилонская» (1768) и т. д. насыщены традиционными сказочными мотивами. Сказка «Микромегас» (1752) написана как подражание «Странствиям Гулливера» Дж. Свифта (Jonathan Swift) (1667–1745).

⁷Мор Томас (Thomas More) (1478–1535) — английский гуманист, государственный деятель и писатель, автор сочинения «Золотая книжечка, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии» (1511–1516).

⁸Бэкон Фрэнсис барон Веруламский, виконт Сент-Олбанский (Francis Bacon, Baron Verulam and Viscount St Albans) (1561–1626) — английский философ, родоначальник английского материализма, автор сочинения «Новая Атлантида», комментариев к античным мифам под названием «Мудрость древних».

⁹Статья Толстого под заглавием «Из воспоминаний о переписи» была напечатана в журнале «Русское богатство» (1885, Кн. IX), С. 128–143 и (Кн. X), С. 1–18, отрывки из нее воспроизводились во многих периодических изданиях.

¹⁰А. М. Калмыкова родилась в Харькове (Украина).

¹¹Т. А. и А. М. Кузминские.

320. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

Начало декабря 1885 г. Москва.

Сейчас прочел ваши прекрасные две статьи¹, дорогой Н[иколай] Н[иколаевич]. Они мне понравились по строгости, ясности мысли, по простоте распутывания умышленно запутываемого. Я читал их, любуясь на мастерство работы, но с некоторым равнодушием и осуждением — зачем заниматься таким искусственным ходом мыслей, вроде того чувства, с кот[орым] разбираешь решение шахматн[ых] задач? Бутл[еров] сочинил задачу, вы решили. Интересно, увлекательно, но зачем это мне? — Конец статьи, однако, подействовал на меня иначе, он мне объяснил, почему вы сделали и делаете такие усилия, что можете так легко разрешать такие задачи и, главное, показал мне вас, вашу душу, то чуждое и родное мне в вашей душе, кот[орое] и сближает и разделяет нас. Вы нигде так не высказались, или я только теперь понял вас. Конец этой вашей статьи объяснил мне всё: и ваше пристрастие к инд[ийской] мудрости и к m-me Guyon, к углублению в себя, и то ваше последнее письмо, которое меня за вас очень огорчило. Вы между прочим пишете, что чаще и чаще думаете о смерти, чувствуете ее приближение и уходите из мира, в кот[ором] не видите никакого просвета, ничего, что бы вызывало надежду на лучшее. Ведь это нездоровое душевное состояние. И вот в этой статье мне дан ключ ко всему. *Познание есть в известном смысле отрицание, понижение, удаление от себя того, что познается* (и далее до черточки)². Это совершенно справедливо по отношению к познанию всего внешнего мира, за исключением человека — всех людей, т. е. того, что познает не во мне одном, но и вне меня. Познание понижает и удаляет внешний мир, но за то и для того только, чтобы поднять и приблизить человека. И тут-то и кажущееся мне разномыслие мое с вами. Мне кажется, что вы познание и удаление ставите целью. Я же считаю его средством. Познание мира и человека, принижающее и удаляющее первое и возвышающее, и приближающее второе, есть только орудие, которое надо взять в руки, прежде чем и для того чтобы начать работу. — Я, мы все упали с неба в какое-то заведение. Первое — нужно жить, т. е. употреблять в дело свои руки, голову, свое движение и время, т. е. работать. Для того, чтобы это делать, надо понять где я? что я? *Какое мое назначение?* (Я подчеркиваю этот вопрос, п[отому] ч[то] для меня он главный, и мне кажется, что у вас он выпущен.) И

для этого мне нужно познать. Познание это дает мне великое удовлетворение; но это удовлетворение делается страданием (как бы я ни раздувал его), если я тотчас не употреблю это познание, удалившее и принизившее внешний мир и поднявшее и приблизившее человека, уяснившее для меня, разместившее для меня правильно весь окружающий меня хаос, если я не употреблю это познание на исполнение своего назначения, на работу, всем существом моим для того, что поднялось и приблизилось, для человека. — Очень мне грустно было узнать о смерти Данилевского³. Я рад все-таки, что мы полюбили друг друга. Грустно за вас. Простите, что давно не писал вам. От души целую вас.

Л. Т.

Я перечел что написал и боюсь, что неясно; а мне дорого передать вам всю мою (дорогую мне, к[оторой] я живу) мысль. На то только мы, любящие друг друга люди, и нужны друг другу, чтобы общаться духом. — Мне кажется, что индийцы, Шопенгауер, мистики и вы делаете ту ошибку, ничем не оправдываемую, что вы признаете мир внешний, природу, *бесцельной* фантазмагорией. Задача духа есть освобождение от подчинения этой внешней игры материи, но не для того чтобы освободиться. Иначе гораздо бы проще было и не подневоливать дух этой игре. И каждый может освободиться радикально, убив себя. (Я никогда не верил и не понимал этого страха перед метампсихозой⁴, кот[орая] руководит Буддой⁵.) Задача состоит в освобождении не для освобождения, а для освобожденной жизни — труда в этих самых матерьяльных условиях жизни. Человек, освобождающийся из темницы, почти всегда думает, что освобождение и есть цель, а между тем он освобождается для того, чтобы жить. Так же я представляю себе ваш взгляд. Всё нереально, всё фантазмагория, всё мое представление и больше ничего; но это так только до тех пор, пока я подчинен этим призракам. Но как скоро я освободился от подчинения, так призраки становятся орудием и реальностью из реальностей; составляют необходимое условие моей жизни духа. И только тогда я знаю, что я имею жизнь духа, когда все эти прежде странные и страшные орудия непонятного мне заведения становятся не столько понятными, но необходимыми и покорными, подчиненными мне. — Боюсь, что, желая разъяснить вам свою мысль, я еще больше запутал ее. Вы, впрочем, один из тех редких людей, к[оторые] умеют понимать чужие ходы мыслей. Матерьяльный мир не есть ни призрак, ни пустяки, ни зло, а это тот матерьял и те орудия, над к[оторыми] и к[оторыми] мы призваны работать. Я возьмусь без уменья и без охоты строгать и, обив себе руки, обругаю доску и рубанок; это же самое я делаю, когда называю матер[ьяльный] мир пустяками и злом.

¹Статья Страхова «Закономерность стихий и понятий», в виде открытого письма к профессору А. М. Бутлерову, была напечатана в двух номерах газеты «Новое время»: №№ 3487 и 3502 от 11 и 26 ноября 1885 г.

²Толстой цитирует статью Страхова.

³Н. Я. Данилевский умер в Тифлисе 7 ноября 1885 г.

⁴*метампсихоза* (метемпсихоза) — переселение души.

⁵*Будда* (санскр. — просветленный) — имя, данное основателю буддизма Сиддхартхе Гаутаме (623–544 до н. э.), происходившему, по преданию, из царского рода племени шакьев в Северной Индии (одно из имен Будды — Шакья-Муни, «отшельник из шакьев»).

321. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

8 декабря 1885 г. Санкт-Петербург.

Письмо Ваше, бесценный Лев Николаевич, так меня обрадовало, заняло и утешило, что и сказать не могу. Вы коснулись самого важного, того вопроса, который стоит передо мною почти постоянно. Как следует относиться к временному, частному, личному, одним словом, к земному? Вся мудрость состоит в том, чтобы всему давать свое место и за всякой вещь признавать ее точное значение. Мне кажется, я вполне понимаю Вас, понимаю, с чем Вы не согласны в моем образе мыслей. Но прямо защищать себя я еще не в силах; я все еще ищущ и работаю. Одно я знаю наверное — должна быть у человека область выше всего временного и земного, область, в которую он мог бы подыматься, спасаться от всяких зол и всего, что называется жизнью. Иначе он — вечный мученик.

Ужасно меня поразила смерть Н. Я. Данилевского¹. Я был тогда слегка болен, и с удивительной ясностью почувствовал ничтожество жизни. Если не половина, то треть этой жизни для меня исчезла. Мои привычки, книги, мои планы и надежды — мне опротивели, как чистая глупость; на несколько дней я получил способность плакать и ничем не волноваться. Сошло на меня спокойствие, которое стало наконец открывать мне новый, лучший взгляд на вещи. И пожелал я, чтобы оно навсегда у меня осталось, и с горем чувствую, что уходит оно, по мере возвращения здоровья и беспамятства, в котором мы всегда живем. Могила подходила ко мне близко, была у самых ног; а теперь я опять вижу ее далеко в тумане. Нет, напрасно люди жалуются на горести, когда так легко забывают уроки этих горестей и возвращаются к своим пакостям. Дай Бог мне еще пожить и потерпеть; может быть не останусь я до конца таким гадким, как теперь.

В этот месяц принял я важное решение — подал в отставку из Публичной библиотеки². Мне хотелось 1) отказаться от расчетов (каких бы то ни было) на служебную карьеру; 2) уменьшить свои доходы, 3) получить больше свободного времени. Может быть, последняя причина была всего сильнее; мне и на краю могилы все казалось, что моя обязанность — писать, и очень уж мешала служба этому желанию. Но я мирился и с тою мыслью, что ничего больше не напишу. Все-таки лучше *меньше делать*, как советовал какой-то стоик; душа свободнее. От Славянского комитета и от его журнала³ я также отказался, и уже теперь, хотя отставка из Библиотеки

еще не вышла, чувствую себя гораздо легче. Труден мне был этот шаг, изменить свое положение; теперь поплетусь до конца, со всем мирясь и ничего не ища.

Очень мне радостно было, что Вы заметили в моей статье частицу моей души; я буду все больше и больше вкладывать в свои писания свои заветные мысли, и только это привлекает меня к писанию и оправдывает меня в моих глазах; может быть и Вы, как теперь, одобрите меня.

От *Двух стариков* я в полном восхищении, да и все смыслящие дело, как, напр[имер], Кутузов⁴, Стахеев. У моего сожителя (Стахеева) целый день наворачивались слезы, когда он заговаривал об Вашем рассказе. Вот как Вы должны писать. Хотя Победоносцев и Аксаков приходили в умиление и от прежних Ваших рассказов, и вообще многие могут не разобрать разницы, но Вы сами, конечно, ясно знаете разницу и *не имеете права* писать слабо и недоконченно, когда можете производить вековые и вполне законченные вещи. Даже и в *Двух стариках* заметно Ваше враждебное отношение к Ефиму. Если бы Вы взяли тон еще более спокойный, Вы бы рассказали его благоговение (сродни страху), с которым он глядел на Иерусалим и на всю святыню. Тогда еще сильнее было бы то чувство, с которым он увидел впереди лысину Елисея, и яснее был бы его поворот к пониманию, что в своем сердце каждый может найти святыню выше Ерусалима и гроба Господня.

Но какое мастерство! Изба с голодною семьею, Елисей в своем пчельнике и разговоры, и путешествие — все это навсегда остается в памяти и заставляет задумываться и дает силу и жизнь широкому и мирному смыслу рассказа. Нравоучения тут не нужно, когда все сказано рассказом. Кто заинтересовался Елисеем и Ефимом, тот уж не может не понять, в чем дело.

Простите, что я все впадаю в тон критика; я ведь хорошо знаю, что слаб по этой части, что Вы сами критик, несравненно более тонкий, чем я; но я хочу только напомнить Вам Вашу собственную критику и сказать Вам, что ниже *этой* Вашей собственной критики Вы не имеете права писать.

При этом письме посылаю Вам 40 рублей для кн. Голицыной⁵ за *Кингслея* и *Эмерсона*, напечатанных в *Гражданине*. Не без труда я получил эти деньги; но беспорядочный кн. Мещерский не дал мне отчета, все ли это деньги, или он еще причитает что-нибудь за названные статьи. Думаю, что больше не получу, хотя и попрошу еще раз счета. По-моему, цена все-таки сносная за 21 страницу очень крупного шрифта — и небольшого формата.

Пока простите, бесценный Лев Николаевич. Очень мне хочется в Москву на праздники, но я все еще чувствую нездоровье и сознаюсь, — пугают меня бесконечные речи Афанасия Афанасьевича⁶, с кото-

рым повидаться было бы однако же мне истинным наслаждением. Но — подождем и увидим, как дела пойдут дальше.

Усердное почтение Графине и великая благодарность за ее дружеское внимание, которое было очень отраднo мне, больному и грустному.

Ваш всею душою
Н. Страхов

8 дек. 1885 г. Спб.

Перечитавши письмо, вижу, что много недосказано и много очень хороших тем для разговоров. Простите и верьте, что не вполне я написал, как люблю Вас.

¹Страхов опубликовал некролог Н. Я. Данилевского в «Журнале Министерства народного просвещения» (1885, Ч. 242, декабрь, отд. IV6), С. 206–209.

²Отставка состоялась в конце 1885 г. Страхов получил чин действительного статского советника (соответствует званию генерал-майора воинской службы) за 12-летнюю службу в Библиотеке и пенсию в 385 руб. серебром в год.

³Страхов был членом Славянского Благотворительного комитета и редактировал журнал «Славянские известия».

⁴Граф Арсений Аркадьевич Голенищев-Кутузов (1848–1913) — поэт.

⁵Описка Страхова. Деньги предназначались для княжны В. Д. Урусовой.

⁶А. А. Фет.

322. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

22 февраля 1886 г. Санкт-Петербург.

Вернулся я домой из Москвы поздно ночью, а на другой день не мог быть у В. Г. Черткова¹, и вот как случилось, бесценный Лев Николаевич, что Ваше письмо² к нему я занес только во вторник. Его я не застал дома, думал, что он побывает у меня, или как-нибудь его увижу — так и не извещал Вас ни о чем. Очень прошу извинить меня; я все утешаюсь, что перед отъездом в Москву он должен же был получить Вашу записку (с письмами Болдырева³); я оставил ее у него с своею карточкой.

Самому мне не радостно; нездоровье, кажется, совсем прошло, но для меня это всегда хуже. В душе подымается возня, с которою я все еще часто не умею справляться. Всякие дела запустил, передо всеми виноват.

От всей души благодарю Вас и Графиню. Конечно, Лев Николаевич, я приезжал для Вас больше, чем для кого-нибудь. Видеть других приятно, Вас — нужно, видеть человека, у которого, как выразился Аксаков, *свои счеты с Богом*. Мне хочется понимать Вас; это дело очень важное, и у меня есть средство для этого — я Вас люблю, — увы! гораздо больше, чем Вы меня. Будьте всегда также бодры и здоровы, как я видел Вас!

Ваш душевно
Н. Страхов

1886, 22 февр. Спб.

На конверте: Москва. Долго-Хамовнический переул[ок], собств. дом. Его Сиятельству Графу Льву Николаевичу Толстому.

¹Чертков Владимир Григорьевич (1854–1936) — один из ближайших друзей и единомышленников Толстого, издатель его сочинений, собиратель архива. Происходил из аристократической семьи, близкой к придворным кругам, служил в привилегированном конногвардейском полку. Ко времени знакомства с Толстым в 1883 г. резко переменял свой привычный образ жизни. В 1886 г. женился на Анне Константиновне Дитерихс (1859–1927), принимавшей активное участие в работе издательства «Посредник».

²Письмо Толстого к Черткову неизвестно.

³Вероятно, Страхов имеет в виду статью крестьянина Т. М. Бондарева «Трудолюбие и тунеядство, или торжество земледельца». В письме к Бондареву от 1-20? марта из Москвы Толстой писал: «...Вашу проповедь я списал для многих моих друзей, но печатать еще не отдавал...» (ПСС, Т. 63, С. 332).

323. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому¹

6 марта 1886 г. Санкт-Петербург.

Вот два письма², бесценный Лев Николаевич, которые прислал мне для Вас Стасюлевич. Вероятно, от новых Ваших поклонников и последователей. Не могу Вам выразить, как я радуюсь все растущему и растущему впечатлению и движению, которое Вы производите. Вы коснулись самой глубокой, самой существенной струны, и так коснулись, что она громко зазвучала.

Однако, я только что прочел рассказ о Вас Г. П. Данилевского³. Он пишет, что Вы совершенно здоровы и ведете себя самым надлежащим образом, читаете, пишете, очень любите литературу, Тургенева, Достоевского, и занимаетесь телесными трудами только ради здоровья, ради отдыха от умственной работы. Подробно описан Ваш кабинет, и между прочим замечено, что на столе у Вас лежит «Новый Завет в греческом переводе Тишендорфа»⁴.

Я едва поверил глазам своим!

Простите Вашего неизменно преданного, неизменно любящего

Н. Страхова.

1886 6 марта Спб.

¹Публикуется впервые.

²Одно из этих писем — письмо А. Ф. Елачица из Петербурга от 24 февраля 1886 г., в котором он писал: «...Последними Вашими творениями Вы побудили меня еще раз вдуматься во множество вопросов, которые уже давно перестали тревожить мое внутреннее «я». ...Вы своим могучим пером ... выдвинули вперед идеи собственно религиозные, ... от Вас ждут нового слова...» (ОР ГМТ)

³В журнале «Исторический вестник» (1886, № 3), С. 535–543, была напечатана статья романиста Г. П. Данилевского «Поездка в Ясную Поляну» (*Поместье графа Л. Н. Толстого*).

⁴Ошибка или опечатка. См. прим. 2 к Письму 260 Толстого к Страхову от 1 сентября 1880 г.

324. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

13 июня 1886 г. Мшатка.

13 июня 1886. Мшатка.

Уже больше трех недель живу здесь, бесценный Лев Николаевич, и давно пора писать к Вам. Попрошу у Вас позволения заехать на обратном пути в Ясную Поляну на несколько дней (числа около 7 июля) и тогда расскажу Вам много подробностей. Но иногда разговоры удаются, а иногда письма, и мне столько хотелось бы передать Вам, что попробую что-нибудь написать теперь.

Все время здесь я был за работою. Я разбирал рукописи, письма, книги Николая Яковлевича¹. Нужно было определить, что можно напечатать из его неконченных трудов, а кроме того мне хотелось собрать сведения о его жизни и получить точное понятие о его радостях и горестях, об усилиях и препятствиях в трудах, и пр. Когда я приехал, все лежало на своем месте; Ольга Александровна² до меня не позволяла передвинуть ни одной книги, ни одного листочка бумаги — ей было больно, если кто-нибудь дотрогивался до вещей Н[иколая] Я[ковлевича]. Казалось, он только уехал из дому и завтра должен вернуться. И на меня нашло то же чувство; по расположению ко мне, О[льга] А[лександровна] уверяла, что ей казалось — сам Н[иколай] Я[ковлевич] совершенно доверил бы мне одному это дело; но мне было жутко, да и до сих пор жутко разбирать его бумаги и книги. Утром я работал в его кабинете, подле которого живу (в той комнате, где Вы спали), а вечером мы навещали могилу и без конца разговаривали о покойном. Опять — и эти разговоры были первые разговоры О[льги] А[лександровны]. Шесть или семь месяцев она ни с кем не могла говорить об этом, и стала говорить со мной, веря, что я любил его не больше, но лучше всех других. Это мне было очень отраднo, что я пригодился к чему-нибудь на свете.

Узнал я много удивительного. Жизнь эта была очень трудная, очень полезная, очень счастливая и очень скромная. И смерть была прекрасная: думали, что он заснул. А последние слова его были: «испортят они нашу Гокчу!...» Гокча — озеро, в котором он исследовал рыболовство; он по долгому опыту боялся, что правила, которые он составил, будут нарушаться и лов станет уменьшаться. Но самое важное, что я узнал, — его настроение перед смертью. Вы были свидетелем припадка, который потом повторялся чаще и чаще, наконец

в сентябре — почти каждый день. «Как будто грудь разрывается», говорил он, когда хотел дать понятие о припадках. Боль, вероятно, была большая, хотя он никогда не жаловался и только крупный пот иногда выступал у него на лице. Но в дни припадков часто случалось, что в спокойном состоянии глаза его принимали выражение, которое поражало всех. «Необыкновенная кротость», говорила О[льга] А[лександровна]; «ангельское, небесное выражение», говорила гувернантка, — и они обе не находили слов, чтобы выразить то, что было тогда на лице и особенно в глазах Н[иколая] Я[ковлевича]. О[льга] А[лександровна] говорила ему об этом и даже спрашивала, что это значит. Она говорит также, что он, верно, много думал о смерти, потому что иногда, ночью, не рассказывал ей своих мыслей так откровенно, как всегда. Слушая эти воспоминания, я невольно сближал их с Вашим рассказом *о смерти Ивана Ильича*³, о котором много думал еще в Петербурге. Тайны смерти — чудесные, высшие тайны!

И еще нечто удивительное. В самый день и час смерти, О[льга] А[лександровна] видела Н[иколая] Я[ковлевича]. Она не спала, была одета и не думала о нем в эту минуту. Вдруг ей явилась его голова на подушках, с болезненным выражением; она дважды провела рукой по его щеке, говоря: «милый мой, дорогой!» Но все исчезло, и она вскочила, не понимая и удивляясь тому, что было. Она даже не встревожилась и приписала все нервам, так как последняя телеграмма была очень успокоительная. На другой день весть о смерти была для нее совершенно неожиданною, и теперь, вспоминая свое видение, она твердо уверена, что он «приходил проститься».

Такие явления до того часты, что трудно в них сомневаться. А мне кажется, что как они ни таинственны, в них нет ничего чудесного. Почему не предположить, что связь между близкими душами сохраняется и на большом пространстве?

В горевании О[льги] А[лександровны] много очень трогательного. Она одарена большою чувствительностью и чуткостью, всю душою ищет прямого пути, вечно собой недовольна и вечно думает и заботится о других.

Для печати у Н[иколая] Я[ковлевича] осталось мало. Я нашел одну готовую главу для 2-го тома *Дарвинизма* и несколько маленьких отрывков общего философского содержания. Эти отрывки должны были войти в последнюю главу, о которой Н[иколай] Я[ковлевич] много думал и говорил, но которой, к несчастью, не написал. Это было бы нечто в роде *естественного богословия*, но, без сомнения, очень остроумное, блестящее строгостью и определенностью мысли. Но мне дороже тот несравненно светлый образ, в котором мне является сам Н[иколай] Я[ковлевич]. Я его очень люблю и вижу его, но едва ли мне удастся выразить то, что я вижу и люблю.

Простите меня, бесценный Лев Николаевич. От Фета я получил письмо и заеду к нему по дороге. Он уже очень тяготится своею дряхлостью и жалуется. Дай Бог Вам всего хорошего. Графине мое усердное почтение, и всем обитателям Ясной Поляны очень кланяюсь. Сам я мало здоров и нашел здесь больше ветров и дождей, чем ожидал.

Ваш душевно
Н. Страхов

Написать поклон Льву Николаевичу? спросил я О[льгу] А[лександровну] — «Какой поклон!» ответила она: «разве поклонение, а не поклон!» Здесь об Вас часто вспоминают, и с тем чувством, которое Вы так неизменно возбуждаете.

¹Н. Я. Данилевского.

²Вдова Н. Я. Данилевского.

³Повесть Толстого «Смерть Ивана Ильича» (1886).

325. Л. Н. и С. А. Толстые — Н. Н. Страхову

21 июня 1886 г. Ясная Поляна.

Очень рад был получить от вас весточку, дорогой Николай Николаевич. Мы все в Ясной и любим вас по-старому и так же желаем вас видеть. Передайте мой душевный привет Ольге Александровне. Я очень мало знал Н[иколая] Я[ковлевича], но очень хорошо полюбил его. И если бы я мог жалеть о чьей-нибудь смерти, то очень жалел бы о нем. Так до свиданья

Ваш Л. Толстой

Многоуважаемый Николай Николаевич,

У нас такой азарт покоса, что Лев Николаевич от усталости едва написал Вам несколько слов. Косят все — муж, сыновья, гости; гребем сено тоже все: девочки, я, бабы. Погода чудесная, это очень весело, но утомительно. Присоединяюсь и я выразить Вам свою радость увидеть Вас в Ясной Поляне, буду ждать Вас с нетерпением.

Крепко жму Вашу руку. Еду завтра в Москву, дня на 4 заказывать новое издание.¹

До свидания.

Гр. С. Толстая

21 июня 1886

¹Шестое издание собрания сочинений Толстого.

326. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

21 июля 1886 г. Санкт-Петербург.

Каждый раз, бесценный Лев Николаевич, когда приведется мне видеть Вас, я испытываю чувство удивления: в Вас горит такое большое пламя чувства и мысли, что все другие люди, и я сам в том числе, вдруг покажутся мертвыми и холодными. Простите мне, если я Вам противоречу иногда, или вообще принимаюсь обсуждать Ваши слова и мысли. Все-таки я уйду от Вас всегда возбужденный, умиленный, всегда с глубокой благодарностью к Вам и с более высоким понятием о человеческой жизни. Я вполне согласен с замечанием Вашего американского переводчика¹, что не было еще подобного комментария на Нагорную проповедь, как Ваше толкование; я вполне понимаю, почему так зажигает Ваш огонь людей, молодых и старых, в Европе и в Америке; я почти готов сказать: счастлив тот, кто на этом прекрасном огне сгорит, а не будет долгие годы благополучно вести обыкновенную мертвую жизнь. Итак, не думайте, что я не принадлежу к Вашим приверженцам, что я когда-нибудь перестану сочувствовать главному Вашему чувству. Я Ваш навсегда, и, после того, как я видел Вас, мне хочется тысячу раз это повторить.

Благополучно я добрался до Петербурга и принялся за свои работы, которые теперь в полном ходу. Едва ли много монахов, которые жили бы так уединенно, как я теперь. Никого нет в городе, и я по целым дням один в своей квартире. Начал выправлять 12-й том², и дни через два пошлю Графине первые листы. Дело пойдет скоро и непрерывно — я теперь вижу, и прошу Вас передать это Софье Андреевне. В Москве я просил Румянцева³ прислать мне: 2-й, 3-й и 12-й томы для выправки; кроме того — полный экземпляр *Сочинений* для О. А. Данилевской — я его отдам здесь переплести и пошлю ей. Наконец по экземпляру *Азбуки* и *Книг для чтения*. Все это я сегодня получил исправно, и за все это душевно благодарю.

Точно так дни через два вышлю Вам *Лотос*⁴ и Гризбаха первый том. Поберегите мой Лотос, — Вы увидите сами, что он того стоит. А я постараюсь купить и для Вас экземпляр.

Был у меня Александр Михайлович⁵ в самый день приезда, нет, на другой день, и не одобрил газетной корреспонденции, составленной в Ясной Поляне. Однако я в тот же день, в четверг, как обещал Татьяне Андреевне⁶, отвез ее в газету, отдал лично ответственному редактору Федорову⁷, и переговорил с Бурениным⁸. И все-таки, к

моему удивлению, статья не появилась до сих пор в газете. Дело в том, что Суворина здесь нет; я его встретил в Москве на улице, впопыхах, и, конечно, сказал ему про письмо от Вас, но получил в ответ: «там все сделают!» А здесь, так как в газете все идет по русскому порядку, т. е. спустя рукава и через пень-колоду, ничего не сделали. Вчера я послал Буренину записочку, и если завтра ничего не будет, поеду сам справляться. Александр Михайлович старательно зачеркнул буквы Т. К.⁹ Если все это огорчит Татьяну Андреевну, то прошу Вас, передайте мои оправдания. По совести, я все сделал, что нужно¹⁰.

Простите меня, бесценный Лев Николаевич. Очень беспокоюсь о здоровье Графини и от души желаю ей поправиться.

Ваш неизменно преданный

Н. Страхов

21 июля 1886 г.

¹Трактат Толстого «В чем моя вера?» был издан в Америке в переводе и с предисловием Хантингтона Смита (Huntington Smith): «My Religion. By Tolstoi. Translated from the French by H. Smith» (Нью-Йорк, 1885).

²Для шестого издания собрания сочинений Толстого.

³Румянцев Матвей Никитич — артельщик, заведовал книжным складом С. А. Толстой в Москве (во флигеле московского дома Толстых находилась Контора изданий сочинений Толстого, в одном из отделений каретного сарая располагался склад изданий).

⁴«Le Lotus de la Bonne Loi, traduit du sanscrit, accompagné d'un commentaire et de vingt et un mémoires, relatifs au Bouddhisme» (Париж, 1852) — сочинение о буддизме Эжена Бюрнуфа (Eugène Burnouf).

⁵Кузминский А. М.

⁶Татьяна Андреевна Кузминская.

⁷Федоров Михаил Павлович (1839–1900).

⁸Буренин Виктор Петрович (1841–1926) — журналист, критик, поэт. С 1876 г. сотрудник, позднее — член редакции газеты «Новое время».

⁹Т. е. Татьяна Кузминская.

¹⁰10 августа из Ясной Поляны было отправлено письмо Н. Н. Страхову А. М. Кузминского, с карандашной припиской Л. Н. Толстого (публикуется впервые):

Обнимаю вас, дорогой Н[иколай] Н[иколаевич]. Поправляйтесь, и я, кажется, то же собираюсь делать. Пожалуйста попросите А. С. Суворина (а меня простите за хлопоты), чтобы статью не печатать. Я увлекся тогда досадой, это б[ыло] хоть немного простительно, но теперь кроме зла уже очевидно эта статья ничего произвести не может.

Ваш Л. Толстой

Статья Т. А. Кузминской неизвестна. В ней шла речь о каком-то крестьянском вопросе, связанном с переселением, и, вероятно, затрагивались местные власти.

327. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

22 августа 1886 г. Санкт-Петербург.

Ваша болезнь¹ мучит меня, бесценный Лев Николаевич. Как мне ни жаль Софьи Андреевны², но почему-то я за нее не так боюсь, как за Вас. Вы должны беречь себя. В *Апологии*³ у Платона Сократ говорит, что он не вмешивался в политические дела потому, что тогда давно бы пропал, а у него было свое дело, которое он хотел делать для пользы ближних. Так и Вы — избегайте всего, где есть опасность: у Вас есть дело, которое далеко еще до конца.

Доктор мне помог; дал мне хины и потом микстуру. Но он предсказывал, что через два дни я буду здоров, а вот уже неделя, как я на положении здорового, но чувствую, что болезнь не оставила меня. Что-то стал я хил, перестал уже вовсе рассчитывать даже на три на четыре года жизни вперед. Поэтому утих, перестал тосковать и очень тороплюсь. Я был бы совершенно доволен, если бы удалось мне написать еще книгу, последнюю, о том, как искать Бога, как все делать во славу Божию и всякое познание направлять к познанию Бога. Вы видите, замыслы высокие, но ничего никогда мне так не хотелось писать, как это. Напишу как-нибудь, торопясь, но непременно напишу. А пока — издам в эту зиму две книги: 1) *Об основных понятиях психологии и физиологии*. Я кончил наконец статью, которую Вы знаете; этот конец напечатан, но я его Вам не пошлю, а пошлю уже книгу. 2) *Спор о спиритизме*. Бутлеров умер⁴; он только тремя днями был моложе Вас. Значит наш спор кончен; а для меня он имеет огромное значение, которое я и объясню в большом введении. Эта книга — уже выход на новую дорогу, на путь мистицизма, как я его понимаю.

Не могу сказать, как меня трогает внимание Ваше и Софьи Андреевны; она пишет, что Вы нашли меня нравственно лучше прежнего. Это очень меня ободрило и укрепило; хотя я сам чувствовал, что стал спокойнее, яснее, но ведь самому себе не веришь.

Получили ли Вы мой *Лотос*? Об этом никто мне не пишет. А я удивился своему беспамятству. Как же я не вспомнил, когда Вы меня спрашивали, о таких книгах:

Körppen, Buddhismus. 2 Bde. Это превосходная книга для изучения, но уже довольно старая.

A. Barth, Religions de l'Inde, Par. 1879.

Bergaigne, La religion vedique, кажется 3 тома, Par. 1879.

Эти два автора считаются в последнее время наилучшими. И этих книг, увы! у меня нет. Веды изучать, я думаю, бесполезно. Но книга, которая у Вас непременно должна быть, это Sacred Books of the East⁵. Теперь вышло до тридцати томов, каждый том по 5 или 6 рублей. Можно выбрать. Тут есть и упанишады и буддийские сутры или сутты, есть бгаватгита и т. д. Какая прелесть! У меня, увы! только *Коран*, два тома.

Простите меня, браните меня, но никогда не сомневайтесь в моей душевной глубочайшей преданности. Дай Бог Вам благополучно выздороветь! С Вашей плодотворной душою Вы вынесете из болезни только новый подъем духовных сил. Дай Бог!

Ваш Н. Страхов

1886 г. 22 авг. Спб.

¹Толстой был тяжело болен рожистым воспалением ноги после ушиба.

²13 июля 1886 г. Страхов писал Фету из Ясной Поляны: «Софья Андреевна уже с неделю больна, надорвалась на этой косьбе, которую она принялась было делать со свойственной ей энергией и поспешностью. Она явилась в залу только вечером и потом хвалилась, что в первый день своей работы вызывала у мужиков похвалы своей красоте, а во второй — своей ловкости и силе. Мужики и говорят, что графиню сглазили и предлагают ей пить с уголька...» — см.: Яснополянский сборник (Тула, 1978), С. 333–335.

³Диалог Платона «Апология Сократа».

⁴А. М. Бутлеров умер 5 августа 1886 г.

⁵«Священные книги Востока» — серия переводов, выходившая в Оксфордском университете под редакцией профессора М. Мюллера. Всего в 1879–1924 гг. было издано 55 томов.

328. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

23 сентября 1886 г. Санкт-Петербург.

«Скажите лучше: *так Богу угодно*»¹. Помните ли, бесценный Лев Николаевич, где Вы написали эти слова? Вы написали их больше тридцати лет назад, в *Набеге*². Что же удивительного, что и через тридцать лет Вы принялись внушать всем и толковать молитву: *Да будет воля Твоя*³. И как Вы можете сказать, что прежде писали не то, что теперь? Для поправки я перечитываю Ваши писания, и опять удивляюсь, и удивляюсь больше прежнего. Меня во всем у Вас схватывает такая серьезность, такая полная правдивость, которая равняется самому чистому религиозному настроению. У Вас можно учиться любить смирение, простоту и правду и уходить от тщеславия и всякой лжи, внутренней и внешней. Вы тем и дороги, что смотрите на душу человека с этой высокой точки зрения; во всем и везде Вы показываете не одну пошлость, но и добираетесь до следов настоящего блага, вечного света, бывающего в людях. Когда чувствуешь, что у писателя эта цель никогда не выходит из мыслей, что она невидимо озаряет все, что он пишет, то чтение получает интерес, которого ни с чем сравнить нельзя. Читаю и вникаю всеми силами в этот чудесный смысл, и никогда еще я не читал Вас с таким наслаждением и поучением.

От Александра Михайловича знаю, что Вы все еще очень больны, и мне это тяжело и грустно. Сам я почти здоров и погружен больше всего в печатание своей книги, которое уже дошло до половины. Когда самолюбие очень разыграется, то приходит на ум, что за эту книгу меня следовало бы сделать доктором философии и членом Академии наук. Но по правде, я сам только хотел бы быть доволен своею книгою, и для этого, кажется, чего-то не хватает.

Софье Андреевне — усердное мое почтение, и скажите, что по первому ее слову вышлю исправленные листы — конец 2-го тома и начало 3-го⁴. Еще раз — глубоко я Вам обязан, невыразимо благодарен как писателю!

Если мне поручите просмотреть и другие томы, если работа моя годится, — рад буду всю душою! Простите

Вашего неизменного
Н. Страхова.

1886. 23 сент. Спб.

¹Ответ на неизвестное письмо Толстого.

²«Набег» (1853), Гл. XI: «Подъехал и капитан. Он пристально посмотрел на раненого, и на всегда равнодушно-холодном лице его выразилось искреннее сожаление.

— Что, дорогой мой Анатолий Иванович? — сказал он голосом, звучащим таким нежным участием, какого я не ожидал от него, — видно, так Богу угодно.

Раненый оглянулся, бледное лицо его оживилось печальной улыбкой.

— Да, вас не послушался.

— Скажите лучше: так Богу угодно, — повторил капитан».

³Матфей, 6: 10.

⁴Тома шестого издания сочинений Толстого.

329. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

18...19 октября 1886 г. Ясная Поляна.

Как вы живете, дорогой Николай Николаевич? Что ваша книга? Видно еще не кончилась печатанием; иначе бы вы прислали. Тепло ли вам, независимо от одеяла¹, на душе? Благодарю вас за письма ко мне. Вы угадали в одном из писем, что болезнь мне дает многое. Она, мне кажется, мне дала многое новое. Я много передумал и перечувствовал. Теперь всё еще примериваюсь к работе и всё еще не могу сказать, чтобы напал на такую, какую мне нужно для спокойствия — такую, чтобы поглотила меня всего. — Если нужно, то Бог даст. Благодарю за сведения о книгах. Теперь мне не нужны еще. А если бы попались вам Beal'a Лалитавистара² и Bouddha St-Hillaire³, кажется, то купите на мой счет. Как всегда, книги кажутся нужными, когда их нет, и бесполезными, когда они есть. Николай Николаевич, помогите предприятию Посредника издания научных книг. Вы можете помочь и непосредственно и посредственно, возбуждая к этой работе ваших знакомых. Как мне жаль, что нельзя поговорить с вами об этом. — Мне представляется желательным и возможным (отнюдь не легким, но даже очень трудным) составление книг, излагающих основы наук в доступной только грамотному человеку форме — учебников, так сказать, для самообучения самых даровитых и склонных к известному роду знаний людей из народа; таких книг, к[оторые] бы вызвали потребность мышления по известному предмету и дальнейшего изучения. Такими мне представляются возможными — арифметика, алгебра, геометрия, химия, физика. — Мне представляется, что изложение должно быть самое строгое и серьезное. — Не выскажу всего, что думаю об этом теперь, но рад бы был вызвать ваше мнение. Здоровье мое очень хорошо. Иногда думаю: что если бы жизнь моя не имела другого смысла, кроме моей жизни и удовольствий от нее — выздоровление было бы еще ужаснее, чем смерть. У казненного уже была петля на шее, он совсем приготовился, и вдруг петлю сняли, но не затем, чтобы простить, а чтобы казнить какой-то другой казнью. При Христовой же вере в то, что жизнь не во мне, а в служении Богу и ближнему, отсрочка эта самая радостная: жизнь, какая была, так и остается, а радость служения закону мира — Богу — в моей теперешней форме увеличивается. Прощайте, дорогой Николай Николаевич. Пишите, когда вздумается.

Ваш Л. Т.

¹Летом 1886 г. С. А. Толстая и Т. А. Кузминская связали в подарок Страху шерстяное одеяло.

²*Lalita Vistara* — санскритское произведение о жизни Будды неизвестного автора и времени, текст которого появился в Калькутте в «Bibliotheca Indica» и был переведен на французский язык М. Фуко (M. Foucaux) (Париж, 1848). О каком в данном случае переводе «*Lalita Vistara*» С. Биля (Samuel Beal) говорит Толстой, в точности установить не удалось. Возможно, он ошибся, передавая свою просьбу. Толстой пользовался сочинением Биля «*The Romantic legend of Sakia Bouddha from the Chinese-Sanskrit*» (Лондон, 1875).

³Jules Barthélemy-Saint-Hilaire (Жюль Бартеlemi-Сент-Илер), «*Le Bouddha et sa religion*» («Будда и его религия») (Париж, 1866).

330. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

2 ноября 1886 г. Санкт-Петербург.

Как меня обрадовало Ваше письмо, бесценный Лев Николаевич! И известия все хорошие, да и почерк Ваш всегда сильно на меня действует и разом напоминает множество блаженных минут, когда я получал Ваши письма. Не отвечал я Вам сейчас потому, что хотелось сперва подумать; кроме того, я опять сумел расплодить свои дела так, что мне все не достает времени. Книгу мою¹ Вы получили. Нужно теперь никого не обидеть, занести или послать ее тому, другому. А есть и такие, к которым хочется пристать: пожалуйста, прочитайте! И прежде всего, Вас прошу об этом. Вы когда-то хвалили кое-что из того, что там перепечатано.

Письмо мое перервал Афанасий Афанасьевич. Он приехал навестить своего несчастного племянника² и нашел его в ужасном состоянии — ест свой кал. С Фетом вместе приехал и Н. П. Семенов, и я чувствую, как надвигается зимний сезон, утомительный и не дающий ничего делать.

О самоучителях. Без сомнения, я всею душою готов содействовать, но как? Сам писать не могу, рассматривать чужие писания — буду очень охотно. Но прежде всего скажу вообще об этом деле.

Очень трудно мне представить самое его осуществление, то есть, какую меру сведений можно заключить в самоучители, и как эти самоучители будут действовать, то есть, читаться и пониматься, и что из всего этого выйдет. Но совершенно согласен, что изложение должно быть и просто, и вполне строго. Мысль эта, однако, уже была не раз приводима в исполнение. Существует и у нас целая литература таких книг, а за границую их еще больше. К несчастью, я вовсе не знаком с этою литературою. Но первым делом, конечно, — нужно пересмотреть эту литературу, выбрать хорошее из русского, а чего недостает — перевести. Если бы я был министром просвещения, то непременно учредил бы правильный и непрерывный перевод иностранных учебников. По тем частям, по которым я рассматриваю книги в Уч[еном] комитете, я знаю, как неизмеримо далеко иностранные учебники (ботаники, зоологии, физики и т. п.) превосходят наши, обыкновенно едва-едва терпимые. Меня ужасает эта непрерывная фабрикация плохих книг, возрастающая с каждым годом. Плохие книги есть зло, потому что мешают хорошим. Так что, если приниматься за издание новых книг, то нужно уже быть твердо

уверенным, что книги выйдут хорошие. Англичане, чтобы избежать всяких колебаний, поступают очень умно: они учат геометрии по Эвклиду, а началам механики по Ньютону. Тут в достоинстве книги нельзя сомневаться. Итак, мой совет — пересмотреть литературу. Вновь составлять книги — наверное будет меньше удачи. Если что будут переводить, то я готов обучать переводчиков, как это мне доводилось много раз. На всякие совещания также готов, лишь бы не приходилось ездить по вечерам.

Вы спрашиваете, бесценный Лев Николаевич, о моем житье. На здоровье жаловаться не могу, — давно не был так здоров. (А Усов-то³ умер! Какая жалость — так и не удалось познакомиться!). Дел внешних — никаких; дела внутренние — веду упорно в одну сторону, но медленно. Осталось мне еще издать книжку — *Спор о спиритизме*, чтобы расквитаться с прошлым. Да нужно еще написать о *Дарвинизме*⁴. Думаю все сделать к новому году. Тоска теперь реже грызет меня, и часто кажется, что уже близко состояние полной тишины и ясности. Очень радуюсь, что разные скверные чувства, которые находили на меня, почти исчезли. Боюсь самодовольства, гордости, самолюбия и стараюсь обратить их в настоящее смирение и благодушие. Но боюсь и большой возни с собою и часто стараюсь только переждать свои недостатки и терпеливо переносить дурное настроение.

Какая радость, что у Вас является новая работа! Художество, самая свободная и самая глубокая форма, в которой мы можем выражать свою душу, находится вполне в Вашей власти (жаль, что Вы не читаете моих печатных похвал Вам). В художестве мы можем притом отдаваться тем внушениям *свыше*, которых не в силах привести к сознанию и выразить отвлеченно. Как я всегда завидовал художникам, чувствуя свою шаткость и слабость! Сказать вполне то, для чего недостает мыслей, откинуть все посредствующее и постепенное и прямо выразить самую глубину своего чувства — какая бесценная способность! На эту высоту можно всегда уйти тому, кому это дано, уйти не от других, а от самого себя; тут разрешаются сами собою все загадки. Художество до сих пор заражено язычеством. Фет и Майков в моих глазах на половину, нет, больше, язычники. Но Вы, теперь, если будете писать, дадите нам христианское художество.

Простите меня, бесценный Лев Николаевич; дай Вам Бог всяких сил, и удали от Вас всякие помехи.

Софье Андреевне усердное почтение. Скажите, что я отправил продолжение корректуры по адресу в Москву, и скоро отправлю и конец. Очень меня радует доброта Графини, и не знаю, как ее и благодарить.

А что Вы скажете о моей книге? У авторов это ведь главный вопрос, и во мне он шевельнулся.

Ваш всюю душою
Н. Страхов

1886. 2 ноября.

¹Страхов Н. Н. Об основных понятиях психологии и физиологии (СПб., Типография братьев Пантелеевых, 1886). Книга имеется в Библиотеке Толстого в Ясной Поляне.

²Борисов Петр Иванович (1858–1888) — сын сестры Фета Надежды Афанасьевны и Ивана Петровича Борисова, окончил Катковский лицей в Москве, учился в Иенском университете, в 1884 г. заболел психическим расстройством и был помещен в лечебницу св. Николая в Петербурге. Фет был назначен опекуном племянника.

³Усов Сергей Алексеевич (1827–1886) — профессор Московского университета по кафедре зоологии.

⁴Статья Страхова «Полное опровержение дарвинизма» (закончена 9 декабря 1886 г.), написанная по поводу книги покойного Н. Я. Данилевского «Дарвинизм. Критическое исследование», Т. I, Ч. 1 и 2 (СПб., 1885), появилась в январской и февральской книжках «Русского вестника» за 1887 г. Перепечатана в сборнике Страхова «Борьба с Западом в нашей литературе», Кн. II, изд. 2-е (СПб., 1890).

331. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

13..14 ноября 1886 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич.

Радуюсь очень, что вы в бодром — в добром вы всегда — духе и много работаете. Мы поспелые плоды — какие ни есть, надо отваливаться и падать. Вашу книгу я, как получил, так сейчас же стал читать то, что мне было неизвестно и более всего интересно — об организмах, определении их. Нашел много нового и важного. Теперь не вспомню всего, но помню, что меня поразила мысль о том, что главное, опускаемое всегда свойство организма то, что ему не видно ни начала, ни конца, что то, что мы называем организм, есть только одно видимое нами звено, связывающее прошедшее с будущим. Мне дорога эта мысль. Ведь то же и в духовном мире, в мире сознания. Меня последнее время особенно поразила мысль, что сознание есть сила в ряду других сил мира. Сила в самом прямом смысле этого слова. Сознание движет другие сознания и приводит в известные положения другие силы, направляет их. Действие его так же инертно, как и действие других сил, и оно не может исчезнуть (если оно есть разумное сознание — разумное, потому доброе и деятельное). И точно так же, как организм есть звено, так и сознание (разумное), оно несет в себе все прошедшее того же рода и вида сознание и производит будущее, развиваясь и совершенствуясь.

Я живу очень хорошо, радостно — пишу. Написал пьесу¹ для народных театров. Все здоровы. Жена была в Крыму у умирающей матери². Завтра возвращается. Книгу еще прочту и еще напишу.

Ваш Л. Т.

Я, может быть, неправильно выразился, назвав сознание силой. Оно, очевидно, не сила в смысле физических сил, но я хочу сказать, что есть явления и законы одного рода физические (я включаю сюда и химические, и все др.), другого рода органические и 3-го рода сознательно-разумные; физические законы учреждают мертвую материю, органические — живые существа, состоящие из материи, учрежденной по законам физическим; законы разумного сознания учреждают и органические существа, составленные по законам и физическим, и органическим, и неорганическим. И последние властвуют над вторыми и первыми, и вторые властвуют над первыми, т. е. изменяют

И-22. Фотография Л. Н. Толстого с дарственной надписью Н. Н. Страхову:
«В память 15-летней дружбы Николай Николаевичу Страхову. Лев Толстой».
Фото: Шерер, Набгольц и К° (1886).

процессы низшие, давая им другие направления (хотя и подчиняясь всегда законам низших процессов, т. е. не отступая от них).

Меня главное поразила мысль, что разум, сознание не есть случайное одиночное явление, а что это есть одна из учреждающих сил мира и высшая. Простите за метафизику. Так пришлось. Книгу вашу еще почитаю.

Власть тьмы, или коготок увяз — всей птичке пропасть».

Берс Любовь Александровна умерла в Ялте 11 ноября 1886 г.

332. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

11 декабря 1886 г. Санкт-Петербург.

Вчера наконец я кончил свою статью, сегодня утром отвез ее к Каткову (он здесь), а вечером пишу к Вам, бесценный Лев Николаевич. Так меня поглощала эта работа, что я даже не совестился, что не отвечаю Вам. И теперь, когда все готово, я испытываю большое удовольствие — вижу, как *много* сработано. Не знаю, когда Вы это прочтете, — Катков обещал в первую книжку, но ведь это значит 1-го февраля! А предмет как раз подходит к тому, о чем Вы мне пишете; доказывается, что организмы суть явления некоторого *морфологического процесса*, независимого от вещественных случайностей и в существе своем разумного. Мне очень досадно, что в книге своей я все-таки не договорил своей мысли. Она полнее выражена в *Мире как целом*. Наша душевная жизнь очевидно вполне сливается с органическою. И та и другая состоят в каком-то непрерывном изменении. Как наши мысли и чувства непременно преходящи, не могут остановиться неподвижно, а, по самой своей природе, текут и обновляются, так точно происходит и органическое развитие. Нет сомнения, что одно составляет условие другого. Как-будто кто-то стремится создать самые подвижные существа, такие, что их подвижность равнялась бы течению мышления. Но, в то же время, мысль есть ведь то, что, изо всего существующего, обладает наибольшим единством и неизменяющимся от времени тожеством. Так и организм — есть нечто сосредоточенное и сохраняющее в себе все прошлое. Правы Шеллинг и Гегель, когда говорят, что в нашем сознании сознает себя то вечное духовное начало, в котором корень всего бытия. Я готов сказать, что всякая жизнь непосредственно происходит из Бога, что Бог одинаково растит и мелкую травку и душу величайшего человека. В этом росте и во всякой жизни соблюдаются известные законы, как соблюдаются неизменно и все законы физические; но это не есть стеснение, а наоборот пособие и необходимое удобство. Так человек не может подняться до 5-го этажа иначе, как шагая по лестнице, но это не значит, что лестница его стесняет, и нелепо воображать (как думают материалисты), что сама лестница есть причина, подымающая на высоту.

Конец же и цель всякого развития есть Бог, то самое, что есть и его источник. Все это у меня еще не совсем ясно, хотя крайние точки уже стали для меня совершенно незабываемыми. Все из Бога исхо-

дит и все к Богу ведет и в Боге завершается. Мы в Нем живем и движемся и существуем.

Вот, бесценный Лев Николаевич, немножко моей метафизики, и она сходится с Вашею в мысли о господствующем значении сознания. И я думаю, что сознание есть «высшая сила мира».

Живу я очень скучно. Это я недавно заметил, когда оглянулся назад и почувствовал, что, со времени возвращения в Петербург, кажется прошли годы и десятки лет. Между тем я занят непрерывно и даже с напряжением. Но душевное настроение перестало изменяться; и дома и в гостях, и за работою, и в театре оно одно и то же. Может быть это и лучше. Здоровье хромает, но не очень.

Книга моя *Об осн[овных] понятиях* имеет пока успех только у медиков; к моему удивлению, я слышал от них такие восторженные отзывы, что ими может быть довольно какое угодно самолюбие. И действительно, множество мест в книге имеют особую занимательность для тех, кто возился с анатомиею, с курсами физиологии и т. п. Афанасий Афанасьевич очень хвалит и с особенным упором передавал и Ваши похвалы.

Ваша пьеса и Ваш календарь¹ ужасно меня интересуют. Слышал от Бирюкова², которому теперь, на свободе, примусь больше помогать. Дай Вам Бог всего хорошего! Графине передайте мое глубокое почтение и простите

Вашего
Н. Страхова.

1886. 11 дек. Спб.

¹«Календарь с пословицами на 1887 год» (СПб., Издательство «Посредник», 1887) — сборник народных пословиц в сопоставлении с текстом Евангелия, составленный Толстым в форме календаря.

²Друг и биограф Толстого Павел Иванович Бирюков (1860–1931), заведовавший в это время основанным Толстым и В. Г. Чертковым издательством «Посредник».

333. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

27 января 1887 г. Санкт-Петербург.

Не будет мне покоя, бесценный Лев Николаевич, пока не напишу Вам об Вашей драме *Власть тьмы*. Я так много слышал об ней разговоров, так нетерпеливо ждал ее, так жадно слушал¹ и так много об ней думал, что мне мешала писать к Вам только моя проклятая медлительность и умение так устроиться, что времени никогда не хватает. Первый акт привел меня в совершенное восхищение; давно не испытывал я такого свежего и чистого художественного впечатления. Конечно, Ваше мастерство тотчас затмило Островского, Писемского и пр. И во всей драме, или лучше, *по* всей драме видна та же сила, правда сцен и характеров и речей, далеко превосходящая силу других писателей, всегда с трудом сочиняющих свои сцены и разговоры. Но в следующих актах интерес не развивается и не возрастает. Меня очень заняли (какая досада, что нет у меня драмы, чтобы перечитать!) только сцена свидания Никиты с Мариною², а потом с пьяною женою³. Как это ярко и полно смысла! В остальных сценах лица только верны себе, действуют так, как выступили. Два важных момента 1) когда жена признается Никите в преступлении⁴ и 2) когда он решается на публичное покаяние⁵, — эти две важные минуты происходят за сценою, так что зрителю непонятна и ненависть Никиты к жене и смысл его появления на свадьбе — в первую минуту неизвестно, что он сделает, с чем пришел. Вообще, Никита нисколько не интересен; он действует все время как угорелый, не по своему почину; его преступления не оправдываются его страстностью, или чем другим, и его покаяние не имеет силы. Как *зло увлекает* — неясно, нет изображения этого увлечения; и как в человеке просыпается и побеждает совесть — не видно или мало видно. Наконец, последняя сцена мне кажется слабою, не довольно живою и со стороны кающегося Никиты и со стороны присутствующих.

Вот, я сказал главное. Вы сами, конечно, лучше знаете, и я предлагаю Вам свою критику с большим недоверием к себе. Очень мне было странно слышать, что драму не пускают на сцену, и никак я не мог добиться толкового ответа, почему. Не каждый ли день ставятся на театре всякие преступления? Но прослушавши и подумавши, я, кажется, нашел настоящую причину. Этот ряд сцен пугает не потому, что сцены ужасны, а потому что они низменны, отвратительны, и в такой степени, которая превосходит их ужас. Вы гениальный

истер — в этом не может быть сомнения. Если Вы захотите произвести какое впечатление, то производите его неотразимо. Значит, Вы хотели этого впечатления, и ни один человек не смел и заикнуться, что Ваше изображение в чем бы то ни было неверно. Но оно не осполнено, не вознаграждено изображением того, что в душе человека живет и непобедимо среди этой грязи. Ваш Аким — прелесть. С величайшею жадностью следил я за ним и за тем, что делается под его влиянием с Никитою. Тут — тайна, тут — самая глубокая занимательность, захватывающая всех, и грубейших мужиков и вполне образованных людей. Но эта сторона у Вас слабее обработана. По амыслу, какая прелесть сцена Никиты с Мариною — когда получу драму, я прежде всего перечту эту сцену. Теперь же мне кажется, то Марина бледна, не довольно характерна, общая форма хорошей женщины.

Уж я расхотелся. — В драме, очевидно, нет цельности, нет одного зла, постепенно развязывающегося. Если Вы возьмете *Грех да беда на кого не живет* Островского — эту драму я считаю безукоризненною по постройке. Все в ней катится, увлекая зрителя, и неизбежно приходит к последнему удару. Такая постройка безмерно усиливает значение каждой сцены, каждой подробности. Много я олновался, разговаривая с разными Вашими недоброжелателями и ам раздумывая о драме. Шум и остановки, которые Вам делают, решительно не понимаю из-за чего, — приведут к одному — сделают Вам громадный успех.

Часто мне приходит горячее желание писать об Вас, и, конечно, больше всего потому, что можно будет хвалить Вас и указывать все, ему можно и следует у Вас сочувствовать. О, какая тема!

Посылаю Вам свою речь *о России и Европе*⁶ с большою просьбою о снисхождении. В 1-м № *Русского вестника* будет моя статья *о Дарвинизме*⁷. А теперь печатаю свою последнюю научную книгу: *О вечных истинах* (мой спор о спиритизме) и пришлю Вам в начале поста.

Чувствую однако, что становлюсь тяжел для добрых знакомых; гутка ли все это прочитать! И потому Вы меня можете очень тронуть, если прочтете; а прочтете, тогда уж, конечно, и скажете что-нибудь.

Простите меня, и дай Вам Бог всяких сил и всякого успеха! Гршине мое усердное почтение. Какая жалость! Так мне нездоровится, что завтра не буду у Кузминских и не буду с ними говорить о Вас!

Ваш Н. Страхов

1887. 27 янв. Спб.

¹Драма «Власть тьмы» была запрещена театральной цензурой. Друзья Толстого В. Г. Чертков и А. А. Стахович организовали чтение «Власти тьмы» в известных домах Петербурга (графини Шуваловой, княгини Паскевич, графини А. А. Толстой), чтобы популяризировать драму и добиться отмены ее цензурного запрета. А. А. Стахович читал также пьесу у министра императорского двора и уделов в присутствии Александра III. 13 января 1887 г. драма была разрешена к печати без всяких цензурных изъятий за исключением эпиграфа из Евангелия (Матфей, 5: 28, 29).

²Действие 5-ое, сцена 1-я, явление 4-е.

³Действие 5-ое, сцена 1-я, явление 9-е.

⁴Действие 4-ое, явление 12-е.

⁵Действие 5-ое, сцена 2-я, явление 2-е.

⁶О книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» — журнал «Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества» (1886, №12), С. 566–570.

⁷«Полное опровержение дарвинизма. «Дарвинизм». Критическое исследование Н. Я. Данилевского» (СПб., 1885). В Библиотеке Толстого в Ясной Поляне имеется отдельный оттиск из журнала «Русский вестник» (1887, № 1) со статьей Страхова.

334. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

Февраль 1887 г. Санкт-Петербург.

Очень виноват я перед Вами, бесценный Лев Николаевич; из усердия я поторопился, вопреки своему правилу, и с большою развязностию написал Вам свое суждение о Вашей драме. Теперь я очень сержусь и на себя, и на Стаховича¹, обманувшего меня чтением, и на всех, кто читал, слышал и не умел ничего понять прямо. Дней пять, как я получил, наконец, Вашу драму и с тех пор не могу от нее оторваться, не могу ею начитаться. Боже мой, как хорошо! Как это живо, правдиво, точно, как просто и как глубоко захватывает дело! То, что я говорил о первом акте, я скажу теперь обо всей драме — она отодвигает на задний план всех Островских², Писемских, Потехиных³. Я восхищаюсь естественностию, краткостию, характерностию каждого разговора; выбор минуты, чередование сцен, полнота всей жизненной обстановки — что за прелесть, что за совершенство!

Как глупы мне кажутся теперь речи о Шекспире⁴, о действии, о цельности и т. п.!

Да, тут нет действия. Преступления зреют постепенно и совершаются не в порыве, не в борьбе мыслей, а под прямым влиянием обстоятельств на людей с тупою совестью. Но ведь это и хорошо, это и есть правда, это и есть задача!

И какие преступления? Соблазн девушки, отравление постылого мужа, детоубийство — самые обыкновенные, самые ходячие преступления — и Вы показали нам, как они делаются, Вы первый осветили их настоящим светом. Они делаются простодушно, людьми скверными, но не злодеями во вкусе Шекспира или Вальтер-Скотта⁵.

Эта скверность принадлежит — бабам, с их похотливостью и бесовестною поблажкою всякому греху. Ваши бабы, завидующие, ссорящиеся, лукавящие и никогда не кающиеся — что это за живая и поразительная картина!

Мужики добродушны, сильны, совестливы. В Вашего Акима я просто влюблен, я вижу его, как живого, слышу его отрывистую речь, его крики — и всплакнул я не раз от этого золотаря⁶.

В том и беда наша, что с нашими понятиями о трагическом и о красоте, мы разучились смотреть на вещи просто и ищем везде или безобразия, или эффектных речей и действий. Воображаю, как будут исполнять Вашу драму! Как будут подчеркивать всякую гру-

бость, как из Матрены сделают леди Макбет⁷ и придадут демонскую ядовитость ее речам и т. д. Наделают Вам таких эффектов и страстей, что Вы не узнаете Вашего тульского народа.

Видятся мне в драме два-три пятна — но теперь я буду умнее, не буду говорить об них, пока не всмотрюсь, не вдумаюсь хорошенько. Так как я, по своим чувствам, нахожу, что драма мне очень понятна, что мне уже доступно самое важное ее содержание, то меня теперь занимает другое. Я обращаюсь к самому себе и говорю себе:

Ну вот тебе то, чего ты так желал; вот художественное создание высокой, несравненной силы. Ты вливаешься в него и не можешь досыта начитаться. Что же оно тебе дает? Что тебя занимает? Какая душевная польза от этого созерцания жизни, раскрытой до самого дна?

Дайте подумать, бесценный Лев Николаевич.

А между тем, прежде всего, простите, что так навязываюсь Вам со своими письмами. Нынешнее письмо, как Вы видите, было совершенно необходимо, кроме моего всегдашнего желания уверять Вас в неизменной моей преданности, в том, что поклоняюсь Вам глубоко.

Ваш

Н. Страхов

P. S. Графине⁸ мое усердное почтение. В драме, как она напечатана, есть недосмотры, иные грубые. Выправлю хорошенько и на всякий случай пришлю один экземпляр Графине, а другой Черткову.

¹Стахович Александр Александрович (1830–1913) — орловский помещик, актер-любитель, автор книги «Клочки воспоминаний».

²Островский Александр Николаевич (1823–1886) — драматург.

³Потехин Алексей Антипович (1829–1908) — писатель и драматург.

⁴Шекспир Вильям (William Shakespeare) (1564–1616) — великий английский драматург и поэт.

⁵Скотт Вальтер (Walter Scott) (1771–1832) — английский писатель, создатель жанра исторического романа.

⁶Аким, отец Никиты, занимается отхожим промыслом — чистит выгребные ямы. Таких людей называли *золотарями*.

⁷Леди Макбет (Lady Macbeth) — героиня трагедии В. Шекспира «Макбет» (1606).

⁸С. А. Толстая.

335. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

25...26 февраля 1887 г. Москва.

Сейчас получил вашу книгу¹, дорогой Николай Николаевич, и вспомнил, как я виноват перед вами в двух письмах. Не оттого не отвечал вам на последнее, чтобы мне совестно было отвечать на хвалящее письмо, когда не ответил на осуждающее. Мне было важно и то, и другое. Мне хотелось знать ваше мнение, особенно [потому], ч[то] я, право, решительно не знал и не знаю (прислушиваясь к толкам), хорошо ли это или дурно. С первым вашим письмом я был несогласен — мне казалось, что вы не с моей точки зрения судили, со вторым же еще менее согласен — вы придаете слишком большое значение. Мне всё, когда я слышу похвалы, думается: коли бы я знал, что это может понравиться, я бы хоть постарался это сделать получше. Вообще же на свою блевотину ворочаться боюсь — очень уж я до ней охотник. И потому уже давно отучил себя от этого — ввиду того, что это мешает работе. А мне всё хочется и весело работать. Вчера — вы удивитесь — я был в заседании психологического общества. Грот читал о свободе воли². Я слушал дебаты и прекрасно провел вечер, не без поучительности и, главное, с большим сочувствием лицам общества. Я начинаю выучиваться не сердиться на заблуждения. Много, много бы желал поговорить с вами. Коли будем живы — поговорим. Прочту непременно вновь вашу книгу. Читали ли вы книгу Бакунина³? Это чтение было для меня большая радость. Обнимаю вас. Все наши вас помнят и любят.

Л. Т.

¹Н. Н. Страхов, «О вечных истинах (Мой спор о спиритизме)» (СПб., 1887). Книга с дарственной надписью «Бесценному Льву Николаевичу Толстому от Н. Страхова» имеется в Библиотеке Толстого в Ясной Поляне.

²Толстой дважды слушал чтение Н. Я. Гротом реферата «О свободе воли»: 12 февраля в доме у Грота в Долгохамовническом переулке и 25 февраля на заседании Московского психологического общества, а в марте присутствовал на его обсуждении.

³П. А. Бакунин, «Основы веры и знания» (СПб., 1886).

336. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

2...3 марта 1887 г. Москва.

Прочел вашу книгу, дорогой Николай Николаевич, то, что не читал прежде, и очень одобрил. Как прекрасно Сократ о естественных науках¹. Какое сильное орудие невежества — книгопечатание, и эта масса книг без указания выделения того, что в книгах есть рост человеческого сознания — и что слова — и глупые часто. Ведь это читаешь, как вы умели осветить, как новое и самое, самое современное. И как несравненно хорош ваш перевод²! Ведь это ваш? Про себя скажу, что я последнее время решительно мучим последствиями моей несчастной драмы. Если бы знал, что столько это у меня отнимет времени, ни за что бы не печатал³. Чудной народ люди нашего круга! Как ни думаешь знать их, всякий день удивляют своей праздностью и неожиданностью употребления способности мысли. Вот именно как с писанной торбой. На дело боятся употребить, и болтается она у них перед ногами, бьет и их и других. А делать им, беднякам, больше нечего. До свиданья, обнимаю вас.

Л. Т.

Прекрасно и ново, и поучительно для меня значение, к[оторое] вы придаете науке.

¹Пятая глава «Вступления» в книге Страхова «О вечных истинах» называется «Сократ о естественных науках».

²Перевод приводимых Страховым выдержек из диалога Платона «Федон».

³К Толстому обращались многочисленные издатели за разрешением перепечатки драмы «Власть тьмы».

337. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

12 марта 1887 г. Санкт-Петербург.

Мой перевод, мой собственный! Эта Ваша похвала, бесценный Лев Николаевич, обрадовала меня особенно сильно. Как Вы тонко все понимаете! Не даром же я так трудился над этим переводом, стараясь передать не только прозрачное течение мысли, но и самый тон речи. Очень утешили и ободрили меня Ваши похвалы. Как самолюбивый автор, я, разумеется, страдаю от равнодушия и невнимания. Мои книжки, однако, имеют успех, который должен меня веселить. В четыре месяца какие-то 400 человек купили *Основные понятия*¹! Это для меня такой же успех, как для Вас 40.000! Но отзывы, которые случается слышать, большею частью, совершенно тупы. Вчера пришло письмо от Фета, в котором восторги и восхищения от *Вечных истин* и ни единого слова о том, почему и что ему нравится. Зато в заключение такое известие, которого до сих пор не могу переварить. Жалуюсь Вам и прошу Вашего внимания. Фет пишет:

«Часто посещавшие нас в Москве В. Соловьев и Грот, по инициативе первого, вскипели негодованием от Вашей книги, как вода кузнца от раскаленного железа, и собираются соборно писать Вам дружеские нарекания. Все, что я пишу Вам, я испросил на это разрешение Соловьева. Соловьев прямо говорит, что это лживая, лукавая книга, прикрываемая девизом — philosophari — Deum amare² — и проповедывающая чистейший материализм. Если она преднамеренно в этом смысле лукава, то тем сильнее хочется мне обнять Вас, как умницу, умеющего защитить свое чадо».

Вот мои судьи, бесценный Лев Николаевич! И все три знакомы со мною и не раз выражали, что любят меня. Стыдно Соловьеву подумать, что я лгу, да стыдно и Фету поверить такой мысли. Когда же я лгал? Зачем мне лгать на старости лет? Что за гнусность!

Не знаю теперь, что делать. Первое мое желание было — разорвать всякие отношения с ними, — так мне было обидно. Но потом я принялся думать, отчего же все это вышло? Не понимаю. Грот — мальчик, не имеющий никакой состоятельности в мыслях. Но Соловьев? Как же он не понял книги? И если он не понял, кто же ее поймет? Неужели он уже до конца во власти фанатизма, который у него иногда проглядывал?

Такого огорчения и недоумения я еще не испытывал в жизни. Не верят! Знали меня так долго и говорили, и уверяли в дружбе, — и не верят моим словам! И обнимают *за это!*

Простите меня, — я наполнил все письмо собственною своею особою. Следовало бы написать и о Вашей драме; впечатление от нее еще растет, бродит, разворачивается — и в публике, и в театральном мире и — у меня. Со временем все станет яснее.

Еще раз, простите меня. Графине мое усердное почтение.

Не забываете

Вашего неизменного

Н. Страхова.

1887. 12 марта. Спб.

¹Книга Страхова «Об основных понятиях психологии и физиологии» (СПб., 1886).

²Эпиграф к книге Страхова «О вечных истинах» — «Philosophari nihil est quam Deum amare» — «Философствование ничто иное как любовь к Богу» (лат.).

338. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому¹

14 апреля 1887 г. Санкт-Петербург.

Вот, бесценный Лев Николаевич, очень милый и сердечный человек, Фома Осипович Масарик², профессор Пражского университета по философии, моравский брат³ по духу.

Простите меня; он не будет Вам неприятен, а видеть Вас будет для него великое счастье. Он говорит по-русски и очень усердно изучает русскую литературу.

Еще раз простите Вашего неизменно [любящего]

Н. Страхова.

1887 14 апр. Спб.

P. S. Давно собираюсь писать к Вам, и скоро сделаю это, при теперешней моей свободе.

¹Публикуется впервые.

²Масарик Томаш Гарриг (Tomáš Garrigue Masaryk) (1850–1937) — профессор философии Пражского университета, впоследствии первый президент Чехословацкой республики. Гостил в Ясной Поляне 28–30 апреля 1887 г.

³*Моравские братья* (Богемские братья, Чешские братья, Община Чешских братьев) — религиозная секта в Чехии, основанная в середине 15 века последователями П. Хельчицкого. Отрицали государство, сословное и имущественное неравенство, проповедовали отказ от насильственной борьбы. После поражения Чешского восстания 1618–1620 гг. были разгромлены.

339. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

25 апреля 1887 г. Санкт-Петербург.

Сейчас только я кончил, бесценный Лев Николаевич, длинное *примирительное* письмо к Фету, примирительное и с Соловьевым, который живет у него в Воробьевке и с которым мы дважды поменялись письмами¹. Какие странные впечатления! Как мне стало до очевидности ясно, что и тот и другой не мыслят и не говорят серьезно, а в сущности только забавляются мыслями и словами. Особенно со стороны Соловьева это было для меня откровением. Понятно, что они и не могли *взять в сурьез* моих слов. Поверьте, что Соловьев спасается в свою церковь, а Фет к своим деньгам, потому что во всем остальном они не в силах уловить ничего реального. Это самые фантастические люди в мире, люди, принимающие самую свою жизнь, т. е. свои чувства и размышления, за призрак, за игру. Поэтому они так охотно сочиняют. Фет прямо говорит, что поэзия есть ложь по самому своему существу, а Соловьев думает, что ему следует писать и мыслить, только крепко держась за церковь. Тогда будет все хорошо, а без этого он вдруг теряет всякую опору. Что он мне написал! Какие чудовищные возражения! Только теперь я вполне понял (когда дошло дело до меня самого!) его высокопарность, туманность, софистичность, его твердое убеждение, что сравнение есть доказательство, а симметрия признаков безусловной истины. Поэтому он тогда только и хорош, и то на половину, когда объясняет догматы, толкует смысл церкви, вообще развивает чужое и данное. С такими людьми можно ли вести серьезный обмен мыслей? Они никак не понимают, чем я обиделся, когда они сказали, что я не думаю серьезно того, что пишу. Так и возьму их, хоть ужасно грустно, когда не с кем слова сказать. Майков² или покойный Аксаков лучше понимали меня, хотя нас разделяет множество несогласий. Бедный Майков! Он видимо стал дряхлеть; но его худое лицо и глаза, достигшие полной чистоты и прозрачности, удивительно стали прекрасны. У него хорошая старость: он все мягче и добрее и спокойно ожидает смерти.

Полонского³, на его юбилее поэт Минаев⁴ назвал *маститым юношей*; это очень верно. Юбилей был очень удачен, т. е. не шумен, а весел, теплою веселостью. Меня подбивали — написать Вам, чтобы и Вы прислали поздравление. Но мне все время было не по себе и на самый юбилей я пошел больной. Поэтому простите мне

нерасторопность; а Полонский к тому же в горе: он потерял *Ваше письмо*, которым очень дорожил и гордился.

Вчера только получил я письмо от О. А. Данилевской, где она рассказывает, как была у Вас в Москве, с большою радостью и любовью к Вам и к Графине. Как это все хорошо! Глубоко трогает меня эта женщина. Ведь она до сих пор ежеминутно *сдерживает свое отчаяние* и, как я знаю по здешнему ее житью, спать настоящим образом не может. Зовет меня в Крым, между прочим заманивая и тем, что расскажет разговоры, какие были в Москве. Про Вас она пишет, что не любить Вас невозможно.

Конечно, нужно ехать; конечно, очень жажду и с Вами повидаться, поговорить, если Бог пошлет благодать, *о жизни и смерти*, о чем Вы теперь пишете. Но май пробуду здесь, а может быть и весь июнь. Летом и осенью будет у меня большое печатание — три книги! Две — второе издание своих, а третья — новое издание *России и Европы*. Между тем готовлюсь и обдумываю — писать и свою *последнюю книгу*. Главные темы — две: сущность познания и то, как все нас приводит к Богу, и как нам от всего идти к Богу. Теперь я упростил все свои дела, имею вдоволь свободного времени, — да жаль — мало сил, очень мало. Вот уж вторую неделю не выхожу, сижу один (Стахеев уехал) и вижу в окна, как наступили красные дни, как съезжаются в Оперу⁵, с каким очевидным наслаждением гуляют здоровые люди.

На досуге я прочел L'Œuvre, Золя⁶. Очень интересный предмет, очень серьезное отношение к делу, много верных и свежих описаний — и чрезвычайно слабая работа. Лица — вовсе не изображены, а только служат вешалками для сцен, мыслей, для формулирования известных качеств и известной судьбы человека. Весь роман не стоит одной Вашей страницы.

Грот мне пишет, что лекция Тимирязева⁷ *Опровергнут ли дарвинизм?* была очень язвительна и резка против Н. Я. Данилевского и меня и кончилась стоном и ревом восторга слушателей. Наконец они говорят, но — какое оружие — публичная лекция! Нечего делать, нужно готовиться к борьбе и пошире расставить ноги.

Простите меня, бесценный Лев Николаевич. Мое усердное почтение Графине; скажите, что я треплю свое одеяло, но до сих пор мне его жалко. А не прав ли я был, когда уговаривал печатать 15.000⁸?

Всею душою Ваш
Н. Страхов

1887. 25 апр. Спб.

¹Письма Соловьева к Страхову от 9 марта и 12 апреля 1887 г. В письме от 12 апреля Соловьев писал: «Вы хорошо знаете, что Вы лично для меня милее всех спиритических quasi чертей и медиумов, перемноженных друг на друга и возведенных в степень безграмотности проф. Вагнера. Поэтому Вы не примите за личную обиду, если я сочту себя вправе отнестись к Вашей антиспиритуалистической аргументации так же, как Вы отнеслись к доводам Ваших противников. Спириты говорят: спорьте с нами на нашей почве, на почве медиумических фактов. Но вы находите эту почву нетвердой и отказываетесь на нее вступить... Вы спорите не против опыта или наблюдения, а против того, чтобы все вопросы решались безапелляционно опытом или наблюдением. Вы знаете, что вольнодумцы IV и V века, за ними французские энциклопедисты прошлого столетия, а наконец и наш неперемный Колумб всех открытых Америк Л. Н. Толстой оспаривали догмат Троицы на основании арифметики: один не три и три не один. Не в обиду Вам будь сказано, когда во имя физики Вы отрицаете чудеса, напр., безвредное падение человека с большой высоты, то Вы рассуждаете почти так же плохо, как Л. Н. Толстой... Не могу, однако, скрыть своего удивления, что Вы столь решительно признаете невеждами или дураками многочисленных лиц как богословского, так и философского сословия, коим свет современной науки отнюдь не препятствует искренне верить в предметы чудесные и супранатуральные... Я не только верю во все сверхъестественное, но, собственно говоря, только в это и верю. Клянусь четой и нечетой, с тех пор, как я стал мыслить, тяготеющая над нами вещественность всегда представлялась мне не иначе, как некий кошмар сонного человечества, которого давит домовый...» (Соловьев, С. 248–249).

²Аполлон Николаевич Майков.

³По примеру знаменитого врача С. П. Боткина Полонский пытался уклониться от празднования 50-летия своей творческой деятельности, но безуспешно. Празднование проходило 10 апреля 1887 г. в Петербурге. Торжественный обед состоялся в зале Благородного собрания, на обеде присутствовало более 150 человек гостей, читалось множество поздравительных адресов, писем и телеграмм. 22 апреля 1887 г. Полонский был принят в Гатчине императором Александром III.

⁴Минаев Дмитрий Дмитриевич (1835–1889) — поэт-сатирик, автор многочисленных пародий на стихотворения Полонского. Стихотворение, написанное к юбилею Полонского, было выдержано в совершенно иных тонах:

Твоя задумчивая муза,
Поэта нежная сестра,
Не знала темного союза
С врагами света и добра.
К призывам буйного их пира
Глуха, шла гордо за тобой
И не была у сильных мира
Ни приживалкой, ни рабой.

Чтение этого стихотворения на юбилее доставило Полонскому особенное удовольствие.

⁵Страхов жил напротив здания Мариинского оперного театра, построенного архитектором А. К. Кавосом в 1860 г. (см. прим. 5 к Письму 138 Страхова к Толстому от 3 января 1877 г.).

⁶Э. Зола, *L'Œuvre* (1886) — «Творчество» (русский перевод, 1886).

⁷Тимирязев Климент Аркадьевич (1843–1920) — выдающийся русский ученый, ботаник, продолжатель учения Дарвина и популяризатор его; основоположник учения о фотосинтезе. Своим учителем Тимирязев считал Д. И. Менделеева (например, на титульном листе статьи «Бессильная злоба антидарвиниста», направленной против Данилевского и Страхова, Тимирязев написал: «Глубокоуважаемому Дмитрию Ивановичу Менделееву от старого ученика» (Библиотека Д. И. Менделеева, I-182 10). К. А. Тимирязев приветствовал октябрьскую революцию 1917 г. и вступил в ряды членов Российской Коммунистической партии большевиков.

22 апреля 1887 г. Тимирязев прочел в Московском Политехническом музее лекцию «Опровергнут ли дарвинизм?», направленную против книги Н. Я. Данилевского «Дарвинизм» и статьи Страхова «Полное опровержение дарвинизма».

⁸Драма «Власть тьмы».

340. Л. Н. и С. А. Толстые — Н. Н. Страхову

19 мая 1887 г. Ясная Поляна.

Простите, что долго не отвечал, дорогой Николай Николаевич. — Я очень рад, что вы договорились с Соловьевым. Вы будете спокойнее. А то он вас тревожил. Нет ничего беспокойнее, как кажущаяся духовная близость, к[оторая] никогда не переходит в настоящую и к[оторая] дразнит и большей частью есть самое большое отдаление; знаете, как на кольцах для ключей: те ключи, к[оторые] у перерыва кольца, кажутся рядом, а их надо передвинуть на всё кольцо, чтобы соединить. Таково мне казалось всегда ваше отношение к Соловьеву. Трудно представить более отдаленных по умственному характеру людей, чем вы и он. — Очень благодарю вас за Масарика. Он б[ыл] и в Ясной, и я очень полюбил его. — Я всё работаю над мыслями о жизни и смерти¹ — не переставая, и всё мне становится яснее и важнее. Очень хочется знать ваше отношение к этому.

Наши все здоровы, вам кланяются и вас зовут. Я же, разумеется, очень. Полюбил я тоже Данилевскую.

Грота вы напрасно не любите. Если его сравнивать с Соловьевым, то оба одинаково легкомысленны; но Грот свободен и ищет истину везде, а Соловьев спутан и не может уже искать истины нигде, кроме (простите меня) в загаженном уголку церкви. — Соловьев талантливее, это правда, но Грот шире образован. Так мне кажется. Пожалуйста, разорвите это письмо.

Мне очень хорошо жить на свете, т. е. умирать на этом свете, и вам того же не только желаю, но требую от вас. Человек обязан быть счастливым. Если он не счастлив, то он виноват. И обязан до тех пор хлопотать над собой, пока не устранит этого неудобства или недоразумения. Неудобство главное в том, что если человек несчастлив, то не оберешься неразрешимых вопросов: и зачем я на свете, и зачем весь мир? и т. п. А если счастлив, то «покорно благодарю и вам того же желаю», вот и все вопросы. Ну, пока прощайте. Ваши книги и мысли, выраженные в них, много мне помогли в уяснении тех вопросов, к[оторыми] я занят теперь. Надеюсь, что я их не извергаю сырыми, а ассимилировал, и что вы мне скажете: на здоровье.

Ваш друг
Лев Толстой

19 мая 1887

Хотела Вам сама писать, но все не собралась, многоуважаемый и дорогой Николай Николаевич. Спасибо за Сократа, какой характерный бюст, веришь в сходство этого изображения².

Мы все Вас зовем всем сердцем и ждем как радости, но не на короткое время, а чтоб подольше пожить с нами.

Пожалуйста, будьте добры, поживите с нами.

Преданная вам
С. Толстая

¹Толстой работал над философским трактатом «О жизни», первоначально озаглавленном «О жизни и смерти».

²Вероятно, Страхов прислал С. А. Толстой копию с работы скульптора М. М. Антокольского «Умиравший Сократ» (1875). Об этой скульптуре он писал Толстой в письме от 7 апреля 1880 г. (ПТС II, С. 150). Ни в яснополянском, ни в московском доме Толстых бюста Сократа нет.

341. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

20 мая 1887 г. Санкт-Петербург.

Ваши слова не пропадают для меня даром, бесценный Лев Николаевич. Достал я из П[убличной] библиотеки книгу П. Бакунина¹ *Основы веры и знания* и принялся читать. Первые пять страниц так мне не понравились по неточности и безсвязности, что я чуть не бросил книги. *Извериться* никогда ничего другого не значит, как *потерять доверие других людей*, смысл простой, ясный, из которого ничего нельзя выжать. Читаю дальше — и мысль начинает интересоваться и захватывать меня. Я стал только думать, что у этого человека мысль и слово не совпадают, что из-за своей мысли он не видит слов и потому хватается их без хорошего разбора, и, сам это чувствуя, набирает их побольше — для ясности. Читателю, таким образом, приходится из-за слов автора разглядывать его мысль, переводить его смутную речь на ясную. Но чем дальше я читал, тем больше меня увлекало содержание; я пришел в совершенное восхищение и нашел много мест, где прекрасные мысли и выражены прекрасно, с воодушевлением и точно. Это они, мои любезные идеалисты, Фихте, Шеллинг, и величайший из них Гегель! Но автор обратил их мысли и их диалектику в свою плоть и кровь, и пишет с полной свободой и твердостью и воодушевлением самостоятельной мысли. Высота и глубина мысли бесподобные, и сам вдруг подымаешься как на крыльях. Все, что говорится об отношении человека к Богу — удивительно хорошо, да и часто чудесно сказано. Пришлось мне быть на Невском, я зашел в магазин и купил книгу, чтобы не расставаться с нею. Однако, я стал чувствовать, что, читая, теряю нить рассуждения. Должно быть, я слишком бегу, подумал я, и внимательно прочел оглавление, чтобы убедить себя, что автор имел в виду правильный порядок и последовательность. К удивлению, впечатление путаницы с середины книги все усиливалось, две главы, об эстетике и об этике, совершенно обманули мое любопытство. Я на них смотрел заранее с большою жадностью, потому что ведь это насущные, ежедневные, практические вопросы; досадно было так мало найти. Потом раздосадовали меня особенно двадцать страниц (297–320), на которых очень слабо доказывается, что есть вещи, для человека непонятные. Тема важная; но ведь нужно найти *границу* понятного и непонятного, так чтобы потом уметь ставить вещи по ту или по другую сторону этой границы. Ничего такого тут нет, и все

рассуждение ничем не оканчивается. Немножко утешили меня удивительные страницы о смерти, в конце книги.

Теперь очарование мое рассеялось, и я с грустью смотрю на эту книгу, давшую мне столько глубокого наслаждения. Какое великое было бы дело, если бы эти самые мысли были действительно *изложены* и действительно *приложены*! У Бакунина есть в огромных размерах тот самый недостаток, который произвел падение и забвение немецкого идеализма. Книга сияет мыслью, — а кто ее поймет? Она писана с глубоким воодушевлением — а кто ее будет читать? От этого настоящего не останется никакого прошедшего — скажу я выражением автора.

Есть в книге и прямое возражение против Вас, на стр. 297 с первой строчки. А дальше выражено все бессилие философии автора:

«Нет правил для нравственных поступков человека; нравственный человек нравственен только по вдохновению свыше».

Поэтому сегодня, по вдохновению, можно предавать себя на смерть и сожжение; а завтра, по новому вдохновению, можно убивать и сожигать других. Так и понял это Михаил Бакунин², и везде старался подбивать к убийствам и поджогам. Это — та самая черта гегельянства, которая оттолкнула меня когда-то от этой философии.

Когда теряется разграничительная черта между добром и злом, весь вкус жизни пропадает и исчезает всякий интерес мышления. Можно признать, что злодей *бессознательно* повиновался некоторому нравственному побуждению; но сознательное злодейство никогда не будет нравственным поступком.

Не упрекнете ли Вы меня в педантизме? Я сам себя часто в нем упрекаю и стараюсь поддаваться ему лишь настолько, насколько он прав. Книгу П. Бакунина возьму с собой на летнюю поездку и непременно *сниму с нее пенки*, как кто-то выразился, смеясь над моими цитатами.

Но сейчас нужно ехать за *Русск[ой] мыслью*, май, где статья Тимирязева против Н. Я. Данилевского. И нужно вчитаться и писать опровержение. Когда так ясно, что именно следует делать, я всегда очень доволен. Лишь бы не довелось жить, «изнывая пустым призраком», как выражается П. Бакунин.

Вы видели Масарика? Он мне истинно понравился; но, вероятно, Вы узнали его до корня, как не узнать мне, слепому человеку.

Простите меня. Дай Вам Бог всего, что хорошо для тела и души.

Ваш неизменно преданный и любящий

Н. Страхов

1887 г. 20 мая. СПб.

¹Бакунин Павел Александрович (1820–1900) — философ и публицист, брат М. А. Бакунина. Его книга была издана в Петербурге в 1886 г. В письме к В. В. Розанову от 18 мая 1888 г. Страхов писал: «...Недавно он [П. А. Бакунин] захотел познакомиться со мной, но мы виделись только один раз. Крепкий старик, еще с чернеющими волосами, лет 70-ти. Он мне сказал, что его книга дурно написана (что совершенно справедливо), что он сам иногда не может добраться, какая мысль внушила ему слова и фразы, напечатанные в его книге. «Я себя испортил, — говорит он, — я писал для себя и позволял себе самые странные выражения своих мыслей» — В. В. Розанов. Литературные изгнанники. Т. I (СПб.), С. 131 (далее: Розанов).

²Бакунин Михаил Александрович (1814–1876) — революционер, философ, публицист; с 1861 г. — эмигрант. См.: Н. М. Пирумова, «Толстой и семья Бакуниных» в книге: Л. Н. Толстой и русская литературно-общественная мысль (Л-д, 1979).

342. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

4 июня 1887 г. Санкт-Петербург.

Никогда в жизни не получал я более лестного письма, как Ваше письмо, бесценный Лев Николаевич, от 21 мая¹. Вы пишете, что мои мысли и книги *много помогли Вам* — это мне такая награда, похвала, гордость, что выше и быть не может.

Но главное мне не в гордости, с которою я постоянно борюсь, а в том, что я безусловно верю Вашему гениальному нравственному чув-
тью и что Ваш отзыв позволяет мне думать, что я тружусь в чистом направлении и с чистым сердцем. Тогда все хорошо, а остальное пусть будет как Богу угодно.

Ваше *требование*, чтобы я был счастлив, признаю вполне, и это удивительно сошлось с моими мыслями. Впрочем, я теперь не имею никакого предлога для жалоб, и мое малодушие очень редко напоминает мне о себе. С апреля месяца я так свободен, как никогда не бывал; а я всего больше мучился подневольною работою, которая поглощает время и не дает думать. Часто я хвалю себя за то, что распорядился так умно, отказался от лишних занятий.

На свободе я думал было писать, и оттого так долго сижу здесь. Однако, писание не пошло, потому что казалось нужным прочесть сперва то и другое, и чтение меня затянуло. Все-таки я доволен — яснее и яснее вижу предмет. Теперь — задал себе тем на все лето, а кроме того, нужно сделать три важные вещи: 1) вникнуть в то, что Вы написали о жизни и смерти — жду не дождусь свидания с Вами. 2) Перечесть и распутать книгу Бакунина. 3) Изучить статью *Тимирязева* и отвечать ему. Она очень слаба — видно, что он наскочил на книгу Данилевского с большою самоуверенностью; но дело оказалось не так легко, — он оборвался. Статья и сохраняет в себе обе черты: тон презадорный, а в доказательствах — вялость.

О Соловьеве и о Гроде — слишком долго писать; в главном Вы совершенно правы, и у нас уже началась дружба с Гротом², пока на переписке. Но жаль, что долго еще ждать случая увидиться с ним.

Теперь о моих планах. Всею душою благодарю Графиню и Вас за приглашение; но дела так расположились, что мне нельзя будет *пожить* в Ясной Поляне. По всем расчетам дело будет так: выеду отсюда недели через три в двадцатых числах и прямо к Вам, дней на пять на шесть; потом уеду в Крым, в Киев, в Воробьевку и в августе в двадцатых числах буду опять у Вас, на недельку. Очень меня сму-

щают эти большие переезды, хоть в последнее время я чувствую себя так хорошо, как давно не чувствовал. Но что же делать! В Крым непременно нужно, и не на короткое время, а Киев и Воробьевка по дороге.

Простите меня. Еще раз всем сердцем благодарю Вас и за внимание и за участие. Прошу Вас верить моей всегдашней, неизменной любви. Дай Бог только в добрый час свидеться!

Перед приездом напишу Вам. Сердечное почтение Графине и Татьяне Андреевне.

Ваш
Н. Страхов

1887. 4 июня. Спб.

¹См. Письмо 340 Толстого к Страхову от 19 мая 1887 г. Страхов датирует его по почтовому штемпелю.

²5 писем Страхова к Н. Я. Гроту за 1887–1895 гг. опубликованы в книге «Н. Я. Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей» (СПб., 1911), С. 236–260. В записке к Гроту от 31 марта 1887 г. Толстой пишет: «Адрес Страхова: Публичная библиотека. С ним человеку серьезному нельзя расходиться» (ПСС, Т. 64, С. 31).

343. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

27 июля 1887 г. Мшатка.

Мшатка, 27-го июля 1887 г.

Давно пора писать к Вам, бесценный Лев Николаевич; но до сих пор стояла такая жара, что я был в состоянии делать только одно дело, — дочитывать *Войну и мир*. Это дело я, однако же делал серьезнейшим образом и с величайшим, неожиданно огромным наслаждением. Удивительная глубина и правда были для меня удивительнее прежнего, и очень огорчали меня те места, где тон понижается и проступает что-то менее серьезное. Этих мест я прежде не замечал. Но общая высота взгляда — несравненная, поразительная. Если бы я теперь писал свои статьи о Вас, то написал бы иначе. Я не видал тогда, что Вы уже тогда выступили мыслителем и нравоучителем, с полным мировоззрением, — так точно, как выступаете теперь. Если Вы давно не читали *Войны и мира*, то убедительно прошу и советую Вам — перечтите внимательно это первое полное выражение стремлений всей Вашей души; Вы увидите, что в сущности они те же, что и теперь, и выражены часто с бесподобною силою и ясностью. Вы вывели на сцену целую толпу людей религиозных, вы показали, как растет и живет в душе религия, и какую силу она дает людям. Несравненная книга! До сих пор я не умел ценить ее как следует, да и Вы не умеете — так мне кажется.

Здесь все благополучно. Ольга Александровна¹ не жалуется на упадок здоровья, но этот упадок мне очень заметен; а жалуется она на апатию, на равнодушие ко всему. По-прежнему я захожу вечером в кипарисный зал, и мы вместе уходим и долго бредем по саду. Дети очень милы и резвятся с увлечением; к числу детей я отношу и 18-летнюю Вареньку² и 22-летнего студента-репетитора. Меня принялись усердно лечить от старости; каждый день я купался в море, выпивал по две бутылки кефиру и по 20 капель кокаину³. Но, кажется, все придется бросить, потому что появился зуд и прыщи на лице — очевидный избыток здоровья.

Жары я перенес довольно легко, а теперь стоит прохлада, т. е. 20° в полдень.

Три дни назад пришло известие о смерти Каткова⁴. Хотя я все больше и больше привыкаю и к тому, что все мгновенно и проходит, и к тому, чтобы не думать вовсе о так называемых *внутренних* и

внешних делах, но тут невольно задумался. Эта смерть почти равняется перемене царствования. Многое зашатается. Благодаря Каткову деятельность правительства имеет постоянно вид твердости, энергии, последовательности; но, в сущности, я всегда удивлялся, как не замечает Катков, что его страстное вмешательство в дела не ведет ни к чему хорошему. Это был самый нелогический, и потому самый решительный и самый красноречивый человек. Польское восстание и начало *Моск[овских] ведомостей*⁵ совпадают: 1863 г. И с тех самых пор наши дела идут хуже и хуже. Между тем, он, возбужденный своею удачею в Польском деле, работал неугомонно⁶, и сколько раз он громко и торжественно возвещал: наконец мы на прямом пути, наконец все идет прекрасно! Вы правы, Лев Николаевич, — люди — марионетки, которыми кто-то двигает, и они только воображают, что сами двигаются.

Простите, бесценный Лев Николаевич! Через неделю трогаюсь отсюда в Киев, а там к Фету, а на закуску к Вам заеду на несколько дней. У Фета я пробыл два дня⁷, но расскажу Вам уже все вместе, когда побываю там во второй раз. Дай Бог Вам всего хорошего! Графине и Татьяне Андреевне мое усердное почтение, и поклон всем, кто меня помнит.

От всей души Ваш неизменно любящий

Н. Страхов

P. S. Забыл написать Вам и Софье Андреевне усердный поклон от Ольги Александровны. Разумеется, не проходит здесь дня, чтобы не вспоминали и не рассуждали об Вас, и хоть Вас понимают часто в разных местах России, Европы и Америки, но едва ли где с такою любовью, как в Мшатке.

¹Ольга Александровна Данилевская.

²Варвара Николаевна Данилевская.

³Кокаин — алколоид листьев растения кокаиновый куст. Применялся в медицине в порошках и растворах для поверхностного обезболивания. При всасывании вызывает возбуждение, а затем угнетение нервной системы. При бесконтрольном повторном применении кокаина может развиваться болезненное пристрастие — кокаинизм. В 1880-х годах этот эффект от применения кокаина еще не был изучен, кокаин принимали как обычное лекарство.

⁴М. Н. Катков скончался после долгой болезни в своем подмосковном имении — селе Знаменском Подольского уезда, 20 июля 1887 г.

⁵В 1862 г. Совет Московского университета удовлетворил ходатайство М. Н. Каткова и П. М. Любимова о передаче им в аренду газеты «Московские ведомости», основанной Университетом в 1756 г. С 1863 г. Катков стал редактором газеты, автором большинства ее передовых статей.

Статьи Каткова, опубликованные в «Московских ведомостях», были в дальнейшем изданы в книге: Собрание статей по польскому вопросу. 1863 год, в. 1-2, 1864 год, в. 3 (М-ва, 1887).

В письме к Великому князю Константину Константиновичу от 6 июля 1887 г. Фет сообщал: «Страхов ... улучил время для просмотра сорока пяти моих стихотворений, предназначенных осенью к напечатанью отдельным третьим выпуском «Вечерних Огней». При этом он был так строг, что вынудил во многих местах Соловьева [В. С. Соловьева, см. ниже] заступиться за меня, грешного. Конечно, между ними происходили ученые споры по поводу философских мировоззрений, споры, в которых я принимал весьма скромное участие, но так как, по случаю пересмотра моих стихотворений, мы невольно попадали в столь близкий нам всем трем круг поэзии, то в этом случае с критической стороны у нас ни разу не проявлялось ни малейшего разногласия, и все время прошло в блаженных указаниях на особенно выдающиеся красоты великих мастеров поэзии.» — см.: К. Р. Избранная переписка (СПб., 1999), С. 248.

344. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

20 августа 1887 г. Воробьевка.

Воробьевка, 20 августа

Пишу к Вам, бесценный Лев Николаевич, наскоро, только для того, чтобы сказать, что 23-го, в воскресенье, явлюсь к Вам в Ясную. Думаю выйти в Ясенках и нанять кого-нибудь подвезти меня: так будет спокойнее и для Вас и для меня.

Собою я очень недоволен; все время ничего не делал, и часто мучительно тосковал по работе; боюсь, что, пожалуй, наводил тоску и на тех добрых людей, которые были мне так рады. Слава Богу, я здоров, и нужно будет хорошенько загладить мое бездействие в Петербурге. Здесь все еще гостит Соловьев¹, и хотя все трое² мы не согласны между собою, но живем мирно. Один день я пробыл в Одессе и десять дней у родных в Киеве. Откладываю рассказы до свидания, к которому стремлюсь всею душою. Графине мое усердное почтение, и всем усердно кланяюсь.

Ваш неизменный

Н. Страхов

¹В. С. Соловьев жил в имении Фета с конца апреля до 22 сентября 1887 г. Вместе с Фетом он переводил «Энеиду» Вергилия (шестая книга была переведена общими силами, седьмая, девятая и десятая — одним Соловьевым). В то же время Соловьев работал над сочинением «La Russie et l'Église universelle» — «Россия и Вселенская Церковь» (фр.).

²Т. е. Фет, Страхов и Соловьев.

345. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

13 сентября 1887 г. Санкт-Петербург.

13-го сент. Спб.

Вчера получил я экземпляр Ваших сочинений¹, бесценный Лев Николаевич, и совесть стала так грызть меня, что принимаюсь писать к Вам. Много, много виноват я перед Вами, перед Софьей Андреевною. Хочу покаяться перед Вами. Все это время, весну и лето, я чувствовал себя таким дурным, что готов был у всех просить прощения, готов был ото всех убежать куда-нибудь. Меня давила непобедимая тяжесть. Таким я был и у Вас, таким вернулся и в Петербург. Вы справедливо запрещаете тосковать, и я знаю, в таких случаях, что душа моя болеет от своей нечистоты. Но, кажется, тут есть и что-то физическое. Все время я полнею, и платье стало мне узко. Всеми силами я стараюсь меньше копать с собой и меньше занимать собою других; но это не всегда удается, и я должен просить прощения и за свою деревянность в Ясной Поляне и за свои теперешние излияния.

В Москве я видел много народу: Цертелева, Ивакина, Николая Федоровича², Иванцова-Платонова и других, менее Вам интересных. Ото всех на меня пахло чем-то старым и не обещающим ничего нового. Каков сам человек, такими кажутся ему люди. Николай Федорович и Иванцов твердили то, что я уже слышал. Порадовался я на неизменную живость и бодрость Николая Федоровича и на истинно блистательные зубы Иванцова. В этот раз, мне кажется, я понял Иванцова: он, очевидно, действовать не хочет, не считает себя призванным писать и решать.

Он стоит в стороне, умно и тонко наблюдая все, что делается, и спокойно надеясь, что *дело Божие* не может не сделаться. Его мысли о Вашей деятельности, о ее важности и пользе — очень приятно было мне услышать.

В Петербурге я сначала погрузился в полное уединение и это было мне, я думаю, полезно. В моем душевном состоянии еще лучше было бы, если бы я умел бить поклоны и по нескольку часов стоять на молитве.

Однако, понемногу начал я свои работы, и все они теперь в ходу, и чтение, и печатание и писание. С нетерпением жду появления Ва-

шей книги³; хотелось бы перечесть те чудесные страницы, которые я читал в Ясной Поляне.

Пойду в *Новое время* и скажу, что напишу им разбор, чтобы никому другому не давали. Эта книга и вообще Ваши последние писания — вот тема, которая может одушевить меня. Мне хочется взять их с той стороны, с которой никто не смеет осуждать Вас, хочется поставить их как огромный поворот в литературе и в самой нашей жизни.

А до тех пор, сделаю и ту работу, которую обещал Графине: выборку из Ваших сочинений для школьного их издания. Хорошо было бы, если бы Графиня сговорила для этого с Поливановым⁴. Он совершенный мастер этого дела. Тогда моя выборка могла бы помочь ему, подсказать в чем-нибудь или поправить.

Простите меня, бесценный Лев Николаевич. Дай Вам Бог здоровья и душевной силы. Если Стасов⁵ досадил Графине, то прошу у нее извинения, что подал к этому повод. Но не думаю, чтобы досадил; я очень его люблю, не смотря ни на что. К несчастью только нельзя с ним разговаривать, а можно лишь слушать.

Ваш сердечно и неизменно преданный

Н. Страхов

¹Шестое издание.

²Н. Ф. Федоров.

³«О жизни» — трактат, над которым Толстой работал в 1886–1887 гг.

⁴Поливанов Лев Иванович (1838–1899) — литературовед, педагог, основатель и директор частной гимназии в Москве. В гимназии Поливанова учились сыновья Толстого — Илья, Лев, Михаил.

⁵См. ниже.

346. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страху

15...16 октября 1887 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич!

Я в большом волнении. — Я был нездоров простудой эти несколько дней и, не будучи в силах писать, читал и прочел в 1-й раз Критику практического разума Канта¹. Пожалуйста, ответьте мне: читали ли вы ее? когда? и поразила ли она вас?

Я лет 25 тому назад поверил этому талантливому пачкуну Шопенгауеру*² и прочел Кр[итику] спекуляти[чного] разума³ (к[оторая] есть ничто иное, как введение полемическое с Юмом⁴ к изложению его основных взглядов в Кр[итике] пр[актического] разума) и так и поверил, что старик заврался, и что центр тяжести его — отрицание. Я и жил 20 лет в таком убеждении, и никогда ничто не навело меня на мысль заглянуть в самую книгу. Ведь такое отношение к Канту всё равно, что принять леса вокруг здания за здание. Моя ли это личная ошибка или общая? Мне кажется, что есть тут общая ошибка. Я нарочно посмотрел историю философии Вебера⁵, к[оторая] у меня случилась, и увидел, что Г. Вебер не одобряет того основного положения, к к[оторому] пришел Кант, что наша свобода, определяемая нравственными законами, и есть вещь сама в себе (т. е. сама жизнь), и видит в нем только повод для элукubrаций Фихте, Шеллинга и Гегеля и всю заслугу видит в Кр[итике] чистого разума, т. е. не видит совсем храма, к[оторый] построен на расчищенном месте, а видит только расчищенное место, весьма удобное для гимнастических упражнений. Грот, доктор философ[ии], пишет реферат о свободе воли, цитирует каких-то Рибо⁶ и др., определения которых представляют турнир бессмыслиц и противоречий, и Кантовское определение игнорируется, и мы слушаем и толкуем, открывая открытую Америку. Если не случится среди нашего мира возрождения наук и искусств через выделение жемчуга из навоза, мы так и потонем в нашем нужнике невежественного многокнижия и многозаучиванья подряд.

Напишите мне, пожалуйста, ваше мнение об этом и ответы на мои вопросы.

Давно не знаем ничего про вас. Даже и Кузминские⁷ не пишут. А то напишут: обедал Н[иколай] Н[иколаевич], и я рад, что знаю, что вы живы, здоровы. Надеюсь, что ваше хорошее мрачное распо-

ложение, о к[отором] вы писали в последнем письме, прошло и что вы подвинули свои не к слову только, а истинно очень интересующие меня работы. Я называю хорошим то расположение, к[оторое] усмотрел из вашего письма, п[отому], ч[то] по себе судя, знаю, что таковое предшествует напряжению деятельности. Дай вам Бог ее. Я живу хорошо, очень хорошо. Корректуры⁸ мне не присылают, а их держит Грот. Я начал было новую работу⁹, да вот уже недели две не подвигаюсь. С работой лучше, но и так хорошо. Не смей быть ничем иным, как счастливым, благодарным и радостным, с успехом иногда повторяю себе. И очень рад, что вы с этим согласны. Прощайте пока, дружески обнимаю вас.

Л. Т.

Еще сильное впечатление у меня б[ыло], подобное Канту — недели три тому назад при перечитывании в 3-й раз в моей жизни переписки Гоголя¹⁰. Ведь я опять относительно значения истинного искусства открываю Америку, открытую Гоголем 35 лет тому назад. Значение писателя вообще определено там (письмо его к Языко[ву]¹¹, 29) так, что лучше сказать нельзя. Да и вся переписка (если исключить немногое частное) полна самых существенных, глубоких мыслей. Великий мастер своего дела увидел возможность лучшего делания, увидел недостатки своих работ, указал их и доказал искренность своего убеждения и показал хоть не образцы, но программу того, что можно и должно делать, и толпа, не понимавшая никогда смысла делаемых предметов и достоинства их, найдя бойкого представителя своей низменной точки зрения, заготовила, и 35 лет лежит под спудом в высшей степени трогательное и значительное житие и поучения подвижника нашего цеха, нашего русского Паскаля. Тот понял несвойственное место, к[оторое] в его сознании занимала наука, а этот — искусство. Но того поняли, выделив то истинное и вечное, к[оторое] б[ыло] в нем, а нашего смешали раз¹² с грязью, так он и лежит, а мы-то над ним проделываем 30 лет ту самую работу, бессмысленность к[оторой] он так ясно показал и словами и делами. Я мечтаю издать выбранные места из Переписки в Посреднике, с биографией¹³. Это будет чудесное житие для народа. Хоть они поймут. Есть ли биография Гоголя?

¹⁰И. Кант. Критика практического разума (1788).

*Примечание Л. Н. Толстого: На днях прочел его биографию русскую.

¹²На протяжении почти всей своей жизни Толстой проявлял исключительный интерес к философской системе Шопенгауэра; в его библиотеке широко представлены труды философа, и в некоторых из них («Мир как воля и представление», «О религии») имеются пометы Толстого. Изречения Шо-

пенгауэра включены в сборники «Круг чтения», «На каждый день», «Путь жизни». В данном письме, вероятно, речь идет о сочинении «Критика Кантовской философии» — приложении к главному труду А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление».

В Библиотеке Толстого в Ясной Поляне имеется книга: В. Штейн. Артур Шопенгауэр как человек и мыслитель. (1788–1860). Опыт биографии. Т. I (СПб., 1887).

³«Критика чистого спекулятивного разума» (1781), первое издание.

⁴Юм Дэвид (David Hume) (1711–1776) — шотландский философ. Его основные труды: «Трактат о человеческой природе» (1739–1740) и «Исследование человеческого разума» (1748).

⁵Вебер Георг (Georg Weber) (1808–1888) — немецкий историк, много занимался историей философии.

⁶Рибо Теодюль Арман (Théodule Armand Ribot) (1839–1916) — французский философ и психолог, родоначальник экспериментальных исследований высших психических процессов во Франции.

⁷Т. А. и А. М. Кузминские.

⁸Корректуры книги «О жизни».

⁹Повесть «Крейцерова соната».

¹⁰Н. В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями (1847).

¹¹Языков Николай Михайлович (1803–1846/47) — русский поэт, друг А. С. Пушкина. В письме к Языкову от 5 мая н. с. 1846 г. из Рима Гоголь, разбирая очерк М. П. Погодина о Карамзине, писал: «...Карамзин ... показал первый, <что> звание писателя стоит того, чтобы для него пожертвовать всем, что в России писатель может быть вполне независим, и если он уже весь исполнен любви к благу, первенствующей во всем его организ-
<ме> и во всех его поступках, то ему можно все сказать...» — Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений. Т. XIII. Письма 1846–1847 (Издательство Академии наук СССР, 1952), С. 61. Отрывок из этого письма входит в «Выбранные места из переписки с друзьями» под заглавием «Карамзин».

¹²Толстой имеет в виду письмо В. Г. Белинского к Гоголю по поводу «Выбранных мест», написанное 1–3 июля 1847 г., опубликованное впервые в альманахе А. И. Герцена «Полярная звезда на 1855», под названием «Ответ В. Белинского [Гоголю]».

¹³Книга эта под названием «Николай Васильевич Гоголь, как учитель жизни» вышла в «Посреднике» (1888); письма были отобраны А. И. Орловым и весь состав просмотрен Толстым.

347. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

Октябрь-ноябрь 1887 г. Санкт-Петербург.

Какое чудесное письмо Вы мне прислали, бесценный Лев Николаевич! Я так и вижу тот пламень, который в Вас горит и светит. И всем сердцем я готов отозваться на обе темы Вашего письма. 1) О Канте. Должен признаться, что *Критики Практ[ического] разума* я не читал, но знаю ее содержание по чужим изложениям, напр[имер], по подробному изложению у Куно Фишера¹. Тот поворот, который тут делает Кант, конечно, важен в высшей степени; но обыкновенно, как Вы и пишете, его оставляют без внимания. Скажу Вам еще более: у Фихте и Шеллинга этот самый поворот выразился еще резче; но обыкновенно об этом рассказывают как об упадке, различают у этих философов два периода, и сочинения второго периода считаются не важными, ничего не вносящими в науку. У одного Гегеля нельзя было различить двух периодов: слишком цельный был ум; но его вообще рассматривают, как пантеиста чуть не в материалистическом духе, тогда как он есть чистейший *мистик* и совпадает с Баадером², Мейстером Экгардом³, Ангелом Силезским⁴ и т. п. Это одно из самых удивительных и самых ясных явлений: все эти философы приходили к самой чистой форме религии и проповедывали эту форму. Но эта проповедь осталась бесплодною, не нашла никакого отзыва и почти не упоминается в истории философии. Я давно ношусь с мыслью написать эти свои сближения, напр[имер], показать, что Гегель и Спиноза были мистики, и что мистика есть нечто, не смутное и неопределенное, как всегда понимают, а, напротив, самое ясное и чистое, так что к ней приходит всякое строгое мышление. Ваша книга *О жизни и смерти* имеет, напр[имер], ту же тему и то же направление, как Фихте *Anweisung zum seligen Leben und Bestimmung des Menschen*⁵. Несколько лет тому назад Вл. Соловьев прямо мне говорил, что Вы проповедуете то же, что Фихте, — тут есть доля правды. Меня самого иногда пугают эти сближения, представляющиеся мне во множестве; очевидно, нужно хорошенько поработать, чтобы установить самое *основание* сближений; тогда будет ясно, что подходит под данное понятие и что нет. Но для европейской публики все эти мысли были совершенно чужды, и она не видела ни их важности, ни их сходства между собою. Мистика есть ни что иное, как *чистая религия*, и это видно по двум ее признакам: во-первых для мистиков все религии равны, т. е. они признают, что в

каждой из них человек может приходить в соединение с Богом; во-вторых, для мистиков обряды и всякая внешность не имеет важности, почему господствующие церкви всегда видели здесь нечестие и гнали мистиков, сами же мистики обыкновенно не хотели даже покидать свою церковь: они уважали в ней внутреннее, а она требовала, чтобы они уважали внешнее. От Платона и до Гегеля я нахожу у философов то же стремление, как у мистиков, и никто так часто прямо на них не ссылается, как Гегель. Весь вопрос поэтому: отчего же происходит недоразумение, непонимание? Шопенгауэр хорошо отвечал: потому что ум заправляется волею, нашими желаниями. Религии нельзя научиться, ее можно только выжить, приобрести жизнью. А человеческий ум так загроможден своими собственными построениями, что немецкие философы, как ни работали, не пробились сквозь них, да, кажется, сами же подбавили новых построений.

Как меня восхитило Ваше слово: *Не сметь быть ничем иным, как счастливым, благодарным и радостным*. Точно прямо у меня из души!

Или, когда Вы боитесь, что мы *потонем в нашем нужнике невежественного многокнижия и многозаучивания подряд*. Тонут, действительно тонут! Прибавьте только — шаблонного многокнижия и бессмысленного многозаучивания.

2) *О Гоголе*. Ваши мысли поразили меня. Я не читал его писем и уверен, что когда Вы сделаете выборку и объясните общую мысль, то нельзя будет не согласиться с Вами. Действительно, там должны быть сокровища. Русский Паскаль — да, это должно быть верно. Биография Гоголя есть, написана *Кулишом* и во втором издании составляет 2 тома. Кроме того, очень полезны Вам будут две книжки *Шенрока*⁶: 1) *Указатель* к письмам Гоголя и 2) *Ученические годы Гоголя* — недавно только вышли. Сам я ничего этого не читал, хотя Гоголь для меня один из самых удивительных писателей.

Послал я Вам свои два *вторые* издания⁷. Особенно прошу Вашего внимания к статье *Историки без принципов*. И еще — взгляните в *Борьбе с Зап[адом]* на страницы 66, 67. Тут дело идет о двух сторонах в философии; я только не знал тогда, как важна другая, практическая сторона; но она осталась в тени, очевидно, от преобладания теоретической. В *Критич[еских] статьях* взгляните, прошу Вас, на стр. 126 и 127, и сделайте милость, прочтите последнюю статью, со стр. 458-й⁸. Тут мои задушевнейшие мысли.

В настоящую минуту я с головой погружен в свою статью *Всегдашняя ошибка дарвинистов*, возражение Тимирязеву. Надеюсь, что будет недурно, но трудно следить за чужими мыслями, притом бестолковыми. Вы правы — я опять чувствую себя бодрым и готов работать без конца. Недавно познакомился с Репиным⁹. Какой симпатичнейший человек! Редко кто делал на меня такое милое впечат-

ление. Он и Стасову поддается, очевидно, только, чтобы не огорчить его.

Простите меня, бесценный Лев Николаевич! Когда освобожусь, напишу Вам что-нибудь лучше нынешнего маранья.

Всей душою Ваш
Н. Страхов

Графине мое усердное почтение; я кругом виноват — меня так захватил Тимирязев, что как ни бьюсь, не выберу времени для обещанной работы. Пишу к сроку, в ноябрьскую книжку. Но освобожусь и все сделаю.

¹Фишер Куно (Kuno Fischer) (1824–1907) — профессор Гейдельбергского университета, историк философии, автор десяти томной «Geschichte der neuern Philosophie» («История новой философии»), выходявшей в течение сорока лет (1852–1893). Шопенгауэру посвящен Т. IX этого труда.

²Баадер Франц Ксавер фон (Franz Xavier von Baader) (1765–1841) — немецкий религиозный философ, врач, естествоиспытатель.

³Экхарт Иоганн (Meister Johann Eckhart) (ок. 1260–1327) — немецкий мистик, доминиканец, проповедовал на немецком языке. В 1329 г. папской буллой многие тезисы Экхарта объявлены еретическими.

⁴Ангелус Силезиус (Angelus Silesius) — псевдоним И. Шеффлера (Johannes Scheffler) (1624–1677) — немецкий поэт и врач. Самая известная его книга изречений в стихах — «Cherubimischer Wandersmann» («Херувимский странник») (1675).

⁵И. Г. Фихте (Johann Gottlieb Fichte). Наставление к блаженной жизни (1806); Назначение человека (1808).

⁶Шенрок Владимир Иванович (р. 1843) — историк литературы, знаток Гоголя.

⁷Книги «Борьба с Западом в нашей литературе» (Кн. I) (СПб., 1887) и «Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом» (СПб., 1887).

⁸Стр. 126 и 127 — начало статьи «Последние произведения Тургенева (1871)». Стр. 458 — начало «Французской статьи об Л. Н. Толстом». В ней подробно разбиралась работа М. де Вогюэ «Современные русские писатели. Граф Лев Толстой» (см. прим. 4 к Письму 309 Страхова к Толстому от 1 ноября 1884 г.).

⁹В мемуарной книге «Далекое близкое» Репин вспоминает о знакомстве со Страховым, в одной из глав очерка «Владимир Соловьев» — см.: И. Е. Репин. Далекое близкое (Москва–Ленинград, Гос. изд-во «Искусство», 1944), С. 335.

348. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

5 ноября 1887 г. Санкт-Петербург.

Не забудьте меня, бесценный Лев Николаевич! Я часто вспоминаю о Вашей печатающейся книге¹ и думаю, что если ее задержат, то мне не скоро придется ее читать. Если Вам можно как-нибудь этому помочь, то очень прошу Вас об этом. Как бы мне важно было перечесть теперь то, что я читал в Ясной! Занят я Вами беспрестанно. *Гражданин*, ежедневная газета Мещерского, открыла поход на Вас; выступил там *Кристи*², — и так бестолково, что я пришел в недоумение. Он все ссылается на книгу *Остроумова*³; чтобы прояснить себе дело, купил я эту книгу и до половины прочитал. И умно, и с чувством, и со старанием, но вместе — бесконечно-отвратительно и в нравственном, и в умственном отношении. Нет, — церковный фанатизм есть проказа, искажающая все в душе человека! Но в этом отношении дело любопытное, и я хорошенько вникну в книгу.

Статья против Тимирязева почти кончена и первая, большая часть уже сдана в редакцию. Сам я доволен тем, что распутал дело до конца, так что всякому, желающему понять, оно будет вполне ясно. Вот больше года я все работаю для памяти Н. Я. Данилевского; она мне очень дорога, но часто я и скучал над работою. Вопрос, конечно, важный и его непременно нужно поставить как следует. Но тут нет пищи для души, нет интересного для меня даже как натуралиста; спиритизм совсем другое дело, и там я был хозяином; здесь же по необходимости мне нельзя выходить из тех границ, в которых вел дело Н. Я. Данилевский. Но память о нем согревает меня; я не могу о нем подумать без умиления, и не могу читать его книгу, не восхищаясь его ясным умом.

Теперь мне предстоит кончить печатание нового издания *России и Европы*⁴, приложить хоть коротенькую биографию — думаю, к новому году все будет готово.

Грипп засадил меня больше прежнего в мое уединение. Но перед этим я дважды был в мастерской Репина, и ничего еще не написал Вам об этом. Конечно, он по искусству стоит далеко выше всех наших живописцев. Давно уже я испытал, что если на выставке есть одна-две картины Репина, то они обыкновенно заслоняют собою всю выставку. Но как он сам мил! Более серьезного, скромного и спокойного человека я не встречал! Он весь погружен в свое художест-

во, нет у него и тени тщеславия, и с какою живостью и завистью он ценит достоинства чужих произведений! У него я нашел портрет покойного Мстислава Прахова, человека очень мне дорогого. Видел и удивительную картинку, на которой Вы пашете⁵. Это доходит до совершенства. Слышал я от него, что Вы не позволяете ему пустить ее в полиטיפажах и в олеографии⁶. Почему это, дорогой Лев Николаевич? Об этом начинают довольно много говорить; я же всегда думал, что Вы вовсе не желаете нарочно производить шум. Вы меня простите, что, не зная хорошенько дела, суюсь к Вам со своим мнением. Но я видел картину, и хочу сказать только об ней. Она никого не может ни удивить, ни повести к каким-нибудь толкованиям. Дело совершенно просто. Что Вы пашете, это знают и в России, и в Европе, и в Америке. Что Репин вздумал Вас так написать — дело самое естественное; что ж иное делать живописцу? И мог ли он выбрать что-нибудь лучше? Потом он захотел размножить свою картину, также, как всякую другую; это ведь все равно, что человек, написавший повесть, хочет ее напечатать. Конечно, он позаботится, сколько может, чтобы снимки были хороши. Кому же охота выпускать в свет свое произведение в искаженном виде? Итак, все имеет самый натуральный в мире ход; почему же этому препятствовать?

В душе я всегда очень восхищался тем, как Вы действуете относительно Вашей известности и Ваших произведений. Вы никогда не делали ни шагу ни для того, чтобы что-нибудь распространять, ни для того, чтобы что-нибудь скрывать. Все шло само собою, и Вы оставались спокойным и при похвалах и при напаках; если искажались и перевирались Ваши мнения, если Вас обвиняли в безбожии и всяких преступлениях, Вы не протестовали; когда *Р[усский] вестник* отказался напечатать конец *Анны Карениной*, Вы не сказали ни слова⁷. Отчего теперь в таком простом случае, как картина Репина, Вы изменяете Ваш образ действий? Трудно Вам взять на себя заботу о своей репутации; что бы Вы ни делали, все только будет увеличивать шум и вместе кривые толки. Вы же до сих пор всем своим поведением доказывали, что Вы чужды и всякого тщеславия и всякой щепетильности.

Простите, бесценный Лев Николаевич, за эти рассуждения. Дай Вам Бог всего хорошего!

Графине мое усердное почтение. Начал я пересматривать Ваши сочинения. Начало выбора уже сделано, именно в *Русской библиотеке* Стасюлевича; а у меня еще сохранились предварительные работы для этой *Библиотеки*, так что мне стоит только доканчивать.

Еще раз простите.

Ваш всею душою
Н. Страхов

1887. 5 ноября. Спб.

¹«О жизни».

²Жристи И. И. — сотрудник «Московских ведомостей», затем «Гражданина».

³Гр. Л. Н. Толстой» (Харьков, 1887) — отдельное издание статей М. Остроумова, печатавшихся в 1885–1887 гг. в харьковском журнале «Вера и разум». Остроумов Михаил Андреевич (р. 1847) — профессор Харьковского университета по кафедре церковного права.

⁴Издание вышло в начале 1888 г.

⁵В августе 1887 г. в Ясной Поляне Репин написал два портрета Толстого — за письменным столом и в кресле с книгой (Евангелием) в руках, и сделал несколько зарисовок Толстого на пашне. Первый портрет был подарен Репиным С. А. Толстой и находится в Ясной Поляне, второй — в Третьяковской галерее в Москве.

⁶Репин предполагал издать, при содействии Стасова, картину «Толстой на пашне» (1887) большим тиражом и пустить в продажу по доступной цене. Семья Толстого находила это бестактным. В письме к Стасову от 26 сентября 1887 г. С. А. Толстая писала: «...Известие о том, что Илья Ефимович Репин и вы хотите сделать хромофотографию из картинки Л[ьва] Н[иколаевича] на пашне — крайне неприятно подействовало на него и всю семью его. Так как он сам нездоров, то он просил меня написать вам, что кроме неприятного ему ничего не может доставить распространение рисунка, изображающего его в самой интимной, ему одному дорогой жизни. ...Извините, что пишу вам все это, но я не от одной себя говорю, а от всей семьи. И. Е. Репин, такой деликатный, умный и милый человек, что наверное не захочет огорчить Льва Николаевича и его семью...» Письмо заканчивалось припиской Толстого: «...картинка вызвала бы внимание ко мне и последствия его — брань. А все лучше без нее...» (Толстой и Стасов, С. 81).

⁷См. прим. 1 к Письму 158 Страхова к Толстому от 16–17 августа 1877 г.

349. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

9...10 ноября 1887 г. Москва.

Получил вчера ваше письмо, дорогой Николай Николаевич, и как всегда с большой радостью увидел ваш изящный почерк. — *О жизни* печатается. Грот с удивительным усердием держит корректуры; на будущей неделе, должно быть, всё будет набрано и к концу месяца, вероятно, наступит решение вопроса для цензуры¹ — сжечь или нет. Жалко будет — я имею смелость думать, что многим книга эта будет утешением и опорой. Разумеется, употреблю все старания, чтобы в случае не пропуска оставить вам экземпляр.

Где вы печатаете статью ответ Тимирязеву²?

За книги вас очень благодарю. Я их получил в день отъезда из Тулы и прочел тотчас указанные вами страницы из кн[и]ги О Тур-г[еневе] и Т[олстом] и разумеется очень одобрил. Книгу же Б[орьба] с Запад[ом] оставил в Ясной и возьму ее у Фета и прочту не только отмеченные, но и другие страницы. Я помню, она и тогда мне дала много новых мыслей, а я уже знаю, что перечитывать вас можно и должно. У нас живет студент-филолог³, кончающий курс, к[оторый] меня порадовал тем, что открыл вас; купил и читает.

Всё, что вы пишете о Репине, совершенно справедливо; и то, что вы пишете о нелепости и непоследовательности запрещения распространять его картину. Вы очень верно описываете мое отношение к толкам обо мне: оно сознательно, и я не перестаю держаться всё того же самого покойного для меня правила, но тут случилось так, что когда мы получили от Стасова известие⁴ о затеянном Репиным распространении этой картинки, всем нам это показалось неприятно: жена написала в этом смысле Стасову, и я ему тоже приписал, но потом, когда получилось 2-е письмо от Стасова⁵ и Репина⁶, где они писали, что у них начата работа и что это запрещение огорчает их, я увидел, что это наше несогласие было неправильно, но жена⁷, желая избавить меня от того, что мне было неприятно, написала им, объяснив мотивы отказа и подтверждая его. Теперь же я вижу, что я сначала поступил неправильно и вы совершенно правы. Главное же то, что во имя этих пустяков я как будто огорчил Репина, которого я так же высоко ценю, как и вы, и сердечно люблю. Поэтому будьте добры, передайте ему, что я отказываюсь от своего отказа и очень жалею, если ему доставил неприятное. Я знаю, что он меня любит, как и я его, и что он не будет сердиться на меня.

Еще просьба: простите. — Есть некто, бывший революционер, врач Богомолец⁸. Он был под надзором, теперь освобожден, но только с запрещением жить в столицах; жена⁹ его приговорена в 1881 г. в Кару на 10 лет. Она пыталась бежать, возвращена и ей прибавлено 6 лет. Муж ее желает хлопотать о ней в Петербурге у начальства — главное желание его то, чтобы ему разрешено было жить с ней, ему и их ребенку — в Каре. Не можете ли вы узнать или даже попросить кого нужно — можно ли ему приехать в Петербург для этого.

Закрываю письмо, как и вы, словами «простите» и напоминанием о своей любви к вам.

Л. Т.

Как хорошо и верно всё, что вы пишете о Канте и мистиках! Как бы хорошо было написать об этом. Жидущие оставили камень, кот[орый] должен быть во главе угла¹⁰.

¹Московский цензурный комитет признал, что книга «О жизни» подлежит «безусловному запрещению». Синодом было принято постановление книгу запретить, а все отпечатанные экземпляры сдать в архив Цензурного комитета.

²Статья «Всегдашняя ошибка дарвинистов (По поводу статьи проф. Тимирязева: «Опровергнут ли дарвинизм?»)» опубликована в журнале «Русский вестник» (1887, №№ 11, 12).

³Александров Анатолий Александрович (1861–1930) — поэт, журналист. В 1890-е годы издавал и редактировал консервативный журнал «Русское обозрение», газету «Русское слово». Последователь религиозных и литературных воззрений К. Н. Леонтьева. В 1887 г. был репетитором сыновей Л. Н. Толстого Андрея и Михаила.

⁴Письмо Стасова к Толстому от 31 августа 1887 г. из Петербурга см.: Толстой и Стасов, С. 77–78.

⁵Письмо Стасова неизвестно.

⁶Письмо Репина к С. А. Толстой от 1 октября 1887 г. из Петербурга см.: И. Репин. Избранные письма в двух томах. 1867–1930 (М-ва, Издательство «Искусство», 1969), С. 337–338.

⁷С. А. Толстая.

⁸Богомолец Александр Михайлович. Привлекался в 1880 г. по делу «О преступном кружке» в Киеве, в 1883 г. был административно выслан на три года в Семипалатинскую область.

⁹Богомолец (урожд. Присекая) Софья Николаевна (1856–1892) — активная участница революционной организации «Южно-русский рабочий союз», приговоренная в 1881 г. к смертной казни, замененной десятью годами каторжных работ. За попытку к бегству и за постоянные протесты срок каторги был ей увеличен на 6 лет. Умерла на Каре от туберкулеза, осво-

божденная из тюрьмы за три дня до смерти. А. М. и С. Н. Богомолец — родители выдающегося советского ученого, президента Академии наук Украинской ССР Александра Александровича Богомольца (1881–1946).

¹⁰Матфей, 21: 42.

350. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

16 ноября 1887 г. Санкт-Петербург.

Был я сегодня в *Главном тюремном управлении*, бесценный Лев Николаевич, и узнал все, что нужно. Начальник — *Михаил Николаевич Галкин-Врасский* пользуется репутацией милейшего человека и был вполне любезен. Он восторженный Ваш поклонник, и меня даже знает, и заявил, что дело это все в его ведении и не может встретить никакого препятствия. Нужно подать прошение *на его имя*; по закону супруг имеет право следовать за супругом; только теперь, так как он не сделал этого при самом начале ссылки, он должен будет ехать *на свой счет*. При прошении должен быть адрес просителя, и тогда очень скоро он получит уведомление.

Предлагаю Вам себя и впредь в посредники: буду ходить за справками, благо, знаю двери.

Статья моя о Тимирязеве уже большею частию набрана, и я держал уже корректуру. Она появится в ноябрьской книжке *Русского вестника*, которая издается уже здесь. Окончание статьи, меньшая часть, будет в декабре; она почти готова и я сяду за ее полное изготовление после этого письма. Перенесение *Р[усского] вестника* в Петербург было для меня большою неприятностью. Нового редактора Ф. Берга я знаю больше двадцати пяти лет; это человек очень узкий умом, полуграмотный и недобросовестный. Литература теперь имеет такой дикий вид, что тоска берет. А, вероятно, будет еще хуже!

С Тимирязевым мне тоже было досадно возиться; он очень рьян, но твердости у него никакой нет; я разбил его в щепки, но, боюсь, в статье будет слышен недостаток воодушевления. Если бы не память Н. Я. Данилевского, не писал бы я о дарвинизме ни единого слова.

Репину я сообщил Ваше разрешение и обрадовал его чрезвычайно. Как будто в награду он подарил мне большой фотографический снимок с писанного им Вашего портрета. Что за прелесть! Обделаю в рамку и повешу.

Дай Бог, чтобы пропустили Вашу книгу. Впрочем, все равно. Киевская духовная академия недавно назначила премию Макария, 1750 р., за разбор *В чем моя вера*, а сегодня в газетах объявляют о книге *Д. П. Григорьева*¹, которая посвящена этому самому предмету. Значит, дело идет. Галкин-Врасский тоже очень хорошо сказал, что Вы будите нравственное чувство и что сам Бог посылает подобных писателей для того, чтобы нас образумить. Слышал я также

недавно от одного приезжего из Киева, что митрополит Платон² осуждает запрещение Ваших сочинений, считает их чрезвычайно полезными. Приезжий прибавлял, что ему известны многие случаи, когда нигилисты бросали свои затеи и становились христианами, Вашими последователями.

Дай же вам Бог и здоровья и всякого успеха!

Очень вожусь теперь с Вашими сочинениями, раздумывая о том, что выбрать из них для школьного чтения³. Начал с *Войны и мира* и вижу, что дело труднее, чем я думал.

Пока простите меня! Графине мое усердное почтение.

Ваш всею душою
Н. Страхов

1887. 16 ноября. Спб.

¹Книга артиллерийского генерала Дмитрия Петровича Григорьева (1827–1896) «Христианские вопросы жизни. По поводу сочинения гр. Л. Толстого «В чем моя вера?» (СПб., 1887).

²Платон (Городецкий) — митрополит Киевский и Галицкий в 1882–1891 гг.

³Издание не было осуществлено. См. письмо Страхова к С. А. Толстой от 21 декабря 1887 г. в ПТС, II, С. 207.

351. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

23...24 января 1888 г. Москва.

Кругом виноват перед вами, дорогой Николай Николаевич. До вас верно уже дошло от Семеvского то предисловие¹, к[оторое] я его просил доставить вам, а сам же я еще не написал вам, прося вас продержать эту корректуру. Очень прошу вас не только об этом, но и о том, чтобы выключить или изменить там всё то, что вы найдете нужным. О том, что вы по этому сделаете, «спорить и прекословить не буду». Не писал еще вам, благодаря вас за вашу статью о Дарвине². Я много приобрел из нее. — Не писал я п[отому], ч[то] был нездоров — желчь и упадок деятельности. Теперь лучше. Книга «О жизни» всё в духовной цензуре. Едва ли пропустят. Во всяком случае пришлю вам. Теперь хочется написать предисловие к статье о Гоголе³, прекрасной, одного Орлова, а еще статью о пьянстве⁴, к[оторая] мне представляется очень важной. Так простите меня. Целую вас. Любящий вас очень

Л. Толстой

¹Предисловие к статье крестьянина Т. М. Бондарева «Трудолюбие и тунеядство, или торжество земледельца», которую Толстой отправил в журнал «Русская старина», редактируемый М. И. Семеvским. Статья была напечатана в № 2 «Русской старины» за 1888 г., но была запрещена цензурой и вырезана. Впервые статья Бондарева в значительно сокращенном виде и предисловие к ней Толстого были напечатаны в газете «Русское дело» (1888, №№ 12, 13). За помещение их издатель С. Ф. Шарапов получил предупреждение от Министерства внутренних дел.

²«Дарвин» — одна из статей, входящих во второе издание книги Страхова «Борьба с Западом в нашей литературе».

³См. прим. 13 к Письму 346 Толстого к Страхову от 16 октября 1887 г. В архиве Толстого сохранилась неоконченная статья о Н. В. Гоголе, приблизительно относящаяся к 1888 г. Возможно, это и было начало предисловия к книге А. И. Орлова (ПСС, Т. 26, С. 648–651).

⁴Толстой писал статью «К молодым людям», оставшуюся незавершенной (ПСС, Т. 26, С. 652–654).

352. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

5 февраля 1888 г. Санкт-Петербург.

Простите, бесценный Лев Николаевич, что не тотчас отвечал Вам. Я поджидал, что, может быть, еще придет от Семеvского та корректура, о которой Вы пишете. Но вот прошла неделя — ничего нет; вероятно, Семеvский заупрямился, как это я и предчувствовал. Недавно со мною случилась совершенно подобная история: Соловьев писал мне¹, что Стасюлевич пришлет мне корректуру его статьи *Россия и Европа*; но я напрасно этого ждал, а вчера Соловьев пишет мне², что Стасюлевич не захотел моего посредничества, и статья³ явилась в № 2 *Вестн[ика] Европы*, миновав мои руки. Это мне досадно. Вы видите, что Семеvский и Стасюлевич⁴ не очень много питают ко мне доверия и расположения; мне хочется их ругать и я чувствую, что сам виноват: когда встречался с ними, не мог я сдержать своего высокомерия перед такими почтенными людьми, и они хорошо поняли впечатление, которое во мне производят. Вот и лишили они меня чести, которую я очень ценю. Следует мне утешиться тем, что Ваше доверие, или Соловьева значит много, а их нерасположение и опасение, пожалуй, служит мне же в похвалу.

Все это я шучу, бесценный Лев Николаевич; больше всего мне досадно, что я не знаю Вашего писания или не так скоро узнаю, что в нем, о чем дело. А если бы я раньше знал статью Соловьева, то, может быть, и помешал бы хотя немножко ее безобразию. Какой зыбкий ум! Еще раз я убеждаюсь, что он неспособен понимать действительность и даже понимать книгу, которую разбирает. Он всегда носится на сто верст выше того предмета, о котором говорит, и ничего в нем не видит. Он написал несколько статей о Достоевском⁵, в которых нет ни одного слова, относящегося к действительному Достоевскому и к его действительным писаниям. Но теперь, кроме того, он (Соловьев) написал такую бестолковщину, которая даже понизила мое уважение к его уму. «Россия — европейская нация» — в одном месте, а в другом: «Русские — один из полудиких народов востока». Да вообще, разве можно доказывать темы общеприятельные? — Буду писать ему, хотя чувствую, что столкнуться нет почти возможности.

Статья *Лесевича*⁶ в *Р[усской] мысли* задела меня за живое. Он говорит, что я влюблен в самого себя и все о себе говорю. Хотя дело вовсе не в этом, но неужели это правда? Неужели речи мои про-

тивны по сквозящему в них себялюбию и высокомерию? Или он сам уж чересчур самолюбив и может спокойно видеть большую букву I⁷ только у Дарвина, или Милля?

Зато я получил из Ельца от одного учителя гимназии⁸ письмо, которое могло бы утешить самого гордого и занесшегося человека. Много ума, души и самое сердечное сочувствие.

Все я Вас занимаю своею интересною особою. Но вот новость, которая гораздо важнее. Вчера пришло большое письмо от Ольги Александровны Данилевской; она пишет, что *тоска ее прошла* и что наступила у нее радость, какой прежде не бывало. Рассказывает она это с волнением, почти со стыдом за свое «старое истрепанное сердце», но так ясно, с такою живостию и полною душевною чистотою, что, кажется, никогда я еще не приходил в такое умиление, как от этого письма. Она много стала плакать, она доверилась Богу вполне и без раздела и — погрузилась в свои житейские хлопоты с охотою и энергиею, каких прежде не бывало. Но я не могу Вам передать всего и так, как написано, и готов бы прислать Вам копию с этого удивительного письма, если бы только она разрешила — а это невозможно. Да, мы рождены для света и радости, о которых большинство людей не имеют и понятия; благословенно всякое горе и всякие страдания, если они наводят нас на этот путь.

Каждый день я думаю об Вас, бесценный Лев Николаевич, и не только потому, что имя Ваше теперь, можно сказать, наполняет воздух. Все я обдумываю Ваши мысли и все готовлюсь выступить Вашим проповедником. Поздравляю Вас с успехом Вашей драмы в Париже⁹. Что за тупость нашла на тех, кто говорил, что эта драма не годна для театра? Она вся — *зрелище* от первой строчки до последней.

Грустно слышать, что Вам нездоровится; дай Бог поправиться! О себе скажу, что и не думал дожить до такого здоровья: и бодр, и толстею, и чуть ли борода не начинает темнеть. И все радуюсь своей свободе. Теперь кончаю свое издание *России и Европы*; еще неделя работы и тогда — писать свою последнюю книгу. Книги мои идут не шибко, но идут-таки; всего лучше идут *Критические статьи*, так что, если бы наживать деньги, то нужно бы мне писать о литературе.

Простите меня! Мое усердное почтение Графине. Дай Вам Бог всего лучшего.

Всей душою Вам преданный
Н. Страхов

1888. 5 февр. Спб.

¹В письме от декабря 1887 г. В. С. Соловьев писал Страхову: «...Если пришлют Вам корректуру, — пожалуйста, черкайте все для Вас неприятное: право, я вовсе не расположен обижать без высшей необходимости даже своих врагов, а тем менее друзей...» (Соловьев, С. 258).

²В письме к Страхову от 30 января 1888 г. В. С. Соловьев писал: «...Стасюлевич проявил редакторское самолюбие, отказавши пропустить между автором и редактором третье лицо. Очевидно, он смотрит на эту литературную связь гораздо строже, чем иные мужья на союз брачный, к которому закон исключенного третьего не всегда применяется. Итак, я сам держал корректуру своей статьи, но при этом старался производить на самого себя «мысленное внушение» от Вашего лица...» (Соловьев, С. 258).

³Статья Соловьева «Россия и Европа» была напечатана в февральской и апрельской книжках «Вестника Европы» за 1888 г.

⁴В письме к М. М. Стасюлевичу от 12 января 1888 г. из Ярославля Соловьев писал: «...получив Ваше письмо [с отказом переслать корректуры Страхову], я сейчас же распорядился, чтобы корректура была мне немедленно доставлена из Москвы сюда... Виноват перед Вами, что не объяснил Вам как следует своего желания. Все дело здесь исключительно в личных отношениях. Я хотел только предоставить Страхову смягчить выражения оскорбительные (буде он найдет такие) для памяти Данилевского, к которому он благоговееет. Я этого чувства не разделяю, но не желал бы слишком оскорблять его ради старых приятельских отношений к Страхову. Впрочем, кажется, ничего обидного для Данилевского лично в моей статье не находится. Может быть, смягчу что-нибудь сам, Страхову же скажу, что по обычаям «Вестника Европы» найдено неудобным предоставлять корректуру постороннему лицу» (см.: Соловьев, С. 266–267).

⁵Книга Соловьева «Три речи в память Достоевского (1881–1883)» была издана в Москве в 1884 г.

⁶Лесевич Владимир Викторович (1837–1905) — философ-позитивист. Его статья «Что такое научная философия?» была напечатана в журнале «Русская мысль» (1888, № 1–2).

⁷Т. е. I (прописная) — по-английски «я» (местоимение).

⁸Розанов Василий Васильевич (1856–1919) — философ, публицист, критик. После окончания Московского университета служил преподавателем русской словесности в Елецкой гимназии. Розанов считал Страхова своим «крестным отцом» в литературе. См.: В. В. Розанов. Литературные изгнанники. Т. I (СПб., 1913), также: Александр Николукин. Голгофа Василия Розанова (М-ва, 1998).

⁹10 февраля (по н. с.) 1888 г. драма «Власть тьмы» была поставлена в Париже в «Théâtre libre» («Свободный театр») в переводе И. Я. Павловского и Оскара Метенье (Oscar Metenier) под названием «La Puissance des ténèbres». Пьеса шла и в других парижских театрах, затем в Женеве, Амстердаме, Милане, Риме, Турине, Венеции, Генуе, Берлине.

353. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

26 марта 1888 г. Москва.

Дорогой Николай Николаевич.

Я у вас в долгу по письмам, но вы простите меня. Благодарю вас за книгу Данилевского.

Письмо это передаст вам Pagès (Пажес)¹, мой молодой французский друг. Он перевел между прочим очень неполное и неточное издание «Что же нам делать», сделанное в Швейцарии под заглавием: «Какова моя жизнь»². — Он мне очень понравился: умный, образованный и, что редкость, — свободный человек. Будьте к нему добры, пожалуйста, и не столько поруководите по Петербургу, сколько сами серьезно побеседуйте с ним. Ему это будет интереснее всего; и я с этой целью его и направляю к вам.

Любящий вас Л. Толстой

¹Пажес Эмиль (Émile Pagès) — профессор философии Сорбоннского университета в Париже, переводчик.

²«Quelle est ma vie ?». Traduit par É. Pagès et A. Gatzouk (Париж, 1888).

354. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

6 апреля 1888 г. Санкт-Петербург.

Всегда мне хочется многое сказать Вам, бесценный Лев Николаевич, но скажу хоть то, что занимает меня в эту минуту. Покорно Вас благодарю за Пажеса¹; вот знакомство очень приятное и даже удивительное! Он просидел у меня часа три, и с каждой минутой я все больше убеждался, что это истинно серьезный человек, действительно понимающий философию. Каковы французы, думал я! Судя по их литературе, никак нельзя было ожидать, что у них есть настоящее философское движение. Его суждения о своих, о Рибо, Ренане, Мунке², Жанэ³, Вогюэ и т. д. были совершенно беспристрастны и также строги, как если бы их произносил философски образованный немец. Он с восхищением принялся говорить об Вас и ценил и Вас лично, и Ваш разговор, и Ваши сочинения так верно и с таким сочувствием, как дай Бог всякому русскому. Это знакомство хотелось бы поддержать. Я дал ему три своих книги (ему будут читать приятели, знающие по-русски), но забыл указать на *Основные понятия*⁴ (не было под рукою), т. е. забыл о главной своей книге! Рассеянность эта очень меня огорчила за меня самого — верно, старость подходит не на шутку. Пошлю ему книгу в Париж и, как умею, напишу письмо.

Теперь же я весь наполнен статьями Соловьева, которого и видел много раз и с которым долго говорил об этих его статьях. Чем больше думаю об этом деле, тем печальнее вывод. Статьи (об *России и Европе*) так пусты и жидки и писаны с такими скверными замашками, что я останавливаюсь на мысли — отвечать ему самым решительным и уничтожающим образом. Это большое разочарование. Мне уже не верится ни в его ум, ни в искренность. Я в глаза несколько раз называл его лукавым в приемах и выражениях, и он или не мог ничего ответить, или отвечал — *мне так нужно было сделать*. Когда я подумаю, что он ничего не знает основательно, что он вовсе не способен понимать правильно книгу или человека (об Достоевском, об *России и Европе*, обо мне — он писал и говорил что-то вовсе постороннее, неверное, неясное), что он постоянно только выкидывал фокусы для того, чтобы поразить читателей и слушателей и выставить себя — таковы были и его лекции в Университете и его статьи и публичные лекции, то, несмотря на его удивительные способности, я начинаю в нем видеть актера, а не мыслителя и писателя, да и

актера, чем-то одурманенного. Еще неделю я решил не писать, а обдумывать; но мне так тяжело выбирать тут наименьшее из зол!

А есть и другая трудность — нужно говорить о патриотизме, о политике, о предметах, где так легко сбиться с правильного пути, т. е. с пути любви и смирения. Пожалуй, напишу статью, которой свои же (т. е. Русский вестник) не примут. Нет мне никакого удовольствия участвовать в этом журнале; он имеет дух и тон, в сущности ничем не отличающийся от *Гражданина*.

Вот Вам мои горести. Если Вы читали статьи Соловьева, или вообще, если найдете это дело достойным внимания и скажете мне для назидания Вашу мысль, то истинно утешите меня и помогите мне.

Прощаясь со мной, Соловьев просидел у меня вечер один на один, и подробности этого разговора многое мне прояснили. Темы, на которые нужно писать статью, готовы. В лжи нет никакого спасения и от лжи ничего, кроме вреда, не может произойти. Только искренний и добросовестный человек может сделать что-нибудь полезное. Пользоваться тем хаосом и противоречием, которое царит в России в умах и сердцах, значит увеличивать этот хаос, поддерживать его.

Дай Вам Бог здоровья, Лев Николаевич! Не могу выразить, как меня радует Ваша слава, растущая видимо, с каждым днем. К Вам следует применить слова

Ударит по сердцам с неведомою силой.⁵

Против Вас проповедуют в церквях и в аудиториях, но Ваше слово и Ваше дело останется навсегда. Теперь везде продают *Пахаря*, фотолиотографию Репина, очень удачную. Гляжу и радуюсь; в этой картинке все сказано, и она переживет все произведения Репина.

Поздравляю Вас и Софью Андреевну с сыном.⁶ Как я рад, что все так благополучно. А Татьяна Андреевна порядочно помучилась⁷. Вчера я обедал у них и была у них Ольга Андреевна Голохвастова, к несчастью, не совсем здоровая. Обед был веселый, все-таки.

Кстати: Соловьев мне похвалился, что обедал у Гинцбурга⁸, и были там кроме иных Стасюлевич, Валуев, Гончаров, Пыпин; кроме того, что он познакомился с посланниками и что английский посланник⁹ был у него. Говорю: похвалился, потому что на вопрос, о чем же шла речь, ничего ровно не сказал. Все это немножко обрисовывает его положение.

Сегодня я узнал в магазине приятную новость: триста экземпляров *России и Европы* проданы в этот первый месяц.

Посылаю Вам *Буддизм*¹⁰ И. П. Минаева, нашего знаменитого санскритолога. Он величайший Ваш почитатель и просил меня переслать Вам книгу.

Читал я статью Вогюэ¹¹ о *Власти тьмы*; он не справился с задачей, но важно здесь выражение того впечатления, которое Вы

производите у французов; они как будто в потемках вдруг увидели свет с востока.

Простите меня, бесценный Лев Николаевич. Дай Бог Вам здоровья; мое усердное поздравление и почтение Графине.

Ваш от всей души

Н. Страхов

1888. 6 апр. Спб.

¹В письме к Толстому от 21 апреля 1888 г. из Парижа Э. Пажес рассказывал о своем знакомстве со Страховым: «...J'ai vu à Pétersbourg M. Obolensky et M. Strachof : M. Strachof m'a retenu assez longtemps chez lui. Il s'y trouvait un professeur de philosophie, qui parle fort bien le français, et qui est très au courant de nos productions. Nous avons pu causer tout à notre aide. M. Strachof m'a aussi gracieusement offert quelques livres qui me seront très utiles pour m'instruire sur la Russie...» — «...Я видел в Петербурге г-на Оболенского и г-на Страхова: Г-н Страхов задержал меня у себя довольно долго. Там был один профессор философии, который прекрасно говорит по-французски и хорошо знаком с нашими работами. У нас состоялась весьма полезная беседа. Г-н Страхов также любезно предоставил мне несколько книг, которые окажутся мне очень полезными для того, чтобы я узнал больше о России...» (ОР ГМТ).

²Мунк Соломон (Solomon Munk) (1802–1867) — философ, профессор семитических языков в «Collège de France».

³Жанэ Поль (Paul Janet) (1823–1899) — французский философ, автор книги «La Philosophie française contemporaine» («Современная французская философия») (Париж, 1879).

⁴«Основные понятия психологии и физиологии».

⁵Строчка из стихотворения Пушкина «Ответ Анониму» (1830).

⁶31 января 1888 г. родился последний, тринадцатый, ребенок Толстых — Ванечка.

⁷У Т. А. Кузминской родился сын Дмитрий.

⁸Тинцбург Гораций Евзелиевич (Осипович) (1833–1909), барон — председатель Еврейской общины в Петербурге и «Общества распространения образования между евреями».

⁹Лорд Роберт Морриер, британский посланник в Петербурге в 1884–1893 гг.

¹⁰«Буддизм. Исследования и материалы» появилась в XVI части «Записок Историко-Филологического Факультета Имп. С.-Петербургского Университета» (СПб., 1887).

¹¹«La Puissance des ténèbres de Léon Tolstoï. Réflexions d'un spectateur» — журнал «Revue de Deux Mondes» (1888, от 15 марта), С. 426–450.

355. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

Июнь 1888 г. Санкт-Петербург.

Июнь, 1888 г. Петербург.

Посылаю Вам, бесценный Лев Николаевич, свою статью¹ против Соловьева. Конечно, я не успел выполнить и десятой доли того, что задумывал; но кой-что тут все-таки есть. Все время я имел в виду его *церковную* точку зрения со всеми сильными доводами в ее пользу, и постарался точно и просто поставить несколько противоположных пунктов. Статья эта всего меня взбудоражила и так и хочется писать еще на темы, близкие к этой — может быть осенью придется к ним возвратиться. Разумеется и Вы у меня всегда в мыслях — как судья, перед которым ни за что не хотелось бы провиниться.

Недавно я усердно занимался и Вашею книгою *О жизни*. Из Америки пришли наконец корректуры перевода², сделанного г-жею Hargood³; она просмотрела их и дала мне, говоря, что не нашла никаких затруднений при переводе, так что у нее нет вопросов предложить мне. Действительно, я убедился, что она в совершенстве понимает Ваш подлинник, а перевод ее меня привел в восхищение совершенною точностию, буквальною передачею текста и тою ясностию, которая свойственна английской речи. К несчастью, она меня торопила и я успел просмотреть только вторую половину книги. В пяти-шести местах я нашел чуть заметные пятнышки, в которых отчасти виновата была рукопись; она все поправила и теперь уже отослала назад. Вообще я убедился, что Ваша книга явится в Америке в наилучшем виде, какого можно желать. Седоволосая г-жа Гапгуд — очень привлекательное существо по простоте, спокойствию, живости и открытости. Право, эта легкая жизнь, устроенная англичанами и американцами, дает людям какую-то детскую наивность, позволяет развиваться в них всяким безвредным, значит и многим хорошим сторонам.

Она говорила мне о том, как она сама восторженно поклоняется Вам и как, вообще, Вас любят в Америке. Право, это большие чудеса, и нельзя не подивиться тупости многих у нас, которые смотрят на Вас равнодушно или враждебно. Ваша заграничная слава всегда меня восхищает; но главное, конечно, тот поворот, который Вы дали умам у нас, внутри. Можно ли было думать, что вдруг раздастся проповедь *любви* и с такою силою? Какие безумцы наши консерва-

торы, восстающие против Вас и не понимающие, что Вы раз навсегда указали тот выход, которого им придется опять и опять искать, когда они вновь доведут людей до ненависти и возмущения! Часто мне было грустно, когда я думал, что на моих глазах выросло у нас только одно новое явление — нигилизм; но теперь я утешаюсь, что за нигилизмом последовала Ваша проповедь. Вашу книгу я опять перечитывал с жадностью. Есть страницы бесподобные по отчетливости и неотразимой убедительности. *Жизнь есть любовь* и нет другой жизни, стоящей этого названия, — какая тема!

А они — запретили Вашу книгу!

Что делать, однако! Таков строй русской жизни, что в ней сочетаются чуть не допотопные явления с самыми передовыми, с такими, которым суждено далекое будущее.

Дай Вам Бог всего хорошего! Здоровье мое не совсем хорошо; кажется, главное — грудь, дыхательное горло — весь раскисаю от простуды. А к этому еще то, что понемногу я очутился в совершенном одиночестве, которое я отлично переносил бы, если бы были силы для работы — их-то нет.

Простите меня по-христиански. Графине мое усердное почтение.

Ваш всюю душою
Н. Страхов

¹«Наша культура и всемирное единство», появившаяся в июньской книжке «Русского вестника» за 1888 г.

²Life. Authorized translation by Isabel F. Hargood» (Нью-Йорк, 1888), 295 с.

³Хэпгуд Изабел Флоренс (Isabel Florence Hargood) (1850–1928) — переводчица «Детства», «Отрочества», «Юности», «Севастопольских рассказов» Толстого. В ноябре 1888 г. посетила дом Толстого в Москве, летом 1889 г. была в Ясной Поляне. Письма Хэпгуд к Толстому см. в публикации Э. Бабаева: ЛН, Т. 75, Кн. 1, С. 407–413. Перевод статьи Хэпгуд «Толстой у себя дома» см.: журнал «Вопросы литературы» (1984, № 2).

356. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

27...28 июня 1888 г. Ясная Поляна.

Спасибо, дорогой Николай Николаевич, за письмо и статью. Несмотря на сельские работы летом, я проследил ваш спор с Соловьевым и, простите, нашел, что и правы и не правы вы оба. Ведь вы знаете, как выгодно со стороны смотреть и разбирать. Против Данилевского за ист[орическое] отрицание народности я с Соловьевым, но в осуждении его узких, пошлых, односторонних исторических взглядов я за вас и Данилевского. В особенности я за вас в осуждении его недобросовестности, злоупотреблен[ия] бойкости слова, легкомыслия и осуждении и осмеянии жестоком его защиты спиритизма. Вам должно быть радостно было на этом случае видеть, как твердо поставлены ваши положения о вечных истинах. Мне было очень приятно. Я здоров, счастлив, ничего не пишу, но... живу и мыслю. Все вас помнят и любят.

Когда же вы к нам? Все и я очень вас желают и ждут.

Любящий вас Л. Толстой

357. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

17 июля 1888 г. Санкт-Петербург.

От всего сердца благодарю Вас, бесценный Лев Николаевич, за Ваше письмо, очень коротенькое и писанное настоящим почерком сельского рабочего, но очень многосодержательное. Когда я писал в своей статье о народности, то постоянно думал об Вас и заранее знал, что Вы не будете со мною согласны. Однако, если посмотрите, то увидите, что я нигде не перешел границы и что я держусь в тех пределах, где совершенно безопасен от нападений Соловьева, а мне думается, и от Ваших. Что меня возмущало у Соловьева — это то, что он не взял вопроса в полноте (а для этого не было лучшего случая, как книга Данилевского), что он вовсе и не подумал о значении народности в жизни людей. Для меня самого было бы радостно уяснить себе это дело, и я заранее указывал ему (в письме), что это должно быть его главною темою. А он стал на ту точку зрения, с которой можно точно также сильно восстать и против семьи, против уважения к отцу и матери, против любви к жене и детям. Разумеется, все это — ограничения; разумеется, есть требования, которые стоят выше всего этого. Но помните слова Христа: «вы говорите: если кто скажет отцу и матери: *дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался*, тот может и не почитать отца своего, или мать свою». Мат. 15, 5. Этот упрек книжникам и фарисеям вполне применяется к Соловьеву. Он ссылается на свои обязанности к Богу, а потому и разрешает себе не соблюдать никаких обязанностей к Данилевскому или ко мне.

Великий это вопрос. Во всем нужно служить Богу; нужно служить Ему и служа родине, и любя свою семью, и восставая против тех, кто не согласен с нами в мыслях. Но как же это сделать? Как провести одно начало во все свои дела и отношения? Вы правы: тут один путь — любовь, чистое сердце. Но это — практическое разрешение вопроса, а не теоретическое.

Статья моя почти не имела никакого успеха. В печати о ней не говорили. Несколько человек, особенно мне дорогих, были *чрезвычайно* довольны¹. Вижу, что и Вы нашли наказание Соловьева и справедливым и вполне удачным; благодарю Вас от души. Но большинство нашло статью незанимательною; в ней не говорится ни о католицизме, ни о будущем России, ни о политических вопросах. В смысле *агитации* Соловьев вполне успел сделать свое дело.

Благодарю Вас за приглашение в Ясную. Усердно кланяюсь всем, кто там обо мне помнит и желает меня видеть. Но я попал в положение, из которого мне трудно выбраться. Вокруг меня все обстоит превосходно: тихо, светло, просторно, чисто, и — гибель прекрасных книг. Сам я здоров и бодр и затеял на свободе большую работу. Лето стоит прохладное, так что в городе нет никакой духоты. Спрашивается, что же я должен делать? Конечно, работать и работать. Не придумаешь никакого повода, никакой причины, чтобы ехать; меня будут сопровождать угрызения совести. Поэтому я до сих пор остаюсь на месте, несмотря на пустоту города и на то, что иногда по два по три дня никого не вижу, кроме Катерины², обладающей всеми добродетелями и всяким усердием и благочестием, так что мне всегда приятно ее видеть, но почти столь же молчаливой и мало для меня занимательной, как моя мебель.

В Ясную мне очень хотелось бы. Александр Михайлович³ собирается в августе и может быть я не выдержу и приеду с ним.

Дай Бог Вам всего хорошего! Ясная Поляна, с тех пор, как ее знаю, полна и жизни, и мысли. Дай Бог, чтобы так было и долго-долго!

Всей душою Вам преданный

Н. Страхов

1888. 17 июля. Спб.

PS. Недавно я сделал открытие, которое немножко меня огорчило. В одной из своих книг *Le nouveau spiritualisme par Vacherot*⁴ я вдруг нашел всю ту философскую глубину, которою так пленил меня Пажес. Там есть глава, содержащая те самые мысли, имена и выражения, которые я от него слышал. Он затвердил их с большою точностью. Но потом я вспомнил, как он отзывался об Вас, как рассказывал свое свидание с Вами, как тонко и с любовью говорил об Ваших мыслях, и я снова убедился, что он умный и хороший человек. Однако, нужно быть осторожным. Они, западные, всегда с умом и вкусом украшают себя чужими мыслями и познаниями, тогда как мы часто откровенно выступаем во всей своей дикости.

¹Например, Великий князь Константин Константинович (поэтический псевдоним «К. Р.») в письме к Страхову от 10 июня 1888 г. писал: «Глубокоуважаемый Николай Николаевич, я чувствую душевную потребность выразить вам благодарность за отрадное и утешительное впечатление, вынесенное после чтения вашей статьи в ответ Вл. Соловьеву. Его мрачный и как будто недоброжелательный взгляд на будущность нашей русской науки и искусства поверг меня в уныние, теперь же, с жадностью пробежав ваш ответ, я снова могу верить, во что веровал, и по-прежнему любить то, что мне дорого и свято...» — см.: К. Р. Избранная переписка (СПб., 1999), С. 400.

²Катерина — вероятно, прислуга или кухарка в доме Страхова.

³А. М. Кузминский.

⁴Вашро Этьен (Étienne Vacherot) (1809–1897) — французский философ. Его книга «Le Nouveau spiritualisme» («Новый спиритуализм») вышла в 1884 г. (Париж, Издательство «Hachette»).

358. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

13 сентября 1888 г. Санкт-Петербург.

Посылаю Вам, бесценный Лев Николаевич, *L'idée Russe* Соловьева¹, на тот случай, если Вы еще не видали этой брошюры. Блистательно, что и говорить! Я ужасно любовался звонкостью этих фраз, имеющих притом вид необычайной серьезности и глубокомыслия. Французам должно это очень понравиться; это писано лучше, чем писали Монталамбер² или Сен-Симонисты³. Тут весь Соловьев и больше этого он ничего дать не может. Важно, что он прямо объявил, что нужно подчиниться папе, и даже исповедал его непогрешимость *chef infallible du sacerdoce*⁴. Все рассуждения идут по методу аналогии и симметрии, и красота формулы составляет главное доказательство верности ее содержания.

По-моему, все это наводит на одну мысль, на то, что христианство уже стало покидать форму церкви (как это Вы не раз высказывали), и вот где причина этих горячих забот о церкви, и создания новых догматов, и провозглашения непогрешимости. Напрасные усилия! Церковь возникла во времена падения древнего мира. Тогда она образовала крепкое общество среди разлагавшегося государства и создала свою догматику как противовес тогдашней языческой мудрости. Монахи сначала даже называли себя философами и жизнь свою философскою жизнью. Но в настоящее время ни догматы, ни церковь не могут иметь такого значения и напрасно пытаются удержать прежнюю главную роль.

Когда читаю Вас, Лев Николаевич, то в каждой строке слышу живое чувство — в этом состоит Ваш *очаровательный слог* (выражение Бунакова или Евтушевского). Когда читаю Соловьева, то ни в одной строке не чувствую живого человека, а везде одно *сочинение*. Потребность мысли, увлечение всеобъемлющими решениями — я понимаю; но тогда нужно, чтобы надо всем господствовала жажда истины, а тут, у Соловьева, скорее царствует жажда обмана, желание уйти в фантастический мир, который он сам себе строит.

Петербург (а с ним и Россия) все больше и больше затихает. Помните Вы, как министра Сабурова публично хлопнул студент⁵? Теперь министру Делянову усыпают путь цветами⁶. Вот награда за то, что он скрутил университеты⁷! Соловьев прав, что в нашем обществе нет никакой энергии. Оно совершенно пусто; самое лучшее для него, если его будут крепко держать в руках. Только очень

противно громадное обнаружение подлости частных лиц перед правительством.

Будете ли Вы читать письма Аксакова⁸, недавно изданные? Анна Федоровна⁹ мне прислала и я читаю, не отрываясь. Сам он очень хорош. Но живо рисуется и весь тогдашний быт — это время имело светлые стороны, которые теперь забыты. Чрезвычайно интересны отрывки из писем Сергея Тим[офеевича] Аксакова¹⁰ — он куда выше сына и как человек, и как писатель.

Много бы я дал, чтобы знать, как Вы и что делаете. Все лето у меня была тоска по Ясной Поляне и, сказать правду, только по ней одной. В прошлом году во время поездки я так намучился от жары, что был очень рад нынешнему холодному лету, и здоровье мое очень поправилось. Но вот уже три месяца с лишком, как я собираюсь писать, освободив себя для этого от всяких забот, — и ничего не сделал! Меня это мучило — и наконец я почти отказался от своих затей. Но когда стал поспокойнее, они опять нашли на меня; но зато теперь, кажется, я вижу дело яснее. Пусть будет, что Бог даст; время мое не идет праздно, — мысль все копошится и зреет.

Поручили мне передать Вам усердную просьбу: журнал *Нива*, в котором были напечатаны Ваши *Три старца*¹¹, просит у Вас чего-нибудь на следующий год издания. Разумеется, они рады были бы, если бы могли заранее объявить о Вашем участии в журнале. Но во всяком случае примут Ваше писание с восторгом и заплатят Вам по Вашему желанию. Новый редактор Виктор Петр[ович] Ключников¹² очень милый человек, давнишний мой знакомый.

Простите меня. Дай Вам Бог здоровья и тех мыслей, которыми Вы живете. Графине мое усердное почтение и поздравление с именинами.

Ваш навсегда преданный

Н. Страхов

13 сент. 1888. Спб.

Недавно в Петерб[ургских] ведомостях объявили меня *чистым материалистом*. Статья Соловьева приносит плоды; он куда больше обращает на себя внимание, чем я.

⁸В. С. Соловьев. Русская идея. (Париж, Издательство «Didier», 1888). Статья написана на французском языке. В письме к Страхову от 6 сентября 1888 г. Соловьев писал: «...прошу Вас стать на мою точку зрения, вполне объективную, и поступить со мною на точном основании общечеловеческих прав. Мне 35 лет, я нахожусь в здравом уме и твердой памяти и издаю брошюру о высоких материях, в которой нет ничего противного религии, общественному порядку и добрым нравам. Эту брошюру я во всяком случае буду

распространять в России между людьми, читающими по-французски. Но если бы Вы отказались мне в этом содействовать в известной мере, то причинили бы мне тем лишения и бесполезные хлопоты...» — см.: Соловьев, С. 260.

²Монталембер Шарль-Форб де (Charles Forbes de Montalembert) (1810–1870), граф — французский писатель, оратор и политический деятель, член Французской академии (L'Académie Française).

³Сен-Симон Клод Анри (Claude-Henri de Rouveroy, comte de Saint-Simon) (1760–1825), граф — великий социалист-утопист. Его ученики — Базар (Saint-Amand Bazard) (1791–1832) и Анфантен (Barthélemy Prosper Enfantin) (1796–1864) — продолжали пропаганду его идей.

⁴*chef infaillible du sacerdoce* — непогрешимый глава священства (фр.).

⁵Под влиянием студенческих волнений министр народного просвещения А. А. Сабуров намечал некоторые меры по смягчению правительственной политики в отношении студенчества, не прекращая в то же время репрессий. Центральный университетский кружок в Петербурге решил публично выразить свой протест против непоследовательной политики Сабурова. На традиционном университетском торжественном акте 8 февраля 1881 г. студент-народоволец Л. М. Коган-Бернштейн произнес обличительную речь, а студент-народоволец П. П. Подбельский дал министру пощечину. В конце марта 1881 г. А. А. Сабуров был отправлен в отставку.

⁶Имеется в виду торжественный прием, оказанный Делянову в Казани, при посещении казанских городских начальных училищ.

⁷При министре просвещения И. Д. Делянове (с апреля 1882 г.) былработан новый университетский устав 1884 г., фактически уничтоживший автономию университетов; ограничен прием в учебные заведения евреев и детей низших сословий (т. н. циркуляр о «кухаркиных детях»); были приняты меры для русификации школ в Прибалтийском крае; сокращена программа классических языков в гимназиях и расширена программа русской словесности; закрыты в 1886 г. Высшие женские курсы (вновь открыты в 1889).

⁸«И. С. Аксаков в его письмах». Т. I–II (М-ва, 1888).

⁹Аксакова (урожд. Тютчева) Анна Федоровна (1829–1889) — жена И. С. Аксакова с 1866 г.

¹⁰Аксаков Сергей Тимофеевич (1791–1859) — писатель, отец Константина и Ивана Аксаковых.

¹¹Рассказ «Три старца» (1886) был опубликован в журнале «Нива» (1886, № 13).

¹²Клюшников (Ключников) Виктор Петрович (1841–1892) — прозаик, переводчик, журналист, издатель. Антинигилистический роман «Марево» (1864) принес Клюшникову громкую известность. Сотрудничал в журнале «Заря».

359. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

13 апреля 1889 г. Санкт-Петербург.

Совсем Вы меня забыли, бесценный Лев Николаевич. Я послал Вам две книги¹, которые издал в эту зиму, и две статьи², которые написал, а теперь посылаю третью³, и уже ничего не буду посылать, потому что наконец принимаюсь отдыхать и не скоро примусь за работу. Если нужно трудиться, то я трудился и могу быть собою довольным. Но что бы я ни делал, я всегда об Вас думаю, думаю об Вашем суде, и как бы дороги и милы были мне Ваши строчки!

С осени я отдался тем делам, которые сами пришли одно за другим, и был очень занят, особенно с нового года. Я освободился только 2-го апреля. Сперва, по случаю приглашения Академии, я писал о стихах⁴ и, чтобы кончить эти дела, собрал свои статьи и издал книжку о Пушкине и пр. Потом нужно было делать новое издание *России и Европы*. Потом нужно было отвечать Соловьеву, восхвалить Фета⁵ и возразить Фаминцыну⁶. И все срочные работы, так что когда все было сделано, я был собою очень доволен.

Всего меньше меня радует полемика с Соловьевым, и право, не я виноват. Вышла разногласица, а не спор. После своей второй статьи — в марте *Вестн[ика] Европы*, он был у меня и я попробовал хоть в разговоре добиться от него определенности. Невозможно! Он весь в общих фразах, и в целый вечер я едва успел добиться, что он указал на два места, у меня и у Данилевского, с которыми он не согласен. А то он не согласен *вообще*, и начинает много говорить, но ничуть не о том, что высказано его противниками. Я ему сказал, что у него нет никакого определенного взгляда на историю, а он отвечал, что думает скоро его написать.

Новое издание *России и Европы* идет удивительно; в первые срок дней было продано 500 экземпляров. Литература молчит, — это просто чудеса! Если даже принять, что тут сказался протест против нашего умственного лакейства перед Европою, — то и то нельзя не радоваться. Не смешно ли? И Тимирязев и Фаминцын обвиняют самым серьезным образом Данилевского в *непочтительности* к Дарвину. Какое постыдное рабство! И оно всюду сквозит и дает великую силу и *Вестнику Европы* и *Северному вестнику* и *Русской мысли*. Бедный Юрьев! Он выдумал заглавие для журнала, который потом пошел прямо против своего заглавия. А видно по

всему, что Юрьева очень любили в Москве; на поминках о нем⁷ сказано было много действительно сердечного.

Историю с «Дарвинизмом» я вообще очень доволен. Я бы не отвечал на статью Фаминцына, если бы знал, что Тимирязев тоже ответит (в марте *Р[усской] мысли*). О, какой умный человек! Он обижается, что Фаминцын разбирает книгу, тогда как он, Тимирязев, уже все разобрал, решил и подписал. Но он справедливо доказывает, что разбор Фаминцына недостаточен. Так что настает явная необходимость, чтобы явился наконец подробный и основательный разбор книги. Но кто бы его ни писал и когда бы он ни был написан, дело кончится торжеством Данилевского, и следовательно моим.

Своей статейкою о Фете я очень доволен, и меня не мало огорчило, что и Фет не особенно меня благодарил, и Софья Андреевна, которая, в сущности, заставила меня поднатужиться⁸, ничем не заявила, что она довольна и прощает мне мои нападки на Фета. Но больше этого я ничего не мог сделать и — поверите ли моему самолюбию? — я думал, что моя статейка обрадует Фета не меньше чем камергерство⁹. Непременно, прошу Вас, Лев Николаевич, разъясните все эти важные обстоятельства; если в Ясной Поляне на меня не будут сердиться, то я в это лето как-нибудь выберу время и приеду к Вам. Тогда на свободе я Вам нажалуюсь на Фета, который так испортил себя в моих глазах, да и не в моих одних.

Но были у меня еще занятия — было 12 вечеров, занятых представлениями *Кольца Нибелунгов*¹⁰, и по крайней мере столько же сеансов у Репина. Так как мужчина достигает лучшего своего вида к 60-м годам, то лучше той фигуры, которую написал Репин¹¹, я, вероятно, никогда не имел. Ну, это так живо, что смешно становится смотреть. Большой он мастер, да и человек очень милый, очень умный, и с тонкой любознательностью. Приятно вспомнить эти сеансы.

Нибелунги были потруднее. Но я в день оперы с утра никуда не ходил, обедал дома очень умеренно, вовремя выпивал свой чай, и потому все выдержал со вниманием, и с каждым разом понимал больше и больше. Кончается эта трилогия проповедью нирваны; ruhe, ruhe, du Gott!¹² поет Валкирия Одину, сгорающему со своею валгаллою, и сама сожигает себя на костре. Но с этим связана мысль о переходе из одного фазиса нравственности в другой, чисто человеческий. Словом, есть та путаница, которая, по словам Менделеева, бывает в голове даже самого умного немца. Но яркость лиц, положений, настроений — удивительная.

Вот мои труды и забавы. Нынешнюю зиму я почти ничего не читал и не продолжал своего образования. А часто, чувствуя, как ослабела память и как трудно работает голова, я думаю, не пора ли перестать тянуться, и, если сам я осудил себя на одиночество, то не пора ли учиться, как жить только тем, что «единое на потребу».

За Вами я слежу прилежно, и душевно радуюсь, когда опять Ваш голос привлекает общее жадное внимание. Какое это громадное явление! И какая польза! Все хочется писать о Вас. Достал книгу Стэда¹³, но еще не прочел.

Дай Бог Вам здоровья и всего хорошего! Простите меня и помните,

Вашего сердечно и неизменно преданного

Н. Страхова

1889. 13 апр. Спб.

¹⁴4-е издание книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (СПб., 1889), с предисловием и статьей Страхова «Жизнь и труды Н. Я. Данилевского»; «Заметки о Пушкине и других поэтах» (СПб., 1888). Обе книги имеются в Библиотеке Толстого в Ясной Поляне.

²«Юбилей поэзии Фета» — «Новое время» (1889, № 4640, от 28 января); «Последний ответ Вл. С. Соловьеву» — «Русский вестник» (1889, № 2).

³«А. С. Фаминцын о «Дарвинизме» Н. Я. Данилевского» — «Русский вестник» (1889, № 4).

⁴Отзыв был отрицательный, так как в отчете о присуждении Пушкинских премий за 1888 г. рецензия Страхова не напечатана.

⁵28 января 1889 г. праздновалось 50-летие литературной деятельности А. А. Фета, по его собственной инициативе. Началом своей литературной деятельности Фет считал 1839 г., когда он через М. П. Погодина передал Н. В. Гоголю «желтую тетрадку» с образцами своего творчества. Гоголь советовал продолжать: «Это несомненное дарование». В 1840 г. Фет издал свои стихи отдельным сборником под названием «Литературный Пантеон» — см.: А. Фет. Ранние годы моей жизни (М-ва, 1893).

⁶Фаминцын Андрей Сергеевич (1835–1918) — физиолог растений, основатель Петербургской научной школы, академик Петербургской Академии наук (1884). В февральской книжке журнала «Вестник Европы» за 1889 г. Фаминцын напечатал статью «Н. Я. Данилевский и дарвинизм. Опровергнут ли дарвинизм Данилевским?».

⁷Редактор журнала «Русская мысль» С. А. Юрьев умер 26 декабря 1888 г.

⁸В письме от 28 декабря 1888 г. С. А. Толстая писала Страхову: «Цель моего письма... та, чтобы просить Вас содействовать празднованию старика [А. А. Фета]. Ведь Вы один из *генералов* литературы, и в Петербурге власть имеющий. Ведь Вы сами, вероятно, приедете, по крайней мере здесь все в этом уверены, а мы, все Толстые, радуемся, что это доставит нам радость провести с Вами несколько дней и просить Вас остановиться у нас. Так не можете ли Вы подговорить еще кое-кого от литературы приехать поздравить и отпраздновать Фета, и не напишете ли Вы хоть короткую оценку его литературной деятельности...» (ПТС, II, С. 210).

⁹А. А. Шеншин, «отставной гвардии штаб-ротмистр и почетный мировой судья Мценского уезда», получил придворное звание камергера Высочайшего двора 26 февраля 1889 г. при содействии Великого Князя Константина Константиновича (поэта «К. Р.»), который считал Фета своим учителем.

¹⁰«Кольцо Нибелунга» — тетралогия Рихарда Вагнера (Richard Wagner) (1813–1883) «Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид», «Гибель богов» (1854–1874). Ср.: Л. Н. Толстой. Что такое искусство? Гл. XIII, а также Приложение II.

¹¹Портрет Страхова работы Репина (1889) находится в Русском музее в Петербурге.

¹²*ruhe, ruhe, du Gott!* — будь в покое, будь в покое, Боже! (нем.)

¹³Стэд Вильям (William Stead) (1849–1912) — английский журналист, главный редактор журналов «Northern Echo» и «Pall Mall Gazette», сторонник социализма и профсоюзов. Автор книги «The Truth about Russia» («Правда о России») (1888). В апреле 1912 г., по пути из Англии в Нью-Йорк, где собирался выступать на конференции о всеобщем мире, он утонул при гибели «Титаника».

360. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

21 апреля 1889 г. Москва.

Спасибо, что написали, дорогой Николай Николаевич, и что присылаете свои статьи: я их тотчас же прочитываю и с пользою. Возражения ваши Фаминицыну¹ очень слабы, т[о] е[сть] не то что они неверны, а то, что Фаминицын, по-моему, подлежит уничтожению совершенному. Я еще до вас читал где-то торжествующие выписки из Фам[иницына]. «Фаминицын сам сказал, что Дарвин великий чел[овек] и его теория вел[икая] теория»; но почему это так и почему я обязан верить тому, что гов[орит] г-н Ф[аминицын], ни в вашей, ни в той статье нет, так что я заключаю, что Ф[аминицын] должен быть какой-нибудь научный первосвященник. Те пошлости, к[оторые] приводятся из его статьи, подтверждают это. Впрочем, Бог с ним и с Дарвином. Надеюсь, что вы не обидитесь, что я скажу, что это всё, т[о] е[сть] то, что мы думаем о том, как произошли виды, не только не важно, но что даже совестно нам, старым людям, готовящимся предстать там Тому, даже стыдно и грешно говорить и думать об этом. Спасибо, что думаете побывать у нас. Исполните, пожалуйста. Все вам, начиная с меня, будут очень рады.

Любящий вас Л. Толстой

Что Хельчицкого Сеть Веры² была ли напечатана в журнале академии и если была, то в каких номерах?

¹Так в автографе.

²Сочинение чешского религиозного мыслителя Петра Хельчицкого (1390–1460). В трактате «Царство Божие внутри вас» Толстой назвал эту книгу «одной из редких, уцелевших от костров книг, обличающих официальное христианство» (ПСС, Т. 28, С. 18).

361. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

18 мая 1889 г. Санкт-Петербург.

Наконец узнал я, бесценный Лев Николаевич, об Хельчицком. «Сеть веры» начали печатать в *Записках* Академии, но молодой человек Анненков¹, который наблюдал за печатанием, умер, и теперь дело остановилось и ищут кому поручить его. Он был ученик В. И. Ламанского и готовился защищать диссертацию на магистра. Может быть мне удастся достать напечатанные листы, и тогда я привезу их в Ясную Поляну². С большою радостью я думаю об этой поездке к Вам — я так давно Вас не видал! Упрекая меня за предметы моих писаний, Вы пишете: «надеюсь, Вы не обидитесь». Конечно нет; я ищу Вашего внимания и участия к тому, что делаю, но давно чувствую, что, может быть, Вы многим недовольны. Конечно, я сделал бы лучше, если бы написал что-нибудь хорошее об Вас, или об Шопенгауэре, или об П. Бакунине и т. д. Но нельзя было *отложить* того, что я вместо этого делал. Издание книг Данилевского и полемика из-за них не могли быть отложены, так же как похвала стихам Фета требовалась непременно к 28 января. Теперь я наконец освободился. Тимирязев разразился новою статьею, уже против Фаминцына (меня он слишком презирает, чтобы со мною связываться), и я могу считать дело совершенно выигранным, т. е. что на *Дарвинизм* обращено полное внимание нашего ученого мира и вопрос об этой книге поставлен громко.

И это, я думаю, — дело доброе. У молодых людей есть горячая жажда к знанию. Заглушить ее невозможно, да и нет нужды; нужно ее утолить и нужно разрушить тот мираж ложного знания, на который они неудержимо бросаются, когда ничего другого не видят. Поколебать Дарвина — какой удар, какое отрезвление! Сам я не без некоторого отвращения занимался этим делом, потому что с самого начала не нашел в Дарвине ничего питательного и, отвернувшись от него, искал других путей для понимания природы. Но Данилевский поступил правильнее и сделал нечто прочное, тогда как я остался при одних почти высокопарных замыслах. В следующих томах он хотел говорить о своем взгляде на организмы, доказывать бытие и свойства Божии; вообще он смотрел на свое сочинение, как на средство уничтожить материализм и нигилизм, и в одном письме к Н. П. Семенову говорит, что это средство будет лучше греческого и ла-

тинского языков, в которых Катков видел наше спасение от вредных учений³.

Обо всем этом и о многом другом я надеюсь поговорить с Вами, бесценный Лев Николаевич, в Ясной Поляне. Дай Бог только Вам здоровья, да и мне как бы не свихнуться. Вот уже месяц, как я чувствую себя совершенно здоровым, но до сих пор не перестаю этому удивляться.

Графине мое усердное почтение. Дай Бог ей сил и здоровья, душевно благодарю за ее письмо.

Ваш неизменно преданный
Н. Страхов

1889. 18 мая. Спб.

¹Анненков Георгий (Юрий) Семенович (1848–1885) — историк-славист, автор ряда работ по истории протестантизма в Польше и Чехии.

²18 июня 1889 г. Толстой писал П. И. Бирюкову: «Был у нас Страхов и уехал, привез мне Сеть веры Хельчицкого, напечатанная вся по-чешски, но по-русски приложенный перевод не кончен печатанием — около 1/3. Очень замечательное сочинение. Хотя я и многого ожидал от него, я не был разочарован...» (ПСС, Т. 64, С. 268).

³Все реформы в области народного просвещения, начиная с 1860-х гг., исходили от М. Н. Каткова, который видел в них средство противодействия нигилизму. Он отстаивал в образовании «классицизм»: религиозное просвещение, изучение древних языков — «общего наследия всего цивилизованного человечества» — и математики. В 1867 г. Катков основал в Москве Лицей (известный как Катковский) с целью на практике доказать преимущества «классицизма», поддерживал женское классическое образование. В Катковском лицее учился один из сыновей Толстого — Андрей.

362. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову¹

28 мая 1889 г. Ясная Поляна.

Просьба, дорогой Н[иколай] Н[иколаевич] Об искусстве, об истории этого понятия, что есть²? Об искусстве в широком смысле, но также и о пластическом в частности. Нет ли истории и теории искусства, кроме Куглера³, к[оторого], если у вас есть, привезите, пожалуйста. Да вообще помогите мне, пожалуйста, в предпринятой работе: нужно, прежде чем высказать свое, знать, как квинтесенция образованных людей смотрит на это. Есть ли такой Катихизис. Надеюсь, что вы меня поймете и поможете мне, а главное, сами скоро порадуете приезд[ом].

Л. Толстой

¹На обороте открытки:

Петербург. У Торгового моста, дом Стерлигова. Николаю Николаевичу Страхову.

²Весной 1889 г. Толстой работал над статьей «Об искусстве», которую предполагал напечатать в журнале «Русское богатство». Статья осталась незаконченной. См.: ПСС, Т. 30, С. 213–215.

³Куглер Франц Теодор (Franz Theodor Kugler) (1808–1858) — немецкий историк искусства и поэт. Толстой имеет в виду его труд «Handbuch der Kunstgeschichte» (1853–1854); в русском переводе Е. Корша — «История искусств» (1872, 5-ое изд.).

363. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

21 июня 1889 г. Санкт-Петербург.

Все сделал я, бесценный Лев Николаевич, так, как предполагал. В Москве пробыл одни сутки и никого не нашел; как раз с 15-го июня, когда я приехал, Музей¹ был закрыт на два месяца. И все время и 15 и 16 шел непрерывный дождь, так что я большею частью сидел в гостинице. В Петербурге я два дни писал доклад о книге Розанова² и вчера, 20-го, читал этот доклад в заседании Комитета³, которое было очень длинно и утомительно. Сегодня я совершенно свободен и хочу благодарить Ясную Поляну⁴ за ее гостеприимство. Всегда от Вас я получал освежение, всегда Ваши речи и все Ваше присутствие подымали меня; много я о Вас думаю и много люблю Вас и потому видеть и чувствовать Вашу душевную жизнь лицом к лицу — для меня большая радость, сильно меня трогает и оживляет. На этот раз, после долгого промежутка, я особенно ясно почувствовал, что Ясная Поляна есть тоже *центр духовной деятельности*, но какой удивительный! Другие центры, о которых пишется в тетрадке Стэда, иногда ничего в себе не содержат, суть пустые точки, важные только потому, что к ним направлены мысли и стремления живых людей, так что, зная эти точки, можно видеть направление этих стремлений. В Ясной же Поляне сам центр живой, лучистый, — Вы сами со своею неустающей мыслью и сердечною работою. Видеть это — значит видеть зрелище удивительной красоты и значения. Простите меня, что по своей привычке я Вас объективирую, стараюсь стать от Вас подальше и посмотреть на Вашу деятельность со стороны. Часто мне больно думать, что я, как и другие, не умею видеть того великого, что совершается вокруг меня, и только потому твержу иногда: все стало скверно, везде пошлость, упадок ума и вкуса. Если, однако, сравнить знаменитую эпоху *сороковых годов*, остатки которой мы видим в Григоровиче, Фете, Полонском, с нынешним временем, то как не сказать, что мы с тех пор много выросли и поумнели. Нигилизм и анархизм — ведь это очень серьезные явления в сравнении с тою болтовнею, которая составляет верх человеческого достоинства для Григоровичей и Фетов. И вся эта борьба, все мучительное брожение умов разрешилось и завершается Вашею проповедью, призывом к духовному и телесному исправлению, к той истинной *жизни*, к тому истинному *благу*, без которого ничтожны все другие блага и которое никогда не может изменить нам. Про-

неслось от Вас какое-то веяние, раздался звук, на который невольно откликаются сердца, которого заглушить, подавить — ничем невозможно. И я верю, что дело, Вами начатое, уже никогда не умрет, что люди страдающие, ищущие, колеблющиеся постоянно будут приходить к выходу, который Вы нашли и указали. Дай Бог Вам здоровья, дай Бог сил и всего, что нужно для Вашего *дела*!

Когда-нибудь да напишу же я об этом подробно для печати. Теперь же я принужден раздумывать о Тимирязеве¹. В Москве под дождем я заехал-таки в контору *Русской мысли*, но оказалось, что июньская книжка еще не выходила. Вчера я купил ее здесь и прочитал еще двадцать страниц брани на себя. Но в конце стоит «*окончание следует*», так что в июле мне предстоит новое удовольствие! Эта часть еще хуже прежней: тут уж все спутано до непонятности. В доказательство моего плутовства Тимирязев ссылается и на Соловьева — значит, выходка Соловьева пошла в прок, кому надо.

И как они не боятся так срамиться!

Непременно я Вам пришлю в Ясную свою статью для сравнения; достану у кого-нибудь.

Простите меня, бесценный Лев Николаевич. Софье Андреевне мое усердное почтение, и всем большой поклон и благодарность; все были так добры ко мне, что я искренно тронут и не знаю, чем это заслужил.

Ваш душевно любящий
Н. Страхов

1889. 21 июня. Спб.

P. S. Здоровье мое удивительно, особенно после простуды, которую перенес ночью в вагоне, когда ехал сюда.

Все — как рукой сняло!

¹Московский Публичный и Румянцевский музей (ныне Российская Государственная библиотека).

²В. В. Розанов. О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания (М-ва, 1886). Доклад Страхова был напечатан в «Журнале Министерства Народного просвещения» (1889, сентябрь).

³Ученого Комитета Народного просвещения.

⁴Страхов гостил в Ясной Поляне с 30 мая по 14 июня.

⁵Статья К. А. Тимирязева «Бессильная злоба антидарвиниста» печаталась в журнале «Русская мысль» (1889, №№ 5, 6, 7).

364. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

24 июля 1889 г. Санкт-Петербург.

Думаю, бесценный Лев Николаевич, что Вы побранили-таки меня за мою неисправность. Но я все помню и все сделаю; только тут у меня так скоро стали проходить неделя за неделю — я точно сам собою качусь куда-то по привычной колее. Арнольда¹ я Вам прислал не на время, а в подарок; я выписал для Вас этот экземпляр из-за границы. Подарок не дорогой (меньше 4-х рублей) и не стоит благодарности, особенно потому, что один угол попорчен — в моих глазах это большой порок, за который очень прошу извинить меня. Другое обещание исполняю сегодня. После долгих поисков, у всех знакомых, пришлось отправить к Вам всю книжку, где первая часть *Всегдашней ошибки*². Тимирязев сделал сравнение очень удобным: он на каждую мою главу отвечает главою под тем же заглавием. Если Вы все еще этим интересуетесь, то сравните несколько глав; Вы увидите, какие жалкие усилия он делает и как он постоянно *уходит в неопределенность*. Со своей стороны, я усердно прошу Вас сделать это сравнение. Вы можете указать мне, где мои рассуждения всего слабее, или всего хуже изложены, и где мой противник имеет самый победоносный вид. Хуже всего у него то, что он не понимает моего ясного и точного изложения, ему все кажется путаницею, и он думает, что я *нарочно* делаю эту путаницу.

Что касается до искусства, то справка не готова — я только заглянул кой-куда и наметил книги, которые нужно просмотреть. Думаю, что понятие об искусстве, как об особой области, явилось у греков, и что у Платона нужно искать рассуждений о таком уже установившемся понятии.

Пересчитать сто лучших книг, — за эту задачу я тоже не принимался. Впрочем — дело не важное и мой список Вам не особенно нужен.

Но самое грустное то, что я не исполнил обещания, данного Софье Андреевне — не описал моего нынешнего посещения Ясной Поляны, т. е. еще не описал. Между тем я беспрестанно переносую туда мыслью и вспоминаю об Вас с умилением. Мне хотелось бы, Лев Николаевич, сколько-нибудь высказать Вам, как я люблю Вас. К Вам со всех сторон обращено столько любви, что не мудрено, если для меня у Вас недостает внимания. Между тем, мне кажется, я понимаю лучшее, что в Вас есть, Ваше несравненно-высокое нравствен-

ное стремление, Вашу неустанную борьбу, Ваше страдание. Несколько таких впечатлений из последнего свидания трогают и волнуют меня. То я вижу Вас в лесу с топором, когда минутами на Вас находил совершенный мир, полная, светлая душевная тишина, то слышу Ваш разговор, когда Вы называли себя юродивым, с волнением и страданием. Боже мой! иногда думаю я: неужели никто этого не поймет? Не удастся ли хоть мне написать об этом, хоть как-нибудь, хоть моим искусственным и отвлеченным языком? А кругом ведь то и дело слышатся о Вас глупые и пустые речи. Вы знаете, что у меня нет никакого простодушия, никакой способности создавать ореолы и ослепляться ими. Все, что можно сказать против Вас, я знаю и хорошо вижу. Но все это ничтожно в сравнении с тем, что говорит за Вас и чему я сочувствую всею душою, насколько только могу ценить и понимать нравственную красоту. О, дай Вам Бог здоровья и сил для Вашего прекраснейшего и труднейшего подвига!

Сам я физически очень поправился и чувствую бодрость и спокойствие, как редко со мною бывает. Статьи свои подвигаю вперед не торопясь. На Афоне умер отец Макарий³, которого я видел, когда там был, и который полюбился мне чрезвычайно, больше всех других монахов. Мне хочется написать о нем, т. е. о нем страничку и несколько страниц об Афоне и всей поездке⁴.

Простите меня, Лев Николаевич. Софье Андреевне усердное почтение и всей Ясной Поляне самые душевные поклоны.

Ваш неизменный
Н. Страхов

1889. 24 июля. Спб.

¹Арнольд Готфрид (Gottfried Arnold) (1666–1714) — немецкий лютеранский богослов и мистик. Страхов прислал Толстому его книгу «Unparteiische Kirchen- und Ketzer-Historie vom Anfang des Neuen Testaments bis auf das Jahr Christi, 1688» («Беспристрастная история церквей и ересей от начала Нового Завета до 1688 г. после рождества Христова» (Франкфурт-на-Майне, 1729). Эту книгу Толстой цитирует в своем сочинении «Царство Божие внутри вас» (ПСС, Т. 28, С. 52–53), она имеется в Библиотеке Толстого в Ясной Поляне.

²См. прим. 2 к Письму 349 Толстого к Страхову от 10 ноября 1887 г.

³Макарий (Сушкин) (1821–1889) — духовный писатель, игумен Афонского монастыря.

⁴Статья «Воспоминание о поездке на Афон (1881)» была напечатана в журнале «Русский вестник» (1889, № 10).

365. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

6 августа 1889 г. Ясная Поляна.

Очень, очень вам благодарен, дорогой Николай Николаевич, за Арнольда. Сколько я мог понять, пролистовав, понюхав его, эта книга очень хорошая и мне нужная. Но дал топор, дай и топориче — не будет ли ваша милость при случае сделать и сообщить мне справку о нем — кто он, где, когда был и как о нем судят ученые? Самую коротенькую. За обещание справки об искусстве (о понятии его) очень благодарю. Если случится, то сделайте, а нарочно не трудитесь. В Платоне я посмотрю сам: у меня есть. Последнюю статью Тимирязева прочел. Очень дурно, нравственно дурно, а потому наверно и всячески дурно. Непременно сличу, п[отому] ч[то] всё это дело — двояко: и в частности (о вас) и в общем интересует меня. — И еще просьба. Жена¹ три письма писала Сереже² и, не получая ответа, беспокоится. Родных никого в П[етер]б[ур]ге нет. Будьте так добры, сделайте это для нас, напишите ему или зайдите и известите нас, а его распеките, т[ак] к[ак] по всей вероятности — от беспечности. Я живу очень радостно; много Бог дает радостно[го] со всех сторон; да и обучаешься понемногу смотреть, по совету Эпиктета, на вещи так, чтобы всё обращалось в радость. — Макарий — это Сушкин? — Ну, пока прощайте.

Любящий вас Л. Толстой

¹С. А. Толстая.

²Старший сын Толстых Сергей Львович жил в то время в Петербурге и служил делопроизводителем Центрального правления Крестьянского банка в Петербурге.

366. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

13 августа 1889 г. Санкт-Петербург.

Готфрид Арнольд родился в Саксонии в 1666 году и умер в 1714. Он был лютеранин, стал пиетистом¹ под влиянием Спенера², которого был учеником и другом, и пиетистом умер. Но в самый расцвет жизни (около 1700) он много лет был сепаратистом, христианином без церкви и вдавался в сильный мистицизм. Тогда он бросил место профессора истории Гиссенского университета и написал разные мистические книги, а также свою Kirchenhistorie³. В одной из мистических книг он проповедывал безбрачие, как высшую степень совершенства, а потом вдруг сам женился. Приятель его мистик Гихтель⁴ очень огорчился, особенно, когда пошли дети. «*Он впал в детей!*» писал Гихтель. Вообще, постоянства было немного у Арнольда, но рвение необыкновенное. Писаниям его нет конца. Он перевел на немецкий множество назидательных книг, Фому Кемпийского⁵, Макария Египетского⁶ и т. д.

Kirchenhistorie наделала страшного шума и лет сорок продолжались опровержения и споры. Это история церкви, рассказанная с точки зрения сепаратиста и мистика. Арнольд везде берет сторону сектантов и еретиков против господствующей церкви, и против католической и против протестантской. Поэтому он очень пристрастен, вопреки заглавию своей книги, но совершенно добросовестен и одушевлен наилучшим духом. Немцы очень любили эту книгу и она считается произведшею переворот в понимании церковной истории. Знаменитый Томазий⁷ (1655–1728), тот самый, который добился уничтожения процессов против ведьм, говорил, что история Арнольда «лучшая книга после Библии». Ученые теперь считают ее очень недостаточною, как историю, но до сих пор ценят потому, что в ней приведено много первоисточников, целиком помещены разные писания сектантов и мистиков. Поэтому до сих пор историки ссылаются на нее.

Гёте говорит о ней в конце 8-й книги Dichtung u[nd] Wahrheit⁸. Он тут излагает религиозные понятия, которые составил себе в молодости, и говорит, что при этом был под сильным влиянием Арнольда. Он называет его историком, исполненным благочестия и чувства.

А впрочем, две страницы, на которых изложена тогдашняя теософия Гёте, довольно смутны и безжизненны.

Словом *Благочестивый* я перевожу fromm, но это дурной перевод; мне не нравится русское слово, тогда как немецкое кажется мне удивительным, выражающим чистейшую религиозность.

Вот справка об Арнольде, бесценный Лев Николаевич. Что касается до Сережи, то я надеюсь, Вы уже дни два или три тому назад получили от него письмо. Он был у меня по предписанию начальства, потому что граф А. А. Голенищев-Кутузов⁹, к которому я обратился, в этот самый день неожиданно был сделан его начальником. Разумеется, все это шутка; Вы угадали, что он не писал по беспечности. Но кроме того, он действительно много работает на своей службе; приятно видеть, что от этого он стал оживленнее, чуточку похудел и не имеет и тени увальня. Правда, он получил вид светского столичного молодого человека, но в сущности остался, конечно, тем же Сережей. Голенищев-Кутузов, по-моему, есть настоящее сокровище — умный, добрый, скромный, истинный аристократ по простоте и изяществу, хотя фигура его простонародно-грубоватая. В Петербурге я никого так не люблю, как его. Он женат, имеет дочь лет десяти, пишет хорошие стихи, любит деревню, но не имеет состояния и потому служит в Банке.

Благодарю Вас за Ваш отзыв об Тимирязеве; Вы меня ободряете. Его статьи не дают мне покоя, я все обдумываю на них возражение и хочу сделать жестокое, то есть ясно выставить его глупость, хотя без резких слов. Ну где у таких людей наука, интерес к делу? Будь этот интерес и никогда не вышло *бы нравственно дурно*, как Вы пишете. Мне досадно, что спор, по вине Вл. Соловьева и Тимирязева, идет так нелепо; я это и выскажу и докажу.

О. Макарий — Сушкин, и я о нем теперь пишу¹⁰, ужасаясь только тому, что не могу *расписаться* и что у меня выйдет, должно быть, очень слабо. Статья будет маленькая и мне хочется только высказать одну мысль, о той радости, которую можно найти в монашестве и которая так и светилась в о. Макарии.

Погода у нас скверная; уже лето наше кончилось, все дожди и ветры, и тепла уже мало. Я простудился и бронхит, вероятно, с неделю продержит меня в комнатах. Но в таких случаях я чувствую себя как-то нормальнее; а то я все пытаюсь нарушить свое одиночество и только живее его чувствую.

Дай Бог Вам всего хорошего. Душевно благодарю Вас за письмо — для меня это такая радость! Как идет Ваше писание? Прошу Вас сравнить хоть две-три моих главы (начиная с третьей) с Тимирязевскими. Простите меня! Графине¹¹ мое усердное почтение, а также Татьяне Андреевне и Александру Михайловичу¹² и всем, кто меня помнит.

Ваш Н. Страхов

1889. 13 авг. Спб.

О книжках *Киркегора*¹³ я справлялся в книжной лавке — ничего не знают. Не нашла ли их Татьяна Львовна¹⁴? Тогда можно узнать, где их купить.

¹*пиетист* — последователь пиетизма (от лат. *pietas* — благочестие), мистического учения в протестантизме (особенно в лютеранстве), ставившего религиозное чувство выше религиозных догм.

²Шпенер Филипп Якоб (Philipp Jakob Spener) (1635–1705) — лютеранский богослов, основатель пиетизма.

³*Kirchenhistorie* — история церкви (нем.)

⁴Тихтель Иоганн Георг (Johann Georg Gichtel) (1638–1710) — немецкий мистик, противник Шпенера и лютеранского духовенства. Пять томов его переписки издал (без его согласия) его ученик Готфрид Арнольд (1701, 1708); эти работы позже переизданы под названием «*Theosophia practica*» — см. в частности 7-е издание (Берлин, 1768). Последователи Гихтеля назывались гихтелианцами или братией Ангелов, потому что воздержанием от брака и радостей мира и созерцательной жизнью думали сравняться с ангелами.

⁵Фома Кемпийский (Thomas a Kempis) — наст. фам. Хемеркен или Хемерлейн (Haemerken/Haemerlein), иногда встречается в латинском варианте: Маллеолус (Malleolus — маленький молот) (ок. 1380–1471) — нидерландский религиозный мыслитель, которому приписывается трактат «*De imitatione Christi*» («О подражании Христу»), изданный в Лейдене в 1622 г.

⁶Макарий Великий или Египетский (301–391) — отец церкви. Все известные сочинения Макария (более 50-ти) имеют формы беседы нравоучительного характера.

⁷Томазий Христиан (Christian Thomasius) (1655–1728) — немецкий философ и юрист.

⁸И.-В. Гёте (Johann Wolfgang von Goethe) (1749–1832). «*Dichtung und Wahrheit*» (или «*Wahrheit und Dichtung*») («Поэзия и правда из моей жизни») — автобиографическая книга великого немецкого поэта. (1811–1833).

⁹Толенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848–1913), граф — поэт, в конце 1870-х—начале 1880-х гг. служил в «Обществе взаимного поземельного кредита», с 1889 по 1895 гг. был управляющим Дворянским Поземельным банком, с 1895 г. до конца жизни — секретарем императрицы Марии Федоровны.

¹⁰Об отце Макарии Страхов писал: «К числу *светлых* монахов принадлежал и игумен, отец Макарий... Его вид и речи, и движения пленили меня с первого же взгляда, так пленили, что я не пропускал ни одного его слова, что старался быть во время службы в церквях, где он служил, и с глубокою отрадою вслушивался в его возгласы. А видеть его вне церкви мне удалось все-таки только три или четыре раза. Но он поразил меня и кра-

сотою своего лица и голоса, и вместе простотою, живостью и безмятежной добротою во всяком своем движении. Он был небольшого роста, но очень правильные черты его лица были крупны; лицо было бледно и чисто, как будто точеное из слоновой кости: прекрасные большие серые глаза были очевидно близоруки (он иногда прищуривался) и были прозрачно-чисты, как бывают только у истинных девственников и постников. Он не улыбался, но на лице была, так сказать, постоянная готовность к улыбке. Речь его не имела и тени книжности, или, вообще, той искусственности, проповеднической приподнятости или молитвенной размягченности, которая часто свойственна духовным особам. Это была краткая, простая, всегда оживленная речь. И он беспрестанно шутил, он при каждом предмете находил веселую сторону, как бы отнимал серьезное значение у трудов, которые сам нес, и у всяких хороших и дурных житейских случаев, о которых заходила речь. ...Монахи благоговели перед тем высоким примером, который он подавал им собою. Никто в такой строгости не исполнял всех молитвенных упражнений; «он, как свеча, горит перед нами», говорили монахи. ...Монахи жаловались мне, что игумен слишком добр, ни в чем не отказывает братии, а потому к нему идут даже со всякими пустяками. ...Отец Макарий был из рода богатых купцов Сушкиных и, может быть, бодрость и ясность, которою он дышал, составляют некоторое наследие живучести и деятельности, свойственной купеческому сословию. Он умер 69 лет, пострижен в монахи в 1851, был игуменом с 1875» — Н. Страхов. Воспоминания и отрывки (СПб., 1892), С. 34–37.

¹¹С. А. Толстая.

¹²Т. А. и А. М. Кузминские.

¹³Кьеркегор (Киркегор) Сёрен (Søren Kierkegaard) (1813–1855) — датский теолог и философ-идеалист, предшественник современного экзистенциализма.

¹⁴Татьяна Львовна Толстая, старшая дочь Толстых.

**И-23. Портрет Н. Н. Страхова, выполненный
Татьяной Львовной Толстой в 1880-х гг.**

367. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

31 августа 1889 г. Санкт-Петербург.

Меня понуждают, бесценный Лев Николаевич, обратиться к Вам с просьбою. «Русский вестник» был бы очень счастлив, если бы мог напечатать Вашу повесть¹, о которой уже здесь пронеслись слухи. Условия будут зависеть от Вас. Могу вполне ручаться, что условия будут в точности исполнены.

Прошу Вас простить меня, если понапрасну беспокою Вас. Мне нельзя было отказаться и я совершенно не знаю, как Вы думаете распорядиться с Вашим новым произведением.

Дай Бог Вам благополучно его кончить; жду его с величайшим нетерпением.

Покорно Вас благодарю за Киркегора²; так это оттиски статей, которые я уже видел! Прочту их всласть и постараюсь достать немецкий полный перевод — почему-то много жду от этого писателя.

Самому мне все еще нездоровится и я едва начал выходить. — Но сидя дома я написал свое *Воспоминание об Афоне*, которое, в сущности есть маленькая защита монашеской жизни.

Боже мой! Уже началась осень, короткие, пасмурные, холодные дни! Не могу я привыкнуть к Петербургу, и это лето вполне убедило меня, что в этом климате самые красные дни для меня мучительно неприятны.

На досуге я прочитал *La terre, Nana*³. Предметы очень серьезные; но как наляпано и сколько фантастических преувлечений и сочиненных эффектов! Что же до *Nana*, то, очевидно, автор не в силах положить разницу между публичной женщиной и честной. Публичная отличается только тем, что имеет способность возбуждать к себе неистовые, безумные пассии. Нет, это не так!

Еще раз — простите меня. Софье Андреевне мое усердное почтение и Татьяне Андреевне⁴. Великая благодарность Татьяне Львовне за ее хлопоты и письмо⁵. Александр Михайлович⁶, конечно, уже здесь теперь.

Ваш душевно и неизменно преданный

Н. Страхов

1889. 31 авг. Спб.

¹«Крейцера соната».

²Вероятно, речь идет об этно-религиозном трактате С. Кьеркегора (S. A. Kierkegaard): «En quoi l'homme de génie diffère-t-il de l'apôtre ?» («В чем отличается гениальный человек от апостола?») (в французском переводе Й. Готше (J. Gotzsche) с датского (Париж, 1886). Книга имеется в Библиотеке Толстого в Ясной Поляне.

³Э. Золя. Земля (1887); Нана (1880).

⁴Т. А. Кузминская.

⁵Письмо Т. Л. Толстой к Страхову от 29 августа 1889 г. из Ясной Поляны. Т. Л. Толстая писала, что нашла и посылает сочинения Кьеркегора и сообщала разные новости из жизни семьи Толстых и Кузминских (ОР ГМТ).

⁶А. М. Кузминский.

368. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

12 сентября 1889 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич!

Свое писанье, к[оторое] я почти кончил, я с Тат[ьяной] Андр[еев-ной]¹ посылаю в П[етер]б[ург] для напечатания у Гайдебурова². Я выбрал Гайд[ебурова] п[отому], ч[то] его издание бесцензурно и не враждебно христианству. Условия мои одни — то, чтобы не б[ыло] условий и чтобы тут же заявить, что это сочинение не составляет ни-чьей собственности, и я прошу всех перепечатывать и переводить его.

Говорят, что оно опять нецензурно, принимая во внимание нашу теперешнюю. Вообще вы поможете, я надеюсь и прошу вас, в этом деле, в печатании, в исключении, изменении чего нужно. Посылаю вам присланную мне моими корреспондентами по общ[еству] трезвос-ти³ Бунге брошюру⁴. Мне она очень понравилась, б[ыла] интересна, и показалось, что вам она также будет приятна, потому посылаю вам. Понравилось мне особенно то, что, по его мнению, совершенно обратно тому, что проповедуется всеми, всякий шаг физиологии впе-ред всё больше и больше рассеивает заблуждение об механическом объяснении всех явлений мира.

Ну, пока до свиданья, на том или этом свете. У нас всё хорошо, несмотря на то, что дети осенью хворают. Обещание вам проследить, сличая вашу статью и Тим[ирязева], еще не исполнил, но намерен. В каком положении ваше это дело? Да и все ваши писательские дела?

Любящий вас Л. Толстой

¹Т. А. Кузминская.

²Гайдебуров Павел Александрович (1841–1893) — публицист, прозаик, дра-матург, с 1876 г. редактор-издатель газеты «Неделя». С 1878 г. как при-ложение к газете стал выходить ежемесячник «Журнал романов и повестей», который был переименован в 1884 г. в «Книжки «Недели».

³Толстой принял горячее участие в борьбе с пьянством и даже основал об-щество трезвости, под названием «Согласие против пьянства». В него вхо-дили люди, подписавшиеся под обещанием не пить вина и не угощать вином. В списке членов «Согласия против пьянства», напечатанном в 1911 г. в № 3–5 «Известий Общества Толстовского музея», была 741 фамилия.

⁴Густав фон Бунге (Gustav von Bunge) (1844–1920). Борьба с алкоголизмом. Речь профессора физиологической химии (М-ва, 1889).

369. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

16 сентября 1889 г. Санкт-Петербург.

Весь к Вашим услугам, бесценный Лев Николаевич, в самом строгом смысле этих слов, и буду рад и счастлив, если что-нибудь смогу сделать. Мысль о том, что скоро буду читать Вашу повесть, уже приводит меня в восхищение; а там и можно будет определить, в чем затруднение и как с ним бороться.

Но теперь мне приходят на ум следующие мысли. Вы справедливо отдали предпочтение *Неделе*; но ведь это еженедельный журнал, в котором трудно поместить повесть сразу. Или это будет приложение отдельною книжкою? Во всяком случае, если допускается перепечатка, то не возможно ли сделать, чтобы повесть появилась в одно время, или очень вскоре и в *Русском вестнике*? Для того журнала, в котором я участвую, я желал бы если не *первого*, то хотя *второго* места в ряду изданий, имеющих возможность напечатать Ваше произведение. Добросовестнейший Павел Александрович¹, вероятно, будет вполне сообразоваться с Вашими желаниями. Итак, позвольте ли мне войти с ним в переговоры?

Брошюру Бунге я сейчас же прочел и очень благодарю Вас, что меня вспомнили. В основной мысли он прав и много сказал хорошего. Как ясно видно, что человека стесняют установившиеся, затвердевшие узкие понятия! Но некоторые его возражения неправильны. Напр[имер], что *органы чувств сообщают нам только механические познания*. Следовало бы сказать, что в наших органах чувств *до сих пор исследованы только механические условия*. Самые ощущения не исследованы, а в них-то и главная задача.

Как жаль, что у меня не хватает сил и бодрости, чтобы писать по части философии природы!

С великим трудом я кончил свою статью *Воспоминание об Афоне*. Теперь держу корректуру. Часто думал: что-то Вы скажете? Может быть дадите строгий приговор?

Теперь нужно написать страницу или две об Аполлоне Григорьеве²: 25 сентября исполнится 25 лет после его смерти.

Потом примусь за Тимирязева. Общий план ответа³ у меня уже составлен, и, не бранясь и не смеясь, я его допеку. Только мало у меня охоты, да и вообще писание идет так тяжело, как никогда не шло. Иногда я думаю: да не пора ли и совсем перестать? А потом

вспоминаю Ваши слова о том, как мало мы умеем ценить свои силы, и ободряюсь.

Завтра именины Софьи Андреевны. Дай ей Бог всего хорошего — мое душевное пожелание. Сережу и Александра Михайловича я видел в самом блестящем виде, но только на минутку, на улице.

Простите меня!

Всею душою Ваш
Н. Страхов

1889. 16 сент. Спб.

¹П. А. Гайдебуров.

²Статья Страхова «Поминки по Аполлоне Григорьеве» появилась в газете «Новое время» (1889, № 4876, от 25 сентября).

³Статья Страхова «Спор из-за книг Н. Я. Данилевского» была напечатана в декабрьской книжке журнала «Русский вестник».

370. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

27 сентября 1889 г. Санкт-Петербург.

Большое было мне разочарование, бесценный Лев Николаевич, когда Татьяна Андреевна¹ сказала, что не привезла Вашей повести; я весь горел жадностью прочитать ее. Но если Вы поправляете, то я знаю уже по многим опытам, — поправите к лучшему, и остается только радоваться и ждать. Говорила Татьяна Андреевна и о планах издания. Мне кажется, что единственный прямой и правильный план — напечатать с Вашим именем отдельною книгою, пустить по очень дешевой цене, только окупающей издание, и на самой книге объявить, что Вы отказываетесь от прав собственности: *автор позволяет перепечатывать*, кому угодно, безвозмездно и безнаказанно. Если Вы выпустите без имени, то, во-первых, не можете объявить отречения от собственности, а, во-вторых, хоть имени и не будет, а все будут знать — напрасная игра в жмурки, — да и можете сделать соблазн: начнут печатать без имени другие повести и приписывать их Вам под рукою. Лучше сделать прямо и просто, не выставляясь и не скрываясь, как это Вы до сих пор делали, как делали с *Властью тьмы*. Кажется, я тут мешаю не в свое дело — но не боюсь: Вы простите меня, зная, что ничего во мне нет, кроме чистого усердия к Вам.

Татьяна Андреевна не сдержала своего слова и передала мне Ваш совет — бросить полемику из-за Данилевского. Боюсь, что она не все сказала, что Вы ей поручали, но объясню Вам теперь, в каком положении дело. Мне оно опротивело и, к счастью, нужды в нем никакой нет, т. е. *уже* нет, так как шум из-за книг Данилевского поднят страшный, и теперь непременно станут об них писать. Вон *Кареев*² уже написал в *Р[усской] мысли* об *России и Европе*, — написал бестолково, но все-таки лучше Соловьева! Со своей стороны я задумываю только маленькую статейку для заключения спора, статейку *преимущественно* об Тимирязеве. Кстати: в конце декабря здесь будет *Съезд натуралистов*, и надеюсь, что вопрос об *Дарвинизме* будет обсуждаться на этом съезде. Во всяком случае, я совершенно спокоен, не то что при первых нападениях Соловьева и Тимирязева; поэтому, если буду писать, то напишу совершенно в кротком духе. В словах Татьяны Андреевны мне было не ясно, что *дурного* Вы находите в продолжении этой полемики? Я сам уже каюсь в своей горячности и постараюсь загладить ее.

Посылаю Вам мои последние печатания: об *Аполлоне Григорьеве* (в Н[овом] времени) и об Розанове³. Это все не важно, но и так коротко, что мне не очень совестно обременять Вас. Увы! приходится все писать и писать, а охота заметно убывает.

В Петербурге все очень спокойно, все затихает и застывает больше и больше. Или это мне так кажется и я сам застываю?

Простите меня. Софье Андреевне мое усердное почтение.

Всей душой Вам преданный
Н. Страхов

1889. 27 сент. Спб.

¹Т. А. Кузминская.

²Статья профессора Санкт-Петербургского университета Николая Ивановича Кареева «Теория культурно-исторических типов. (Н. Я. Данилевский: «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. Издание четвертое. Спб., 1889 г.)» была напечатана в сентябрьской книжке журнала «Русская мысль» за 1889 г., С. 1-32.

³См. прим. 2 к Письму 363 Страхова к Толстому от 21 июня 1889 г.

371. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

6 ноября 1889 г. Санкт-Петербург.

Вашу повесть¹, бесценный Лев Николаевич, я слышал 28 октября у Кузминских в большом обществе; читал Кони², очень хорошо. Простите, что до сих пор я не написал Вам, мешали дела, да я надеялся, что хорошенько обдумаю, и ждал, что мне дадут рукопись и я еще лучше пойму, когда перечту. Но время идет, и хочу написать, что понял по первому впечатлению.

Сильнее этого Вы ничего не писали, да и *мрачнее* тоже ничего. Много есть замечаний и описаний изумительных по глубине, до которой они проникают в душу, и страшных по своей правде. А сказаны и схвачены так просто и ясно! Герой Ваш — несравненный пример эгоиста, и эгоизм его является во всей своей отвратительности. Как хорошо, что он убивает жену не за вину, а просто по ревности, для которой у него в душе нет ничего сдерживающего, и которая совершенно права в отношении к его жене. Какой ужас! Какие мучения! Он убил, но они все-таки продолжают ненавидеть друг друга — вот где верх несчастья и страдания!

Что и говорить — правда дышит в каждой строке, в каждой сцене. Не смотря на то, я заметил, что впечатление у слушающих было смутное, да и мне самому что-то мешало вполне вникать в отдельные мысли и описания. Вы взяли форму рассказа от лица самого героя, форму, которая Вас очень связывала, а у слушателей являлись вопросы: кто собеседник? Почему рассказчик долго-долго не приступает к делу, а ведет рассуждения об общих вопросах? Притом, есть, как мне показалось, одна главная неясность: в каком духе он рассказывает? По некоторым местам можно подумать, что эгоизм в нем сломен, и он уже видит свои действия в истинном их значении; по другим кажется, что он готов опять и без конца убивать свою жену, и нет в нем и тени раскаяния.

Кроме того, развязка приходит слишком быстро, т. е. мало рассказано до той минуты, когда появляется музыкант. Поэтому кажется, что герой — не вполне нормальный человек, непомерно ревнив и нервен. Между тем, он человек обыкновенный и постепенно пришел в такое состояние. Долгие рассуждения, которые предшествуют рассказу, глубокие и важные, теряют силу от ожидания, в котором находится слушатель. Их следовало бы положить в сцены, которые,

однако, не мог продолжительно рассказывать убийца, занятый больше всего последнею сценою — убийством.

Но какое богатство содержания! Например, рассуждения о докторах, о музыке, о детях — да всех не пересчитаешь! А мысль о том, что люди перестанут наконец совершать грех, ведущий к деторождению! Она меня очень восхитила. Вообще, хотя многое взято односторонне, но удивительно верно, и односторонность понятна у человека, который приведен к убийству жизнью без понятий о долге, жизнью самоугождения, всеми теперь принятой и проповедываемой.

Вероятно, я с каждым новым чтением буду все больше влюбляться в Вашу повесть — так ведь всегда со мною.

Теперь скажу Вам смешное. Петербург, как Вы знаете, населен людьми очень стыдливými и строгими насчет нравственности. Вашу повесть нашли неблагопристойною. Редактор Берг³, успевший втереться на чтение, пришел в великое смущение от упоминаний об онанизме, сифилисе и т. д. Простите меня, ради Бога, что я уступил просьбе подобных пустоголовых людей и серьезно предлагал Вам печататься в Р[усском] вестнике. Не поверите, как мне самому тяжелы эти неизбежные сношения; я почти ненавижу и «Р[усский] вестник» и «Новое время», а приходится с ними иметь дело, быть их товарищем, сотрудником и водиться с ними по-приятельски. Какие времена настали!

С Вл. Соловьевым мы видаемся, т. е. больше он бывает у меня, но он все злодействует в В[естнике] Европы⁴, и я считаю долгом не молчать перед ним об этом. В последней статье он опирается на мнения Пыпина⁵, пишет, что стал его продолжателем. О, какой же ветер в этой голове! И все ему нужно писать сообразно с *настоящей минутой*; он публицист и политик не хуже Каткова. Нужно наделать побольше шума — вот главная цель.

Моя ответная статья Тимирязеву почти готова⁶. Не знаю, будете ли Вы довольны, но его истинная злоба показала мне, как я дурно прежде написал, и я взял теперь совершенно спокойный тон. Статья будет маленькая.

Здоровье мое очень хорошо. Недавно я зашел к Репину, и он, после нескольких слов, говорит: «а ведь портрет не похож! Вы гораздо лучше». И действительно, что-то во мне наладилось, что тогда скрипело.

Дай и Вам Бог здоровья и всего хорошего! Софье Андреевне мое усердное почтение. К слову — графиня Александра Андреевна⁷ много со мной говорила на чтении Вашей повести и велела к себе явиться. Она мне очень понравилась — есть у нее выражение истинной доброты. А больше всего на чтении меня заняла Татьяна Андреевна.

Никто не слушал с такою жадностью; она вся волновалась от впечатления. Ну а после нее всех жаднее был я,

Ваш неизменно преданный
Н. Страхов

1889. 6 ноября.

¹Повесть «Крейцерова соната».

²Анатолий Федорович Кони (1844–1927) — юрист и общественный деятель, выдающийся судебный оратор.

³Берг Федор Николаевич (1840–1909) — редактор-издатель журнала «Русский вестник».

⁴В журнале «Вестник Европы» в 1889 г. печатались «Очерки из истории русского сознания» В. Соловьева (май, июнь, ноябрь, декабрь), вошедшие затем во второй выпуск книги «Национальный вопрос» (СПб., 1891).

⁵В предыдущих очерках я считал излишним подробно излагать и разбирать славянофильские мнения, имея в виду критику славянофильства в известном труде А. Н. Пыпина («Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов»), с оценками и замечаниями которого я в большинстве случаев совершенно согласен — писал Соловьев в примечании к Гл. VII «Очерков» — «Вестник Европы» (1889, ноябрь), С. 363.

⁶Статья «Спор из-за книг Н. Я. Данилевского» была закончена 9 ноября.

⁷А. А. Толстая.

372. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

17 ноября 1889 г. Ясная Поляна.

Спасибо, Николай Николаевич*, за письмо. Я очень дорожил вашим мнением и получил суждение гораздо более снисходительное, чем ожидал. В художественном отношении я знаю, что это писание ниже всякой критики: оно произошло двумя приемами, и оба приема несогласные между собой, и от этого то безобразие, к[оторое] вы слышали. Но все-таки оставляю, как есть, и не жалею. Не от лени, но не могу поправ[л]ять: не жалею же оттого, что знаю верно, что то, что там написано, не то что бесполезно, а наверное очень полезно людям и ново отчасти. Если художественное писать, в чем не зарекаюсь, то надо сначала и сразу.

Очень радуюсь слышать о вас хорошие вести и о здоровье и о работах — главное, что ответ Тимир[язеву] и краткий и кроткий. Это высши[й] идеал. Посмотрим с интересом большим. У нас всё благополучно. Живем в деревне¹, жена не скучает. Учитель² очень удачный и русский — дарвинист большой. Швейцарец³ — из армии спасенья. Дети хворают, но немножко. Я занят и здоров. Чего и вам желаю.

Л. Толстой

*Примечание Л. Н. Толстого: Я так запутался в разных эпитетах при обращении, что решил отныне не употреблять никаких.

¹Зиму 1889/1890 гг. семья Толстых провела в Ясной Поляне.

²Алексей Митрофанович Новиков (1864–1927), в 1889 г. студент, учитель Андрея и Михаила Толстых; позднее — врач, ассистент профессора Снегирева.

³Гольцапфель (Holzapfel) — гувернер в семье Толстых, член религиозно-филантропической организации «Армия спасения».

373. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

24 апреля 1890 г. Санкт-Петербург.

Что Вам написать, бесценный Лев Николаевич? О своих работах не знаю, что сказать, Вероятно мой *Афон*¹ Вы нашли односторонним, краткий и кроткий ответ Тимирязеву² — не довольно кротким, *Сборника* Н. Я. Данилевского³, может быть, вовсе не читали, но, может быть, обратите внимание на мою последнюю книжку — 2-е издание 2-го тома *Борьбы*. Очень и очень прошу Вас, прочтите предисловие к этому изданию, а об остальном, т. е. о *Роковом вопросе* и что к нему относится (все это Вам неизвестно), не смею просить, чтобы Вы прочитали: писано это слишком *по-журнальному*, хотя и касается такого важного дела, как наши отношения к полякам. Вы знаете, конечно, что ничье внимание, ничей отзыв мне так не дороги, как Ваши, хотя чувствую, что полной похвалы я уже не могу заслужить от Вас.

Успех мой у публики до сих пор растет, хотя есть какое-то колебание и я начинаю ждать минуты, когда книги мои перестанут настолько расходиться, чтобы можно было еще и еще издавать. Например, *Заметки о Пушкине*⁴, кажется, сели. *Афон* имел удивительный успех — конца не было похвалам. Кстати — наконец я познакомился с Александрой Андреевной Толстою; она встретила меня у Кузминских, позвала к себе, и дважды я по часу и больше сидел у нее. Она все нападает на Вас, а я защищаю Вас. По случаю *Афона* она сказала: «ну, я прочла и вижу, что Вы верующий...» Я стал отсекаться и указывал на то, что в моем рассказе этого нет. Она очень добра и очень чиста. Какая прямота и искренность! А все-таки — нет у нее настоящего дела и она волнуется и хлопочет, чтобы наполнить жизнь.

К новому году Академия Наук выбрала меня членом-корреспондентом. Почему-то я был очень этим доволен, хотя выбран по Отделению языка и словесности, т. е. за хороший слог. Теперь стараюсь приучить себя говорить: *у нас в Академии*.

Успех *России и Европы*⁵ все еще растет, т. е. книга быстро расходуется, и случается слышать большие восторги от тех, кто в первый раз прочел.

Теперь я уже кончил все хлопоты с умственным наследством Данилевского и принимаюсь за свои темы — *о времени, числе и про-*

*странстве*⁶, и еще о законе сохранения энергии. Вторую тему думаю обработать летом — можно будет делать это во время поездок.

Здоровье мое не очень важное — грудь и живот часто не дают выходить из дому. Но голова свежа и старость подходит, кажется, покойная. Слышал я, что Вас мучили желчевые камни, и очень сожалел.

Вот мой полный отчет, бесценный Лев Николаевич. Одного тут не достаёт — моей нравственной жизни, и все мне думается, что я что-то откладываю, что есть что-то самое серьёзное, за что нужно взяться всею душою, и чего я не делаю. А впрочем, идеал жизни не есть ли жизнь самая простая, непритязательная, не порывающаяся? На дело не напрашивайся и от дела не отказывайся — как бы найти это равновесие?

С *Крейцеровою сонатою* — в литературном отношении я совершенно помирился, видя, как действует Ваша повесть. Конечно, Вы знаете, что целую зиму только об ней и говорили и что вместо *как Ваше здоровье?* обыкновенно спрашивали: *читали ли Вы Крейцерову сонату?* Цензура очень Вам услужила, задержавши печатание, и Соната известна теперь и тем, кто не читал *Ивана Ильича* и *Чем люди живы*, — или читал, да ровно ничего не вынес. А *Соната* написана так, что всех задела, самых бестолковых, которые приходили бы только в глупый сладкий восторг, если бы она была написана полною художественною манерою. Как естественно, что Вы торопились высказать нравоучение! Эта искренность и естественность подействовали сильнее всякого художества. Вы в своем роде единственный писатель: владеть художеством в такой превосходной степени и не довольствоваться им, а выходить прямо в прозу, в голое рассуждение — это только Вы умеете и можете. Читатель при этом чувствует, что Вы пишете от сердца, и впечатление выходит неотразимое. Разных мнений я передавать Вам не стану, хотя много было наговорено презабавных глупостей. Поразительно то, что чаще всего не замечали нравственной цели, не видели осуждения эгоизма и распутства; так все сжились с привычками эгоизма и распутства, что прямо обижались на Вас, зачем Вы нападаете на неизбежное и на то, с чем мы прекрасно поживаем. Только молодые умные люди, только чуткие и умные женщины понимали Ваше обличение, признавали зло, против которого Вы восстали, и сочувствовали проповеди целомудрия. Меня удивила Графиня Ал. Ал. [так!] Толстая — та прямо выпалила: «Как? Он хочет прекращения рода человеческого?» — Точно на ком-нибудь лежит обязанность хлопотать о продолжении этого рода! Уж не завести ли случные конюшни?

Простите меня — слишком много я Вам наболтал. *Плоды просвещения*⁷ удалось мне слышать у Татьяны Андреевны и я очень любовался — это картинно и смешно, и поучительно. Ну будет, будет мне писать! От всей души желаю Вам здоровья. Мое усердное поч-

тение Софье Андреевне. Татьяне Львовне величайшая благодарность за Киркегора. Читал я его, читал — сил нет, как тяжело! Я достал потом немецкий перевод, целую книгу, — думал будет легче. Нет, тоже самое! И переводчик его великий почитатель, пишет в предисловии, что не ручается, везде ли его понял. Ну как же это вышло, что такой непонятный писатель приобрел большую известность, и нашел себе последователей? Право, это трудно понять.

Ваш неизменно преданный
Н. Страхов

1890. 24 апр. Спб.

P.S. Часто выдаюсь с Ольгой Александровной⁸. Она замучена детьми и братом. Но и терпелива, и светла.

¹Статья «Воспоминания о поездке на Афон» — «Русский вестник» (1889, октябрь),

²Статья «Спор из-за книг Н. Я. Данилевского» — там же (1889, декабрь).

³Изданный Страховым «Сборник политических и экономических статей Н. Я. Данилевского» (СПб., 1890).

⁴Книга «Заметки о Пушкине и других поэтах» (СПб., 1888).

⁵4-е издание книги Н. Я. Данилевского, выпущенное Страховым в 1889 г.

⁶Статья не была закончена, опубликована И. П. Матченко в журнале «Русский вестник» (1897, № 1), С. 69–81; (1897, № 2), С. 264–278.

⁷Комедия «Плоды просвещения». Толстой начал работать над комедией в ноябре 1886 г., затем работа была приостановлена и возобновлена в 1889 г., когда дети Толстого и их друзья попросили писателя написать пьесу для домашнего спектакля. «Пьеса создавалась прямо по исполнителям и передавалась и переписывалась по крайней мере раз двадцать-тридцать, но окончательная отделка ее была произведена уже после спектакля, в январе 1890 года» — вспоминал учитель детей Толстого А. М. Новиков — «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», Т. I (М-ва, 1878), С. 449 После показа спектакля в Ясной Поляне 30 декабря 1889 г. он был повторен в Туле 15 апреля 1890 г.

⁸Данилевская, вдова Н. Я. Данилевского.

374. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

17...18 мая 1890 г. Ясная Поляна.

Получил и вашу книгу¹, и ваше письмо, дорогой Николай Николаевич. Из книги вашей начал читать то, чего не читал: атмосферн[ые] явления² и след[ующее]. Теперь прочту, что вы указываете. Я заболел дней 18 тому назад и теперь еще не справился. И болезнь очень хорошо, особенно при тех заботах, к[оторыми] я окружен, и так мало страданий, и так много поучительн[ого], подвигающего.

Почему вы говорите, что не оценю вполне теперь ни одного из ваших писаний? Нет, оценю и оцению — и очень — все ваши работы научной критики и философии и жду еще многого для себя и для других просветительного в этой области. Поездка мне скорее не нравится — именно тем, чем она нравится гр. Алекс[андре] Андревне (не Алексеевне) Т[олстой]. И утверждение о том, что повторение десятки раз сряду одних и тех же слов может быть не отвратительно по своему безумно и кощунственно механическому отношению к Богу, мне очень противно. Противно, п[отому] ч[то] вредно. Надо нам, старикам, глядя уже туда, помогать людям распутываться, а не запутываться. — Ну, простите ради Христа. Ошибаюсь ли, нет ли, но перед Богом считаю своей обязанностью сказать вам это. Мне всегда душевно больно, когда я вижу в вас эти черты умышленного принижения своего духовного я во имя чего-то такого мелкого, ничтожного, как привычка, семья, народ, церковь. Я знаю, что вы можете повторить: семья! народ! церковь! ничтожное; но от этого отношение вашего духовного, божеского я к этим названиям игрушек человеческих не станет другим. Нельзя идти назад. У меня есть очень умный знакомый Орлов³, к[оторый] говорит: я верю, как мужик, в Христа, Бога и во всё. Но ведь это нельзя. Если он верит, как мужик, в Христа, то этим самым он говорит, что верит совсем не так, как мужик. Мужик верит так, как верили и верят величайшие мудрецы, до к[оторых] он может подняться, отцы и святители, т[о] е[сть] верит в самое высшее, что еле-еле может поднять. И прекрасно делает. И так надо делать и нам, чтобы у нас была вера, к[оторая] бы выдержала в смертный час, quand il faudra parler français, как говорит Montaigne⁴. Да и как же нам верить в символ веры и его догматы, когда мы его со всех сторон видим и знаем до подробностей, как он сделан и как сделаны все его догматы. Мужик может, а мы не можем. И если брать уроки у народа, то не в том, чтобы верить в то,

во что он верит, а в том, чтобы уметь избирать предмет своей веры так высоко, как только можно, — покуда хватает духовный взор. Опять простите. И не спорьте, хотя бы я был не прав; а в ответ напишите мне о моих слабостях, те, к[оторые] вы видите, а я не вижу, да поядовитей, потимиразевское, и к[оторых] вы не можете не видеть.

А то на что бы и дружба.

Я без шуток прошу об этом.

Целую вас.

Л. Толстой

Прочел и Роков[ой] Вопр[ос]⁵, и Перелом⁶, и письма⁷. Понравилось мне очень характеристика нигилизма⁸. Очень верно и ясно.

Рок[овой] же В[опро]с и Пер[елом], как и всё славянофильское, — простите, простите — ужасно молодо. Ну что как вам на смертном одре напомним Рок[овой] вопр[ос] и всё славяноф[ильское], как вы презрительно и грустно улыбнетесь. — Я как будто нарочно раздраживаю вас, чтобы вы мне сказали, что вы в самые желчные минуты думаете о моих недостатках. Ведь мне это нужно. Радуюсь, что вы обещаетесь к нам приехать. Заключение спора о Дарвинизме⁹ мне понравилось.

¹Н. Страхов. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. Кн. II. Изд. 2-е (СПб., 1890). Книга с дарственной надписью: «Льву Николаевичу Толстому от неизменно преданного Н. Страхова» имеется в Библиотеке Толстого в Ясной Поляне.

²«Воздушные явления» — вторая статья из отдела «Ряд статей о русской литературе», С. 176–208.

³Орлов Владимир Федорович (1843–1898) — учитель.

⁴Монтень Мишель де (Michel de Montaigne) (1533–1592) — французский философ и писатель, автор сочинения «Essais» («Опыты»). В Гл. XVIII Тома I Монтень говорит: «À se dernier rôle de la mort et de nous il n'y a plus que feindre, il faut parler français» («В этой последней, предсмертной роли нельзя более притворяться, надо говорить по-французски»). Слова эти подчеркнуты Толстым в сохранившемся в яснополянской библиотеке экземпляре книги: Montaigne, «Essais». Édition complète en quatre volumes. («Монтень, «Опыты». Полное издание в 4-х тт.) (Париж, Издательство «G. Charpentier et Cie»). Богослужение католической церкви совершается на латинском языке, и словами о том, что перед смертью надо говорить по-французски, Монтень выражает уверенность, что в эти минуты недопустима никакая искусственность в поведении человека.

⁵«Роковой вопрос» — третий отдел в указанной книге Страхова, названный по заглавию первой входящей в него статьи о польском восстании 1863 г., С. 111–146.

⁶Первая статья в 4-м отделе «Ряд статей о русской литературе», С. 147–175.

⁷«Письма об нигилизме» — второй отдел в книге Страхова, С. 61–110.

⁸В конце Письма четвертого Страхов пишет: «...Общая мысль моя та, что нигилизм есть крайнее, самое последовательное выражение современной европейской образованности, а эта образованность поражена внутренним противоречием, вносящим ложь во все ее явления. Противоречие состоит в том, что все протестуют против современного строя общества, против дурных сторон современной жизни, но сами нисколько не думают отказываться от тех дурных начал, против которых протестуют...» (С. 110).

⁹Статья «Всегдашняя ошибка дарвинистов», Гл. XIV, С. 508–513.

375. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

21 мая 1890 г. Санкт-Петербург.

Не могу Вам выразить, бесценный Лев Николаевич, как меня обрадовало Ваше письмо. Во-первых, узнал об Вашем здоровье, о котором пронеслись такие беспокойные слухи. Во-вторых, — Вы разговаривались со мной: этого так давно уже не было, и одна из печалей моей жизни состоит в том, что Вы потеряли охоту со мною переписываться. Какая тяжесть — одиночество! Из добрых людей, с которыми пришлось водиться, только один довольно свободен умом, так что можно по душе поговорить. Но ему многого другого недостает. А остальные — вот я сейчас и перейду к Вашим упрекам. Мне часто бывает очень грустно, когда подумаю, в каком фальшивом положении я стою. Когда я говорю против Дарвина, то думают, что я стою за катехизис; когда против нигилизма, то считают меня защитником государства и существующего в нем порядка; если говорю против вредного влияния Европы, то думают, что я сторонник цензуры и всякого обскурантизма и т. д. О, Боже мой, как это тяжело! А что же делать? Иногда приходит на мысль, что лучше бы молчать, — и не раз я молчал, чтобы не прибавлять силы тому, чему не следует. Я изворачиваюсь и изгибаюсь сколько могу. Вы видели, с каким жаром я схватился за спиритизм¹; я очень горжусь тем, что написал книгу против чудес, и в сущности не очень сердился, когда Соловьев провозгласил меня за это материалистом. Как быть, как писать, когда кругом непобедимый фанатизм, и когда всякое доброе начало отразилось в людских понятиях в дикой и односторонней форме? И разве я один в таком положении? Все серьезные люди терпят ту же беду и часто принуждены молчать. Таково положение России, что между революционерством и ретроградством нет прохода; эти два течения все душат. Поэтому то, что Вы сделали, Ваше заявление самобытной религиозной мысли — я считаю великим делом; но ведь для этого нужно было то, что в Вас есть и чего у меня нет, да и ни у кого другого нет.

Вы у меня спрашиваете о Ваших недостатках; в самом деле, я их вижу, но вместе вижу, что ведь это и Ваши достоинства, так что я теряю всякую охоту Вас упрекать. Когда, бывало, при мне Вы спорите и сыплете парадоксы и крайности (не помните ли целый день с П. Ф. Самариним²?), мне бывало ужасно досадно за Вас, но я видел, что в основе Вы правы, а Ваш благоразумнейший противник стоит

на пустяках и Вас не понимает. Ваш главный недостаток тот, что Вы живете чувством настоящего дня; Вы все готовы отвергнуть, кроме этого чувства, и Вы забываете все то, чем прежде жили с таким же увлечением. Но ведь от этого именно и происходит, что Вы проникаете в такую глубину, открываете такие стороны, каких никто другой не видит. От этого самого происходит, что Ваши рассуждения и Ваши рассказы полны жизни, крови, силы, яркости неслыханной. Вас нужно слушать и учиться, а не рассуждать о Ваших недостатках.

Если, даст Бог, приеду к Вам, то может быть я решусь указать Вам, что мне кажется всего неправильнее в Вашей деятельности. Да нет, можно вообще сказать и теперь. Всего неправильнее именно отрицательная сторона, резкое, решительное отвержение того, что вне круга Вашей мысли и Вашего чувства. *Кто не с нами, тот против нас*³ — это верно; но это еще не значит: *мы против всякого, кто не с нами*.

С своей стороны, я чаще всего осуждаю Вас за *забвение*, за то, что Вы забываете прежнюю жизнь своей души. Вероятно, это неизбежно, но сам я в иных случаях так памятлив, что меня это удивляет в Вас. Мне помнятся мои детские, и юношеские, и зрелые чувства с такою живостию, что в последних Ваших писаниях я иногда нахожу странную неполноту и, кажется, мог бы Вам доказать ее на основании Ваших прежних произведений. Я помню и то благоговение, с которым стоял в церкви, когда был мальчишкой.

Но я завел длинную речь. Прибавлю только, что мне было очень совестно, когда Александра Андреевна⁴ и разные другие благочестивые люди причисляли меня к своим. Перед Ал[ександрой] Андр[еевной] я прямо отрекся: «нет, графиня, я нигде не выразил, что я верующий». Чувствовал я, что *Поездка* Вам не может понравиться; но как из церковно-верующих никто (впрочем, кроме Ольги Александровны)⁵ не заметил, что *Поездку* писал не верующий?

Мне так много хочется сказать Вам, что я все обрываю и не знаю, за что взяться. Теперь я пишу *О времени, числе и пространстве*, очень углубился, и, кажется, дело идет хорошо. Недавно была мне большая радость. Здешний молодой профессор философии, А. И. Введенский⁶, умный и даровитый, сказал мне, что, принявшись за вопрос об атомах⁷, он нашел, что я написал об этом *лучше всех*. Это меня окрылило. Значит, писание идет впрок. Давно уже я думаю только об одном: употребить с пользою те силы и те познания, какие есть, и больше ничего не искать. Думаю, что Бог меня простит, ибо искренно сознаю свою слабость и свое ничтожество. О смерти часто думаю; давно уже живу как будто в тени какого-то огромного крыла.

Вот, не сказал и сотой доли того, что хотел. Простите меня. О новостях житейских, — об Ольге Александровне, о смерти Влади-

славлева⁸, об изменении гимназических программ, — все это и такое откладывая до личного свидания, о котором думаю с огромной радостью.

Мое усердное почтение Софье Андреевне, Татьяне Андреевне и всем, кто меня вспомнит.

Ваш неизменный
Н. Страхов

1890. 21 мая. С.-Пб.

P.S. Мне думается, Вы не прочли моего нового предисловия⁹. Прошу Вас, посмотрите, особенно с XII страницы. Тут сказано о развитии организмов так, что не может быть сомнения в моей мысли. Впрочем, и сам Тимирязев не упрекает меня в предрассудках.

¹«О вечных истинах. (Мой спор о спиритизме)» (СПб., 1887).

²*День с П. Ф. Самариным* в присутствии Страхова не отмечен биографами Толстого.

³Видоизмененная цитата из Луки (11: 23): «Кто не со Мною, тот против Меня».

⁴Графиня Александра Андреевна Толстая.

⁵Ольга Александровна Данилевская.

⁶Введенский Александр Иванович (1856–1925) — русский философ и психолог, неокантианец. С 1890 г. профессор Петербургского университета.

⁷Имеется в виду статья Страхова «Об атомистической теории вещества. Критика теории атомов» (1858), входящая в книгу «Мир как целое» (1872).

⁸Владиславлев Михаил Иванович (1840–1890) — философ, профессор Петербургского университета. Был женат на племяннице Ф. М. Достоевского Марии Михайловне Достоевской.

⁹В книге «Борьба с Западом в нашей литературе».

376. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

24 июля 1890 г. Воробьевка.

Простите меня, бесценный Лев Николаевич, что я так запоздал; давно следовало бы и благодарить Вас и рассказать о том, что я здесь нашел¹, и даже продолжать тот разговор², который начался, когда дождь, к великому моему счастью, остановил меня в Ясной Поляне. Всю дорогу я думал об этом разговоре; но в Воробьевке я вдруг попал в такую глушь, в такие дебри речей и понятий, что меня совсем ошеломило, и я долго прислушивался, не зная, что мне говорить и делать. Старики даже обиделись. «Что ж вы все молчите?» говорит Полонский. «Разве мы все глупости говорим? Какая гордость! Вы хотите показать, что не стоит принимать никакого участия в наших спорах!» и т. д. Конечно, на такой упрек и я, полусуто, рассердился. С ними, действительно, стало уже трудно говорить. Они болтают слишком бессвязно и слишком много и часто недослышат и не понимают, особенно Полонский, которому вместо *курица* слышится *улица*, вместо *в дребезги* — *в древности* и пр. Не раз мне было жалко чувствовать, как они одряхтели, и невольно усиливалось сознание собственной дряхлости.

Разумеется, разговоры идут преимущественно о поэзии, Марциале, Фаусте и т. д. После живого ключа, который бьет в Ясной Поляне, я попал на узкую и глухую тропинку, по которой они ходят взад и вперед. Конечно, Афанасий Афанасьевич продолжает ратовать против христианских начал, забавно доводя свои речи до крайности, которая их опровергает. А впрочем, он глубоко скучает и не раз выражал жалобу на то, что все еще живет на свете.

Потом, когда я уже спелся с ними, на меня нашла новая беда — я простудился и несколько дней чувствовал себя нехорошо. Кажется, теперь все пропало.

Сейчас был у меня предлинный разговор с Фетом, и мне яснее прежнего стала удивительная уродливость его умственного настроения. Ну можно ли дожить до старости с этим исповеданием эгоизма, дворянства, распутства, стихотворства и всякого язычества! А посмотрите, как он верно держится за известные стороны древних, Гете, Шопенгауэра. В сущности, он всеми силами старается оправдать себя, то есть ту жизнь, которую вел и до сих пор ведет. Какое

безобразие мыслей! Если бы люди не были лучше своих мыслей и действий, то от Фета нужно бы отвернуться с презрением. Я старался объяснить ему, почему он не имеет успеха: «Люди просят у Вас хлеба, а вы даете им камень». И я указал ему на Ваш успех, который оттого и происходит, что вы даете пищу голодным.

В разговоре мне стало также ясно, почему он пишет все любовные стихотворения. Он их придумывает по ночам, во время бессоницы или во сне. Его жизнь проходит перед ним, и в ней самым важным и сладким оказываются заигрывания с женщинами. Он их и воспевает. Плохой я проповедник, но все-таки мне удалось высказать, что решительно не одобряю его мыслей и вкусов.

Все ношусь с мыслью писать об Вас. Статья Цертелева³ об Вас в июле *Русск[ого] обозрения* — истинное безобразие: так нетолково все и путано. Здесь я не могу ничего писать: лучшие часы утра отнимает Фет; но я все-таки успеваю много читать. Основательно познакомился с *Метафизикой в древней Греции* Трубецкого⁴ и нашел, что это превосходная книга. Например, мысль, что философия греков стоит в связи с их религиею; также мысль, что религия греков была подготовлением к христианству, — подобные мысли тут доказываются с большою ясностью и твердостью. Это настоящий историк, и он не так силен в тех местах, где пускается в отвлеченные рассуждения. Очень меня занял роман P. Loti «Pêcheur d'Islande»⁵, который я стал читать, когда наступили утомительные жары. Спокойно, серьезно, а по местам какая правда, схватывающая за сердце! Напр[имер], старуха Yvonne. Конечно, в целом это все-таки *сочинение*, как будто написанное в отпор картинам Zola. Во всяком случае, это настоящая литература, и нельзя не радоваться ее успехам.

Не знаю, как мне благодарить Вас за Ваше гостеприимство. Мне больше хочется извиняться за свою вялость, за то, что, может быть, досаждал Вам чем-нибудь. Если так, то было это против моей воли. Видеть и слышать Вас было для меня истинным наслаждением, и когда Вы на меня нападали, мне не так хотелось защищаться, как слушать то, что Вы говорите. Я очень счастлив этим месяцем в Ясной Поляне.

Дней через десять я тронусь отсюда и на денек заеду к Вам. Надеюсь, что здоровье Ваше поправилось — дай Бог!

Мои хозяева и Полонский просят передать Вам усердные поклоны. Софье Андреевне и Татьяне Андреевне мое большое почтение.

Ваш неизменно преданный

Н. Страхов

1890. 24 июля. Воробьевка.

¹Страхов приехал в Ясную Поляну 11 июня 1890 г., провел у Толстых месяц и оттуда поехал в имение А. А. Фета Воробьевка.

²11 июля 1890 г. Толстой писал в Дневнике: «...Вечером с Страховым спор о русском. «Одно из двух: славяно[ильство] или евангелие». Мы переживаем то ужасное время, о к[отором] говорил Герцен. Чингиз-хан уже не с телеграфами, а с телефонами и бездымным порохом. Конституция, известные формы свободы печати, собраний, исповеданий, все это тормоза на увеличение власти вследствие телефонов и т. п. Без этого происходит нечто ужасное и то, что есть только в России» (ПСС, Т. 51, С. 60).

³Статья князя Д. Н. Цертелева «Учение гр. Л. Н. Толстого о жизни» — журнал «Русское обозрение» (1890, № 7).

⁴Трубецкой Сергей Николаевич (1862–1905), князь — русский философ, публицист. С 1900 г. профессор Московского университета, в 1905 г. — его ректор. Его книга «Метафизика Древней Греции» вышла в 1890 г.

⁵«Pêcheur d'Islande» («Исландский рыбак») (1886) — роман французского писателя Пьера Лоти (Pierre Loti) — наст. имя и фам.: Луи Мари Жульен Вио (Louis-Marie Julien Viaud) (1850–1923).

377. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

3...4 августа 1890 г. Ясная Поляна.

Спасибо за хорошее письмо ваше, дорогой Николай Николаевич, я решил сначала, что не стоит отвечать на него, п[отому] ч[то] вы сами будете¹; но потом подумал, что вы захотите знать, прежде чем заехать, живы ли мы, здоровы [ли] мы, и испугался, что делаю нехорошо, не отвечая. Мы живы, здоровы и больше, чем всегда, под свежим впечатлением месяца, проведенного с вами, желаем вас видеть поскорее и подольше. Мне очень стыдно, что находящая на меня иногда мрачность могла подать вам повод думать, что вы могли быть неприятны когда-нибудь и чем-нибудь мне. Мне очень совестно за это. Жду вас с истинной любовью. Мой душевный привет Афана-с[ию] Аф[анасьевичу] и Мар[ье] Петр[овне]². Сережа³ сочиняет романсы и потому держит у себя книгу стихотв[орений] Фета. Я проходя заглянул в нее в элегии и, каюсь, прочитал многие из них с большим удовольствием. — Наши вам кланяются и ждут, равно и прекрасный кумыс⁴.

Ваш Л. Т.

¹Страхов заезжал в Ясную Поляну на обратном пути из Воробьевки и пробыл у Толстого с 8 по 10 августа.

²А. А. Фет-Шеншин и его жена Мария Петровна.

³С. Л. Толстой был талантливым композитором. В 1902 г. изданы два его романа на стихи Фета: «Я пришел к тебе с приветом» и «Мы встретились вновь после долгой разлуки» (Издательство П. Юргенсона). Еще четыре романа на стихи Фета («Полно спать», «Звезды», «Серенада», «Певице») остались неизданными, но С. Л. Толстой включал их в свои концерты.

⁴С. А. Толстая неоднократно приглашала на лето в Ясную Поляну семейство башкир, которые делали кумыс для больных.

378. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

22 августа 1890 г. Санкт-Петербург.

Простите, бесценный Лев Николаевич, что до сих пор не написал Вам и не выразил еще и еще моей глубокой благодарности за Ваше радушие, за многое, многое, а главное за ту душевную пользу, которую дала мне Ясная Поляна. Благополучно, хотя с большим неудовольствием добрался я 14-го до Петербурга. Тут нужно было писать доклад для Ученого комитета и провожать двух приятелей, — Вышнеградского¹ в Среднюю Азию и А. Н. Майкова в Константинополь². Меня немножко удивило, что Вы, мой главный интерес, так мало интересны для иных здесь. Боже мой! И умнейшие люди обыкновенно сплетают вокруг себя свой собственный кокон и живут в нем, не видя ничего кругом!

В Москве опять за мною очень ухаживал Вл. Соловьев и навещал и провожал в дорогу; как же я удивился, что в *Русской мысли* (сегодня только узнал и прочитал) он тиснул против меня презлую статью³. Вот уж по Иудиному! Впрочем, статья пустая, так что мне не хочется и отвечать; видно только, что он не может стерпеть, теряет хладнокровие. Прошу Вас, напишите, как Вы находите.

Теперь я очутился в большом уединении и в тысячу первый раз собираюсь перестать разбрасываться и вести правильную работу. Фет прислал мне письмо (я писал ему из Москвы), в котором продолжает споры, начатые в Воробьевке. Очень радуюсь, что письмо толково и настойчиво. Между прочим: «я прокормил в голодный год сотни голодающих, вылечил другие сотни от сифилиса, выстроил на вечные времена больницу, водворил в разных местах порядок в крестьянском землевладении и подарил крестьянам на 16 тысяч собственной земли». Буду отвечать ему, что он, значит, понимает, чем следует хвалиться, что я, как человека, и ценю его, а что мнения его все-таки богомерзкие и приводят его к скуке и пустоте.

Очень хорошо пишет Розанов: «Передайте ему (*т. е. Вам*) мою глубокую признательность за портрет⁴, к[аков]ой я сохраню, как его драгоценную память. Как хорошо он обо мне сказал: «Все молодость!»⁵. Спасибо ему! Во мне есть что-то детское еще, — это я знаю и глубоко берегу в себе и слежу с боязнью, не исчезает ли оно. Но, конечно, это перемешано и с высшей степени противоположным, — истинным старчеством. Только середины-то во мне не хватает, здоро-

вой мужественности. Не то бы я делал и не тем бы был, если бы обладал этим мужеством».

Статья Розанова о моей книге⁶ печатается в *Вопросах философии*, а та, которая назначалась для Р[усского] вестника, неудачна и не принята⁷.

Дорогою от Тулы до Москвы, наконец, познакомился я и с М[ихилом] Ал[ександровичем] Стаховичем⁸ — он удивил меня своею начитанностью, но оригинального в нем мало. Мы с ним и с Цертелевым и Соловьевым обедали в Москве, и мне было очень приятно с такими милыми людьми.

Вместе с этим письмом отправляю я и письмо к Kennan⁹. Очень я затруднился адресом и прошу у Вас прощения. Посылаю письмо в Лондон, так как *Century*¹⁰ там выходит и лишь пересылается в New-York, а я добыл лишь Лондонский адрес. Ну да во всяком случае, письму не миновать бы Лондона.

Смирнова Истории Церкви до сих пор не купил — завтра сделаю это и отдам в переплет. Между тем, пришла мне мысль предложить Вам книги, означенные на особом листке, который тут прилагаю. Не хотите ли? Напишите на стороне, какие Вам нравятся, и пришлите листок назад. Особенно рекомендую Гаузрата. Есть второе издание этой книги (и у меня есть), но я только для Вас готов расстаться с первым изданием. Ведь обыкновенно второе и следующие издания механически пополняются добавлениями и теряют ценность и свежесть. Guion Вы, конечно, знаете — многие части этих толкований на Библию переведены по-русски и в большом ходу у иных сектантов. Poiret¹¹, конечно, Вам неизвестен; это мистик в роде Арнольда, очень много писавший, друг Guion и Bourignon¹². Его книга — целая философия; он был сперва последователем Декарта и знает толк в этом деле. Он ученейший и знаменитейший мистик этого времени, конца 17 века. Знаю, что книги у Вас не в почете и часто терпят горькую участь. Тысячу раз Вы правы, откидывая их в сторону и отдаваясь живым делам и собственным мыслям. Но может быть, зашевелится у Вас любопытство. Гаузрата во всяком случае я Вам пришлю*.

Простите меня, бесценный Лев Николаевич. Рад я, когда вспомню, каким бодрым и светлым Вас оставил. Дай Бог и вперед! Большое почтение и благодарность Софье Андреевне и Татьяне Андреевне. Мой поклон еще может застать Александра Михайловича.

Ваш душевно

Н. Страхов

1890. 22 авг. Спб.

И-25. Портрет Л. Н. Толстого с его автографом для В. В. Розанова, Ясная Поляна (11 июня 1890). Дата и место — рукой Н. Н. Страхова.

В той же книжке статья Шелгунова¹³ против Вас, по поводу письма из Томска. Ш[елгунов] очень горд и глуп, а томский юноша — очень мил. Против Вас выставляются *Дарвин, Уоллес, Спенсер, Шлоссер*¹⁴, *Гервинус*¹⁵! Кроме Шлоссера — подбор знаменитых ту-пиц.

Вы, конечно, не читали *Беседы* Никанора¹⁶ об Крейцеровой сонате. Какая глупость! Какая оглобля! А раздражение большое — *бур-авит*, как Вы говорите.

На листке

Ответ

1) Некоторые черты о внутренней церкви (И. Лопухина), Спб. 1816

2) P. Poiret. L'Économie divine, 7 vls. Amsterd[am] 1687.

3) La Sainte Bible. Par mad[ame] de la Mothe-Guion. 20 vls. Par. 1790.

4) Hausrath, A. Neutestamentliche Zeitgeschichte, 3 B[an]de, Heidelb[erg] 1868—1873.

¹³И. А. Вышнеградский (см. прим. 3 к Письму 89 Страхова к Толстому от 21 марта 1875 г.).

¹⁴Сын поэта А. Н. Майкова Владимир служил в Российском императорском посольстве в Константинополе.

¹⁵Статья В. С. Соловьева «Мнимая борьба с Западом (по поводу книги Страхова «Борьба с Западом в нашей литературе, вып. 2)» — журнал «Русская мысль» (1890, Кн. 8).

¹⁶В письме к В. В. Розанову от 30 июня 1890 г. из Ясной Поляны Страхов писал: «...я сообщил Л[ьву] Н[иколаевичу], что есть на свете Василий Васильевич Розанов, причем невольно вспомнил Добчинского [персонаж гоголевской драмы «Ревизор»]. Ваше имя еще не дошло до Ясной Поляны... Потом я стал Вас характеризовать и хвалить... Когда же дело дошло до портрета с надписью, то мне стало совестно. Вероятно, Вы не имеете понятия о теперешнем положении Л[ьва] Н[иколаевича]. Слава его гремит по всему миру и растет с каждым днем. Прав К. Н. Бестужев, говоря, что со времен Вольтера не было подобной репутации, такого отклика на каждое слово, произнесенное писателем, во всех концах мира. Каждый день здесь приходят письма из России, Европы, Америки, с выражением сочувствия и восхищения; говорю *каждый* без преувеличения. Между этими письмами часто являются и просьбы ... об автографе, о портрете с надпи-

сю. Такие письма остаются без всякого ответа, и Л[ев] Н[иколаевич] показывал их мне не вовсе без насмешки. Вот почему я смутился, передавая Вашу просьбу.

Да будьте же похладнокровнее, дорогой Василий Васильевич! Ну что это у Вас вдруг загорелось такое бессодержательное желание? Пожелать, чтобы Л[ев] Н[иколаевич] вдруг написал собственною рукою Ваше имя, которое слышит в первый раз? Пожелайте лучше, чтобы он Вас прочел, чтобы написал Вам свое мнение. Со временем этого можно достигнуть, и это, конечно, стоит желания. Впрочем, графиня обещала мне найти портрет Л[ьва] Н[иколаевича], и если не забудет своего обещания, за множеством хлопот, я подуну портрет Л[ьву] Н[иколаевичу]...» — В. В. Розанов. Литературные изгнанники. Т. I (СПб., 1913), С. 228–229.

⁵В письме к Розанову от 24 июля 1890 г. Страхов писал: «...Вот Вам портрет, Л[ев] Н[иколаевич] заикнулся о желании надписать лишь свое имя, и я не стал настаивать. Все-таки у Вас будет память от него. Я давал ему прочесть Ваше письмо. «Все молодость», сказал он о Вас — и, я думаю, справедливо...» (Розанов, С. 230).

⁶В. Розанов, «О борьбе с Западом, в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов» — журнал «Вопросы философии и психологии» (1890, № 4).

⁷Статья Розанова «Три фазиса в развитии нашей литературы». В письме к Розанову от 26 августа 1890 г. Страхов писал: «...Берг [редактор «Русского вестника»] принес мне Вашу статью ... и я прочитал ее тотчас же с большими любопытством и удовольствием, но должен был согласиться, что *без переделки* ее напечатать нельзя. Неудачно — место о Добролюбове. Вообще, вся статья поверхностна, не по мысли, которая глубока и мне нравится, а по фактической подкладке, которая недостаточна...» (Розанов, С. 234).

⁸Стахович Михаил Александрович (1861–1923) — друг семьи Толстых. Общественный деятель, член Государственного Совета, затем посол в Испании. Один из основателей Музея Л. Н. Толстого в Петербурге. Умер во Франции.

⁹Речь идет о письме Толстого к Джорджу Кеннану (George Kennan) (1848–1924) от 8 августа 1890 г. (ПСС, Т. 65, С. 138–141).

¹⁰С мая 1885 г. по август 1886 г. по заданию журнала «The Century Illustrated Monthly Magazine», вместе с художником Джорджем Фростом (George Albert Frost) (1843–1907), Джордж Кеннан занимался изучением системы русской ссылки в Сибири. В 1887–1891 гг. в журнале печатались статьи Кеннана о пребывании в Сибири, изданные в 1891 г. отдельной книгой «Сибирь и система ссылки». Книга была переведена на многие европейские языки. В России она вышла только в 1906 г. По возвращении из Сибири Кеннан посетил Толстого в Ясной Поляне. Посещение это описано в его статье «A Visit to Count Tolstoi» («Посещение графа Толстого»), напечатанной в «Century» (1887 г., июль). Изложение этой статьи, под заглавием «Американец в гостях у Л. Н. Толстого», было напечатано в «Неделе» (1887, №28 от 12 июля — Толстой в воспоминаниях, Т. I, С. 364–380).

¹¹Пуарэ Пьер (Pierre Poiret) (1646–1719) — французский мистик, ученик А. Бурийон, издатель произведений Ж. Гион.

¹²Бурийон Антуанет (Antoinette Bourignon) (1616–1680) — фламандская христианская мистическая писательница, сторонница квиетизма.

*Примечание Н. Н. Страхова: Все это у меня дублиеты, и я буду рад, когда они очутятся в Ясной Поляне.

¹³Статья Николая Васильевича Шелгунова в журнале «Русская мысль» (1890, № 8) называлась «Очерки русской жизни» и касалась Толстого и его последователей.

¹⁴Шлоссер Фридрих Христоф (Friedrich Christoph Schlosser) (1776–1861) — немецкий либеральный историк, профессор Франкфуртского и Гейдельбергского университетов, автор 19-томной «Всемирной истории».

¹⁵Гервинус Георг Готфрид (Georg Gottfried Gervinus) (1805–1871) — немецкий историк, профессор Гёттингенского университета, автор книги «Geschichte der deutschen Nationalliteratur» («История немецкой национальной литературы») (1842).

¹⁶Архиепископ Херсонский и Одесский Никанор Бровкович (1827–1890) — духовный писатель, философ, публицист. Имеется в виду «Беседа Высокопреосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского, о христианском супружестве, против гр. Л. Толстого». Появившись впервые в южных провинциальных газетах «Крымский вестник» и «Волынь» и в журнале «Православное обозрение» (1890, № 8), «Беседа» была перепечатана в ряде изданий и выпущена отдельной книгой в Одессе. В заключении «Беседы» Его Высокопреосвященство говорит: «...как не стыдно графу Льву Толстому, уважаемому многими старику, сказать пред целым светом в глаза своей старой, уважаемой многими и, говорят, очень умной и дельной жене, все, что сказано им в его «Крейцеровой Сонате»... Не явный ли знак, что у старика, ослепшего от сатанинской гордыни, от превозношения выделывать из себя нового люцифера-светоносца, мозги перевернулись?! И как было самой жене не видеть этого, когда они выпускали в свет свою поганую «Крейцерову Сонату»? Ведь, говорят, она сама ведет все торговые сделки с распространением произведений своего мужа и ведет, говорят, претолково и прерасчетливо, несмотря на вербальное отречение мужа от всякой собственности. Видно, одну ослепляет корысть столько же, сколько другого гордыня. Слепец слепца водит и оба падают в яму неожиданно для себя...» — Восемь бесед высокопреосвященного Никанора Херсонского и Одесского (Одесса, 1891), С. 183.

379. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

3 сентября 1890 г. Ясная Поляна.

Спасибо, дорогой Николай Николаевич, за книги и за письмо. От книг не отказываюсь, т[ак] к[ак] они у вас дублиеты, а мистик интересен мне. Вообще ваши книги много раз мне были полезны. Нынче взял Арнольда¹. — Смирнова² я получил от Калмыковой. Пишите, работайте, дорогой Ник[олай] Ник[олаевич], и пишите то, что самое, самое задушевное. Трудно узнать, что самое задушевное, скажут. Это правда. Но есть приемы узнать. Во-первых, это то, про что никому не рассказываешь, во 2-х, то, что всегда откладываешь. — Я пишу так вам, п[отому] ч[то] сам это больно чувствую. Всё откладываешь, откладываешь, занимаешься менее нужным, а силы слабеют, и видишь, что не сделаешь того, что мог. Я думаю, что то же и с вами. Так давайте же делать, что можем, пока живы.

А для этого первое дело — не отвечайте Соловьеву. Я пробежал его статью и подивился: что его так задевает. По тону видно, что он не прав. По существу дела, не знаю. И, по правде скажу, не интересуюсь.

Я бы позволил себе вам посоветовать не отстаивать не только Данилевского писание, но и свое. — Если с выраженными мною мыслями кто-либо не согласен, то происходит это, главное, п[отому], ч[то] мы стоим на разных точках зрения. Продолжать мне говорить и разъяснять то, что я сказал, с той же точки зрения — бесполезно. Лучше сначала начинать, отыскивая другую более общую точку зрения, с к[оторой], может быть, он и увидит то же, что я.

У нас понемногу разъезжается народ. Засуха кончилась, в поле повеселело. На душе же у меня не скажу, чтоб было весело. Очень я недоволен собой — впал в равнодушие и праздность.

Прощайте пока, дай Бог вам всего истинного хорошего.

Любящий вас Л. Толстой

Все наши вам кланяются. Жена³ уехала вчера в Москву по делам. Что Хельцицкий⁴?

3 сентября.

¹Арнольд Готфрид — см. прим. 1 к Письму 364 Страхова к Толстому от 24 июля 1889 г.

²В Библиотеке Толстого в Ясной Поляне сохранились переплетенные вместе книги: Евграф Смирнов, «История христианской православной церкви. Курс III и IV классов духовных семинарий», изд. 5-ое (СПб., 1889); Евграф Смирнов, «История христианской православной церкви. Курс V класса духовных семинарий», изд. 4-е (СПб., 1886). Эти книги послужили Толстому материалом для работы над главой о церкви в книге «Царство Божие внутри вас».

³С. А. Толстая.

⁴Толстой спрашивает о судьбе издания сочинения П. Хельчицкого «Сеть веры». Оно было впервые напечатано в 1893 г. в издании Академии наук (полностью по-чешски и в сокращенном изложении по-русски). См. прим. 2 к Письму 360 Толстого к Страхову от 21 апреля 1889 г.

380. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

20 сентября 1890 г. Санкт-Петербург.

Ваше письмо, бесценный Лев Николаевич, очень меня тронуло и вместе ободрило. Буду Вас слушаться, непременно стану исполнять Ваш совет — писать о самом задушевном. Вы так бесподобно указали (то, что мы откладываем, и то, о чем никому не говорим), что я почувствовал всю правду Вашего совета и пришел от него в восхищение. И еще мне было подтверждение. Я стал рассказывать одному ученому приятелю, как Вы глубоко понимаете свое дело, и о Вашем совете. Но он меня не понял, и я тогда догадался, что у него самого ничего задушевного нет, что он не знает того, о чем Вы говорите. Если так, то пусть же он делает свое дело, а мне нужно делать то, что у меня есть, но чего ему и в голову не приходит. Благодарю Вас от всей души. Очень часто я себе не верю, сомневаюсь в значении своих писаний, и мне нужна поддержка, похвала, нужно ясное сознание, что я не обманываюсь в своей силе. В этом отношении я Вам обязан без конца, и буду Вас слушаться.

Ну вот, Боже мой, на первый же раз я не исполняю Вашего совета! Письмо Ваше застало меня за статью против Соловьева¹. Я стал колебаться, раздумывать и расспрашивать, и потом со всею силою пустился дописывать статью. Вчера сдал ее в редакцию, а сегодня, как напроказивший мальчик, хочу написать Вам, что я *вперед не буду!* Тут вышло особенное обстоятельство. Меня не Соловьев трогает, хотя он стал и писать, и вести себя пренеменно, — а мне важны читатели. Когда пишу, я Вас никогда не забываю, и думаю, что и для Вас успею сказать нечто новое (впрочем не в первой статейке, а во второй и последней, которая недели через две явится в *Новом времени*), а для массы читателей, Вы увидите, мои объяснения очень важны. Сказать по правде, мне очень тяжело так долго хлопотать о Данилевском, но так выходит, что нельзя бросить дела.

Итак, буду надеяться, что Вы простите меня со временем.

История с Соловьевым преудивительная. В Москве, когда я возвращался, он зашел ко мне с Цертелевым, облобызался, посидел. На другой день уговорились вместе обедать в Сл[авянском] Базаре; были тут и Стаховичи, и очень все было приятно. Потом он заехал ко мне проводить меня на жел[езную] дорогу. Там на станции принялись обедать. Он поставил бутылку рейнвейну, — я не пил, но подвернулся знакомый, ехавший тоже в Петербург, и пил за меня.

Потом простились, он зашел в вагон, еще раз расцеловались, и он говорит: «Я вам напишу, Н[иколай] Н[иколаевич]!» «Как мило!» отвечаю я: «пожалуйста напишите, не обманите». Приезжаю в Петербург и через несколько дней узнаю, что вышла его злая статья против меня. Еще через несколько дней письмо² от него из Красного Рога, начинается так: «Я хотел и не успел сказать Вам о своей полемической статье» и пр. Дальше следуют извинения и оправдания. «Поддерживать свою позицию в этом споре есть для меня обязанность». Книга Данилевского «вдруг стала специальным кораном всех мерзавцев и глупцов, желающих погубить Россию и уготовить путь грядущему антихристу. Когда в каком-нибудь лесу засел неприятель, то вопрос не в том, хорош или дурен этот лес, а в том, как бы лучше поджечь его». «Вы смотрите на историю, как китаец-буддист, и для Вас не имеет никакого смысла мой еврейско-христианский вопрос: полезно или вредно данное умственное явление для богочеловеческого дела на земле *в данную историческую минуту?*»

Вопрос, как видите, превосходный; Соловьев, как пророк, его решил, и, конечно, как инквизитор, сжег бы меня и все экземпляры *России и Европы*. Но дурень он, дурень! Что ж он сделает плохими журнальными статейками? Только себя осрамит! А между тем, он уже заранее торжествует в этом самом письме: «В этом споре из-за *России и Европы* последнее слово во всяком случае должно остаться за мной — так написано на звездах». Нет, он слепой человек, угорелый почти до помешательства.

Итак, погодите немножко и Вы увидите, что я не очень виноват.

В *Вопросах философии*, вероятно, Вы прочли статью Розанова обо мне. Его чистое воодушевление, порыв ко всему умному и высокому, сердечная теплота — очень тронули меня, больше даже, чем похвалы, из которых многие я нашел меткими и — каюсь — справедливыми в их восторженности. Впрочем, Вам дело виднее, Вы лучше разберете, что там верно, и что нет. Есть там и путаница.

«Но все мое удовольствие (так я написал Н. Я. Гроту) «было отравлено статьею г. Астафьева³. Она дышит такою яростью, она обращается с писаниями самого знаменитого в мире писателя с таким неуважением и произволом, она взводит на него такие нелепицы, что не могу понять, как подобная дикая статья попала в *Вопросы*». И дальше: «Они стоят за веру, а потому разрешают себе всякое извращение и неуважение чужих мнений; они стоят за нравственность; а потому считают долгом быть дерзкими и грубыми».

Одна из самых задушевных моих мыслей — написать об Вас; и останавливает меня то, что нельзя писать (т. е. печатать) об Вас лично и о многих Ваших писаниях; придется написать для посмертного печатанья.

Пока, простите меня. Может быть, скоро я пришлю Вам еще книг. Сношения с Калмыковой для меня наслаждение — какая жи-

вость в ней и теплота! Она теперь успокоилась — непрерывной, бескорыстной работою.

Мое усердное почтение Софье Андреевне, также Татьяне Львовне и Марье Львовне.

Ваш неизменный и глубоко благодарный
Н. Страхов

1890. 20 сент. Спб.

¹Статья Страхова «Новая выходка против Н. Я. Данилевского» была напечатана в двух номерах газеты «Новое время» (1890, № 5231 от 21 сентября; № 5242 от 2 октября).

²См.: Письма В. С. Соловьева. Т. I (СПб., 1908), С. 59–60.

³Статья философа П. Е. Астафьева (1846–1893) «Нравственное учение гр. Л. Н. Толстого и его новейшие критики» напечатана в журнале «Вопросы философии и психологии» (1890, Кн. 4).

381. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому¹

15 октября 1890 г. Санкт-Петербург.

Слава Богу, Вы здоровы, бесценный Лев Николаевич!

Получив письмо Татьяны Львовны², я все-таки беспокоился и поджидал лучших известий. Наконец, приехала Татьяна Андреевна³ и рассказала мне об Вашей и своей болезни, а вместе передала мне от Вас и выговор за статьи против Соловьева — к несчастью, очень неясно. Как бы мне хотелось самому послушать! Я послал Вам обе статьи, и прошу обратить внимание на вторую — в ней вся сила. Мне очень хотелось показать мысли Данилевского в их настоящем свете и отличить их от каких-нибудь выходов К. Н. Леонтьева⁴ и подобных патриотов. Когда я писал, то, как и всегда, думал о вас, и желал, сколько можно, вызвать Ваше внимание и одобрение. Между тем, сознаюсь, резкий тон статей мне потом самому кажется иногда противным. Но мне трудно было взять другой тон, да я даже прямо нахожу себе некоторое извинение — ведь сердитый тон легче для противника. Однако тон тоном, а от мыслей я никак не отступлюсь.

Мне рассказывают, что Соловьев очень сильно задет и собирается отвечать. Вот мне случай показать себя умницей — замолчу совершенно. Мне это не впервой, ведь и тут я в защиту себя ничего не сказал, и за это отдали мне честь некоторые читатели.

Вообще, однако, вижу, что полемика эта всем надоела и что газетных статей почти никто толком не читает. Чувствовал я это и прежде. И если бы Соловьев не раздражил меня своими ласками и своим лукавством, то я, вероятно, не увлекся бы, и лучше бы сделал.

Еще займу Вас собою. Розанову очень хочется знать хоть что-нибудь о впечатлении его статьи обо мне на Вас. Разумеется, и мне очень хочется знать Ваше суждение.

Теперь я Вас слушаюсь, я с головою ушел в статью о законе сохранения энергии. Радуюсь этой теме и с наслаждением готовлюсь к писанию.

Крейцерова Соната продолжает буровить⁵. Музыкальные магазины выписали новые тюки нот Бетховена, Никанор выпустил 2-е издание своей беседы, кн. Голицын написал *Не убий*⁶, и *Гражданин* ратует каждый день в защиту чистой нравственности. В этой же газете была статейка, которая мне понравилась. В ней говорится, что, должно быть, нравы у Вас в *Крейцеровой Сонате* описаны верно, потому что героиня *Не убий* изменяет мужу ни с того, ни с

сего, среди полного благополучия и порядка, так что браки в этом слое общества не всегда приводят к убийству, но уж всегда подвержены опасности прелюбодеяния. Эти выводы там сделаны так мягко, что *Гражданин* не догадался о противоречии и напечатал. Сам я, впрочем, не читал еще «Не убий».

Скажу Вам о своем здоровье, что я давно не чувствовал себя так хорошо. Какая-то бодрость. Судьбе своей я покорен совершенно и готов, кажется, спокойно встретить все, что ждет меня. Чувствую, впрочем, что не могу уже писать так хорошо, как прежде, но у меня теперь больше опытности и уверенности, и буду работать добросовестно, пока сознаю, что дело полезное.

У меня есть Farrar, *Life of Christ*?; не прислать ли Вам? Там очень хороши археологические подробности, а русскому переводу доверять нельзя — есть, конечно, неумышленные, но есть, наверно, и умышленные неверности.

Простите меня и вспоминайте иногда, какая для меня радость Ваше письмо. Мое усердное почтение Софье Андреевне, Татьяне Львовне и Марье Львовне.

Ваш навсегда преданный

Н. Страхов

1890 15 окт. Спб.

P.S. И забыл! Coleridge'a⁸ со временем Вы мне возвратите, а все остальное — пусть будет Вашим — ведь все это стоит мне пустяки; скажите спасибо только за выбор и старанье.

¹Публикуется впервые.

²Письмо Т. Л. Толстой к Страхову от 27 сентября 1890 г., написанное по поручению Толстого. Приводим его полностью:

«Многоуважаемый Николай Николаевич, папá получил ваше письмо и велел мне написать Вам, что он очень был ему рад и ответит Вам, когда будет в состоянии сделать это с толком, а сейчас он нездоров. У него был очень сильный припадок его боли [печени], который до сих пор не совсем отпустил его. Мы не слишком встревожены в этот раз, п[отому] ч[то] у него нет жару, и доктор сказал, что это признак хороший. До свиданья. Искренно уважающая Вас Т. Толстая. 27 сентября 1890» (ОР ГМТ).

³Т. А. Кузминская.

⁴Леонтьев Константин Николаевич (1831–1891) — публицист, критик, писатель.

⁵*буровить* — задевать (при движении). В письме к А. Н. Майкову от 2 августа 1890 г. Страхов писал: «...Между прочим, все еще приходят письма

и печатные отзывы о «Сонате». «Я уже мало обращаю внимания», говорил он [Толстой], «на всякую нескладицу этих отзывов; вижу только, что «Соната» делает свое дело, продолжает буровить...» — см.: Русская литература 1870–1890 годов (Свердловск, 1977), С. 141.

Толицын (псевд. Муравлин) Дмитрий Петрович (1860–1928), князь — прозаик, драматург. Рассказ «Не убий», полемизирующий с «Крецеровой сонатой», которую Муравлин считал «лживой», был написан в 1890 г.

⁷Фаррар Фредерик Вильям (Frederick William Farrar) (1831–1903) — английский церковный писатель, придворный капеллан.

⁸Колридж Сэмюэл Тейлор (Samuel Taylor Coleridge) (1772–1834) — английский поэт, публицист, критик и писатель по религиозно-нравственным вопросам. Страхов прислал Толстому его книгу: «Aids to reflection in the formation of a manly character, on the several grounds of Prudence, Morality and Religion. Illustrated by select passages from our Elder Divines, esp. Archbishop Leighton» («Помощь в размышлении для образования мужественного характера на основах благоразумия, нравственности и религии. Иллюстрирована избранными цитатами из наших духовных отцов, в особенности архиепископа Лейтона») (1825).

382. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

18 октября 1890 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич.

Простите, что не отвечаю на ваше письмо, а пишу о деле, утруждаю вас просьбой. Я получил статью из Америки¹, к[оторая] оказалась мне очень не только интересна, но полезна. Я сделал из нее извлечение и перевел приложенное в конце ее письмо. — Извлечение это мне хотелось бы напечатать². Помогите мне в этом. Прежде всего представляется «Неделя» — в особенности п[отому], ч[то] не хотелось бы обидеть Гайдебурова, если ему это может быть приятно. Если же Гайдебурову не нужно этого извлечения, то в «Новое Время». Письмо же, я думаю, нельзя напечатать по тому, что признано называть неприличие, ни в Неделе ни в Нов[ом] вр[емени], хотя бы очень этого хотелось. И потому нельзя ли его пристроить в специальный журнал или газету *Врач*³ или т. п.

Очень благодарен вам за книги. Все читал или скорее всеми пользуюсь. Ваши статьи, простите, прочел с грустью, хотя и понимаю ваше раздражение и удивляюсь на Соловьева. Здоровье мое опять хорошо. И многое тщетно хочется писать.

Желаю вам здоровья и сил писать.

Любящий вас Л. Толстой

Вчера получил письмо от Маши Куз[минской]⁴. Она пишет, что вы удивляетесь на мое молчание. Пожалуйста, простите и за молчание, и за просьбу о статье, и еще новую. — Некто Богомолец⁵, врач, жена⁶ кот[орого] на каторге по делу Киевскому политическ[ому] в 1881 году, просит, чтоб ему разрешено б[ыло] приехать в Петербург хлопотать о том, чтобы поехать к жене (она кончает каторгу и должна высылаться на поселение). Ему же, мужу, хотя и не судившемуся, запрещен, вследствие его знакомств, въезд в столицу. Не можете ли исходатайствовать через кого-нибудь это разрешение. Он основательно говорит, что необходимо быть самому. Он прошлого года просил и б[ыл] у Дурново⁷. Ему обещали и потом отказали. Нужно надоедать, а то забудут. Алекс[андра] Мих[айловича]⁸ я просил, но он отказался помочь мне. Поэтому вы ему не говорите. А если у вас нет других путей, то можно бы через Алекс[андру] Андревну Толстую. — Ну простите.

¹Статья называлась: «'The Twain shall be one flesh'. Diana, a psycho-physiological essay on sexual relations for married men and women» («И будут два в плоть едину». Диана. Психофизиологический очерк о половых отношениях для женатых мужчин и женщин») (Нью-Йорк, Издательство «Burns & Co»).

²Элиза Бернс (Eliza Burns), «Письмо к родителям и наставникам». Опубликовано в переложении под заглавием «Творческая сила жизни» в сборнике «Тайный порок», изд. 2-е (М-ва, «Посредник», 1910). Сделанное Толстым «извлечение», т. е. посланная при настоящем письме к Страхову статья Толстого «Об отношениях между полами», написана 13 октября и исправлена 14 октября. Напечатана впервые в «Неделе» (1890, № 43 от 28 октября).

³«Врач» — еженедельная медицинская газета, издававшаяся в Петербурге в 1880–1902 гг.

⁴Мария Александровна Кузминская (в замужестве: Эрдели) — старшая дочь Т. А. Кузминской.

⁵Богомолец Александр Михайлович (см. прим. 8 к Письму 349 Толстого к Страхову от 9...10 ноября 1887 г.).

⁶Богомолец Софья Николаевна.

⁷Дурново Иван Николаевич (1830–1903) — в 1889–1895 гг. министр внутренних дел.

⁸А. М. Кузминский.

383. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

27...28 октября 1890 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич.

Письмо это передаст вам, должно быть, Н. Н. Ге¹. Я всегда предпочитаю писать с оказией — живая грамота. О статье Розанова² я собирался писать вам, но забыл. Хотел даже перечесть теперь статью, но ее увез Сережа³. Сколько я помню, мне понравилось именно за то, что она высказывает то самое, что я всегда чувствую от чтения ваших книг, — расширение понимания и пробуждение интереса к тому, что прежде казалось мало интересным, [потому] ч[то] знакомым. Радуюсь знать, что вы взялись за настоящую работу⁴. — Про себя, к сожалению, не могу этого сказать. Утешаюсь тем, что сказано в 3-х Евангелиях в Гефсиманск[ом] саду: «Но не моя воля да будет, но Твоя (в одном). И не то, что я хочу, а то, что Ты хочешь (в другом). И не так, как я хочу, а как Ты (в третьем)»⁵. И когда вспомню это, то мирюсь с своей теперешней мне кажущейся непроизводительностью. Не знаем мы и не можем знать, чем мы призваны служить Пославшему. И то, что мы ценим в себе, может б[ыть], не нужно, а наоборот. Только бы помог Бог об себе забывать — отвергнуться от себя.

Спасибо очень за книги. Кольриджа пришлю. Я разочарован в нем. И что значит Coleridge и Ligton⁶, и только Ligton? — Фарара я терпеть не могу. Фальшивый писатель.

Помогай вам Бог. Обнимаю вас. Простите, что порученья вам надавал в прошлом письме.

Изложение брошюры «Дианы», после того, как я послал вам, мне разонравилось. Я много выпустил и смягчил, а то там есть нехорошее — удовлетворение чувственности в разных видах; и я боюсь, что она может подать повод к соблазну, особенно место о малороссийском обычае жениханья⁷. Да и лучше не печатать ее вовсе. Как вы скажете. Если же печатать, то вычеркните, что лишнее.

¹Ге Николай Николаевич (1831–1894) — художник, один из основателей Товарищества передвижников, автор экспрессивных, драматических композиций на религиозно-этические темы, напр. «Что есть истина?» (1890).

²«О борьбе с Западом в связи с литературной деятельностью одного из славнофилов» — журнал «Вопросы философии и психологии» (1890, № 4).

³С. Л. Толстой.

⁴Страхов работал над статьей «О законе сохранения энергии».

⁵Лука, 22: 42; Марк, 14: 36; Матфей, 26: 39.

⁶Очевидно, не «Ligton», а «Leighton» — Роберт Лейтон (Robert Leighton) (1611–1684), епископ в шотландском городе Данблен (Dunblane), потом архиепископ в Глазго.

⁷Имеется в виду следующее место из статьи «Об отношениях между полами»: «Замечательной иллюстрацией того, до какой степени отношение между полами подчиняется представлению о том, что считается хорошим, должным и желательным, служит поразительный обычай малороссийского женихания, состоящего в том, что сосватанные парни годами проводят ночи вместе с своими невестами, не нарушая их девственности» (ПСС, Т. 27, С. 287–288).

384. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

3 декабря 1890 г. Ясная Поляна.

Спасибо вам, дорогой Николай Николаевич, за хлопоты по моим делам¹, я не понял только, что значат слова Семенова: «всё будет сделано». Можно ли написать Богомольцу, чтоб он ехал в Петербург? Напишите, пожалуйста, тотчас же только ответ на этот вопрос. Книгу вашу² получил и прочел не только предисловие, но и многие статьи: они интересны тем, что по ним застаешь юность нигилизма; еще нет у него внушающих седин. — Что с Соловьевым ваша полемика кончилась, очень радуюсь за вас и еще больше за то, что он поймал вас³ и вы осрамлены. Я для себя желаю или, по крайней мере, хочу желать унижений: «горе вам, если хвалят вас и радуйтесь, если ругают...»⁴ Ведь это не шутка, не преувеличение, а истинная правда. Большая для души от этого польза, а от хвалы вред. Для себя желаю, потому и для вас также. Еще больше радуюсь, что статья ваша подвигается. Coleridge'a посылаю вам с Верочкой⁵. «Aids to reflection» сначала понравилось мне точностью выражений, а потом я увидел, что точность, ясность выражения, а не содержание — преобладающая забота, и оттолкнуло меня.

Я немножко пишу, но без большой охоты; но живу радостно.

Любящий вас Л. Толстой

¹Ответ на неизвестное письмо Страхова.

²Н. Н. Страхов, «Из истории литературного нигилизма 1861-1865. Письма Н. Косицы. Заметки летописца и пр.» (СПб., 1890). Книга, с дарственной надписью «Бесценному Льву Николаевичу Толстому от Н. Страхова», имеется в Библиотеке Толстого в Ясной Поляне.

³См. статьи В. С. Соловьева «Счастливые мысли Н. Н. Страхова. Письмо в редакцию» — «Вестник Европы» (1890, № 11) и «Немецкий подлинник и русский список» — там же (1890, № 12).

⁴Видоизмененная цитата из Луки, 6: 24; см. также: Матфей, 5: 11, 12.

⁵Вера Александровна Кузминская, дочь Т. А. Кузминской.

385. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому¹

3 декабря 1890 г. Санкт-Петербург.

Сегодня в *Новом времени* Суворин по поводу прелюбодеяния Парнелла² пишет, что грех сладок и привлекателен, а потому общество должно покрывать грешников позором, чтобы они удерживались. Мне кажется, бесценный Лев Николаевич, тут так и видно, что он вовсе не знает, как отвратителен грех сам по себе, и как сам себя наказывает. Да этого не знает и все огромное большинство и живет в этом незнании. Поэтому *Смерть Ивана Ильича* и *Крейцерову Сонату* многие пренаивно считают за клевету на нашу жизнь и ничего в них не понимают. Для многих даже ревность, любовь существуют только в романах, но все отлично понимают, что грех сладок и привлекателен. Чем дальше, тем мне яснее, какая удивительная оригинальность в этих ваших рассказах. Как будто перед нами носился огромный мыльный пузырь — Вы дотронулись и он лопнул, и вздуть его уже невозможно. Каждый новый Ваш рассказ, конечно, был бы таким же новым откровением человеческих страданий, скрытых под видом благополучия нынешних нравов и порядков. Поэтому у меня не выходят из головы Ваши трогательные слова, что Вам не работается, но что жалеть не нужно, а нужно думать о главном — отречься от самого себя. О, я уверен, что одно другому не мешает, а будет содействовать, как было это и до сих пор. Дай Вам Бог всяких сил!

Ге отдал мне Ваше письмо довольно поздно, часа два сидел у меня и похвалился своим бюстом³ и успехами своей картины⁴. Потом я был у него раза два, получил кучу немецких отзывов о его картине и видел бюст. Отзывы порадовали меня тем, что везде о картине говорят как о перворазрядном произведении; но настоящего разбора нет. Очень хорош отзыв пастора. И везде заметно (кроме разве этого пастора), что социализм они понимают, и борьбу бедных с богатыми, но христианство уже забыли. Бюст поразил меня мастерством, — какой у него сильный талант! — но есть какая-то черта неверная — en face. Я даже уверен, что по циркулю она верна, но она в Вашем лице производит не то впечатление, как в бюсте; как будто нос длинен. Не решился я сказать Ге, и, ужасная досада!, с тех пор не удастся мне увидеть Татьяну Андреевну, чтобы у нее спросить. Вообще, я думал, что увижу то самое, что видел, когда только что приехал нынче в Ясную Поляну; я очень любовался тогда Вашею

исхудавшею головою — и думал, что у Ге ее увижу. Нет! не достает той величавости и энергии. Посмотрим, что будет в меди и гипсе.

Относительно Богомольца, к несчастью, дело не удастся. Н. П. Семенов, взявшийся с величайшим усердием хлопотать, получил отказ, полный отказ. Он обещал разузнать, в чем беда, и непременно разузнает, но пока — нужно отложить надежду.

Теперь скажу и о своих маленьких делах. Я кончил и отослал свою статью. Когда перечитывал, мне самому понравилось: тут много мыслей, которые обдумывались десять и двадцать лет. Но страх меня берет — все связно, но вместе и отрывочно, — помните, как о сохранении вещества в Вечных истинах? Во всяком случае, темы такие богатые, что статья слишком мала и слаба.

Соловьев в декабре *Вестника Европы* опять напечатал против меня *Немецкий подлинник и русский список*, где очень бранится и доказывает, что Данилевский заимствовал все свои мысли у Рюккерта⁵. Исполню свое обещание Вам и не буду отвечать. Да мне стало совестно — и сам я немножко напутал, и его разгорячил до того, что он потерял все свое величие. Но у меня теперь так и пишется в голове ответ ему. Конец, конец — не буду больше писать ничего язвительного! Послушаю, что будут говорить, и пожалуй, напишу письмо к нему с предложением мира. Он приезжал сюда недели на две, и не был у меня — он действует и пишет, как обиженный, хотя тон все тот же победный. Однако же, он довольно бесплодный писатель, чего я не ожидал. Мысль у него не развивается, и он в каждой статье повторяет все те же аргументы, — меня удивляет, как он всегда умеет их приплести, — а дело не подвигается ни на шаг. Например, в последней статье я говорю о политической справедливости Данилевского — он не отвечает ни слова, а повторяет обвинение в макиавеллизме, да и говорит, что ему никто не отвечает на его возражения, и т. п. В дурные минуты я даже завидую этому апломбу, и на глаза многих я побит совершенно.

Если Вы заглянули в мою книгу, то скажите, какое впечатление. Думаю, Вы найдете, что предметы не важны, а если важны, то мелко взяты. Пока все благополучно, т. е. и читают и слегка похваливают.

Нужно все это бросить. Нужно приняться за себя и хоть немножко обмыть душу. Когда же будет это время чистых мыслей и чистых стремлений? Нужно писать о самом душевном, и я сегодня придумал, как написать статью об Вас, — чтобы было не длинно и очень содержательно.

Простите меня. Всей душою желаю Вам здоровья и бодрости. Мой усердный поклон Софье Андреевне, Татьяне Львовне и Марье Львовне.

Ваш неизменный

Н. Страхов

1890 3 дек. Спб.

¹Публикуется впервые.

²Парнелл Чарлз Стюарт (Charles Stuart Parnell) (1846–1891) — ирландский политический деятель, происходивший из старинного дворянского английского рода. В 1890 г. капитан Вильям О'Ше (Captain William O'Shea), сподвижник Парнелла, обвинил свою жену Катрин (Katherine O'Shea) в прелюбодеянии с Парнеллом и возбудил бракоразводный процесс. С его стороны были представлены убедительные доказательства, и суд вынес решение о разводе. В 1891 г., незадолго до смерти, Парнелл женился на госпоже О'Ше.

³Бюст Толстого работы Н. Н. Ге находится в Музее-усадьбе Л. Н. Толстого в Москве (ул. Льва Толстого, 21).

⁴«Что есть истина?» (1890). В феврале 1890 г. картина выставлялась на XVIII передвижной выставке картин Товарищества передвижных художественных выставок, однако 7 марта 1890 г. по распоряжению Санкт-Петербургского градоначальника генерал-лейтенанта Грессера была с выставки снята и изображение этой картины было изъято из каталога выставки. В апреле 1890 г. Н. Д. Ильин, частный поверенный в Петербурге, предложил художнику выставить картину за границей, на что получил согласие. П. М. Третьяков, купивший картину в июне, дал свое разрешение на это путешествие. Картина выставлялась в Германии, затем в Америке. См.: В. В. Стасов, «Н. Н. Ге» (Москва, «Посредник», 1904).

⁵Рюккерт Фридрих (Friedrich Rückert) (1788–1866) — немецкий поэт и ориенталист, профессор восточной литературы в Эрлангене и Берлине.

386. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

2 января 1891 г. Санкт-Петербург.

Очень я виноват перед Вами, бесценный Лев Николаевич, что не написал Вам ничего с Марьей Александровной¹; но и тогда, и до сих пор мне было не по себе. Хорошо бы быть больным, а то ни болен, ни здоров, и вместо спокойствия чувствую тоскливость и раздражение. Вы пишете мне: «Живу радостно»; я все вспоминаю эти слова, и совесть меня мучит, что не успеваю выбиться из слабости, в которую попал. Надеюсь, однако, и твердо надеюсь, что это пройдет — нужно только оборачивать свою душу в эту сторону и не спускать глаз с цели.

А Фет мне пишет: «Люди не хотят понять, как мне скучно и как я пугаюсь лета! Если б хватило сил, поехал бы в Японию. Это хоть ново и ненанюхано». Не ужасно ли это? Он в декабре уже чувствует тоску будущего мая. Он бранит людей, что они не понимают его страдания, — например, редко пишут письма; но какая же охота писать только ради его минутного облегчения? Мне очень его жаль, но теперь, кажется, спасти его невозможно.

Тут появились две статьи об Вас, которые очень меня заинтересовали: одна *Волинского* в *Вопросах философии*², а другая *Вогюэ* — в *Русском обозрении*³. Несколько восторженных фраз *Волинского* показались мне глубоко искренними, полными сердечного понимания; но когда я прочел всю статью, то увидел, что он больше занят своими собственными мыслями и об Вас говорит мало. Статья *Вогюэ* умна и здесь ее усердно читают; между тем, он вовсе не знает, что такое христианство, а потому не может и Вас понимать.

Приведу Вам еще любопытные места из *Гражданина*. 27 декабря *Мещерский* пишет «Начитался Толстого и ... бросил все — отца, мать, школу, надел полушубок и пошел скитаться по народу» ... «Вот краткая повесть, которую все чаще начинаешь слышать в петербургских гостинных».

Затем идут рассуждения, очень справедливые, что дети в высшем кругу растут без всякого нравственного и религиозного руководства, потому и попадают в такую беду. Но в чем же беда, никак нельзя понять. Сказано только, что это — *совращение на путь, разрушающий всю жизнь* юноши. А *Мещерскому*, конечно, хотелось бы, чтобы и овцы были целы, и волки были сыты.

В *Гражданине* 30 дек. кто-то пишет о покойном *Никаноре*⁴:

«Один из его духовных идеалов была веротерпимость. В самых широких размерах покойный архипастырь уходил с возвышенными чувствами в эту область, забывая про тот людской мир, где столько готовых есть иноверцев пользоваться во зло применением к ним веротерпимости».

Не думайте, что я что-нибудь перепутал: таким безобразным набором слов часто щеголяет *Гражданин*. Но черта очень важная, и вообще я слышал сожаления об Никаноре, как о человеке хорошего направления; после него, мне говорили, на первое место выдвигается Амвросий Харьковский⁵, которого далеко не так хвалят. В сущности ведь это значит: бывает хуже и будет хуже. Бедная русская церковь!

О, давно нужно бы об Вас писать, да писать хорошенько; между тем я только начал статью и остановился на первой фразе. Помогите, Боже!

По делу о Богомольце получил более подробные сведения: во-первых, его жена еще не отправляется на поселение, — еще срок не вышел, поэтому просьба мужа преждевременна; во-вторых, надзиратели недовольны ею, так что самая высылка на поселение еще не решена, еще составляет вопрос. Не могу придумать, что можно бы еще сделать, а вообще думаю, что хлопотать теперь очень трудно. Еще недавно были слухи о каких-то приготовлениях к покушению и о казнях, произведенных тайно; подробностей не знаю никаких, но что дело было, знаю несомненно. Да, Лев Николаевич, Ваше учение еще не довольно действует; как не видят безумцы, что злом зло вызывает-ся?

Но не чувствуете ли Вы, что вообще озлобление смягчается, и что мы идем к мирному времени? Прежде, социальный переворот казался неизбежным; но теперь, после Коммуны, после убийства Александра II-го, после ряда злодейств, не только верхние классы, но и главная масса народа стала бояться потрясений и мириться с властями; с другой стороны, принимаются всякие меры к облегчению бедствий, и неимущие сами убеждаются, что от резни и переворотов легче не станет. Таким образом, все смягчаться, все начинают понимать, что худой мир лучше доброй ссоры. *Как-нибудь ужиться*, — вот пока цель человечества, и ради нее оно готово отказаться от других целей. Объединение Германии было последним великим политическим делом; другого подобного ждать нельзя, и политика должна теперь отойти на второй план. Даже предсказание Данилевского, что Европа вздумает задавить Россию, теперь не кажется мне таким вероятным.

Простите меня и дай Вам Бог здоровья и всякой бодрости. Усердный мой поклон Софье Андреевне, Татьяне Львовне и Марье Львовне.

Ваш неизменно любящий
Н. Страхов

1891. 2 янв. Спб.

Р. S. Рассказывали, что Никанор вступался за жидов и что во время его болезни в синагоге было совершенно молебствие за его выздоровление. На это есть намек в его прощальной беседе⁶.

¹Мария Александровна Кузминская.

²А. Волынский, «Нравственная философия гр. Льва Толстого» — «Вопросы философии и психологии» (1890, Кн. 5), С. 26–45.

³М. Вогюэ, «По поводу Крейцеровой Сонаты» — «Русское обозрение» (1890, № 12).

⁴Архиепископ Херсонский и Одесский Никанор умер 27 декабря 1890 г.

⁵Амвросий (в миру Алексей Иосифович Ключарев) (1821–1901) — духовный писатель, с 1882 г. архиепископ Харьковский.

⁶На праздновании столетнего юбилея города Одессы архиепископ Никанор выступил с речью, обличающей пьянство, лень, распущенность русского народа, и при этом ставил в пример нравы в «иноподчешких» поселениях (немецких, еврейских и др.). Речь была напечатана в газете «Новое время» (1889, № 4872 от 21 сентября).

387. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

7 января 1891 г. Ясная Поляна.

Кажется, я виноват перед вами, дорогой Николай Николаевич, за ваше хорошее последнее письмо, что не отвечал. Очень занят. Все силы, какие есть, кладу в работу¹, к[оторой] занят и к[оторая] подвигается понемногу — вступила в тот фазис, при кот[ором] регулярно каждый день берешься за прежнее, проглядываешь, поправляешь последнее и двигаешь хоть немного вперед, а то зады исправляешь в 10 и 20-й раз, но уже видишь, что основа заложена и останется. — Это делаешь утром, потом отдыхаешь, гуляешь, потом семейные, посетители, потом чтение.

À propos de² чтение, я читаю книгу, при кот[орой] беспрестанно вас поминаю и всё хочется с вами поделиться впечатлением; это книга Ренана «L'avenir de la science»³. Я не жалею, что выписал ее. Я прочел треть, и, по-моему, никогда Ренан не писал ничего умнее: вся блесит умом и тонкими, верными, глубокими замечаниями о самых важных предметах, о науке, философии, филологии, как он ее понимает, о религии. В предисловии он сам себя 48 года третирует свысока, а в книге 48 года (я думаю, что он много поправил ее в 90-м году) он иронически и презрительно и замечательно умно отзывается о людях, судящих о предметах так, как он судит в предисловии; так что понимайте, как хотите, но знайте, что ума в нас бездна, что одно и требуется доказать. В общем и ложная постановка вопроса того, что есть наука, и отсутствие серьезности сердечной, т. е. что ему всё всё равно; такой же он легченый⁴, с вырезанными нравственными яйцами, как и все ученые нашего времени, но зато светлая голова и замечательно умен. — Например, разве не прелестно рассуждение о том, что для людей древних чудеса не были сверхъестественными, а естественными явлениями: всё для них совершалось чудесами, как и для народа теперь. Но каково же положение головы человека с научным воззрением на мир, к[оторый] хочет втиснуть в эти воззрения чудеса древнего мира?

Письмо ваше не под рукой у меня и потому, мож[ет] б[ыть], на что-либо не отвечаю; если так, то простите. Целую вас.

Лев Толстой

¹Толстой работал над трактатом «Царство Божие внутри вас».

²*à propos de* — по поводу, что касается (фр.).

³Эрнест Ренан (Ernest Renan), «L'Avenir de la science. Pensées de 1848» («Будущее науки. Мысли 1848 г.») (Париж, 1890).

⁴*легченый* — кастрированный.

388. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову¹

25 января 1891 г. Ясная Поляна.

Спасибо за ваше письмо, дорогой Николай Николаевич. Еще не отвечаю на него, а пишу с просьбой. Пожалуйста, если это не представит для вас особенных трудностей и вы здоровы, исполните это и поскорее: я вместе с другим делом начал, или скорее продолжаю, писать об искусстве, *но не об одном* искусстве, но об искусстве и науке, и мне нужно ходячее, признанное определение *науки*. Если бы несколько, тем лучше. Хотя бы косвенное, но авторитетное. Неужели нет, как и религии. Вероятно. Я ведь так дерзок, что прошу вас выписать мне такое или такие определения и прислать мне. Если бы случилось таковое же вам известное опред[еление] искусства, то пришлите и это, хоть в этом не особенно нуждаюсь. Обнимаю вас.

Л. Толстой

¹На обороте открытки:

Петербург. У Торгового моста, дом Стерлигова. Николаю Николаевичу Страхову.

389. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

6 февраля 1891 г. Ясная Поляна.

Очень благодарю вас, дорогой Николай Николаевич, за скорый и обстоятельный ответ¹. Это почти то, что мне нужно. Очень неопределенные определения. Я имел еще несколько с других сторон — из энциклопедических лексиконов, и Грот прислал мне свое² — все приблизительно одинаково неточны. Как давно хочется выразить всё, что я думаю об этом. И кажется совсем ясно, а всё не выходит достаточно точно и кратко. — Писать об этом длинно, а поговорить с вами об этом хотелось бы: именно хотелось бы ответить на вопросы: 1) Прилагает ли наука, отличительный признак которой состоит в строгой проверке своих положений, в критике, прилагает ли наука эту критику к тем положениям, на основании к[отор]ых известные знания, сведения выделяются из всего бесконечного количества передаваемых людьми от поколений к поколениям знаний? 2) Не могут ли те признаки, к[оторые] по существующему определению составляют особенность научного знания, быть приложены ко всякого рода сведениям — самым ничтожным и даже вредным? 3) Не составляет ли отличительное свойство науки особенность не формы, но содержания? — 4) И если есть такое по содержанию знание, к[оторое] выделяется из всех других, как особенно важное и заслуживающее то особенное уважение, к[оторое] свойственно приписывать науке, то не отличается ли по этому же содержанию и истинное искусство от не истинного?

И много тому подобных вопросов представляется, ответы на к[оторые] мне ясны. Очень мне это представляется важным.

Вашу статью³ читал, как и всегда о таких предметах, с большим удовольствием, и пользой, и уважением.

Понравилась мне и статья Бекетова⁴, но только отчасти. Мне понравилось его подразделение борьбы. Не понравилось же его желание обосновать нравственность на эволюции, что совершенно невозможно, п[отому] ч[то] нравственность не только бесполезна, но всегда вредна, и для индивида, и для рода, для всего материального, точно так же как огонь всегда вреден для сала свечи. Нельзя служить двум господам и никак нельзя помирить одно с другим. Как бы мне хотелось это ясно высказать.

Работается очень мало, а живет не совсем дурно. Книга Макса Мюллера⁵ интересует меня, и я приобретаю ее.

Прощайте пока.

Любящий вас Л. Толстой

¹Письмо Страхова неизвестно.

²Письмо Н. Я. Грота с определениями науки и искусства неизвестно.

³«О законе сохранения энергии» — журнал «Вопросы философии и психологии» (1891, № 6), С. 97–131.

⁴А. Н. Бекетов, «Нравственность и естествознание» — «Вопросы философии и психологии» (1891, № 5).

⁵В 1891 г. в Петербурге вышла впервые в русском переводе книга Макса Мюллера (Max Müller) «Наука о мысли» (первое английское издание «The Science of thought» появилось в Лондоне в 1887 г.).

390. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

17 февраля 1891 г. Ясная Поляна.

Получил вашу книгу об искусстве¹, дорогой Николай Николаевич, и очень вам благодарен за нее. Можно на нее положиться и ссылаться? — Там есть то, что мне нужно. Но не верится, чтобы можно было в таком важном деле удовлетворяться таким туманом.

Простите меня за то, что злоупотребляю вашей добротой ко мне. Просьба к вам. Если не сделаете, то не обижусь и так же буду благодарен за все прежние услуги. Дело вот в чем: наш священник, враждебно относящийся ко мне (разумеется, по настроению свыше), обратился ко мне с просьбой о своем родственнике, и мне очень бы хотелось услужить ему и вот приходится пытаться вашими руками жар загребать. Мне-то это очень было бы приятно (услужить), да боюсь, что вам-то не будет приятно. Тогда простите. Дмитр[ий] Алексеич Зеленецкий, учитель гимназии (классик), уволен от должности из Ростова на Дону в 89 году за то, что его подозревали и на него донес его враг директор (он так думает) в том, что он писал какие-то неприятные анонимные письма Делянову. — От него требуют, чтобы он открыл, кто писал эти письма, а он ничего не знает и просит, чтобы был назначен над ним суд и чтоб его наказали, если он виновен; если ж нет, то чтобы его определили опять на службу, а то он отставлен и его куда не принимают. Направления этот Зеленец[кий] либерального, любим учениками, и потому всё это очень похоже на правду. Не можете ли вы попросить кого надо об этом. Он через Кедрова², директора Филологич[еского] института (кажется), просил и подавал докладную записку Делянову *в августе 90-го года*.

Живу по-маленьку; всё скучаю о том, что так много хочется писать и нет энергии и не пишется и всё каюсь, что скучаю, и стараюсь не скучать. Нынче приехал Ге с новой картиной³. Интересно будет мнение ваше. Ничего не скажу. — Откуда бы почерпнуть перечень — чем пространнее, тем лучше — наук и обыкновенных и необыкновенных?

Пока прощайте.

Любящий вас Л. Толстой

¹Макс Шаслер (Max Schasler), «Kritische Geschichte der Aesthetik» («Критическая история эстетики») (Берлин, 1872).

²Жедров Константин Васильевич (1872–1903) — в 1873–1903 гг. директор Историко-филологического института в Петербурге.

³Н. Н. Ге заехал в Ясную Поляну по дороге в Петербург, куда он вез на XIX Передвижную выставку свою картину «Совесть (Иуда)».

391. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

21 февраля 1891 г. Санкт-Петербург.

Жестокое Вы слово сказали, бесценный Лев Николаевич! Я вздрогнул, когда прочитал, что «нравственность не только бесполезна, но всегда вредна». Сам я часто это думал и все надеялся, что найдется выход, что как-нибудь мелькнет возможность примирения между *мирским и духовным*. Но Вы не стали колебаться и прямо высказали то, что я предчувствовал. Думаю об этом, и не могу надуматься.

Не отвечал я Вам сейчас же потому, что был с головою погружен в свою статью: *Толки об Л. Н. Толстом*, которую теперь почти кончил — хочу приписать еще страничку. Писал я с таким напряжением, что почти пришел в отчаяние — видно, уж потерялась способность живого и легкого изложения. Когда-то прежде я чувствовал, как мало содержания в моих мыслях и как легко мне дается написать все, что задумаю. Теперь наоборот: кажется, есть что сказать, а говорить стало очень трудно.

Пишу к Вам и теперь наскоро. Ваши поручения непременно исполню. Есть ли у Вас книга Розанова *О понимании*¹? Там в конце есть подробные таблицы всех наук. Заглянуть в эти таблицы не бесполезно. Но я постараюсь добыть Вам что-нибудь более авторитетное и точное. На Шаслера вполне можно ссылаться. Он, после покойного Фишера (Vischer)², можно сказать, первый эстетик нашего века.

Позвольте немного подумать о Ваших вопросах касательно наук. Через недельку отпишу Вам подробно.

О Зеленецком похлопочу. Тут важно бы знать, где он ищет места, в *каком округе* и нужно бы действовать на попечителя округа. Если Вам известно, то напишите при случае.

Фет пишет мне бесстыдные письма и прислал шесть любовных стихотворений для замечаний, чтобы было больше порядка и ясности в этих излияниях³. Уже три недели — не успеваю этим заняться.

Простите меня. Дай Вам Бог здоровья. Скоро напишу Вам опять.

Ваш неизменный Н. Страхов

1891. 21 февр. Спб.

¹В. В. Розанов. О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки, как цельного знания (1886).

²Фишер Фридрих Теодор (Friedrich Theodor Vischer) (1807–1887) — немецкий философ-эстетик, критик, писатель. Автор курса лекций по эстетике «Ästhetik oder Wissenschaft des Schönen» («Эстетика или наука о красивом») (6 тт., Лейпциг, 1846–1857).

³После выхода последнего (IV) выпуска «Вечерних огней» в 1891 г., Фет начал собирать вновь создаваемые им стихотворения для следующего выпуска. Одновременно поэт готовил издание собрания своих стихотворений.

392. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

25 марта 1891 г. Ясная Поляна.

Давно ничего не знаю о вас, дорогой Николай Николаевич. Благодарю вас — мне всегда приходится благодарить вас, а не вам меня; вам это должно быть радостно — за книжку Спенсера¹. Только это не в коня корм. Я совсем забыл уже то действие, к[оторое] производит на меня Спенсер, но при попытке прочтения этой брошюры повторялось много раз испытанное прежде: не скука, но подавленность, уныние и физическая невозможность читать дальше одной страницы. Между прочим, мне в эту минуту она и не нужна была, так как свою статью о науке и искус[стве] я опять отложил — она меня отвлекала от другого, более по моему мнению важного дела. Да, кроме того, и взялся я теперь за нее опять не по внутреннему влечению, а по разным натолкнувшим обстоятельствам, из к[оторых] одно б[ыло] то, ч[то] со мной не рассуждают, а махают на меня рукой, как на врага науки и искусства, что мне показалось обидным, т[ак] к[ак] я всю жизнь только и занимался тем, чего они меня называют врагом, считая эти предметы самыми важными в жизни человеческой. Выписал я себе Diderot и читал последнее время, и вспоминал о вас. Помните вы его De l'interprétation de la nature — первые параграфы до VII², да и далее, в особенности там, где он говорит об увлечении математикой в его время, и о том, как на ее место станут науки естественные, и о том, как и они дойдут до своего предела. И как их предел есть полезное. Всё это и многое другое поразило меня своей правдой и новизной. Если вы не помните или не читали, чего не может быть, но чему бы я б[ыл] очень рад, п[отому] ч[то] я бы заслужил этим вашу благодарность, то прочтите или перечтите. — Еще б[ыл] у меня на-днях американец, издатель Herald'a Нью-йоркского, и из разговора с ним да и из цитат, попадавшихся мне, я заинтересовался Thomas Paine, Age of reason³, и захотелось не только прочесть, но и приобрести. Если вам попадется и недорого, то купите на мой счет, да еще хотелось мне приобрести Parerga и Paralipomena Шопенгауера⁴. Тоже и это бы просил купить мне при случае во время прогулки, но прошу отнюдь не дарить, а получить деньги с Соф[ьи] Ан[дреевны], к[оторая] на-днях, кажется, будет в Петербурге, к великому моему сожалению, хлопотать о выпуске 13 тома. — Вы не можете себе представить, какое тут — было прежде трагическое, а теперь комическое — недоразумение: С[офья] А[ндреевна] хло-

почет, и как будто для меня, о выходе этого тома, тогда как всё в выходе этого тома мне только неприятно — прежде б[ыло] очень, но теперь чуть-чуть, но все-таки — неприятно: неприятно, что выходят отрывки статей с урезками, неприятно, что продаются мои сочинения, неприятно, что просто появляются теперь, в этой пошлой форме полного собрания. — Всё пишу о себе, а о вас даже и спросить не могу, п[отому] ч[то], спросив о главном деле вашей жизни, о писании, боюсь, что буду спрашивать о себе. Успешна ли работа? Это важно. Я по себе знаю, что только тогда не совестно жить, когда думаешь, что успешно. — Ну, пока прощайте, обнимаю вас.

Л. Толстой

А мне ох как много хочется писать и как мало сил. Такую повесть⁵ я хотел бы очень писать, да некогда.

Еще не успел запечатать это письмо, как получил ваше зак[рытое], благодарю. Пришлите вашу посылку. Всё, что вы пишете, интересует меня.

Вашу статью прочту с большим интересом.

¹Страхов прислал книгу Г. Спенсера (Herbert Spencer) «Classification of the sciences» («Классификация наук»), вышедшую первым изданием в 1864 г., для работы Толстого над статьей о науке и искусстве. О Спенсере см. прим. 13 к Письму 8 Страхова к Толстому от 10 марта 1872 г.

²Дидро Дени (Denis Diderot) (1713–1784) — французский писатель и философ-энциклопедист. Толстой имеет в виду его книгу «Euvres choisies. Édition du centenaire. 30 juillet 1884» («Избранные сочинения. Издание к столетию со дня смерти. 30 июля 1884»). Статья «De l'interprétation de la nature» («Об истолковании природы») написана в 1753 г.; напечатана на стр. 11–72 этой книги. В сохранившемся в Яснополянской библиотеке экземпляре этой книги Толстым отчеркнут на полях почти весь параграф пятый — о развитии науки и отношении к ней общества и ученых — и два места в параграфе шестом.

³Пейн (Пэн) Томас (Thomas Paine) (1737–1809) — англо-американский писатель, автор книги «The Age of reason» («Век разума») (1795), где он развивал рационалистический взгляд на религию.

⁴В Библиотеке Толстого в Ясной Поляне сохранились два немецких издания этой книги А. Шопенгауэра: (1) «Parerga und Paralipomena. Herausgegeben von Dr. Hermann Hirt» и (2) «Parerga und Paralipomena. Herausgegeben von Dr. Julius Frauenstadt» (Берлин, 1862). Русский перевод этой книги — «Афоризмы о житейской мудрости» (СПб., 1901).

⁵«Отец Сергей» или «Воскресение».

393. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому¹

5 апреля 1891 г. Санкт-Петербург.

Приезд Софьи Андреевны² совершенно сбил меня с толку, бесценный Лев Николаевич. Хотя немножко, хоть чуть-чуть, но все-таки выходит, что она хлопочет за Вас, на что не имеет права без Вашего согласия. Мне хотелось прямо сказать ей, что ее речи всегда могут быть растолкованы как повторение каких-нибудь Ваших речей. Но, разумеется, я ничего не сказал по своей всегдашней пассивности и утешился соображением, что женщинам вообще чувство строгой справедливости недоступно, что они мужа, сына, отца всегда считают отчасти своею собственностью, и что теперь уже всем очень ясно, что действия Софьи Андреевны не зависят от Ваших желаний. Один план меня даже очень занял — план свидания с Государем.³ Простите моему славянофильству, но мне глубоко интересно впечатление Вашего имени на человека, от которого в такой мере зависит ход нашей истории и жизни и в котором есть отражение русского духа. Дай Бог, чтобы дело произошло лучше, чем можно вообще предполагать. А впрочем, все это мелочи, от которых самое существенное не зависит.

Как Вы правы, считая науку и искусство в их настоящем смысле «самым важным делом в жизни человеческой»! Каждая новая страница, которую Вы напишете, — бесценное приобретение для людей!

А что Вы скажете о моем писании⁴? По своему обыкновению, я кончил его с недовольством и боязнью; но теперь начинаю к нему пристраиваться. Очень доволен, что, по крайней мере, выставил главные темы; хотя многое не развито, но все, что нужно, намечено. Буду ждать, что Вы скажете свое мнение без всякой пощады: это будет для меня поучительно. Не поскупитесь и напишите мне немножко подробнее.

Дидро L'interprétation я не читал; знаю только по сокращенному изложению Розенкранца⁵. Но достану и прочту, и очень Вас благодарю. Благодарю от души также за отзывы об Спенсере: полное подтверждение моих чувств. А ведь он из них самый блестящий писатель! Из них, то есть: Конт⁶, Литтре⁷, Вырубов⁸, Сеченов⁹ и пр.

Простите меня, бесценный Лев Николаевич! К собственному удивлению я все здоров. Софья Андреевна очень хвалилась Вашим здоровьем. Дай Бог и впредь!

Ваш неизменный
Н. Страхов

1891. 5 апр. Спб.

¹Публикуется впервые.

²Несмотря на нежелание Толстого С. А. Толстая приехала в Петербург 30 марта 1891 г., чтобы добиться отмены наложенного цензурой ареста на XIII часть «Сочинений гр. Л. Н. Толстого» — «Произведения последних годов» (М-ва, 1891), в которую входила «Крейцера соната» и «Послесловие» к ней.

³13 апреля 1891 г. император Александр III дал С. А. Толстой аудиенцию, в ходе которой она получила разрешение напечатать повесть, но только в собрании сочинений. В июне том вышел в свет. См. об этом ДСТ, Т. I, С. 168–180 — «Моя поездка в Петербург».

⁴«Толки об Л. Н. Толстом». Толстой получил от Страхова отдельный оттиск из журнала «Русское обозрение» (1891, № 2), где статья не была напечатана (дата на оттиске: «С.-Петербург, 25 февраля»). Экземпляр оттиска имеется в Библиотеке Толстого в Ясной Поляне.

⁵Иоганн Карл Розенкранц (Johann Karl Rosenkranz) (1805–1879), «Diderots Leben und Werke» («Жизнь и труды Дидро») (1866).

⁶Конт Огюст (Auguste Comte) — см. прим. 2 к Письму 103 Страхова к Толстому от 25 декабря 1875 г.

⁷Литтре Эмиль (Émile Littré) (1801–1881) — французский философ-позитивист, филолог, член Французской академии, автор книги «Dictionnaire de la langue française» («Словарь французского языка»).

⁸Вырубов Григорий Николаевич (1843–1913) — русский философ-позитивист, химик.

⁹Сеченов Иван Михайлович — см. прим. 4 к Письму 111 Страхова к Толстому от 8 апреля 1876 г.

394. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

7 апреля 1891 г. Ясная Поляна.

Прочел вашу статью, дорогой Николай Николаевич, и, признаюсь, не ожидал ее такою. Вы понимаете, что мне неудобно говорить про нее, и не из ложной скромности говорю, мне неприятно было читать про то преувеличенное значение, к[отор]ое вы приписываете моей деятельности. Было бы несправедливо, если бы я сказал, что я сам в своих мыслях, неясных, неопределенных, вырывающихся без моего на то согласия, не поднимаю себя иногда на ту же высоту, но зато в своих мыслях я и спускаю себя часто, и всегда с удовольствием, на самую низкую низость; так что это уравнивается на нечто очень среднее. И потому читать это неприятно. Но, оставив это в стороне, статья ваша поразила меня своей задушевностью, своей любовью и глубоким пониманием того христианского духа, к[отор]ый вы мне приписываете. Кроме того, когда примешь во внимание те условия цензурные, при к[оторых] вы писали, поражаешься мастерством изложения. Но все-таки, простите меня, я буду рад, если ее запретят.

Во всяком случае эта ваша статья сблизила меня еще больше с вами самыми основами.

Что вы теперь делаете?

С[офья] А[ндреевна] привезет мне живую грамоту о вас. Я всё понемногу, упорно, иногда с бодростью, а чаще с унынием работаю над своей статьей, и хочется и не смею писать художественное. Иногда думаю, что не хочу, а иногда думаю, что, верно, и не могу. Ну, пока прощайте, целую вас.

Л. Толстой

Вс[ѣ] читаю Diderot. Что вы о нем думаете?

Мой учитель¹ просит, главное, чтобы ему дали ответ на поданную им докладную записку Делянову². Если нельзя, то не надо. Ради Бога, чтоб это не стеснило вас.

¹Д. А. Зеленецкий.

²Делянов Иван Давыдович — см. прим. 4 к Письму 116 Страхова к Толстому от 8 мая 1876 г.

395. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

14 июня 1891 г. Санкт-Петербург.

Давно уже я прочитал Дидерота, бесценный Лев Николаевич, и давно собираюсь писать к Вам, да берет меня раздумье и навернулись разные помехи. Две смерти: умерла Маргарита, дочка Николая Петровича Семенова, которой шел 12-й год, и умерла в Крыму жена¹ моего сожителя Стахеева, с которою 16 лет мы жили в одной квартире. Маргарита была идолом всего семейства Семеновых, особенно отца, была очень красива, очень всех любила и бесподобно училась. Уже два года назад она совершенно правильно писала по-русски и по-французски. Притом была очень религиозна, читала постоянно Евангелие, любила и знала церковные службы. Бедная мать говорила мне, что, конечно, Маргарита теперь с ангелами, что нечего и сомневаться в ее блаженстве.

Стахеева, несмотря на женскую бестолковость, упрямство и прихоти, была, однако, очень хорошая женщина и даже довольно тонко развитая. Мы с нею очень дружили; для нее смерть — избавление, она была постоянно больна, но очень жалко Дмитрия Ивановича.

Кажется, я привык, наконец, к этому непрерывному разрушению мира, в котором живу, и сам давно уже собираюсь в путь. Между тем здоровье мое заметно крепнет, бронхиты и трахеиты совсем прошли, колит ничуть не беспокоит, и я начинаю опасаться, что еще долго придется тянуть лямку. Начал писать статью *Воспоминания о ходе филос[офской] литературы*², и иногда очень втягиваюсь, а иногда чувствую большое равнодушие.

О Дидро: Бесподобно написано, умно, интересно, но сейчас видно, что вылилось сгоряча, без долгой думы. Мысли о математике только отчасти справедливы. Наставления, как делать опыты, гораздо лучше обдуманы и изложены у Бакона³, а Д[идро] о нем и не упоминает. Мысль о живых атомах, конечно, интересна, но ведь ее предложил первый не Мопертюи⁴, которого статья была поводом к писанию Д[идро], а Лейбниц, о котором Д[идро] тоже ничего не говорит и который построил свою теорию очень глубокомысленно. Да и Мопертюи пишет несравненно строже и основательнее, чем Д[идро]. Несравненно больше мне понравилось у Д[идро] его «Entretien entre d'Alembert et D[iderot]» и «Rêve de d'Alembert»⁵, которые появились только в 1830 году.

А все-таки философы прошлого столетия едва ли стоят чтения. То есть, в них нельзя найти мыслей, соответствующих тому, что теперь мы называем серьезной мыслью. Даже Кант говорит языком и употребляет приемы рассуждения, которые нами уже оставлены. Читать с полным удовлетворением можно только начиная с Фихте. Этот говорит уже нашим языком, и 19-й век еще не проник глубже, чем он умел проникать в вопросы. Попробовал я добыть для Вас «Pargers» Шопенгауэра, книжку очень хорошую, но не удалось; буду непременно помнить об ней. А что Вы скажете о крошечном Фенелоне⁶, которого привезла Вам от меня Софья Андреевна? По-моему, это чудесно и весь Боссюэт⁷ не стоит одной страницы этой книжки. Если хотите меня отдарить, то Вам теперь легко: прикажите послать мне новое издание Ваших сочинений. Но прошу Вас, не стесняйте меня: дайте мне свободу посылать Вам то, что я сочту того стоящим; в этом выборе я очень строг.

О выходе Ваших сочинений я узнал от Суворина. Как только он напечатал, что был у Вас⁸, я сейчас же к нему поехал, чтобы получить свежие новости о Ясной Поляне. Он мне все рассказал, с таким искренним восхищением, что тронул меня; да и все его вести были хорошие.

Может быть, Вам рассказывала Татьяна Андреевна⁹, но я должен и сам Вам рассказать о моем разговоре с графиней Александрой Андреевной¹⁰. Я еще не успел подойти к ней, как она начала: «Надеюсь, что Вы не будете на меня сердиться за то, что я сделала без вашего спросу: я представила Вашу статью¹¹ Государю». Такой неожиданный приступ точно ударил меня. Она стала потом говорить, что моя статья заставила ее изменить свой взгляд на Вашу деятельность. «Вы знаете, что я давно знаю Л[ьва] Н[иколаевича], очень люблю его, очень с ним несогласна, много спорила с ним и думала об нем, но я не умела смотреть с той стороны, с которой Вы взглянули. Теперь я стала гораздо терпимее. Когда зашла речь об Л[ьве] Н[иколаевиче], я сказала Государю: у меня есть знакомый писатель Страхов — Знаю, говорит он. — И он написал об Л[ьве] Н[иколаевиче] статью, которая едва ли пройдет через нынешнюю цензуру, а прекрасно объясняет его деятельность. И я передала Вашу статью Государю». Очень меня взволновала такая честь, и я благодарил Графиню, но всего больше меня радовало, что она, кажется, действительно стала отказываться от своей нетерпимости. Она так умна и добра, что для нее это возможно. Но вообще, как это трудно! Из разговоров с разными людьми, напр[имер], даже с Сувориным, я вижу, что ходячее понятие о религии необыкновенно крепко сидит в умах. Почти первое слово о Вас: «Как он смеет проповедывать!» У Вас отнимают самое неотъемлемое и самое простое и невинное право каждого человека.

Простите меня, бесценный Лев Николаевич. Софье Андреевне, Татьяне Андреевне, Татьяне Львовне, Марье Львовне и всем душевно кланяюсь.

Ваш неизменный
Н. Страхов

1891. 14 июня. Спб.

Как неверен стих Пушкина: *Суровый Славянин, я слез не проливал*¹². Напротив, славяне плаксивы. Впрочем, это очень молодой стих.

Статью *Толки* я решился, наконец, отдать в *Вопросы философии*¹³, и Грот согласен. Там она, вероятно, пройдет.

¹Стахеева Любовь Константиновна — талантливая художница, ученица И. И. Шишкина. См. о ней: П. П. Гнедич. Книга жизни. Воспоминания 1855–1918 (М-ва, «Аграф», 2000), С. 88–94.

²Статья не была закончена, опубликована И. П. Матченко в журнале «Исторический вестник» (1897, № 5), С. 423–434.

³Бэкон Роджер (Roger Bacon) (ок. 1214–1292) — английский философ и естествоиспытатель, монах-францисканец.

⁴Мопертюи Пьер Луи Моро де (Pierre Louis Moreau de Maupertuis) (1698–1759) — французский ученый, иностранный почетный член Петербургской Академии наук; первым сформулировал принцип наименьшего действия.

⁵«Разговор д'Аламбера и Дидро» (1769); «Сон д'Аламбера» (1769). Д'Аламбер Жан ЛеРон (Jean LeRond d'Alembert) (1717–1783) — французский писатель, философ, математик, постоянный секретарь Французской Академии; с 1764 иностранный почетный член Петербургской Академии наук.

⁶Фенелон Франсуа (François de Salignac de la Mothe-Fénelon) (1651–1715) — французский писатель, теолог, моралист и публицист.

⁷Боссюэ Жак (Jacques-Bénigne Bossuet) (1627–1704) — французский историк, философ и богослов.

⁸А. С. Суворин, «Литературные заметки» — «Новое время» (1891, № 5485 от 7/19 июня). Суворин был в Ясной Поляне 1 июня 1891 г.

⁹Т. А. Кузминская.

¹⁰Графиня Александра Андреевна Толстая.

¹¹«Толки об Л. Н. Толстом».

¹²Строчка из послания А. С. Пушкина «К Овидию» (1821).

¹³Статья была напечатана в журнале «Вопросы философии и психологии» (1891, № 9), С. 98–132.

396. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

6 июля 1891 г. Ясная Поляна.

Спасибо за ваше письмо, дорогой Николай Николаевич. Я и так был в долгу у вас. Скоро уже и август; очень радуюсь мысли увидеть вас и переговорить, проверить свои мысли и услыхать ваши. — С вашим мнением о Diderot и вообще о филос[офии] прошлого века я совершенно согласен. Мне понравились в нем именно мысли о математ[ике], и думалось, что его мысли об естеств[енных] науках вам будут интересны.

Алекс[андра] Андр[еевна] Толстая теперь гостит у нас¹; — хотела пробыть дольше, но сестра ее захворала, и она завтра едет.

Фенелон мне ничего не дал; а я очень люблю такого рода книги. На днях читал книгу «Невидимая брань» святогорца Никодима². Прекрасная книга. Есть ли у вас Исаак³ и Ефрем⁴ Сирияне? Я еще на то ваше письмо, в к[отором] вы писали о своем плане статьи «Воспоминание о ход[е] филос[офской] литерату[ры]» хотел написать вам, что план этот мне не совсем нравится. Не совсем нравится п[отому], ч[то] он слишком свободен, не достаточно определен. Я, впрочем, не знаю его хорошо, но только догадываюсь. Хорошо — или совсем воспоминания о своем духовном развитии с подробным внутренним анализом, или философское исследование в определенной объективной рамке. А то я не люблю эту манеру писанья *au courant de la plume*⁵. Впрочем, какая ни будь форма, содержание будет как в большей части того, что вы пишете, и я прочту с удовольствием и пользой.

Наши все, а в том числе и Ал[ександра] Андр[еевна], вам кланяются и с радостью ожидают вас.

Любящий вас Л. Толстой

¹А. А. Толстая была в Ясной Поляне с 1 по 7 июля.

²Никодим Святогорец, «Невидимая брань», перевод с греческого епископа Феофана (М-ва, 1886).

³«Иже во святых отца нашего аввы Исаака сириянина, подвижника и отшельника, бывшего епископом христолюбивого града Ниневии слова подвижнические» (М-ва, 1858).

⁴«Псалтырь, или богомысленные размышления, извлеченные из творений святого отца нашего Ефрема сириянина и расположенные по порядку псалмов Давидовых», изд. 3-е (М-ва, 1877).

⁵*au courant de la plume* — как выльется из-под пера (фр.).

397. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

12 июля 1891 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич!

Вы всегда пишете: простите; теперь я пишу: простите, простите. Всё о том учителе гимназии Дмитрие Зеленецком, бывшем учителем в Ростове на Дону гимназии. Он просится в Московский округ. Не можете ли вы узнать, есть ли ему надежда получить место и подавать ли ему прошение.

Мы живем по-старому в грехах, но стараюсь не забывать Бога, что плохо удается.

Радуюсь мысли увидеть вас в августе.

Любящий вас Л. Толстой

398. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

13 июля 1891 г. Санкт-Петербург.

Только что сел отвечать Вам, бесценный Лев Николаевич, на Ваше многосодержательное и очень обрадовавшее меня письмо, как получил Ваше второе письмо, — об Зеленецком. Готов стараться и даже теперь знаю дорожку для этих дел. Но в настоящую минуту никого нет, — ни министра¹, ни директора Д[епартамен]та². Придется дело отложить до осени. А теперь — велите Зеленецкому написать 1) Прошение Московскому Попечителю³ и 2) Объяснительную записку, чтобы мне точно знать, о ком и почему просить и можно бы это сообщить властям. Прошение и записку пусть пришлет ко мне (или к Вам — я заеду и тогда возьму), а я уже отсюда пошлю прошение через директора Капнисту, Московскому Попечителю. Так меня научил директор, у которого я имею некоторое значение. А у министра и у Капниста — никакого значения; да и сами они очень зыбки и ненадежны в делах и обещаниях. Директор же — бойкий, твердый человек, который всем заправляет. Капниста я видел всего один раз, на обеде у Делянова; он нападал на Вас, а я Вас защищал, — разумеется все было слегка и любезно, как следует быть на обеде у министра. Итак, я думаю, что могу кое-что сделать, и очень постараюсь, чтобы чем-нибудь Вам угодить.

Между тем, планы мои немножко изменились: выеду я раньше, чем предполагал, — нужно мне непременно побывать у Николая Петровича Семенова, и чем скорее, тем лучше. Я и задумал выехать после 23 июля, по дороге заехать к Вам на несколько дней, потом в Ряжск, к Семенову, прогостить у него недели три и опять заехать к Вам и вернуться в Петербург к 1 сентября. К тому времени будет тут Стахеев, — очень хочу его видеть. Бедный пишет отчаянные письма, убивается по жене. Вспоминая его речи о смерти, вечной жизни и т. д., очень дивлюсь его состоянию.

Стремлюсь душою поговорить с Вами — так много набралось всяческих тем. Ваше мнение о Фенелоне очень меня заинтересовало. Вы уже не раз помогали мне вернее понимать писателей, например, Макса Миллера, Ренана. Послушаю Вас и о Фенелоне. «Невидимой брани» — не знаю и постараюсь добыть. Исаак и Ефрем у меня давно есть и в Исаака я не раз старался вникнуть — не могу сказать, чтобы особенно успешно.

Что до моей статьи *Воспоминания*, то замыслы у меня великие, и если исполню двадцатую долю, то будет уже не дурно. Собственно, мне хочется написать очерк истории философии за эти сорок лет, за вторую половину девятнадцатого века, но написать историю *живую*, не ту сухую и бездушную компиляцию, какую пишут немцы. О себе, о своем развитии я говорю лишь настолько, насколько нужно, чтобы видно было, что я живой свидетель дела, а не пишу с чужих слов. Задача может быть выше моих сил; но очень мне хочется сделать хоть пробу, хоть образчик.

Когда увидимся, позвольте мне поговорить на эту тему. Писать же *au courant de la plume* я почти не умею, а всегда конец статьи мне представляется ранее ее начала.

Очень любопытно, что у Вас говорила и делала Александра Андреевна⁴.

А какой Вы обидчик, Лев Николаевич! Написали: «содержание будет, как во всем, что вы пишете».⁵ Потом слова *во всем* зачеркнули и поставили над строкой: *в большей части того*.

Не стану спорить: вероятно, я заслужил такую поправку. Но чем? Что Вам пришло на мысль из моих писаний? Увы! Иногда я сам смотрю на них очень неласково. Может быть, Вы вспомните Ваши мысли и скажете мне, когда увидимся.

Соловьев недавно напечатал, что он победил меня, заставил молчать. Это уже *третья* его статья, в которой он на меня нападает и не слышит от меня ответа. Вы видите, я Вас слушаюсь. И об этом нужно посоветоваться с Вами.

Да мало ли еще о чем! С радостью думаю, что это уже недалеко.

Простите меня, бесценный Лев Николаевич. Перед отъездом я еще напишу Вам. Мой поклон и усердное почтение Софье Андреевне, Татьяне Андреевне, Татьяне Львовне и Марье Львовне.

Ваш навсегда преданный и неизменный
Н. Страхов

1891. 13 июля. Спб.

¹И. Д. Делянов.

²Николай Милюевич Аничков.

³Капнист Павел Алексеевич (1842–1904), граф — с 1880 по 1895 гг. попечитель Московского учебного округа, с 1895 г. сенатор.

⁴См.: Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой. 1857–1903 (СПб., Издательство Общества Толстовского музея, 1911), С. 61–70.

⁵Видоизмененная цитата из письма (№ 396) Толстого к Страхову от 6 июля 1891 г. В самом письме читается: «содержание будет как в большей части того, что вы пишете».

399. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

5 сентября 1891 г. Санкт-Петербург.

Пишу к Вам не своею рукою, бесценный Лев Николаевич, потому что повредил себе указательный палец правой руки. Мне нужно сообщить Вам не совсем приятное известие о Зеленецком. На другой же день после приезда мне удалось видеть директора Департамента, и он твердо и бесповоротно отказал мне в моей просьбе. Оказалось, что ему подробно известно дело Зеленецкого; он утверждал, что исследование было сделано самым тщательным образом, что З[еленецкий] надеется теперь укрыться тем, что один из свидетелей умер, и т. д. Я из речей директора увидел, что или З[еленецкий] действительно виноват, или же так искусно оклеветан, что рассеять эту клевету чрезвычайно трудно. Дело касается самого министра, который, как это и мне известно, очень снисходителен в таких случаях, но тут вынужден был к строгости.

Что сказать Вам о себе? Ясная Поляна меня оживила и много бы нужно писать, если бы я задумал выражать Вам мою душевную благодарность. Петербург мне показался очень противен и физически, и нравственно. В Москве я повидался с Лопатиным¹, который мне все больше нравится, и познакомился с Говорухою-Отроком², провел с ним целый вечер, но к удивлению нашел в нем что-то загадочное, и симпатия, которую возбудили во мне его писания, чуть ли не уменьшилась.

Очень радуюсь, что наши дружеские отношения со Стахеевым совершенно восстановились и что он немножко успокоивается, хотя и довольно часто заливается слезами. Сын его, к большому его удовольствию, поступил с сегодняшнего дня на казенную службу.

Напишу Вам больше, когда буду владеть рукою.

Дай Вам Бог здоровья и всякой радости.

Ваш неизменно преданный

Н. Страхов

5 сент. 1891 г. Спб.

P. S. Из-за пальца не мог я достать Лихтенберга³, но при первой возможности разрою свои книги и пришлю Вам.

¹Лопатин Лев Михайлович (1855–1920) — философ, профессор Московского университета. Близкий друг (с детства) В. С. Соловьева.

²Товоруха-Отрок Юрий Николаевич (псевдонимы: Ю. Николаев, Vox) (1850–1896) — литературный и театральный критик, публицист, прозаик. Арестовывался в 1874–1877 гг. в связи с движением народников. Позднее перешел на позиции славянофильства. С 1889 г. — ведущий литературный критик «Московских ведомостей».

³См. прим. 2 к Письму 402 Толстого к Страхову от 5 ноября 1891 г.

400. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому¹

17 сентября 1891 г. Санкт-Петербург.

Сейчас был у меня Ганзен² и рассказывал о Вашем письме, бесценный Лев Николаевич. Очень милый человек. Он, с неделю назад, сам пришел познакомиться со мною, сейчас же объяснил мне свое поклонение Вам, Кьеркегору, Бьернсону³, Ибсену⁴. Однако на вопросы об учении Кьеркегора он отвечал неясно. Теперь он очень огорчен Вашим отзывом об Ибсене⁵. По его милости прочел я две драмы: *Гедда Габлер* и *Призраки*⁶. Читаются с величайшим интересом, но впечатление очень смутное — у меня. Дни два назад я был у Ганзена, пил чай с его женою⁷ — и все мне понравилось — маленькая жена, маленькая квартирка, маленькая библиотека.

Он хочет перевести на датский язык мою статью⁸ об Вас. Появилась наконец эта статья без всяких урезок. Только редакция прибавила к заглавию психологический этюд, за что я сделал выговор Н. Я. Гроту. Да на 117 стр. 6-я строка снизу вместо *известного* напечатано по ошибке *исповедного*. Следствие появления статьи пока только одно — Ректор⁹ Московской Духовной Академии прислал мне свою брошюру *Беседы о превосходстве православного понимания Евангелия сравнительно с учением Л. Толстого*, издание 2-е¹⁰. Письма нет, и я еще не дочитал этих *Бесед*.

Теперь очередь за Вами — я говорю насчет философского журнала — может быть и мою-то статью он поместил, чтобы заискать у Вас.

Я говорил Гроту, что Вы ему назначаете *Первую ступень*¹¹; он был в большом удовольствии и взял с меня слово, что я буду просить Вас дать им эту статью. И прошу очень усердно — журналу будет огромная польза.

Есть что-то странное в этой московской философии. Что это — серьезно или нет? Одно можно сказать, то, что заметил Говоруха, что какая там она ни есть, эта философия, а она вообще противна материализму и позитивизму — дело у нас немаловажное. Однако, принялся я с усердием читать Лопатина *Закон причинной связи* и понемножку пришел в уныние — книга валится из рук.

Между тем действует и Вл. Соловьев. Он выпустил *Национальный вопрос* (Вып. 1-й, 3-е издание и Вып. 2-й), где перепечатал и все статьи против меня. Его короткий приятель передал мне его слова, что он в двадцати четырех местах смягчил выражения, для меня обидные. Мало того, в *Новостях*¹² он напечатал статью о Во-

просах философии, в которой очень хвалит меня. Что Вы на это скажете? Он опять заигрывает — впрочем, я не отрицаю его доброты, соединенной с лукавством. Главное же в том, что мне, по всем литературным расчетам и правилам, непременно следовало бы отвечать на его книгу, написать несколько страниц хотя самых общих рассуждений. Как оставить без внимания книгу, расходящуюся в трех изданиях? Кому и писать об ней, как не мне? А мне страх не хочется. Из разных своих тем я остановился на начатой статье *Цель жизни* и прежде всего другого думаю ее кончить.

Со Стахеевым мы разъехались. Уже неделя, как у меня царит бесподобная тишина, и так хорошо, что я не стал бы искать сожителя, если бы только хватило у меня денег платить одному.

Трогательно Стахеев рассказывал о смерти жены¹³. «Последние годы мы были так счастливы с нею, что на нас нападал даже страх, как бы что не переменялось». Это, очевидно, те годы, когда она получила наследство от отца и перестала мучительно беспокоиться о средствах для жизни. Он знал наперед, что болезнь смертельная, но так как он верит в бессмертие, то он не испытывал страха, спокойно сидел 30 дней у постели жены и даже спокойно увидел, как она умерла. Через несколько минут после этого он заснул и спал 12 или 15 часов сряду. Но когда проснулся, его охватило то горе, от которого он до сих пор рвется. Не раз в день он принимается плакать и рыдать. Покойницу он теперь превозносит похвалами — и в самом деле я знал в ней много достоинств: ум, прямоту, великодушие и детскую чистоту. В 16 лет мы с ней ни разу не ссорились.

Сейчас я вернулся с панихиды по Гончарове¹⁴. Толпа, особенно молодежи, девиц. Он болел неделю, сперва поносом (объелся груш), а потом бронхитом. При мне принесли венки, от *Недели* и от *Петербургского листка*. Мне стало грустно, глядя на это усердие, на молодые лица. Тут ведь — изъявление любви к просвещению, к литературе, любви отвлеченной, хорошего чувства, которое ищет себе предмета; хоронят не Гончарова, а вообще знаменитого писателя.

Вчера только, навестивши О. А. Голохвастову, узнал я, что умер профессор Коялович, очень мною уважаемый и года на два, на три моложе меня. Все больше и больше овладевает мною чувство, что земля уходит из-под ног, что люди кругом пропадают один за другим, что все проходит и только Бог остается.

Простите меня! Дай Вам Бог здоровья! В этот приезд, хоть Вы были при мне дважды больны, я видел, что Ваши силы восстановились вполне, и дай Бог, чтобы это так и продолжалось. Мое большое почтение Софье Андреевне, Татьяне Львовне и Марии Львовне. Татьяну Андреевну скоро примусь навещать здесь, чему заранее радуюсь.

Ваш неизменно преданный
Н. Страхов

1891 17 сент. Спб.

¹Публикуется впервые.

²Ганзен Петр Готфридович (Peter Emmanuel Hansen) (1846–1930) — переводчик, публицист, писатель и педагог. По национальности датчанин, принял русское подданство. Автор статьи «Пять дней в Ясной Поляне (В апреле 1890 г.)» — «Исторический вестник» (1917, № 1). Переводил Толстого и Гончарова на датский и многих скандинавских писателей на русский язык.

³Бьёрнсон Бьёрнстерне Мартинус (Bjørnstjerne Martinus Bjørnson) (1832–1910) — норвежский писатель, общественный и театральный деятель.

⁴Ибсен Хенрик Иохан (Henrik Johan Ibsen) (1828–1906) — норвежский драматург. Как Ибсен, так и Бьёрнсон входят в число так называемых «Четырех Великих» норвежской литературы.

⁵В письме к Ганзену от 14 сентября 1891 г. Толстой писал: «...Его [Ибсена] драмы я ... все читал, и его поэма Бранд, которую я имел терпение дочесть, все выдуманы, фальшивы и даже очень дурно написаны в том смысле, что все характеры неверны и не выдержаны. Репутация его в Европе доказывает только страшную бедность творческой силы в Европе. То ли дело Киркегор и Бьернсон, хотя и различные по роду писаний, но оба имеют еще главное качество писателя — искренность, горячность, серьезность. Серьезно думают и говорят то, что думают и говорят...» (ПСС, Т. 66, С. 45).

⁶Пьесы Ибсена в переводе П. Ганзена.

⁷Ганзен (урожд. Васильева) Анна Васильевна (1869–1936) — переводчица. В 1888 г. вышла замуж за Ганзена, у которого выучилась датскому, а затем шведскому и норвежскому языкам. С 1890 г. помогала мужу переводить скандинавских авторов на русский язык.

⁸«Толки об Л. Н. Толстом».

⁹Антоний (в миру Алексей Павлович Храповицкий) (1864–1936) — известный церковный деятель и писатель. В 1890 г. получил сан архимандрита и ректорство сначала в Петербургской Духовной Семинарии, а через несколько месяцев — в Московской Духовной Академии.

¹⁰Антоний, архимандрит. Беседы о превосходстве православного понимания Евангелия сравнительно с учением Л. Толстого. Изд. 2-е (СПб., Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной церкви, 1891).

¹¹Статья Толстого о вегетарианстве, написанная вместо предисловия к русскому переводу книги Ховарда Уильямса (Howard Williams) «The Ethics of diet» («Этика пищи») (Лондон, 1883). Была напечатана в журнале «Вопросы философии и психологии» (1892, № 13), С. 109–144.

¹²«Новости и биржевая газета» — ежедневная общественно-политическая газета либерального направления. Издавалась в Петербурге О. К. Нотовичем (1847–1914).

¹³Любовь Константиновна Стахеева.

¹⁴Иван Александрович Гончаров умер 15 сентября 1891 г.

401. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому¹

19 октября 1891 г. Мшатка.

Давно следует написать Вам, бесценный Лев Николаевич. Скоро две недели, как я живу в Мшатке в семье покойного Н. Я. Данилевского, вместе с Ап. Майковым, его женою² и двумя сыновьями³. Эти сыновья приехали сюда из Константинополя, а их отец и мать из Петербурга, чтобы повидаться и хоть недолго пожить вместе. Я ухватился за этот повод, чтобы навестить Мшатку, в которую меня постоянно зовут и в которой я не был с 1888 года. Первые десять дней (с 6-го октября), проведенные здесь, были удивительны. Какая красота! Какое солнце и воздух! Опять я почувствовал прелесть этих видов и вспомнил 1869 год, когда увидел их в первый раз, не мог на них наглядеться и, бывало, ложась спать, с радостью думал, что завтра, чуть только выйду на крыльцо, опять передо мною будет эта красота.

Но со вчерашнего дни погода переменялась, стало мрачно и холодно (4–6), ветер и шум моря. Может быть, еще нам достанется несколько ясных дней, но теперь пора уже думать об отъезде. К 1-му ноябрю мы, вероятно, будем в Петербурге. Проездом через Москву я думаю остановиться дни на два на три, чтобы повидаться с Фетом, а может быть и с Вами? Как бы хорошо было!

Все это прекрасно, вся поездка идет как нельзя лучше. Очень мне приятно повидаться с Ольгой Александровной⁴ и с ее дочкой Варенькой⁵, да и с молодыми Майковыми — умные и даровитые молодые люди. Но меня все время мучит совесть, когда подумаю, как бесплодно трачу я свое время, как не могу прогнать своей апатии.

Простите! Дай Бог Вам всяких сил и всякого успеха в Ваших начинаниях! Усердно кланяюсь всем Вашим.

Неизменно преданный

Н. Страхов

1891 19 октября Мшатка

¹Публикуется впервые.

²Майкова (урожд. Штеммер) Анна Ивановна (1830–1911).

³Сын Майкова Владимир служил в русском посольстве в Константинополе, Аполлон занимался живописью и много жил в Париже.

⁴Ольга Александровна Данилевская.

⁵Варвара Николаевна Данилевская.

И-26. Д. Н. Блудов, А. Н. Майков, Н. Н. Страхов (1890)

402. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову¹

5 ноября 1891 г. Ясная Поляна.

Не знал, куда писать вам. Пишу в П[етер]б[ур]г. Благодарю вас за Лихтенберга² и за два письма. Я всё думал перехватить вас при проезде, но теперь я вне дома. Я у Раевского в Данков[ском] уезд[е] с Тан[ей], Маш[ей] и Вер[ой] Куз[минской]. Живем мы очень хорошо: дела очень много — и дела, думается, нужного. Простите, что пишу так, и заплатите добром — напишите подлиннее. Адрес: Данковск[ого] уезда. Почтовая ст[анция] Чернава.

Л. Н. Т.

¹На обороте открытки:

Петербург. У Торгового моста. д. Стерлигова. Николаю Николаевичу Страхову.

²Лихтенберг Георг Кристоф (Georg Christof Lichtenberg) (1742–1799) — немецкий астроном, физик, философ, писатель-сатирик. Иностраннный почетный член Петербургской Академии наук (1769). Страхов прислал Толстому книгу: «G. Lichtenberg. Vermischte Schriften nach dessen Tode aus den interlassenen Papieren gesammelt und herausgegeben von L. Chr. Lichtenberg und F. Kries» (Гёттинген, 1800–1802). Слово *Лихтенберга* вписано рукой Т. Л. Толстой.

403. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому¹

10 ноября 1891 г. Санкт-Петербург.

Проездом через Москву (31 октября) я видел ваших младших детей², бесценный Лев Николаевич, здоровых и милых (всех милей Ваня), и почти больную и очень похудевшую Софью Андреевну³. Главная причина все-таки голод, и я с умилением узнал, как Вы трудитесь, и Ваши дочери и сыновья⁴, и с умилением слушал Вашу статью⁵, которую Софья Андреевна дала нам прочесть за обедом у Фета. Статья должна иметь огромное действие, она меня совершенно взволновала; постановка всего дела так очевидна, Ваши требования так неотразимы, что это могла подсказать только сердечная проницаемость. Жители городов должны почувствовать страстное желание — пойти туда, где страдают люди, с ними жить и с ними умирать. О, дай, Боже, Вам силы и храни Он Вас среди опасностей, которым Вы подвергаетесь!

Сейчас зашел ко мне Грот и дал прочесть *Страшный вопрос*. Какой ужас! Чувство паники овладело мною еще по дороге. По всей России, от Севастополя до Петербурга, стоял и до сих пор стоит сухой холод. Мне живо представилось, что голод не окончится нынешнею зимою. Не будет урожая озимей, и тогда, Бог знает, когда поправится народ. Грот рассказывал, что говорил с П. П. Семеновым⁶, статистиком. Тот уверяет, что хлеба довольно, вполне достанет. Но как его развезти?

Вышнеградский, по уши в работе, очень трогательно сказал, что каждый день, ложась спать, думает: «Слава Богу! Еще один день прошел без ужасных известий!» Но нет сомнения — известия начнутся...

Между тем, в Москве я застал большой гвалт совершенно другого рода. Соловьев 19 октября читал в Психологическом обществе, в большой зале университета статью *О причинах упадка средневекового мирозерцания*. В сущности, он объявил, что христианство до сих пор не совершенно, что оно не содействует прогрессу, улучшению жизни людей, и весь прогресс делается людьми неверующими. Значит, неверующим дается особая благодать, которой не приняли верующие. Поэтому, нужно усовершенствовать христианство, нужно, чтобы христиане принялись делать то, что до сих пор делали только безбожники.

Поднялась полемика самая ярая. Каждый день в газетах появлялись обличения Соловьева, писали Грингмут⁷, Николаев, Омиров,

Афанасьев⁸, Дурново⁹ и пр. Соловьев отвечал и только подливал масла в огонь. *Московские ведомости* вели себя отвратительно (собственно Грингмут), доказывая, что Соловьев отпал от православия, что цензура должна запретить его статью (она имеет явиться в *Вопросах*)¹⁰ и т. п.

Он затронул, конечно, глубокую рану. Как свечка не может давать света и тепла не сгорая, не уничтожаясь, так и люди не могут служить религии и нравственности, не пренебрегая земным, не разрушая своего благополучия (это Ваше сравнение). Для прогресса нужно отказаться от Бога и поклониться Мамоне. А Соловьев думает, что можно примирить эти две вещи, хочет, чтобы религиозные люди добивались земного благополучия с таким же жаром, с каким добиваются те, которых вся цель в этом благополучии.

Пolemика, однако, почти не касалась этого вопроса. И Соловьев и его противники отбились в сторону и перекорялись Бог знает о чем. Самый интересный пункт, без сомнения, тот, будто есть особая благодать, действующая помимо церкви и всяких форм. Предикое сочетание церковных понятий с светскими! Соловьев утверждал, например, что мусульманин может крестить в христианскую веру, т. е. что Дух Святой действует свободно, помимо всякой веры, но не иначе, как если будет совершен обряд, произнесены известные слова. Да отчего же такое странное стеснение? Святой Дух подчиняется магической силе слов¹¹.

Фет очень дряхлеет и был простужен во время моего приезда. Он все еще пытается острить над добродетелью и другими будто бы чуждыми для него предметами; но раз, в виде извинения он пробормотал несколько слов, которые меня тронули, сказал, что ведь он все пытается оправдать себя, свою жизнь....

О себе не пишу. Все говорят, что я здоровей прежнего, и точно, я как будто крепче; но я глубоко мучусь своей апатией, тупой головой и неумением уйти в какое-нибудь дело. О, простите меня, не будьте ко мне строги!

Дай Бог Вам здоровья! Усердно кланяюсь Татьяне Львовне, Марье Львовне и Вере Александровне.

Ваш неизменно преданный

Н. Страхов

P. S. Сегодня я обедал у Кузминских. Миша выздоравливает, Сая и Вася больны¹². Татьяна Андреевна в восторге: был актер Сазонов¹³ и просил у нее *Перчатку*¹⁴ для бенефиса.

¹ Публикуется впервые. Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

² Младшие дети: Андрей, Михаил, Александра и Ванечка.

³С. А. Толстая.

⁴В конце октября Толстой и его дочери Татьяна и Мария уехали в имение друга Толстого И. И. Раевского Бегичевку Данковского уезда Рязанской губернии, чтобы устраивать столовые для голодающих крестьян. Всего в округе было устроено более 200 столовых. Старший сын Толстых Сергей жил в своем имении Никольское-Вяземское Чернского уезда Тульской губернии; средний, Лев, в Самарском имении. Оба они занимались оказанием помощи голодающим крестьянам. Столовые для голодающих устраивались и в имении Ильи Львовича Толстого Гриневка Чернского уезда Тульской губернии.

⁵Статья Толстого «Страшный вопрос». 1 ноября 1891 г. С. А. Толстая писала мужу: «Статью твою [«Страшный вопрос»] пропустили; Грот ее смягчил и велел тебе передать, что она вышла очень добрая. Вчера ее читали вслух у Фета, где я обедала (в первый раз), потому что там остановился Страхов, и мне хотелось побыть с ним...» См.: С. А. Толстая. Письма к Л. Н. Толстому. 1862–1910 (Издательство «Academia», 1936), С. 455. Статья была напечатана в газете «Русские ведомости» от 6 ноября 1891 г.

⁶Семенов (после 1906 — Семенов-Тянь-Шанский) Петр Петрович (1827–1914) — русский географ, статистик, общественный деятель, почетный член Петербургской Академии наук (1873). Вице-президент и глава Русского географического общества и Русского энтомологического общества. Брат Н. П. Семенова, родной дядя Н. Я. Грота.

Трингмут Владимир Александрович (1851–1907) — публицист и общественный деятель, с 1896 г. редактор-издатель «Московских ведомостей».

⁸В газете «Московские ведомости» (1891, №№ 291, 293) были напечатаны статьи Ю. Николаева (Ю. Н. Говорухи-Отрока) и М. Афанасьева, содержащие резкие нападки на Соловьева. Николаев приписывал Соловьеву выражение «мошенники и обманщики», обращенное к христианским аскетам. Афанасьев утверждал, что реферат Соловьева представляет собою «популярное и сплошное глумление над святою и православной церковью», что он является «дерзкой выходкою против всей христианской церкви». О Говорухе-Отроке см. прим. 2 к Письму 399 Страхова к Толстому от 5 ноября 1891 г.

⁹Дурново Иван Николаевич (1834–1903) — министр внутренних дел с 1889 по 1895 г.

¹⁰Реферат, содержащий, помимо самого текста, семь тезисов Соловьева к чтению и стенограмму прений, был издан гектографированным способом в 1892 г. в Москве. Без названия, только с указанием на время и место прочтения, реферат был опубликован в 1901 в № 56 журнала «Вопросы философии и психологии».

¹¹Страхов неточно передает следующее место из VII главы реферата: «Те, которые ужаснутся этой мысли, что Дух Христов действует через не верующих в Него, будут не правы даже со своей догматической точки зрения. Когда неверующий священник правильно совершит обедню, то

Христос присутствует в таинстве ради людей, в нем нуждающихся, несмотря на неверие и недостойнство совершителя. Если Дух Христов может действовать через неверующего священнослужителя в церковном таинстве, почему же он не может действовать в истории через неверующего деятеля, особенно когда верующие изгоняют его? Дух дышит, где хочет, пусть даже враги служат ему. Христос, нам заповедавший любить врагов, конечно, Сам не только может любить их, но и умеет пользоваться ими для Своего дела...» — В. С. Соловьев. Избранное (М-ва, 1990), С. 130–131.

¹²Сыновья Кузминских — Михаил, Александр и Василий.

¹³Сазонов Николай Федорович (1843–1902) — актер Александринского театра в Петербурге.

¹⁴Т. А. Кузминская перевела с немецкого пьесу Б. Бьёрнсона (Bjørnstjerne Martinus Bjørnson) «Перчатка» — «Вестник иностранной литературы» (1891, № 7). О Бьёрнсоне см. прим. 3 к Письму 400 Страхова к Толстому от 17 сентября 1891 г.

404. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

18...19 ноября 1891 г. Бегичевка.

Нет, дорогой Ник[олай] Ник[олаевич], не все говорят, что вы здоровей прежнего. Тат[ьяна] Андреевна пишет¹, что Н[иколай] Н[иколаевич] что-то уныл. Видно, она любит вас истинно и пот[ому] замечает, что делается у вас на душе. Я с этими периодами унылости, упадка духа мирюсь тем, что признаю это состояние сном, во время кот[орого] дожидаясь пробуждения терпеливо и стараюсь только не повредить себе, своей деятельности и не жду от себя ничего путного. — Если бы даже сон этот продолжался и до самой смерти, то это не помешало бы мне ждать пробуждения и еще более радостного, с еще более возобновленными силами.

Дело наше идет очень хорошо. Страшно говорить. Всё разрастается и разрастается. Теперь с 6-ю Философскими² 23 столовые, в к[оторых] кормятся, я думаю, до 1000 человек. И если бы вы видели, как это всё делается добро и просто. Много хороших чувств я испытал и радуюсь за девочек. Всё это не то. Чем ближе к этому делу, тем очевиднее свои грехи, но утешаешься тем, что желал бы лучше, и чувствуешь всю свою мерзость и недостаточность.

О том, что вы пишете о Соловьеве, я и согласен и несогласен. Разумеется, цель к к[оторой] должно и свойственно стремиться человеку, никак не есть его благополучие, но вместе с тем не есть и его спасение: цель есть подчинение, наибольшее слияние с волею Отца; воля же Отца есть, с нашей человеческой точки зрения, установление царства Божия — единения всех в Нем.

Стремясь к слиянию с волей Отца, невольно достигаешь установления Ц[арства] Б[ожия]. Стремясь к установлению Ц[арства] Б[ожия], неизбежно придешь к необходимости слияния с волей Отца. Только через слияние своей воли с волею Отца возможно содействие установлению Ц[арства] Б[ожия]. Я из этого не могу выйти. И для меня в этом всё.

Прощайте, милый друг, от души любя, целую вас. — Не считайте себя одиноким. Вас любят, и я первый. — И не думайте, чтобы была еще какая-нибудь лучшая любовь у нас, семейных людей. Всё она одна — настоящая.

Л. Толстой

¹Т. А. Кузминская. Упомянутое Толстым ее письмо, вероятно, было адресовано ее дочери, Вере Александровне, находившейся с Толстым в Бегичевке.

²Столовые, открытые в имении Натальи Николаевны Filosoфовой Паники Данковского уезда Рязанской губернии.

405. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому¹

24 ноября 1891 г. Санкт-Петербург.

Хотелось бы крепко поцеловать Вас, бесценный Лев Николаевич, за Ваше доброе письмо. Нет ничего в мире лучше и дороже любви. И когда любишь — хорошо, а когда тебя любят, укрепляется вся душа. Татьяна Андреевна права — у меня наступила тишина; не могу быть веселым, но горького ничего нет, а мне так легче живется.

Ну, Бог с нею, с моей душою! Недавно кто-то напечатал, что Соловьев старается тянуться за Вами и потому стал проповедывать не веру, а нравственность. Я иначе понимаю его мысль. Он проповедует заботы об общем благе; он в сущности хочет сказать, что быть лично святым вовсе не нужно, а нужно быть полезным. Милль в книжке *On Liberty* отлично изложил эту мнимую бесполезность христианских заповедей.

Впрочем, не ручаюсь за то, что у Соловьева есть определенная мысль. Его мысль обыкновенно так обща и лишена конкретности, что ничему не противоречит и ничего не говорит ясно. В этом я убедился, проштудировав оба выпуска *Национального вопроса*. Тут нет и намека на определенное понятие о национальности, о ее значении, а есть много неправильных ссылок, неправильных обвинений и уверений, что какие-то люди проповедуют чуть ли не питье человеческой крови и пожирание живых младенцев.

Не написал я Вам о Вашей статье², то есть не довольно написал. Я ее перечитывал и читал ее своим гостям. IV-я глава, где вы говорите об энергии мужика, о том, что значит работа в его жизни и пр. — поразительна, гениальна. Такую проницательность дает только сердце. Нужно плакать, что Ваша статья до сих пор не появляется. Люди, далеко не принадлежащие к Вашим почитателям, чуть не вскакивали со стульев, когда я читал. Задумал я помочь делу и приготовить изложение Вашей статьи для *Нового времени*; но там мне сказали, что об этом нельзя и думать, что получен строгий выговор за беспрестанные речи об Вас. Буренин приготовил было фельетон, где разбирал мои *Толки*, но должен был его бросить. Как это глупо!

Жадно слушаю я то, что тут толкуют и вывожу заключения: 1., финансы наши так крепки, что ничуть не пошатнутся от пособий, рассылаемых казною; 2., голод не так велик, как его иногда изображают; 3., хлеба есть достаточно. Но 4., трудно, почти невозможно раз-

везти его по местам. 5., В администрации нет единства (я говорю о здешней), идет вражда, бестолочь, которая происходит на местах и так расшатывает народный быт. Бедствие отзовется на нескольких последующих годах, а правильная борьба с ним невозможна — нет одной руки и одной системы. Бесперывный гвалт газет только мешает и волнует. Вы произнесли верное слово: паника. Здесь в Петербурге паники положительно нет, но он не в силах рассеять чужую панику и методически повести дело. Дай, Боже, чтобы кто-нибудь выдвинулся и его послушались!

А то, что Вы делаете, — вот это верно. Я с восторгом читал и то, что Вы радуетесь, и то, что Вам страшно говорить. Боюсь, что множество денег Вам наделает хлопот. Объявление Софьи Андреевны³, как вчера мне показывал Ганзен, отозвалось даже в *Кладдердаче*, где написаны Вам восторженные стихи.

Ну, а мне что же делать? Стыдно быть праздным, и я принялся за статью, которая меня немножко разогрела. Называется *Итоги современного знания*⁴; я привожу доказательства, что, хотя науки процветают, но наука падает в последние пятьдесят лет. Это по поводу *L'avenir de la science* Ренана. Особенной важности я своей статье не приписываю. Так — собрание интересных фактов, попавшихся в недавних книгах. Но мы живем действительно в очень печальное время! Или я совсем слеп, или совершается жестокий упадок умов и сердец. Ваше замечание — помните? — что они — безмудые в нравственном смысле, я сохранил в своем сердце и часто убеждаюсь, что оно вполне справедливо. Но меня всегда подкупает остроумие и тонкость. Начал читать *Les prophètes d'Israel*, статью Darmesteter⁵ в *Revue du Monde*, и так и захлебываюсь.

Говоруха-Отрок только что напечатал об вас статью⁶, в которой он не смеет Вас бранить (я ему настрого запретил), но старается перетолковать, сближает последний Ваш христианский период с отчаянием Лермонтова, перед которым преклоняется и в котором нисколько не видит беспредметного озлобления, эгоизма, потуг гордости. Странный человек Говоруха! Очень умный, очень умно пишущий, но чем-то попорченный и уязвленный, ужасно самолюбивый и в себе неуверенный. Попробую написать ему немножко. В Москве я с ним познакомился; он хотел мне рассказать свое исповедание, свою преданность православию, стал говорить, запнулся — и ничего не сказал.

Простите, бесценный Лев Николаевич. Есть в Вашем письме слова, о которых нужно бы долго говорить, а может быть лучше отложить не только до другого раза, но до личного свидания. Все от Вас я встречаю с любовью, и, не правда ли, я умею Вас понимать? Что бы Вы не писали, я думаю, я сумею и принять и сохранить. Покамест пора кончать письмо.

Дай Бог Вам всего, что может Вас сохранить и помочь Вам в Вашем деле. Усердно кланяюсь Татьяне Львовне, Марье Львовне и Вере Александровне. Недавно я обедал вместе с Марьей Александровной⁷. Она изменилась, стала цветущей и солидной дамой из живой и тоненькой девицы.

Простите

Вашего неизменно преданного
Н. Страхова.

1891 24 ноября Спб.

¹Публикуется впервые.

²«О голоде».

³С. А. Толстая приняла живейшее участие в деле помощи голодающим. По собственной инициативе, с одобрения Страхова и Н. Я. Грота, она написала письмо в редакцию газеты «Русские ведомости», призывая оказать помощь пострадавшим от неурожая. Письмо было опубликовано 3 ноября 1891 г. и имело широкий отклик: московский дом Толстых стал центром сбора средств в помощь голодающим. Л. Н. и С. А. Толстые регулярно помещали в печати отчеты о получении и расходовании пожертвований.

⁴Статья Страхова «Итоги современного знания (По поводу книги Ренана «L'avenir de la science»)» была напечатана в журнале «Русский вестник» (1892, № 1), С. 65–94. См. также 2-й абзац Письма 387 Толстого к Страхову от 7 января 1891 г.

⁵Дармстетер Джемс (James Darmsteter) (1849–1894) — французский востоковед, автор статьи «Les Prophètes d'Israel» («Пророки Израиля»). Одноименная его книга вышла в Париже в 1892 г. В ней он пытался сблизить библейское пророчество с эволюционистским мировоззрением. Русский перевод см. петербургский журнал «Всход» (1904, №№ 7, 9).

⁶Статья Ю. Н. Говорухи-Отрока (Ю. Николаева) «Литературные заметки. Наши альтруисты и граф Л. Н. Толстой. По поводу книги проф. А. Гусева «Любовь к людям в учении графа Л. Н. Толстого и его руководителей» — газета «Московские ведомости» (1891, № 324 от 23 ноября).

⁷Эрдели (урожд. Кузминская) Мария Александровна. Ее свадьба состоялась 29 июля 1891 г. в Ясной Поляне. Страхов специально приезжал в Ясную Поляну к этому дню.

406. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

11 декабря 1891 г. Бегичевка.

Сейчас только прочел ваше, как всегда доброе, и умное, и интересное письмо. Мы были в Москве и нынче вернулись. Да, впрочем, Вера¹, наша милая сотрудница и сожительница, вам всё расскажет.

Дело наше всё растет и всё больше и больше захватывает. — Впрочем, письмо это не считайте письмом, а просьбой.

Вот в чем дело:

Одно из главных бедствий (впрочем, все главные) это гибель скота от бескормицы и, главное, рабочей силы — лошадей. Спасение лошадей в том, чтобы для них устраивать столовые, дворы, где их кормить до весны. Главный расчет тот, что если у 4-х мужиков, у каждого порознь, есть лошадь, к[отор]ую каждый порознь кормит и хочет уберечь, то кончится тем, что каждый не докормит до весны и все 4 лошади падут. Если же устроить общее кормление, то на цену одной лошади из 4-х, даже если бы и двух, можно прокормить остальных. Это одно средство спасения лошадей, к[отор]ое мы стараемся организовать; другое в том, чтобы перевозить лошадей в те места, где есть корм. Это я и делаю отчасти, но затруднение в том, что провоз по удешевленному тарифу 1¹/₄ коп. с версты за лошадь составляет огромную недоступную цифру при дешевизне лошадей и дальности расстояний. Я просил Предс[едателя] Кр[асного] Кр[еста] Кауфмана² о перевозке бесплатной 80 лошадей в Калужск[ую] губ[ернию]. Он не разрешил общей меры (не ходатайствовал о ней), а прислал мне деньги на уплату железн[ой] дороги. Это любезно с его стороны, [но] не хорошо. Важна общая мера. — Теперь с нынеш[ней] почтой я получил с Кавказа от людей, занятых там изысканием средств для спасения лошадей и заарендовавших там для этой цели 30-ть десятин пастбищ, предложение принять туда десятки тысяч лошадей для прокорма, если бы только можно было их туда доставить. Я нынче же пишу опять Кауфману³, прося его об исходатайствовании бесплатного провоза. Но боюсь, что он не постарается. Грот⁴, к[оторый] здесь с нами, пишет нынче Семенову⁵. Не можете ли поговорить об этом вашим сильным друзьям, из кот[орых] первый и самый важный и дельный, я думаю, Вышнегр[адский]. Разрешение это — перевозки бесплатной на Кавказ — тем легче бы было дать, что большое количество вагонов, везущих хлеб с Кавказа, должны возвращаться назад пустыми. Отчего бы их не грузить лошадьми?

Целую вас.

Любящий вас Л. Толстой

¹Вера Александровна Кузминская.

²Кауфман (фон) Михаил Петрович — см. прим. 5 к Письму 159 Страхова к Толстому от 25 августа 1877 г. Письмо Толстого к нему неизвестно.

³Письмо Толстого неизвестно. Кауфман отвечал 22 декабря в официальной бумаге о докладе «Особому комитету наследника цесаревича предложение Вашего сиятельства об организации отправки крестьянских лошадей на Кавказ для прокорма... Особый комитет не признал, однако, возможным удовлетворить Ваше ходатайство, ввиду крайней сложности организации этого дела» (ОР ГМТ).

⁴Н. Я. Грот приехал вместе с Толстым из Москвы в Бегичевку, где пробыл до 18 декабря, знакомясь на месте с организацией помощи голодающим.

⁵Сенатор Н. П. Семенов (см. прим. 9 к Письму 213) был родным дядей Грота.

407. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому¹

17 декабря 1891 г. Санкт-Петербург.

По счастью, могу уже сегодня отвечать Вам, бесценный Лев Николаевич. Не откладывая дела, я успел уже переписаться и переговорить с Вышнеградским², с Петровым³ и с Сергеем Юльевичем Витте⁴, директором Департамента железных дорог в Министерстве финансов, который, как оказалось, тут главное лицо. Он мне сказал:

1. Что 10 коп. с вагоно-версты, т. е. за версту с вагона, взимается за провоз лошадей туда и обратно, след[овательно] в сущности полкопейки за версту, так как в вагон можно поместить до 10 лошадей.

2. Что можно, однако, просить об уменьшении этой платы, но совершенно отменить всякую плату невозможно, как нельзя отменить плату за провоз хлеба для голодающих и т. п. Дорога может не брать никакого барыша, но даром возить не может.

3. Что если Вы попросите, то для Вас лично дорога возьмется и даром перевезти тысячу-другую лошадей. (Прошение нужно писать в Министерство финансов, в Департ[амент] жел[езных] дорог).

4. Что главное затруднение в том, что дорога не может принимать от каждого крестьянина; лошади должны быть приводимы гуртом, след[овательно], например, их нужно скупать и сдавать дороге, с обязательством, что она возвратит то же количество лошадей по той же цене. Вообще, организация сдачи и получения лошадей есть самое трудное дело. Кто-нибудь должен ручаться за то, что лошади принадлежат пострадавшим. Витте предполагает, что добывание свидетельств от земства или от общества до сих пор затрудняло крестьян, почему все дело и не идет или очень плохо идет. Он говорит, что еще в июне он уже предвидел бедствие и сделал распоряжения относительно лошадей по дорогам.

5. В сутки, если занять лошадьми все вагоны и все поезда, можно перевезти не более 300 лошадей; след[овательно], для 3000 нужно десять дней, а для 21000 — целый месяц. Итак, перевозкой нельзя спасти всех нуждающихся лошадей.

Теперь позвольте мне предложить свой план. Напишите в Министерство два прошения — одно о том, что Вы желаете бесплатно высылать лошадей известных Вам крестьян, другое — о тех общих мерах, которые по Вашему мнению, нужно принять в этом деле. Вы получите тотчас разрешение посылать лошадей даром от Вашего

имени; что же касается общих мер, то Ваши предложения будут внимательнейшим образом обсуждены и сделается все, что можно.

Ваше имя у моих сильных знакомых имеет магическое действие, поверьте, что они будут действовать с величайшим усердием. И все это такие милые люди! (Особенно Петров — святой человек!). Сам я отдаю себя Вам в полное распоряжение: буду к ним бегать и усердно вести всякие переговоры и переписки.

Дело было сегодня за обедом у Вышнеградского; Витте пришел, хотя ему нездоровится, но нарочно для того, чтобы видеть меня. Вышнеградский и говорит мне: «Ты писал мне о просьбе Толстого; вот тебе Сергей Юльевич — делай с ним, что хочешь».

По всему тону Вашего письма чувствую я, что Ваша деятельность Вас оживляет и поглощает. Вы выбрали благую часть. К большому сожалению я не мог видеть Верочки⁵; она у сестры в Царском Селе. Молодая⁶ теперь в интересном положении и очень тяжело переносит разные припадки, которые связаны с этим положением. В тот раз, когда я ее видел, она не могла даже просидеть весь обед за столом. Так что страшно и наведаться к ним в Царское, а нужно будет сделать это на праздниках.

Простите меня! Продолжаю быть здоровым, хотя недавно случилось легкое колебание. Откуда-то из Вязьмы получил я безымянное письмо по поводу моих *Толков*. Очень горячо и с толком; я и вздумал напечатать это письмо со своим ответом и приготовил такую статейку для *Вопросов*, для январской книжки⁷.

Совестно мне жить праздным и спокойным!

Дай Бог Вам здоровья и всякого успеха в деле! Усердно кланяюсь Татьяне Львовне и Марье Львовне и очень их хвалю.

Ваш неизменный

Н. Страхов

1891 17 дек. Спб.

¹Публикуется впервые.

²И. А. Вышнеградский (см. прим. 3 к Письму 89) в 1888–1892 гг. был министром финансов.

³Петров Николай Павлович (1836–1920) — в 1891 г. был председателем временного управления железных дорог. Под его руководством начались работы над проектом Транссибирской магистрали. В 1892 г. назначен директором Департамента железных дорог Министерства путей сообщения вместо С. Ю. Витте.

⁴Витте Сергей Юльевич (1849–1915), граф — в феврале 1892 г. стал управляющим Министерства путей сообщения и членом Государственного совета по должности.

Вера Александровна Кузминская.

Мария Александровна Эрдели (см. прим. 10 к Письму 405 Страхова к Толстому от 24 ноября 1891 г.).

Статья «Ответ на письмо неизвестного» написана 16 декабря 1891 г., напечатана в журнале «Вопросы философии и психологии» (1892, Кн. 11), С. 94–100.

408. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому¹

19 декабря 1891 г. Санкт-Петербург.

Я в большом смущении, бесценный Лев Николаевич. Сегодня в газетах объявлено, что 13 декабря Особый Комитет² получил право выдавать свидетельства на бесплатный перевоз всякого рода грузов. Следовательно, чтобы даром перевозить лошадей, нужно только добыть свидетельство от Особого Комитета. Как это сделать, не знаю; но, может быть, Вы можете узнать о том от членов Красного Креста, да Кр[асный] Кр[ест], верно, имеет возможность добывать свидетельства.

Почему мне не сказали об этом мои сильные друзья — не понимаю; они будто разыграли со мною комедию. Так как именно лошади требуют даровой перевозки, то без сомнения, Особый Комитет должен немедленно разрешить эту перевозку³.

Вот тебе и хлопоты и переговоры! Простите меня, Христа ради! Сержусь и на других и на себя.

Всею душою Ваш
Н. Страхов

1891 19 дек. Спб.

¹Публикуется впервые.

²Во время голода 1891–1892 гг. по указу императора Александра III был создан Особый комитет по оказанию помощи населению губерний, пострадавших от неурожая. Комитет возглавлял наследник престола Великий князь Николай Александрович (1868–1918).

³См. прим. 3 к Письму 406 Толстого к Страхову от 11 декабря 1891 г.

409. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому¹

18 апреля 1892 г. Санкт-Петербург.

Наконец я получил, бесценный Лев Николаевич, четыре экземпляра первого тома Вашего *Соединения и перевода четырех Евангелий*². Простите, что я так долго с этим путался. Но теперь дело уже совершенно налажено и можно будет выписывать еще, но с одним условием: каждый раз указывать, для кого выписывается. На первый раз экземпляры назначены: 1 — для Вас, 2 — для А. Н. Майкова, 3 — для Н. П. Семенова, 4 — для меня. Майков, думаю уступит свой экземпляр, так что могу прислать Вам два; но Н. П. Семенов ни за что не уступит по жадности ко всему запрещенному, которая так сильна у благонамереннейших чиновников (виноват — сановников). Разговор с Феоктистовым³ был интересен; он ни за что не верил, чтобы Вы могли понимать подлинник Евангелия. Знать по-гречески ему казалось ужасно мудрено. Оно и правда: ведь не знают же ничего ни гимназисты, кончившие курс, ни их учителя. Так у нас процветает классицизм и таковы понятия о трудности древних языков, подтверждаемые ежедневным опытом. Впрочем, Феоктистов — человек образованный: каждое лето, когда он уезжает в деревню, он на свободе преречитывает до сих пор романы Вальтер Скотта — это он мне сам рассказывал.

Теперь прошу Вас, разрешите мне два вопроса. 1. Куда послать Вам книгу? 2. Нужно ли Вам два экземпляра, или довольно одного? Майкова теперь здесь нет, но я и без его спроса возьму на себя послать Вам его экземпляр.

Мне так много хотелось бы написать Вам, что не знаю, на чем остановиться. Все время я с умилением думал о Ваших теперешних трудах, сердился на низкие выходы *Моск[овских] Вед[омостей]*⁴ и других подобных изданий, на цензуру, на затруднения, в которые Вы попали благодаря переводчикам и всем, желающим пользоваться Вами и т. д. Думаю, что не стоит сообщать Вам мои размышления по этим поводам. Но в конце марта обнаружилось что-то удивительное — против вас поднялась такая злоба, такое непобедимое раздражение, что ясно было: Вы задели людей за живое сильнее всяких революционеров и вольнодумцев; дело, очевидно, не в Ваших мнениях, а в Вашей личности. В первый раз я увидел, что истина и теперь может быть гонима с такой же силою, как в давние времена, и хотел

Вам написать: блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески несправедливо злословить...

Всего безобразнее то, что статей Ваших в *Неделе*⁵ и в *Помощи*⁶, глубоко поучительных статей, — почти никто не читал не считал нужным читать. Их поняли и оценили, конечно, только очень и очень немногие. Эта бессмыслица нестерпимо раздражает меня. Мы совсем не учимся, совсем не умнеем. А болтовня в печати и на словах все растет и растет.

Сам я старался вести себя в это время как можно умнее. Хорошо понимая, что никуда я не гоюсь для помощи кому бы то ни было, принялся я усердно работать для успокоения совести, и написал в эту зиму пять статей, да издал вновь свою книгу *Мир как целое*. (Одной из статей считаю предисловие к этому изданию). Статьи имели успех и сам я ими почти доволен. Но — новое огорчение — *Моск[овские] Вед[омости]* и вкривь и вкось стали ссылаться на меня; грустно подумать, кому и для чего служишь опорой! Не теперь только я испытываю это отвратительное положение, и готов благодарить Соловьева, что он выставляет меня материалистом.

В первый день праздника я получил телеграмму: *Христос воскрес! Владимир Соловьев*. До сих пор я ничем не отвечал ему; но мне невольно пришло в голову: если он раскрывает объятия, то не значит ли это, что он приготовил против меня какую-нибудь злую выходку? Конечно, вероятным я этого не считаю: он слишком непоследователен и в мыслях, и в действиях. Да я и готов помириться, только веры уже у меня не будет.

А ведь я сдержал слово, данное Вам — прекратил полемику, и все яснее чувствую, как Вы правы.

Все время я был здоров, и это тоже постоянно подстрекало меня не быть праздным. Но на днях расклеился, да, кажется, уже проходит. Боже мой! Никогда я не думал, что придется так долго-долго жить!

Буду поджидать от Вас хоть маленького отзыва на все мои присылки. Я не писал Вам, зная, что Вы в таких постоянных хлопотах, и думая, что если бы у Вас нашлось время, Вы бы сами написали мне несколько строк. Между прочим, я распорядился, чтобы Вам прислали *Parerga und Paralipomena* Шопенгауэра. Это очень любопытная и блестящая книга — не даром с нее началась слава Шопенгауэра.

Во всяком случае, дай Бог Вам здоровья и всяких сил и всякого успеха!

Ваш всею душою
Н. Страхов

1892 18 апр. Спб.

¹Публикуется впервые.

²Работа Толстого «Соединение и перевод четырех Евангелий» была известна только в рукописных списках и впервые издана в 1891 г. в Женеве М. П. Элпидиным.

³Феоктистов Евгений Михайлович (1828–1898) — начальник Главного Управления по делам печати.

⁴14/26 января 1892 г. в лондонской газете «Daily Telegraph» под заглавием «Почему голодают русские крестьяне?» появилась статья Толстого «О голоде» в переводе Э. Диллона. 22 января газета «Московские ведомости», придерживавшаяся курса консервативной оппозиции правительству, напечатала в редакционной статье (редактор — Сергей Александрович Петровский, р. 1846) выдержки из статьи в обратном переводе с английского с комментарием: «Письма гр. Толстого ... являются открытою пропагандой к ниспровержению всего существующего во всем мире социального и экономического строя. Пропаганда графа есть пропаганда самого крайнего, самого разнузданного социализма, перед которым бледнеет даже наша подпольная пропаганда» (Гусев. Летопись. Т. II, С. 64). См. также статью В. Н. Абросимовой: «...Рассказать жизнь, как она была...» в журнале «Вопросы литературы» (М-ва, 1989, № 11), С. 124–172.

⁵Статья Толстого «О голоде», предназначенная для журнала «Вопросы философии и психологии», не была пропущена цензурой. Под названием «Помощь голодающим» статья появилась в январе 1892 г. в первом номере журнала «Книжки «Недели», редактор которого П. А. Гайдебуров (см. прим. 2 к Письму 368) был вынужден сократить и смягчить некоторые места статьи.

⁶Статья Толстого «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая» была написана в ноябре 1891 г. и появилась 10 декабря 1891 г. в сборнике «Помощь голодающим», изданном газетой «Русские ведомости», а через несколько дней выпущена редакцией газеты в виде отдельной брошюры.

410. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

24 апреля 1892 г. Бегичевка.

Спасибо вам за ваше письмо, дорогой Ник[олай] Ник[олаевич]. Всегда с особенно приятным чувством распечатываю письмо с вашим почерком на адресе. Книгу вашу «Мир к[ак] ц[елое]»¹ я получил в Москве и прочел предисловие, прочел и вашу статью в Н[овом] В[ремени]². Вы выразили в ней ваше несогласие со мной. Хорошо в ней и очень то, что она трактует с искренностью — и потому серьезностью и заразительностью — о самых важных предметах в мире, «о том, что единое на потребу», но мне кажется, что хотя и три ступени совершенства верны, их определение не верно: право есть произведение общества, милосердие есть известное действие, святость есть известное состояние, и очень неопределенное, или недостижимый идеал. Ну, да я, м[ожет] б[ыть], ошибаюсь, я пишу, вспоминаю свое впечатление при чтении, и вы не приписывайте важности моим словам.

Соединение и перевод Еванг[елий], кажется, вышел неполный. Если это так, то мне не нужно его. Если же полный, то пришлите один экз[емпляр], хоть сюда. Очень вам благодарен и за это, и за Parerga³.

Очень рад вашему хорошему состоянию. Неужели вы всё лето проведете в П[етер]б[ур]ге? — Мы теперь с Машей⁴ здесь одни. Очень много дела. Но в последнее время мне стало нравственно легче. Чувствуется, что нечто делается и что твое участие хоть немного, но нужно. — Бывают хорошие минуты, но большей частью, копаясь в этих внутренностях в утробе народа, мучительно видеть то унижение и развращение, до кот[орого] он доведен. — И они всё его хотят опекать и научать. Взять человека, напоить пьяным, обобрать, да еще связать его и бросить в помойную яму, а потом, указывая на его положение, говорить, что он ничего не может сам и вот до чего дойдет предоставленный самому себе — и, пользуясь этим, продолжать держать его в рабстве. Да только перестаньте хоть на один год спаивать его, одурять его, грабить и связывать его и посмотрите, что он сделает и как он достигнет того благосостояния, о к[отором] вы и мечтать не смеете. Уничтожьте выкупн[ые] платежи, уничтожьте земск[их] нач[альников] и розги, уничтожьте церковь государственную, дайте полную свободу веры, уничтожьте обязательную воинск[ую] пов[инность], а набирайте вольных, если вам нужно, уничтожьте, если вы правительство и заботитесь о народе, водку, запретите — и посмотрите, что будет с русским народом через 10 лет.

Скажут, что это невозможно. А если невозможно, то невозможно ничем помочь и чем больше заботиться о народе, тем будет всё хуже и хуже, как это и шло и идет. И вся деятельность правительственная не улучшает, а ухудшает положение народа, и участвовать в этой деятельности — грех. Ну вот разболтался — простите. Целую вас.

Любящий вас Л. Т.

¹Н. Н. Страхов. «Мир, как целое. Черты из науки о природе». Изд. 2-е, исправленное и дополненное (СПб., 1892). В этом издании два предисловия: к первому изданию, датированное «1872, 18 октября», и ко второму изданию, датированное «7 марта 1892». Толстой говорит о предисловии ко второму изданию.

²Н. Н. Страхов, «Справедливость, милосердие и святость» — «Новое время» (1892, № 5784 от 5 апреля).

³Артур Шопенгауэр (Arthur Schopenhauer). *Parerga und Paralipomena: kleine philosophische Schriften. Zweite verbesserte und beträchtlich vermehrte von Dr. J. Frauenstädt* (Берлин, 1862). Эта книга со штампом: «Дублет Императорской Публичной библиотеки. Продан» хранится в Библиотеке Толстого в Ясной Поляне. См. также прим. 4 к Письму 392 Толстого к Страхову от 25 марта 1891 г.

⁴Мария Львовна Толстая.

411. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому¹

8 мая 1892 г. Санкт-Петербург.

Когда писал я, бесценный Лев Николаевич, свою статью *Справедливость* и пр., то мне приходило в голову, что выйдут разные несогласия, но я об них вовсе не думал. Откроюсь Вам как на духу: главное, чего мне хотелось, было: показать, что святость, высшая религиозность естественно вытекает из нравственного стремления, а не навязана человеку откуда-то сверху. Еще меня очень занимало — показать, что юридический порядок совершенно недостаточен. Когда я получил Ваше письмо, то стал обдумывать: в чем же вышло главное разногласие с Вами? — и немножко теряюсь. В том ли, что признаю законность первой, юридической ступени, или же в том, что указываю на третью ступень? Должен сознаться, что святость у меня неясно развита; отдельные замечания верны, но нет полноты. Покорно Вас благодарю за похвалы; в самом деле, я писал от души.

Но когда я прочитал Вашу *Первую Ступень*², то понял, что полная сердечность стоит бесконечно выше всяких теоретических соображений, подобных моим. Чтобы прийти к доброй жизни, прежде всего нужно всем сердцем пожелать такой жизни. Тогда мы откроем настоящий путь и порядок; а без этого мы завязнем где-нибудь на первых же шагах и никогда не уйдем далеко. У Вас выражен тот дух истинного нравственного стремления, который так привлекает к Вам читателей.

Когда я вздумал сослаться на простой народ, то стал в уме перебирать Ваши сочинения и вспомнил Митрича. Перечитывая сцену³, я не мог надивиться глубине ее смысла и с восторгом дочитал драму до конца. Ах, нужно бы об Вас писать, часто писать, и вот я не умею и не нахожу времени. Даст Бог, однако, что-нибудь да напишу.

Митрич не понравился Вл[адимиру] Соловьеву. В *Рус[ско]м Обзор[ении]* он напечатал против меня *Отрицательный идеал нравственности*⁴, где много ехидства и очень мало толку. Итак, к моему удивлению, догадка Ольги Александровны⁵ оправдалась: его поцелуй был поцелуем Иуды! Ох, эти христиане! Отчасти я доволен, что он, с приемами некоторого высшего нахальства, отлучает меня от церкви. Отвечать я конечно не буду, — держу данное Вам слово.

Да и что отвечать? На мои *Толки* в последнее время явилось три обширных возражения, одно — Гусева⁶, особую книжкою, другое —

II Н. Стр. 128

Когда писалъ я, Святости Лето Николаевъ, свою статью Справедливости и пр., то моя принадлежность к религии, что выйдутъ разные несогласия, но я об этомъ вовсе не думалъ. Отвѣтъ Вашъ какъ на душу: чуждое, чуждое или чуждое, было: показало, что святость, высшая религиозность естественно возмущаетъ или нравственного стремления, а не навязана религией отсюда — то сверху. Еще менее охоты Вамъ — показать, что юридический порядокъ совершилъ недостаточность. Когда я похвалилъ Ваше письмо, то сразу абдуцировалъ: въ чемъ же было такое расхождение с Вами? — и невозможно терпелось. Но тогда же, что признаю законность первой, юридической ступени или же во второй, что указываетъ на третью ступень? Должно сознаться, что святость у меня не было религии; отсюда, замечания, впрочем, но не по поводу. Похвалю Васъ благодарю за похвалу; въ самомъ дѣлѣ я писалъ от души.

Но когда я пригласилъ Вашу Первую ступень, то помню, что покаяние, сроднѣнность стоитъ беззастѣсливо Ваше величье теоретическимъ — самоудовольствиемъ, надобно лишить. Слѣдуетъ прийти къ доброй Жени преемствъ, всего нужно вѣстие сроднѣнности, такъ какъ такое Жени. Тогда мы отпроедемъ настоящей путь и порядокъ, а тотъ этого мы забываемъ и забудемъ на первомъ же шагѣ и иногда

не чуждо и дадено. У Васо выразился тот
дух истинного нравственного стрем-
ления, который там проявляется
и в Вашем китафее.

Когда я издаю сочинения на
простом народном, то стараюсь не
близиться к Вашим сочинениям и впасть в
Митрица. Переживая эту, а не
надеюсь, забудет ее Славяне и
восторжествует драма до конца.
Ах, ну что же! ах! Ваш писанье, много
писанье, сажу писанье, и вот я не
читаю и не пишу времени. Даю
то, даю, что-нибудь да напишу.

Митрица не понравился Фед. Солов-
еву. В Рус. Обзр. он напечатал
против меня Стрижана и идею
нравственности. — где много едкости
и очень мало толку. Ужасно, но по-
лучу удивление, доказавшему Афанасию
равно оправдалась: его научили
быть наученным Судом! Ох, вот
христиане! Ответи я довольно,
что он, с приемом которого
вашего наказания, он должен
мне, он чернил. Ответи я по-
скольку не буду, — думаю даю Вам
слово.

Да и что отвечать? На мою
Товарищ в течение время являлось
три Битрица. Вразумение, ажно
Гусева своего аминного, другое Родки
Вина, в Степан Винсера Лав. Дух.
Противления, третие Рудевоного,

во Журналы Петра и Павла. Напрямую
я пишу с большими прискорбием;
некоторые о неоплаченных и выходя-
щих; но это все горше — они
неудостоиваются даже слова ни ма-
лоушего внимания; они имеют ка-
варинки, но это почти вовсе не отню-
сущие, а тому, что я слабак. По-
тому еще, — не будет ли чего излучать.

Судаченко и переваго — вышедший, но
по первому тому; они перекается, а
я перекается намеренной пропаганды, т. е.
четвертого главы. Если же его не
формате, то я пошлю его Павлу
Иванову — прощу Вам только
сообщение, что его перекается. А я читаю
с большими надеждою; напе-
чатано очень не дурно, т. е. отчасти
вовсе не пишут, а в довольно
умеренном количестве.

Простите меня. Даю Вам доб-
рого здоровья и не забывают
Вашего невольного любителя
и преданного

Н. Страхова

1892

8 мая,
Спб.

Рожествина⁷, в *Чтениях Общества Люб[ителей] Дух[овного] Просвещения*; третье — Филевского⁸, в журнале «Вера и разум». Напрасно я читал с большим прилежанием; не говорю о нескладнице и всякой путанице, но что всего горше — они не удостоивают моих слов ни малейшего внимания; они много наговорили, но это почти вовсе не относится к тому, что я сказал. Подожду еще, не будет ли чего получше.

Соединение и перевод вышел только первый том; он кончается объяснением Нагорной проповеди, т. е. четвертою главою. Если Вы его не хотите, то я пошлю его Павлу Ивановичу⁹ — прошу Вас только, сообщите мне его адрес. А я читаю с великим наслаждением; напечатано очень недурно, т. е. опечатки вовсе не кишат, а в довольно умеренном количестве.

Простите меня. Дай Вам Бог всякой благодати и не забывайте

Вашего неизменно любящего и преданного

Н. Страхова

1892 8 мая Спб.

¹Публикуется впервые.

²Статья Толстого «Первая ступень» была опубликована в журнале «Вопросы философии и психологии» (1892, Кн. 13, май).

³«Власть тьмы», Действие V, Сцена I, Явление 10.

⁴«Русское обозрение» (1892, апрель), С. 804–811. В конце статьи Соловьев пишет: «За указанием высшего нравственного идеала наш автор, заявивший себя христианином, обращается, впрочем, не к Евангелию, а к «безобразно-пьяному солдату Митричу», который учит раскаивающегося убийцу *не бояться людей*. Нас не удовлетворяет это указание не потому, что учителем святости является здесь человек безобразно-пьяный, а потому, что г. Страхов совершенно напрасно считает Митрича своим единомышленником. Советуя Никите не бояться людей, этот симпатичный, хотя и пьяный старик вовсе не имел в виду преподавать идеал абсолютного совершенства, он просто хотел ободрить слабодушного парня, для которого в этом случае действительно главное дело было в том, чтобы не бояться людей. Но Митрич, конечно, знал, что одно бесстрашие еще не составляет святости, что это качество *среднее*, свойственное как святым, так с другой стороны и тем лицам, которых в народе называют «отпетыми». А если бы спросить у Митрича, в каких чертах представляет он себе настоящего святого и учителя святости, то он (в качестве выразителя народных взглядов, каким принимает его и наш автор) конечно не указал бы ни на свое собственное пьяное благодушие, ни на бесстрашие Никиты, а сказал бы, что настоящий святой и учитель святости должен быть, во-первых, чрезвычайно милосердным, во-вторых, чрезвычайно сильным в молитве и посте, а в-третьих, способным творить чудеса, как при жизни своей, так особенно после смерти.

Вот то ясное и твердое понятие о святости, которое имеет наш народ; оно неразрывно связано с положительным содержанием его религиозной веры. Можно считать народные верования для себя необязательными, но если их не разделять, то лучше на них и не ссылаться и не называть их «таким светом, пред которым ничто все наше просвещение». Ибо если народную веру не сохранить, а от научного просвещения отречься, то что же у нас останется?» (С. 811).

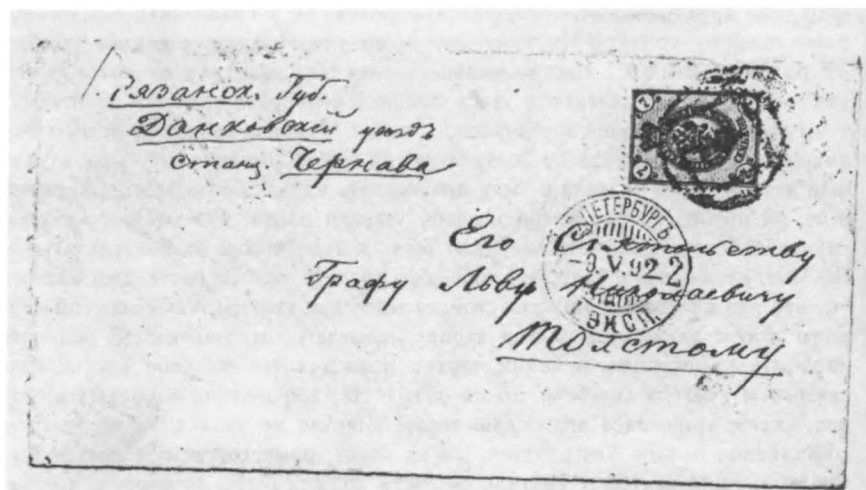
О. А. Данилевская.

Тусев Александр Федорович (1842–1904) — профессор Казанской Духовной Академии. Имеется в виду его книга «Любовь к людям в учении графа Л. Толстого и его руководителей» (Казань, Типография Императорского университета, 1892). Книга, с надписью «От автора», имеется в Библиотеке Толстого в Ясной Поляне.

Рождествен Александр Сергеевич (р. 1862) — писатель, преподаватель русского языка в Казанской русско-инородческой учительской семинарии; автор статьи «Христианство гр. Л. Толстого» — журнал «Чтения в обществе любителей духовного просвещения» (1892, февраль).

Филевский Иоанн Иоаннович (р. 1865) — священник, писатель, приват-доцент Харьковского университета. Имеется в виду его статья «По поводу литературных толков о графе Л. Н. Толстом (Ответ на письмо неизвестного, Н. Страхова)» — журнал «Вера и разум» (1892, № 7, апрель), С. 426–452.

Павел Иванович Бирюков — см. прим. 2 к Письму 332 Страхова к Толстому от 11 декабря 1886 г.

И-28. Конверт к Письму 411 Н. Н. Страхова к Л. Н. Толстому, заштемпелеванный в Санкт-Петербурге 9 мая 1892 г.

412. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому¹

24 августа 1892 г. Санкт-Петербург.

В первый же день, когда я вернулся домой, я прочитал в *Русском Вестнике* за август статью Розанова об *Мире как целом*² и очень удивился, что встретил там как будто продолжение Ваших речей, бесценный Лев Николаевич. В конце статьи он укоряет меня в том, что я «не договариваю своих мыслей до конца», что у меня «нежелание обнаружить самые заветные из своих убеждений перед толпою». Затем он утверждает, что «быть непременно только разумным, быть всегда правильным, размеренно добродетельным — вовсе не есть для человека наилучшее». (Очень дико выражено!) И заканчивает так:

«У г. Страхова есть, по-видимому, некоторое недоверие к своим читателям, и, желая влиять на них, говоря все, что могло бы наилучше образовать их ум и сердце, он не говорит еще самого интересного, что они могли бы узнать от него. То, что вызывалось в давние годы необходимостью, потом стало уже привычкой. Но для читателя сочинений его, для понимающего их смысл и значительность, всегда останется печальным, что между ним и множеством людей никогда не будет совершенно отброшена разделяющая завеса, что некоторая пленка (!) благоразумия³ всегда будет удерживать и его и других на почтительном расстоянии от того, к кому они и могли бы, и хотели бы быть гораздо ближе».

Не правда ли, что это сходится с Вашим советом — рассказывать себя, выйти перед читателем без мундира и без орденов?

Пленка благоразумия, я думаю, опечатка, но мысль совершенно понятна. Об Вашем совете я прилежно думал и наконец сказал себе: Как странно! Они хотят, чтобы я перестал быть самим собою! Ведь моя объективность и есть выражение моего ума, моей натуры. Я не могу говорить о своих личных делах и вкусах; мне это стыдно, стыдно заниматься собою и занимать других своею личностью. Мне кажется всегда, что это не может быть для других занимательно, и потому я берусь за их дела, за их интересы, или рассуждаю об общих, объективных вопросах. Или еще иначе: у меня есть действительное расположение к скромности; я не считаю себя, как Руссо⁴ или Достоевский, образцами людей — напротив, я очень ясно вижу свою слабость и скудость, и потому высоко ценю всякую силу и способность других, а главное — ищу всегда общей мерки чувств и мыслей, а не

увлекаюсь своими мгновенными расположениями, не считаю своих мнений и волнений за норму, за пример и закон. Достоевский, создавая свои лица по своему образу и подобию, написал множество полупомешанных и больных людей и был твердо уверен, что списывает с действительности и что такова именно душа человеческая. К такой ошибке я неспособен, я не могу не объективировать самого себя, я слишком мало влюблен в себя и вижу хотя отчасти свои недостатки.

Теперь возьмите все это вместе; мою стыдливость, деликатность, скромность — ведь это моя душа, положительная сторона моего существа, которую я сам ценю и всячески стараюсь поддерживать. Если она выразилась в моих писаниях, то тем лучше — у меня, значит, есть настоящее своеобразие, определенная физиономия и я готов радоваться упрекам Розанова.

Но возьмем дело с другой стороны. С этими качествами связана скрытность, гордость, сухость, недоверие, отсутствие живых отношений к людям. Это обратная сторона моей души и Вы знаете, как она связывается с лицевою стороною. Что же мне делать? Я подавляю эти недостатки сколько могу, стараюсь дать им наилучший смысл, обратить в соответствующие им достоинства. Кроме того, всегда я жажду любви, доверия, нежности, но мое самолюбие и гордость меня коробят и отталкивают.

Но зачем же и для кого я стану рассказывать эти обыкновеннейшие истории? Я очень ясно отличаю мое личное, случайное, от того, что имеет общий интерес; когда пишу, то стараюсь возводить свои мысли до общеинтересного, для всех законного и убедительно-го: тогда я уверен, что меня не обманывает свойство моей души и случай моей жизни.

Самое интересное и важное в моей личной жизни есть, конечно, мои пороки и проступки, и то, как я с ними боролся и борюсь. С 1868 года я не знаю женщин и перестал пьянствовать, следовательно, началась для меня не жизнь, а житие, как выражался Писемский. Я пришел тогда в страшное состояние, боялся сойти с ума, и потому бросил все свое распутство и решил оттерпеться, чтобы спасти свой ум. Было трудно, но я уперся и после многих лет почувствовал, что оправляюсь. Эта история моего самосохранения, пожалуй, поучительна. Наши желания и наши чувства от нас не зависят; но не делать того, к чему побуждают нас наши чувства и желания, мы всегда можем. Нужно бы написать об этом, но, если успею, то все-таки напишу вообще, а не стану рассказывать своих опытов. По этому правилу я и до сих пор веду себя. Я оттерпливаюсь от дурных мыслей и чувств, не даю им ходу и останавливаюсь только на ясных мыслях и добрых чувствах. Рассказывать эту постоянную борьбу, иногда очень горькую и противную, я считаю вовсе не нужным, не нахожу ее для самого себя занимательною. Зачем копать в собственных изверже-

ниях? Может быть, я чаще других подвергаюсь душевному упадку, и этот упадок имеет у меня особый вид — что же из этого? Все-таки лучше прятаться, когда у нас случается понос и рвота. Истинная наша жизнь совершается, когда мы вполне крепки и здоровы душою, и у меня бывают дни и часы такого здоровья. У других и вся жизнь чистая, здоровая: таков был Н. Я. Данилевский.

Вот мое объяснение, бесценный Лев Николаевич, самое искреннее. Вы желаете, чтобы я снял мундир и ордена; но этот мундир есть моя собственная кожа и я выскочить из нее не могу. Разве я не правдивый и добросовестный писатель? Когда пишу и не нахожу надлежащего слова или не вижу правильного развития мысли, я просто не могу писать, останавливаюсь. Поэтому я очень редко переправляю, и целые страницы пишу медленно, но без всяких поमारок.

О, Боже мой! Все ведь можно преувеличивать, и свои достоинства, и свои недостатки, и свое самодовольство, и свое раскаяние, и радость и муки. Я боюсь этой фальши. Я слишком раздражителен и впечатлителен, и потому ищу всегда покоя и равновесия. Я пропитан скептицизмом, и потому крепко держусь за ясные, твердые истины. А что я не высказываюсь до конца, то ведь потому, что это гораздо труднее, чем полагают те, кто этого требует. Есть знаменитый пример — Платон; его разговоры не имеют окончательных выводов. Главное дело в том, чтобы рассуждать, мыслить; а поприще мысли мне всегда казалось безбрежным океаном.

Но довольно, довольно! простите меня и скажите мне хоть несколько слов в ответ на эти признания. Нужно быть самим собою — этого правила я всегда держался; но Вы — сердцевед и можете указать мне, где я прикидываюсь и ломаюсь.

Простите, что долго не писал Вам. Тут меня одолели хлопоты — нужно было разъезжать по дачам, чтобы навестить знакомых, которых давно не видал. Бедный Вышнеградский! Он все не вполне поправился и попросился в отставку.

Усердно кланяюсь Софье Андреевне⁵, Татьяне Андреевне⁶, Татьяне Львовне⁷ и Марье Львовне⁸. Дамы всегда дома, а мужчин угадать нелегко, где они.

Простите и не забывайте

Вашего неизменного
Н. Страхова.

1892 24 авг. Спб.

¹Публикуется впервые.

²В. В. Розанов, «Идея рационального естествознания (Н. Страхов. — Мир как целое. — Черты из науки о природе. — Издание второе. Спб. 1892)». Статья перепечатана в книге «Литературные изгнанники», С. 65–106.

³Опечатки здесь нет. В письме к Розанову от 25 октября 1892 г. Страхов также находил странным это выражение. Позже Розанов так прокомментировал это место: «В статье моей о Страхове, упрек или полу-упрек молодой и неопытный. Кто без «пленки благоразумия» проживет, если он не свободен, если вступает в многообразные с людьми связи и отношения, в которых (отношениях) он не есть господствующий и верхний, а или нижний, или — всего чаще и обыкновеннее — средний, промежуточный. Таким образом невозможно за «пленку благоразумия» упрекать человека, как горло и легкие нельзя упрекать, если они кашляют от пыли, — и нельзя упрекать вообще существо человека за его болезни и слабость... «Пленки благоразумия» не было у Калигулы, у анахоретов в пустыне и у Диогена в бочке: но Страхов жил не в бочке, не в пустыне и не на троне» — В. В. Розанов. Литературные изгнанники (СПб., 1913), С. 334–335.

⁴Руссо Жан Жак (Jean-Jacques Rousseau) (1712–1778) — французский писатель и философ.

⁵С. А. Толстая.

⁶Т. А. Кузминская.

⁷Т. Л. Толстая.

⁸М. Л. Толстая.

413. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

3 сентября 1892 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич.

Получил ваше чудесное письмо и — и согласился и не согласился с ним. Не согласился, п[отому] ч[то] письмо ваше лучше всего подтверждает мои слова и опровергает его содержание.

В письме этом вы именно делаете то, ч[то] я вам советовал, и последствия этого те, что вы и убеждаете и умиляете меня. — Нет, я остаюсь при своем мнении. Вы говорите, что Достоевский описывал себя в своих героях, воображая, что все люди такие. И что ж! результат тот, что даже в этих исключительных лицах не только мы, родственные ему люди, но иностранцы узнают себя, свою душу. Чем глубже зачерпнуть, тем общее всем, знакомее и роднее. — Не только в художественных, но в научных философских сочинениях, как бы он ни старался быть объективен — пускай Кант, пускай Спиноза, — мы видим, я вижу душу только, ум, характер человека пишущего.

Получил и вашу брошюру из Рус[ского] Вестн[ика]¹ и очень мне понравилось. Так кратко и так содержательно. Знаю, что вы уже не переделаетесь, да я и не думаю об этом; но и в вашей манере писать есть то самое, что выражает сущность вашего характера. Ну, да я, кажется, запутался. Целую вас, прощайте пока. Я всё живу по-старому. Всё то же работаю² и всё так жеближусь к концу, но не достигаю его.

Пишите, пожалуйста. Мы на-днях едем на короткое время в Бегичевку.

Любящий вас Л. Толстой

3 сентября. Погода чудная.

¹Н. Н. Страхов, «Ход и характер современного естествознания» — журнал «Русский вестник» (1892, № 3), С. 230-249. Оттиск, с авторской надписью карандашом «Льву Николаевичу», имеется в Библиотеке Толстого в Ясной Поляне.

²Толстой работал над сочинением «Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание».

414. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

25 февраля 1893 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич,

Я кругом виноват перед вами за то, что так давно не писал вам, главное же, мне хочется давно уже писать вам; хочется с тех пор еще, как вы мне прислали свою статью о Ренане¹, к[оторая] мне очень понравилась. Недавно вспоминал про вас, читая неприятную по своей самоуверенности статью о вас в Сев[ерном] Вестнике². А вчера приехал Лева³ из Москвы (мы теперь в Ясной и послезавтра едем в Москву) и рассказывал про то, что вы очень заняты своей статьей о психологии (так он мне сказал). И я очень порадовался этому, поняв, что это из той области определения предметов и пределов наук, в кот[орой] вы столько дали и в кот[орой] вы так сильны и ваши заслуги в которой никто, мне кажется, не оценил, как следует. Мы, т. е. Таня, Маша и я, ездили в Бегичевку, где бедствие голода такое же, хуже еще, чем прошлого года, с особенным своим оттенком, и теперь возвращаемся на месяц в Москву. Я в жизни никогда с таким напряжением и упорством не работал, как я теперь работаю над всей моей книгой и в особенности над заключительной главой ее. Должно быть, я поглупел или, напротив, ослабел творчеством, а поумнел критическим умом. Боюсь сказать, что я думаю кончить через дни три, п[отому] ч[то] это мне кажется уже 3-й год. — Чувствую себя хорошо, спокойно, радостно. Кажется, что не боюсь смерти. Верно, и у вас так же. Давай вам этого Бог.

Целую вас.

Л. Толстой

25 февраля 1893 г.

¹Н. Н. Страхов, «Несколько слов о Ренане» — журнал «Русский вестник» (1892, ноябрь).

²Толстой имеет в виду статью А. Волынского (А. Л. Флексера) «Литературные заметки» — журнал «Северный вестник» (1892, № 1), С. 117-146. Страхову посвящены первая и последняя главы статьи. Об А. Л. Волынском см. прим. 1 к Письму 420 Страхова к Толстому от 12 сентября 1893 г.

³Лев Львович Толстой (1869-1945).

415. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому¹

4 марта 1893 г. Санкт-Петербург.

Ваше письмо, бесценный Лев Николаевич, было мне большой радостью. Знаю я, что Вы всегда добры ко мне, но все же очень сладко увидеть эту доброту в строках, Вами написанных. Что у Вас вообще очень много доброты, в этом я вновь и вновь убедился, перечитывая Ваши сочинения². Впечатление было такое сильное, как будто я в первый раз это открыл. Вы относитесь ко всем выводимым Вами лицам с таким вниманием, любовью и даже нежностью, что Вы были бы сентиментальнейшим из всех писателей, если бы в то же время не слышалось у Вас мужественность и большая строгость нравственной оценки. Особенно поразила меня любовь, с которой Вы описываете юношей самой первой молодости. Это удивительно и очаровательно.

Да мало ли чего я не нашел в Ваших писаниях! Меня опять поразила их серьезность, их высочайшая добросовестность. Некоторые места, где Вы отступаете от этой серьезности, меня удивляли, как будто неожиданные бесцветные пятна на отлично писанной картине. Есть, напр[имер], места, где Вы издеваетесь над Вашими лицами — тогда пропадает все очарование. Так *Юность* написана в тоне некоторой издевки над героем. Но вообще, в то, что Вами писано, вложено столько души, и так явно везде желание вложить душу, как ни у кого из писателей.

И вот я этим питался больше двух месяцев. После статьи о Фете³ наступили для меня плохие времена. Недель шесть пришлось просидеть дома из-за больного уха. И все время, почти до настоящей минуты голова была не свежа и не давала мне хорошенько ни читать, ни писать. С грустью смотрел я на свои книги, и понял, какими мечтами я забавлялся, когда собирал их. Очень весело было думать: вот я прочитаю и изучу то и другое; вот эта книга важна для такого-то вопроса, которым нужно заняться; а вот этот автор занимает первое место в мистике, этот — в философии, этот нужен для изучения буддизма и т. п. Десятки лет я тешился этими приготовлениями; но теперь, когда выпадают свободные дни, вдруг ясно чувствую, что не могу пользоваться заготовленным, что и восприимчивость оступела, и любопытство охладело. Затеял я написать *Чему учит психология*, но, несмотря на все попытки, дело не пошло далеко. Но статью эту считаю очень важною и со временем непременно ее допишу. Меня

подбил П. Е. Астафьев⁴, который дважды выступал против меня в *Р[усском] обозрении*, а теперь выпустил свои статьи отдельной брошюрой. Полемизировать я не буду, а только разъяснять предмет. Вы верно угадали: это опять о границах и направлениях наук, то есть вопросы методологические, которые оказываются в тесной связи с вопросами метафизическими. Мне очень лестно, что Вы так внимательны к моим писаниям и так их точно оцениваете.

Но теперь я отложу эту статью и напишу несколько страниц о Тэне⁵. Мне хочется выполнить то, что я когда-то задумывал написать в статье *Историки без принципов*⁶. Некоторым образом я обязан это сделать; это для третьего тома *Борьбы с Западом*, для которого писана и *Несколько слов о Ренане*. Так я все отбиваюсь от прямого пути; но однако не сбиваюсь вовсе со своей дороги.

Не могу Вам выразить, как я люблюсь на Вас при мысли о Ваших усилиях обработать книгу о непротивлении⁷. Это что-то необыкновенное, такое напряжение мысли в одну сторону, такая неутомимая борьба с предметом. Вообще, Вы очень счастливы. — нет, не так нужно говорить — самая существенная Ваша черта в том, что Вашу жизнь и деятельность Вы на самом деле подчиняете Вашим убеждениям, не только избегаете противного им, но и исполняете то, что с ними согласно. И Вы столько сделали, не только думали, а действительно сделали! Более полной жизни трудно придумать. Как нелепы все толки о том, что Вам нужно бы было оставаться романистом, и что Вы заблуждаетесь, вздумавши сверх того быть человеком!

Я понимаю, что к Вам приходят радость и спокойствие. И на меня они сходят, но редкими минутами, редко без примеси малодушных раздражений и самолюбивых волнений. Мне часто вспоминаются слова Лермонтова: счастье есть насыщенная гордость⁸. Как верно понято и откровенно сказано главное стремление современного человека! И, следовательно, правда будет в обратном положении: не может быть тот счастливым, кто не свободен от гордости. Это я постоянно себе повторяю.

Очень я боялся за Вас во время Вашей поездки в Бегичевку; но вот Вы возвращаетесь благополучно. Дай Бог и вперед Вам здоровья и всякой бодрости. От всей души кланяюсь Татьяне Львовне и Марье Львовне. Софье Андреевне я писал⁹. Лев Львович¹⁰ опечалил меня своею худобою и бледностью; я привык к богатырству у Ваших детей.

Простите меня.

Ваш неизменно любящий и преданный

Н. Страхов

1893 4 марта Спб.

Р. С. Пожалуюсь Вам на Фета. Недавно из одной ученой книги я узнал, что во втором издании перевода Шопенгауэра *Мир как воля* мое предисловие выпущено. Против своего обыкновения Фет не прислал мне этого издания¹¹; я тогда удивился, а теперь вижу, почему так случилось. Неужели он это сделал потому, что в предисловии я указывал на религиозное направление, к которому приходит, или может привести Шопенгауэр? Эти вольнодумцы бывают часто большими фанатиками. За свое предисловие я стою, и крепко.

¹Публикуется впервые.

²Страхов помогал С. А. Толстой в подготовке девятого собрания сочинений Толстого в 13 тт.

³А. А. Фет умер в Москве 21 ноября 1892 г. Статья Страхова «Несколько слов памяти Фета» была напечатана в газете «Новое время» от 9 декабря 1892 г.

⁴Астафьев Петр Евгеньевич (1846–1893) — философ-публицист.

⁵Статья Страхова «Заметки об Тэне» была напечатана в журнале «Русский вестник» (1893, № 4), С. 238–258. Оттиск статьи имеется в Библиотеке Толстого в Ясной Поляне.

⁶Статья Страхова «Историки без принципов. Заметки об Ренане и Тэне» была напечатана в газете «Русь» (1885, №№ 8, 9).

⁷«Царство Божие внутри вас».

⁸Ссылка на слова Лермонтова: «А что такое счастье? Насыщенная гордость» — см.: М. Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени», Ч. II (окончание Журнала Печорина). «Княжна Мери (3 июня)».

⁹Письмо Страхова к С. А. Толстой от 2 марта 1893 г. — см. ПТС, II, С. 270.

¹⁰Л. Л. Толстой.

¹¹Второе издание сочинения Шопенгауэра «Мир как воля и представление» в переводе Фета вышло в 1888 г. в Москве.

416. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

29 июня 1893 г. Эмс.

Эмс. 29 июня ст. ст. 1893.

В 1875 году, в Риме, я получил от Вас, бесценный Лев Николаевич, письмо¹; Вы писали, между прочим, что торопитесь отвечать, *зная, как приятно на чужбине получать письма с родины*. И теперь очень мне захотелось этого удовольствия, не говоря о других моих побуждениях писать к Вам. Нужно, во-первых, перед Вами исповедаться. Поехал я сюда больше всего для того, чтобы по сильнее встряхнуть себя, выбить себя из колеи, в которой я так однообразно двигаюсь уже столько лет. Кроме того, давно уже я собирался в Эмс; девять лет тому назад я по опыту узнал, как хорошо действуют эти воды, а последняя зима досталось мне очень тяжело из-за моей груди. Наконец, мне хотелось подумать, а нигде так хорошо не думается, как в дороге и в чужом месте.

Все идет, как следует. Когда я приехал, то поспешил отыскать тот дом, в котором прежде жил; комната моя оказалась свободною, и я с радостью занял ее, хотя чувствовал, что это *возвращение на старое* противно моему плану. Но скоро я получил хорошую встряску. Когда начал пить воды, я почувствовал себя жестоко больным и целую неделю бродил по Эмсу, весь ноя и едва держась на ногах. Теперь, однако, все проходит и лечение оказывает свое действие. «Все он возится с собою!» скажете Вы. Да что же мне делать, бесценный Лев Николаевич? Я много думал о том, не могу ли я быть *полезнее*, и ничего не придумал. Разные дела привязывают меня к моему положению, как веревки, идущие во все стороны. Вот, например, издание Фета². Волей-неволей пришлось взяться за наследство несравненного поэта, никуда не годного по образу мыслей и очень недурного человека. Вел[икий] Князь, добрейший Константин Константинович, присылал мне для прочтения письма к нему от Фета³. За эти пять лет их набралось 118! Можете себе представить, как старался А[фанасий] А[фанасьевич] и как он был доволен таким корреспондентом! Вел[икий] Князь, между прочим, сказал мне, что А[фанасий] А[фанасьевич] был человек превосходно воспитанный. Ну, обо всем этом пришлось бы много поговорить, да может быть еще и удастся.

Потом, перед отъездом из Петербурга, меня очень занимала «колония славянофилов», которую я открыл на Петербургской стороне. Т. И. Филиппов, Госуд[арственный] Контролер и известный ревнитель православия, набрал к себе в Контроль целую толпу писателей. 1., Аф. В. Васильев⁴, 2., Каблиц⁵, 3., Т. Соловьев⁶, 4., Н. Аксаков⁷, 5. Романов⁸, 6. В. В. Розанов⁹. О последнем Вы кое-что знаете, и он-то, перебравшись недавно в Петербург, свел меня с некоторыми из них. Какие умные, чистосердечные и скромные люди! Розанов во всех этих отношениях — звезда между ними. Мне придется, кажется, больше всего внушать им всякое вольнодумство: они почти все с таким же жаром отдаются консерватизму, с каким когда-то нигилисты бросались в нигилизм. Во всяком случае, кружок мой заметно изменился и оживился. Розанов — удивительное милое существо.

Очень приятно мне было также ближе сойтись с Хирьяковым¹⁰, который переписывает Ваши письма ко мне для Черткова¹¹. Я не спрашивал Вашего позволения делать эти копии, — зная наперед, что тут затруднения быть не может. Отца Хирьякова¹² я часто видал у покойного Я. К. Грота¹³, которого мы с искренним горем проводили в могилу. Кроме своих, да академиков, за гробом — увы — никого не было! Хирьяков очень симпатичен и привлекает меня своею сдержанностью.

Теперь скажу и о своих затеях. На очереди, мне кажется, две: 1) Об последних Ваших художественных вещах. Необходимо написать — до того дурно они оценены, и до того они важны, и до того мне хочется. 2) Задумал я *Письма о философии*¹⁴ — так, десять, двенадцать. Изложить в них понятие о философии вообще, — разумеется, подкрепляя частными примерами и разборами. Все мне хочется найти самую свободную форму писания. Иногда падаю духом, а иногда заношусь, и тогда мне приходит на мысль просить у Вас позволения посвятить Вам эти письма. Вы ведь много виноваты в моей философии и в том, что я так пренебрегаю Русскою литературою. Недавно я кой-что перечитал и кое-что вновь прочел: Гаршина¹⁵, Короленко¹⁶, Чехова¹⁷ — да ведь это серьезная литература, не чета Zola, которого *Доктор Паскаль*¹⁸, кроме досады, пока ничего мне не дал. Ученый не похож на ученого, лекарь не похож на лекаря, описание любви — фантастическое, в теории наследственности никакого смысла, все одна шумиха и пустозвонство. Кажется, я сам не хуже бы написал.

В Эмсе придется мне пробыть еще недели три с половиной. Жить здесь приятно и, в сущности, дешево. Живешь как будто в саду, причем не полагается ни пыли, ни комаров и мух, ни клопов и блох, ни большого жара, ни большого холода. В течение суток 12°–22° R. тепла. Из Эмса я сделаю маленькую поездку в Мюнхен, послушаю Вагнера, а потом, если позволите, заеду на недельку в Ясную Поля-

ну. Есть слухи, что Вы уже кончили Вашу книгу — может быть, мне можно будет прочесть. Во всяком случае, я знаю, Вы очень заняты; но если найдется свободная минутка, утешьте меня, напишите мне несколько строк, а именно: во второй половине августа застану ли я Вас в Ясной Поляне?

Дай Бог Вам всякого добра! Мои усердные поклоны Софье Андреевне, Татьяне Андреевне, Татьяне Львовне и Марье Львовне и всем, кто меня помнит.

Ваш неизменно преданный
Н. Страхов

1893. 12 июля н. ст. Эмс.

Адрес конечно: Ems, poste restante. Да не будет ли у Вас мне какого-нибудь поручения за границей? С радостью все исполню.

*К письму приложен сделанный Н. Н. Страховым
поэтический перевод:*

Я поднял взор: во всех мирах я зрю одно;
И вниз взглянул: во всех волнах я зрю одно.
Взглянул я в сердце: бездна, океан миров,
Мечты без счета, и — во всех мечтах одно.
Хоть солнце — только отблеск Твоего сиянья,
Но свет во мне и Твой — одно лишь в основанье.
Хоть мирозданья круг — лишь прах у ног Твоих,
Но все — одно; мое, Твое — одно лишь бытие.
Горишь ли, сердце, ты, иль носишься в волнах,
Огонь, вода — одна стихия; будь лишь чисто, будь Твое!

Джелаледдин Руми¹⁹.

Переведено в Эмсе, в июне 1893, с перевода Рюккерта²⁰.

¹См. Письмо 92 Толстого к Страхову от 5 мая 1875 г. из Ясной Поляны.

²«Лирические стихотворения А. Фета» вышли в 1894 г. В подготовке издания принимали участие Великий князь Константин Константинович (1858–1914), Марья Петровна Фет-Шеншина, Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900), Александр Васильевич Олсуфьев (1831–1915). На долю Страхова пришлось основная часть труда по подготовке издания.

⁶Переписка Великого князя Константина Константиновича с Фетом и Стравовым опубликована в издании: К. Р. Избранная переписка (СПб., 1999), С. 239–440.

⁷Васильев Афанасий Васильевич (1851–после 1917) — публицист, поэт, издатель. В 1893 г. в звании генерал-контролера возглавлял Департамент железнодорожной отчетности.

⁸Каблиц Иосиф Иванович (псевдоним: Юзов) (1843–1893) — публицист. Служил в Государственном контроле с 1886 г.

⁹Соловьев Тимофей Петрович — старший ревизор департамента железнодорожной отчетности Государственного контроля, автор книг «Теория волевых представлений. Отношение ее к специации и элевации органического мира» и «Внимание как органическая сила». Известен как «русский Дарвин».

¹⁰Аксаков Николай Петрович (1853–1909) — публицист, критик, прозаик, поэт, историк, философ, богослов. На службу в Государственном контроле поступил в 1895 г.

¹¹Романов Иван Федорович (псевдоним: Рцы) — публицист. Позже сотрудничал в журналах «Мир искусства» и «Новый путь», в кругу которых был прозван «маленьким Розановым».

¹²В апреле 1893 г. В. В. Розанов, с помощью Страхова и С. А. Рачинского, получил место чиновника Государственного контроля и переехал в Петербург из г. Белого Смоленской губернии, где он служил преподавателем прогимназии.

¹³Хирьяков Александр Модестович (1869–1946) — писатель, единомышленник Толстого.

¹⁴Вскоре после знакомства с Толстым В. Г. Чертков (см. прим. 1 к Письму 322) начал заботиться о сохранении всего, что было написано Толстым. По инициативе Черткова копировались вновь написанные Толстым произведения и письма, снимались копии с писем Толстого, находившихся в руках его адресатов.

¹⁵Хирьяков Модест Николаевич — горный инженер.

¹⁶Грот Яков Карлович (1812–1893) — академик, вице-президент Императорской Академии наук; отец Н. Я. Грота. Скончался 23 мая 1893 г.

¹⁷Работа осталась незаконченной. Письмо I было опубликовано после смерти Страхова в журнале «Вопросы философии и психологии» (1902, январь), затем перепечатано И. П. Матченко в книге: Н. Н. Страхов. Философские очерки. Изд. 2-ое, дополненное (Киев, 1906), С. 391–400.

¹⁸Гаршин Всеволод Михайлович (1855–1888) — прозаик, искусствовед, критик, автор «Петербургских писем» — размышлений о Петербурге как «духовной родине» русской интеллигенции. Противился народническим методам революционной деятельности.

¹⁶Короленко Владимир Галактионович (1853–1921) — писатель, один из руководителей петербургского журнала «Русское богатство».

¹⁷Чехов Антон Павлович (1860–1904) — русский писатель, почетный член Петербургской Академии наук.

¹⁸Роман Эмиля Золя (Émile Zola) «Le Docteur Pascal» («Доктор Паскаль») (1893) — последний роман из серии «Ругон-Маккары».

¹⁹Джелаледдин Руми (1207–1273) — персоязычный поэт, философ-суфий. Автор религиозно-философской поэмы в 6 книгах «Месневи-и-манави», суфийско-философских трактатов.

²⁰Рюккерт Фридрих (Friedrich Rückert) (1789–1866) — немецкий поэт и ученый-ориенталист, профессор Берлинского университета, переводчик персидских поэтов.

417. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

13 июля 1893 г. Бегичевка.

Получил ваше письмо, дорогой Николай Николаевич, и был им очень обрадован, т[ак] к[ак] давно скучал по известиям о вас. Мы, как вы увидите, в Бегичевке, где пробудем до 20, а после будем в Ясной, где, как всегда, все будем очень рады видеть вас. Вам нравится славянофильский кружок, а мне бы он очень не понравился, особенно, если Розанов — лучший из них. Мне его статьи и в «Вопросах» и в «Рус[ском] Обзор[ении]» кажутся очень противны. Обо всем слегка, выпспренно, необдуманно, фальшиво возбужденно и с самодовольством ретроградно. Очень гадко. Вы доброе дело сделаете, если внесете свободомыслие. А лучше всего бы уговорить их заниматься только контролем. А то употреблять мысль и слово на то, чтобы противодействовать истине, совершенно нецелесообразно. Я вообще последнее время перед смертью получил такое отвращение к лжи и лицемерию, что не могу переносить его спокойно даже в самых малых дозах. А в славянофильстве есть много самого утонченного и того и другого.

Читали ли вы статью Милюкова о славянофилах¹? Я прочел часть, и что прочел, то мне понравилось. Но я не под этим впечатлением пишу о славянофилах, а, вероятно, потому, что не в духе, за что вы меня простите. Здесь мы кончаем наше глупое дело, продолжавшееся два года, и, как всегда, делая это дело, становишься грустен и приходишь в недоумение, как могут люди нашего круга жить спокойно, зная, что они погубили и догубляют целый народ, высосав из него всё, что можно, и досасывая теперь последнее, рассуждать о Боге, добре, справедливости, науке, искусстве. — Я свою статью кончил². Она переводится. Я уже теперь смотрю на нее со стороны и вижу ее недостатки, и знаю, что она пройдет бесследно (пока я писал, я думал, что она изменит весь мир). Теперь я написал и только поправляю статейку о речи Зола к студентам и письме прекрасном по этому случаю Дюма в Gaulois. Пошлю в Revue de Famille³. Но хочется теперь написать о положении народа, свести итоги того, что открыл[и] эти два года⁴. Прощайте пока, целую вас. У нас все здоровы, кроме Левы⁵. Он еще на кумысе, но всё хворает.

Любящий вас Л. Толстой

13 июля.

¹П. Н. Милюков, «Разложение славянофильства» — журнал «Вопросы философии и психологии» (1893, № 3 (18)), С. 46–96.

²«Царство Божие внутри вас».

³Статья «Неделание». В статье Толстой привел полный текст речи Э. Золя и письма А. Дюма-сына в газету «Gaulois». Статью переводил Г. Вилло, корреспондент парижского журнала «Revue de famille», но в этом издании статья не появилась. На русском языке статья впервые была напечатана в журнале «Северный вестник» (1893, сентябрь).

⁴Толстой свое желание выполнил, написав «Заключение к последнему отчету о помощи голодающим (ПСС, Т. 29, С. 205–208). Статья по цензурным условиям не могла появиться в России, она была напечатана лишь в 1895 г. у М. Элпидина в Женеве и тогда же в Лондоне — сборник «Последние произведения графа Л. Н. Толстого, запрещенные в России» (Фонд вольной русской прессы).

⁵После работы на голоде в Самарской губернии Л. Л. Толстой заболел тяжелой формой неврастения и долго лечился в Париже, но безрезультатно. Улучшение наступило после его пребывания в Швеции, в клинике доктора Эрнста Вестерлунда (Dr Ernst Westerlund) (1839–1924), на дочери которого, 17-летней Доре, он женился 15 мая 1896 г. «Шведский доктор хорошо вылечил Левочку, но не во всякой аптеке есть такое лекарство...» — писал Толстому его брат С. Н. Толстой, узнав о предстоящей свадьбе — Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями (М-ва, 1990), С. 399.

418. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому¹

1/13 августа 1893 г. Мюнхен.

Письмо Ваше, бесценный Лев Николаевич, не выходит у меня из головы, и я думаю о нем без конца. Да что мне и делать здесь, как не думать? Бродишь, глазеешь, а все думаешь, точно я нарочно за этим сюда приехал. Отсюда я как-будто со стороны гляжу на все, и на себя, и на всю свою жизнь. Вы уговаривали меня писать субъективнее, откровеннее. Хорошо, я попробую — не знаю, как Вам понравится. Та любовь к себе, которую чувствует каждый, у меня, может быть, имеет в себе что-нибудь отвратительное. Здесь и в Эмсе я много каялся в своих грехах. В моей жизни я не делал зла — кроме разве одного случая — соблазна девушки, которого я тогда не считал грехом. И жадности у меня никогда не было. Но, Боже мой, каким эгоистом я прожил жизнь! Сколько случаев сделать добро, помочь, утешить я пропустил бессовестно! Мои бедные братья! Да мало ли было посторонних людей и разных дел, где я показал свою сухость и холодность! Всего больше меня, однако же, мучит несчастная судьба двух жертв моего распутства. С моей стороны тут было только легкомыслие, но как оно жестоко разыгралось! Поздно я понял, но понял, однако, что связь с женщиной иногда равняется убийству, членовредительству, что это — непоправимое вмешательство в чужую жизнь. И теперь мне нет никакого утешения!

Но это все мои личные дела, в которых, кроме себя, мне не на кого жаловаться. А я хочу Вам пожаловаться на свою судьбу²

¹Публикуется впервые, по автографу из архива Страхова в Национальной Библиотеке Украины им. В. И. Вернадского в Киеве.

²Письмо не закончено.

419. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

3/15 августа 1893 г. Мюнхен.

Ваше письмо, бесценный Лев Николаевич, полученное мною в Эмсе, не дает мне покою. Беспреданно об нем думаю (тут что же делать, как не думать?) и много раз собирался отвечать, вчера затеял длинное письмо, начал и бросил: слишком высокий тон, на который я, кажется, не имею права. Меня поразило то, что Вы в дурном духе, как Вы пишете. Человек, на которого обращено столько любви, со всех сторон! Почему Вы называете Ваше дело в Бегичевке *глупым*? Почему не верите действию Вашей книги? Я верю, что она будет иметь большое действие. Рано или поздно, но люди перестанут считать честью приготовление к убийству. Государство старалось облагородить военную службу; оно обратило ее в гражданскую обязанность, которую все должны нести одинаково. Этого не должно быть и не будет!

Но у меня толпится слишком много мыслей, которые все хотелось бы Вам высказать. И об Розанове, и об славянофилах, и об науках и искусствах, — обо всем хотелось бы поговорить. В Ваших мыслях всегда для меня есть поучение, и особенно, когда они идут против моих мыслей. В Эмсе я много занимался Вами. Там я купил и даже переплел две Ваших книжки: *Крейцерову сонату* и *Критику догматического Богословия*. Я их читал и перечитывал; в *Критике*, которую я едва помнил, я нашел удивительные вещи. Во-первых, я понял направление, — истинно философские требования, обращенные к Макарию, жалкому и типическому представителю нашей богословской премудрости. Во-вторых, есть отдельные места и выражения — несравненные. Одно из них прямо из моего сердца: «я залез», пишете Вы, «в какое-то смрадное болото, вызывающее во мне только те самые чувства, *которых я боюсь более всего: отвращения, злобы и негодования*» (стр. 103). Как сильно и ясно сказано! Да, я истинно боюсь этих чувств, и потому, как Ваш Платон Каратаев, стараюсь везде отыскивать *благообразие*; я стараюсь всеми силами найти хоть каплю благообразия в том, что около меня делается и существует. Стараюсь понять, простить, а главное — стараюсь не пропустить того добра, которое смешано со злом.

Недавно я как-то очень разжалобился над собою. Какая печальная жизнь! Мальчик, совершенно неспособный к ненависти, вражде, борьбе, приехал из глуши в Петербург¹. Он усердно занимался наукой,

но его потянуло к литературе, к этому *самозванному парламенту*, как выражается Карлейль². И начинается чертова комедия. С 1856 года все мечты литературы — разрушение, революция. Начинается брань на всех и на все, не только на самое гадкое, но и на самое дорогое. Вали все, — после разберем! Катков, и тот восхищался покушением Орсини³. Представьте себе, что десять лет я читаю эти выходки. Каждый месяц выходит несколько толстых журнальных книг, и я вижу, что между строками в них написано: *кровь и огонь! огонь и кровь!* Я все понимаю, даже тоньше и вернее, чем ярые почитатели этих книг. И при этом — русское невежество, русское легкомыслие, отчаянное русское недоброжелательство и злоречие — да не скоро переберешь всю эту гадость.

Что же я сделал? Я стал смеяться над ними, стал вступаться за то, за что можно было вступаться, за логику, за Пушкина, за историю, за философию. Шутки мои едва ли многим были понятны, и только покрыли мое имя позором. Несчастный Тургенев недаром печатно сокрушался: «на мое имя легла тень, и я знаю, она с него не сойдет!»⁴ И мне пришлось не мало обид; не один раз даже добрые знакомые показывали мне презрение и прекращали знакомство со мною. Но я не каюсь и не буду каяться. Разве я был не прав? Что было посеяно, то понемногу взшло и принесло хорошие ягоды. Появились огонь и кровь, которых желала литература. Сперва пожар (1862)⁵, потом выстрел в царя (1866)⁶ — после этих первых попыток наступило вдруг затишье, как будто испуг; но потом пошли непрерывно покушения, убийства, взрывы. До сих пор помню, как вечером я глядел в окно, в сторону Зимнего Дворца, и думал, что, может быть, и там теперь закладывают динамит; на другой день мне рассказывают, что действительно там произошел страшный взрыв⁷. Наконец, в 1881 царь убит на улице⁸ и с ним погиб от своей бомбы сам убийца, Гриневецкий⁹. Так и вся партия прихлопнула себя этим ударом, потеряла силу. Но от времени до времени все-таки являются новые попытки.

Что же это за жизнь, Боже мой! Здесь я каждый день читаю в газетах, с какою ненавистью говорят о России; из Ваших книг (есть уже толки о последней книге, *Царствие Божие между вами* — выписано страшное наказание мужика генерал-губернатором) они почерпают не уроки любви, а только новую злобу. А социалисты в Цюрихе¹⁰?

Но, простите меня, я разболтался, хоть нарочно взял маленький листок бумаги. С восхищением думаю, что скоро увижу Вас, и тогда доскажу, может быть, чего не дописал. Лечение в Эмсе действовало превосходно: я поздоровел заметно и отбываю бодро свою повинность эстетика. Дай Бог найти Вас бодрым и здоровым. Простите мне, если согрешил, за мою любовь к Вам.

Ваш неизменный
Н. Страхов

1893. 15 (3) авг. *Мюнхен*.

Софье Андреевне, Татьяне Андреевне, Татьяне Львовне, Марье Львовне и Вере Александровне¹¹ мои усердные поклоны.

¹См. публикацию М. И. Шербаковой «Страницы юношеского дневника Н. Н. Страхова» в сборнике статей Московского Государственного педагогического университета «Страницы истории русской литературы», посвященном семидесятилетию профессора В. И. Коровина (М-ва, 2002), С. 299–306.

²Жарлейл Томас (Thomas Carlyle) — см. прим. 15 к Письму 163 Страхова к Толстому от 17 октября 1877 г.

³Орсини Феличе (Felice Orsini) (1819–1858), граф — деятель итальянского освободительного движения, участник революции 1848 г. в Италии. 14 января 1858 г. бросил бомбу в Наполеона III, был арестован и казнен 13 марта того же года.

⁴И. С. Тургенев, «Литературные и житейские воспоминания. По поводу «Отцов и детей». Сочинения, Т. XIV, С. 105.

⁵26 мая 1862 г., в Духов день, произошел страшный пожар в самом центре Петербурга: сгорел Апраксин двор и громадные дровяные склады. Огонь угрожал Государственному банку, Министерству внутренних дел, Пажескому корпусу и Публичной библиотеке. За пожаром в Петербурге следовали пожары в некоторых провинциальных городах. В поджогах были обвинены русские и польские революционеры, но самое тщательное следствие не нашло никаких доказательств. См. об этом воспоминания П. А. Кропоткина, бывшего очевидцем и участником тушения пожара в Апраксином дворе: П. А. Кропоткин. Записки революционера (М-ва, 1966), С. 165–171.

⁶4 апреля 1866 г. студент Дмитрий Владимирович Каракозов (1840–1866), член тайного кружка Н. А. Ишутина, стрелял в императора Александра II. Казнен в том же году.

⁷5 февраля 1880 г. член Исполнительного комитета партии «Народная воля» Степан Николаевич Халтурин (1856–1882), с помощью народовольцев, совершил взрыв царской столовой в Зимнем дворце. Никто из членов царской семьи не пострадал, но жертвы были многочисленны, поскольку взрыв произошел в караульном помещении (под царской столовой), и все находившиеся там погибли. Кроме того, были ранены более 50 солдат из охраны Зимнего дворца.

⁸1 марта 1881 г.

⁹Гриневский (не Гриневецкий) Игнатий Иоахимович (1855–1881) — член «Народной воли» с 1879 г. См. прим. 4 к Письму 273 Страхова к Толстому от 7 апреля 1881 г.

¹⁰Вероятно, Страхов имеет в виду деятельность группы «Освобождение труда», во главе с Г. В. Плехановым (см. прим. 6 к Письму 174 Страхова к Толстому от 20 января 1878 г.).

¹¹В. А. Кузминская.

420. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

12 сентября 1893 г. Санкт-Петербург.

Безбожно виноват я перед Вами, бесценный Лев Николаевич! До сих пор не поблагодарил Вас, до сих пор не выразил радости о том, что нашел Вас в такой бодрости духа и тела и что столько теплоты было в Ваших разговорах со мной. Я все больше и больше понимаю, как Вы добры. Но я — грешный человек: приехавши сюда, пришел я без всякой причины в тяжелое настроение, от которого никак не мог отделаться. Кажется, оно наконец проходит, и я начинаю спокойно ходить по старой колее. Познакомился с Волынским¹: лично он мне понравился гораздо больше, чем его статьи. Прочитал *Мучка отравилась*²; разговоры дочери с матерью — прелесть; но зачем беспорядок в рассказе? Мне обещали, что познакомят меня с автором³. Виделся со Стасовым: он в величайшем возбуждении от Вашего письма⁴. Он очень много говорил, но все-таки я ничего не узнал; хотя несколько догадываюсь. Перечитал Ваше *Не-делание* в С[еверном] вестнике. Направление у Вас, как всегда, удивительно верно и чисто. А о Дюма⁵ услышал я на днях от одного юноши, бывшего в Париже, что он действительно совершенно изменился в образе мыслей, бранит свою *Dame aux camélias*⁶ и т. п. Составил я, наконец, и план своих занятий; осенью напишу три статьи: в *Русском вестнике* о Шопенгауэре, в *Русском обозрении* об истории философии, в *Вопросах философии* — о времени и числе. Обо всем этом много думано, и постараюсь рассказать свои думы как можно яснее и занимательнее. Так я себя подогреваю, хватаясь за всякие поводы к писанию; но чувствую, что нет и не будет у меня прежнего задора, что на меня все больше нападает равнодушие. Хорошо помню я Ваши советы: писать самое важное и нужное и сосредоточиваться долго на одном предмете; но не могу я справиться с собою. Вы говорили, что хотите писать о необходимости верить в Бога для твердой нравственной жизни. Вот чудесная тема! Не оставляйте ее; в Ваших прежних писаниях у Вас есть бесподобные страницы о Боге, напр[имер] в *Исповеди*. Когда в Эмсе я собирался писать о философии вообще, то хотел говорить и о различии умов; напр[имер] Вундт⁷ или Кавелин — совершенно неспособные к философии люди, хотя много писали философского; а другие, не писавшие специально по философии, напр[имер], Л. Н. Толстой, обнаруживают глубоко-философский склад ума.

Простите меня. Искренно прошу Вас об этом, чувствуя себя таким слабым и негодным. А здоровье мое вполне хорошо. Только старость все не проходит, как Вы однажды сказали. Эмс сделал свое дело, и я чувствую свое горло и глотку совсем другими.

Мои усердные поклоны Софье Андреевне (не в Москве ли?) Татьяне Андреевне, Татьяне Львовне и Марье Львовне).

Ваш неизменно преданный
Н. Страхов

1893. 12 сент. Спб.

¹Волинский Аким Львович (наст. имя и фамилия Хаим Лейбович Флексер) (1861–1926) — литературный и балетный критик, историк и теоретик искусства. С 1889 г. печатался в журнале «Северный вестник», был ведущим критиком и идеологом журнала вплоть до его закрытия в 1899 г. Вел постоянный отдел «Литературные заметки».

²«Мимочка отравилась» — последняя часть трилогии писательницы В. Микулич «Мимочка». Повесть была напечатана в журнале «Вестник Европы» (1893, №№ 9, 10).

³Микулич В. (наст. имя и фамилия Лидия Ивановна Веселитская-Божидарович) (1857–1936) — беллетристка, переводчица, мемуаристка. В мае 1893 г. приезжала в Ясную Поляну, с тех пор неоднократно посещала толстовскую усадьбу и хамовнический дом. В мемуарах Микулич «Встречи с писателями» (Л-д, 1929) рассказывается о знакомстве и переписке со Страховым.

⁴Письмо Толстого к Стасову от 24 августа 1893 г. (ПСС, Т. 66, С. 389–390).

⁵Дюма (Дюма-сын) Александр (Alexandre Dumas fils) (1824–1895) — французский писатель (романист, драматург).

⁶Роман «La Dame aux camélias» («Дама с камелиями») (1848), одноименная пьеса (1852).

⁷Вундт Вильгельм Макс (Wilhelm Max Wundt) — с 1902 г. иностранный почетный член Петербургской Академии наук. См. прим. 1 к Письму 100 Толстого к Страхову от 8...9 ноября 1875 г.

421. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову¹

25 сентября 1893 г. Ясная Поляна.

Получил ваше письмо и очень благодарю. Нынче открыл фельетон Н[ового] В[ремени] и что-то не обычное, и приятное показалось мне и знакомое². Посмотрел — подпись Н. Н. С. и узнал, и очень одобрил.

Ваш друг Л. Т.

Не можете ли мне прислать речь Гексли об эволюции и этике по-английски с прим[ечаниями]. Я прочел порусски в Р[усской] М[ысли]³. Как глупо.

¹На обороте открытки:

Петербург. У Торгового моста, д. Стерлигова. Н. Н. Страхову.

²Толстой имеет в виду статью Страхова о развитии частной инициативы в деле народного образования: «Где спасение для избиваемых младенцев? (Письмо в редакцию)» — «Новое время» (1893, № 6310 от 22 сентября).

³Гексли (Хаксли) Томас Генри (Thomas Henry Huxley) (1825–1895) — английский биолог и зоолог, профессор, друг и последователь Дарвина. Сторонник агностицизма (это он первым воспользовался термином «agnostic» по-английски). Автор книги «Man's place in nature» («Место человека в природе») (1863). Толстой читал статью Гексли «Evolution and ethics» в русском переводе и с примечаниями К. А. Тимирязева: «Эволюция и этика (речь Томаса Гексли)» — «Русская мысль» (1893, № 9), С. 108–129.

422. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

30 сентября 1893 г. Санкт-Петербург.

Только что я хотел послать Вам, бесценный Лев Николаевич, свой фельетон, как получил Вашу записочку, в которой Вы его хвалите. Не могу Вам выразить, как мне было приятно воображать, что Вы читаете мою статью. Ее напечатали не без затруднения, и она сделала маленькую сенсацию. Но опять я был удивлен тем, как трудно понимаются самые простые мысли. Казну считают общим достоянием, т. е., что *каждый* имеет на нее право.

Сейчас же я пустился отыскивать книгу Гексли. Оказалось, что она уже плывет в самый исправный здешний магазин; я заказал, чтобы мне ее доставили, и недели через полторы получу и пришлю Вам. Прочитал я и статью *Р[усской] мысли*, составленную, очевидно, моим приятелем Тимирязевым. Очень любопытно, что Вы скажете об этом предмете. Вы пишете: *как глупо!* А между тем статья блистает всякою ученостью, английскою фантазиею и английским остроумием. Но христианство он как-то проглядел. Странное теперь время! Все говорят о нравственности, и кажется, в самом деле, наш век менее безнравствен, чем другие времена. Но никто не знает, в чем истинная нравственность. Об этике пишут без конца, все отыскивают настоящие принципы и настоящую систему. «Лучшие умы», — сказано было недавно в *Вестн[ике] Европы*, — «заняты этим делом». Но, кажется, они только хотят помирить то, что никак не мирится.

Понемножку я втягиваюсь в писанье. Буду писать об *Истории философии*, а другую статью о *Шопенгауэре*. Все продолжаю быть здоровым. Накопилось столько дел, что страх подумать; но знаю, что нужно стряхнуть свою лень и подойти поближе, чтобы страх пропал.

Простите меня. Дай Вам Бог всего доброго.

Ваш неизменно любящий

Н. Страхов

1893. 30 сент. Спб.

423. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

29 октября 1893 г. Санкт-Петербург.

Прежде всего очень извиняюсь перед Вами, бесценный Лев Николаевич, что так поздно послал Вам Гексли. Я хотел сделать поскорее, а от этого и вышло дольше. Теперь же пишу Вам по поводу замечательных отзывов о Вас Куно Фишера в его новой книге *Arthur Schopenhauer*¹. Посудите сами, что он пишет:

Стр. 110. Es ist eine sehr bemerkenswerthe Tatsache, daß zwei anerkannte und unwiderrufliche Größen aus dem letzten Drittel unseres Jahrhunderts die Sache Schopenhauers zu der ihrigen gemacht und unter dem Bann seiner Werke gestande haben: der berühmteste Musiker des Zeitalters (дело идет о Рихарде Вагнере) und der berühmteste Schriftsteller Russlands, der durch seine religiöse Gesinnung- und Handlungsweise noch interessanter und merkwürdiger ist, als durch seine Dichtungen. Graf Leo Tolstoi, nach der Vollendung seiner militärischen und in Anfängen seiner litterarischen Laufbahn, schrieb an seinen Freund Fet-Schenschin, den nachmaligen Übersetzer des Philosophen: „Ein unwandelbares Entzücken an Schopenhauer und eine Reihe geistiger Genüße durch ihn haben mich erfaßt, wie ich sie nie bisher empfunden. Ich weiß nicht, ob ich die Meinung je ändern werde, aber gegenwärtig finde ich, daß Schopenhauer der genialste der Menschen ist. Es ist eine ganze Welt in einem unglaublich kleinen und schönen Spiegelgebilde“. Noch im Jahre 1890 sei Schopenhauers Bildniß das einzige Porträt in seinem Studierzimmer gewesen².

Но еще важнее следующее место:

Стр. 123. (Показавши, что Шопенгауэр ничуть не исполнял тех учений, которые сам проповедывал, Куно Фишер говорит): „Moral predigen ist leicht, Moral begründen ist schwer“. Weit schwerer als beides, ist sie verkörpern! Daher sind die ächten Werke der Religion, insbesondere Religionsstiftungen so selten, daß selbst die Werke des Genies dagegen häufig sind. Ohne seine Heilslehre in dem eignen Leben und Leibe zu personificieren und dadurch in der anschaulichsten Form zu offenbaren, ist alle Moral und Religion, die man lehrt, mag man sie nun predigen oder begründen, doch am Ende nur „Wortkram“. Dies ist es, was heutzutage einen Mann, wie Leo Tolstoi, vermocht hat, aus der pessimistischen Heilslehre sich zum wirklichen Heiland zu flüchten und zu *tun*, was die Bergpredigt fordert³.

Тут меня восхищает и Ваша слава (К. Фишер — классический и очень обдуманый писатель), и то верное направление, которое она получила. Вы поставлены образцом, и Вы действительно образец правильного отношения к нравственности и религии. Что всего уди-

вительнее — Куно Фишер, чтобы объяснить противоречие жизни и учения Шопенгауэра, подробно излагает мысль, что это был человек с *художественною* натурой, имевший в себе много *актерского*. Странно, что К. Ф[ишер] не вспомнил, что Вы даже великий мастер в художестве, и что, следовательно, его объяснение никуда не годится. У немцев сплошь и рядом встречается, что по мыслям человек очень возвышен, а по жизни — жалкий филистер. Только это не общее правило, а особенность немецкой натуры. У русских это не так, что Вы и доказываете собою.

Ну, извините меня. Я знаю, что Вы не очень любите такие известия. Я вспоминаю, как я раз привез Вам целую пачку вырезок из газет, где упоминалось и прославлялось Ваше имя, а Вы, не читавши, бросили всю пачку в огонь. Между тем, Шопенгауэр до последнего дня жизни с жадностью читал все, что о нем писалось, и все плакался, что приятели не все ему присылают, где упоминается его имя. Куно Фишер по этому случаю говорит: Die Ruhmbegierde, soll Plato gesagt haben, ist das letzte Kleid, das man ablegt. Dieses Kleid hat Schopenhauer nie abgelegt, in und mit ihm ist er gestorben (стр. 119)⁴.

Разумеется, слова К. Ф[ишера] об Вас требуют разных поправок, но я смотрю на главное. Да может быть и с этими известиями я тоже запоздал?

Есть у меня еще просьба к Вам. Не пришлете ли мне Вашего *Отчета*, как он напечатан в «Русск[их] ведомостях»⁵? Странно раздался Ваш голос о страданиях и горе и о любви к ближнему, когда все ликовали о приеме наших моряков во Франции⁶. Меня очень тронули десять Ваших строк, перепечатанных из *Отчета*; вероятно, они тронули и многих других. Ваша книга *Царствие Божие* встречена тихо, но очень враждебно, как и следовало ожидать. Цензура объявила, что это самая вредная книга из всех, которые ей когда-нибудь пришлось запрещать. О, Вы делаете чудеса, бесценный Лев Николаевич! Вы будите спящий дух, Вы один говорите *живые* слова и они неотразимо действуют. По поводу *Неделания* все встрепнулись и отозвались. Наполовину отзывы мне понравились, — не содержанием, а своим очень почтительным тоном; этот тон все еще непривычная новость.

Сам я продолжаю быть здоровым и теперь как-то растормошился, или оживился. Пишу усердно об *Истории философии* и готовлюсь писать о Шопенгауэре. (Видите — я Вас слушаюсь?)

Дай Вам Бог здоровья и сил, и светлого духа! Усердно кланяюсь Софье Андреевне, Татьяне Андреевне, Татьяне Львовне и Марье Львовне.

Душевно преданный и неизменно любящий

Н. Страхов

1893. 29 окт. Спб.

Р. С. Кто такая *Евгения Сопегина в Туле?* Я получил от нее бестолковое письмо; я спрашивал о ней Софью Андреевну в письме, которым благодарил за посылку мне нового издания и которое адресовал в Москву, — отчего оно, видно, и не дошло.

¹«Артур Шопенгауэр» (1893) — Т. VIII «Истории новой философии» К. Фишера.

²Русский перевод цитаты: «В высшей степени достоин внимания тот факт, что две признанные и неоспоримые величины последней трети нашего столетия совершенно разделили взгляды и учение Шопенгауэра и были очарованы его произведениями: знаменитейший музыкант нашего века [Р. Вагнер] и знаменитейший русский писатель, который еще интереснее и замечательнее своими религиозными воззрениями и своею жизнью, чем своими сочинениями. Граф Лев Толстой по окончании своей военной и в самом начале своей литературной карьеры писал своему другу Фету-Шеншину, ставшему потом переводчиком нашего философа, следующее: «Неизменное восхищение овладело мною при чтении Шопенгауэра и я испытал чрез него целый ряд духовных наслаждений, подобных которым я не знал до сих пор. Не знаю, изменится ли когда-нибудь мое мнение, но в настоящее время я нахожу, что Шопенгауэр — самый гениальный человек во всем мире. Это мир в невероятно малом и прекрасном отражении». Еще в 1890 г. портрет Шопенгауэра был единственным в его рабочей комнате». Перевод дается по книге: Куно Фишер. Артур Шопенгауэр. Перевод с немецкого. Под редакцией В. П. Преображенского (М-ва, 1896), С. 113–114.

³Русский перевод цитаты: «Проповедовать мораль легко, обосновать мораль — трудно». Труднее, чем то и другое, воплотить ее. Поэтому настоящие подвиги в области религии, в особенности — учреждения религий, так редки, что сравнительно с ними сами произведения гения кажутся частыми. Вся мораль и философия, которой учат, не воплощая свое учение о спасении в собственной жизни и на собственной личности, и не показывая его тем в самой наглядной форме, — будет в конце концов одним «пустословием», все равно проповедают ли ее, или обосновывают. В этом-то и заключается в наши дни подвиг человека, подобного Льву Толстому: спастись из пессимистического учения о спасении к настоящему Спасителю и *поступить* так, как повелевает Нагорная проповедь» (перевод там же, С. 128).

⁴Русский перевод цитаты: «Славолюбие, — сказал, говорят, Платон, — последнее платье, которое снимает человек. Этого платья Шопенгауэр не снял до конца, в нем он и умер» (перевод там же, С. 123).

⁵Страхов имеет в виду подписанный Толстым и Павлом Ивановичем Бирюковым 17 октября 1893 г. «Отчет Л. Н. Толстого об употреблении пожертвованных денег с 1 января 1893 г.». Напечатан в газете «Русские ведомости» (1893, № 288 от 19 октября).

Патриотический шум был поднят русскими газетами по поводу торжественной встречи французами в г. Тулоне русской эскадры, прибывшей для празднования (в Тулоне и Париже) франко-русского союза против Германии.

О Евгении Сопегиной сведений нет.

424. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

3 ноября 1893 г. Ясная Поляна.

3 ноября.

Благодарю вас за ваши всегдашние добрые чувства ко мне, дорогой Николай Николаевич. Разумеется, это мне приятно, но вредно, и я знаю, как вредно. Верно говорит К. Фишер, что это последнее снимаемое платье. Ужасно трудно его снять. А тяготит оно ужасно. Страшно мешает свободным духовным движениям, свободному служению Богу. <Я никак не думал, чтобы немецкий философ мог приписывать мне такое значение.> Как раз вместе с вашим письмом я получил от Стасова¹, с его обычными преувеличениями, описание юбилея Григоровича², на кот[ором] будто бы чтение моего к нему письма произвело какой-то особенный эффект³. И, каюсь, даже это его письмо совсем расслабило меня. Хорошо то, что тут же третье письмо было анонимное, наполненное самыми жестокими обличениями моего фарисейства⁴ и т. п.

Сегодня читал описание брата Чайковского болезни и смерти его знаменитого брата⁵. Вот это чтение полезно нам: страдания, жестокие физические страдания, страх: «не смерть ли?» сомнения, надежды, внутреннее убеждение, что *она*, и все-таки надежды и при этом неперестающие страдания и истощение, притупление чувствующей способности и почти примиренье и забытье, и перед самым концом какое-то внутреннее видение, уяснение всего «так вот оно что» и... конец. Вот это для нас нужное, хорошее чтение. Не то чтобы только об этом думать и не жить, а жить и работать, но постоянно одним глазом видя и помня ее, поощрительницу всего твердого, истинного и доброго.

Мы живем в Ясной одни с Машей⁶, и мне так хорошо, так тихо, так радостно скучно, что не хотелось бы изменять, а вероятно скоро поеду в Москву. Я написал ответ немцу на вопросы о религии и нравственности⁷ и постоянно думал о вас, желая прочесть вам и спросить вашего мнения. Написал тоже (по секрету) протест против Кронштадт-Тулونا⁸, да как-то стало неприятно насмехаться, сердиться, осуждать и, кажется, не пошлю.

По письму вашему вижу, что вы бодры и телом и духом и пишите историю философии⁹. Это прекрасно. Целую вас. Стасов пишет,

что вы можете достать у Ухтомского¹⁰ Chalmers'a Tao-te-king¹¹. Если можно, достаньте мне на время, а то нигде нет.

Ваш Л. Толстой

¹Письмо Стасова к Толстому от 31 октября 1893 г. См.: Толстой и Стасов, С. 111.

²Пятидесятилетие творческой деятельности Д. В. Григоровича (1822–1899) праздновалось в Петербурге 31 октября 1893 г. в помещении Общества поощрения художеств (Мойка, 83).

³Письмо Толстого к Д. В. Григоровичу от 27 октября 1893 г. из Ясной Поляны. Толстой писал: «Вы мне дороги и по воспоминаниям почти 40-летних дружеских отношений, на которые за все это время ничто не бросило ни малейшей тени, и в особенности по тем незабвенным впечатлениям, которые произвели на меня, вместе с «Записками охотника», ваши первые повести.

Помню умиление и восторг, произведенные на меня, тогда 16-летнего мальчика, не смеявшего верить себе, — Антоном-Горемыкой, бывшим для меня радостным открытием того, что русского мужика — нашего кормильца и — хочется сказать, нашего учителя, — можно и должно описывать не глумясь и не для оживления пейзажа, а можно и должно писать во весь рост, не только с любовью, но с уважением и даже трепетом» (ПСС, Т. 66, С. 409).

⁴Речь идет об одном из так называемых «ругательных» писем, время от времени получаемых Толстым. Неизвестная корреспондентка из города Крапивна Тульской губернии (в 35 верстах от Ясной Поляны), подписавшаяся — «Калужанка», писала: «Давно собиралась писать Вам, но все откладывала, ожидая, что приближающаяся к Вам смерть (ведь Вы уже очень стары) повлияет на Ваше воззрение на земную жизнь и Вы оцнетесь от Вашего самообожествления... Не воображайте, что Ваши проповеди действуют на умных людей, которые добродушные — говорят, что Вы сумасшедший, более строгие — что Вы скряга и мелочный себялюбец... Проповедуя труд, Вы живете в роскоши... Вы восстали против Вашего славного отечества, браня все святое и дорогое для русского человека, что Вы внушили детям?.. Посмотрите, как Бог милосерд, он послал Вам ребенка [сына Ванечку], наделив его сердце духом Святым, и Вы не позволяете ему ходить в церковь... Многое еще можно было бы смешных сторон Вашей жизни показать Вам — да нахожу довольно с Вашим ослабевшим умом подумать и о написанном...» (ОР ГМТ).

⁵Композитор Петр Ильич Чайковский (1840–1893) умер в Петербурге 25 октября, проболев четыре дня холерой. Статья о его последних днях написана его братом Модестом Ильичем (1850–1919): «Болезнь П. И. Чайковского. Письмо в редакцию» — «Новое время» (1893, № 6350 от 1 ноября).

⁶Мария Львовна Толстая.

⁷Письмо Толстого к Георгу фон Гижицкому (Georg von Gizycki), профессору философии Берлинского университета, от 5 октября 1893 г. (ПСС, Т. 66, С. 401). Страхов познакомился с Гижицким в июле 1884 г. в Берлине.

⁸Речь идет о статье «Христианство и патриотизм», называвшейся в черновых вариантах «Тулон», которая была начата в октябре 1893 г. Статья закончена 17 марта 1894 г. Опубликована в английском переводе весной 1894 г. в газете «Daily Chronicle» и в мае 1894 г. в парижском журнале «Journal des débats» (ПСС, Т. 39, С. 27–80).

⁹Статья эта, озаглавленная «О задачах истории философии», была закончена Страховым 16 ноября 1893 г. и опубликована в журнале «Вопросы философии и психологии» (1894, № 1 (21)), С. 1–34.

¹⁰Ухтомский Эспер Эсперович (1861–1921) — поэт и журналист, друг Сергея Львовича Толстого.

¹¹Джон Чалмерс (John Chalmers), «The Origin of the Chinese: an attempt to trace the connexion of the Chinese with Western nations» («Происхождение китайцев: попытка набросать родство китайцев с западными народами») (1868). Книга требовалась Толстому для работы над переводом сочинения Лао-Тзе «Тао-те-кинг», сделанном Е. И. Поповым.

425. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

8 ноября 1893 г. Санкт-Петербург.

Получил Ваше дорогое письмо, бесценный Лев Николаевич, сейчас же я съездил к Ухтомскому, но увы! — перевода Чальмерса у него не оказалось. Он ездил в Китай и усердно занимается Китаем, — вот откуда и слух, что у него, может быть, найдется Чальмерс. Сегодня я побываю в книжном магазине и выпишу Вам эту книгу.

Ваши слова о славе и смерти очень меня тронули, и, кажется, я вполне их понимаю. Ваша слава всегда меня восхищает, как победа тех начал, которые считаю лучшими и высшими. На юбилее Григоровича чтение Вашего письма действительно было одною живою минутою восторга среди всяких формальных и искусственных чествований.

Пишу свою статью с большим напряжением, и все недоволен своим писанием. Но — так и быть, хоть как-нибудь да скажу свою мысль — времени ведь уж не много остается. Слава Богу, до сих пор Эмс действует прекрасно, и я здоров. А Вас я всегда теперь воображаю в том чудесном виде, как оставил в Ясной. Дай Бог, дай Бог! Простите меня. Марье Львовне¹ сердечный поклон.

Ваш неизменно преданный и любящий

Н. Страхов

1893. 8 ноября. Спб.

Приходил ко мне вчера Антон Антонович Васильев². Помните ли Вы его? Он накануне отъезда за границу и просил денег. Каюсь — я отказал ему, больше всего по его речам, хотя мне очень хотелось не отказывать.

¹М. Л. Толстая.

²Васильев Антон Антонович — исключенный из числа студентов Петербургского горного института за революционные настроения. Страхов встречал его летом 1893 г. в Ясной Поляне.

426. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

13 января 1894 г. Санкт-Петербург.

Очень я боялся, бесценный Лев Николаевич, заболеть в Москве, и слава Богу, этого не случилось; но здесь на второй или третий день после приезда у меня оказался трахеит, та болезнь, от которой, я думал, вылечился в Эмсе! Вот она уже почти прошла, и давно пора писать к Вам. Москва, больше всего по Вашей милости, была для меня настоящим праздником. Как все были добры ко мне! Эта поездка чрезвычайно освежила меня, и я очень бодро принялся за старые дела — увы! дела не очень важные! Издание Фета приятно занимает меня: тут много механического труда, и какие стихи! Но это непрерывное сладострастие, на тысячу ладов, в тысяче видов — иногда становится противным, и его искупают только частые порывы действительной нежности и бесподобные картины природы. Принялся я также изучать его воспоминания и некоторые черты сумею теперь внести в краткую биографию¹.

Потом — изучал я статью Розанова *Вера и свобода* (Русск[ий] Вестн[ик] № 1) и был очень огорчен, и очень крепко мылил ему голову, и вспоминал Ваш отзыв об нем². Вы правы: все необдуманно и с размаху, самодовольно и ретроградно. Стою на том, что он очень милое и даровитое существо, но кажется, ничего он не сделает при своей необразованности и умственной распушенности.

А что-то Вы скажете о моей статье: *Задачи и[стор]ии ф[илосо]ф[ии]*?³ Будьте строги, но прошу и внимания. Иногда я принимаюсь жалеть, что мало пишу; я бы мог, кажется, написать множество вещей *простых и ясных*, в которых другие путаются и, что называется, городят. Иногда же мне кажется, что самое правильное мое положение — молчать, что бы другие ни городили.

Однако говорить о себе с нежностью — неправильно. Сегодня у меня было особое торжество: пришел Павел Иванович⁴, а за ним Татьяна Андреевна⁵ и Вера Александровна⁶. Я им рассказывал о Вас и о елке и детском празднике. Они навестили меня как больного; впрочем, сегодня я уже разрешил себе выходить.

С Павлом Ивановичем мы уговаривались насчет *Посредника*: я предлагаю пока две книжки; одну — сочинение Никóля (Pierre Nicole)⁷, приятеля Паскаля⁸: *Des moyens de conserver la paix avec les hommes*. Я так уверен в достоинствах этой книжки (4 или 5 печатн[ых] листов), что даже не спрашиваясь уже отдал ее переводить. Другая книга —

Fichte, *Anweisung zum seligen Leben*⁹. Мне кажется, что если ее хорошенько перевести, она будет великолепным чтением; я готов взять перевод на себя. Тут сущность религиозного чувства высказана удивительно ясно и глубоко.

Кроме того, мне пришла на мысль *Les torrens* г-жи Guyon¹⁰; очень поучительно и полно души. Но и эту книжку и предыдущие нужно *хорошо* перевести — иначе все пропадет. А я уже давно затрудняюсь, как перевести даже заглавие — *torrents*? *Потоки* — очень слабо; *бурные потоки*? На наших равнинах мы не придумали слова для обозначения стремительных рек и ручьев.

Представляю все это на Ваше обсуждение и решение. Не буду забывать о *Посреднике* и, может быть, найду что-нибудь если не лучше, то удобнее этих трех книг.

Пока, простите меня. Дай Вам Бог здоровья, и пусть сохраняется тот прекрасный дух, в котором я Вас видел и на который радовался. Софье Андреевне, Татьяне Львовне и Марье Львовне — моя душевная благодарность за их радушие и мой низкий поклон.

Ваш неизменный
Н. Страхов

1894 13 янв. Спб.

¹Страхов был в Москве в конце декабря 1893 г., остановился у М. П. Фет-Шеншиной. Краткий биографический очерк, законченный в Москве, появился в первом томе «Лирических стихотворений А. Фета» (СПб., 1894), С. V–XVII. См.: ПТС, II, С. 271, прим. 3.

²Розанов Василий Васильевич (1856–1919). Отзыв Толстого см. в Письме 417.

³Статья Страхова «О задачах истории философии». См. прим. 9 к Письму 424 Толстого к Страхову от 3 ноября 1893 г.

⁴Павел Иванович Бирюков.

⁵Татьяна Андреевна Кузминская.

⁶Дочь Кузминских.

⁷Николь Пьер (Pierre Nicole) (1625–1695), автор знаменитых «*Essais de morale*» (1671–1678).

⁸Паскаль Блез (Blaise Pascal) (1623–1662) — французский философ, высоко ценимый Толстым.

⁹Фихте Иоганн Готлиб (Johann Gottlieb Fichte) (1762–1814). Еще в 1870 г. Толстой высказывал мнение о Фихте в связи с историей философии: «Шопенгауэр необходим для того, чтобы дать понятие о свойствах забытого нами настоящего мышления. Забытого особенно благодаря Фихте, Шеллингу, Гегелю периода упадка. Мы не знали и забыли те приемы Пла-

тона, Декарта, Спинозы, Канта, тружеников независимых, страшных по своей оторванности и глубине» (ПСС, Т. 48, С. 126).

^юGuyon du Chesnoy (Jeanne-Marie Bouvier de la Motte) (1648–1717), французская религиозно-мистическая писательница. Ее книга *«Les torrents spirituels»* вышла в Кёльне в 1704 г. Ни одна из названных книг «Посредником» издана не была. От перевода Фихте отказался сам Страхов. См. письмо Страхова к С. А. Толстой от 12 апреля 1894 г. (ПТС, II, С. 287).

427. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

30 января 1894 г. Гриневка.

30 янв. 1894 г.

Дорогой Н[иколай] Н[иколаевич], как только получил книгу «Вопросов фил[ософии]», так сейчас же прочел вашу статью. Вы велите быть строгим. Во 1-х, не понравилось мне то, что то, что вы имели сказать, вы приурочили к какой-то никому не интересной книге, обращающей на себя внимание только тем, что автор ее носит одно имя с вами¹. Это много ослабляет, развлекает внимание. Очень полезно вперед знать то, о чем автор хочет говорить, и очень невыгодно, когда он нарочно вас путает. Мне, любящему вас и знающему вашу манеру, трудно было направить внимание куда надо, а равнодушный читатель ничего не поймет, не заметит. Это во-1-х, а во-2-х ничего нет. Во-2-х, всё очень хорошо и много очень простого и ясного, и поучительного. Понравилась мне особенно последняя часть. У меня нет здесь книжки, а то бы я вспомнил, что именно. Помню, что очень хорошо это указание на различие между школьной, внешней историей философии и самой философией. Сейчас вспомнил конец статьи — историю замирания философии на 40 лет и пробуждение ее Гельмгольцем². Ведь та философия, к[оторая] могла так замереть и воскреснуть, была чем-то ненастоящим.

Фихте книга, сколько я знаю, будет прекрасна. Guyon — не знаю, надо перечесть. Спасибо вам.

Дай вам Бог здоровья и энергии работать. Разумеется, вы можете много сказать ясно и просто, в чем другие путаются и что, главное, нужно.

Любящий вас
Л. Толстой

¹Страхов разбирал две книги преподавателя Харьковской духовной семинарии, тоже Н. Н. Страхова, вышедшие в Харькове и Москве: «Очерк истории философии с древнейших времен до настоящего времени» и «Учение о Боге по началам разума» (обе — 1893 г.).

²Гельмгольц (фон) Герман Людвиг Фердинанд (Hermann Ludwig Ferdinand von Helmholtz) (1821–1894) — немецкий естествоиспытатель и философ.

428. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

15 марта 1894 г. Санкт-Петербург.

Сейчас был у меня Гальперин-Каминский¹ и мне понравился, но не очень. Он просит Ваших писем, бесценный Лев Николаевич, и мне стало страшно за это мое сокровище. Почему он не привез от Вас записочки в две-три строки? Тогда бы я беспрекословно отдал ему по Вашему разрешению. А теперь я в раздумье и, чтобы выгадать время, сказал, что напишу Вам. Усердно прошу Вас, успокойте меня, черкните мне две строчки: отдавать или нет?

Как много у меня набралось писать Вам! Целый месяц думаю: вот это нужно написать Льву Николаевичу и вот это, и это... Завтра же примусь писать.

Дай Вам Бог здоровья! Сам я здоров, насколько могу быть здоровым.

Ваш неизменный
Н. Страхов

1894 15 марта Спб.

P.S. Прошу потому, что я туп на людей, а Вы проницательны.

¹Гальперин-Каминский Илья Данилович (1859–1935), переводчик сочинений Толстого и других русских писателей на французский язык. Автор книги «Tolstoï par Tolstoï. Biographie épistolaire» («Толстой устами Толстого. Биография в письмах») (Париж, 1912). В феврале 1894 г. Гальперин, живший постоянно в Париже, приезжал в Россию, лично познакомился с Толстым в Москве и сообщил о намерении писать его биографию. Настоятельно просил дать согласие на использование писем к Н. Н. Страхову, А. А. Толстой и С. С. Урусову.

429. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

16 марта 1894 г. Москва.

Дорогой Николай Николаевич,

Гальперин так приставал ко мне, что я сказал ему о моей переписке с вами, надеясь, что вы не дадите ему моих писем и я избавлюсь от него, свалив на вас неприятность отказа. Простите, пожалуйста, что я так эгоистично поступил. Я сам теперь пишу ему¹. Мне тоже, как и всегда, обо многом хочется говорить с вами. Когда удосужусь, напишу длиннее. Вы знаете, что Мар[ья] Петр[овна] Фет при смерти — крупозное воспаление легких. До сих пор нет кризиса, и шансов смерти, говорят, больше, чем жизни.

Целую вас.

Любящий вас

Л. Толстой

16 марта.

Наши завтра приезжают из Парижа².

¹Письмо к И. Д. Гальперину-Каминскому от 16 марта 1894 г. (ПСС, Т. 67, С. 83).

²Из Парижа вернулись Татьяна Львовна и Лев Львович, лечившийся там от неврастении. См. Письмо 431 Л. Н. и С. А. Толстых к Страхову от 25 марта 1894 г.

430. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

20 марта 1894 г. Санкт-Петербург.

Вчера я получил Ваше письмо¹, бесценный Лев Николаевич, в то время, когда у меня сидел Гальперин и я уже готов был отдать ему Ваши письма. Я принялся отговариваться, полу-солгал, полу-обещал и не дал писем. Конечно, он не замышляет ничего дурного, но он навязчив, как еврей, и туп в своих понятиях, как француз. Большой пользы от него ожидать нельзя. Я постарался и постараюсь выгородить Вас. Он говорил, что получил от графини Александры Алексеевны² копии с Ваших писем. Будет с него! Пусть нанижет книжку ходячих фраз с ходячими приемами глубокомыслия и тонкости. Он довольно умен, но ничуть не подготовлен для понимания Вас и русской литературы. Для него это — чужая область.

А вечером вчера пришел ко мне Платон Кусков (помните его стихи?)³. У него с месяц назад умерла жена и об этой смерти я все хотел написать Вам. Они жили почти так, как Позднышев со своей женой⁴, вечно ревновали и под конец дошли до большого охлаждения. А у них две дочери замужем, два сына студенты и еще трое детей. В последний раз, как я у них обедал, жена стала горько жаловаться. (У них все делалось открыто, и они оба болтливы, так что горе их не казалось серьезным.) Жена жаловалась, что она всю жизнь жила в одиночестве, что муж не входил в ее вопросы и мысли, и она сама должна была все решать и обдумывать. Меня поразила ее искренняя, горячая речь, и муж не нашелся, что сказать. Через две-три недели после этого обеда она заболела, она, — считавшаяся самым здоровым членом семьи. Наконец она слегла, пролежала недели две и умерла. Болезнь — расстройство сердца, мучительная, но не очень, без бреда и забытья, и смерть — мгновенная, без агонии. И вот в эти две недели (мне все подробно рассказывали) происходило самое лучшее, что только было в жизни этой семьи. За больною ухаживали неусыпно, самоотверженно муж и дети, — и она поняла, как ее любят. Она прежде не верила ни любви мужа, ни любви детей, а тут приходила в умиление от их забот и была необыкновенно счастлива тем, что ее подозрения и вражда растаяли без следа. Эта болезнь и смерть пробудила во всех самые лучшие чувства.

Когда я шел на вынос, то думал: хорошо, что естественный эгоизм так силен в людях, а не то, после такой потери, мужу, влюбленному тридцать лет в свою жену, пришлось бы пропасть от горя. И,

точно, все прошло благополучно. Кусков говорил мне, что упрекает себя за то, что мало страдает, что ему порой кажется стыдно жить, что он удивляется, когда находят на него минуты, в которые он забывает о смерти жены. Он прибавлял, что вообще не хорошо, что у людей так мало страданий, что ведь только в страданиях человек начинает по-человечески мыслить и чувствовать. Рассказам о жене у него нет конца. Вчера он говорил, что всегда сам обрезывал у нее ногти на ногах, необыкновенно, по его суждению, красивых. Но в последние два года вражда дошла до того, что это обрезывание ногтей прекратилось. Когда же больная почувствовала прежнее, и даже лучшее настроение любви, она просила мужа обрезать ей ногти, — и он вспоминал об этом с большой отрадой.

Простите мне бледность этого рассказа, но Кусков и его жена для меня живые лица, хорошо знакомые, и я готов радоваться, что эта смерть была таким благополучием.

Теперь я совершенно погружен в печатание Фета; оно, наконец, кончается, и скоро я буду свободен. Все больше и больше влюбляюсь в эти стихи и все лучше их понимаю. Болезнь Марьи Петровны⁵ очень меня огорчает; дай Бог, чтобы сбылось предвещание Говорухи, который пишет, что уверен в выздоровлении, несмотря на толки докторов. А что Вы скажете о Говорухе? Он пишет, что пленен Вами, что с Вами разговаривал. В нем есть черта, которая его портит, — очень тонкая ходульность, а несомненно — человек с умом и характером⁶.

Ваши несколько страниц *о свободе воли* содержат такую верную и отчетливо сформулированную мысль, что я восхищался Вашею проницательностью⁷. Что значит — не только мыслить, но и руководиться чувством, душою! Мне приходило на мысль написать толкование на эти страницы. Относительно своей статьи *об истории философии*⁸ я успокоился: все ее хвалят. Очень горжусь, что сделан почетным членом Общества вместе с Вами⁹. И, если уж пошло дело о честолюбии, то честь не малая! В последнее время чувствую себя здоровым и зародились у меня планы — написать то и другое. Конечно, все о важнейших предметах¹⁰. Вы пишете, что философия не очень же необходима, если тридцать лет ее отвергали. Но я так поставил, что говорю о фактах, об истории. А действительно, у меня недостает важного пункта: какое значение имела и имеет философия в жизни людей? Мне следовало бы по крайней мере кончить статью этим вопросом.

О Микилич напишу Вам в следующий раз¹¹. С каким наслаждением читаю это *настоящее писание*, не выдуманное, не *фальшивые бумажки*, как выражается мой приятель Стахеев (купеческого рода)¹².

Простите меня, и дай Вам Бог здоровья и всякого благополучия! Усердные поклоны Софье Андреевне, Марье Львовне, а если приеха-

ли Парижские странники, — то Татьяне Львовне и Льву Львовичу. Его *Совершеннолетие* — опять ведь хорошо!¹³

Ваш неизменно любящий и преданный
Н. Страхов

1894 20 марта Спб.

¹От 16 марта 1894 г.

²Вероятно, описка Страхова — такая же, как и в его письме от 24 апреля 1890 г. Речь идет об Александре Андреевне Толстой.

³Кусков Платон Александрович (1834–1909). Стихи начал публиковать в 1854 г. в «Современнике», позднее сотрудничал в журнале братьев Достоевских «Время» и почвенническо-славянофильской «Заре». В 1886 и 1889 гг. выпустил сборники стихов. Второй сборник — «Наша жизнь» — прислал с дарственной надписью: «Графу Льву Николаевичу Толстому смиренное приношение» (книга сохранилась в Библиотеке Л. Н. Толстого в Ясной Поляне). Любимыми поэтами Кускова были А. А. Фет и Я. П. Полонский.

⁴Имеется в виду «Крейцера соната» Толстого.

⁵М. П. Фет-Шеншина умерла 20 марта, в день, когда писалось это письмо. Страхов узнал о ее кончине на другой день.

⁶Говоруха-Отрок Юрий Николаевич (псевдоним Ю. Николаев) (1850–1896), литературный и театральный критик, обозреватель газеты «Московские ведомости». Другие источники о встрече Говорухи в 1894 г. с Толстым неизвестны.

⁷Отрывок из Гл. XII трактата «Царство Божие внутри вас», запрещенного к печатанию в России, появился, под заглавием «К вопросу о свободе воли», в журнале «Вопросы философии и психологии» (1894, № 4 (24)), С. 1–7. См. ПСС, Т. 28, С. 278–286.

⁸«О задачах истории философии». См. Письмо 426 Страхова к Толстому от 13 января 1894 г.

⁹Событие произошло 24 января 1894 г. на годичном собрании Московского психологического общества. Сообщение появилось в № 3 (23) журнала «Вопросы философии и психологии». Встречавшийся в марте этого года с Толстым посол США в России Эндрю Диксон Уайт (Andrew Dickson White) (1832–1918) позднее написал: «О своих отношениях с царским правительством в настоящее время он сказал, что недавно его выбрали в научное общество в Москве, но петербургское правительство вмешалось и потребовало отмены выборов. Толстой добавил, что, просыпаясь по утрам, он удивлен тем, что его еще не сослали в Сибирь» — В мире отечественной классики. Сборник статей, Выпуск 2. (М-ва, 1987), С. 369–370. Перев. по кн. «Autobiography of Andrew Dickson White» (Лондон, 1905), Т. II.

¹⁰В 1894 г., помимо некоторых переизданий, Страхов напечатал рецензию на книгу К. Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» и статью (возражение В. С. Соловьеву) «Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н. Я. Данилевского».

¹¹В. Микулич — псевдоним Веселитской-Божидарович Лидии Ивановны — см. прим. 3 к Письму 420 Страхова к Толстому от 12 сентября 1893 г. Приезжала в Ясную Поляну 12 мая 1894 г. (первая личная встреча). В 1894 г. появился ее роман «Зарницы» (см. следующее письмо). Беседуя в 1897 г. с критиком Ф. Д. Батюшковым и редактором-издателем журнала «Cosmopolis» Ф. Ортмансом, Толстой сказал, что «Зарницы» — «произведение замечательное, это лучший роман за последние годы» — «Русская литература» (1963, № 4), С. 217–221.

¹²Стахеев Дмитрий Иванович (1840–1918), плодовитый, интересный писатель консервативного направления, незаслуженно забытый. Близкий друг Страхова.

¹³В журнале «Северный вестник» (1894, № 2) был напечатан рассказ Л. Л. Толстого «Совершенстволетие».

431. Л. Н. и С. А. Толстые — Н. Н. Страхову

25 марта 1894 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич!

Спешу: уезжаю. То, что Вам напишет Соня о Гальперине¹, тому, как в доверен[ности] пишется, верьте! Но на меня не сердитесь и простите, что утруждаю Вас. Мне совестно, но Вам легче или отказать, или дать, что найдете нужным. Целую Вас.

Л. Толстой

Я должна прежде всего объяснить Вам, многоуважаемый и дорогой Николай Николаевич, куда уехал Лев Николаевич. Он уехал с Машей к Черткову², у которого, кажется, совсем уж умирает жена³. Только что немного успокоились, встретив Таню и Лёву⁴, как пришлось отпускать в такую даль Льва Николаевича и Машу. Пробудут они в Воронежской губернии около 9 дней с проездом. Лёву я нашла похудевшим, ослабевшим, но не безнадежным; как только укрепятся его нервы, так все пойдет хорошо. Дома же он спокоен, уход за ним во всех отношениях прекрасный, сестры с ним удивительно хорошо нянчатся.

Поручение, о котором упоминает Лев Николаевич, состоит в следующем: 1) он предоставляет Вам решить, дать или не дать Гальперину сделать выписки, нужные Гальперину из писем Льва Николаевича; 2) выписки же разрешает сделать только по Вашему указанию; 3) когда выписки из писем (если Вы найдете удобным и возможным их дать) будут употреблены Гальпериным для его целей, то Гальперин должен во всяком случае прислать свою работу Вам для просмотра, и обязуется ничего не печатать без Вашего согласия и просмотра. Кажется, я так выразила мысль и желание Льва Николаевича.

Похоронила я на днях Марью Петровну⁵ и очень было грустно, что с ней рушилось еще одно гнездо друзей. Очень она, бедная, страдала, кончилось все параличом мозга; ей втянуло язык в горло, она три дня хрипела. Не дай Бог такой смерти! На другой день она уже совсем разложилась, и это растлевшее, жалкое человеческое подобие положили в роскошный цинковый гроб, разукрасили большим количеством венков, но никто слезы не пролил, и никто ей в

гроб цветка не положил, чтобы хоть что-нибудь коснулось ее, что была природа и жизнь. Жутко просто, какое проклятие на богатых! Она даже землей никогда не будет, а пролежит вечно в жестянке и в подвале, как ее муж⁶.

Грустно ожидаю лета, которое обречена прожить без сестры и ее семьи⁷. Никто у нас и не подозревает, до чего мне тяжела эта разлука. Надеюсь, что Вы нас немного утешите и поживете с нами большую часть лета. Места будет очень много, и кумыс будет.

Мы все Вас очень просим, дорогой Николай Николаевич, приезжайте к нам в Ясную, чем на продолжительнейший срок, тем радостнее нам.

Крепко жму Вам руку и остаюсь душой преданная Вам

С. Толстая

25 марта 1894 г.

¹См. Письма 428–430.

²Толстой с дочерью М. Л. Толстой уехал в Воронежскую губернию, где на хуторе Ржевск жил В. Г. Чертков с семьей.

³Черткова (урожд. Дитерихс) Анна Константиновна (1859–1927).

⁴Т. Л. и Л. Л. Толстые вернулись из Парижа, где Л. Л. Толстой лечился, но безрезультатно. См. прим. 5 к Письму 415 Толстого к Страхову от 13 июля 1893 г.

⁵Мария Петровна Фет-Шеншина умерла 20 марта 1894 г.

⁶А. А. Фет был похоронен в склепе под церковью Покрова Преосвященной Богородицы в родовом имении Шеншиных Клейменово Мценского уезда Орловской губернии.

⁷В 1894 г. Кузминские не проводили лета в Ясной Поляне.

432. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

27 мая 1894 г. Санкт-Петербург.

Целый месяц собираюсь писать к Вам, бесценный Лев Николаевич, но мне очень мешали сперва хлопоты, а потом нездоровье. Хлопоты были о книге Фета, которую Вы, конечно, получили (это я Вам послал)¹. Под конец я измучился всякими мелочами, и теперь радостно вздыхаю, сваливши с плеч эту работу — а ведь казалась она вовсе не трудною. Потом, я верно простудился во время холодов; доктор говорит — маленькая инфлуэнца, и до сих пор перемагаюсь.

О Вас, о котором каждый день думаю, каждый день читаю, каждый день говорю и спорю, — имел я скудные известия от Татьяны Андреевны². Какая жалость! Дважды заходил я к ней перед ее отъездом — и не заставлял ее³. Теперь — прошу хоть маленькой весточки из Ясной Поляны, и еще прошу — позвольте мне к Вам приехать на долгий срок — поправлять свое нравственное и физическое здоровье и работать над статьею *О культурных типах*. Сколько раз я каюлся, что не послушал Вас и вздумал отвечать Соловьеву! Теперь приходится расплачиваться, погружаться в предмет, к которому нет охоты, да и трудно подступаться. Когда приеду, объясню Вам, почему это необходимо⁴.

Все время я завален корректурами своих изданий⁵. Умственного движения кругом почти вовсе не слышно; мы все больше и больше погружаемся в сон и рутину. Дай Боже, чтобы это был сон здоровый! Меня очень занимали в это время три вещи: *Распятие* Ге⁶, *Зарницы* Веселицкой⁷ и необдуманная (Ваше слово) статья *Розанова*⁸. Картина Ге поразила меня силою и правдою. Да, это первое настоящее распятие. Говорят, Гёте отворачивался, встречая кресты, которые прежде ставились на проезжих дорогах. Но мы так привыкли к этим виселицам и висельникам, что они не производят на нас никакого тяжелого впечатления. А на деле как это ужасно! Жаль только, что у Ге картина недописана — он всегда ленится хорошенько отделать.

Зарницы доставили мне большое наслаждение. Читал и перечитывал. Какая прелесть, когда что-нибудь не сочинено, а действительно вылилось из души! Даже женская мягкость и поверхность чувства привлекательны, не мешают.

Розанов огорчил меня выше меры, хотя я не могу на него сердиться, — до того это наивно и по-ребячески пишется. Как я ни

уговаривал, как ни бился, — ничего не помогло. В тысячу первый раз я убедился, что логика совершенно бессильна, что мысли людей влекутся неудержимо по каким-то своим путям. Теперь я махнул рукой на Розанова: не будет от него ничего истинно хорошего, и виновата — наша глубокая необразованность. Можно быть даровитым, можно кончить курс в Московском университете, переводить Аристотеля, писать о Достоевском и т. д. и не иметь самых элементарных понятий о праве и религии, остаться малым ребенком в самых существенных вопросах. Я думаю — как торжествует Соловьев! То-то ему радость!

Сейчас получил новую книжку *Вопросов философии*; очень интересна по предметам и, кажется, совершенно пуста по содержанию. Статьи все составлены механически.

Простите меня. Дай Вам Бог здоровья и всякой бодрости. Мои усердные поклоны — Софье Андреевне, Татьяне Львовне, Марье Львовне и Льву Львовичу. Об армии спасения — как хорошо!⁹ Яснополянская литературная школа — чудесная школа!

С какою радостью думаю, что скоро увижу Вас!

Ваш неизменный
Н. Страхов

1894 27 мая Спб.

P.S. Мне можно будет выехать не раньше 8го июня.

⁹В Яснополянской библиотеке сохранилась книга: А. А. Фет. Лирические стихотворения. В 2 ч. (СПб., Типография братьев Пантелеевых, 1894). Обе части в коленкоровом переплете с золотым тиснением. На шмуц-тителе Ч. I надпись карандашом почерком С. А. Толстой: «Принадлежит Гр. С. А. Толстой. Подарок Н. Н. Страхова».

⁷Т. А. Кузминской.

⁸Кузминские переехали в Киев. А. М. Кузминский был переведен туда на должность старшего председателя Судебной палаты, включавшей восемь судебных округов.

⁹Статья на эту тему «Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н. Я. Данилевского» появилась в октябрьском номере за 1894 г. журнала «Русский вестник».

¹⁰В 1894 г. Страхов выпустил вторые издания: книги «Об основных понятиях психологии и физиологии» и своего перевода «Об уме и познании» Ипполита Тэна. См. также Письмо 437.

¹¹О картине Н. Н. Ге Страхов писал 28 марта 1894 г. и С. А. Толстой — см.: ПТС, II, № 76 (С. 283–284); в особенности: прим. 3 к этому письму.

⁷См. прим. 11 к Письму 430 Страхова к Толстому от 20 марта 1894 г.

⁸В журнале «Русский вестник» были напечатаны тогда две статьи В. В. Розанова: «Как произошел тип Акакия Акакиевича. К вопросу о характере гоголевского творчества» (№ 3) и «Ответ г. В. Соловьеву» (№ 4) — полемика со статьей В. С. Соловьева «Свобода и вера (По поводу религиозных толков нашего времени)», появившейся в № 1 того же «Русского вестника».

⁹Имеется в виду очерк Л. Л. Толстого «Письмо из Парижа (У салютистов)» — журнал «Северный вестник» (1894, Кн. 5).

433. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

4...6 июня 1894 г. Ясная Поляна.

Давно не получал от вас писем, Николай Николаевич, и только что хотел писать вам, как получил ваше письмо с обрадовавшим всех нас известием, что вы приезжаете к нам¹.

Приезжайте поскорее. Соф[ья] Андр[еевна] берегла и готовила для вас ваше обычное помещение. У нас всё не по-старому. Тат[ьяны] Андр[еевны] нет², да и так много перемен, хотя незаметных и, на мой взгляд, всё хороших. В тот же вечер, как получил ваше письмо, получил ужасно поразившее всех нас известие о смерти моего бесценного друга Н. Н. Ге³. Это был очень большой человек, наивный и «детик», как все гениальные люди. Надеюсь, что его смерть откроет толпе глаза на значение того, что она потеряла в его лице. Мне же он дорог как любящий, всегда милый друг. Я до сих пор ничего не знаю, кроме того, что сказано в телеграмме: Сегодня ночью скончался отец. Ге. Телеграмма из Нежина, где жил его младший сын Петр⁴. Приезжайте поскорее. Радуюсь очень нашему свиданию.

Л. Толстой

¹Письмо 432. Приехав 10 июня, Страхов пробыл в Ясной Поляне до 4 августа.

²Т. А. Кузминская.

³Ге Николай Николаевич (1831–1894) скончался 2 июня на своем хуторе Плиски Черниговской губернии. Толстые узнали об этом из телеграммы, присланной сыном художника. 4 июня отправили ему телеграмму: «Не можем привыкнуть к нашему несчастью, потеря огромная для всех, особенно для тех, которые как мы избалованы были его любовью. Как, отчего» (ПСС, Т. 67, С. 140). Толстой старался создать музей Ге, потом уговаривал П. М. Третьякова (безуспешно) приобрести картины для галереи.

⁴Ге Петр Николаевич (1858–1918?), младший сын художника, архитектор. 12 июня Толстой извещал И. И. Горбунова-Посадова: «От Петруши, его сына, было длинное письмо, описывающее его последние дни и смерть. Он только что готовился работать и был в полном обладании своих духовных сил, был весел, приехал домой, вышел из экипажа, ахнул несколько раз и помер...» (ПСС, Т. 67, С. 145).

434. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

18 августа 1894 г. Санкт-Петербург.

Вчера отбыл первое заседание Комитета¹, а сегодня пишу к Вам, бесценный Лев Николаевич. Пишу, чтобы благодарить Вас, от сердца благодарить, и извиняться, от сердца извиняться. Что может быть приятнее и удобнее того житья, которое по милости Вашей и Софьи Андреевны я восемь недель вел в Ясной Поляне? Но когда нет причин тревожиться, человек сам себе придумывает тревогу, и я придумал: свою тупость и боязнь Вашей горячности. Много раз мне казалось, что я играю роль какого-то молчаливого свидетеля, а не участника той жизни, которая ключом бьет в Вас и около Вас. И Вы иногда косились на меня — не правда ли? И у меня не хватало живости и речистости, чтобы сейчас же рассеять это настроение. Простите меня! Если случалось, что я был тяжел для Вас, то это было против моей воли и против существа дела. Я был очень мало интересен, — скоро стану и совсем неинтересным. Но моя любовь к Вам, поверьте, до сих пор жива во мне, не изменилась².

Зрелище людей, которые стремятся к своему нравственному усовершенствованию, очень восхищало меня. Много раз я приходил в умиление и мне вспоминалась история первых христиан. В нынешний приезд мне досталось особенное счастье: Чертков жил подле Вас и мне довелось немножко ближе узнать его³. Никогда я не видал, чтобы он улыбался, и не слышал, чтобы он шутил; он похож на человека, который потерпел большое несчастье или имеет за собою большую вину и ни на минуту не может забыть ее. Но какая чистота и искренность! Какая полная преданность тому, что признается должным! И при этом какая мягкость и доброта! Он очень трогателен и привлекателен.

В первый раз я увидел у Вас Марью Александровну⁴, и очень был поражен и ее видом, и тою душою, которая в этом виде светится. Я все на нее любовался; высокая нижняя челюсть, мне кажется, напоминает Савонаролу⁵ и удивительно выражает полную доброту и твердость. Ну, не подберу слов.

Большое дело делается в Ясной Поляне, и прекрасных людей Вы к себе привлекаете! Мне и хотелось бы только отдаваться умилению при этой картине, только учиться всяким добродетелям. Но Вы знаете, что меня тревожит. Я не вижу, как это стремление к вечному примирить с временным. Отречение от мира непременно перехо-

дит в отрицание мира. Помню, я когда-то писал Вам об этом, о том, можно ли согласить жизнь с высшими требованиями нравственности, и Вы мне отвечали прямо, что это так же невозможно, как невозможно, чтобы свеча горела и светила не сжигаясь, не истрачивая себя. Как верно и как выразительно!⁶ Беспреданно я думаю об этой теме и мне досадно, что со своею оступевшею головою мне не удалось Вам высказать каких-нибудь своих мыслей. В Ясной Поляне часто говорилось против государства, патриотизма, промышленности, наук, музыки, поэзии, философии и т. д. Все это, конечно, ненужно с точки зрения *единого на потребу*; ничто из всего этого не должно иметь для человека верховного значения. Но всем этим живут люди, и не перестанут жить.

Вы меня упрекнули в бесполезности моих споров с Соловьевым. В Москве я видел августовскую книжку *Вестника Европы* и читал там статью С. Трубецкого⁷: *Противоречия нашей культуры*. Статья бесталанная, но умная; опять поднимается от начала, от корней вопрос о славянофильстве. Они давно уже объявили, что славянофильства нет больше на свете, а между тем всё с ним возятся, и будут возиться без конца, потому что это мысль, которая растет сама собою.

Простите мне нескладицу этого письма. Я так усердно молчал в Ясной Поляне, что мне хотелось что-нибудь сказать в извинение моего молчания. Но голова моя по-прежнему тяжела и почти никуда не годна.

У Семенковичей и в Москве я пробыл очень благополучно⁸. Семенковича не застал, ждал его три вечера и уехал. Это именье у них очень хорошее, только запущенное. Жена с четырьмя маленькими детьми собирается тут жить зиму и лето — очень мне это понравилось. В Москве видел Говоруху и Александрова⁹. Говоруха пришел в восхищение от Вашей статьи об Мопассане, — он нашел ее в *Сев[ерном] Вестнике*¹⁰. Рассказывал о Владимирском соборе в Киеве, что леса внутри уже сняты и что общий вид вышел очень неудачный.

В Москве было жарко и хорошо; в Петербурге дни через два после приезда начались холода и дожди; кроме того, против моих окон кроют крышу Мариинского театра и с утра до вечера раздаются звуки ударов железа по железу. Пришлось закрыть двойные окна и я попал совершенно на зимнее положение. Прощай лето! Прощай тишина и теплота и прогулки по полям!

От всей души желаю Вам здоровья и всего хорошего! Софье Андреевне бесконечная благодарность за ее любезность и заботы.

Ваш неизменно любящий и преданный
Н. Страхов

1894 18 авг. Спб.

¹Н. Н. Страхов состоял членом Ученого комитета Министерства народного просвещения.

²В. Ф. Лазурский, филолог по образованию, живший летом 1894 г. в Ясной Поляне репетитором мальчиков Толстых, записал в своем дневнике: «Страхов как секретарь у Льва Николаевича, читает книги и статьи и рассказывает их содержание. Может быть, поэтому Л. Н. и любит с ним беседовать. Что же касается его мнений, высказываемых всегда Страховым в форме: «не знаю, не согласитесь ли вы?» — то на них часто бывают отрицательные ответы» — ЛН, Т. 37-38 (М-ва, 1939), С. 446.

³В. Г. Чертков с семьей с 18 мая по 10 августа жил в деревне Деменке, в 5 км. от Ясной Поляны.

⁴Шмидт Мария Александровна (1843-1911) — бывшая классная дама Московского Николаевского училища, знакомая Толстого с 1884 г., горячо разделявшая его взгляды. В эти годы жила в Овсянникове (принадлежавшем Т. Л. Толстой), близ Ясной Поляны, занимаясь огородничеством и копированием рукописей Толстого.

⁵Савонарола Джироламо (Girolamo Savonarola) (1452-1498), настоятель монастыря доминиканцев во Флоренции. Обличитель папства, призывал служителей церкви к аскетизму; отлучен от церкви и по приговору приората казнен.

⁶См. Письмо 389 Толстого к Страхову от 6 февраля 1891 г.

⁷Трубецкой Сергей Николаевич (1862-1905) — философ, публицист, общественный деятель, друг В. С. Соловьева.

⁸Страхов занимался наследственными делами Марьи Петровны Фет-Шеншиной в связи с изданием «Лирических стихотворений» Фета. См.: ПТС, II.

⁹О Ю. Н. Говорухе-Отроке см. прим. 6 к Письму 430 Страхова к Толстому от 20 марта 1894 г. Александров Анатолий Александрович (1861-1930), литератор, приват-доцент Московского университета, в 1892-1898 гг. редактор-издатель журнала «Русское обозрение».

¹⁰«Предисловие к сочинениям Гюи де Мопассана» появилось в печати 29 мая 1894 г.: изданная «Посредником» книга с романом «Монт-Ориоль». В № 8 «Северного вестника» помещены выдержки из статьи.

435. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

23 августа 1894 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич, мне очень больно, что вы усмотрели во мне признаки моей недоброй души и не отнесли это, как следовало, ко мне, а к себе. Можно упрекать себя в говорливости, а уж никак не в молчаливости — золотых словах. Из того, что вы пишете, мне хочется ответить на то, что вы пишете о трудности примирения стремления к вечному с временным или даже о невозможности такого примирения, как мне кажется, что вам кажется. Что же нам делать, коли это так.

Ведь истину или, скорее, сознание ее нельзя урезывать по действительности. Уж пускай действительность устроивается, как она знает и умеет, по истине. Ведь пугаться тем, что действительность не сходится с истиной, это всё равно, что в математике испугаться иррациональной величины.

Вы говорите, что вас приводит в недоумение отрицание государства, науки, музыки, философии, патриотизма, поэзии. Но что же мне делать, и вам тоже, если мы, как люди, видим, что от патриотизма, государства, или философии Гегеля, или поэзии Фета происходит много зла (от первых двух) и много недостойного человека — от последних двух, то неужели мне надо перестать видеть это и свое божественное начало жизни спрятать или скривить для того, чтобы не отстать от того, чем живут люди и, по вашему убеждению, не перестанут жить. То, что люди не перестанут жить вредными глупостями и никогда не начнут жить благодетельным разумом — этого пророчества я не признаю. Если же под государством, патриотизмом, наукой, философией, поэзией вы понимаете отношения людей между собой, их умственные занятия и духовные радости, то я согласен, что без этого люди никогда не жили и не будут жить. Но не согласен, что те формы, в [которые] отлились эти отношения, как патриотизм и государство, и умственные занятия и духовные радости, как теперешняя наука, философия и поэзия, не согласен, что эти безобразные, прямо противоположные всем разумным и нравственным требованиям человека формы должны оставаться вечно.

Если бы я убедился, что это так, то я сейчас бы повесился и не стал бы доживать того короткого срока, который мне остался, не стал бы доживать, п[отому] ч[то] весь и единственный смысл моей жизни состоит в преобразовании этих форм соответственно требова-

ниям моего любовного разума или разумной любви; преобразовании, кот[орого] я достигаю внутренним совершенствованием, т.е. наибольшим согласованием своей жизни с требованиями этой разумной любви и веры в ее всемогущество. Простите, что так расфилософствовался. Я всё об этом думаю, и потому во мне эти мысли в самомпереди.

Любящий вас
Лев Толстой

436. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому¹

Начало октября 1894 г. Санкт-Петербург.

Вы очень добры, бесценный Лев Николаевич, и я очень виноват перед Вами. Письмо Ваше² так тронуло и утешило меня, что мне следовало бы благодарить Вас. Но тут подошли хлопоты, от которых я только вчера освободился. Нужно было подогнуть дела Комитета, да печатание четырех книг, да разбор стихов Кутузова для Академии³, и т. д. К моему удовольствию, я почувствовал, что тупость, которою я страдал в Ясной Поляне⁴ и которая продолжалась и здесь с прибавкою головных болей, вдруг прошла с конца августа, и я усердно пустился работать.

А главное, что меня останавливало, еще не то; главное — что мне нужно Вам противоречить. Всегда это тяжело для меня, и если я не молчу, то потому, что уважаю Ваши мысли и следовательно не могу скрывать своих.

Вы очень хорошо говорите: «истину нельзя урезывать по действительности; уж пускай действительность устроивается, как она знает и умеет». Вот с чем я согласен всею душою. Бросим действительность; будем думать только о чистоте своих действий, а не о том, кому и как они полезны. Чертков очень верно написал, что если бы спасение мира зависело от моего поступка, — пусть гибнет мир, но я не сделаю дурного. Если же так, то уйдем лучше от мира, чтобы его счастье и несчастье от нас не зависело. И постараемся освободиться от всякой власти мира над нами. Чтобы болезнь не была нам страданием, обида не была унижением, бедность и труд были сладки, а не горьки. Вы это все хорошо знаете, Вы знаете, что на этом пути нас встречают покой и радость, что это — иго благое и бремя легкое.

Но это не есть путь земных благ. Нельзя доказывать, что здоровье, сытость, тепло, удобства, безопасность достигаются посредством святости всего лучше, составляют ее цель и награду. Можно только сказать, что блаженной жизни святого ничто помешать не может, что нищие и бродяги могут быть блаженны, напротив — все богатства и удобства не ручаются за счастье. Та любовь к простоте, которая так сильна у Вас, Лев Николаевич, только показывает, в каком направлении душа Ваша искала и ищет своего блага. И Вы написали об этом чудесные страницы. Мне приходит на ум, что писали французы по случаю анархистских покушений⁵. Они жалели, что бедные уже не

верят в блаженство на том свете, а потому и бунтуют. Ведь нельзя быть бедным и не чувствовать себя несчастным. Вот подлейший взгляд на вещи! Они уже не могут представить себе бедного, который и не желает выходить из своей бедности. Не искать земных благ, довольствоваться одним необходимым — вот правило чистой жизни.

Но Вы идете дальше, Вы не покидаете мир, а вступаете с ним в борьбу, Вы хотите ему показать, что он заблуждается во всей своей жизни. Начинается полемика, и все больше и больше наполняет Вашу жизнь. Вы осуждаете искусство, науку, философию, промышленность, государство и т. д. Возражения Ваши исполнены ума и нравственной чуткости. Какие открытия! Темная сторона нашей жизни разоблачается донага. Но в *отвлеченных положениях* критика часто заходит слишком далеко. (Можно подумать, что, по-Вашему, мир создан не Богом, а дьяволом, как утверждали гностики⁶ и Шопенгауэр, и что люди вообще — поклонники дьявола). Вот Вы написали: «Сколько ни стараются некоторые натуралисты, испугавшиеся логических выводов из закона борьбы за существование и приложения их к человеческой жизни, затушить словами, заговорить этот закон, все попытки их только еще очевиднее показывают неотразимость этого закона, руководящего жизнью всего органического мира, а потому и человека, рассматриваемого как животное».⁷

Вы — на стороне Дарвина. Зачем Вам это нужно? Он — тупой и простодушный англичанин, не понимал Бога и потому придумал свою теорию

¹Не закончено и не было отправлено; сохранилось в архиве Страхова. В конце его помета: «В 94 г., когда писан разбор стихов Г[оленищева]-Кутуз[ова]». Публикуется впервые.

²Письмо 435 от 23 августа 1894 г.

³Толенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич, граф — см. прим. 2 к Письму 437 Страхова к Толстому от 14 октября 1894 г.

⁴См. прим. 1 к Письму 433 Толстого к Страхову от 4...6 июня 1894 г.

⁵12/24 июня 1894 г. итальянский анархист Иеронимо Санто Казерио (Jerónimo Santo Caserio) убил кинжалом президента Французской республики Сади Карно (François Marie Sadi Carnot) (1837–1894) и был казнен по приговору суда.

⁶Сторонники религиозного движения поздней античности (расцвет гностицизма приходится на II век н. э.), вылившегося в ряд раннехристианских ересей.

⁷Не вполне точная цитата из статьи Толстого «Религия и нравственность» (ПСС, Т. 39, С. 21). Была опубликована в журнале «Северный вестник» (1895, январь) с большими цензурными пропусками, под редакционным

заглавием: «Противоречия эмпирической нравственности». Видимо, уезжая 4 августа из Ясной Поляны, Страхов взял рукописную копию. В контексте статьи Толстой оспаривал и Чарлза Дарвина, и его последователя Томаса Гексли (Thomas Henry Huxley), речь которого «Эволюция и этика» читал в «Русской мысли» (1893, № 9) в переводе К. А. Тимирязева. См. Письмо 421 Толстого к Страхову от 25 сентября 1893 г. и ответные письма Страхова (№№ 422, 423). В статье Толстого «заглушить словами» (не «затушить словами»).

437. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

14 октября 1894 г. Санкт-Петербург.

Стал я писать к Вам, бесценный Лев Николаевич, длинное-длинное письмо¹, писал четыре дни и наконец бросил, может быть допишу в другой раз и тогда пришло. Меня очень утетило и обрадовало Ваше письмо², но вместе и взбудоражило. Мне хотелось Вам противоречить и вполне высказаться насчет *действительности*. Но очень тяжело мне возражать Вам, и это меня останавливало. Простите! Следовало бы поступить проще, и написать Вам скорее, не задаваясь больше темой, а только одной благодарностью.

Время, впрочем, было хлопотливое. По делам Комитета я занимался логикой, по поручению Академии — поэзией (стихами Кутузова)³, да шли поспешные корректуры *России и Европы*, Тэна *Об уме*, моих *Философских Очерков*⁴. И разумеется беспрестанно вспоминалась главная тема яснополянских разговоров. Прочитал я в минуты отдыха книжку *Манассеиной*⁵ (а она никак не хочет происходить от *Манассии*!) и много, много Мопассана. Право, я не могу согласиться с Вами, что в нем пробуждалась совесть. Скорее он пример (как Вы и говорите), что в нашем образованном классе можно вырасти совершенно бесстыдным человеком. И еще пример того, что можно искусно сочинять на заданные темы. Начитавшись, можно отчетливо видеть тему каждого его рассказа, и тогда это становится скучно, и видно подлаживание и неестественность. Самые серьезные рассказы те, где чувствуется сумасшествие, напр. *Одиночество*, *Цветы*, *Учитель, отравляющий детей* (не помню заглавия)⁶ и т. п. Мастерство рассказа удивительное; но темы ужасно мелки, напр. тягость старости, тягость деторождения (законного), тягость незаконных детей, жена обманывает мужа, муж обманывает жену и т. д. без конца. Всякие неприятные, отвратительные и смешные положения перебираются одно за другим. Люди — нисколько не интересны, люди — ничтожны, да и ни одно событие не стоит того, чтобы задуматься — автор не задумывается. Вся эта толпа людей забавляется тем, что мужчина ищет женщины, а женщина мужчины — будто бы в этом вся их жизнь. Золя гораздо выше, потому что у него — картины быта, сложившихся нравов, известной обстановки⁷. А у Мопассана не узнаешь даже жизни бульваров. Как Вы сказали, что не верите его описанию простонародья, так, я думаю, нельзя верить, что все отношения мужчин и женщин у французов сводятся к

описаниям Мопассана. Он описывает сладострастие и распутство, и описывает превосходно, к несчастью; но любви у него нет. Простите меня, но читая много и подряд, я начинал чувствовать и скуку и отвращение.

Книга Манассеиной — образчик напыщенной ученой тупости. Да нет, тут не ученость, а только пситтацизм⁸. Мне всегда грустно, когда они начинают ссылаться на Евангелие. Действительно, Евангелие никому не известно, даже В. В. Стасову⁹. На него я полюбовався: какая бодрость, какое обилие жизни! Перед ним мне очень стыдно, хотя я не могу жаловаться на здоровье. Когда вернулся сюда, то недели полторы чувствовал себя тяжело, как в Ясной, и даже появились головные боли. Но потом вдруг все прошло, и я принялся за свои занятия с большим успехом. Статья моя о Данилевском уже напечатана (с поправками) и на днях выйдет в Р[усском] Вестнике¹⁰. Думаю, что мне больше не следует писать. Теперь попробую приводить к концу разные философские темы, оканчивать давно начатые статьи.

От Вас давно не имею вестей — конечно, сам виноват. Нужно бы писать к Льву Львовичу, к Татьяне Львовне. Что Софья Андреевна? Что Чертков?

Простите меня. Дай Вам Бог здоровья и всякого благополучия.

Ваш неизменно преданный и любящий

Н. Страхов

1894 14 окт. Спб.

⁸ Незаконченное и неотправленное письмо (№ 436), написанное Страховым в начале октября.

⁹ Письмо 435 от 23 августа 1894 г.

¹⁰ Толенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848–1913), граф — поэт, драматург. Начал литературную деятельность стихами в журнале «Заря» (1869). В 1894 г. вышло двухтомное собрание стихотворений. Страхов писал отзыв в связи с представлением книги на академическую Пушкинскую премию.

¹¹ Книга Страхова «Философские очерки» вышла в Петербурге в 1895 г. «Россия и Европа» — книга Н. Я. Данилевского, вышедшая в 1895 г. пятым изданием.

¹² Манассеина (урожд. Коркунова) Мария Михайловна (Marie de Manacéïne) — русский физиолог, проживала в Париже; основатель «науки о сне». Автор книги «L'anarchie passive et le comte Léon Tolstoï» («Пассивный анархизм и граф Лев Толстой») (Париж, «Librairie Alcan» 1895). В сентябре 1894 г. Толстой писал об авторе этой книги В. В. Стасову: «Вероятно, она либералка с оттенком революционерства. И меня всегда радует вид горящих

шапок как на консерваторах православных, так и на вольнодумных либералах» (ПСС, Т. 67, С. 216).

⁶Рассказ «Муарон» («Moiron») (1887).

⁷Золя Эмиль (Émile Zola) (1840–1902) — французский писатель и критик. Беседуя в 1894 г. с И. Д. Гальпериным-Каминским, Толстой поставил Мопассана «выше таланта Бурже и даже Золя и Доде» — ЛН, Т. 75, Кн. 2. (М-ва, 1965), С. 67.

⁸*пси́ттацизм* — от лат. psittacus (попугай) — попугайничество, верхоглядство.

⁹Стасов Владимир Васильевич — см. прим. 8 к Письму 89 Страхова к Толстому от 21 марта 1875 г.

¹⁰Статья «Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н. Я. Данилевского» — «Русский вестник» (1894, № 10), С. 154–183.

438. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

21 октября 1894 г. Ясная Поляна.

Как мне жаль, дорогой Николай Николаевич, что вы не дописали и не прислали вашего длинного письма¹ в ответ на мои разъяснения, почему государство, церковь, наука, поэзия и т. п. дела человеческие должны уступать делу Божию, когда встречаются на его дороге, и не в вопросах общих, а в вопросе личной жизни каждого отдельного человека, желающего идти по пути Его истины. Для меня то, что я не думаю только, а чувствую всем существом своим по отношению этого столкновения, до такой степени несомненно ясно, что я часто недоумеваю, как могут другие искренние и серьезные люди думать иначе, и потому очень желал бы узнать, что мешает им видеть то, что я вижу, или что обманывает, так удивительно обманывает меня.

Я еще не в Москве, а пока в Ясной с двумя дочерьми. Занят всё тем же, всё с тем же напряжением и неуспехом². Болезнь Государя очень трогает меня. Бесконечно жаль, любовно жаль его³. Девочки вам кланяются, я вас люблю.

Л. Толстой

21 октября 1894.

¹Письмо 436.

²Статьей «Христианское учение» («Катехизис»).

³В тот же день, что и Страхову, Толстой написал Н. Я. Гроту об Александре III: «Мне его очень жалко, как человека, страдающего и умирающего в таких тяжелых для души условиях, но эта жалость не заставляет меня изменить мое мнение о плачевном итоге его царствования. И от этого-то мне его особенно жалко» (ПСС, Т. 67, С. 250).

439. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

29 октября 1894 г. Санкт-Петербург.

Как Вы добры, бесценный Лев Николаевич! «Девочки Вам кланяются. Я Вас люблю». У меня так и заиграло сердце, потому что я Вас очень люблю, и Ваших девочек. Мне часто вспоминаются некоторые минуты. В Москве стучатся ко мне в двери. Отворяю и вижу Марью Львовну и Татьяну Львовну. Они принесли мне стакан кумысу! А на Подсолнечной?¹ Как было мило — отыскать меня в вагоне, чтобы еще раз повидаться! Помню луну, и как я живо воображал веселую поездку Татьяны Львовны и желал ей всякого счастья.

Конечно, на земле нет выше радостей, как те минуты, когда мы чувствуем взаимное сердечное расположение друг к другу. И вот, мы должны от этого отказаться. На пути к святости нам нужно стараться всех любить, но никого особенно. Особенная любовь мешает общей, ослабляет ее, даже может породить ненависть. Да Вы все это очень хорошо знаете сами. Я хочу только сказать, что требование святости невозможно для всех людей, что оно может быть выполнено только в очень редких случаях. Поэтому люди никогда не жили и не будут жить по этому требованию. Помню, когда мне было 13 или 14 лет и я стал уже думать о том, чего от нас требует религия, я пришел к мысли, что должно быть в нее никто не верил вполне, не верил от Христа и до наших дней. Это меня ужасало и удивляло. Если нам предстоит с одной стороны рай, а с другой ад, то не ясно ли, что только об этом нужно и думать, что нужно все бросить и спасаться, как спасались отшельники, из которых иные верно одни только и спаслись. Но тогда не было бы всемирной истории, прекратились бы всякие труды, войны, государства и т. д. И значит ни один из великих людей, которых восхваляет история, в рай и в ад не верил. Это было мне совершенно ясно, но моей веры не поколебало; напротив, я стал молиться и поститься до обмороков. Долго и мучительно я боролся, пока наконец не сбросил с себя гнета, пока не проснулся от кошмара, и, к несчастью, тогда покачнулся в противоположную сторону.

Теперь я удивляюсь тому, что Вы так часто забываете неодолимые потребности людей. «Дела человеческие должны уступать делу Божию», пишете Вы мне, «в вопросах личной жизни каждого»². О, без сомнения! Вы держитесь верного пути — личного совершенствования, и эта правильность Вашего хода всегда меня восхищала. Но

Вы не замечаете, как Вы поглощены Вашею внутреннею работою и предлагаете людям то, чего они принять не способны. *Отвержение всякой собственной воли* — вот ведь к чему сводится все направление; а это отвержение есть отречение от жизни; а от жизни люди отказаться не могут. Жизнь требует спокойных, твердых форм, требует простора для желаний, требует труда и отдыха, забавы и восторга ... да Вы все это отлично знаете, все это сказано в Ваших сочинениях. Жизнь избегает усилий сознания и напряжения воли. Между тем Вы с Вашею вечно горящею душою предлагаете людям также вечно усиливаться и напрягаться. Они не могут делать того, что Вы делаете. Они часто охотно жертвуют *жизнью и достоянием*, как пишут в порыве патриотизма, но ограничивать себя и размышлять они не могут. Они хотят жить и верить, действовать и бороться, а не исследовать и углубляться в себя.

Простите, бесценный Лев Николаевич, я, кажется, пишу бессвязно и неясно. Мне хотелось прийти к тому, что противоречие «человеческим делам» не может иметь общего успеха. Оно может занимать отдельные лица, может наполнять их жизнь, но его нельзя предложить как ежедневную пищу для всех. А если отнять этот контраст с окружающим миром, то большею частью жизнь окажется лишенною всякого интереса. Поэтому интересы, которыми задаются люди, нельзя легко откидывать, да они и не дадут себя откинуть. На них положено много труда. Бедное человечество тяжко билось, чтобы найти тот бок, на котором лежать не очень больно, чтобы найти какую-нибудь пищу для своих неумолкающих стремлений, создать предметы, для которых стоит жить и умирать. Плоха медицина — но разве откажутся когда-нибудь люди искать средство против болезней? Плохо государство; но разве перестанут люди составлять эти безмерные союзы, чтобы общими силами единою волею действовать для своих целей?

Сокрушил меня Майков: он написал о покойном царе восемь истинно громозвучных строчек³. Но знаете ли, чем он восхитился? Тем, что тот объявил себя самодержцем. Вот, подите! Внутреннюю, духовную сторону самодержавия, которую я очень ценю, поэт не видит; его пленяет одно *могущество*. Ему нужна пища для воображения, — эта пища в той или другой степени нужна каждому, и если Вы вздумаете их ее лишить, то это будет хуже, чем отнять у них хлеб.

Горесть о покойном Государе здесь очень велика, за исключением той между-народной среды, очень широкой в Петербурге, для которой все люди поистине равны, потому что все равно чужды.

Простите меня. Я все боюсь, что не довольно хорошо обдумал и излагаю свои мысли. Будьте снисходительны, а главное, верьте моей неизменной любви, моему глубочайшему уважению.

Ваш всюю душою
Н. Страхов

P.S. Сегодня сдано в цензуру второе издание *Об основных понятиях* с новым предисловием.

От Соловьева есть слухи, что он собирается на этот раз несомненно уличить меня в ереси.

29 окт. 1894 Спб.

¹Станция московско-петербургской железной дороги.

²Страховская формулировка толстовских мыслей в Письме 435 (от 23 августа 1894).

³Стихотворение А. Н. Майкова «К портрету Государя Императора Александра Александровича».

440. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

17 декабря 1894 г. Санкт-Петербург.

По письму Вашему¹, бесценный Лев Николаевич, присланному с студентом Глинкою, я сделал все, что мог и умел, и, может быть, это не будет бесплодным. Я выхлопотал свидание с добрейшим В[еликим] Кн[язем] Константином Константиновичем и прочитал ему Ваше письмо. При этом я напирал на то, что полиция действует ошибочно, не может быть судьей над студентами. Ваша забота о впечатлении нового царствования очень тронула В[еликого] Князя, и была главным поводом, что он принял дело к сердцу. Он принялся хвалить нового государя² — эти похвалы я слышу от него уже второй раз, и очень им радуюсь, и вполне верю им. Решено добиваться пересмотра дела; Сергей Александрович³ только что уехал, и потому переговорить с ним нельзя. Но там есть у Вас Истомин⁴, который ведет все дела; В[еликий] Кн[язь] обратится к нему через Леонида Николаевича Майкова⁵, брата поэта, ныне Вице-президента Академии. Мне кажется, что лучше ничего не может быть. К[онстантин] К[онстантинович] говорил, что С[ергей] Ал[ександрович], когда получил здесь депешу о волнениях в Университете, очень встревожился.

Глинка и его товарищ кой-кого видели, но без результата и сегодня объявили мне, что едут назад — что я одобрил. Простившись с ними, я отправился с Вашим письмом к графу Делянову⁶ (мне это наказывал К[онстантин] К[онстантинович] — вот еще доказательство его участия). Иван Давыдыч выслушал Ваше письмо с полнейшим спокойствием и отвечал на него самым положительным образом. Он сказал, что исключен из университета один только студент, граф Мамуна, поляк, причем даже не лишен права поступить в другой университет, что Ключевский просил всех простить, не исключать и Мамуны, но что университетский суд отказал профессору. При этом Иван Давыдыч напомнил мне очень патристические статьи Ключевского последних лет: в самом деле, если он переменял убеждения, то уже давно, а вернее он раньше только кокетничал перед студентами резкими выходками, которые они толковали по-своему.

Дальше Делянов сказал: аресты и высылки производит полиция и он, министр, *до сих пор еще не имеет о них официального извещения*, а знает со стороны, что выслано 48 лиц, бывших на самом дурном счету у полиции. При этом он стал настаивать, что действительно существует шайка, возбуждающая волнения, что из Москвы

подсылали в Дерпт и сюда в Петербург, но понапрасну. Я стал говорить о том, как дурны бывают сведения полиции, и как учебное начальство могло бы судить лучше и вступить за своих. Я сослался на Вышнеградского⁷: он семь лет был директором Технологического Института и рассказывал, что полиция доставляла им сведения самые бестолковые и неосновательные.

«Ну да», сказал мне Иван Давыдыч, — «иных можно будет вернуть, смягчить; там мы посмотрим, поразберем». Эти слова очень меня утешили; он ведь в большой милости у всей царской семьи, и по его слову все сделают. Отпустил он меня с странными словами: «О дальнейшем я Вам дам знать. *Вероятно и дальше что-нибудь будет*».

Эти слова вполне изображают для меня Ивана Давыдыча. Он человек добрый, обыкновенно веселый и любезный, но в то же время совершенно *спящий* душою, никогда до глубины не просыпающийся. Вероятно и дальше что-нибудь будет! И это пройдет, и пройдет то, что будет дальше!

Простите меня, бесценный Лев Николаевич! Спешу отправить письмо, чтобы от Вас студенты могли узнать о положении дела. Дай Бог Вам и Вашим всего лучшего!

Ваш всею душою
Н. Страхов

1894 17 дек. Спб.

¹Остается неизвестным. Вероятно, отправлено 11 декабря 1894 г., как и письмо того же дня к петербургскому судье Анатолию Федоровичу Кони (1844–1927): «Письмо это передаст студент Н. О. Глинка, который едет в Петербург по делу гонения на московских студентов» (ПСС, Т. 67, С. 284). Волнения среди студентов возникли в начале декабря по поводу лекции знаменитого историка Василия Осиповича Ключевского (1841–1911) об умершем Александре III и восхваления его царствования.

²Николай II (1868–1918).

³Сергей Александрович, великий князь (1857–1905), сын Александра II.

⁴Истомин Владимир Константинович (1848–1914) — управляющий канцелярией московского генерал-губернатора, давний знакомый Толстого.

⁵Майков Леонид Николаевич (1839–1900) — историк литературы, издатель К. Н. Батюшкова, исследователь А. С. Пушкина.

⁶Делянов Иван Давыдович (1818–1897), граф — с 1882 по 1897 г. министр народного просвещения (см. прим. 4 к Письму 116 Страхова к Толстому от 8 мая 1876 г.).

⁷Вышнеградский Иван Алексеевич (1831–1895) — в 1887–1892 гг. министр финансов, товарищ Страхова по Главному педагогическому институту.

441. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

Конец декабря 1894 г. Санкт-Петербург.

Не могу выразить, как меня обрадовало Ваше письмо¹, бесценный Лев Николаевич, присланное с доктором Алексеевым². Я все скучал и печалился, не имея от Вас вестей. И Татьяна Львовна, на которую я надеялся как на каменную стену, мне изменила! К сожалению, я ничего, кажется, не могу сделать для г. Алексева, который очень мне понравился, но больше всего тем, что приехал от Вас. Университетские дела принимают, очевидно, крутой ход и наводят беспокойство. Перескажу Вам здешние толки. Во-первых, говорят, что начало дела — не в студентстве, а в профессорской среде, что есть там молодой доцент по русской истории, который держится прежнего направления Ключевского и был возмущен новым его направлением, да счел за нужное и других возмущать. Вот отчего *протест* произошел гораздо позже, чем сказаны были слова, против которых было протестовано. Во-вторых, мне объяснили, почему дело движется так медленно. Начальство ждет Татьянина дня³ и не станет разбирать и освобождать, пока не миновал этот день и оно не увидит, что ему нечего больше бояться. Бедные молодые люди! Их поставили в беспокойное положение и желают, чтобы они оставались покойными. Но делать нечего; без сомнения, если 12 января пройдет благополучно, то угроза, висящая над арестованными, разрешится чем-нибудь незначительным, мягким. К несчастью, из разговоров здесь я почувствовал, что расположение к самым крутым мерам обнаруживается без всякого зазрения: мы давно привыкли к ним, то есть привыкли и принимать их и переносить на себе. Кроме того, подозрения в самых злостных мыслях и затеях стали с 4 апреля 1866⁴, и даже ранее, так вероятно, что потерпевшие наказание едва ли встретят какое-нибудь сочувствие. Боже мой! Как все тихо идет, как медленно изменяется наш образ мыслей и чувств! И что нужно делать, чтобы это изменение шло прочно, чтобы дела приняли порядок правильный, ясный?

«Вероятно и еще что-нибудь будет!» сказал, почти зевая, Иван Давыдович⁵, человек в сущности добрый и может быть больше других сделавший что-нибудь в пользу угрожавших.

Очень я был рад, услышавши от Алексева, а также от Ганзена⁶, что Вы бодры и здоровы. Очень грустно, что Лев Львович производит такое печальное впечатление; я утешаю себя тем, что по крайней

мере ему не делается хуже. Обрадовался я также, услышав от доктора, что Чертков ехал с ним сияющий здоровьем. Не увижусь ли с ним? То-то было бы хорошо.

Праздники идут у меня ровно, хотя одиночество томит меня сильнее: мои Данилевские все уехали⁷. На здоровье не могу жаловаться, да и на зиму тоже: она не слишком холодна, больше 12° не было, и льда на окнах я еще не видал. Все держу корректуры и скоро пришлю Вам две книги.

Простите меня! Софье Андреевне — передайте усердное поздравление с новым годом. Кто это восхищался Ванечкой? Да, Анна Григорьевна Достоевская, не находившая слов, чтобы похвалить и его и Софью Андреевну.

Всей душой Вам преданный и неизменный

Н. Страхов

P.S. Марью Львовну я забыл! Нет, я ее живо помню и сердечно благодарю. А что Андрюша и Миша?

¹Остается неизвестным.

²Алексеев Петр Семенович (1849–1913) — врач, автор книг и брошюр против пьянства. Статья Толстого «Для чего люди одурманиваются?» (1891) — предисловие к одной из них (изд. журнала «Русская мысль»). В 1888 г. Алексеев выпустил книгу «По Америке. Поездка в Канаду и С. Штаты». В ОР ГМТ сохранилась корректура исправленной Толстым книжки, вероятно подготовленной Алексеевым: «Пора опомниться. О вреде спиртных напитков. Составлено по изложению американского священника, бывшего профессора химии Л. П. Пакина» (издана «Посредником» в 1888 г.). В 1894 г., благодаря содействию А. Ф. Кони, Алексееву удалось перевестись из Читы в Ригу, где он до конца жизни продолжал служить, как и в Чите, помощником врачебного инспектора.

³12/24 января, студенческий праздник, день основания Московского университета.

⁴День покушения на Александра II.

⁵И. Д. Делянов — см. прим. 6 к Письму 440 Страхова к Толстому от 17 декабря 1894 г.

⁶Танзен Петр Готфридович (Peter Emmanuel Hansen) — см. прим. 2 к Письму 400 Страхова к Толстому от 17 сентября 1891 г.

⁷Семья Николая Яковлевича Данилевского (1822–1885), естествоиспытателя, философа, публициста, близкого друга Страхова (см. прим. 4 к Письму 2 Страхова к Толстому от 18 ноября 1870 г.).

442. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

14 января 1895 г. Никольское-Горюшки.

Вот, дорогой Николай Николаевич, к вам опять просьба, боюсь, что самая неприятная.

Письмо это вам перешлет или передаст очень милая девушка, баронесса Майндорф¹, с кот[орой] я провел несколько дней у Олсуфьевых, у кот[орых] я жил и живу еще теперь. Я ей передал рукопись рассказа для «Сев[ерного] Вестн[ика]»². Редакторы так жадны, что я не хочу давать им прямо в руки. А то они напечатают, не прислав мне корректур и без необходимых поправок. Поэтому я позволил себе послать этот рассказ вам и через вас. Во-1-х, вы просмотрите его и скажите, можно ли его печатать. Не стыдно ли? Я так давно не писал ничего худож[ественного], что, право, не знаю, что вышло. Писал я с большим удовольствием, но что вышло, не знаю. Если вы скажете, что нехорошо, я нисколько не обижусь. Вот это-то и может быть вам неприятно. Если же вы найдете годным рассказ, то уж, пожалуйста, вы подпишите коррект[уру] к печати.

Благодарствуйте за ваши добрые письма.

Любящий вас

Л. Толстой

14 января.

Таня говорит, что из письма моего не видно, что я прошу прислать мне корректуры. Я очень прошу, непременно прошу прислать мне в Москву.

¹Мейендорф Раиса Федоровна, племянница Олсуфьевых.

²Рассказ «Хозяин и работник».

443. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

25 января 1895 г. Санкт-Петербург.

Боже мой, как хорошо, бесценный Лев Николаевич! В первый раз я читал торопясь, отрываясь на несколько часов, и все-таки у меня осталась в памяти всякая черта. Василий Андреич, Никита, Мухортый стали моими давнишними знакомыми. Как ясно, что В[асилий] А[ндреич] — под хмельком! Его страх, его спасение в любви — удивительно! удивительно! А Мухортый ушел от него к Никите... Целая драма, простейшая, яснейшая и потрясающая!

Мне только одного жалко: хотя эти лица приближены к нам так, что мы становимся с ними наравне (какая прелесть — Никита!), а все же впечатление выросло бы во сто раз, если бы Ваш всепроницающий взгляд осветил нам души тех, кого мы называем образованными.

Дай Вам Бог сил и здоровья. Баронесса Мейендорф необыкновенно мила. Она удивлялась Вашей бодрости, а я радовался таким рассказам.

Набрали Вашу повесть с поразительной быстротою; теперь верно Вы уже держали корректуру.

Посылаю Вам свои «Философские очерки». Дело в них идет не о деле, а все больше о методе, как и подобает философской книге. Очень прошу Вас прочитать предисловие. Да пожалуй еще *Главную черту мышления*.

У нас стоят морозы с ветром, и я немножко простудился.

Простите меня.

Ваш неизменно преданный и любящий

Н. Страхов

1895 25 янв. Спб.

444. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

27...28 января 1895 г. Москва.

Дорогой Николай Николаевич.

Очень благодарю вас за присылку книги. Непременно прочту то, на что вы указываете, и, вероятно, перечту и все¹. Посылаю корректуры очень измарианные². Пожалуйста, не дайте напечатать в безобразном виде. Надо мне после вас пересмотреть еще раз. Я и пишу Гуревич³, чтобы мне прислали еще. Если вы будете добры просмотреть еще разик и поправить, что там неладно, то я очень буду благодарен. Мне не нравится этот рассказ. И в вашем отзыве я слышу неодобрение. Пожалуйста, напишите порезче всё, что вы скажете об этом рассказе, говоря не со мною. Мне интересно знать: ослабела ли моя способность, или нет. И если да, то это меня так же мало огорчит и удивит, как и то, что я не могу бегать так же, как 40 лет тому назад.

Ну, пока прощайте. Целую вас.

Л. Толстой

Письмо это вам передаст мой хороший знакомый Зиновьев, брат губернатора⁴.

¹Книга «Философские очерки». В Яснополянской библиотеке сохранился оттиск этой работы из журнала «Русское обозрение», вместе со статьей В. В. Розанова «Смена мировоззрений».

²Рассказа «Хозяин и работник».

³Это письмо к Гуревич Любови Яковлевне (1866–1940), издательнице «Северного вестника», неизвестно.

⁴Зиновьев Алексей Алексеевич (ум. 1915) — архитектор, брат Николая Алексеевича Зиновьева (1839–1917), бывшего тульским губернатором в 1887–1893 гг. К Н. А. Зиновьеву Толстой не раз обращался с просьбами за разных лиц.

445. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

29 января 1895 г. Санкт-Петербург.

Сегодня, бесценный Лев Николаевич, был у меня г. Зиновьев с Вашим письмом, а затем принесли мне исправленную корректуру Вашей повести, т. е. ту, которую я правил, еще без поправок, присланных Вами с г. Зиновьевым. Опять я с жадностью принялся читать и не оторвался, пока не кончил. Изобразительность Ваша — несравненна. Что же я могу сказать, кроме похвал? Просто, ясно, определенно у Вас рассказано то, что почти недоступно рассказу, и действующие лица, не исключая Мухортого, делаются нам страшно близкими. Мороз — подирает по коже. Мне очень боязно говорить о том, что мне кажется недостатком. Мне представляется, что отдых за чаем расхолаживает рассказ. Тут являются люди, и целая картина быта, которые потом исчезают и не имеют значения для замерзающих. Зачем они так подробно описаны? Но ведь это не недостаток, а избыток — картина интересна и ярко жива. Второе, что решусь сказать Вам — конец не довольно значителен. Никита, повидавший смерть, может быть вынес какое-нибудь впечатление от этой встречи.

Пишу и думаю: верно я чего-нибудь не понял, не додумался. Тайна смерти — вот что у Вас бесподобно. До сих пор я, впрочем, не встречал читателей, которые умели бы это вполне ценить. Душевное смягчение и его смысл — только у Вас это можно найти. А сны! Удивительно!

Еще раз — не берусь судить; мне нужно время для обдумывания, и скоро мне пришлют корректуру, уже исправленную Вами — тогда еще напишу Вам.

«Ослабела ли Ваша способность?» Не ослабела, а в каждой строчке показывает полное мастерство. Странная мысль Вам пришла в голову! Верность и чистота каждой черты — изумительная!

Пока, простите

Вашего неизменно преданного и любящего

Н. Страхова.

1895 29 янв. Спб.

446. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

3 февраля 1895 г. Санкт-Петербург.

Продержал корректуру Вашей повести, бесценный Лев Николаевич, в исправленном виде. Как всегда, Вы исправляете бесподобно, т. е. удивительно добавляете и удивительно вычеркиваете. Некоторые слова и мысли у всеми любимого и достойного любви Никиты, чем-то задевавшие меня прежде, оказались выкинутыми. Очень поразило меня возвращение Вас[илия] Андреича к Никите; вдруг Вы перестаете описывать его душевное состояние и рассказываете только, что он делал и говорил. Чудо как хорошо!

Не очень я отваживаюсь Вас хвалить, но скажу, что в этом третьем чтении я опять и с новой силой испытал то невыразимое удовольствие, которое дают истинно художественные вещи. Весь Моппассан почти ничего мне не дал, а вот *Зарницы* дали¹.

Софья Александровна Феоктистова, с которой я познакомился дней десять назад, пишет мне:

«Читали быть может в рукописи «Хозяин и работник» Льва Николаевича? Я вчера прочла в корректуре этот превосходный рассказ, назнач[енный] для С[еверного] В[естника]. На минуту Л. Н. обратился в прежнего Толстого. Повесть короткая, и рассказ так чудесен, что кажется мигом его читаешь».

Да, а нужно читать, вникая в каждую строчку. Не знаю, почему Вам послышалось (как Вы писали) у меня неодобрение. Меня смущает только то, что читатели, когда рассказ идет о простых людях, всегда хватаются за это и не хотят применять к себе, точно так, как, читая Евангелие, воображают все сверхъестественным и потому мало до них касающимся. *Иван Ильич*² и *Крейцера соната* — действуют сильнее. Между тем ни у кого лица из простого народа так не близки к нам, как у Вас.

Мне все еще нездоровится, — каждый день собираюсь выйти и не выхожу. Авось послезавтра. Так я не был у Мейендорфов. Писал ли я Вам, что Чертков был у меня? Как я на него порадовался!

Сегодня свадьба дочери Я. П. Полонского. Жаль, что нельзя было быть.

Простите меня. Мое душевное почтение Софье Андреевне, Татьяне Львовне и Марье Львовне. Винават я перед Львом Львовичем — должен бы был ему написать.

45

определенной заданности, совсем другое дело.
— Ну, конечно, это верно? — Искренне
пробурчал это-то. — А я могу вернуть

ваше дело, как в В. А. проговорил флигеля,

— Ну, конечно, — пробурчал флигель,
не понимая своего отношения. — Как?

Луге, — от удивления выговорил флигель.

— Случайный восторг, дурачество. Восторг, при
подходе так же, как это? — и восторг.

Восторг подождал не дождался и стал от
восторга.

Восторгаме ласково, она переключилась
походкой на него и пошла восторгом

на нее, но сошла. Тогда она стала
на самом деле и пошла от самого своего.

Но она поворачивалась под его. Она
фасованно и она восторгом оборвалась

и наконец в Восторге она восторгом по
Восторгу пошла к самым своим, но

при этом и восторгом восторгом восторгом

Восторгом восторгом восторгом восторгом

Восторгом восторгом восторгом восторгом

Восторгом восторгом восторгом восторгом

Восторгом восторгом восторгом восторгом

Восторгом восторгом восторгом восторгом

См. на обороте

(95)

Ваш неизменно преданный и любящий
Н. Страхов

1895 3 февр. Спб.

P.S. Вы говорите, что писали рассказ с большим наслаждением, а потом что Вы им не совсем довольны. Как же это? Ведь Ваше участие слышно в каждой строчке и неотразимо покоряет читателя.

¹Роман В. Микулич — см. прим. 11 к Письму 430 Страхова к Толстому от 20 марта 1894 г.

²«Смерть Ивана Ильича».

447. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

14 февраля 1895 г. Москва.

14 ф. 1895.

Дорогой Николай Николаевич.

Очень, очень вам благодарен за труд ваш чтения двукратного корректур и больше не смею утруждать вас. Нынче я послал корректуры, исправленные, прямо в редакцию. Вашу книгу получил и очень благодарю, не из одной учтивости. Предисловие я прочел — буду хвалить вашу книгу не потому, что долг платежом красен, а [потому] ч[то] приятно сказать то хорошее, что думал о вашем писании; — прочел и статью о Клод Бернаре¹, пробежал о Фейербахе и начал обстоятельно сначала и прочел до половины о Гегеле. Читаю не по дружбе к вам, а [потому] ч[то] всё мне чрезвычайно интересно, и, как начну, то тянет продолжать. В предисловии мне *очень* понравилось определение материализма и эмпиризма — ново и вместе с тем просто и ясно. Тоже понравилось начало о Гегеле, не знаю, что будет дальше. О Клоде Бернаре я знал более или менее главную мысль, но то, что вы говорите на стр[анице] 143, показалось мне не совсем ясно.

Вообще же мне кажется, что эта книга одна из лучших и интереснейших ваших книг. До свидания, дружески обнимаю вас.

Любящий вас Л. Т.

То, что пишу на этом листке, оторвите и сожгите. А именно, вот что: рассказ мой наделал мне много горя. Соф[ье] Андр[еевне] было очень неприятно, что я отдал даром в Сев[ерный] Вестн[ик], и к этому присоединился почти безумный припадок, не имеющий *никакого* подобия основания, ревности к Гуревич. Совпало это с женскими делами, и мы все пережили ужасные дни. Она была близка к самоубийству, и только теперь 2-й день она опять овладела собой и опомнилась. Вследствие этого она напечатала объявление, что рассказ выйдет в ее издании², и вследствие этого писала вам, спрашивая о размере гонорара за лист. Она хотела потребовать с Гур[евич] гонорар и отдать его в литерат[урный] фонд.

Пишу вам, как старому другу, чтоб объяснить свое положение, и с просьбой замолвить где-нибудь словечко объяснения тому, что рассказ печатается одновременно в ее издании и в Посреднике. Я счи-

таю, что это справедливо и таким образом уничтожает исключительность бесплатного пользования рассказом Сев[ерным] Вестником. Если будете писать мне об этом, то пишите так, чтобы не видно было, что я писал вам об этом.

¹Бернар Клод (Claude Bernard) (1813–1878) — французский физиолог.

²С. А. Толстая выпускала начатое в 1893 г. девятое издание «Сочинений гр. Л. Н. Толстого». Л. Я. Гуревич, со своей стороны, хлопотала о том, чтобы в ее журнале «Хозяин и работник» был напечатан раньше всех других. В итоге трудного для Толстого и его семьи конфликта рассказ появился 5 марта 1895 г. одновременно в трех изданиях: «Посреднике», № 3 «Северного вестника» и приложении к части 13-й собрания сочинений.

448. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

21 февраля 1895 г. Санкт-Петербург.

Как хорошо, бесценный Лев Николаевич, как удивительно и бесподобно! Я прочитал третью корректуру с наслаждением и даже иногда со слезами на глазах. Типография, соблюдая договор, прислала мне сверстку. Кажется, все теперь исправно до последнего слова и последней запятой. Я надеюсь, что своими знаками препинания я превзойду Ваших московских корректоров. Одно только место мне неясно: на стр. 23 сказано: *не в лощине, где оставался снег*. Может быть, *осыпался*? Ну, беда самая маленькая. Василий Андреич теперь у меня так и мечется перед глазами, и даже стал заслонять Никиту. Теперь весь рассказ имеет совершенную стройность: простите мне замечания, которые я сделал, не вчитавшись. Какое умение понимать душу, и какое доброе понимание души! Никита и Вас[илий] Андр[еич] это как бы два слоя русского народа: один слой деятельный, а другой пассивный. Деятельный кажется очень противным, но он спасает пассивный и сам погибает. Никита все вынесет и никому зла не сделает; но Василий Андреевич — ах, как он хорош! Сломленная энергия... Нет, возрожденная энергия!

Но будет. Простите мне все эти суждения, может быть очень еще далекие от Вашей мысли.

По газетам я вижу, что в Москве будет сделано издание Вашей повести, да не одно². Видите, как хлопотно Ваше решение уйти с обыкновенного пути³. Кто владеет чем-нибудь, тот имеет обязанность распоряжаться владеемым. Ну, простите мне это замечание.

Очень радуюсь, что *Философские очерки* показались Вам занимательными. Я невольно сравнил их с тем, как пишут в *Вопросах философии*⁴ и, по самолюбию автора, подумал, что я гораздо лучше пишу. Не порадовало меня, что Вы не обратили внимания на сказанное в предисловии о Шопенгауэре. Я думал — заслужу Вашу похвалу. Кажется, лучшая статья — *Главная черта мышления*.

Здесь все больны. Сейчас принесли известие, что с Вышнеградским что-то вроде удара.

Да! Вы верно заметили, что стр. 143 *Очерков* неясна. Думаю, однако, что яснее, чем у Бернара. Эту мысль о несуществовании материи как субстрата, как субстанции, следовало бы развить полно и отчетливо — я часто об этом думал, и может быть еще успею. Но Вы всегда найдете важное и болезненное место!

Простите меня! Дай Бог и Вам и всем Вашим здоровья! Не сердится ли на меня Софья Андреевна за мешкотность и за неисполнение ее поручения? А я недавно узнал от рассыльного, что Гуревич уехала на месяц за границу. Как же с нею было бы вести переговоры? А теперь ведь не нужно?

Теперь я почти здоров, могу всюду поехать и готов исполнить всякое поручение с величайшим удовольствием.

Ваш неизменно преданный и любящий
Н. Страхов

1895 21 февр. Спб.

Кл. Бернар часто говорил: «Материя обнаруживает (manifeste) явления, которых она не производит». Т.е. которых она не есть причина, источник.

¹Для издания в «Посреднике» Толстой еще раз просматривал рассказ и внес 184 исправления. В Главе V читается: «Место, на котором остановился Никита, было не в лощине, где бы снег, сметаемый с бугров и оставаясь, мог совсем засыпать их, но оно все-таки отчасти было защищено краем оврага от ветра» (ПСС, Т. 29, С. 28).

²См. прим. 2 к Письму 447 Толстого к Страхову от 14 февраля 1895 г.

³Имеется в виду заявленный Толстым публично отказ от авторских прав (т. е. гонорара) на сочинения, написанные с 1881 г., а также «и могущие вновь появиться».

⁴Журнал «Вопросы философии и психологии».

449. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

2 марта 1895 г. Санкт-Петербург.

Больно поразила меня, бесценный Лев Николаевич, смерть Ванички¹. Я узнал об ней только вчера, — я проглядел объявление, сделанное в *Нов[ом] времени*, воображая, что это какой-нибудь петербургский Ваничка. Зачем умер удивительный мальчик? Сколько раз мне приходится думать, что лучше бы мне умереть вместо покойника! Он много обещал, — может быть, наследовал бы не одно Ваше имя, а и Вашу славу. А как был мил — сказать нельзя! Воображаю печаль Софьи Андреевны! Передайте ей, прошу Вас, мое глубочайшее сочувствие. Можно утешаться разве мыслью, что Ваничка прожил самую лучшую пору жизни, ту пору, когда люди бывают похожи на ангелов, и бывают так же счастливы.

Я здоров, но кругом так и ходят вести об умирающих и об опасно больных. Вышнеградский, кажется, не умрет, но останется развалиною.

Простите

Вашего неизменно любящего и преданного

Н. Страхова.

2 марта 1895. Спб.

¹Младший сын Толстых Иван (31 марта 1888 — 23 февраля 1895).

450. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

8 марта 1895 г. Москва.

Благодарю вас за себя и за бедную жену, дорогой Николай Николаевич. Ей особенно дорого сочувствие тех друзей, которые, как Вы, не только любите нас, но и любили Ваничку. Для меня эта смерть была таким же, еще более значительным событием, чем смерть моего брата¹.

Такие смерти (*такие* в смысле особенно большой любви к умершему и особенной чистоты и высоты духовной умершего) точно раскрывают тайну жизни, так что это откровение возмещает с излишком за потерю. Таково было мое чувство.

С[офья] А[ндреевна] поразила меня. Под влиянием этой скорби в ней обнаружилось удивительное по красоте ядро души ее. Теперь понемногу это начинает застилаться. И я не знаю, радуюсь ли я тому, что она понемногу успокаивается, или жалею, что теряется тот удивительный любовный подъем духа. — Хотя и года всё больше и больше сближают нас, смерть эта еще более сблизила нас с нею и со всею семьею.

Я очень устал и потому нынче больше не пишу. Дружески обнимаю вас.

Любящий вас
Л. Толстой

8 марта 1895.

¹Николай Николаевич Толстой (1823–1860).

451. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

27 марта 1895 г. Санкт-Петербург.

Сегодня, бесценный Лев Николаевич, мы похоронили Вышнеградского. Смерть его была ужасная — это была агония, продолжавшаяся 32 дня, по-видимому мучительная, особенно в начале и в последнюю неделю. Сын¹ и дочери² рассказывали, что сначала он видимо желал умереть и называл докторов *жестокими*; но доктора всячески его поддерживали и тянули жизнь. Грустно, что полного сознания не было все это время, даже и на несколько минут. Болезнь была та самая, которая свалила его в 1892 году. Он надорвался; он был горяч и неукротим в труде, как энергический человек, который не думает об мере своих сил, как будто они неисчислимы. И вот человек ленивый и слабый, как я, остался жив, а он, моложе меня на два года, умер!

Передо мной опять исчезла часть того мира, в котором я жил, и все кажется ненужным, не стоящим никакой заботы. Мы с ним не были особенно близки в последнее время, хотя, кажется, наша старая дружба готова была воскреснуть перед самым концом. Главное же, я всегда был уверен в его благородстве, несмотря на его увлечение разными житейскими интересами. Он показал, когда был министром³, что сознательно не берег себя.

Пустота вокруг меня стала еще больше. А она иногда очень мучит меня; я знаю, она неволит все к тому же, к спасению.

То, что Вы написали об Софье Андреевне, очень на меня подействовало, умилило. Я давно научился (каюсь, не сразу) глубоко уважать Софью Андреевну. В ней огромная энергия и в глубине, под всем наружным и мелким, вся направленная на жизнь для других, на ту жизнь, к которой вполне способны кажется только женщины, а очень редко мужчины. Я всегда очень боялся говорить с Вами о Софье Андреевне (мне иногда хотелось ее осуждать), потому что чувствовал, что между Вами и ею существует глубочайшая связь, какая может существовать между людьми, связь теснее, чем между детьми и отцом и матерью, слияние двух человек в одного, как о том говорится в Евангелии. Но всякое сильное чувство (это Ваши слова) не может долго продолжаться в одинаковой силе, однако же в сущности не исчезает и сохраняется в глубине души. О, дай Боже, чтобы мы чаще жили нашими лучшими чувствами! Не то горе, что мы не обладаем всеми добрыми душевными силами, а то, что и то, что есть у

нас доброго, вечно глохнет, вечно застигается всякою мелочью и нашим душевным злом. Так я чувствую себя и так я вижу, что нужно бороться с собою.

Теперь мне время собой заниматься. Я кончил издание книг и стал опять и читать и писать. Инфлуэнца моя, кажется, совершенно прошла.

Простите меня. Дай Вам Бог всего хорошего. Усердно кланяюсь Татьяне Львовне и Марье Львовне. Недавно видел Сережу⁴. Как жаль, что не знаю ничего об Льве Львовиче.

Ваш неизменно преданный и любящий
Н. Страхов

1895 27 марта Спб.

¹Вышнеградский Александр Иванович (1867-1925) — финансист, директор и распорядитель Петербургского международного банка; с 1905 г. камергер, с 1915 г. статский советник; сын И. А. Вышнеградского (см. прим. 3 к Письму 89).

²Вышнеградские Наталья Ивановна и Софья Ивановна.

³См. прим. 7 к Письму 440 Страхова к Толстому от 17 декабря 1894 г.

⁴Сергей Львович Толстой.

452. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

26 апреля 1895 г. Москва.

Дорогой Николай Николаевич,

Узнал на днях от Меньшикова¹, кот[орый] узнал это от Веселитской, что вы больны, и одиноки, и унылы, и сердцем захотелось помочь, облегчить, успокоить вас. Уныние, вы знаете, что грех, и потому, верно, боретесь с ним, а одиноким не может быть никто, у кого есть общение с Богом. Если открыт путь на эту главную станцию, то оттуда уже беспрепятственное и бесконечное общение со всем истинно живым. А у вас должно быть это общение с главной станцией, с Богом. Я говорю «должно быть это общение», п[отому] ч[то] вполне не знаю: молитесь ли вы, можете ли молиться? Не в церкви, не говея (такого рода, по моему опыту, несовместима с той молитвой, к[оторая] поддерживает и утверждает), а молитесь ли так, чтобы, отказавшись от всяких рассуждений, от всяких мыслей, слов, просто жалобно отдаться той власти, в к[оторой] находишься, и просить ее или взять от меня мою волю, или вложить в меня свою. Я молюсь так, и не знаю кому, и как может отозваться тот, кому молюсь, на нее, но знаю, что мне это нужно, необходимо и что этот акт молитвы не пустой крик только моей слабости, но важнейшее и лучшее дело, кот[орое] я могу сделать. Желаю вам этого или другого, мне неизвестного, способа общения с Богом, но это общение необходимо и излечит вас и телесно и духовно. Напишите, пожалуйста, несколько слов о себе. Мы продолжаем переживать какой-то решительный переворот в нашей жизни. Соня, кроме своего тяжело переживаемого ею горя, еще тяжело заболела инфлуэнцей и теперь, чуть-чуть поправившись, уехала в Киев с Таней сестрой, к[оторая] приехала за ней. Маша, к[оторая] тоже всё чахнет, уехала с ней. Лева всё болен, живет в санатории под Москвой. Я устал и очень слаб. Ничего не могу работать. Никогда не проходило так долго без работы.

Не одиноки вы еще и пот[ому], что вас все очень любят. Вы бы порадовались, если бы услышали те выражения дружбы и сочувствия вашему положению и желания помочь вам, кот[орые] выразили все наши, от детей и Тат[ьяны] Андр[еевны]² до меня, когда узнали про вашу болезнь.

Прощайте, целую вас и надеюсь скоро получить от вас бодрое и доброе письмо.

Л. Толстой

¹Меньшиков Михаил Осипович (1859–1919) — литературный критик, публицист. В то время сотрудничал в либеральной газете «Неделя» и журнале «Книжки Недели». Впервые обратился к Толстому с письмом в 1893 г., дав восторженный отзыв о книге «Царство Божие внутри вас». Позднее принимал живое участие в делах духоборцев. Письма Меньшикова к Толстому не опубликованы.

²Т. А. Кузминская.

453. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

2 мая 1895 г. Санкт-Петербург.

Читая Ваше письмо, бесценный Лев Николаевич, прежде всего я почувствовал стыд. Не стою я такой любви, не стою такого участия! думал я. Но нужно постараться заслужить их, и я буду стараться. Сказать не могу, как меня ободрили и утешили Ваши милые слова. Жалок я бываю действительно; но всегда упрекаю себя за то. Виноват я, что позволяю себе жаловаться другим на свою хворость и одиночество. Но мне казалось, что я делаю это в меру, не слишком уныло. Чуткая Лидия Ивановна¹, однако, угадала всю мою тоскливость и от нее дошел мой грех и до Вас.

Да, я свой грех знаю, и думаю о нем каждый день. Словами я выражаю это так: нужно обратиться к Богу. И вот, хочу исповедаться перед Вами: мне становится страшно от этой мысли; я чувствую себя таким ничтожным, слабым, порочным, я начинаю ставить для обращения к Богу такие высокие требования, желать в себе такой глубокой перемены, что теряю всякую решимость, не могу приступить к делу. Так со мною было всегда, всю жизнь. Я не женился и не собирался жениться только потому, что дело мне казалось сложным, трудным, ответственным. Я всегда очень боялся вмешательства в чужую жизнь со своей стороны, и старался не брать на себя никаких обязательств, пугаясь того, что не могу выполнить их как следует. Боже мой! Какая уродливость, какая безжизненность! Вероятно, отец родил меня в минуту несчастного раздумья. Все мне представляется в отвлеченном виде, и потому сложным и трудным; чувство никогда не бывает настолько живо, чтобы увлечь меня и порвать сеть мыслей. Я только избегаю дурного и только желаю хорошего, но делать хорошее не делаю по слабости стремления. Сознание этого мучит меня, и тогда я только говорю: прости меня, Боже, прости меня!

Ваша молитва несравненно лучше, молитва человека действующего и живущего, а не убегающего от жизни, как я, не закрывающего перед Богом свою голову и свои глаза. Душевно благодарю Вас за то, что Вы написали о своей молитве. Но как следовать этому наставлению? Как подражать этой задушевности и прямоте, которые дают Вам такую силу? Буду стараться, буду надеяться...

В последнее время я много каюсь, много усиливаюсь понять себя и свою жизнь настоящим образом. И я постоянно ловлю себя на са-

молюбивых мыслях; рассказывая о Василье Андреиче², Вы обо мне написали. Я все тешу себя похвалами, которые заслужил и еще надеюсь заслужить, или обижаюсь иногда невниманием и высокомерием, которое встретил. И эти пустяки составляют ежедневную пищу моей души! Как бы мне вытравить свой эгоизм, как бы приобрести добродушие и спокойствие Никиты?

Хворость моя все продолжается, понемножку убывая. Давно затеял я статью: *О происхождении трех родов протяжений*, но до сих пор написал только заглавие и эпиграф. Это — по теории математического познания, и план статьи — великолепный, но дело отчего-то не двигается. Стараюсь свыкнуться с мыслью, что может быть не доведется исполнить ни этого, ни других планов.

Буду крепиться. Не Вам меня, а мне Вас следовало бы утешать. Известия о Вашей семье все не радостные. Никогда я не думал, что Марья Львовна слаба здоровьем. Какая умница вечно живая Татьяна Андреевна, что увезла ее и Софью Андреевну! Посмотрите, они поправятся, как Чертков, который так удивил меня своим богатырским видом. Дай Бог и Вам поздороветь и посвежить. Не мучит ли и Вас легкая инфлуэнца, от которой переболел у нас весь город? — Простите меня! Всею душою Вам преданный и благодарный, неизменно и без конца Вас любящий

Н. Страхов

2 мая 1895 Спб.

¹Л. И. Веселитская (В. Микулич) — см. прим. 11 к Письму 430 Страхова к Толстому от 20 марта 1894 г.

²В рассказе «Хозяин и работник».

— Милости прошите въ храмъ
Милости прошите въ оранжерею. Выходитъ Александръ въ жемчуж-
ную комнату въ пальто, съ шляпою, въ
рукавицахъ, въ перчаткахъ. — Милости прошите въ оранжерею. — Александръ
вернется назадъ.

[illegible][illegible][illegible]

~~Attn~~
Custody
Warrant
No entry a

~~Minneapolis~~

1-10 Single ex
grasses in
fields and
water level
at new dam
from 20 ft.
more than

6-11-71

F. v. v.

...с поправками Л. Н. Толстого

454. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

5 мая 1895 г. Москва.

Благодарю вас, дорогой Николай Николаевич, за ваше сердечное, чистосердечное письмо. Я несколько раз перечел его, вдумываясь в те душевные особенности, кот[орые] вы описываете, и мне кажется, что я знаю всё это по себе. Радуюсь вашему поправлению. У нас же продолжается та же напряженная жизнь, требующая неустанной твердости и внимания. Жена с Машей вернулись из Киева, где им было хорошо. Маша совсем поправилась, но Соня мало поправилась и физически (лихорадка прошла, но слабость большая), а главное, нравственно: всё то прекрасное, духовное, что открылось тотчас после смерти Вани, и от проявления и развития чего я ждал так много, опять закрылось, и осталось одно отчаяние и эгоистическое горе. Какие необыкновенные переливы форм, красок представляет душа человеческая в теле!

Что мы будем делать? не знаем. В Ясную она боится ехать — боится воспоминаний. Я предлагаю — так как уж непременно хотят ехать куда-нибудь — ехать за границу, в Баварию, на озера около Мюнхена¹. Не знаю, что выйдет. Я вот уж скоро три месяца ничего не работаю. Этого со мной не бывало уже лет 10.

Две просьбы к вам, обе такие, что торопиться некуда и что, если вы при случае исполните их — хорошо, а не исполните — тоже хорошо.

1) Есть такой докт[ор] Заменгоф², к[оторый] изобрел эсперантск[ий] язык и издавал на нем журнал, кажется в Дрездене³. Журнал имел около 600 подп[исчиков], из кот[орых] большинство б[ыло] в России. Мои друзья, особенно один, Трегубов⁴, большой сторонник Эсперанто, желая поддержать журнал, дал туда одно мое письмо об отношении разума к вере⁵, очень невинное, и еще одну статью о неплатеже податей в Голландии. Это сделало то, что Эсперанто газету запретили впускать в Россию, и Заменгоф, страстно преданный своему изобретению, разорившийся и прежде на это дело, пострадал отчасти от меня. Нельзя ли выхлопотать ему опять разрешение на выпуску газеты в Россию. Я обязуюсь ничего не печатать у него и не принимать никакого участия.

2) Нынче получил очень трогательное письмо, кот[орое] прилагаю. Не можете ли вы через Кони (от меня), или кого другого, уз-

нать то, чего желает эта особа. Она мне разрешила воспользоваться письмом для получения нужных сведений. Я это и делаю.

Простите, как вы всегда пишете мне, троекратно целую вас.

Любящий вас
Л. Толстой

5 мая

¹6 июня Толстые уехали из Москвы в Ясную Поляну. Заграница отпала: возникло опасение, что могут не разрешить вернуться в Россию.

²Заменгоф Лазарь Людвигович (Ludwik Zamenhof) (1859–1917) — польский врач-окулист, создатель искусственного международного языка Эсперанто.

³Журнал «Esperantisto» выходил в Нюрнберге с 1889 по 1895 г.

⁴Трегубов Иван Михайлович (1858–1931) — последователь учения Толстого.

⁵Пространное письмо 1894 г. к баронессе А. Г. Розен (из Эстляндской губернии) впервые было напечатано отдельной брошюрой в Женеве: «Lettre sur la raison et la religion» (Письмо Л. Н. Толстого «О разуме и религии»).

455. С. А. и Л. Н. Толстые — Н. Н. Страхову

25 мая 1895 г. Никольское-Горюшки.

Многоуважаемый Николай Николаевич,

До последнего времени мы совсем не знали, где и как мы проведем лето. Горе¹, постигшее нас, совсем перевернуло мою жизнь, я боялась Ясной с воспоминаниями и хотела бежать. Но обстоятельства заставили нас, несмотря ни на что, все-таки поехать в Ясную. Во-первых, Сережа наш женится на Мане Рачинской и свадьба его будет в начале июля². Во-вторых, Миша³ должен переэкзаменоваться по латыни в августе, и я должна брать репетитора и его летом учить. Кроме того, пугают нас, что если Лев Николаевич выедет за границу, то его оттуда не выпустят⁴. Вот мы и решили ехать в Ясную 1-го июня, если к тому времени поправится совсем Лев Николаевич. Мы находимся у Олсуфьевых⁵, около Подсолнечного, куда Лев Николаевич приехал погостить и где он захворал лихорадкой⁶. Надеюсь, что до 1-го будет тепло и мы его поправим и увезем.

Все это я Вам написала как предисловие, а главная цель моего письма пригласить Вас на лето к нам. Я не могу себе представить, что Вас не будет с нами нынешнее лето! Полюбите нас черненькими, т. е. грустными и огорченными, и если у Вас не было планов на лето, то приезжайте к нам, дорогой Николай Николаевич. Будем серьезно и тихо жить; я уже перестала смотреть на жизнь как на радость, но доживать надо, пока Богу угодно будет взять меня туда, куда ушел мой Ваничка. И самое дорогое, что мне осталось, это общение с теми людьми, с которыми душевно хорошо. К счастью, я много встретила последнее время и сочувствия и сердечной доброты от людей; она мне нужна и от Вас и я надеюсь, что Вы не откажете приехать к нам и утешить сердечно уважающую и преданную Вам душой

С. Толстую.

25 мая 1895 г.

В нынешний раз, приглашая вас к нам, дорогой друг Николай Николаевич, с особенным чувством обращаюсь к вам. Согласие ваше, приезд к нам и пребывание у нас лето[м] доставит мне большую ти-

хую радость и большое успокоение, отказ же, кот[орый] я и в мыслях боюсь допустить, очень больно огорчит меня. Как давно уже я знаю вас, а мне кажется, что только теперь понял самое настоящее, задушевное и потому дорогое в вас. Пожалуйста, приезжайте. Это будет доброе дело и для меня и для Сони, и в самом настоящем, а не переносном смысле слова. Если можно вас этим подкупить, то буду стараться заниматься всё лето только худож[ественными] работами, к[оторые] очень привлекают меня⁷. Так, пожалуйста, пожалуйста, до свиданья.

Л. Т.

¹горе — смерть младшего сына Толстых Ванечки, скончавшегося 23 февраля 1895 г. от скарлатины.

²Свадьба Сергея Львовича Толстого и Марии Константиновны Рачинской (1865–1900), дочери директора Петровской земледельческой и лесной академии в Петровском-Разумовском под Москвой профессора Константина Александровича Рачинского, состоялась 9 июля 1895 г. в Москве. М. К. Рачинская училась (вольнослушательница) на математическом факультете университета в Кембридже. Была близкой подругой Т. Л. Толстой.

³Михаил Львович Толстой.

⁴Толстой предложил жене совершить поездку за границу: «...думали ехать в Кисловодск, но вчера папа перерешил и предлагает Германию, Тироль или что-нибудь подобное...» — писала Т. Л. Толстая в письме к А. К. Чертовой 19 апреля 1895 г. (ГМТ). Поездка не состоялась, С. А. Толстая никогда не была за границей.

⁵Семья А. В. Олсуфьева.

⁶Толстой был болен весь июнь и начало июля.

⁷Толстой возобновил работу над романом «Воскресение» и повестью «Отец Сергий».

456. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

27 мая—6 июня 1895 г. Санкт-Петербург.

Не знаю, что Вы и где Вы, бесценный Лев Николаевич, но попытаюсь послать Вам несколько слов. Вот уже две недели, как я в больших и неприятных хлопотах из-за моих гнилых зубов. Медики меня пересылали один к другому, и наконец я очутился в Госпитале, где Мультановский¹ через час будет делать мне операцию — вырезать язву из-под языка и, вероятно, железы из-под нижней челюсти. В хлопотах я не мог ничего серьезного делать. Большим удовольствием было для меня посещение Александра Михайловича², который был очень любезен, звал к себе в Киев и рассказывал об Вас и об Ваших с чувствами такой глубокой симпатии, что растрогал меня. Он сказал мне, что Кони нет в Петербурге, и взял на себя добыть сведения, которых Вы желали для несчастной

Эти строки писаны мною 27 мая, и только что я их написал, как меня повели в операционный зал, раздели, положили на высокую подставку, завязали мне глаза, дали дышать хлороформом. Когда я очнулся, операция еще продолжалась и я слышал неторопливый, спокойный, мягкий голос Мультановского и чувствовал, как он резал у меня во рту ножом и перестригал ножницами. Было не очень больно, но я сердито кричал, потому что меня всего больнее жали и тянули там, где вовсе не нужно было — так мне казалось, и так это подтвердилось моим криком: «оставьте мои ноги!», который я произнес уже наполовину ампутированным и зашитым языком, и большими ссадинами на левой ноге. Операция продолжалась 2 ч. 20 минут; Мультановский щадил мою кровь, да и оказалось, что хлороформ мое сердце переносит не дурно.

И вот я вдруг оказался в положении очень тяжело больного, но очень быстро выздоравливающего человека.

Однако выздоровление тянется. На третий день после операции получил я Ваше письмо³ и думал поскорее отвечать, однако отвечаю только на 9-й. Общая слабость не дает делать ничего серьезного, хотя раны почти зажили.

Все это и многое другое, что со мною случилось в это время, мне хотелось бы Вам рассказать, но главное — мне хотелось бы определить будущее. Конечно, провести лето, или часть лета в Ясной По-

ляне было бы мне истинной радостью, я душевно тронут приглашением Софьи Андреевны и Вашим; но нужно прежде вылечиться. Я никуда не обещал, мой план был заехать в конце июля в Киев, а на конец августа и сентябрь отправиться в Крым.

6 июня. Сегодня решаюсь отправить письмо. Дело идет хорошо, но я вижу, что раньше первого июля мне нельзя и думать об отъезде. Как все неловко перепуталось!

Простите, что не успею выразить и всего, что мне подумалось о наших давних отношениях. Крепче прежнего я связан с Вами — Ваша правда. Как я рад свадьбе Сережи!⁴ Он всегда мне был особенно симпатичен, Вы знаете. Я помирился и с его другом Ухтомским⁵, о котором притом слышал такие восторженные отзывы, что стал понимать и эту дружбу, и на самого Ухтомского смотреть иначе.

Дай Вам Бог всего хорошего. Поезжайте в Ясную, я уверен, что дух этого места производит на всех хорошее влияние. Туда явятся, верно, люди, которые будут Вам по душе в горе и радости.

Ваш всем сердцем преданный
Н. Страхов

6 июня 1895. Николаевский Военный Госпиталь

P.S. Татьяну Львовну и Марью Львовну я всегда помню.

Очень мне противно, что затеял такую длинную возню с собою на старости лет. Но дело было неизбежное, как надеюсь все рассказать Вам в Ясной.

Относительно Эсперанто я поручил дело Майкову⁶. Он нашел его возможным и *твердо обещал* сделать.

¹Мультановский Помпей Яковлевич — хирург, консультант в Николаевском военном госпитале.

²А. М. Кузминский.

³Письмо (№ 455) С. А. Толстой с припиской Толстого от 25 мая 1895 г.

⁴См. прим. 2 к Письму 455.

⁵Ухтомский Эспер Эсперович (1861–1921), князь — публицист, поэт, с 1896 г. редактор-арендатор официальных «С.-Петербургских ведомостей».

⁶Поэт Аполлон Николаевич Майков (1821–1897) был председателем Комитета иностранной цензуры.

457. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

13 июня 1895 г. Ясная Поляна.

Вчера получил ваше письмо, дорогой Николай Николаевич, и очень огорчился и тем, что ничего не знал о том, что происходит с вами, что вы не сочли нужным известить меня, нас об этом, т. е. о важном происходящем с вами событии: болезни и операции. Мне хотелось бы, чтобы вы знали, что вы не одиноки, что мы, я всей душой сочувствуем тому, что происходит с вами: горю, радости (этого мало у вас), опасностям, котор[ым] вы подвергаетесь. Огорчен же был, главное, тем, что много пострадали и, может быть, теперь еще страдаете. Выздоровливайте поскорее и приезжайте к нам; с удес-теренным желанием видеть вас вообще, видеть вас у себя и, если возможно, содействовать восстановлению ваших сил ждем вас к 1-му июля. Тяжелый нынче год, много больных. Я тоже не переставая хвораю разными болезнями: и своей желчной — второй сильнейший припадок был третьего дня — и инфлуэнцей, и мочевым каналом. Вообще расслаб, и чувствую, что всё ближе и ближе подвигаюсь к последнему далекому-близкому путешествию, что не мешает мне, однако, заниматься всё тем же своим делом в светлые, сильные минуты. Как вы в этом отношении? Меня очень заинтересовали ваши слова о том, что вам многое мне хотелось рассказать. Ваша внутренняя жизнь всегда меня очень интересует и представляется мне значительной очень, несмотря на внешнее ее однообразие. Нынче приехал к нам на один день Сережа с своей невестой¹. Они, кажется, очень любят друг друга, но мне всегда страшно за любимых людей, когда они женятся, вроде того как страшно за родильницу, только в этом случае больше несчастных, чем счастливых родов. Я знаю, что вы часто тоскуете от своего одиночества, вероятно теперь более, чем когда-нибудь. Не тоскуйте, а цените свою свободу, кот[орую] вы не чувствуете, как здоровый — здоровье.

Прощайте пока, до свиданья, если Бог велит. Обнимаю вас и очень люблю.

Л. Толстой

13 июня 1895.

Прочтите в «Рус[ской] Мысли», май, статью о математике, мне очень понравилась². Желал бы знать ваше мнение. Статья Вл[ади-мира] Соловьева о нравствен[ности], напротив, очень не понравилась мне³. В нем нет бессознат[ельной] внутренней оригинальности.

¹С. Л. Толстой и М. К. Рачинская.

²«Математика, как наука, и ее школьные суррогаты» — статья московского педагога Всеволода Петровича Шереметьевского (1850–1919).

³Статья В. С. Соловьева «Религиозное начало нравственности», напечатанная в «Книжках Недели» (1895, № 4).

458. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

16 июня 1895 г. Санкт-Петербург.

Ничего я так не желал бы в настоящую минуту, бесценный Лев Николаевич, как получить две-три строчки от Вас, чтобы знать, что с Вами и с Софьей Андреевной. Все так неверно и шатко в нашей жизни! Лидия Ивановна¹ навестила меня и горько жаловалась, что у нее умер отчим во время ее отъезда. Отпуская своих знакомых (много разъехалось), я часто думал: что-то с ними будет?

Между тем у меня все идет хорошо. 10-го были сняты все швы, 14-го мне позволили говорить, и заговорил я как косноязычный, — однако все меня понимают и с каждым днем дело идет лучше. Силы почти возвратились и дни через два-три я переберусь домой. Но до отъезда дело еще далеко. Мне так грустно, что я не мог приехать по Вашему зову. Мне кажется, я бы хоть отчасти оправдал те добрые чувства, с которыми звали меня Вы и Софья Андреевна.

Получили ли Вы мое предыдущее письмо, где я писал об операции? Теперь я припоминаю, что накануне моего переселения в больницу я вечером сидел с Розановым и читал ему отрывок из Ваших «Декабристов»². И мой надрост во рту мешал мне читать, производил боль при чтении. Необходимость операции была очевидная. Но скоро ли будет приведен в порядок мой рот, не знаю. От меня требуют вставления зубов. Решусь и на это, потому что, кажется, еще долго придется *влачить свое существование*.

А я желаю долгой жизни не себе, а Вам. Вы недавно могли видеть, что значит появление Вашего рассказа³. Настоящий праздник в Русской Литературе! Успех, какого до сих пор не имел у нас ни один писатель. И начали Вас судить так строго, как никого еще не судили. Забавные оценщики! Самая глупая статья, по-моему, — Козлова в «Вопросах»⁴. Ведь как тупы люди! Наверное самые простые читатели поняли *ужас* Вас[илия] Андреича, а присяжные критики и философы и перед этим ужасом останавливаются, как корова перед новыми воротами. Что касается до смерти, то, очевидно, никакого представления о ней не может образоваться в этих головах, как будто они пятилетние ребята.

Сейчас получил записку от Лидии Ивановны, в которой она говорит: «У Толстых все благополучно и Льву Н-чу тоже лучше». Боже

мой! Значит лихорадка, о которой писала Софья Андреевна, до сих пор продолжалась, и Вы еще в Москве? Так и быть, пошлю это письмо в Москву.

Дай Бог Вам здоровья! Мой усердный поклон и душевная благодарность Софье Андреевне. Татьяну Львовну и Марью Львовну всегда помню и всегда желаю им всякого благополучия.

Простите Вашего неизменно преданного и искренно любящего

Н. Страхова.

1895 16 июня Спб.

Николаевский Военный Госпиталь

¹Л. И. Веселитская.

²Отрывки неоконченных «Декабристов» появились впервые в сборнике «XXV лет» (1884, издан к 25-летию Литературного фонда), а потом входили в собрания сочинений Толстого.

³«Хозяин и работник».

⁴Статья Алексея Александровича Козлова (1831–1901) «Анализ последнего произведения гр. Л. Н. Толстого «Хозяин и работник» — «Вопросы философии и психологии» (1895, № 28), где критик оспаривал художественную ценность рассказа, поскольку в нем преобладает моральная тенденция.

459. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

17 июня 1895 г. Санкт-Петербург.

Только что я отослал вчера письмо к Вам, бесценный Лев Николаевич, надписавши его *в Москву*, как получил Ваше милое и доброе письмо¹. Вы меня жалеете, но я уверен, что во время Ваших припадков желчной болезни Вы страдаете больше, чем я за все это время. Можно сказать, что во время операции и первые два-три дня я был в очень хорошем настроении духа. Меня занимала и возбуждала самая важность дела, которое надо мною делали. Словом, я показал то мужество, какое у меня есть, т. е. не мужество действия, а мужество терпения. Потом были дурные минуты слабости и раздражения, но скоро прошли.

Вы спрашиваете о моей «внутренней жизни». Вы человек истинно любопытный и участливый. Мне всегда трудно говорить о себе самом: не стоит! Например, весь этот год я считаю благополучным, потому что все больше и больше чувствую спокойствие и равнодушие к жизни. Покой души — верх счастья! И я его испытываю часто, и становлюсь добрее, и больше люблю чужую жизнь и всем, что хорошо в мире. Вы это все прекрасно знаете, и я знал в теории. Но я ловлю себя на том, не действует ли тут насыщенное самолюбие, которое в последнее время действительно все больше и больше насыщается. Тогда я делаю изворот, говоря себе, что обязан ценить себя как писателя, что то, что я высказывал, хорошо и чисто, и что я могу спокойно радоваться своему успеху. Писатель неизбежно самолюбив, но должен бороться против дурного, слепого самолюбия, и я борюсь.

Писать же мне хочется по-прежнему, и даже мысль кажется иногда свежее прежнего. Здесь в больнице я не удержался и написал несколько страниц своей статьи *о протяжениях*. С каким наслаждением!

Простите меня! Как я радуюсь свадьбе Сережи! У меня всегда была к нему слабость. Почему-то я уверен, что тут много значила Татьяна Львовна. Рачинскую я живо помню и ценю, хотя она со мной все помалчивала. «Математика — область чистой красоты» — ее слова.

Да, я счастлив, что как-то спасся от суетоки жизни. Но ведь я оттерпелся, отмолчался, отлежался... Не дай Боже никому тех пакостей, которые я перенес! Другие опасности, другие горести я

считаю лучше моих, даже не стоящих названия опасностей и горестей.

Простите меня, бесценный Лев Николаевич! Попаду ли к Вам к 1 июля, не знаю, но что попаду близко к этому сроку — наверное. И явлюсь я к Вам, пожалуй, таким молодцом, что ухаживать за мною вовсе не придется. Милая Марья Львовна! Очень меня тронула ее душевная приписка!² Софью Андреевну еще раз благодарю от всего сердца. Татьяне Львовне мой искреннейший поклон.

Ваш неизменно преданный и любящий
Н. Страхов

17 июня 1895. Спб.

¹Письмо 457 от 13 июня 1895 г.

²М. Л. Толстая писала:

«Дорогой Николай Николаевич,

Мне тоже хочется написать Вам хоть два слова, чтобы Вы знали, что я очень, очень чувствую Вас и сокрушаюсь о Вашей болезни. Мне написала о Вас третьего дня Лидия Ивановна, а до этих пор мы не знали ничего о Вашей болезни. Поправляйтесь скорее хоть на столько, чтобы добраться до Ясной Поляны, а здесь уже мы общими силами и общей любовью поправим и выходим Вас. А мы все ждали Вас и удивлялись, что Вы не едите и не пишете. Папа тоже все хворал эту весну, но последние дни начал уже ободряться и опять работать. Так до свиданья, многоуважаемый Николай Николаевич, дай Бог Вам всего хорошего и благополучного. Ждем Вас все с радостью увидеть Вас и с желанием, чем можем послужить Вам.

Преданная Вам
Мария Толстая

14 июнь 1895».

460. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

28 июня 1895 г. Санкт-Петербург.

Вот уж три дня, бесценный Лев Николаевич, как с меня сняли последнюю повязку и отпустили меня на все четыре стороны, наказавши не болтать слишком много и прополаскивать рот антисептическим легким раствором. Я стал деятельно собираться к Вам, но меня зацепляет то одно, то другое; сегодня зацепил дождь, который идет вторые сутки с утра до вечера. «Впредь лето похвалю, как осень уж настанет!» Может быть, начинается холодное время. А что я Вам привезу? Меня душою тянет в Ясную, а привезу я туда хилое существо, нуждающееся в заботах и ни к чему негодное. Вот уже заранее я готов обратиться к Софье Андреевне с просьбой поместить меня не в кабинете, а в каком-нибудь другом месте. Мне ужасно жалко кабинета: я так люблю его, и вид из него, и входы и выходы. Но в нем есть сырость, которую я всегда больше или меньше чувствовал. Простите меня за эту просьбу!

Достал я *май Русской мысли* и со вниманием прочел статью о математике¹. Очень умная и ученая и хорошо написанная статья. Конечно, автор прав, и удивительно, что в гимназиях не дают понятия о том, что такое дифференциал и интеграл, которые потому и остаются для всех какими-то странными пугалами. Много в статье умного и верного. Я тем больше заинтересовался, что много думал о математике и даже предполагал написать *Ключ к математике*, или *Тайна математики*. Автор говорит, что все дело в зависимости одних величин от других; я это же самое определяю иначе. Математика есть наука о *действиях* над величинами, да и самая величина, самое число и т. п. есть произведение некоторого действия, являются тогда, когда мы *измеряем, считаем* и т. п. *Функция* есть совокупность известных действий. Математики, как и большинство ученых, всё видят объективно, а нужно взять дело с субъективной стороны.

Ваше замечание о Вл. Соловьеве поразило меня. «Нет бессознательной внутренней оригинальности». Это правда! Накануне получения Вашего письма у меня в больнице сидел Розанов, и он стал говорить, что Соловьев человек бездарный, и в пояснение привел Писарева², который, по его мнению, есть очевиднейшая и полнейшая бездарность. Я не понял сперва Розанова и удивился; но он под бездарностью разумел именно отсутствие внутренней оригинальности, и

я его потом обрадовал, показавши ему Ваши слова о Соловьеве. С самого начала деятельности Соловьева, когда он так высоко подымался и так походил на нового гения, я замечал в нем странное отсутствие живого чувства. Его религиозность была отвлеченная, пустая; в религии он видел как будто одно «священное волшебство» — так о нем сказал Антоний, ректор московской Академии.

А Розанов — какое странное и жалкое существо! Он очень даровит — в том смысле, как он употребляет это слово; но он не может справиться с своим дарованием. Он пишет вдохновенно, но смутно и часто бестолково. Да и ни с чем он не умеет справиться; с женою, с дочерью-ребенком³, с знакомыми, со службою — везде он, добрый и умный, находит поводы к тяжелым, мучительным отношениям. Я все боюсь за него, как будто он в постоянной опасности. Он далеко не здоровый человек, и сам за собой, кажется, смотреть не может. А я-то когда-то воображал, что это — крепкий молодец, провинциальный учитель гимназии, привыкший к своей глухой жизни! Оказался — мухортник, очень милое и очень слабонервное существо.

Простите меня! Бог даст, приеду к Вам 3-го, или 4-го, в понедельник или во вторник⁴. Мне и хочется и жутко попасть на свадьбу Сережи, которая ведь близка!

Мое душевное почтение Софье Андреевне, Татьяне Львовне, Марье Львовне.

Ваш неизменно преданный и любящий

Н. Страхов

1895 28 июня Спб.

P.S. С дороги я буду телеграфировать. Я все еще чувствую себя слабым. Но кажется, эта слабость исчезнет, как только сяду в вагон.

¹См. прим. 2 к Письму 457 Толстого к Страхову от 13 июня 1895 г.

²Писарев Дмитрий Иванович (1840–1868) — публицист, литературный критик, с 1860-х гг. ведущий сотрудник журнала «Русское слово».

³Вероятно, речь идет о родившейся 22 февраля 1895 г. дочери В. В. Розанова Татьяне, крестным отцом которой был Страхов. Как известно, брак Розанова и В. Д. Бутягиной (урожд. Рудневой) считался незаконным, а их дети незаконнорожденными. В свидетельстве о крещении Татьяны Розановой указывалось, что отчество и фамилия — Татьяна Николаевна Николаева — «усваивается» ей по имени крестного отца, действительного статского советника, Николая Николаевича Страхова — см.: Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Студия «Тритэ» (М-ва, «Российский архив», 1991), Т. I, С. 258.

⁴Страхов приехал в Ясную Поляну 4 июля и пробыл до 9 августа.

Paris 17 rue de la Harpe 6e mai 1879.

Nikolais Demjanoff

26 rue de la Harpe 6e mai 1879. Comptable de la Banque d'Orléans.

Елена Толубова.

Михаил Толубов

Михаил Толубов

Madame Porcenneval 19 rue de la Harpe 1880

Madame de la Harpe 19 rue de la Harpe 1880

19 rue de la Harpe 19 rue de la Harpe 1880.

Madame de la Harpe 19 rue de la Harpe 1880.

21 rue de la Harpe 1880. 19 rue de la Harpe 1880.

St. d'Ennon d'Ennon

Николай Толубов 18⁹/_{III} 80.

Александр Толубов 18⁹/_{III} 80.

Михаил Толубов, родившийся в 1820 г.

Удостоверение Владислава Толубова 18⁹/_{III} 80.

1880 г. 18⁹/_{III} 80. 14 rue de la Harpe 1880.

J. Paul Majakke, Lyubé au Reichstag allemand et à la Chambre prussienne. Berlin.

St. d'Ennon d'Ennon

Михаил Толубов

Толубов

Павел Толубов, родившийся в 1820 г.

461. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

22 августа 1895 г. Киев.

Вот уже десятый день, как я в Киеве, и до сих пор не написал Вам, бесценный Лев Николаевич. Слишком много впечатлений, и, хотя *все благополучно*, но на этот раз мои впечатления меня и особенно радуют, и особенно печалят. Из Ясной Поляны, как из светлой точки, я передвинулся туда, где мало света и даже совершенно темно. Скучная, страшно медленно растущая жизнь. Каждый как будто пускает корни на своем месте и не думает ни о внешнем передвижении, ни о внутреннем движении вперед. Окружающий порядок обыкновенно считается несомненным и неизменным, как времена года, дождь и снег, солнце и луна. С утра до вечера заботы устремлены на то, чтобы поддержать свое положение, свою семью, свести концы с концами. Невежество часто жестокое, умственный уровень очень низкий, хотя везде история и география, музыка и французский язык. Но нет никакой почти привычки к книгам, к литературе, к науке. Нет, люди так тяжелы на подъем, так расположены к консерватизму, что нужны какие-нибудь исключительные причины, напр. большие бедствия, чтобы заставить их не хвататься за каждый случай, когда можно им остановиться в своем развитии.

Простите мне эти рассуждения, не хочется называть лиц, и мои общие соображения едва ли ясны.

Впрочем Белгород меня порадовал. Племянница, очень некрасивая, но большая умница и благородная душа, вышла замуж за очень красивого, умного и доброго человека, которого я просто полюбил за эти два дня. Случилось так, что как раз за час перед моим отъездом у них родился сын. Они не ожидали таких скорых родов, потребовали, чтобы я у них остановился. Муки продолжались только два часа. Я ушел заранее из дому и когда вернулся, мне показали *беленького* младенца (такого видел только на картинах Рождества). Все это так волновало меня и так обрадовал благополучный конец, что сказать не могу. Это их второй ребенок и будет называться Николай Николаич. Каюсь, я посоветовал из Петербурга моей племяннице идти замуж. Первый ребенок, девочка, моя крестница, не очень красива, но может быть будет так же привлекательна, как ее мать. Дети — большое счастье. Вы не видели детей Эрдели?¹ Удивительно милы, и сама она (носит третьего) точно плавает в каком-то покое

и удовлетворении. «Вот, их не было», — говорила она, — «откуда явились?»

Здесь, где я живу, четверо детей, и они ходят за Олей, как цыплята за курицей. Старший мальчик — в пятом классе гимназии, младший только что поступил. Старшая девочка, красавица, тоже в пятом, младшая во втором. Жизнь наполнена до края и племянница выходит из дому только на рынок. Моя белгородская племянница была волнующимся, тревожным существом; но с рождением дочки видимо успокоилась, и я тогда только стал получать от нее благодушные письма.

Смерть уже подходит близко, и потому невольно я вглядываюсь в новую жизнь, которая пробивается со всех сторон.

Слава Богу, здоров я совершенно, много ем и иногда тоскую о том, что ничего не делаю.

О Вашем *Воскресении* я часто думал и позволю себе маленькое суждение². Хотя шило из мешка всегда вылезает, но это, как у Вас всегда бывает, не помешает делу. Что меня истинно восхищает — это Ваша героиня. Кажется видишь ее живую и был знаком с нею. Суд также живой и будет тем поразительнее, чем больше ослабите комический оттенок. Ведь Вашему герою не до комизма, и следовательно впечатления комических черт — не его. А всего менее ясно то, что всего труднее и всего важнее — Ваш герой. В нем ведь должно совершиться возрождение, и картина этого возрождения должна действовать всего сильнее. Предмет самый любопытный. В том или другом виде это будет история Черткова, и если бы Вы уловили эту фигуру и ее внутреннюю жизнь — дело было бы удивительное. Но пока — лицо героя остается бледным и совершенно общим. Какой захват Вашего рассказа! Великодушные мечты молодости, домашний разврат, увлечение пустой жизнью, публичный разврат, суд, пробуждение совести и крутой поворот на новую жизнь — как важны все эти точки рассказа! А между тем он прост, как все, что Вы пишете. Простите меня, что я принялся рассуждать об этом. Я давно привык не давать большого весу своим суждениям, когда дело идет об Вас. Выйдет что-нибудь удивительное и подействует так, как и не ожидаешь. Дай Вам Боже здоровья и бодрости!

Усердно кланяюсь Татьяне Львовне и Марье Львовне (ее прижиганье наконец исцелило меня), Сергею Ивановичу³ и всем, кто обо мне вспомнит в Ясной Поляне. Если бы Вам пришло на мысль написать мне, то вот мой адрес после 25 авг.: *Таврич[еская] Губ[ерния]*, станция *Байдары*. Ольге Александровне Данилевской, с передачею Н. Н. С[трахову].

Простите Вашего душевно-преданного и неизменно-любящего

Н. Страхова.

1895 22 авг. Киев.

P.S. Сегодня Киев так великолепен своим небом, воздухом и красотой, что я не налюбуюсь, и с радостью подумал, что мне предстоит увидеть еще лучшее небо и солнце.

¹Мария Александровна, старшая дочь Кузминских (1869–1923?), с 1891 г. замужем за И. Е. Эрдели.

²Страхов был в числе слушателей, когда 6 и 7 августа «Воскресение» читалось в Ясной Поляне по рукописи семейным и гостям. 23 июля писал В. В. Розанову: «Л. Н. бодр и здоров и усердно пишет новую повесть. Меня это и радует и удивляет: в такой жар! Сам я не пишу и почти не думаю» — Розанов В. В. Литературные изгнанники. Т. 1 (СПб., 1913), С. 403.

³Танеев Сергей Иванович (1856–1915) — композитор и пианист, проводивший лето в Ясной Поляне.

462. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

16-20 сентября 1895 г. Крым.

16 сент. Мшатка

Не могу Вам выразить, бесценный Лев Николаевич, какое величие окружает меня. Море, сад, горы, и надо всем — блистательное небо и солнце, теплый прозрачный воздух, а ночью — луна. Да что говорить! Между тем я чувствую себя дурно. Природа так меня раздражает, что я, кажется, научусь ценить петербургские сумерки, в которых ничто не отвлекает от внутренней жизни. Ноги меня плохо носят, так что прогулки мне тяжелы и часто неприятны. Добрые и веселые люди, с которыми живу, меня мало занимают; невольно я вспоминаю каждую минуту Николая Яковлевича¹; в кабинете его я сижу и сплю, и за столом его пишу к Вам.

20 сент.

Завтра я еду отсюда. Меня уверяют, что я пополнел и посвежел и что даже говорю очень хорошо. Но все время я чувствовал себя тяжело — может быть от избытка света, как предполагает Ольга Александровна. И все я вспоминал Ваше прекрасное настроение в Ясной Поляне, и ставил себе в пример, и корил себя. Я тогда все любовался Вами, Вашей бодростью и благодушием. Не могу Вам выразить, как мне было приятно гостить у Вас, несмотря на грусть по Ваничке, которую напоминал мне каждый взгляд на Софью Андреевну. Мы с Вами перестали спорить, бесценный Лев Николаевич, но пожалуйста не думайте обо мне дурно; мне представляется много неизбежного, необходимого *зла*, но я никогда не принимаю его за *добро* только потому, что оно неизбежно. Всей душою я сочувствую Вам; я согласен с Вами больше, чем Вы иногда предполагаете.

Простите меня. Это письмо вероятно придет к Вам тогда, когда я буду проезжать через Тулу. Мне будет грустно вспомнить, что так близко Ясная Поляна. Но мне тяжело и отсюда отрываться. Если б Вы видели сегодняшнее море, и чудный день, и скалы, и луну! Я часто Вам завидовал: у Вас есть место — Ясная Поляна, откуда Вас никуда не тянет. А я душою живу иногда не там, где живу телом. Еще раз — простите

Вашего неизменно любящего
Н. Страхова.

20 сент. 1895 Мшатка

P.S. Мой душевный поклон и благодарность Софье Андреевне, Татьяне Львовне, Марье Львовне и всем, кто меня помнит. Деньги мне переслали из Киева, и я их, наконец, вчера получил.

¹Н. Я. Данилевский.

463. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

5 октября 1895 г. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич,

Как жаль, что вы не устроили так, чтобы вам можно было заехать к нам. Радуюсь очень тому, что, как Маша пишет, вы еще поправились¹. Посылаю вам письмо Попова, к[оторый] просит меня переслать его вам. Если вы вспомните то, что думали, и напишете ему, то сделаете доброе дело². Нас теперь очень занимали гонения на духовоборов. Вы, верно, слышали про это от Маши. Всё это очень радостно, как радостны страдания родов, приближающихся к концу.

Знаю, что вы не верите этому. Я же верю и знаю несомненно, что это так. И от этого мне хорошо жить и умирать. Писание мое³ ужасно усложнилось и надоело мне, — ничтожно, пошло, главное, противно писать для этой никуда ни на что не годной паразитной интеллигенции, от кот[орой] никогда ничего, кроме суеты, не было и не будет.

Был нездоров и потому прочел последн[ую] кн[игу] «Вопр[осов] Филос[офии]»⁴. Как всё учено, умно и как всё пусто.

Прощайте, целую Вас.

Любящий вас
Л. Толстой

А уж о журналах и говорить нечего, — там всё пусто и еще нахально и лживо.

Нынче приехал американец посетит[ель]⁵ и говорит, что Америка совершенно та же Россия, но только там нет мужика. Он этим хотел прельстить меня. А я подумал: я бы давно уже умер бы от тоски и отчаяния, если бы его — мужика — не было.

¹М. Л. Толстая в письме от 24 сентября рассказывала о встрече со Страховым, который проездом из Крыма в Петербург побывал в хамовническом доме.

²Е. И. Попов просил высказаться о его книге «Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина» (книга вышла, с предисловием Толстого, в 1895 г. в Берлине). См. Письмо 464.

³Роман «Воскресение».

⁴Сентябрьская книжка «Вопросов философии и психологии».

⁵Имя американца неизвестно. 6 октября Толстой записал в дневнике: «Был американец, разбогатевший рабочий — финляндец родом, социалист, коммунист. Очень невзрачный, но много рассказывал интересного, гораздо больше, чем утонченные американцы. Главное, что он рассказал мне, что в Соединенных Штатах из 60 миллионов работают руками только 6 миллионов, т. е. 10%, у нас же, я думаю, 50 или больше... Рабочий вопрос разрешается этим путем... Чувствую, что тут много нового и важного, но как это выразить, еще не знаю. Коли Бог велит, обдумаю» (ПСС, Т. 53, С. 59–60).

464. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому

9 октября 1895 г. Санкт-Петербург.

Да, я очень виноват, бесценный Лев Николаевич, перед Вами и перед собою. По-настоящему, мне следовало бы еще недели две пробыть в Крыму, потом заехать к Вам на день, на два и тогда уже ехать в Москву. Но, простите меня, четыре месяца почти полного бездействия истомили меня. Климат Южного Берега действовал на меня дурно в том смысле, что голова моя была тяжела и я не мог ничего писать. На моих глазах в последние дни там подверглась легкому припадку сумасшествия одна девица, и доктор говорил, что вообще для нервных людей Крым не годится. Бывало утром я открывал окно и видел перед собою блистательное море и не мог на него наглядеться. Между тем большой свет вредно действует на голову; я это чувствовал и решил, однако, что не буду закрываться от света. Есть, верно, и что-нибудь другое, и вообще я чувствовал себя не совсем по себе. Я и собрался уехать. Странно сказать, я теперь с удовольствием смотрю на здешнее туманное освещение, на бледные лучи здешнего солнца; мне приятно, что в них ничего раздражающего. Мне очень захотелось наконец попасть в свою старую колею, и в Москве я остановился только по надобности, для исполнения разных обещаний и переговоров и дел. Все это не важно, и я рад только одному, что уже в самый день отъезда в Петербург видел, наконец, Семенковича, владельца «авторских прав» Фета. Сделано все «для очищения совести».

Москвичи, и философы и профаны, были очень заняты чудом, случившимся с Доробцом (в *Моск[овских] Вedom[остях]*). Грот желает выпросить доклад об этом Кожевникова¹ для «Вопросов». Я сам слышал в Англ[ийском] клубе, как граф Келлер по этому случаю хвалился, что умеет в совершенстве заговаривать зубную боль; этот секрет ему передал умиравший знакомый и пр.

Вечное повторение одного и того же!

О Ваших занятиях духоборами я слышал от Марьи Львовны. То, что Вы мне пишете, привело меня в умиление, когда я думал и вспоминал о Вас, и в стыд, когда я стал думать о себе. Отчего никогда и ничему я не был так беззаветно предан, не был увлечен до забвения всего остального? А ведь только тогда силы человека действуют вполне, и сам он вполне удовлетворен, и другие ему покоряются и любят его!

Но, не бросайте *Воскресения*! Напишите его так, чтобы это было действительно *воскресение из мертвых*. Как много я думал об этом удивительном перевороте, и с какой жадностью я стал бы читать эту книгу!

Мне думалось, что успех *Хозяина и работника* разогреет Вас на это писанье. Ведь читали все и скольким слова Ваши запали в душу! Делянов² всегда заговаривает об Вас. На этот раз я был победоносен. Я говорил ему, что Вы все пишете. «Ну что он там пишет!» сказал он морщась. «Как что пишет? Как что пишет? Написал *Хозяина и раб[отника]*!» отвечал я довольно строго, и рассказал ему анекдот об отце Валентине и Марье Николаевне³. Замолк Иван Давыдыч и не возразил ни слова, видимо удивленный.

Дай Бог Вам здоровья, бесценный Лев Николаевич! А мне моя трехмесячная прогулка начинает, видимо, приносить плоды: чувствую себя бодрым; грудь и горло так свободны, как давно не бывало. Понял я наконец бодрящую прелесть холодного дождя и ветра, о которой Вы говорите, рассказывая о Левине⁴.

Мое душевное почтение Софье Андреевне, Татьяне Львовне и Марье Львовне.

Сегодня был у меня Сергей Иванович: его опера идет на следующей неделе, и он ждет сюда и Софью Андреевну и Татьяну Львовну. Вот будет праздник! Жду большого успеха для оперы⁵.

Попову отвечаю вместе с этим письмом. Книга о Дрожжине может быть бесконечно трогательна, если ее написать как следует. Я даю ему советы, как поставить точки на *i*. Больше ведь ничего не нужно⁶.

Простите

Вашего всей душой любящего и неизменного

Н. Страхова.

1895 9 окт. Спб.

¹Кожевников Владимир Александрович (1852–1917) — философ, последователь Н. Ф. Федорова.

²И. Д. Делянов — см. прим. 6 к Письму 440 Страхова к Толстому от 17 декабря 1894 г.

³Мария Николаевна (1830–1912), сестра Толстого, в ту пору монахиня Шамординского монастыря, духовная дочь отца Валентина Александровича Амфитеатрова (ок. 1830–1908). В письме 31 марта 1895 г. Толстой назвал Валентина «очень умным священником» (ПСС, Т. 68, С. 79).

⁴В романе «Анна Каренина».

⁵В Петербург по случаю первого представления оперы С. И. Танеева «Орестей» ездили Софья Андреевна, Татьяна Львовна и Михаил Львович Толстые.

Е. И. Попову 9 октября 1895 г. Страхов написал: «...Припоминая Вашу рукопись о Дрожжине, попробую вспомнить и тогдашние мои мысли. Мне вовсе не хотелось прочитать какого-нибудь изложения прежнего и нового направления, которым предавался Д[рожжин], а хотелось только видеть, *кто, как и чем* изменил его мысли. Это пункт самый важный и интересный, и я не нашел у Вас почти никаких подробностей. Если у Вас их нет, то на нет и суда нет; но Вам следует сказать несколько слов в том смысле, что «*вот важная эпоха в жизни Д[рожжина]*», но, к сожалению, у нас нет писем, рассказов и т[ому] п[одобного] о том, как совершился этот перелом». Затем само собою будет видно, каков Д[рожжин] был прежде, и каков стал потом. Общей характеристики двух направлений вовсе не нужно — это было бы отступление в сторону. Да эти направления в общих чертах всем известны; возьмите хоть мою статью *Толки об Л. Н. Толстом*. Но непременно нужно сказать, что «*вот с этой минуты Д[рожжин] стал мыслить и действовать иначе и не изменял своих убеждений до конца жизни*». Одним словом, чтобы видно было, что Вы сознаете неполноту своего рассказа и даете читателям все, что можете, и что вы знаете, что именно даете. Книга Ваша будет очень интересна и трогательна, если Вы вообще будете упирать на главные точки и опустите все лишнее и безразличное. Но, разумеется, лучше дать больше, чем слишком мало. Вот все, что могу сказать Вам по памяти об Вашей рукописи. Извините, если мои советы так маловажны. От всей души желаю, чтобы работа Ваша спорилась, и чтобы она имела успех...» (ОР ГМТ).

Указания Страхова Е. И. Попов учел при втором издании книги «Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина», выпущенном В. Г. Чертковым в Англии в 1898 г.

465. Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому
25-26 декабря 1895 г. Санкт-Петербург.

25 дек. 1895. Спб.

Давно не писал Вам, бесценный Лев Николаевич, и причина тому одна: все время я нахожусь в дурном настроении духа, и мне стыдно было в этом признаться. Причин ведь никаких: легкие и желудок действуют преисправно, и никогда я не проводил зимы так спокойно в этом отношении. Но я готов жаловаться на свое здоровье и просить болезни, чтобы не томиться в своем равнодушии и холодности. Книжки меня не занимают как прежде, а писать я не могу. Статью, которую я начал в госпитале и обдумывал в Ясной Поляне, я отложил. Затеял новую на Южном Берегу — и опять оставил. Думал написать большое предисловие к 3-й книжке *Борьбы* (Вы ее получили?)¹ и ничего не написал. Наконец выбрал самую легкую тему для *Вопросов философии*, — и не могу никак справиться. Все выходит неясно, неточно, — и слова складываются с величайшим трудом.

«Скажите мне», спрашивал меня до сих пор бурлящий и брызжущий Стасов, «правда ли, что наш Лев стал теперь добродушным ласковым старичком? Не хочу верить, это было бы так грустно!» Вы, конечно, знаете, что Стасов, этот добрейший человек, воображает себя свирепым и думает, что вообще свирепость — большая добродетель. Не помню, что я ему отвечал, но я вывел из его слов поучение, я подумал, что мне следует быть добродушным ласковым старичком, а не тоскливым сухим себялюбцем. И кажется, тоска меня учит; я больше чувствую позывов к доброте — я в ней иногда спасаюсь от своего малодушия.

Нужно вообще сказать, что Петербург теперь скучает до обморока. Какое удивительное зрелище! Россию колебали (или казалось, что колебали) с разных сторон беспокойные люди; она шаталась немножко, но потом вдруг упала и установилась на своем прежнем основании. Воцарилась неподвижность, духота, и воскресли все прежние дикие мысли и чувства. Что пишут! Иногда не хочется верить глазам, напр. фельетон в №24 дек. *Русского слова*. Мы всё еще идем в сторону фанатизма, раболепства, мрака и молчания, и когда кончится этот поворот, далеко ли мы уйдем, одному Богу известно. Недавно попало мне заглавие немецкого учебника для

и русская литература. Если у нас есть по-
ка, и не ограничиваясь, и не ставя себе границ
и не ограничиваясь, и не ставя себе границ
и не ограничиваясь, и не ставя себе границ
и не ограничиваясь, и не ставя себе границ
и не ограничиваясь, и не ставя себе границ
и не ограничиваясь, и не ставя себе границ
и не ограничиваясь, и не ставя себе границ

Но и в то же время, если бы мы могли
В. Соловьев не только в своем отношении к
архиву-книголюбца в Давиде Вилье. Вроде
Но Вилье не все неограничен, только не
какие-то предположения о возможности его, не
допускает, однако, Соловьев не только
его в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время

Мой соратник, мой соратник, мой соратник
Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время

Простите, простите, простите, простите
Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время

26 дек.
1895
Соб.

Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время
Вилье не только в то же время, и не только в то же время

Н. Стрелков

менонитских школ. Эта книга одобрена Ученым Комитетом, в котором я сижу. Вот, подумал я, для менонитов все можно, а для духовборцев — одно гонение и клевета.

Вы, Лев Николаевич, не знаете этого ужасного духа, или, по крайней мере, не знаете во всем его ужасе, во всей его силе. А я всегда его знал, всегда чувствовал, и потому боялся его затрогивать, оставлял в стороне. Деспотизм у нас в крови и стоит человеку почувствовать у себя власть или убеждение, он станет все ломать и готов на всякое насилие. Суворин, шутя и подсмеиваясь, припомнил, по случаю тверских дворян, что когда-то можно было жаловаться царю на воевод²; но это было давно, теперь мы стали так деликатны и чутки, что нас раздражает подобная дерзость. Недавно Буренин³ написал, что Флексер⁴, как жид, не имеет права и способностей судить о русской литературе. Вот уж куда пошло! А в прошлом мне особенно грустно и поучительно вспоминать о последнем фазисе Достоевского. Его патриотизм и церковный фанатизм доходили до болезненной щекотливости.

Но я заболтался. Вот Вам новости: Вл[адимир] Соловьев написал о самодержавии и о грехах католичества в декабре *Вестн[ика] Европы*. Но *Вестник* не все напечатал, было какое-то продолжение о самодержавии, не допущенное редакцией. Соловьев читал его в большом обществе у княгини Л. Г. Волконской и был осыпан восторженными похвалами. Положительно уверяют, что отношение к католичеству изменилось.

Мой сорокалетний юбилей, который выдумал Б. В. Никольский⁵, ознаменовался пока статьею Шперка⁶ (15 дек. Нов[ое] Вр[емя]) и несколькими письмами ко мне. Из них очень хотелось бы мне сообщить Вам письмо Антония Храповицкого⁷ (нынче ректор Казанской Академии); он называет меня «христианином и старцем», но больше ничего не говорит о вере — должно быть, понимает. Хочу ответить ему.

Простите меня, бесценный Лев Николаевич. После записочки Татьяны Львовны, мы тут ничего об Вас не знаем. Все ли у Вас хорошо? Каково здоровье и состояние Софьи Андреевны? А знаете ли, кто *мы*? Во-первых я, во-вторых Веселитская, и только в-третьих Стасов.

От всей души неизменно Вам преданный

Н. Страхов

26 дек. 1895 Спб.

P.S. Есть одно дело, которое я все откладываю уже целый год. Некто *Берман* (еврей) составил маленький сборник *мыслей* из Ваших сочинений. Не очень хорошо, но и не совсем плохо. Позвольте ли издать его?⁸ По моему суждению, сборничек никак не повредит,

а может лишь помочь сбыту сочинений. Все хотел я просить Софью Андреевну, и все не приходилось, все жалко было утруждать ее. И теперь, очень прошу извинить меня.

¹«Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. 3» (СПб., Типография братьев Пантелеевых, 1896) сохранилась в Яснополянской библиотеке с дарственной надписью «Бесценному Льву Николаевичу Толстому от Н. Страхова».

²Фельетон А. С. Суворина в «Новом времени», где упоминались события января 1895 г. — вступления на престол Николая II: земские деятели Тверской и других губерний обратились к молодому царю с петицией, выражая готовность принять участие во внутреннем управлении Россией. Император назвал это желание «бессмысленными мечтаниями». Страхов, конечно, не знал о начатой Толстым в мае этого года статье «Бессмысленные мечтания».

³Буренин Виктор Петрович (1841–1926) — фельетонист «Нового времени».

⁴Флексер Хаим Лейбович (1861–1926) — ведущий критик журнала «Северный вестник», писал под псевдонимом А. Волынский (см. прим. 1 к Письму 420 Страхова к Толстому от 12 сентября 1893 г.).

⁵Никольский Борис Владимирович — автор первой биографии Страхова; вышла в Петербурге в 1896 г.

⁶Шперк Федор Эдуардович (1872–1897) — автор нескольких философских брошюр, сотрудничал в «Новом времени».

⁷Антоний (в миру: Храповицкий Алексей Павлович) (1864–1934) — будущий митрополит Киевский и Галицкий (1917). Как церковный писатель polemизировал с Толстым.

⁸Такая книга в печати не появилась.

466. Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову¹

Середина января 1896 г. Москва.

Дорогой Николай Николаевич.

Благодарю вас за вашу книжку², еще более благодарю вас за ваше доброе письмо. Я виноват, что не писал вам, пожалуйста, простите меня. Очень уж время идет скоро и очень уж много отношений, так что ничего не успеваешь. А жить хорошо, и жизнь полна, и предстоящего дела в сотни лет не переделаешь, главное в себе; хоть бы сделаться вполне тем, что Стасов считает столь постыдным — добрым.

Письмо это передадут два молодые человека: студенты Русанов — сын моего друга³, и Щеголев⁴, его товарищ. Оба они вполне чистые, нравственные, не пьющие, не курящие, не знающие женщин и очень способные молодые люди. Они совершенно одиноки в Петербурге, и если они хоть раз в год побывают у вас, послушают вас, узнают вас, то это им будет полезно. Если же вы их случайно — я разумею, если они встретят у вас кого, — познакомите с какой-нибудь скромной семьей, то это для них было бы очень хорошо. Рекомендовать я их смело могу во всякую хорошую семью⁵. Вы, верно, увидите Черткова, и он вам расскажет про нас. Мы живем по-прежнему: многое нехорошо, т. е. тяжело мне, но я привыкаю и живу в своей работе, кот[орая] всё больше и больше манит меня. Может быть, вы увидите приехавшего с Чертк[овым] в Петербург англичанина Kenworthy⁶, про к[оторого] я вам говорил, и кое-что его вы читали. Он очень серьезный, религиозный человек, и я бы очень желал, чтобы вы с ним познакомились.

На днях я, чтобы поверить свое суждение о Шекспире, смотрел Кор[оля] Лира и Гамлета⁷, и если во мне было хоть какое-нибудь сомнение в справедливости моего отвращения к Ш[експиру], то сомнение это совсем исчезло. Какое грубое, безнравственное, пошлое и бессмысленное произведение — Гамлет. Всё основано на языческой мести, цель одна — собрать как можно больше эффектов, нет ни складу, ни ладу. Автор так был занят эффектами, что не позаботился даже о том, чтобы придать главному лицу какой-нибудь характер, и все решили, что это гениальное изображение бесхарактерного человека. Никогда я с такой очевидностью не понимал всю беспомощность в суждениях толпы, и как она может себя обманывать. Книгу

вашу не перечел еще, как я делаю обыкновенно: когда прочту, напишу вам.

Прощайте пока, обнимаю вас. Я недели три и больше был болен инфлуэнцей и теперь только поправился.

Ваш Л. Толстой

¹*На конверте:*

У Торгового моста д. Стерлигова,
Николаю Николаевичу Страхову.

²См. прим. 1 к Письму 465 Страхова к Толстому от 25–26 декабря 1895 г.

³Русанов Борис Гаврилович (р. 1876) — сын друга Толстого Гавриила Андреевича Русанова (1845–1907).

⁴Шеголев Павел Елисеевич (1877–1931), впоследствии историк литературы, исследователь Пушкина.

⁵Н. Н. Страхов умер 24 января 1896 г. Студенты пришли за несколько дней перед тем, но ни поговорить, ни передать письма не смогли. 11 февраля они известили об этом Толстого. Он уже знал о смерти Страхова. В дневнике 26 января — запись: «Я жив, но не живу. Страхов. Нынче узнал об его смерти» (ПСС, Т. 53, С. 78).

⁶Кенворти Джон (John Coleman Kenworthy) — английский пастор и лектор, основатель Братского издательского товарищества, печатавшего сочинения Толстого, запрещенные в России. В конце декабря 1895 г. приезжал в Москву и несколько раз посетил Толстого.

⁷В московском театре «Эрмитаж» с участием итальянского трагика Эрнесто Росси (Ernesto Rossi) (1827–1896).

И-33. Л. Н. Толстой, Москва (1892)
L. N. Tolstoy, Moscow (1892)
Фото: Шерер, Набгольц и К°

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ

ТОМ I

1870

1. Л. Н. Толстой, 19 марта	1
2. Н. Н. Страхов, 18 ноября	6
3. Л. Н. Толстой, 25 ноября	9

1871

4. Н. Н. Страхов, 12 сентября	10
5. Л. Н. Толстой, 13 сентября	14

1872

6. Л. Н. Толстой, 16...17 января	17
7. Л. Н. Толстой, 3 марта	19
8. Н. Н. Страхов, 10–11 марта	22
9. Л. Н. Толстой, 22, 25 марта	26
10. Л. Н. Толстой, 28 марта	28
11. Л. Н. Толстой, 8 апреля	29
12. Л. Н. Толстой, 14...15 апреля	30
13. Л. Н. Толстой, 19 мая	31
14. Л. Н. Толстой, 27 мая	33
15. Л. Н. Толстой, 5...6 июня	35
16. Л. Н. Толстой, 14 июня	37
17. Л. Н. Толстой, 19...20 июня	38
18. Л. Н. Толстой, 1...2 июля	43
19. Л. Н. Толстой, 8 июля	46

(1872)

20. Л. Н. Толстой, 10 июля	48
21. Л. Н. Толстой, 29...30 июля	49
22. Л. Н. Толстой, 6...7 августа	50
23. Л. Н. Толстой, 10-12? августа	52
24. Л. Н. Толстой, 15...20? августа	54
25. Л. Н. Толстой, 22...25? августа	56
26. Л. Н. Толстой, 28 августа	57
27. Л. Н. Толстой, 15 сентября	58
28. Л. Н. Толстой, 23 сентября	60
29. Л. Н. Толстой, 29 сентября	62
30. Л. Н. Толстой, 30 сентября	64
31. Л. Н. Толстой, 1 октября	65
32. Л. Н. Толстой, 9...10 октября	67
33. Л. Н. Толстой, 15? октября	68
34. Л. Н. Толстой, середина октября	71
35. Л. Н. Толстой, 16...17 октября	72
36. Л. Н. Толстой, 20...21 октября	73
37. Л. Н. Толстой, 22...23 октября	75
38. Л. Н. Толстой, 26...27 октября	77
39. Л. Н. Толстой, 30 октября	79
40. Л. Н. Толстой, 30 октября	80
41. Л. Н. Толстой, октябрь	81
42. Н. Н. Страхов, 4 декабря	82
43. Л. Н. Толстой, 14 декабря	85
44. Л. Н. Толстой, 12 ноября, 17 декабря	86

1873

45. Н. Н. Страхов, 8 января	92
46. Л. Н. Толстой, 1? марта	96
47. Н. Н. Страхов, 15 марта	97
48. Л. Н. Толстой, 25 марта	101
49. Л. Н. Толстой, 6...7 апреля	104
50. Н. Н. Страхов, 15 апреля	106
51. Л. Н. Толстой, 11 мая	110
52. Н. Н. Страхов, 17 мая	112
53. Л. Н. Толстой, 31 мая	116
54. Л. Н. Толстой, 22 июня	118
55. Л. Н. Толстой, 24 августа	122
56. Л. Н. Толстой, 3...4 сентября	123
57. Н. Н. Страхов, после 3-4 сентября	125
58. Л. Н. Толстой, 23...24 сентября	129
59. Л. Н. Толстой, 17 ноября	132
60. Н. Н. Страхов, 26 ноября	134
61. Л. Н. Толстой, 29...30 ноября	141
62. Н. Н. Страхов, 7 декабря	143
63. Л. Н. Толстой, 12...13 декабря	146
64. Л. Н. Толстой, 16...17 декабря	149

1874

65. Л. Н. Толстой, 13 февраля	151
66. Н. Н. Страхов, 22 февраля	153
67. Л. Н. Толстой, 6 марта	157
68. Л. Н. Толстой, 18...19 апреля	159
69. Н. Н. Страхов, до 10 мая	160

70. Л. Н. Толстой, 10 мая	164
71. Л. Н. Толстой, 20 мая	166
72. Л. Н. Толстой, 25 мая...начало июня	167
73. Л. Н. Толстой, 19...20 июня	168
74. Н. Н. Страхов, 20 июня	169
75. Н. Н. Страхов, 23 июля	171
76. Л. Н. Толстой, 27 июля	174
77. Л. Н. Толстой, 30 августа	176
78. Л. Н. Толстой, 10 сентября	178
79. Н. Н. Страхов, 22 сентября	179
80. Л. Н. Толстой, 25...26 сентября	182
81. Л. Н. Толстой, 3...4 ноября	183
82. Н. Н. Страхов, 8 ноября	185
83. Л. Н. Толстой, 23 декабря	188

1875

84. Н. Н. Страхов, 1 января	189
85. Н. Н. Страхов, 13 февраля	193
86. Л. Н. Толстой, 16 февраля	196
87. Л. Н. Толстой, 23...24 февраля	198
88. Л. Н. Толстой, 5...6 марта	200
89. Н. Н. Страхов, 21 марта	202
90. Л. Н. Толстой, 30...31 марта	205
91. Н. Н. Страхов, 22 апреля / 4 мая	207
92. Л. Н. Толстой, 5 мая	211
93. Л. Н. Толстой, 5 июня	212
94. Л. Н. Толстой, 24...25 июля	213
95. Л. Н. Толстой, 25 августа	215

96. Л. Н. Толстой, 6...7 сентября	218
97. Н. Н. Страхов, конец сентября–начало октября	219
98. Л. Н. Толстой, 26? октября	221
99. Н. Н. Страхов, 4 ноября	223
100. Л. Н. Толстой, 8...9 ноября	226
101. Н. Н. Страхов, 16, 23 ноября	227
102. Л. Н. Толстой, 30 ноября	230
103. Н. Н. Страхов, 25 декабря	240

1876

104. Л. Н. Толстой, 1...2 января	243
105. Л. Н. Толстой, 24...25 января	246
106. Н. Н. Страхов, 5 февраля	247
107. Л. Н. Толстой, 14...15 февраля	250
108. Н. Н. Страхов, 5 марта	252
109. Л. Н. Толстой, 8...9 марта	254
110. Н. Н. Страхов, 20 марта	255
111. Н. Н. Страхов, 8 апреля	256
112. Л. Н. Толстой, 8...9 апреля	259
113. Л. Н. Толстой, 14? апреля	261
113а Н. Н. Страхов, после 14 апреля	263
114. Н. Н. Страхов, вторая половина апреля	264
115. Л. Н. Толстой, 23 и 26 апреля	267
116. Н. Н. Страхов, 8 мая	270
117. Л. Н. Толстой, 17...18 мая	272
118. Л. Н. Толстой, 7...8 июня	274
119. Л. Н. Толстой, 22...23 июня	275
120. Л. Н. Толстой, 31 июля	276

121. Н. Н. Страхов, 12 сентября	278
122. Л. Н. Толстой, 26...27 сентября	282
123. Н. Н. Страхов, 12 октября	283
124. Н. Н. Страхов, 4 ноября	287
125. Н. Н. Страхов, 9 ноября	289
126. Л. Н. Толстой, 12...13 ноября	291
127. Л. Н. Толстой, 17...18 ноября	293
128. Н. Н. Страхов, 28 ноября	295
129. Л. Н. Толстой, 5...6 декабря	297

1877

130. Н. Н. Страхов, 3 января	298
131. Л. Н. Толстой, 11...12 января	301
132. Н. Н. Страхов, 16 января	303
133. Л. Н. Толстой, 25...26 января	306
134. Н. Н. Страхов, 29 января	307
135. Л. Н. Толстой, 3...4 февраля	309
136. Н. Н. Страхов, начало февраля	311
137. Н. Н. Страхов, 8 февраля	313
138. Н. Н. Страхов, 1 марта	316
139. Л. Н. Толстой, 5...6 марта	318
140. Н. Н. Страхов, 10 марта	319
141. Н. Н. Страхов, 16 марта	321
142. Л. Н. Толстой, 23...24 марта	323
143. Н. Н. Страхов, 4...5 апреля	324
144. Л. Н. Толстой, 4-5 апреля	327
145. Н. Н. Страхов, 21 апреля	328
146. Л. Н. Толстой, 21...22 апреля	331

(1877)

147. Н. Н. Страхов, 7 мая	332
148. Н. Н. Страхов, 18 мая	335
149. Л. Н. Толстой, 21...22 мая	337
150. Н. Н. Страхов, 26 мая	339
151. Л. Н. Толстой, 28...29 мая	341
152. Л. Н. Толстой, 2 июня	342
153. Л. Н. Толстой, 10 июля	343
154. Н. Н. Страхов, 6 августа	345
155. Л. Н. Толстой, 10...11 августа	348
156. Н. Н. Страхов, 11 августа	351
157. Л. Н. Толстой, 15...16 августа	353
158. Н. Н. Страхов, 16–17 августа	355
159. Н. Н. Страхов, 25 августа	359
160. Л. Н. Толстой, 1...2 сентября	361
161. Н. Н. Страхов, 8 сентября	363
162. Л. Н. Толстой, 22...23 сентября	366
163. Н. Н. Страхов, 17 октября	368
164. Л. Н. Толстой, 18–19 октября	371
165. Л. Н. Толстой, 6 ноября	374
166. Н. Н. Страхов, 11 ноября	376
167. Л. Н. Толстой, 11...12 ноября	378
168. Л. Н. Толстой, 26...27 ноября	379
169. Л. Н. Толстой, 10 декабря	381
170. Н. Н. Страхов, 12 декабря	382
171. Л. Н. Толстой, 17...18 декабря	385
172. Н. Н. Страхов, 24–27 декабря	387

1878

173. Л. Н. Толстой, 3 января	389
174. Н. Н. Страхов, 20 января	392
175. Л. Н. Толстой, 27? января	398
176. Н. Н. Страхов, 3 февраля	402
177. Л. Н. Толстой, 7 февраля	405
178. Н. Н. Страхов, 11 февраля	407
179. Л. Н. Толстой, 28 февраля–1 марта	408
180. Н. Н. Страхов, 2 марта	409
181. Л. Н. Толстой, 14 марта	412
182. Н. Н. Страхов, 15 марта	414
183. Л. Н. Толстой, 16 марта	417
184. Н. Н. Страхов, 28 марта	419
185. Н. Н. Страхов, 2 апреля	421
186. Л. Н. Толстой, 8 апреля	423
187. Н. Н. Страхов, 9 апреля	425
188. Н. Н. Страхов, 11 апреля	428
189. Л. Н. Толстой, 17...18 апреля	429
190. Н. Н. Страхов, 25 апреля	432
191. Л. Н. Толстой, 5...6 мая	434
192. Н. Н. Страхов, 14 мая	436
193. Л. Н. Толстой, 23–24 мая	439
194. Н. Н. Страхов, до 29 мая	441
195. Л. Н. Толстой, 29 мая	446
196. Н. Н. Страхов, 3 июня	450
197. Л. Н. Толстой, 8...9 июня	453
198. Н. Н. Страхов, 30 июня–21 августа	454

199. Н. Н. Страхов, 29 августа	457
200. Л. Н. Толстой, 5 сентября	461
201. Н. Н. Страхов, 14 сентября	463
202. Н. Н. Страхов, 28 сентября	466
203. Н. Н. Страхов, 10–11 октября	469
204. Н. Н. Страхов, 24 октября	471
205. Л. Н. Толстой, 27 октября	475
206. Л. Н. Толстой, 9...10 ноября	476
207. Н. Н. Страхов, 21 ноября	478
208. Л. Н. Толстой, 22...23 ноября	480
209. Л. Н. Толстой, 27...28 ноября	482
210. Н. Н. Страхов, 2 декабря	485
211. Н. Н. Страхов, 20 декабря	487

ТОМ II

1879

212. Н. Н. Страхов, 6 января	489
213. Л. Н. Толстой, 18...19 января	492
214. Н. Н. Страхов, 23 января	494
215. Н. Н. Страхов, начало февраля	496
216. Л. Н. Толстой, 13...14 февраля	498
217. Н. Н. Страхов, 15 февраля	499
218. Л. Н. Толстой, 28 февраля...1 марта	501
219. Н. Н. Страхов, 11 марта	502
220. Н. Н. Страхов, 20 марта	505
221. Л. Н. Толстой, 25 марта	506
222. Н. Н. Страхов, 11 апреля	507

223. Л. Н. Толстой, 16...17 апреля	510
224. Н. Н. Страхов, 17 апреля	511
225. Н. Н. Страхов, 30 апреля	513
226. Л. Н. Толстой, 1...2 мая	514
227. Н. Н. Страхов, начало мая	516
228. Л. Н. Толстой, 19...20 мая	518
229. Н. Н. Страхов, 30 мая	519
230. Л. Н. Толстой, 4-5 июня	522
231. Н. Н. Страхов, 13 июня	523
232. Н. Н. Страхов, 21 июля	524
233. Л. Н. Толстой, 27 июля	526
234. Н. Н. Страхов, 28 июля	527
235. Н. Н. Страхов, 2 августа	529
236. Н. Н. Страхов, 14 сентября	530
237. Л. Н. Толстой, 4 октября	534
238. Н. Н. Страхов, 16 октября	535
239. Н. Н. Страхов, 23 октября	538
240. Л. Н. Толстой, 1...2 ноября	540
241. Н. Н. Страхов, 17 ноября	541
242. Л. Н. Толстой, 19...22 ноября	545
243. Л. Н. Толстой, 22...23 ноября	547
244. Н. Н. Страхов, 1 декабря	548
245. Л. Н. Толстой, 11...12 декабря	550

1880

246. Н. Н. Страхов, 8 января	552
247. Л. Н. Толстой, 16...17 января	555
248. Л. Н. Толстой, 3...4 февраля	556

249. Н. Н. Страхов, 14 февраля	557
250. Л. Н. Толстой, 1...2 марта	558
251. Н. Н. Страхов, 9 марта	559
252. Л. Н. и С. А. Толстые, 24...25 марта	561
253. Н. Н. Страхов, 25 марта	564
254. Н. Н. Страхов, 16 апреля	566
255. С. А. и Л. Н. Толстые, 18 апреля	568
256. Л. Н. Толстой, 4 мая	570
257. Н. Н. Страхов, 8 мая	571
258. Н. Н. Страхов, 30 июня	574
259. Л. Н. Толстой, 9...10 августа	576
260. Л. Н. Толстой, 1 сентября	577
261. Л. Н. Толстой, 25...26 сентября	578
262. Н. Н. Страхов, 2 ноября	579
263. Л. Н. Толстой, 15...16 ноября	583
264. Н. Н. Страхов, вторая половина ноября	584
265. Л. Н. Толстой, 29...30 ноября	586
266. Н. Н. Страхов, 25 декабря	587
267. Л. Н. Толстой, 29...30 декабря	589

1881

268. Н. Н. Страхов, 3 февраля	591
269. Л. Н. Толстой, 5-7 февраля	593
270. Н. Н. Страхов, 6 марта	594
271. Л. Н. и С. А. Толстые, 16...17 марта	596
272. Л. Н. Толстой, 2...3 апреля	598
273. Н. Н. Страхов, 7 апреля	599
274. Л. Н. Толстой, 4...5 мая	602

275. Н. Н. Страхов, 4 мая	603
276. Н. Н. Страхов, 25 мая	606
277. Л. Н. Толстой, 27...28 мая	609
278. Л. Н. Толстой, 1...5? июня	611
279. Н. Н. Страхов, 12-13 июня	613
280. Л. Н. Толстой, 11...12 июля	615
281. Н. Н. Страхов, 22 июля	616
282. Н. Н. Страхов, 19 октября	617
283. Л. Н. Толстой, 24...25 ноября	620
284. Н. Н. Страхов, 26 ноября	622
285. Н. Н. Страхов, 29 ноября	624

1882

286. Н. Н. Страхов, 6 февраля	626
287. Л. Н. Толстой, 13...14 марта	629
288. Н. Н. Страхов, 31 марта	631
289. Л. Н. Толстой, 2...3 апреля	634
290. Н. Н. Страхов, 21 апреля	635
291. Л. Н. Толстой, 9...10 июня	637
292. Н. Н. Страхов, 2 сентября	638
293. Л. Н. Толстой, 11 октября	639
294. С. А. и Л. Н. Толстые, 24 ноября	640

1883

295. Н. Н. Страхов, 5 июня	642
296. Н. Н. Страхов, 6 июля	644
297. Л. Н. Толстой, 18...19 июля	645
298. Н. Н. Страхов, 16 августа	646

299. Л. Н. Толстой, 1...2 сентября	649
300. Н. Н. Страхов, 16 сентября	650
301. Н. Н. Страхов, 28 ноября	652
302. Л. Н. Толстой, 6 декабря	655
303. Н. Н. Страхов, 12 декабря	660

1884

304. Л. Н. Толстой, 3? января	663
305. Н. Н. Страхов, 18 марта	664
306. Л. Н. Толстой, 27 марта	667
307. Н. Н. Страхов, 28 апреля	668
308. Н. Н. Страхов, 20 июня	670
309. Н. Н. Страхов, 1 ноября	673
310. Л. Н. Толстой, 27 ноября	676
311. Л. Н. Толстой, 1883...1884? гг.	677

1885

312. Л. Н. Толстой, 30...31 марта	678
313. Н. Н. Страхов, 12 апреля	681
314. Л. Н. Толстой, 15...16 апреля	683
315. Н. Н. Страхов, 2...4 июня	684
316. Н. Н. Страхов, начало июля	686
317. Л. Н. Толстой, 4...5 июля	689
318. Н. Н. Страхов, 28 июля	690
319. Н. Н. Страхов, 26 октября	693
320. Л. Н. Толстой, начало декабря	697
321. Н. Н. Страхов, 8 декабря	700

1886

322. Н. Н. Страхов, 22 февраля	703
323. Н. Н. Страхов, 6 марта	705
324. Н. Н. Страхов, 13 июня	706
325. Л. Н. и С. А. Толстые, 21 июня	709
326. Н. Н. Страхов, 21 июля	710
327. Н. Н. Страхов, 22 августа	712
328. Н. Н. Страхов, 23 сентября	714
329. Л. Н. Толстой, 18...19 октября	716
330. Н. Н. Страхов, 2 ноября	718
331. Л. Н. Толстой, 13...14 ноября	721
332. Н. Н. Страхов, 11 декабря	724

1887

333. Н. Н. Страхов, 27 января	726
334. Н. Н. Страхов, февраль	729
335. Л. Н. Толстой, 25...26 февраля	731
336. Л. Н. Толстой, 2...3 марта	732
337. Н. Н. Страхов, 12 марта	733
338. Н. Н. Страхов, 14 апреля	735
339. Н. Н. Страхов, 25 апреля	736
340. Л. Н. и С. А. Толстые, 19 мая	740
341. Н. Н. Страхов, 20 мая	742
342. Н. Н. Страхов, 4 июня	745
343. Н. Н. Страхов, 27 июля	747
344. Н. Н. Страхов, 20 августа	750
345. Н. Н. Страхов, 13 сентября	751
346. Л. Н. Толстой, 15...16 октября	753

347. Н. Н. Страхов, октябрь–ноябрь	756
348. Н. Н. Страхов, 5 ноября	759
349. Л. Н. Толстой, 9...10 ноября	762
350. Н. Н. Страхов, 16 ноября	765

1888

351. Л. Н. Толстой, 23...24 января	767
352. Н. Н. Страхов, 5 февраля	768
353. Л. Н. Толстой, 26 марта	771
354. Н. Н. Страхов, 6 апреля	772
355. Н. Н. Страхов, июнь	775
356. Л. Н. Толстой, 27...28 июня	777
357. Н. Н. Страхов, 17 июля	778
358. Н. Н. Страхов, 13 сентября	781

1889

359. Н. Н. Страхов, 13 апреля	784
360. Л. Н. Толстой, 21 апреля	788
361. Н. Н. Страхов, 18 мая	789
362. Л. Н. Толстой, 28 мая	791
363. Н. Н. Страхов, 21 июня	792
364. Н. Н. Страхов, 24 июля	794
365. Л. Н. Толстой, 6 августа	796
366. Н. Н. Страхов, 13 августа	797
367. Н. Н. Страхов, 31 августа	802
368. Л. Н. Толстой, 12 сентября	804
369. Н. Н. Страхов, 16 сентября	805
370. Н. Н. Страхов, 27 сентября	807

371. Н. Н. Страхов, 6 ноября 809
372. Л. Н. Толстой, 17 ноября 812

1890

373. Н. Н. Страхов, 24 апреля 813
374. Л. Н. Толстой, 17...18 мая 816
375. Н. Н. Страхов, 21 мая 819
376. Н. Н. Страхов, 24 июля 823
377. Л. Н. Толстой, 3...4 августа 826
378. Н. Н. Страхов, 22 августа 827
379. Л. Н. Толстой, 3 сентября 833
380. Н. Н. Страхов, 20 сентября 835
381. Н. Н. Страхов, 15 октября 838
382. Л. Н. Толстой, 18 октября 841
383. Л. Н. Толстой, 27...28 октября 843
384. Л. Н. Толстой, 3 декабря 845
385. Н. Н. Страхов, 3 декабря 846

1891

386. Н. Н. Страхов, 2 января 849
387. Л. Н. Толстой, 7 января 852
388. Л. Н. Толстой, 25 января 854
389. Л. Н. Толстой, 6 февраля 855
390. Л. Н. Толстой, 17 февраля 857
391. Н. Н. Страхов, 21 февраля 859
392. Л. Н. Толстой, 25 марта 861
393. Н. Н. Страхов, 5 апреля 863
394. Л. Н. Толстой, 7 апреля 865

395. Н. Н. Страхов, 14 июня	866
396. Л. Н. Толстой, 6 июля	869
397. Л. Н. Толстой, 12 июля	871
398. Н. Н. Страхов, 13 июля	872
399. Н. Н. Страхов, 5 сентября	874
400. Н. Н. Страхов, 17 сентября	876
401. Н. Н. Страхов, 19 октября	880
402. Л. Н. Толстой, 5 ноября	882
403. Н. Н. Страхов, 10 ноября	883
404. Л. Н. Толстой, 18...19 ноября	887
405. Н. Н. Страхов, 24 ноября	889
406. Л. Н. Толстой, 11 декабря	892
407. Н. Н. Страхов, 17 декабря	894
408. Н. Н. Страхов, 19 декабря	897

1892

409. Н. Н. Страхов, 18 апреля	898
410. Л. Н. Толстой, 24 апреля	901
411. Н. Н. Страхов, 8 мая	903
412. Н. Н. Страхов, 24 августа	909
413. Л. Н. Толстой, 3 сентября	913

1893

414. Л. Н. Толстой, 25 февраля	914
415. Н. Н. Страхов, 4 марта	915
416. Н. Н. Страхов, 29 июня	918
417. Л. Н. Толстой, 13 июля	923
418. Н. Н. Страхов, 1/13 августа	925

419. Н. Н. Страхов, 3/15 августа	926
420. Н. Н. Страхов, 12 сентября	929
421. Л. Н. Толстой, 25 сентября	931
422. Н. Н. Страхов, 30 сентября	932
423. Н. Н. Страхов, 29 октября	933
424. Л. Н. Толстой, 3 ноября	937
425. Н. Н. Страхов, 8 ноября	940

1894

426. Н. Н. Страхов, 13 января	941
427. Л. Н. Толстой, 30 января	944
428. Н. Н. Страхов, 15 марта	945
429. Л. Н. Толстой, 16 марта	946
430. Н. Н. Страхов, 20 марта	947
431. Л. Н. и С. А. Толстые, 25 марта	951
432. Н. Н. Страхов, 27 мая	953
433. Л. Н. Толстой, 4...6 июня	956
434. Н. Н. Страхов, 18 августа	957
435. Л. Н. Толстой, 23 августа	960
436. Н. Н. Страхов, начало октября	962
437. Н. Н. Страхов, 14 октября	965
438. Л. Н. Толстой, 21 октября	968
439. Н. Н. Страхов, 29 октября	969
440. Н. Н. Страхов, 17 декабря	972
441. Н. Н. Страхов, конец декабря	974

1895

442. Л. Н. Толстой, 14 января	976
443. Н. Н. Страхов, 25 января	977
444. Л. Н. Толстой, 27...28 января	978
445. Н. Н. Страхов, 29 января	979
446. Н. Н. Страхов, 3 февраля	980
447. Л. Н. Толстой, 14 февраля	984
448. Н. Н. Страхов, 21 февраля	986
449. Н. Н. Страхов, 2 марта	988
450. Л. Н. Толстой, 8 марта	989
451. Н. Н. Страхов, 27 марта	990
452. Л. Н. Толстой, 26 апреля	992
453. Н. Н. Страхов, 2 мая	994
454. Л. Н. Толстой, 5 мая	998
455. С. А. и Л. Н. Толстые, 25 мая	1000
456. Н. Н. Страхов, 27 мая–6 июня	1002
457. Л. Н. Толстой, 13 июня	1004
458. Н. Н. Страхов, 16 июня	1006
459. Н. Н. Страхов, 17 июня	1008
460. Н. Н. Страхов, 28 июня	1010
461. Н. Н. Страхов, 22 августа	1013
462. Н. Н. Страхов, 16–20 сентября	1016
463. Л. Н. Толстой, 5 октября	1018
464. Н. Н. Страхов, 9 октября	1020
465. Н. Н. Страхов, 25–26 декабря	1023

1896

466. Л. Н. Толстой, середина января	1028

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО

Зам. Данное название не обязательно находится на каждой странице, замененной тире.

- «Азбука» I: xiii, xxxiv, xxxv, xxxvii, 17, 19, 24, 27, 31-48, 50-85, 89, 90, 94, 96, 102-104, 108, 109, 116-118, 122-124, 133, 134, 170, 179-183, 186, 191 198, 200, 202, 212, 220, 246, 248, 266, 311, 312-316, 321, 364, 442, 471, 484 II: 566, 571, 579, 660, 666, 710
- «Альберт» I: 483
- «Анна Каренина» I: xiii, xvi, xvii, xxii, xxxv-xxvii, xxxv, xxxviii, xxxix, 5, 101, 103, 110, 112, 116, 122, 126, 134, 139, 147-153, 157-164, 167-199, 202-211, 215-220, 226, 227, 241, 244, 246, 250-253, 258-260, 264-273, 276, 278, 287, 291, 295-307, 311-326, 329-346, 349-359, 362-373, 376, 387-396, 404, 434-438, 472, 478, 484 II: 531, 532, 535, 549, 559, 691, 760, 1021
- «Бессмысленные мечтания» II: 1027
- «Бог правду видит, да не скоро скажет» I: 17, 18, 36, 54, 59
- «Божеское и человеческое» II: 533
- «В чем моя вера?» I: 649, 655, 659-664, 668-670, 688-692, 711, 765, 766
- «Великий грех» II: 679
- «Власть тьмы, или Коготок увяз — всей птичке пропасть» I: xli II: 721-734, 737, 739, 769, 770, 773, 807, 903, 907
- «Война и мир» I: xvii, xx-xxv, xxxi, xxxv, xxxvii, 7-11, 14-17, 59, 65, 98, 102, 103, 111-129, 137, 138, 165, 171, 189, 203, 209, 259, 265, 268, 287, 290, 304, 471, 478, 497 II: 606, 619, 648, 747, 766, 926
- «Вопросы истории» I: xxxix
- «Воскресение» I: 338 II: 862, 1001, 1014, 1015, 1018-1021
- «Где любовь, там и Бог» II: 687, 690, 692
- «Грамматика для сельских школ» I: 164, 165, 188
- «Два брата и золото» II: 687
- «Два гусара» I: 483
- «Два старика» II: 536, 687, 690, 692, 701
- «Декабристы» I: 349, 406, 412, 413, 470, 492, 493 II: 1006, 1007
- «Детство» I: 103, 168, 279, 471, 483 II: 618, 619, 776
- «Для чего люди одурманиваются?» II: 975
- «Единственное возможное решение земельного вопроса» II: 679
- «Заключение к последнему отчету о помощи голодающим» II: 923, 924
- «Из воспоминаний о переписи» II: 694, 696
- «Искания истинной веры» II: 547
- «Исповедь» I: xxxv, xlvii II: 547, 688, 689, 929
- «Исследование догматического богословия» II: 556, 558, 926
- «К молодым людям» II: 767
- «Кавказский пленник» I: 27-30, 44, 45, 78, 205, 411, 472
- «Казак» I: 103, 469, 483
- «Календарь с пословицами на 1887 год» II: 725
- «Корней Васильев» II: 536
- «Краткое изложение Евангелия» I: xlvii II: 615, 626, 627, 650, 651
- «Крейцера соната» II: 754, 755, 802-814, 830, 832, 838, 840, 846, 851, 864, 926, 947, 949, 980

- «Круг чтения» II: 637, 755
- «Люцерн» I: xxiv, 483
- «Моя жизнь» II: 540
- «На каждый день» I: 5 II: 755
- «Набег» I: 483 II: 714, 715
- «Неделание» II: 923, 924, 929, 934
- «Новая азбука» I: xxxv, 66, 188, 196, 197, 200, 201, 212, 246 II: 550, 551, 566, 568
- «Новый суд в его приложении» I: 60, 61
- «О будущей жизни вне времени и пространства» I: 230, 239
- «О Гоголе» II: 767
- «О голоде» II: 889, 891, 899, 900
- «О душе и жизни ее вне известной и понятной нам жизни» I: 250–252, 256–260
- «О жизни» II: 737, 740, 741, 745, 752–756, 759–767, 775, 776
- «О значении христианской религии» I: 216, 230, 239
- «О народном образовании» I: xxxvii, 164–168, 176–178, 183–187, 191, 200, 203, 204, 218, 241, 246, 248
- «О науке и искусстве» II: 861, 862
- «О разуме и религии» II: 998, 999
- «О спиритизме» (замысел статьи) I: 243, 244
- «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая» II: 899, 900
- «О царствовании императора Александра II» I: 349
- «Об искусстве» II: 791
- «Об отношениях между полами» II: 841–844
- «Отец Сергей» II: 862, 1001
- «Отрочество» I: 279, 483 II: 776
- «Отчет об употреблении пожертвованных денег с 1 января 1893 г.» II: 934, 935
- «Охота пуще неволи» I: 24, 56
- «Педагогические статьи» I: 160, 180, 181
- «Первая ступень» II: 876, 878, 903, 907
- «Письмо к Георгу фон Гижицкому» II: 937, 939
- «Письмо к крестьянину о земле» II: 679
- «Письмо к М. А. Энгельгардту» II: 693, 695
- «Плоды просвещения» II: 814, 815
- «Поликушка» I: 483
- «Послесловие к «Крейцеровой сонате» II: 864
- «Правила для педагогических курсов» I: 184
- «Предисловие к сочинению Т.М. Бондарева «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца» II: 767, 768
- «Предисловие к сочинениям Гюи де Мопасана» II: 958, 959, 965
- «Путь жизни» II: 637, 755
- «Религия и нравственность» II: 963, 964
- Роман из времени Петра I I: 8, 20, 64, 96, 108, 110, 191
- Роман из эпохи XVIII века I: 302, 349, 518
- «Роман русского помещика» I: 483
- «Рубка леса» I: 483
- «Русские книги для чтения» I: 66, 180, 186, 312, 314, 484 II: 550, 551, 710
- «Свечка, или как добрый мужик пересилил злого приказчика» I: 690–692
- «Севастополь в августе 1855 г.» I: 483
- «Севастополь в декабре» I: 471, 483
- «Севастополь в мае» I: 483
- «Севастопольские рассказы» II: 776
- «Семейное счастье» I: 290, 294, 483

«Сказка об Иване-дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане, и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и трех чертенятах» I: xl II: 693–695

«Славянские книги для чтения» I: 66

«Смерть Ивана Ильича» II: 707, 708, 814, 846, 980, 983

«Собеседники» I: 389, 390

«Соединение и перевод четырех Евангелий» II: 561, 568, 577, 589, 614, 615, 670, 898–901, 907

«Страшный вопрос» II: 883, 885

«Так что же нам делать?» I: 5 II: 678, 679, 686–689, 771

«Три смерти» I: 471, 483

«Три старца» II: 536, 782, 783

«Труждающиеся и обремененные» I: 493 II: 501, 506

«Упустишь огонь — не потушишь» II: 687, 690, 692

«Утро помещика» I: 483

«Учение двенадцати апостолов» II: 686, 687

«Франсуаза» I: 5

«Хозяин и работник» I: xxxv, xlii, xliii II: 976–987, 995–997, 1006, 1007, 1021

«Христианское учение» II: 968

«Христианство и патриотизм» II: 937, 939

«Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание» II: 788, 795, 834, 852, 853, 913–917, 920, 923–927, 934, 948, 949, 993

«Церковь и государство» II: 550

«Чем люди живы» I: xxii II: 536, 620, 626, 627, 687, 690, 814

«Что можно и чего нельзя делать христианину» II: 550

«Юность» I: 483 II: 776, 915

«Ясная Поляна», журнал, издававшийся Толстым в 1862–63 гг. I: 53, 160, 162, 169–170, 181, 308

INDEX OF TRANSLATED TITLES OF TOLSTOY'S WORKS

N.B. A given name will not necessarily occur on every page replaced by a dash.

See Cyrillic index for occurrences in the letters and annotations.

Anna Karenina [*Anna Karenina*/Анна Каренина] I: xiii, xvi, xvii, xxii, xxv–xxvii, xxxv, xxxviii, xxxix

Confession, A [*Ispoved'* / Исповедь] I: xxxv, xlvi

Gospel in brief, The [*Kratkoe izlozhenie Evangelija*/Краткое изложение Евангелия] I: xlv

Issues of history [*Voprosy istorii* / Вопросы истории] I: xxxix

Lucerne [*Ljutsern* / Люцерн] I: xxiv

Master and man [*Khozjain i rabotnik* / Хозяин и работник] I: xxxv, xlii, xliii

New primer, A [*Novaja azbuka* / Новая азбука] I: xxxv

On public education [*O narodnom obrazovanii* / О народном образовании] I: xxxvii

Power of darkness, The [*Vlast' t'my* / Власть тьмы] I: xli

Primer, A [*Azbuka* / Азбука] I: xiii, xxxiv, xxxv, xxxvii

Story-legend about Ivan the Fool..., The [*Skazka ob Ivane-durake...* / Сказка об Иване-дураке...] I: xl

War and peace [*Vojna i mir* / Война и мир] I: xvii, xx–xxv, xxxi, xxxv, xxxvii

What people live by [*Chem ljudi zhivy* / Чем люди живы] I: xxii

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Зам. Данная фамилия не обязательно находится на каждой странице, замененной тире.
 Звездочкой (*) обозначены имена, которые встречаются во вступительной статье на англ. яз. — см. далее латинский указатель (нач. на стр. 1074).

- А**
 Абаза А.А. II: 533
 Абамелик-Лазарев С.С. I: 488
 Абдул-Азиз (султан) I: 370
 Абросимова В.Н. II: 900
 Аввакум Петрович I: 417, 418, 443
 Аверкиев Д.В. (Averkiev D.V.)* I: 94, 95, 153, 155, 198, 199, 220, 223, 467, 468
 Аверкиева С.В. II: 539
 Аверроэс (в ориг.: Ибн Рушд) II: 564, 565
 Авраам (библ.) I: 399
 Аврелий М. — см. Марк Аврелий
 Авсеенко В.Г. I: 22, 24, 36, 160, 162, 227, 229, 247, 248, 265, 266, 289, 290, 293, 295 311, 312
 Агеев П. — см. Парфений
 Аксаков А.Н. I: 191, 278, 279
 Аксаков И.С. (Aksakov I.S.)* I: 457, 460 II: 560, 600-602, 609, 614, 646, 647, 668, 686, 688, 692, 701, 703, 736, 782, 783
 Аксаков К.С. II: 783
 Аксаков Н.П. II: 919, 921
 Аксаков С.Т. II: 782, 783
 Аксакова (ур. Тютчева) А.Ф. (Aksakova A.F.)* I: 460 II: 782, 783
 Александр I (имп.) II: 520
 Александр II (имп.) I: 325, 326, 349, 368, 369, 416, 422 II: 496, 500, 511, 533, 548, 549, 560, 595, 597, 601, 609, 661, 662, 850, 927, 928, 975
 Александр III (имп.) II: 496, 560, 596-600, 603, 604, 614, 630, 728, 738, 863, 864, 867, 897, 968-973
 Александра Иосифовна (вел. кн.) II: 509
 Александров А.А. II: 762, 763, 958, 959
 Александров Н.А. I: 19, 20, 21
 Алексеев В.И. I: 389, 390, 412 II: 585, 588, 593, 600, 601, 607, 616, 641
 Алексеев П.С. II: 974, 975
 Алексей Михайлович (царь) I: 443
 Алексей о. (Лавров-Платонов А.Ф.) II: 534
 Алеша (крестьянский мальчик) I: 82
 Альфьери В. (Alfieri V.) I: 325
 Амвросий о. (Гренков А.М.) I: 355-358, 377, 394
 Амвросий о. (Ключарев А.И.) II: 850, 851
 Амели (Amelie) (знакомая А.А. Фета) II: 646
 Амфитеатров В.А. — см. Валентин о.
 Ангел Силезский (наст. фам.: Шеффлер И. [Scheffler J.]) II: 756, 758
 Аничков Н.М. II: 872-874
 Анненков Г.С. (Ю.С.) II: 789, 790
 Анненков П.В. I: 102, 106, 108, 215, 216
 Анненкова (жена Э. де Вогюз) II: 675
 Антокольский М.М. I: 208-210 II: 741
 Антоний о. (Храповицкий А.П.) II: 876, 878, 1011, 1026, 1027
 Антоний св. (St-Antoine) I: 248, 249
 Антонович М.А. II: 520, 536, 537, 606, 607
 Антропов Л.Н. I: 278, 280
 Анфантен Б. (Enfantin B.) II: 781, 783
 Апухтин А.Н. I: 25, 149
 Арбузов С.П. I: 97, 99, 348, 349 II: 615
 Аристов В. I: 155, 443

Аристотель II: 954

Арнольд Г. (Arnold G.) II: 794-799,
828, 833, 834

Арочка — *см.* Голохвастова В.П.

Арриан II: 548, 638

Аруэ Ф. (Arouet F.) — *см.* Вольтер

Архангельская Т.Н. II: 504

Астафьев П.Е. II: 836, 837, 916,
917

Афанасьев М. II: 884, 885

Б

Баадер Ф. фон (Baader F. von)

II: 756, 758

Бабаев Э.Г. I: 242, 336, 364

II: 776

Бабилов П. I: 245

Базар С. (Bazard S.) II: 781, 783

Бабунов А.Ф. I: 98, 100

Бакон Ф. — *см.* Бэкон Ф.

Бакунин М.А. II: 743, 744

Бакунин П.А. II: 731, 742-745,
789

Бакунины (семья) II: 744

Баллу А. (Ballou A.) II: 822

Бальзак О. (Balzac H. de) I: 319,
320

Баранов П.И. II: 513

Баранова А.И. — *см.* Суворина А.И.

Барсов Е.В. II: 530, 532

Барсуков Н.П. II: 499, 500

Барт А. (Barth A.) II: 712

Бартенев П.И. I: 105, 444

Бассевич Г.Ф. I: 444, 445

Батюшков Ф.Д. II: 950

Батюшкова К.Н. II: 973

Бахметьева С.А. — *см.* Толстая С.А.

Бахметьева С.П. — *см.* Хитрово С.П.

Бедекер К. (Baedeker K.) I: 208, 210

Безобразов В.П. I: 98, 100, 326

Безобразова С.П. I: 326

Бекетов А.Н. II: 855, 856

Бекон Ф. — *см.* Бэкон Ф.

Белинский В.Г. (Belinskij V.G.)*

II: 755

Белов С.В. II: 520

Белоголовый Н.А. I: 334

Белодубровский Е.Б. II: 520

Беляев А.М. I: 169, 170, 179, 180

Беляев А.П. I: 415, 434

Берг Ф.Н. I: 223, 224, 473, 474

II: 765, 810, 811, 831

Бергень А. (Bergaigne A.) II: 712

Берман Л. II: 1026

Бернар К. (Bernard C.) II: 984-987

Бернс Э. (Burns E.) II: 842

Берс А.Е. I: 484-486 II: 497

Берс В.А. II: 526, 588

Берс Л.А. II: 505, 526, 538, 539,
572, 573, 586, 588, 622, 623,
721, 723

Берс П.А. I: 60, 61, 73, 74, 77-79,
97-105, 108, 109, 116, 118,
198-203, 212 II: 492-495,
548, 549

Берс Софья А. — *см.* Толстая С.А.

Берс Степан А. I: 56, 124, 201,
304, 305, 348, 349, 353, 356,
362, 389, 390, 398, 403, 404,
411, 417, 418, 441, 450-453,
459, 460

Берс Т.А. — *см.* Кузминская Т.А.

Берхгольц Ф.В. I: 444

Бессонов П.А. I: 39, 42

Бестужев А.Ф. I: 418

Бестужев М.А. I: 417, 418

Бестужевы (семья) I: 418

Бестужев-Рюмин К.Н. I: 450
II: 508, 509, 536, 537, 582, 830

Бетховен Л. фон (Beethoven L. von)
II: 838

Безр Н.А. — *см.* Ржевская Н.А.

Бибилов А.Н. I: 173

Бил С. (Beal S.) II: 716, 717

Бирюков П.И. (Birjukov P.I.)*
II: 600, 725, 790, 907, 908, 935,
941, 942

Бисмарк О. фон (Bismarck O. von)
I: 333, 334, 349

Бистром Р.Г. II: 514, 515

Благосветлов Г.Е. I: 3 II: 606,
608

Блудов Д.Н. II: 881

Боборыкин П.Д. (Boborykin P.D.)*
I: 153, 155, 172, 278, 280

II: 530, 532, 626, 627

Богданов М.В. I: 363, 365

Богданович М.И. II: 494-496

- Боголюбов (Емельянов) А.С.
I: 421, 422
- Богомолец А.А. II: 764
- Богомолец А.М. II: 763, 764, 841, 842, 845, 847, 850
- Богомолец (ур. Присекая) С.Н.
II: 763, 764, 841, 842
- Бокль Г. (Buckle H.) II: 564, 565
- Болдырев — *см.* Бондарев Т.М.
- Болотов А.Т. I: 443, 445
- Бондарев Т.М. II: 703, 704, 767
- Борисов П.И. II: 720
- Боссюэ Ж. (Bossuet J.) II: 867, 868
- Боткин В.П. I: 302
- Боткин М.П. I: 302
- Боткин С.П. I: 301–308 II: 490, 499, 500, 738
- Боткина М.П. — *см.* Фет-Шеншина М.П.
- Брежская А.Л. II: 497
- Бровкович А.И. — *см.* Никанор о.
- Бруно Дж. (Bruno G.) II: 678–681
- Брюллов А.П. I: 300
- Бувье де ла Мотт Гион Ж. — *см.* Гион Ж.
- Бугаев К.Н. II: 504
- Будда (Гаутаме С.) II: 698, 699, 711–713, 716, 717, 773, 774, 915
- Буланже П. (Boulanger P.) II: 637
- Буланова О.К. I: 448
- Булгаков М.П. — *см.* Макарий о. (Булгаков)
- Бульвер-Литтон Э. (Bulwer-Litton E.)
I: 160, 162, 360
- Бунаков Н.Ф. I: 179, 181, 186
II: 781
- Бунге Г. фон (Bunge G. von)
II: 804, 805
- Буняковский В.Я. I: 89–91, 167, 284
- Буренин В.П. (*псевд.*: "Z", "Тор")
I: 36, 312, 314, 330 II: 536, 710, 711, 889, 1026, 1027
- Бурийон А. (Bourignon A.)
II: 828, 832
- Бурмистров А.С. I: 99
- Бурсов Б. — *см.* Bursov B.
- Буслаев Ф.И. I: 39, 42
- Бутаевич-Петрашевский М.В. I: 7
- Бутлеров А.М. I: 24, 25, 191, 243, 245, 313 II: 693–699, 712, 713
- Бутлерова (ур. Глумилина) Н.М.
I: 279, 280
- Бутягина (ур. Руднева) В.Д. II: 1011
- Бычков А.Ф. I: 271, 368, 419, 420, 464, 479 II: 494, 496
- Бьёрнсон Б. (Björnson B.) II: 876, 878, 886
- Бэкон Р. (Bacon R.) II: 866, 868
- Бэкон Ф. (Bacon F.) I: 139, 244, 245, 248, 330 II: 694, 696
- Бэн А. (Bain A.) I: 247, 248
- Бэр К. фон (Baer K. von) I: 140
- Бюрнуф Эжен (Burnouf Eugène)
I: 239, 382 II: 711
- Бюрнуф Эмиль (Burnouf Émile)
I: 237, 239, 379, 382–385
- Бюхнер Л. (Büchner L.) I: 241, 242
- В**
- Вагнер Н.П. I: 191, 243, 245, 313
II: 738
- Вагнер Р. (Wagner R.)* I: 192
II: 670, 671, 787, 919, 933, 935
- Вакульская А.И. — *см.* Валуева А.И.
- Валентин о. (Амфитеатров В.А.)
II: 1021
- Валуев П.А. I: 332, 334 II: 773
- Валуева А.И. I: 334
- Валуева М.П. I: 332, 334
- Вальбор Г. (Valbort G.) I: 350
- Ваничка — *см.* Толстой Ив.Л.
- Васильев А.А. II: 940
- Васильев А.В. II: 919, 921
- Васильева А.В. — *см.* Ганзен А.В.
- Вашро Э. (Vacherot É.) II: 779, 780
- Введенский А.И. II: 820, 821
- Вебер Г. (Weber G.) II: 753, 755
- Вебер Х.Ф. I: 443, 445
- Вейнберг П.И. II: 507, 508
- Венгеров С.А. I: 312 II: 626, 627
- Вергилий М. (Vergilius M.) II: 750
- Верн Ж. (Verne J.) I: 132, 133
- Вернадский В.И. I: 437
- Вернадский И.В. I: 436, 437, 442

- Веселитская-Божидарович Л.И. (Veselitskaja-Bozhidarovich L.I.)* (*псевд.*: Микулич В.) II: 930, 948, 950, 953, 983, 992-995, 1006-1009, 1026
- Веселовский А.И. II: 504
- Веселовский К.С. I: 158
- Вестерлунд Д. (Westerlund D.) II: 924
- Вестерлунд Э. (Westerlund E.) II: 924
- Викторов П.П. II: 650, 651
- Викторова Ф.А. (Зинаида Николаевна) I: 185, 187
- Виллерс У. (Willers U.) II: 573
- Вилло Г. (Willot G.) II: 924
- Вио Л. (Viaud L.) — *см.* Лоти П.
- Висковатов П.А. II: 652, 654
- Витте С.Ю. II: 894, 895
- Виттенберг С.Я. II: 533
- Владимир Александрович (вел. кн.) I: 415
- Владиславлев М.И. I: 396 II: 820, 821
- Владиславлева М.М. — *см.* Достоевская М.М.
- Вогюэ Е. (Vogué E.) II: 674, 675, 758, 772, 773, 849, 851
- Войткевич С.Р. I: 343
- Вокс (Vox, *псевд.*) — *см.* Говоруха-Отрок Ю.Н.
- Волкова М.А. II: 497
- Волконская (*ур.* Трубецкая) Е.Д. I: 482
- Волконская Л.Г. II: 1026
- Волконская М.Н. — *см.* Толстая М.Н.
- Волконская (*ур.* Раевская) М.Н. I: 451, 452
- Волконский М.С. I: 451
- Волконский Н.С. I: 482
- Волконский С.Г. I: 451, 452
- Волынский А.Л. (*наст. фам.*: Флексер Х.Л.) II: 849, 851, 914, 929, 1026, 1027
- Вольтер (Voltaire, *наст. фам.*: Аруэ Ф.) II: 694, 696, 830
- Вольф К. (Wolff K.) I: 24, 25
- Вольф М.О. I: 10, 11, 434-436, 442 II: 572
- Воронцова-Дашкова И.И. — *см.* Паскевич-Ериванская И.И.
- Воскобойников Н.Н. I: 189, 191, 278
- Вриений о. II: 687
- Вроцкий Н.А. (*псевд.*) — *см.* Навроцкий А.А.
- Вундт В. (Wundt W.) I: 226 II: 929, 930
- Вырубов Г.Н. II: 863, 864
- Вышнеградская А.А. — *см.* Vyshnegradskaja A.A.
- Вышнеградские (Vyshnegradskie)* (*семья*) I: 202, 204 II: 990, 991
- Вышнеградский А.И. II: 990, 991
- Вышнеградский И.А. (Vyshnegradskij I.A.)* I: 202, 204 II: 622, 623, 830, 883, 892, 894, 895, 911, 973, 986-991
- Вышнеградский Павел А. — *см.* Vyshnegradskij Pavel A.
- Вышнеградский Петр А. — *см.* Vyshnegradskij Petr A.
- Вяземский П.А. I: 332, 334
- Г
- Гагарин (князь) II: 513
- Гайдебуров П.А. II: 804-806, 841, 900
- Галкин-Врасский М.Н. II: 765
- Гальперин-Каминский И.Д. II: 945-947, 951, 967
- Гамильтон У. (Hamilton W.) I: 463, 465
- Гамма (*псевд.*) — *см.* Градовский Г.К.
- Ганзен (*ур.* Васильева) А.В. II: 876, 878
- Ганзен П.Г. (Hansen P.) II: 876, 878, 890, 974, 975
- Гапгуд И. — *см.* Хэпгуд И.
- Гартман Э. (Hartman E.) I: 99, 100, 154, 188, 419, 466
- Гаршин В.М. II: 919, 921
- Гатцук А.А. II: 677, 771
- Гауэррат А. (Hausrath A.) II: 828, 830
- Гаусс К. (Gauss K.) I: 284, 286
- Гаутаме С. — *см.* Будда
- Гацисский А.С. I: 165

- Ге Н.Н. II: 843, 846-848, 857, 858, 953-956
- Ге П.Н. II: 956
- Гегель Ф. (Hegel F.)* I: 88, 93, 94, 139, 189, 190, 232, 239, 240, 256, 257, 263, 382, 426, 464 II: 521, 724, 742, 753, 756, 757, 942, 960, 984
- Гейкинг Г.Э. I: 426
- Гейне Г. (Heine H.) I: 358
- Гейнс В.К. (*псевд.*: Фрей В.) I: 412
- Гексли Т. (Huxley T.) II: 931, 933, 964
- Гельмгольц Г. фон (Helmholtz H. von) I: 316, 317 II: 944
- Георгиевский А.И. I: 212, 320, 457, 459, 464, 478 II: 670
- Гербель Н.В. I: 287, 288, 329
- Гервинус Г. (Gervinus G.) II: 830, 832
- Герд Я.К. I: 420
- Геродот (Herodotus) I: 44, 55, 74
- Герцен А.И. I: 3, 134, 138, 139, 140, 191 II: 629, 755, 825
- Гёте И. фон (Goethe J. von) I: 131, 184 II: 589, 797, 799, 823, 953
- Гиероглифов А.С. (Gieroglifov A.S.)* I: 14, 16
- Гижицкий Г. фон (Gizycki G. von) II: 939
- Гизелер И. (Gieseler J.) II: 548, 549
- Гинцбург Г.Е. II: 773, 774
- Гион Ж. (Guyon/Guion J.) I: 394, 396 II: 564, 697, 828-832, 942-944
- Гиппократ II: 664-666
- Гихтель И. (Gichtel J.) II: 797, 799
- Глазунов И.И. I: 10, 11, 434, 436, 442
- Глинка М.И. I: 21, 192
- Глинка Н.О. II: 972, 973
- Глумилина Н.М. — *см.*
- Бутлерова Н.М.
- Гнедич П.П. II: 868
- Говоруха-Отрок Ю.Н. (*псевд.*: Николаев Ю., Vox) II: 874-876, 883, 885, 890, 891, 948, 949, 958, 959
- Гоголь Н.В. (Gogol' N.V.)* I: 19, 21, 247, 312, 335, 351, 355, 357 II: 754-757, 767, 786
- Голенищев-Кутузов А.А. I: 448 II: 701, 702, 798, 799, 962-966
- Голенищев-Кутузов П.В. I: 448
- Голицын В.В. I: 443
- Голицын Д.П. (Муравлин) II: 838, 840
- Головачёв А.А. I: 356, 358
- Головин В.И. II: 507, 508
- Голохвастов П.Д. (Golokhvastov P.D.)* I: 189, 191, 287-290, 298, 392, 398, 442, 445, 457, 459, 473 II: 520, 530, 532, 559, 560
- Голохвастова В.П. (Арочка) I: 457, 459, 474
- Голохвастова О.А. I: 287, 288, 289, 290, 296, 299, 302, 396, 445, 457, 474 II: 530, 532, 773, 877
- Голохвастовы (семья) I: 176, 293, 298, 301, 302, 442, 459 II: 516, 530, 594
- Гольцапфель Э. (Holzapfel E.) II: 812
- Гончаров И.А. I: 149, 153, 154, 426, 427 II: 553, 773, 877-879
- Горбунов-Посадов И.И. II: 956
- Гордон П. (Gordon P.) I: 443, 445
- Горецкий В.Г. I: 32
- Городецкий Н.И. — *см.* Платон о.
- Горчаков А.И. II: 492, 493, 503
- Горчаков А.М. I: 422, 458, 460 II: 492, 493
- Горчаков А.Н. II: 492, 493, 502, 503
- Горчаков В.Н. II: 492-496, 501-506, 510, 517
- Горчаков М.Д. I: 483
- Горчаков М.И. I: 395, 396
- Горчаков М.Н. II: 492, 493, 503
- Горчаков Н.И. II: 492, 493, 503
- Горчакова В.Н. II: 495
- Горчакова Е.В. (*в замуж.*: Уварова, Перовская) II: 492, 493, 499
- Горчакова Е.С. II: 501
- Горчакова П.Н. II: 493, 495

Горчаковы (семья) II: 492, 499, 503
 Готше И. (Gotzsche J.) II: 803
 Гоффман Э. (Hoffmann E.) I: 82
 Градовский А.Д. I: 478, 479 II: 691, 692
 Градовский Г.К. (*псевд.*: Гамма) I: 95, 134, 140, 410, 411
 Гренков А.М. — *см.* Амвросий о. (Гренков)
 Грессер П.А. II: 848
 Грибоедов А.С. II: 491, 497
 Григорович Д.В. II: 937–940
 Григорович Н.И. II: 499, 500, 792
 Григорьев А.А. (Grigor'ev A.A.)* I: 14, 16, 223, 224, 244–252, 255, 258–260, 265, 268, 289, 290, 293, 296 II: 490, 491, 805–808
 Григорьев В.В. I: 134, 140, 224, 304, 315, 333, 334 II: 539
 Григорьев Д.П. II: 765
 Григорьевы (семья) I: 313, 315 II: 538, 539
 Гризбах И. (Griesbach J.) II: 571, 572, 655, 660, 674, 710
 Грингмут В.А. II: 883–885
 Гриневицкий И.И. II: 601, 927, 928
 Громека М.С. (Gromeka M.S.)* II: 548, 549, 553
 Громова (Громова-Опульская) Л.Д. (Gromova L.D.)* I: 301 II: 672
 Грот К.Я. — *см.* Grot K.Ja.
 Грот Н.Я. (Grot N.Ja.)* II: 678–681, 688, 731, 733, 740, 745, 746, 753, 754, 836, 855, 856, 868, 876, 883, 885, 891–893, 921, 968
 Грот Я.К. II: 919, 921
 Губернатис А. де (Gubernatis A. de) I: 325, 326
 Гудзий Н.К. I: 103
 Гуральник У. — *см.* Gural'nik U.
 Гуревич Л.Я. II: 978, 984–987
 Гусев А.Ф. II: 903, 908
 Гусев Н.Н. (Gusev N.N.)* I: 4, 5, 16, 45, 312, 357 II: 900
 Гюго В. (Hugo V.) I: 223, 331 II: 594, 629

Д

Давид (*библ.*) II: 870
 д'Аламбер Ж. (d'Alembert J.) II: 866, 868
 Даль В.И. I: 71, 366–370 II: 571, 572
 Данилевская В.Н. II: 747, 748, 880
 Данилевская (*ур.* Межакова) О.А. (Danilevskaja O.A.)* I: 82, 84 II: 678–681, 684, 706–710, 737, 740, 747, 748, 769, 815, 820, 821, 880, 903, 908, 1014, 1016
 Данилевские (семья) I: 95, 134 II: 684, 975
 Данилевский Г.П. I: 134, 140, 149, 153, 155 II: 705
 Данилевский Н.Я. (Danilevskij N.Ja.)* I: 7, 24, 26, 82–84, 88, 138, 139, 161–163, 202–205, 224, 241, 307, 311, 313, 328, 368–371, 437, 466 II: 520, 628, 665, 666, 678–684, 692, 693, 698–702, 706–709, 720, 728, 737, 739, 743, 745, 759, 765, 770, 771, 777, 778, 784–786, 789, 806–808, 811–815, 833–838, 847, 850, 880, 911, 950, 954, 966, 967, 975, 1016, 1017
 Дарвин Ч. (Darwin Ch.)* I: 19, 20, 23, 24, 93, 106, 125, 134, 138, 140, 151, 280, 466 II: 520, 665, 666, 693, 707, 719, 720, 727, 728, 737, 739, 767, 769, 784–789, 807, 817, 819, 830, 921, 931, 963, 964
 Дарвин Э. (Darwin E.) I: 280
 Дармстетер Дж. (Darmsteter J.) II: 890, 891
 Декарт Р. (Descartes R.) I: 232, 236, 239, 256, 258 II: 828, 943
 Дельвиг А.А. II: 517
 Деянов И.Д. I: 271, 382, 384, 478 II: 531, 533, 663, 781, 783, 857, 865, 872–874, 972–975, 1021
 Желаледдин Руми II: 920, 922
 Джордж Г. (George H.) II: 678, 679
 Дидро Д. (Diderot D.) II: 861–869
 Диккенс Ч. (Dickens Ch.) I: 304, 319, 320

Диллон Э. (Dillon E.) II: 900
 Диоген II: 912
 Дитерихс А.К. — см. Черткова А.К.
 Дмитриев Ф.М. I: 258
 Дмитрий Иванович (вел. кн.) I: 281
 Дмитрий Ростовский о. I: 73, 74, 464
 Добровольский В.А. I: 90
 Добродеев С. I: 3
 Добролюбов Н.А. I: 479 II: 606, 608, 831
 Добротворский И.М. II: 564, 565
 Доде А. (Daudet A.) II: 967
 Дозе Ф.И. II: 531
 Долинин А.С. — см. Dolinin A.S.
 Донсков А.А. (Donskov A.A.)* I: 301, 418
 Достоевская (ур. Сниткина) А.Г. I: 12, 418 II: 530, 532, 539, 592, 686, 688, 975
 Достоевская Л.Ф. II: 530, 532, 686, 687
 Достоевский М.М. I: 140 II: 821
 Достоевский Ф.М. (Dostoevsky F.M.)* I: 10-13, 25, 83, 84, 94, 95, 126, 127, 140, 149, 153-156, 161, 185, 187, 223, 265, 266, 296, 304, 305, 311, 328, 329, 336, 357, 396, 418, 463 II: 502, 504, 507, 530, 539, 578, 579, 591-593, 603, 604, 616, 628, 644, 647-655, 659, 660, 665, 705, 768, 770, 772, 821, 910, 913, 954
 Достоевский Ф.Ф. II: 530, 532, 686, 687
 Дрентельн А.Р. II: 495
 Дрепер Дж. (Draper J.) II: 564, 565
 Дрожжин Е.Н. II: 1018, 1021, 1022
 Дубровин Н.Ф. II: 494-496
 Дурново И.Н. II: 841, 842, 884, 885
 Дьяков А.А. (псевд.: Незлобин / Житель) II: 536, 537
 Дьяков Д.А. I: 337, 338, 343, 350
 Дюбуа-Реймон Э. (Dubois-Reymond E.) I: 107, 109, 316
 Дюжикова А.М. I: 290

Дюма А., сын (Dumas A., fils) II: 923, 924, 929, 930
 Дюпен А. (Dupin A.) — см. Санд Ж.
 Дюринг Е. (Dühring E.) I: 144, 145

Е

Евтушевский В.А. I: 179, 181, 186 II: 781
 Эзоп — см. Эзоп
 Екатерина I (имп.) I: 444
 Елагин В.А. I: 39, 42
 Елачиц А.Ф. II: 705
 Елизавета Алексеевна (имп.) I: 444
 Елисеев Г.З. I: 166 II: 606, 608
 Емельянов А.С. — см. Боголюбов А.С.
 Ергольская Т.А. I: 482
 Ермолова М.Н. II: 489, 491
 Ефрем Сирий (Сириянин) I: 362 II: 869-872

Ж

Жаклар А.В. — см. Корвин-Круковская А.В.
 Жанэ П. (Janet P.) II: 772, 774
 Жданов В.А. I: 103
 Желябов А.И. II: 600
 Жемчужников Ал-р М. II: 510
 Жемчужников Ал. М. II: 510
 Жемчужников В.М. II: 510
 Житель (псевд.) — см. Дьяков А.А.
 Жоли М. (Joly M.) II: 653, 654, 660
 Жуковский В.А. II: 567
 Жульен С. (Julien S.) I: 394, 397

З

Забелин И.Е. I: 443, 445
 Завадовская С.П. — см. Козловская С.П.
 Загоскин М.Н. I: 102
 Загуляев М.А. I: 209, 210
 Зайончковский П.А. I: 334
 Заменгоф Л. (Zamenhof L.) II: 998, 999
 Замятин Д.Н. II: 533
 Занд Ж. — см. Санд Ж.
 Засулич В.И. I: 410, 421, 422, 425
 Захарьин Г.А. II: 534

Зверевы (семья) I: 224
 Звонарев С.В. I: 3
 Зедделер (барон) I: 444
 Зеленецкий Д.А. II: 857, 859,
 865, 871–874
 Зинаида Николаевна — *см.*
 Викторова Ф.А.
 Зиновьев А.А. II: 978, 979
 Зиновьев Н.А. II: 978
 Зола (Золя) Э. (Zola É.) I: 332
 II: 737, 739, 803, 824, 919,
 922–924, 965, 967
 Зубов (граф) I: 332
 Зубова (графиня) I: 332
 Зуров А.Е. I: 457, 459

И

Ибн Рушд — *см.* Аверроэс
 Ибсен Х. (Ibsen H.) II: 876, 878
 Ивакин И.М. II: 577, 578, 751
 Иван Грозный (царь) II: 679
 Иванов И.И. I: 305
 Иванцов-Платонов А.М.
 II: 687–689, 751
 Ивашев В.П. I: 444–448
 Игнатъев Н.П. II: 626, 627
 Ильин Н.Д. II: 848
 Иоанн (Креститель) I: 459
 Иосаф (Горленко) II: 527, 528
 Иосиф (*библ.*) I: 57, 62
 Иосиф Волоколамский (Волоцкой)
 I: 46, 47, 52, 62
 Иост А.И. II: 647, 648
 Исаак Сирий (Сириянин) I: 376,
 377, 394 II: 869, 872
 Исаева (*ур.* Констант) М.Д. I: 266
 Исаков Я.А. I: 10, 11
 Иславин К.А. I: 20, 99, 298, 299,
 388
 Иславина Л.А. I: 486
 Исленьев А.М. I: 486
 Истомина В.К. I: 268, 269
 II: 595, 972, 973
 Ишутин Н.А. II: 928

К

К.Р. — *см.* Константин
 Константинович (вел. кн.)

Каблиц И.И. (*псевд.*: Юзов) II: 919,
 921
 Кавелин К.Д. I: 458–461, 464
 II: 929
 Кавелин Л.А. (о. Леонид) II: 534
 Кавос А.К. I: 299, 300 II: 739
 Казерио И. (Caserio J.) II: 963
 Калачов Н.В. II: 499–502
 Калигула II: 912
 Калмыков Д.А. II: 695
 Калмыкова (*ур.* Чернова) А.М.
 II: 693–696, 833, 836
 Кант И. (Kant I.)* I: 228–232, 235,
 239, 250, 261, 285, 316, 385, 390,
 392, 396, 437, 446 II: 753–756,
 763, 867, 913, 943
 Капнист П.А. II: 872, 873
 Каракозов Д.В. II: 511, 928
 Карамзин А.Н. I: 288–290, 474
 Карамзин В.Н. I: 445
 Карамзин Н.М. (Karamzin N.M.)*
 I: 21, 25, 27, 288 II: 541, 755
 Карамзины (семья) I: 334, 473
 Кареев Н.И. II: 807, 808
 Каринский М.И. II: 508, 509
 Карл Великий (Karl der Große)
 I: 444
 Карлейл Т. (Carlyle T.) I: 369, 370
 II: 927, 928
 Карно Ф. (Carnot F.) II: 963
 Карпюк Г.В. I: 32
 Катерина (прислуга) II: 779, 780
 Катерина Ивановна (тетя Страхова) —
см. Katerina Ivanovna
 Катков М.Н. I: 102, 103, 118, 119,
 130, 164, 188–191, 212, 216, 219,
 220, 269, 278, 279, 287, 297,
 299, 305, 313, 314, 335–338,
 345, 346, 351, 352, 355, 467,
 468, 474 II: 537, 652, 654, 724,
 747, 748, 749, 790, 810, 927
 Каткова В.М. (*в замуж.*: Шаховская)
 I: 467, 468
 Катулл (Catullus) II: 684, 685
 Кауфман М.П. фон I: 359, 360
 II: 892, 893
 Качалов Н.В. (описка) — *см.*
 Калачов Н.В.
 Кашеварова-Руднева В.А. II: 536

- Кашкин Д.Е. I: 397
 Кашпирев В.В. I: 6-8, 22-24, 35, 77, 98, 411
 Кашпирева С.С. I: 24, 98, 410, 411, 437 II: 492, 592
 Кашпиревы (семья) I: 224, 411
 Кедров К.В. II: 857, 858
 Кейзер А. I: 274
 Келлер Г.Ф. (граф) II: 1020
 Кенворти Дж. (Kenworthy J.) II: 1028, 1029
 Кеннан Дж. (Kennan G.) II: 828, 831
 Кёппен Ф. (Köppen F.) I: 394, 397 II: 712
 Кетчер Н.Х. I: 468
 Ким Р. (Kim R.) II: 672
 Кингслей Ч. (Kingsley Ch.) II: 686-689, 692, 701
 Киреев А.А. II: 508, 509
 Киреев Н.А. II: 508, 509
 Киреева О.А. — *см.* Новикова О.А.
 Киреевский И.В. I: 42, 443
 Киреевский П.В. I: 42
 Киркегор С. — *см.* Кьеркегор С.
 Климент о. I: 376, 377
 Климов Ф.Д. I: 123, 124
 Ключарев А.И. — *см.* Амвросий о. (Ключарев)
 Ключевский В.О. II: 972-974
 Ключников (Ключников) В.П. I: 8 II: 782, 783
 Ковалевская (*ур.* Корвин-Круковская) С.В. I: 266, 329, 330, 351, 352, 356, 358
 Ковалевский М.Е. II: 533
 Ковальский И.М. I: 426
 Коган-Бернштейн Л.М. II: 783
 Кожанчиков Д.Е. I: 10, 12
 Кожевников В.А. II: 1020, 1021
 Козлов А.А. II: 1006, 1007
 Козловская (*ур.* Завадовская) С.П. I: 486
 Колодкевич Н.Н. II: 629
 Колридж С. (Coleridge S.) II: 839, 840, 843, 845
 Колумб Х. (Columbus C.) II: 738
 Комаров В.В. I: 281
 Комаров Т.И. I: 129, 131
 Кони А.Ф. I: 131, 422 II: 809, 811, 973, 975, 998, 1002
 Констан А. (Constant A.) — *см.* Леви Э.
 Константин М.Д. — *см.* Исаева М.Д.
 Константин Константинович (вел. кн., *псевд.*: К.Р.) II: 749, 779, 787, 918-921, 972
 Константин Николаевич (вел. кн.) I: 161, 163, 403, 404 II: 509
 Конт О. (Comte A.) I: 3, 241, 242 II: 863, 864
 Конфуций (Кун-фу-цзы, Confucius) II: 637, 669
 Коперник Н. (Copernicus)* I: 125
 Коптева (знакомая Страхова) I: 329
 Корвин-Круковская (*в замуж.*: Жаклар) А.В. I: 266
 Корвин-Круковская С.В. — *см.* Ковалевская С.В.
 Коркунова М.М. — *см.* Манасеина М.М.
 Корнилов И.П. I: 224
 Коровин В.И. II: 928
 Короленко В.Г. II: 919, 922
 Корф М.А. I: 379, 380
 Корф Н.А. I: 179, 180
 Корш В.Ф. I: 190, 192
 Корш Е.В. I: 352 II: 791
 Коссович К.А. I: 224, 315 II: 507, 539
 Коссовичи (семья) I: 313, 315 II: 538, 539
 Котларевский М.М. I: 426
 Котошихин Г.К. I: 443, 445
 Коялович М.О. II: 600, 601, 877
 Кравчинский С.М. — *см.* Степняк-Кравчинский С.М.
 Краевский А.А. I: 149, 166, 210, 308 II: 489, 491
 Крамской И.Н. I: 129, 130, 404, 414, 416 II: 497, 640
 Кранихфельд В. — *см.* Kranikhfel'd V.
 Крестовский В.В. I: 172, 173, 247, 248
 Криз Ф. (Kries F.) II: 882

- Кристи И.И. II: 759, 761
 Кропоткин П.А. I: 391, 422
 II: 928
 Кропотов Д.А. II: 496, 497
 Крылов И.А. I: 156, 398, 401, 403
 Куглер Ф. (Kugler F.) II: 791
 Кузминская В.А. II: 845, 882, 888,
 892-896, 941, 942
 Кузминская Е.М. (*в замуж.*: Фукс)
 II: 600
 Кузминская М.А. — *см.* Эрдели М.А.
 Кузминская (*ур.* Берс) Т.А.
 (Kuzminskaja T.A.)* I: 99, 116,
 117, 173, 218, 297, 350, 357,
 362, 411, 453, 462-465 II: 514,
 516, 521, 561, 614, 644, 645,
 650, 651, 693, 695, 710, 711, 717,
 773, 774, 802, 804, 807-810,
 814, 838, 845, 846, 867, 868,
 877, 884-889, 941, 942, 953-956,
 992, 993
 Кузминские (семья) I: 176, 274
 II: 660, 672, 675, 696, 727, 753,
 755, 803, 809, 813, 884, 886,
 952, 954
 Кузминский А.А. II: 671, 672
 Кузминский А.М. II: 505, 560,
 600, 643, 650, 651, 671, 695,
 710, 711, 714, 779, 802-806,
 841, 842, 954, 1002, 1003
 Кузминский Д.А. II: 774
 Куинджи А.И. I: 414, 416
 II: 584, 585
 Кулиш П.А. II: 757
 Куманина (*ур.* Нечаева) А.Ф. I: 12
 Курно А. (Cournot A.) I: 353, 364
 Курочкин Н.С. I: 21
 Кусков П.А. I: 287, 288
 II: 947-949
 Кусковы (семья) II: 538, 947, 948
 Кутузов А.А. — *см.*
 Голенищев-Кутузов А.А.
 Кутузов М.И. I: 8 II: 672
 Кьеркегор (Киркегор) С. (Kierke-
 gaard S.) II: 799, 800-803,
 815, 876, 878
 Кюхельбекер В.К. I: 414-417
- Л
 Лавров М.Н. I: 118, 119, 180, 182
 II: 532
 Лавров-Платонов А.Ф. — *см.*
 Алексей о.
 Лавровская Е.А. (*в замуж.*: Церте-
 лева) I: 421, 422
 Ладыхников И.П. II: 600
 Лазич М.К. I: 401
 Лазурский В.Ф. (Lazurskij V.F.)*
 II: 959
 Лакруа П. (Lacroix P.) I: 379, 380
 Ламанский В.И. I: 332, 334
 II: 579, 789
 Ламене Г. (Lammenais G.) II: 587,
 588
 Ланге Ф. (Lange F.) II: 588, 604,
 613
 Ланская (*ур.* Одоевская) В.И.
 II: 497
 Ланский Л.Р. II: 651
 Лао-Цзы (Лао-дзэ, Ли Эр, Lao-Tsea,
 Lao-Tseu) I: 388, 390, 394, 397
 II: 671-674, 939
 Ларош Г.А. I: 315
 Лебедева Т.И. II: 629
 Леви Э. (Lévi E., *наст. фам.*: Кон-
 стан А.) I: 359, 360
 Левицкий К.В. I: 368, 369
 Лейбниц Г. (Leibniz G.) I: 470
 II: 866
 Лейтенант С. — *см.* Случевский К.К.
 Лейтон Р. (Leighton R.) II: 840,
 843, 844
 Леман О.И. I: 43
 Леонид о. — *см.* Кавелин Л.А.
 Леонтьев И.Л. (*псевд.*: Щеглов И.)
 II: 489, 490
 Леонтьев К.Н. (Leont'ev K.N.)* I:
 357 II: 670, 671, 763, 838, 839
 Леонтьев П.М. I: 187
 Лермонтов М.Ю. I: 19, 21, 239,
 394, 472 II: 491, 654, 890, 916,
 917
 Лесевич В.В. II: 768, 770
 Лесков Н.С. (*псевд.*: М. Стебницкий)
 I: 8

Лефорт Ф. (Lefort F.) I: 108, 443-445
 Ли Эр — *см.* Лао-Цзы
 Лиард Л. (Liard L.) I: 353
 Лизогуб Д.А. II: 533
 Линней К. (Linney K.) I: 147, 148
 Липенская Н.И. — *см.* Lipenskaja N.I.
 Литтре Э. (Littre É.) II: 863, 864
 Лихтенберг Г. (Lichtenberg G.)
 II: 874, 875, 882
 Лобачевский Н.И. I: 284, 286
 Локк Дж. (Locke J.) I: 139
 Лопатин Л.М. II: 874-876
 Лопе де Вега Ф. Карпью (Lope de Vega F. Carpio) II: 491
 Лопухин А.П. I: 289, 290
 Лопухин И.В. II: 830
 Лорис-Меликов М.Т. I: 368, 370, 410 II: 500, 559
 Лоти П. (Loti P., *наст. фам.*: Вио Л. [Viaud L.]) II: 824, 825
 Лотце Г. (Lotze G.) I: 368, 369
 Лукьянович Н.А. I: 382, 383
 Луний М.С. I: 452
 Льюис Г. (Lewis G.) I: 242
 Любимов П.М. II: 748

М

Магомет (Mahomet, Mohammed)
 II: 669
 Майков А.А. II: 880
 Майков А.Н. (Majkov A.N.)*
 I: 20-25, 83, 84, 94-100, 154, 156, 170, 179, 180, 223, 279, 280, 285, 368, 463 II: 490, 566, 567, 592, 627, 719, 736, 738, 827, 830, 839, 880, 881, 898, 970, 971, 1003
 Майков В.А. II: 830, 880
 Майков Л.Н. I: 224, 225, 330
 II: 972, 973
 Майков Н.А. I: 84
 Майкова А.А. I: 329, 330
 Майкова (*ур.* Штеммер) А.И.
 II: 880
 Майкова Е.П. I: 84
 Майнорф Р.Ф. — *см.*
 Мейендорф Р.Ф.
 Макарий Египетский II: 797, 799

Макарий о. (Булгаков М.П.) I: 41, 42, 46, 54, 73, 74, 277, 403, 464
 II: 534, 535, 765
 Макарий о. (Сушкин) II: 795-799, 800, 926
 Макарова А.Н. — *см.* Энгельгардт Анна Н.
 Макарова О.Е. I: 131
 Маккарти (McCarthy) (губернантика)
 I: 274
 Макиавелли Н. (Machiavelli N.)
 I: 349, 350
 Маликов А.К. I: 390, 412, 425
 Маликова Е.А. I: 390
 Маликова К.С. — *см.* Пругавина К.С.
 Маллеолус Т. (Malleolus T.) — *см.*
 Фома Кемпийский
 Мальцов И.С. II: 679
 Мамонтов А.И. I: 321
 Мамуна (граф) II: 972
 Манасеина (*ур.* Коркунова) М.М. (Manacéine M. de) II: 965, 966
 Мария Александровна (вел. кн.)
 I: 157, 416
 Мария Магдалина (*библ.*) I: 5
 Мария Федоровна (имп.) I: 444
 II: 497, 799
 Марк Аврелий (Marcus Aurelius)
 I: 467, 468 II: 653, 654
 Маркевич Б.М. II: 553, 554
 Марков В.В. I: 229
 Марков Е.Л. I: 96, 307, 308, 327, 329, 387, 478, 479
 Маркс А.Ф. I: 338, 474
 Мартынов Н.Г. I: 10, 12
 Марфа и Мария (*библ.*) I: 222
 II: 561, 690
 Масанов И.Ф. I: 312
 Масарик Т. (Masaryk T.) II: 735, 740, 743
 Матвеев П.А. I: 288, 355, 357
 Матченко И.П. (Matchenko I.P.)*
 I: 465 II: 524, 525, 574, 575, 815, 868, 921
 Матченко О.Д. II: 524, 525, 574, 575, 1013, 1014
 Матченко (семья) II: 527
 Медведев С. (*в монашестве:* Сильвестр) I: 443

- Медведева Н.М. II: 489, 491
 Медоуз Т. (Meadows T.) II: 671
 Межакова О.А. — *см.*
 Данилевская О.А.
 Мезенцов Н.В. I: 459 II: 600
 Мейендорф Р.Ф. II: 976, 977
 Мейендорфы (семья) II: 980
 Мелкова А.С. I: 350
 Менделеев Д.И. I: 107, 109
 II: 535, 559, 739, 785
 Мендельсон Г. (Mendelssohn H.)
 II: 577
 Меньшиков М.О. II: 992, 993
 Метенъе О. (Metenier O.) II: 770
 Мещерский В.П. I: 24, 25, 95,
 149, 150, 203, 296, 328 II: 692,
 701, 849
 Микулич В. (*псевд.*) — *см.*
 Веселитская-Божидарович Л.И.
 Миллер О.Ф. (Miller O.F.)* I: 363,
 365 II: 668, 669
 Милль Дж. (Mill J.) I: 1-4, 134,
 138, 241, 242, 284, 466 II: 629,
 769, 889
 Мильтопеус А.Н. — *см.*
 Сниткина А.Н.
 Милюков П.Н. II: 923, 924
 Милютин В.А. I: 358
 Милютин Д.А. I: 60, 61, 356, 358,
 366-370
 Минаев И.П. I: 319, 327 II: 579,
 654, 736, 738, 773
 Минковский В.Л. I: 90
 Минор Л.С. II: 663, 664
 Минор С.А. II: 641
 Миропольский С.И. I: 180, 181
 Михайлов А.Д. I: 438 II: 629
 Михайлов Т.М. II: 600
 Михайловский Н.К. I: 134, 139,
 168 II: 620, 621
 Мицкевич А. (Mickiewicz A.) I: 224
 Мишле Ж. (Michelet J.) I: 2, 5
 Модзалевский Б. — *см.*
 Modzalevskij B.
 Моисей (*библ.*) I: 399
 Молинари Г. де (Molinari G. de)
 I: 25
 Монахов И.И. I: 290
 Монталамбер Ш. (Montalembert Ch.)
 II: 781, 783
 Монтень М. де (Montaigne M. de)
 I: 146, 148 II: 816, 817
 Мопассан Г. де (Maupassant G. de)
 II: 958, 959, 965-967, 980
 Мопертюи П. (Maupertuis P.)
 II: 866, 868
 Мор Т. (More T.) II: 694, 696
 Мордовцев Д.Л. I: 364, 365
 Морозов В.С. I: 53
 Морозов Н.А. I: 438 II: 629
 Морриер Р. (Morrier R.) II: 773,
 774
 Мультиановский П.Я. II: 1002, 1003
 Мунк С. (Munk S.) II: 772, 774
 Муравлин — *см.* Голицын Д.П.
 Муравьев А.М. I: 452
 Муравьев А.Н. I: 464
 Муравьев М.Н. II: 497
 Муравьев Н.М. I: 452
 Муравьев-Апостол М.И. I: 434, 452
 Муравьев-Апостол С.И. I: 452
 Муратова К.Д. — *см.* Muratova K.D.
 Мусоргский М.П. I: 153
 Мухтар-паша I: 368, 370
 Мюллер М. (Müller M.) I: 237, 239,
 379, 383-385 II: 713, 855, 856,
 872
 Мюссе А. (Musset A.) I: 265, 266
- ## Н
- Набоков Д.Н. II: 533
 Навроцкий А.А. (*псевд.*: Н.А. Вроц-
 кий) I: 470 II: 489, 490
 Нагорнов Н.М. I: 197, 212, 286
 II: 550, 551, 566-568
 Нагорный Н.М. — *см.*
 Нагорнов Н.М.
 Надеин М.П. I: 180, 198, 200,
 220, 246, 248, 286, 321
 Назаревский А.А. I: 103
 Назимов М.А. I: 451
 Наполеон I I: 165, 430, 431
 Наполеон III II: 928
 Неандер А. (Neander A.) II: 548,
 549
 Незлобин (*псевд.*) — *см.* Дьяков А.А.

Некрасов Н.А. (Nekrasov N.A.)*
 I: 21, 102, 103, 149, 153, 155,
 166, 168, 176, 177, 185, 187,
 191, 332, 334, 389, 391-398,
 403, 414, 416, 479

Неплюев И.И. I: 444

Непокойчицкий А.А. I: 356, 358

Нерон I: 325

Несторий (патриарх Константино-
 польский) II: 548

Нестеров А.Н. II: 506, 511, 513,
 517

Нехлюдов Н. I: 242

Нечаев С.Г. I: 305

Нечаева А.Ф. — см. Куманина А.Ф.

Нечаева В.С. I: 140

Никанор (Бровкович) о. II: 830,
 832, 838, 849-851

Никитенко А.В. I: 98, 100, 126,
 128, 149, 160, 162, 187

Никитин (изобретатель) II: 622,
 623

Никитин П. (*псевд.*) — см.

Ткачев П.Н.

Никифорова Т.Г. (Nikiforova T.G.)*
 I: 301

Никодим (*библ.*) II: 637

Никодим (Святогорец) II: 869

Николаев (книготорговец) I: 321

Николаев Ю. (*псевд.*) — см.

Говоруха-Отрок Ю.Н.

Николаева Т.Н. — см. Розанова Т.В.

Николай I (имп.) I: 163, 215, 216,
 358, 378, 380, 404, 413, 417,
 418, 444, 447-449 II: 493

Николай II (имп.) II: 972, 973,
 1027

Николай Александрович (вел. кн.)
 II: 897

Николай Николаевич (вел. кн.) мл.
 I: 358

Николай Николаевич (вел. кн.) ст.
 I: 356-359, 369, 457, 459

Николев И. II: 503

Николь П. (Nicole P.) II: 941, 942

Никольский Б.В. (Nikol'skij B.V.)*
 II: 1026, 1027

Николюкин А.Н. II: 770

Никон о. I: 459 II: 530, 532

Новиков А.М. II: 812, 815

Новикова (*ур.* Киреева) О.А. II: 509

Нотович О.К. (И.К.) II: 536, 537,
 879

Ньютон И. (Newton I.) I: 144-147,
 231, 470 II: 719

О

Оболенская Е.В. I: 357

Оболенские (семья) I: 355, 358

Оболенский (князь, знакомый
 Страхова) II: 774

Оболенский Д.А. I: 358, 414, 416
 II: 492, 493

Оболенский Д.Д. I: 130

Оболенский Л.Д. I: 46, 47, 79,
 97, 99

Обручев Н.Н. I: 359, 360, 368,
 371

Огарев Н.П. I: 438

Одоевская В.И. — см. Ланская В.И.

Олеариус А. (Olearius A.) I: 443,
 445

Олсуфьев А.В. II: 920, 1001

Олсуфьевы (семья) II: 976, 1000,
 1001

Ольденбургская Е.М. I: 403, 404

Ольденбургский А.П. I: 404

Омиров II: 883

Опочинин Е.И. II: 628

Орлов А.И. II: 755, 767

Орлов В.Ф. II: 816, 817

Орсини Ф. (Orsini F.) II: 927, 928

Ортсман Ф. II: 950

Осинский В.А. II: 533, 611, 612

Остен-Сакен А.И. I: 482

Островский А.Н. (Ostrovskij A.N.)*
 I: 149, 191, 198, 199, 479

II: 491, 726-730

Остроумов М.А. II: 759, 761

О'Ше В. (O'Shea W.) II: 848

О'Ше К. (O'Shea K.) II: 848

П

Павел (апостол) I: 426

Павлов II: 513

Павловский И.Я. II: 554, 770

Пажес Э. (Pagès É.) II: 771, 774

Пакин Л.П. II: 975

- Панаев И.И. I: 415
 Пантелеев Л.Ф. II: 648
 Пантелеевы II: 720, 954, 1027
 Паркер Т. (Parker Th.) II: 678, 679
 Парнелл Ч. (Parnell Ch.) II: 846, 848
 Парфений (Агеев П., игумен) I: 366, 367, 417-419, 425, 431, 434
 Паскаль Б. (Pascal B.) I: 259, 260
 II: 754, 757, 919, 922, 941, 942
 Паскевич-Ериванская И.И.
 (псевд.: Паскевич И.)
 I: 289, 290 II: 728
 Пастернак Б.Л. I: 162
 Патти К. (Patti C.) I: 149, 150
 Пейн (Пэн) Т. (Paine T.) II: 861, 862
 Перовская Е.В. — *см.* Горчакова Е.В.
 Перовская С.Л. II: 600
 Перовский Л.А. II: 492, 493
 Перфильева А.С. II: 497
 Пестель П.И. I: 452
 Петр I Великий (имп.) I: 27, 42, 89, 110, 269, 442-445, 457, 459, 470, 482 II: 506, 518
 Петр II (имп.) I: 220
 Петров П.Н. II: 494, 495, 499, 500, 894, 895
 Петров Ф. I: 42
 Петрович — *см.* Щеголенков В.П.
 Петровский А. — *см.* Petrovskij A.
 Петровский С.А. II: 900
 Пиксанов Н.К. — *см.* Piksarov N.K.
 Пимен о. I: 349, 350
 Пинаро (описка) — *см.* Шапиро К.А.
 Пирогов Н.И. I: 302
 Пирумова Н.М. II: 744
 Писарев Д.И. II: 1010, 1011
 Писемская (ур. Свиньиная) Е.П.
 I: 278, 280
 Писемский А.Ф. (Pisemskij A.F.)*
 I: 25, 132, 133, 156, 278, 280
 II: 726, 729, 910
 Писемский Н.А. I: 154, 156
 Платон (Plato)* I: 7, 16, 232, 240, 316, 317 II: 691-694, 712, 713, 732, 757, 794, 796, 911, 934, 935, 942
 Платон о. (Городецкий Н.И.) II: 766
 Плейер (Pleier) (австр. посланник)
 I: 444
 Плеханов Г.В. I: 396, 438
 Плещеев А.Н. I: 21
 Плохово К.Н. II: 503
 Победоносцев К.П. I: 25
 II: 596-599, 604, 614, 701
 Погодин М.П. I: 8, 25 II: 755, 786
 Подбельский П.П. II: 783
 Покровский М.П. II: 647, 648
 Полевой П.Н. I: 85 II: 638, 641
 Поленов М.В. II: 533
 Поливанов Л.И. II: 752
 Полонский Я.П. (Polonskij Ja.P.)*
 I: 21, 154, 156, 187, 203, 204, 223, 289, 293, 294, 321, 322, 327, 467 II: 504, 668, 736-738, 792, 823, 824, 949, 980
 Полуниин А.И. I: 278, 280
 Пономарев С.И. II: 588
 Попов А.Н. I: 379, 380
 Попов Е.И. II: 513, 939, 1018, 1022
 Попов М.В. I: 444
 Порецкий А.У. I: 296, 329
 Порфирий (Успенский К.) II: 661
 Поссельт М.Ф. I: 106, 108, 443, 445
 Потехин А.А. I: 331 II: 504, 729, 730
 Потье Г. (Pauthier G.) II: 669
 Прахов М.В. I: 356, 358 II: 496, 498, 760
 Преображенский В.П. II: 935
 Пресансе Э. (Pressensé E.)
 II: 653-655, 659
 Присекая С.Н. — *см.* Богомолец С.Н.
 Проскуряковы (семья) II: 538
 Пругавин А.С. II: 617, 619
 Пругавина К.С. (*в замуж.*: Маликова)
 I: 412
 Прудон П. (Proudhon P.) I: 382-385
 Прутков К. — *см.* Prutkov K.
 Пуарэ П. (Poiret P.) II: 828, 830, 832
 Пугачев Е.И. I: 443
 Пузин Н.П. I: 109

Пушкин А.С. (Pushkin A.S.)* I: 16,
19, 21, 26, 27, 90, 101, 102,
106, 108, 111, 113, 123, 128,
153-158, 161, 164, 173, 210,
211, 245, 312, 324, 334, 351,
380, 394, 396, 441, 445, 464,
465, 470, 472 II: 493, 530, 537,
570, 578, 579, 617, 755, 774,
786, 813, 815, 868, 927, 973
Пыпин А.Н. I: 157, 158, 451
II: 520, 661, 773, 810, 811
Пэн Т. — *см.* Пейн Т.

Р

Радаев (сектант) II: 564
Радлов Э.Л. — *см.* Radlov È.L.
Раевская М.Н. — *см.* Волкон-
ская М.Н.
Раевский И.И. II: 882, 885
Растопчина Е.П. I: 288
Рафаэль I: 209
Рачинская М.К. (*в замуж.:* Толстая)
II: 1000, 1001, 1004, 1005, 1008
Рачинский К.А. II: 1001
Рачинский С.А. I: 140 II: 617,
619, 638, 921
Рей Ж. (Rey J.) I: 390, 391
Рейс Э. (Reuss E.) II: 568, 569
Рейфильд Д. I: 131
Ренан Э. (Renan E.)* I: 3, 23, 24,
134, 138, 140, 208, 209, 248,
279, 364, 365, 379, 382-385,
429-433, 447, 450, 464 II: 632,
669, 691, 692, 772, 852, 853,
872, 890, 891, 914-917
Репин И.Е. I: 414, 415 II: 640,
641, 678-681, 686, 687, 757,
759-765, 773, 785, 787, 810
Рёссель Ф.И. I: 482
Ретивцев В.Н. — *см.* Хрисанф о.
Рёттгер Э. (Röttger E.) II: 617, 619
Ржевская (*ур.* Беэр) Н.А. II: 678,
680
Ржевский В.К. II: 678, 680
Рибо Т. (Ribot T.) II: 753, 755, 772
Рид Т. (Reid T.) I: 368, 370
Риман Г. (Riemann G.) I: 284, 286
Рис Ф.Ф. I: 17, 19, 31, 33, 35,
46, 48, 341, 345, 346, 376

Рождествин А.С. II: 907, 908
Розанов В.В. (Rozanov V.V.)*
II: 744, 769, 770, 792, 793, 808,
827-831, 836, 838, 843, 859,
860, 910-912, 919, 921, 923,
926, 941, 942, 953-955, 978,
1006, 1010, 1011, 1015
Розанова Т.В. (Николаева Т.Н.)
II: 1011
Розен А.Г. II: 999
Розенблюм Л.М. II: 654
Розенкранц И. (Rosenkranz J.)
II: 863, 864
Романов И.Ф. (*псевд.:* Рцы) II: 919,
921
Роскина Н.А. I: 131
Росси К.И. I: 300
Росси Э. (Rossi E.) I: 324, 325, 419
II: 1029
Рубинштейн Н.Г. I: 358
Руднева В.Д. — *см.* Бутягина В.Д.
Руми — *см.* Джелаледдин Руми
Румпель Т. I: 368, 369
Румянцев М.Н. II: 710, 711
Русанов Б.Г. II: 1028, 1029
Русанов Г.А. II: 1028, 1029
Руссо Ж.-Ж. (Rousseau J.-J.)*
II: 652, 909, 912
Рушд И. — *см.* Аверроэс И.
Рцы (*псевд.*) — *см.* Романов И.Ф.
Рыбников П.Н. I: 443
Рысаков Н.И. II: 600
Рюккерт Ф. (Rückert F.) II: 847,
848, 920, 922, 950, 954, 967

С

Сабанеев Л.П. I: 106, 109
Сабуров А.А. II: 573, 603, 605,
781, 783
Савина М.Г. I: 290
Савонарола Дж. (Savonarola G.)
II: 957, 959
Савченко М.И. — *см.* Savchenko M.I.
Садовников Д.Н. II: 571, 573
Сазонов Н.Ф. II: 884, 886
Салаев Ф.И. I: 61, 65, 434 II: 556
Салаевы (семья) I: 435 II: 556
Салиас Е.А. I: 153, 155, 190, 192,
247, 248

Салиас де Турнемир Е.В. — *см.*

Тур Е.

Салтыков-Шедрин М.Е. I: 149,
153, 155, 166, 332, 472 II: 502,
504, 621

Самарин П.Ф. I: 272, 273

II: 505, 819, 821

Самарин Ю.Ф. (Samarin Ju.F.)*

I: 157, 158, 205, 206, 258, 272,
273, 396

Самусь Д.И. I: 171–173

Санд Ж. (Sand G., *наст. фам.*:

Дюпен А.) I: 265, 266

Санин И. — *см.* Иосиф Волоколам-
ский

Сарсе Ф. (Sarcé F.) I: 25

Сведенборг Э. (Swedenborg E.)

II: 564, 565

Сведомский П.А. II: 646, 647

Светилин А.Е. II: 508, 509

Свинцов В.И. II: 654

Свиньина Е.П. — *см.* Писемская Е.П.

Свистунов П.Н. I: 434

Свистунова М.П. II: 497

Свифт Дж. (Swift J.) II: 696

Семевский М.И. I: 105, 414, 415,
417, 458, 460 II: 499, 767, 768

Семенкович В.Н. II: 1020

Семенковичи (семья) II: 958

Семенов Н.П. I: 224, 335, 343,
344 II: 492, 493, 502, 508, 520,

666, 718, 789, 845, 847, 866,
872, 885, 892, 893, 898

Семенов-Тянь-Шанский П.П. I: 224

II: 883, 885

Семенова М.Н. II: 866

Семенова С.Г. II: 628, 633

Семеновы (семья) II: 866

Семирадски Г.И. (Semiradzki H.)

I: 324, 325

Сен-Симон К. (St-Simon C.) II: 783

Сен-Тома П. (St-Thomas P.) I: 482

Сент-Илер Ж. (St-Hilaire J.) II: 716,
717

Сент-Илер К.К. I: 179, 180, 186

II: 520

Сергеенко П.А. (Sergeenko P.A.)*

II: 573

Сергей Александрович (вел. кн.)

II: 972, 973

Серов А.Н. I: 192, 270, 271

Сеченов И.М. I: 20, 222, 257, 258,
458 II: 863, 864

Сильвестр о. — *см.* Медведев С.

Скатов Н. — *см.* Skatov N.

Скивский И. — *см.* Skivskij I.

Скобелев М.Д. I: 359, 360

Скотт В. (Scott W.) II: 729, 730, 898

Случевский К.К. (отец) I: 209, 210,
223 II: 491, 502, 539

Случевский К.К. (сын) II: 502, 504

Смирнов Е. (историк) II: 828, 833,
834

Смирнова С.И. I: 155

Смит Х. (Smith H.) II: 710, 711

Снегирёв В.Ф. I: 812

Снегирёв И.М. I: 366, 367

Сниткина А.Г. — *см.*

Достоевская А.Г.

Сниткина (*ур.* Мильтопеус) А.Н.

II: 688

Соковнин Н.А. I: 200, 201

Соколов А.А. I: 216

Соколов Н.А. I: 318, 319

Сокольников (фотограф) II: 517

Сократ I: 16, 439 II: 712, 713,
732, 741

Соловьев А.К. II: 511, 512, 533

Соловьев В.С. (Solov'ev V.S.)*

I: 188, 189, 215–220, 278–280,
320–329, 335–339, 353, 357–360,
376, 377, 383–389, 403, 417–421,
425, 426, 429, 433, 436, 466

II: 502, 508, 509, 566, 567, 579,
584, 585, 594, 595, 598–600,
604, 626–628, 632, 633, 664,
665, 670, 671, 690, 733, 736,
738, 740, 745, 749, 750, 756,

758, 768, 770–775, 778–786, 793,
798, 807, 810, 811, 819, 827–830,
833–838, 841, 845, 847, 873–876,
883–889, 899, 903, 907, 920,
950, 953–955, 958, 971, 1005,
1010, 1011, 1026

Соловьев И.Г. I: 58, 59, 118, 119,
130, 218, 345, 419, 420, 434

Соловьев С.М. I: 278, 280
 Соловьев Т.П. II: 919, 921
 Сопегина Е. II: 935, 936
 Сорокин Б. — *см.* Sorokin B.
 София Алексеевна (царевна) I: 443
 Спенсер Г. (Spencer H.)* I: 24, 25,
 244, 245 II: 564, 565, 830,
 861-863
 Спиноза Б. I: 154, 156, 232
 II: 756, 913, 943
 Срезневский И.И. I: 160, 162, 319,
 320
 Станкевич А.В. I: 438
 Станкевич Н.В. I: 438
 Стасов А.В. II: 511
 Стасов В.В. (Stasov V.V.)* I: 203,
 204, 270, 271, 295, 311, 314,
 319, 329, 335, 336, 351, 395,
 397, 403, 404, 414-419, 442-445,
 448, 452, 464, 466 II: 494-497,
 502, 511, 512, 536, 550, 551,
 558-560, 585, 614, 622, 623,
 640, 664, 665, 752, 758, 761-763,
 848, 929, 930, 937, 938, 966,
 967, 1023, 1026, 1028
 Стасов Д.В. II: 511, 512
 Стасов Н.В. II: 551
 Стасовы (семья) II: 511, 512
 Стасюлевич М.М. (Stasjulevich M.M.)*
 I: 105, 189, 191, 351, 437, 462,
 469-473, 476, 478, 487 II: 489,
 510, 513, 517, 536, 579, 651,
 705, 760, 768, 770, 773
 Стахеев (сын Д.И. Стахеева) II: 874
 Стахеев Д.И. (Stakheev D.I.)* I: 187,
 202, 203, 286, 388, 473 II: 490,
 531, 605, 701, 737, 866, 872,
 874, 877, 948, 950
 Стахеева Л.К. II: 605, 866, 868,
 877, 879
 Стахеевы (семья) I: 382, 388
 II: 603, 613
 Стахович А.А. II: 728-730, 828,
 831
 Стаховичи (семья) II: 835
 Стебницкий М. (*псевд.*) — *см.*
 Лесков Н.С.
 Стелловский Ф.Т. I: 10, 12
 Степанова Г.В. I: 315

Степняк-Кравчинский С.М. I: 438,
 459 II: 600
 Столпянский Н.П. I: 179, 180
 Страус Д. — *см.* Штраус Д.
 Страхов Н.Н. (харьковский) II: 944
 Страхов Н.П. — *см.* Strakhov N.P.
 Строганова Т. I: 443
 Стромилова (жена В.Н. Горчакова)
 II: 492
 Стэд В. (Stead W.) II: 786, 787, 792
 Суворин А.С. I: 131, 253, 262,
 436, 437, 442 II: 490, 497, 587,
 588, 711, 867, 868, 1026, 1027
 Суворина А.И. I: 129, 131
 Суворов А.В. I: 8 II: 493
 Суслова А.П. I: 266
 Суханов Н.Е. II: 629, 630
 Сухово-Кобылин А.В. I: 155
 Сухотин С.М. I: 411
 Сушкин — *см.* Макарий о. (Сушкин)
 Сытин И.Д. II: 686, 687
 Сютаев В.К. II: 618, 619

Т

Табачков (солдат) II: 531
 Танеев С.И. II: 1014, 1015, 1021,
 1022
 Таннери Ж. (Tannery J.) I: 314
 Таннери П. (Tannery P.) I: 313, 314
 Тергукасов А.А. I: 368, 370
 Тиблен Н. I: 242
 Тимирязев К.А. II: 737, 739, 743,
 745, 757-759, 762-765, 784, 785,
 789, 793-798, 804-807, 810-813,
 821, 931, 964
 Тимрот Е.А. I: 46, 47
 Тихонравов Н.С. I: 418
 Тишендорф Л. (Tischendorf L.)
 II: 571, 572, 577, 579, 660, 661,
 705
 Ткачев П.Н. (*псевд.*: Никитин П.)
 I: 437, 438
 Тобиас К. (Tobias K.) I: 317
 Толстая А.А. (Tolstaja A.A.)* I: 59,
 415, 416 II: 493, 495, 626, 728,
 810-816, 820, 821, 841, 867,
 868, 869, 873, 945, 946, 949
 Толстая А.Л. II: 672, 883, 884
 Толстая В.В. I: 197

- Толстая Е.В. I: 47
Толстая М.К. — *см.* Рачинская М.К.
Толстая М.Л. II: 491, 640,
882-885, 901, 902, 914, 937,
938, 951, 952, 969, 992, 995,
998, 1009, 1018, 1020
Толстая М.Н. (сестра Л.Н. Толстого)
I: 357, 482 II: 493, 1021
Толстая (*ур.* Волконская) («Волкон-
ская») М.Н. I: 482
Толстая С.А. (*ур.* Бахметьева) I: 325,
326 II: 584, 585, 600, 601
Толстая С.А. (Tolstaja S.A.)* (*ур.*
Берс) I: 11, 44, 48, 99, 117,
124, 173, 196, 197, 218, 275,
297, 301-308, 326, 337, 357,
362, 379-381, 386-388, 401, 411,
427, 434, 456, 463, 465, 469,
476, 477, 480, 481, 484-487
II: 491, 493, 505, 514-517, 549,
550, 562, 566, 568, 571, 573,
593, 596, 599, 601, 617, 622,
637, 640, 641, 650, 651, 665,
666, 672, 678, 679, 686-689,
692, 702, 710-721, 730, 737,
740, 741, 745, 751, 752, 761-763,
766, 773, 785, 786, 794, 796,
806, 826, 833, 834, 844, 861-867,
883, 885, 890, 891, 916, 917,
935, 943, 946, 951, 954-957,
966, 984-992, 995, 998, 1000-
1003, 1006, 1007, 1010, 1016,
1022, 1026, 1027
Толстая Т.Л. I: ii, 20, 183, 184,
197, 389, 390 II: 640, 641,
799-803, 815, 838, 839, 882-885,
914, 946, 949-952, 959, 966, 969,
974, 1001, 1008, 1022, 1026
Толстой А.И. I: 482
Толстой А.К. I: 149, 325, 326
II: 510, 585, 601
Толстой Ал.Л. II: 618, 622, 623,
641
Толстой Анд.Л. I: 381, 386-389,
447 II: 641, 763, 790, 812, 883,
884
Толстой Д.А. I: 60, 61, 158, 192,
346, 347 II: 554, 573
Толстой Д.Н. I: 482, 483
Толстой И.А. I: 482 II: 492-495
Толстой Ив.Л. (Ваничка) II: 773,
774, 883, 884, 938, 975, 988,
989, 1000, 1001, 1016
Толстой Ил.Л. (Tolstoy Il'ja L.)*
I: 20, 197, 411, 437, 438
II: 518, 640, 641, 646, 647, 752,
883, 885
Толстой И.П. I: 482 II: 518
Толстой Л.Л. II: 572, 752, 883,
885, 914-917, 923, 924, 946, 949-
955, 966, 974, 980, 991, 992
Толстой М.Л. II: 550, 640, 641,
752, 763, 812, 883, 884, 1000,
1001, 1022
Толстой Н.В. I: 99, 282 II: 491
Толстой Н.И. I: 482, 485, 486
Толстой Н.Л. I: 197
Толстой Н.Н. I: 133, 482, 483
II: 989
Толстой П.А. I: 482 II: 518
Толстой П.Л. I: 37, 132, 133, 140
Толстой С.Л. (Tolstoy S.L.)* I: 20,
59, 85, 101, 108, 109, 133, 197,
302, 331, 349, 437, 438, 462,
473 II: 504, 518, 521, 527, 528,
588, 692, 796, 798, 806, 826,
843, 883, 885, 991, 1000-1005,
1008, 1011
Толстой С.Н. I: 99, 482, 483
II: 493, 613, 614, 924
Томасий Х. (Thomasius C.) II: 797,
799
Тор — *см.* Буренин В.П.
Тотлебен Э.И. I: 368, 369
Трегубов И.М. II: 998, 999
Трепов Ф.Ф. I: 421, 422, 459
Третьяков П.М. I: 129, 130, 403,
404, 416 II: 497, 646, 648, 848,
956
Троицкий И.Е. II: 548, 549
Троицкий М.М. I: 138, 139, 278,
280
Трубецкая Е.Д. — *см.* Волкон-
ская Е.Д.
Трубецкой С.Н. II: 824, 825, 958,
959
Тур Е. (Салиас де Турнемир Е.В.,
ур. Сухово-Кобылина) I: 155

Тургенев И.С. (Turgenev I.S.)* I: 10, 12, 149, 158, 171–173, 187, 216, 249, 260, 265, 295–298, 304–308, 314–317, 328–332, 422, 462, 464, 467–470, 473, 475, 479 II: 502, 504, 507, 553, 554, 570, 572, 591, 649–655, 660, 661, 675, 691–693, 705, 758, 762, 927, 928

Тургенев Н.С. II: 570

Турчанинов А.Н. II: 533

Тютчев Ф.И. I: 14–16, 157, 158, 437, 460

Тютчева А.Ф. — см. Аксакова А.Ф.

Тютчева Е.Ф. I: 157, 158

Тэн И. (Taine H.) I: 16, 209, 210, 464 II: 691, 692, 916, 917, 954, 965

У

Уайт А. (White A.) II: 949

Уваров А.С. I: 391 II: 499

Уваров Д.П. II: 492, 493

Уварова Е.В. — см. Горчакова Е.В.

Уильямс Х. (Williams H.) II: 878

Уоллес А. (Wallace A.) I: 279, 280 II: 830

Урусов Л.Д. II: 502, 504, 600–604, 616, 679, 684

Урусов С.Н. II: 533

Урусов С.С. (Urusov S.S.)* II: 945

Урусова В.Д. II: 686, 687, 702

Урусова С.С. I: 24, 90

Усов С.А. I: 106, 109 II: 719, 720

Устрялов Н.Г. I: 442

Ухтомский Э.Э. II: 938, 939, 940, 1003

Ушинский К.Д. I: 160, 162, 272, 273 II: 950

Уэвель В. (Whewell W.) I: 247, 248 II: 519, 520

Ф

Фадеев Р.А. I: 279, 281, 366

Фаминцын А.С. II: 784–789

Фаррар Ф. (Farrar F.) II: 839, 840, 843

Федоров Д.Ф. I: 10, 12

Федоров М.П. II: 710, 711

Федоров Н.Ф. II: 617, 618, 627, 628, 633, 646, 647, 751, 752, 1021

Фейербах Л. (Feuerbach L.) II: 984

Фенелон Ф. (Fenelon F.)

II: 867–869, 872

Фену Н.О. I: 434, 435, 436, 442

Феокистов Е.М. II: 898, 900

Феокистова С.А. II: 980

Ферриер Дж. (Ferrier J.) I: 328, 330

Фет А.А. (Fet A.A.)* (*наст. фам.*:

Шеншин) I: 16, 44, 73, 74, 130, 133, 222, 275–277, 291, 292, 302, 343, 349, 350, 353, 356, 359–362, 383–386, 389, 392, 398, 401, 437, 442, 447, 450, 453, 456, 467, 468, 479, 487 II: 489–496, 516, 518, 522–529, 536, 557, 559, 565, 574, 575, 579, 582, 585–589, 604, 614, 626, 627, 632, 644–648, 665–668, 684, 685, 701, 702, 708, 713, 718, 719, 725, 733, 736, 748, 750, 762, 784–789, 792, 823–827, 849, 859, 860, 880, 883–885, 915–921, 933, 935, 941, 948, 949, 952–954, 959, 960, 1020

Фет-Шеншина (*ур.* Боткина) М.П.

I: 302 II: 490, 644, 826, 920, 942, 946–952, 959

Фигнер В.Н. I: 438

Филёвский И.И. II: 907, 908

Филиппов Т.И. I: 25, 296

II: 508, 919

Филон Александрийский (Иудей)

II: 589–592, 602

Филоsofoва Н.Н. II: 888

Филоsoфовы (семья) II: 887

Фихте И. (Fichte J.) I: 232, 239, 256, 328, 330 II: 564, 565, 742, 753, 756, 758, 867, 942–944

Фишер К. (Fischer K.) I: 328, 330

II: 756, 758, 933–937

Фишер Ф. (Vischer F.) II: 859, 860

Флексер Х.Л. — см. Вольтинский А.Л.

Флобер Г. (Flaubert G.) I: 246, 248, 330, 331, 332, 464

Фома Кемпийский (Thomas a Kempis, Хемеркен/Хемерлейн Т., Hæmerken /Hæmerlein Т., лат.: Маллеолус Т. Malleolus Т.) II: 797

Фортунато С.В. II: 511

Фрауэнштедт Х. (Frauenstädt С.) I: 190, 192

Фрауэнштедт Ю. (Frauenstädt J.) II: 862, 902

Фрей В. (псевд.) — см. Гейнс В.К.

Фроленко А.Д. II: 629

Фрост Дж. (Frost G.) II: 831

Фуко М. (Foucaux М.) II: 717

Фукс Е.М. — см. Кузминская Е.М.

Фукс Э.Я. II: 600

Фурье Ш. (Fourier Ch.) I: 7

Х

Х.Х. (псевд.) — см. Энгельгарт М.А.

Халтурин С.Н. II: 928

Хельчицкий П. (Chelicky P.)

II: 735, 788–790, 833, 834

Хемеркен/Хемерлейн Т. — см.

Фома Кемпийский

Хирт Г. (Hirt Н.) II: 862

Хирьяков А.М. (Khir'jakov А.М.)* II: 919, 921

Хирьяков М.Н. II: 919, 921

Хирьякова Е.Д. — см. Khir'jakova Е.Д.

Хитрово С.П. I: 325, 326

Хованский А.И. (князь) I: 442

Хомяков А.С. I: 98, 99, 100, 386

Хомяков Д.А. I: 386 II: 534

Храповицкий А.П. — см. Антоний о.

Хрисанф о. (Ретивцев В.Н.) I: 383, 384

Христос Иисус (Christ Jesus)* I: 2, 5, 379, 380, 397, 399, 406, 414, 429, 430, 433, 436 II: 546, 597, 634, 639, 670, 674, 691, 701, 716, 778, 799, 816, 839, 885, 886, 913, 935, 939, 969

Хрущов И.П. II: 626

Хэпгуд И. (Hapgood I.) II: 775, 776

Ц

Цейдлер П.М. I: 160, 162, 369

Целлер Э. (Zeller E.) I: 98–100

Цёллнер И. (Zöllner J.) I: 316, 317
Цертелев Д.Н. I: 325, 326, 421, 422, 426 II: 508, 538, 751, 824, 825, 828, 835

Цертелева Е.А. — см.

Лавровская Е.А.

Цингер В.Я. I: 361–365

Цион И.Ф. I: 186, 187

Цицерон (Чичеро) I: 464

Ч

Чаев Н.А. I: 247, 248, 278, 280

Чайковский М.И. II: 937, 938

Чайковский Н.В. I: 390, 412

Чайковский П.И. I: 422 II: 937, 938

Чалмерс Дж. (Чьалмерс Й.)

II: 938–940

Черкасский В.А. I: 349, 350

Чернова А.М. — см. Калмыкова А.М.

Черноглазов В.Г. II: 533

Чернышевский Н.Г. I: 438 II: 606, 607, 608

Черняев М.Г. I: 281, 349

Чертков В.Г. (Chertkov V.G.)* II: 679, 687, 695, 703, 725, 728, 730, 919, 921, 951, 952, 957, 959, 962, 966, 975, 980, 995, 1001, 1014, 1022, 1028

Черткова А.К. (ур. Дитерихс) II: 703, 951, 952

Чертковы (семья) II: 952

Чехов А.П. II: 919, 922

Чингис-Хан II: 825

Чичерин Б.Н. I: 389, 390

Ш

Шапиро К.А. II: 507, 510, 517

Шарапов С.Ф. II: 767

Шаслер М. (Schasler M.) II: 858, 859

Шатилов И.Н. I: 164, 165

Шаховская В.М. — см. Каткова В.М.

Шаховский Л.В. I: 467, 468

Шекспир В. (Shakespeare W.) I: 162, 288, 325, 335 II: 729, 730, 1028

Шелгунов Н.В. I: 438 II: 830, 832

Шеллинг Ф. (Schelling F.) I: 232, 239, 256, 382, 383, 394, 396
II: 724, 742, 753, 756
Шенрок В.И. II: 757, 758
Шеншин А.А. — *см.* Фет А.А.
Шеншин П.А. I: 277, 282
Шеншина М.П. — *см.* Фет-Шеншина М.П.
Шереметьевский В.П. II: 1005, 1010
Шерр И. (Scherr J.) I: 3
Шестаков И.А. I: 346, 347, 363, 366, 374–376 II: 531
Шестакова (вдова И.А. Шестакова) II: 531, 587
Шеффлер И. (Scheffler J.) — *см.* Ангел Силезский
Шидловский Б.В. I: 467, 468
Шишкин И.И. I: 414, 415
II: 868
Шлоссер Ф. (Schlosser F.) II: 830, 832
Шмидт М.А. II: 957, 959
Шопенгауэр А. (Schopenhauer A.)*
I: 4, 15, 16, 23, 24, 92–94, 99, 100, 112, 189–192, 232, 233, 240, 256, 257, 263, 326, 368, 382, 386, 387, 394, 419, 446
II: 519, 525, 529, 543, 564, 565, 571, 579, 582, 584, 588–590, 678, 698, 753, 754–758, 789, 823, 861, 862, 867, 899, 902, 917, 929, 932–935, 963, 986
Шпажинский И.В. II: 532
Шпенер Ф. (Spener F.) II: 797, 799
Шперк Ф.Э. II: 1026, 1027
Штакеншнейдер А.А. I: 314
II: 539
Штакеншнейдер А.И. II: 539
Штакеншнейдер Е.А. (Shtakenschneider E.A.)* I: 314 II: 539
Штакеншнейдеры (семья) I: 313
II: 538, 539
Штейн В. (Stein W.) II: 755
Штёкер А. (Stöcker A.) II: 673–675
Штелин Я.Я. I: 443, 445
Штеммер А.И. — *см.* Майкова А.И.
Штендеман Г.Ф. II: 499, 500, 511
Штраус Д. (Strauss D.) I: 3, 379–385

Шувалов П.А. (граф) I: 95
Шувалова (графиня) II: 728
Шульгин Н.И. I: 156

Щ

Щеглов И. (*псевд.*) — *см.* Леонтьев И.Л.
Щеголев П.Е. II: 1028, 1029
Щеголенков (Щеголенок) В.П.
II: 536, 550, 551
Щепкин М.С. II: 491
Щербакова М.И. (Shcherbakova M.I.)*
I: 487 II: 928
Щербальский П.К. I: 443 II: 647, 648
Щербатов М.М. (князь) I: 443, 445

Э

Эверлинг С.Н. I: 418
Эзоп (Æsop)* I: 43, 55, 71–74
Экхарт И. (Eckhart J.) II: 756, 758
Элпидин М. (Elpidine M.) II: 695, 900, 924
Эмерсон Р. (Emerson R.) I: 370
II: 686–689, 692, 701
Энгельгардт Ал-р Н. I: 479
II: 695
Энгельгардт Анна Н. I: 478, 479
Энгельгардт М.А. (Ëngel'gart M.A.)*
(*псевд.*: Х.Х.) II: 693, 695
Энгельс Ф. (Engels F.) I: 145
Эпиктет (Epictetus) II: 638, 639, 796
Эрдели И.Е. II: 1015
Эрдели (*ур.* Кузминская) М.А.
II: 841, 842, 849, 851, 891, 895, 896, 1013, 1015

Ю

Юзов (*псевд.*) — *см.* Каблиц И.И.
Юм Д. (Hume D.) I: 191, 244–250
II: 753, 755
Юргенсон П. II: 826
Юрьев С.А. I: 17, 39 II: 489–491, 502, 531, 532, 594, 603, 622, 623, 627, 632, 633, 641, 650, 651, 784–786
Юшкова П.И. I: 99, 482

Я

Ягн Н.Н. I: 61

Ягужинский П.И. II: 513

Языков Н.М. II: 754, 755

Якушкин И.Д. I: 452

Янсон Ю.Э. I: 364-366

Ярошенко Н.А. I: 414, 415

Ясинский И.И. II: 654

Яшин (изобретатель) II: 622, 623

INDEX OF NAMES IN THE LATIN ALPHABET

N.B. A given name will not necessarily occur on every page replaced by a dash.

*The pages indicated below are mostly from the introductory essay in English.**An asterisk (*) indicates names which appear not only in the Introduction but also in the letters and/or annotations (see Cyrillic index above).*

A

Æsop (Эзон)* I: xl

Aksakov I.S. (Аксаков И.С.)*

I: xxxv, xxxvi, xlv, l

Aksakova A.F. (Аксакова А.Ф.)*

I: xxxvi

Alembert J. d' — see д'Алембер Ж.

Alfieri V. — see Алфьери В.

Amelie — see Амели

Arnold G. — see Арнольд Г.

Arouet F. — see Аруэ Ф.

Averkiv D.V. (Аверкиев Д.В.)*

I: xxxv

B

Baader F. von — see Баадер Ф. фон

Bacon F. — see Бэкон Ф.

Bacon R. — see Бэкон Р.

Baedeker K. — see Бедекер К.

Baer K. von — see Бэр К. фон

Bain A. — see Бэн А.

Ballou A. — see Баллу А.

Balzac H. de — see Бальзак О.

Barthe A. — see Барт А.

Bazard S. — see Базар С.

Beal S. — see Бил С.

Beethoven L. — see

Бетховен Л. фон

Belinskij V.G. (Белинский В.Г.)*

I: xxiv

Bergaigne A. — see Бергенъ А.

Bernard C. — see Бернар К.

Birjukov P.I. (Бирюков П.И.)*

I: xxviii, xxix

Bismarck O. von — see

Бисмарк О. фон

Björnson B. — see Бьёрнсон Б.

Boborykin P.D. (Боборыкин П.Д.)*

I: xxxvi

Bossuet J. — see Боссюэ Ж.

Boulanger P. — see Буланже П.

Bourignon A. — see Буриньон А.

Bruno G. — see Бруно Дж.

Büchner L. — see Бюхнер Л.

Buckle H. — see Бокль Г.

Bulwer-Litton E. — see

Бульвер-Литтон Э.

Bunge G. von — see Бунге Г. фон

Burnouf Émile — see Бюрнуф Эмиль

Burnouf Eugène — see Бюрнуф Эжен

Burns E. — see Бернс Э.

Bursov B. (Бурсов Б.) I: xvi, xix

C

Carlyle T. — see Карлейл Т.

Carnot F. — see Карно Ф.

Caserio J. — see Касерио И.

Catullus — see Катулл

Chalmers J. — see Чалмерс Дж.

Chelcicki P. — see Хельчицкий П.

Chernyshevskij N.G.

(Чернышевский Н.Г.)* I: xiii

Chertkov V.G. (Чертков В.Г.)*

I: xxviii, xxxvi

Christ Jesus (Христос Иисус)*

I: xx, xxi, xlv, xlv

Christian R. I: xx, xxviii

Cicero — see Цицерон

Columbus C. — *see* Колумб Х.
 Compté A. — *see* Конт О.
 Confucius — *see* Конфуций
 Constant A. — *see* Констан А.
 Copernicus N. (Коперник Н.)*

I: xxxix

Cournot A. — *see* Курно А.

D

Danilevskaja O.A. (Данилевская О.А.)*

I: xxxvi

Danilevskij N.Ja. (Данилевский Н.Я.)*

I: xiii, xv, xxx, xxxviii, xlix–lxii

Darmsteter J. — *see* Дармстетер Дж.

Darwin Ch. (Дарвин Ч.)* I: xix, xxx

Darwin E. — *see* Дарвин Э.

Daudet A. — *see* Доде А.

Descartes R. — *see* Декарт Р.

Dickens Ch. — *see* Диккенс Ч.

Diderot D. — *see* Дидро Д.

Dillon E. — *see* Диллон Э.

Dolinin A.S. (Долинин А.С.) I: xv, xix

Donskov A.A. (Донсков А.А.)*

I: xviii, xxix, xxxvi. lvii

Dostoevsky F.M. (Достоевский Ф.М.)*

I: xiii–xix, xxii, xxvi, xxx, xxxv,
 xlviii, l, lix

Draper J. — *see* Дрепер Дж.

Dubois-Reymond E. — *see*

Дюбуа-Реймон Э.

Dühring E. — *see* Дюринг Е.

Dumas A., fils — *see* Дюма А., сын

Dupin A. — *see* Санд Ж.

E

Eckhart J. — *see* Экгарт Й.

Elpidine M. — *see* Элпидин М.

Emerson R. — *see* Эмерсон Р.

Enfantin B. — *see* Анфантен В.

Engel'gart M.A. (*pseud.* Kh.Kh.)

(Энгельгардт М.А.)* I: xl

Engels F. — *see* Энгельс Ф.

Epictetus — *see* Эпиктет

F

Farrar F. — *see* Фаррар Ф.

Fenelon F. — *see* Фенелон Ф.

Ferrier J. — *see* Ферриер Дж.

Fet (*real name*: Shenshin) A.A.

(Фет А.А.)*

I: xiii, xxviii, xxx, xxxv, xxxvi, l

Feuerbach L. — *see* Фейербах Л.

Fichte J. — *see* Фихте И.

Fischer K. — *see* Фишер К.

Flaubert G. — *see* Флобер Г.

Foucaux M. — *see* Фуко М.

Fourier Ch. — *see* Фурье Ш.

Frauenstädt C. — *see* Фрауэнштедт Х.

Frauenstädt J. — *see* Фрауэнштедт Ю.

Frost G. — *see* Фрост Дж.

G

Gauss K. — *see* Гаусс К.

George H. — *see* Джордж Г.

Gerstein L. I: xvi

Gervinus G. — *see* Гервинус Г.

Gichtel J. — *see* Гихтель И.

Gieroglifov A.S. (Гиероглифов А.С.)*

I: xxxiv

Gieseler J. — *see* Гизелер И.

Gizycki G. von — *see*

Гижицкий Г. фон

Goethe J. von — *see* Гёте И. фон

Gogol' N.V. (Гоголь Н.В.)*

I: xiii, xvi, xx

Golokhvastov P.D. (Голохвастов
 П.Д.)* I: xxxvi

Gordon P. — *see* Гордон П.

Gotzsche J. — *see* Готше И.

Griesbach J. — *see* Гризбах И.

Grigor'ev A.A.

I: xiii, xv, xix, xxiii–xxv, xxx

Gromeka M.S. (Громека М.С.)*

I: xxxvi

Gromova (Opul'skaja) L.D.

(Громова Л.Д.)* I: xxxv, xxxvi

Grot K.Ja. (Грот К.Я.) I: xv

Grot N.Ja. (Грот Н.Я.)* I: xv

Gubernatis A. de — *see*

Губернатис А. де

Gural'nik U. (Гуральник У.) I: xvi

Gusev N.N. (Гусев Н.Н.)*

I: xxix, xxxi

Guyon (Guion) J. — *see* Гион Ж.

Н

Næmerken (Næmerlein) T. — *see*

Фома Кемпиский

Hamilton W. — *see* Гамильтон У.

Hansen P. — *see* Ганзен П.Г.

Hargood I. — *see* Хэпгуд И.

Hartman E. — *see* Гартман Е.

Hausrath A. — *see* Гаузрат А.

Hegel F. (Гегель Ф.)* I: xxi

Heine H. — *see* Гейне Г.

Helmholtz H. von — *see*

Гельмгольц Г. фон

Herodotus — *see* Геродот

Hirt H. — *see* Хирт Г.

Hoffman E. — *see* Гоффман Э.

Holzapfel E. — *see* Гольцапфель Э.

Hugo V. — *see* Гюго В.

Hume D. — *see* Юм Д.

Huxley T. — *see* Гексли Т.

I

Ibsen H. — *see* Ибсен Х.

J

Janet P. — *see* Жанэ П.

Joly M. — *see* Жоли М.

Julien S. — *see* Жульен С.

К

Kant I. (Кант И.)* I: xxi

Karamzin N.M. (Карамзин Н.М.)*

I: xxx

Karl der Große — *see* Карл Великий

Katerina Ivanovna (Катерина Ивановна) (Strakhov's aunt) I: lvii

Kenan G. — *see* Кеннан Дж.

Kenworthy J. — *see* Кенворти Дж.

Kh.Kh. — *see* Engel'gart M.A.

Khir'jakov A.M. (Хирьяков А.М.)*

I: xxviii

Khir'jakova E.D. (Хирьякова Е.Д.)

I: xxviii

Kierkegaard S. — *see* Кьеркегор С.

Kim R. — *see* Ким Р.

Kingsley Ch. — *see* Кингслей Ч.

Köppen F. — *see* Кёппен Ф.

Kranikhfel'd V. (Кранихфельд В.)

I: xvi, xix, xxxvi

Kries F. — *see* Криз Ф.

Kugler F. — *see* Куглер Ф.

Kuzminskaja T.A. (Кузминская Т.А.)*

I: xxxvi

L

Lacroix P. — *see* Лакруа П.

Lammenais G. — *see* Ламене Г.

Lange F. — *see* Ланге Ф.

Lao-Tsea, Lao-Tseu — *see* Лао-Цзы

Lazurskij V.F. (Лазурский В.Ф.)*

I: xvi, xix

Lefort F. — *see* Лефорт Ф.

Leibniz G. — *see* Лейбниц Г.

Leighton R. — *see* Лейтон Р.

Leont'ev K.N. (Леонтьев К.Н.)*

I: xxxvi

Lévi E. — *see* Леви Э.

Lewis G. — *see* Льюис Г.

Liard L. — *see* Лиард Л.

Lichtenberg G. — *see* Лихтенберг Г.

Linney K. — *see* Линней К.

Lipenskaja N.I. (Липенская Н.И.)

I: xxxvi

Litttré É. — *see* Литтре Э.

Locke J. — *see* Локк Дж.

Lope de Vega F. Carpio — *see*

Лопе де Вега Ф. Карпио

Loti P. — *see* Лоти П.

Lotze G. — *see* Лотце Г.

M

Machiavelli N. — *see* Макиавелли Н.

Mahomet (Mohammed) — *see* Магомет

Majkov A.N. (Майков А.Н.)* I: xv

Malleolus T. — *see* Фома Кемпийский

Manacéine M. de — *see*

Манасеина М.М.

Masaryk T. — *see* Масарик Т.

Matchenko I.P. (Матченко И.П.)*

I: lvii

Maupassant G. de — *see*

Мопассан Г. де

Maupertuis P. — *see* Мопертьюи П.

McCarthy — *see* Макарти

Meadows T. — *see* Медоуз Т.
 Mendelssohn H. — *see* Мендельсон Г.
 Metenier O. — *see* Метенье О.
 Michelet J. — *see* Мишле Ж.
 Mickiewicz A. — *see* Мицкевич А.
 Mikulich V. — *see*

Veselitskaja-Bozhidarovich L.I.
 Mill J. — *see* Милль Дж.
 Miller O.F. (Миллер О.Ф.)* I: xxxvi
 Modzalevskij B. (Модзалевский Б.)

I: xxix, xxxiv
 Molinari G. de — *see* Молинари Г. де
 Montaigne M. de — *see*

Монтень М. де
 Montalembert Ch. — *see*
 Монталамбер Ш.
 More T. — *see* Мор Т.
 Morrier R. — *see* Морриер Р.
 Müller M. — *see* Мюллер М.
 Munk S. — *see* Мунк С.
 Muratova K.D. (Муратова К.Д.) I: xv
 Musset A. — *see* Мюссе А.

N

Neander A. — *see* Неандер А.
 Nekrasov N.A. (Некрасов Н.А.)*
 I: xv, xxxvii
 Newton I. — *see* Ньютон И.
 Nicole P. — *see* Николь П.
 Nikiforova T.G. (Никифорова Т.Г.)*
 I: xxxv
 Nikol'skij B.V. (Никольский Б.В.)*
 I: xv, xvii, xxi, lvii, lxi

O

Olearius A. — *see* Олеариус А.
 Opul'skaja L.D. — *see* Gromova L.D.
 Orsini F. — *see* Орсини Ф.
 Orwin D. I: xvi
 O'Shea K. — *see* О'Ше К.
 O'Shea W. — *see* О'Ше В.
 Ostrovskij A.N. (Островский А.Н.)*
 I: xiii, xx, xli

P

Page's É. — *see* Пажес Э.

Paine T. — *see* Пейн Т.
 Parker Th. — *see* Паркер Т.
 Parnell Ch. — *see* Парнелл Ч.
 Pascal B. — *see* Паскаль Б.
 Patti C. — *see* Патти К.
 Pauthier G. — *see* Потье Г.
 Petrovskij A. (Петровский А.) I: xxix
 Pksanov N.K. (Пиксанов Н.К.) I: xv
 Pisemskij A.F. (Писемский А.Ф.)*

I: xlix
 Plato (Платон)* I: 1
 Pleier — *see* Плейер
 Poirer P. — *see* Пуарэ П.
 Polonskij Ja.P. (Полонский Я.П.)*

I: xxxvi
 Pressensé E. — *see* Пресансе Э.
 Proudhon P. — *see* Прудон П.
 Prutkov K. (Прутков К.) I: xviii
 Pushkin A.S. (Пушкин А.С.)*
 I: xvi, xxi-xxiv, xxx, xxxvi

R

Radlov È.L. (Радлов Э.Л.)
 I: xv, xxxvi
 Reid T. — *see* Рид Т.
 Renan E. (Ренан Э.)* I: xxx
 Reuss E. — *see* Рейс Э.
 Rey J. — *see* Рей Ж.
 Ribot T. — *see* Рибо Т.
 Riemann G. — *see* Риман Г.
 Rosenkranz J. — *see* Розенкранц И.
 Rossi E. — *see* Росси Э.
 Röttger E. — *see* Рёттгер Э.
 Rousseau J.-J. (Руссо Ж.-Ж.)*
 I: xlviii

Rozanov V.V. (Розанов В.В.)*
 I: xiii, xv, xxx, xlviii
 Rückert F. — *see* Рюккерт Ф.

S

St-Hilaire J. — *see* Сент-Илер Ж.
 St-Simon C. — *see* Сен-Симон К.
 St-Thomas P. — *see* Сен-Томас П.
 Samarin Ju.F. (Самарин Ю.Ф.)*
 I: xxviii

Sand G. — *see* Санд Ж.
 Sarcé F. — *see* Сарсе Ф.

Savchenko M.I. (Савченко М.И.)

I: lvii

Savonarola G. — *see* Савонарола Дж.

Schasler M. — *see* Шаслер М.

Scheffler J. — *see* Ангел Силезский

Schelling F. — *see* Шеллинг Ф.

Scherr J. — *see* Шерр И.

Schlosser F. — *see* Шлоссер Ф.

Schopenhauer A. (Шопенгауэр А.)*

I: xxi

Scott W. — *see* Скотт В.

Semiradzki H. — *see*

Семирадский Г.И.

Sergeenko P.A. (Сергеенко П.А.)*

I: xv, xxix

Shakespeare W. — *see* Шекспир В.

Shcherbakova M.I. (Щербакова М.И.)*

I: xxi, lvii

Shenshin A.A. — *see* Fet A.A.

Shtakenschnejder E.A.

(Штакеншнейдер Е.А.)* I: xxxvi

Skatov N. (Скатов Н.) I: xvi, xix

Skivskij I. (Скивский И.) I: xxxvi

Smith H. — *see* Смит Х.

Solov'ev V.S. (Соловьев В.С.)*

I: xiii, xv, xxi, xxx

Sorokin B. (Сорокин Б.)

I: xvi, xix, xx

Spencer H. (Спенсер Г.)* I: xxx

Spener F. — *see* Шпенер Ф.

Stakheev D.I. (Стахеев Д.И.)* I: lxi

Stasjulevich M.M. (Стасюлевич М.М.)*

I: xxxv

Stasov V.V. (Стасов В.В.)* I: xxxviii

Stead W. — *see* Стэд В.

Stein W. — *see* Штейн В.

Stöcker A. — *see* Штёкер А.

Strakhov N.P. (Страхов Н.П.) I: lvii

Strauss D. — *see* Штраус Д.

Swedenborg E. — *see* Сведенборг Э.

Swift J. — *see* Свифт Дж.

Т

Taine H. — *see* Тэн И.

Tannery J. — *see* Таннери Ж.

Tannery P. — *see* Таннери П.

Thomas a Kempis — *see*

Фома Кемпийский

Thomasius C. — *see* Томасий Х.

Tischendorf L. — *see* Тишендорф Л.

Tobias K. — *see* Тобиас К.

Tolstaja A.A. (Толстая А.А.)*

I: xv, xxxvi

Tolstaja S.A. (Толстая С.А.)*

I: xiii, xviii, xx, xxix, xxxvi

Tolstoy Il'ya L. (Толстой И.Л.)*

I: xvii

Tolstoy S.L. (Толстой С.Л.)* I: xxi

Turgenev I.S. (Тургенев И.С.)*

I: xvi, xxii, xxvi, xxxv, I

Turner C. I: xvi, xlv

У

Urusov S.S. (Урусов С.С.)* I: xv

В

Vacherot E. — *see* Вашро Э.

Valbort G. — *see* Вальбор Г.

Vergilius M. — *see* Вергилий М.

Verne J. — *see* Верн Ж.

Veselitskaja-Bozhidarovich L.I.

(Веселитская-Божидарович Л.И.)*

(*pseud.* Mikulich V.) I: xxxvi

Viaud L. (*pseud.*) — *see* Лоти П.

Vischer F. — *see* Фишер Ф.

Vogué E. — *see* Вогюз Е.

Voltaire (*pseud.*) — *see* Аруэ Ф.

Vox (*pseud.*) — *see*

Говоруха-Отрок Ю.Н.

Vyshnegradskaja A.A.

(Вышнеградская А.А.) I: xxxvi

Vyshnegradskie

(Вышнеградские)* (family) I: lxi

Vyshnegradskij I.A.

(Вышнеградский И.А.)* I: xxxvi

Vyshnegradskij Pavel A. (Вышнеград-

ский Павел А.) I: xxxvi

Vyshnegradskij Petr A.

(Вышнеградский Петр А.) I: xxxvi

W

Wagner R. (Вагнер Р.)* I: lxi, lxii

Wallace A. — *see* Уоллес А.

Weber G. — *see* Вебер Г.

Westerlund D. — *see* Вестерлунд Д.
 Westerlund E. — *see* Вестерлунд Э.
 Whewell W. — *see* Уэвель В.
 White A. — *see* Уайт А.
 Willers U. — *see* Виллерс У.
 Williams H. — *see* Уильямс Х.
 Willot G. — *see* Вилло Г.
 Wolff K. — *see* Вольф К.
 Woodsworth J. I: xviii, xxix

Wundt W. — *see* Вундт В.

Z

Z (*pseud.*) — *see* Буренин В.П.
 Zamenhof L. — *see* Заменгоф Л.
 Zeller E. — *see* Целлер Э.
 Zola É. — *see* Зола Э.
 Zöllner J. — *see* Цёллнер И

SRG

Slavic Research Group

at the University of Ottawa

Группа славянских исследований
при Оттавском университете

* * *

Государственный музей Л. Н. Толстого
State L.N. Tolstoy Museum, Moscow

Л. Н. Толстой / L. N. Tolstoy

Впервые публикуемая полностью переписка Л. Н. Толстого с его другом Н. Н. Страховым, много лет усердно работавшим над подготовкой ряда произведений писателя к печати, предоставляет уникальную возможность последовательного наблюдения за ходом рассуждений двух выдающихся мыслителей, ведущих серьезный диалог, в котором они затрагивают важнейшие вопросы, касающиеся религиозных, философских, социальных и литературных проблем. Публикация дополнена вступительной статьей редактора и обширными комментариями, подготовленными двумя ведущими московскими толстоведами.

Дня не проходит, чтобы не вспомнил о вас с угрызением совести. Сейчас в середине работы вспомнил и пишу два слова только, чтобы покаяться перед вами и просить не сердиться. На последнее письмо не ответил под предлогом, что не узнал адреса; но я мог писать в Публичную библиотеку. Пожалуйста, не отдаляйтесь в душе от меня. А я чувствую себя ближе к вам, чем прежде. Отзовитесь словечком.

Л. Н. Толстой (из письма к Н. Н. Страхову, 27 ноября 1884 г.)

Из того, что вы пишете, мне хочется ответить на то, что вы пишете о трудности примирения стремления к вечному с временным или даже о невозможности такого примирения, как мне кажется, что вам кажется. Что же нам делать, коли это так.

Л. Н. Толстой (из письма к Н. Н. Страхову, 23 августа 1894 г.)

Now I am surprised at how often you forget people's insurmountable needs. "Human affairs must yield to God's", you write, "in matters of everyone's personal life." Oh, without a doubt! You hold to the true path — the path of personal self-perfection, and the correctness of your steps has always excited me. But you don't realise how absorbed you are in your inner work and ask people to do what they aren't capable of taking on. The rejection of all personal will — that's what it all amounts to; but this rejection is a renunciation of life, and people can't renounce life. Life requires calm, fixed forms, it requires space for one's desires, it requires labour and rest, fun and excitement ... and that is something you know perfectly well, you have said it all in your writings.

Excerpt (in English translation) from Strakhov's letter to Tolstoy, 28 October 1894

Н. Н. Страхов (из письма к Л. Н. Толстому, 28 октября 1894 г.)